

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Алексей Алексеевич Бурькин

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

**По материалам русских документов
об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока
России XVII—XIX веков**

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2013**

ББК 81.2Рус

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

Отв. редактор доктор филол. наук С. А. Мызников

Алексей Алексеевич Бурькин. Имена собственные как исторический источник: По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII—XIX веков. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 536 с.

В настоящей книге автор обобщает исследования в области происхождения и истории географических и этнических названий Сибири и Дальнего Востока, представленные в документах первооткрывателей, записках путешественников, трудах историков, географов, этнографов и языковедов со времен первых летописных известий о Севере и Сибири до начала XXI в., уточняет или устанавливает языковую принадлежность и значение географических названий, прослеживает историю наименований народов Сибири в русских документах разных периодов, обсуждает вопрос о приоритете российских землепроходцев в открытии ряда местностей в Арктике и на Тихоокеанском побережье России, внимательно изучает ранние этнографические и географические материалы о Сибири и Дальнем Востоке в конце XVII—начале XVIII в.

Книга представляет собой опыт новейшего междисциплинарного исследования проблем языка, этнографии, географии, истории и археологии; вносит весомый вклад в методологию и методику интердисциплинарных гуманитарных исследований.

Настоящее издание продолжает многолетние научные изыскания одного из ведущих языковедов и этнографов-сибиреведов Санкт-Петербурга А. А. Бурькина, специалиста-эксперта по языкам и этнографии народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, прошедшего в изучаемых регионах 15 полевых сезонов.

Книга адресована ученым, занимающимся языками и этнографией народов Сибири, историкам Сибири, археологам-сибиреведам, специалистам по исторической географии, картографии, гидрографии, краеведам, лингвистам, специализирующимся в области ономастики.

ISBN 978-5-85803-463-6

9 785858 034636

© А. А. Бурькин, 2013

© Петербургское Востоковедение, 2013

И чертит надо мной
    зловещие круги
Полярная сова
    с глазами, словно фары...
Спецлагерь Когустах,
    прибежище пурги,
Что означает —
    место, где живут гагары.
В. Туриянский

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена проблемам изучения имен собственных — географических названий, названий народов, личных имен людей — в интердисциплинарном историко-этнографическом сегменте. Иными словами, автор в данной книге стремится вернуть ономастике, науке об именах собственных, статус исторического и этнографического источника, едва не утраченный ею в наши дни в связи с интенсивным развитием собственно лингвистической ономастики классификаторского и когнитивного направления.

Есть множество обстоятельств, которые рано или поздно должны были поставить перед исследователями вопрос о совершенствовании методологического и инструментального аппарата исследований ономастики в границах истории, в том числе источниковедения, и этнографии. Это и сама по себе длительность представлений об ономастике как историческом источнике в устойчивой статике данного тезиса в сочетании с интенсивным развитием частного языкознания, описанием лексического состава и морфологии отдельных языков, в том числе и в их сравнительно-исторической перспективе, ростом объема фактического материала, эволюцией представлений об этногенезе и этнической истории народов, делающих этническую карту расселения народов объемной и динамичной. Это и становление и эволюция новой дисциплины — этноархеологии, данные которой также привязываются к конкретной местности с ее многослойным ономастическим пространством, и проблемы конкуренции гетерогенных гипотез в интердисциплинарных исследованиях по этногенезу и этнической истории. Это и усложнение географической топонимики за счет новых материалов и источников (новые типы карт и указателей, новые виды объектов), и перманентное обогащение истории географических открытий новыми данными за счет анализа разнообразных источников. По какой-то странной неписаной традиции внутри топонимики как раздела

ономастики в тени оказывались проблемы, имеющие собственную и довольно богатую историографию, как, например, история вопроса о происхождении названий великих сибирских рек, насчитывающая более четырех столетий. Помимо сказанного, наступает время для нового комплексного анализа источников по истории открытия и освоения отдельных регионов России.

Предмет исследования в данной книге — разнообразные письменные источники по истории открытия и исследования Восточной Сибири и Дальнего Востока России, составленные на русском языке и относящиеся к XVII—XIX вв. и, частично, к началу XX в., а также описания путешествий XVIII—первых двух третей XX в., рассматриваемые в континууме, представляющем собой их многочисленные издания XIX—XX вв. и их рецепции в научных исследованиях по истории и этнографии народов Сибири и исторической географии Сибири и Дальнего Востока.

Непосредственным объектом исследования является ономастический материал — географические названия, названия народов и отдельных территориальных групп, а также, там, где это необходимо, личные имена, как и разнообразные проявления и следы сохранения языков аборигенного населения этих регионов, отраженные в документальных источниках.

Цель исследования — совершенствование методов изучения и интерпретации письменных источников и извлечение из этого материала новой исторической и этнографической информации, которая могла бы соответствовать представлениям об истории и этнографии коренного населения Сибири и Дальнего Востока, существующим в отдельных дисциплинах — этнографии, истории, исторической географии и истории географических открытий, и должна стать базой для каких-то новых утверждений и междисциплинарных построений.

Одна из главных задач предпринятой работы — выработка и апробация системного междисциплинарного подхода к анализу данных письменных источников с учетом концепций, созданных в рамках частных наук и научных дисциплин. В задачи книги входит также совершенствование методики анализа ономастического материала письменных источников, содержащих исторические, этнографические и географические сведения, с учетом специфики источников, составленных и написанных на русском языке конца XVI—XVIII в. и, соответственно, представляющих нормы языка того периода его развития; источников, демонстрирующих уровень исторических и географических знаний отечественной традиции указанного периода, отражающих сложные и быстро изменяющиеся ситуации этнических и этнокультурных контактов; документов, составленных с участием переводчиков-толмачей из числа местных жителей и тех участников походов и

экспедиций, кто в какой-то мере владел языком местного населения. В таких источниках неизбежно проявляются разнообразные формы двуязычия, но те же формы двуязычия на ранних стадиях влекут за собой не вполне адекватное восприятие и фиксацию получаемой таким путем информации, которая используется (или по каким-то причинам не используется) в дальнейших исследованиях. Не менее важной задачей, направленной на решение конкретных проблем истории, этнографии, географии и исторической перспективы данных дисциплин, является определение или верификация языковой принадлежности наряду с установлением значения топонимов, этнонимов и частично антропонимов, зафиксированных в рассматриваемых источниках.

Актуальность исследования в данной области с историко-этнографической точки зрения определяется тем, что исследование Сибири и Дальнего Востока в истории России имеет множество разных направлений. Территория, лежащая к востоку от реки Енисей и к северо-востоку от озера Байкал, — это территория рядом с Востоком, имеющая с ним древние исторические связи и в истории России значащая примерно то же, что Дикий Запад в американской истории, исследование этой территории продолжается уже более 300 лет и постоянно развивается как в плане накопления фактов, так и в плане методов и подходов. В настоящее время осознается и выступает на передний план необходимость комплексного исследования письменных и печатных источников по истории и этнографии этого обширного региона, в том числе в рамках интердисциплинарной историографии, предметом которой должны стать различия в концепциях, идеях и подходах между отдельными гуманитарными дисциплинами — историей, этнографией, географией и языкознанием (именно лингвистической ономастикой, диалектологией, классификацией языков в соотношении с этнической классификацией, сравнительно-историческим изучением языков отдельных семей). Представленный в работе подход к источникам, учитывающий историческую перспективу их исследования, публикации и использования, открывает новые возможности получения дополнительных данных для истории, исторической географии, этнографии, издания исторических источников и памятников истории науки. Не менее важным для дальнейших исследований становится также учет особенностей частных источников, например, тематики (топики) и специфики содержания записок моряков, геологов, топографов и т. д., внутриведомственный оборот имен собственных на морских картах и в сочинениях моряков, на геологических картах и в мемуарах геологов, на аэронавигационных картах и в воспоминаниях и рассказах авиаторов, особенностей источников, относящихся к XX в., и т. п.

Новизна данной работы заключается в изменении формата подхода к ономастическому материалу — фактам языка — как к интердис-

циплинарному источнику, в расширении представлений о языковой основе и значении имен собственных с учетом историко-этнографических и археологических данных, в исторической характеристике имен собственных и иных иноязычных элементов русскоязычных источников с учетом разных форм билингвизма и практики межэтнического общения на изучаемых и описываемых территориях. Новым является также уточнение языковой отнесенности имен и названий, позволяющей вскрывать ситуации этнокультурных контактов при освоении и дальнейшем изучении региона. Оригинальную разработку представляют методы истолкования исходно двуязычных и разноязычных материалов устных сообщений в документальной записи, не сохраняющих плана выражения исходного языка, но воспроизводящих его план содержания. Конкретными результатами работы, полученными с применением перечисленных методов и приемов, являются отыскание и уточнение языковой принадлежности и установление этимологии приблизительно 100 топонимов и 70 этнонимов, представленных на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке интегрирующего и стратифицирующего подхода к ономастическому пространству региона, которое аккумулирует разноязычные онимы, проявляющиеся в этом пространстве в разные исторические периоды, накапливает и сохраняет историко-этнографическую информацию об аборигенных этносах, о том синхронном срезе их культуры, который соответствует времени первых контактов с этносом и впоследствии изменяется, о характере контактов первооткрывателей и исследователей с представителями этих этносов, а также аккумулирует разноаспектные историко-культурные сведения об интердисциплинарном исследовании онимов в контексте разных гуманитарных дисциплин — географии, истории географии, региональной истории, этнографии, исторической этнографии с этнической историей как одним из ее предметов, языкознанием, топонимикой в ее лингвистической и географической ипостасях, а также краеведением как особой областью знания с ее региональными приоритетами во всех входящих в него частных дисциплинах [Ташицкий, 1961. С. 3—11]. Представляемый в работе подход к ономастическому пространству региона открывает новые возможности для интегрирования и взаимной верификации отдельных концепций и положений, сформулированных в недрах разных частных дисциплин от археологии до языкознания, дает возможность в компактной форме представлять, анализировать и излагать научную информацию, относящуюся к разным историческим дисциплинам (собственно история, этнография, география), извлекать из известных источников новые сведения, относящиеся к частным дисциплинам — этнографии и истории, а также истории географических открытий и

исследований. В индуктивном плане данный подход позволяет получать новые результаты при работе с конкретным материалом по иным регионам, с документальными источниками на других языках, в дедуктивном — предоставляет возможность совершенствования методики источниковедческих исследований, в частности, создает прецедент для разработки комплексных методов этих исследований. Такой подход, объединяющий результаты исследования региона в разных аспектах, осуществляемый представителями разных областей знания, позволяет лучше понять историографию региона, дает возможность осуществлять верификацию результатов разных частных дисциплин. Появляются предпосылки решения проблемы фиксации имен собственных в источниках, отражающих различные в хронологическом и социальном отношении динамические этнические контакты (миграции, процессы освоения отдаленных мест, итоги экспедиций и т. п.) и сам характер сложения ономастического континуума в условиях такой динамики. Одним из важных теоретических оснований работы является ареальный — в необходимых для решения конкретных задач варьируемых масштабах — подход, увеличивающий количество объектов, значимых для изучения и важных для доказательности предлагаемых построений, в отличие от единичности описания объектов с относительно произвольным толкованием, характерных для более раннего времени.

В книге также предлагаются и используются некоторые новые приемы изучения текста источников, в частности, опыты прочтения текста с учетом двуязычия информантов, специфики устного перевода расспросов и рассказов информантов, особенностей билингвизма составителей документов и языковой ситуации на отдельных территориях.

Практическая ценность монографии состоит в том, что представленные в ней результаты проведенных исследований могут быть использованы при дальнейшем изучении истории Сибири и Дальнего Востока и отдельных административных регионов, расположенных на этих территориях (Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Амурская область, Хабаровский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ, Камчатский край), а также этнографии и этнической истории коренного населения этих регионов (якуты, буряты, эвенки, эвены, нанайцы, ульчи и другие народы тунгусо-маньчжурской группы, нивхи, юкагиры, чукчи, коряки, ительмены, эскимосы), истории географических открытий на Дальнем Востоке и северо-востоке Азии, при подготовке новых изданий документов по истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока, относящихся к XVII—началу XIX в., а также при осуществлении новых изданий или переизданий сочинений русских путешественников XVIII—начала XX в. и составлении научных комментариев к таким изданиям. Автор

надеется, что данная книга будет учитываться при составлении региональных топонимических словарей и работе над топонимическими словарями России нового поколения, при чтении лекционных курсов по истории Сибири и Дальнего Востока и по этнографии народов Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также в краеведческой работе, в том числе при разработке учебных курсов регионального компонента по истории и культуре народов Сибири и Дальнего Востока.

Личный вклад автора в разрабатываемую проблематику имеет несколько составляющих: 1) полевая работа по изучению языков и этнографии народов Восточной Сибири и Дальнего Востока — эвенский язык (экспедиции в Магаданскую область — 1980—1982, 1984, 1987—1991 гг.; на Чукотку — 1984, 1988, 1990—1994 гг.; в Хабаровский край — 1987 г.), в отдельных аспектах корякский и отчасти ительменский язык (экспедиции в Магаданскую и Камчатскую области — 1978 г.), чукотский язык (экспедиции в Магаданскую область и на Чукотку, а также стационарная работа на Чукотке в 1992—1994 гг.), юкагирский язык (работа с носителями языка, а также поездка в Республику Саха (Якутию) в 1990 г.), сбор материала (лексика и ономастика) по этим языкам и изучение региональной литературы по предмету; 2) совершенствование источниковедческой базы исследований — подготовка и издание словарей по эвенскому и чукотскому языкам — учебного эвенско-русского и русско-эвенского словаря (2 издания), пособия по эвенскому языку (2 издания), составление и издание русско-чукотско-английского словаря, ставшего первым русско-чукотским словарем за последние 70 лет; 3) расширение круга источников по культуре и языкам народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России — находка и издание юкагирско-русского и эвенско-русского словарей, составленных первым юкагирским ученым Н. И. Спиридоновым, идентификация и новая публикация материала первого словаря по языкам народов Севера России — саамско-английского словаря, составленного в 1556 г. английским моряком С. Барроу (в исторической и географической литературе этот словарь более 70 лет считался словарем ненецкого языка), переработка, новый перевод и новое издание ряда текстов на языках народов Сибири, записанных в XVIII—XIX вв. и дающих ценные историко-этнографические сведения о народах изучаемого региона, а также публикации новых фольклорных материалов на этих языках; участие в доработке «Топонимического словаря Северо-Востока СССР», своеобразной историко-этнографической энциклопедии по Северу Дальнего Востока России и критический анализ данных этого словаря в дальнейших исследованиях автора; 4) рассмотрение новых публикаций историко-этнографических источников, осуществленных в 1990—2000-е гг., а также справочников и научных исследований, относящихся к проблематике вопроса; 5) конкретные

результаты этимологического исследования топонимов, этнонимов и частично антропонимов, извлекаемых из документов, и соотнесение результатов этимологического исследования с историческими событиями и этнографической реальностью.

Гипотеза и основы концепции исследования заключаются в следующем: ономастикон и иноязычная часть лексикона текстов находятся в зависимости от языка, обслуживающего составление документов, и находятся в состоянии динамической, постоянно перестраивающейся систематизации в плане формы имен собственных (топонимов, этнонимов, антропонимов) и изменяющейся во времени связи имен собственных с обозначаемыми ими реалиями. В силу действия этих процессов, связанных с развитием частных научных дисциплин и изменениями в языке документов (прежде всего в ономастиконе) и степени изученности языков, распространенных на описываемых территориях, топонимы и этнонимы могут менять объекты приложения и в ранних письменных источниках иногда имеют не те значения, какие присутствуют в ономастиконе современного русского литературного языка. Данная динамика отражается в континууме историографии проблем на разных синхронных срезах истории науки и перманентно связывается с различными частными концепциями. Наблюдаемые явления в своей совокупности формируют картину исторического и, шире, междисциплинарного гуманитарного знания о географической среде, истории ее освоения и изучения, об этническом составе и истории народов, описываемых в историко-этнографических и историко-географических сочинениях и документах, о составе и процессе формирования современной парадигмы исторических знаний, в том числе о ее отдельных элементах и этапах сложения.

Источники работы. Основные источники представленной работы — это документы XVII—XVIII вв., отражающие различные события из истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока России, и прежде всего — фиксирующие первые контакты с коренным населением и ситуацию контакта через посредство знакомого этноса, а также отражающие опосредованное знакомство первооткрывателей этих территорий — землепроходцев с географическими объектами по их названиям, с людьми из числа коренных жителей по именам и с этносами и языками при участии переводчиков-толмачей. Особенностью данного исследования является то, что оно строится на уже опубликованных документальных источниках; наиболее важные письменные источники по интересующей автора проблематике были изданы достаточно давно и многие из них многократно переиздавались, поэтому одной из задач работы является анализ именно таких документов и комментариев к ним, опыта их использования. В качестве дополнительного источника исследования в связи с изложенной выше поста-

новой задачей в работе выступают разнообразные издания документов и ранних сочинений по истории Сибири и Дальнего Востока, имеющие комментарии к издаваемым документам и выдержкам из них, цитируемым в имеющейся исследовательской литературе (опыт исследования интересующих нас документов в данном аспекте см.: [Турраев, 1995. С. 154—169]), а также указатели личных имен, наименований народов и географических названий, которые сами по себе представляют важный ресурс фактов для использования и критического осмысления. Этот материал постепенно привлекает к себе внимание в качестве регионального исторического источника [Алишина, Рахимбаев, 2010. С. 250—254].

Другая группа источников исследования — это литература по истории и исторической географии региона, посвященная этим документам и использовавшая их. Сюда входят описания путешественников XVIII—XIX вв. и известные труды по истории и географии Сибири, а также сопровождающие их документы — сочинения Г. Миллера, И. Фишера, С. П. Крашенинникова, Г. Стеллера, А. Миддендорфа, Г. Майделя, записки путешественников XIX в. Ф. П. Врангеля, Ф. П. Литке, О. Е. Коцебу и других исследователей, чьи труды лежат в основе многих исторических концепций историко-этнографических построений и, в плане языков, топонимических этимологий. Здесь актуальным оказывается становление топики научных описаний и разработка их формата, определяющая специфику и форму подачи информации, заключенной в таких источниках, так, определенные особенности имеют этнографические описания моряков, описания геологов, топографов и географов, разнообразная мемуарная литература XX в. К этим трудам органично примыкают вторичные интерпретирующие источники — научная литература по этнографии и археологии, в которой использовались и используются данные письменных документов и географические описания, приобретающие статус историко-этнографических источников (труды В. Г. Богораза, И. С. Вдовина, А. П. Окладникова, Н. Н. Дикова и др.). В отдельную группу источников может быть выделена литература по этнографии в том ее компоненте, который связан с этнонимией и, шире, с этнической ономастикой. Литература по топонимике, прежде всего словари и справочники, частично — монографии, также составляет особую группу источников настоящей работы, причем эти источники имеют свою частнодисциплинарную специфику, относящуюся как к географии, так и к лингвистической топонимике. В частности, неудобные для применения особенности топонимических словарей — это невнимание к обозрению имеющейся литературы по этимологии имен собственных и неполнота покрытия территорий существующими на сегодня словарями и исследованиями по топонимике. Полезным источником в предпринятой работе оказы-

ваются словарные картотеки, в частности картотека Словаря обиходного языка Московской Руси XVI—XVII вв. (Межкафедральный словарный кабинет филологического факультета СПбГУ) и картотека Словаря русского языка XVIII в. (Институт лингвистических исследований РАН). Достоинство картотек как источника по лексике и ономастике заключено в том, что они фиксируют материал из разных источников, в том числе из художественной литературы, что позволяет разнообразить ономастические исследования в содержательном плане и, главное, расширять кругозор исследователя. Отдельная группа источников — это географические словари России.

Третью группу источников исследования составляют картографический материал и сопровождающая его литература — справочники [Бородовский, 1904] и библиографические указатели карт [Описание старинных атласов... 1958], а также специальные исследования по картографии и отдельным картам как историческим документам, чему посвящена достаточно объемная литература [Кусов, 1989; 1993; 2003; 2007; Багров, 1917; 2004; 2005; Ловягин, 1917; Российская историческая картография... 1997; Русские карты... 1991; Рыбаков, 1974]. Карты и атласы как топонимический источник были проанализированы Е. М. Поспеловым [Поспелов, 1970. С. 91—99; 1971]; А. В. Постниковым [Постников, 1985]; К. А. Салищевым [Салищев, 1982]; Э. М. Мурзаевым [Мурзаев, 2001]. Источниковедческий подход к проблеме представлен в работе О. М. Медушевской [Медушевская, 1954. С. 95—127; 1957]. При соотнесении этих материалов с реестрами топонимов (особенно редко вовлекаемых в орбиту исследований топонимов на специальных картах: топографических, геологических, морских, аэронавигационных) у исследователей возникают определенные проблемы в лингвистической топонимике, однако при частных исследованиях отдельных топонимов карты служат хорошим средством определения времени введения топонима в картографический оборот; кроме того, именно они часто служат источником фонового топонимического материала, замкнутого в определенных хронологических рамках. Отметим одну важную особенность гидрографического комплекса карт и топонимических справочников [Справочник по истории... 1985; Аветисов, 2003; Попов С. В., 1982; 1985. С. 229—235; 1987; 1990; 1990а; Масленников, 1986] — для них характерна абсолютная надежность указаний на время фиксации названий объектов на морских картах и большая степень надежности в определении первооткрывательского приоритета. В наше время многие из интересующих нас карт Азиатской части России доступны в электронном виде (сайты www.polarpost.ru, www.drevlit.ru, www.old-maps-rus.ru и др.).

Четвертая группа источников для данной работы — это словари и грамматики по языкам народов Центральной Азии, Западной и Вос-

точной Сибири, Дальнего Востока, которые представляют собой источник сведений для установления языковой принадлежности и определения значения имен собственных, а также используются для выявления фактов, иллюстрирующих присутствие того или иного адстрата или субстрата на территории современного распространения языков, в них описываемых. К ним по жанру примыкают региональные топонимические словари и словари географических апеллятивов, представляющие собой ценный источник местной географической терминологии.

Еще одна группа источников данного исследования — это электронные ресурсы. Здесь имеются в виду различные электронные библиотеки и специализированные сайты, относящиеся к предмету исследования. Среди них необходимо назвать такие сайты, как «Восточная литература» (www.vostlit.info), «Библиотека древних рукописей» (www.drevlit.ru), «Полярная почта» (www.polarpost.ru), «Города и остроги Земли Сибирской» (URL: <http://ostrog.ucoz.ru>), разнообразные порталы и сайты, посвященные всеобщей истории, истории России и ее регионов, географии России, Сибири, Арктики, общие и специальные электронные библиотеки. Ресурсы Интернета позволяют пользоваться не только документальными источниками, но и картами XVI—начала XX в. Интернет существенно отстает от научной литературы по объему, характеру и качеству информации, однако позволяет сообщать и оперативно получать уникальные данные, отсутствующие в печатных источниках. Форумы Интернета и научно-популярные составляющие разных порталов и сайтов по-своему отражают условно-обобщенное современное состояние науки и культуры как одной из форм отношения к науке и знанию.

Поскольку в представляемой работе автор преследует две цели — во-первых, выработку и совершенствование общей методики использования имен собственных как исторического и этнографического источника, во-вторых, частные конкретные особо актуальные проблемы исследования разноязычного ономастического материала по Сибири и Дальнему Востоку России в историко-этнографическом контексте, то внимание в ней сосредоточено преимущественно на сложных, спорных, еще не нашедших решения или даже не поставленных вопросах, относящихся в равной мере к истории, этнографии, географии и современной топонимике (может быть, даже шире — к ономастике в целом) как одной из областей языкознания. Тотальное описание топонимики и этнонимики Сибири — это задача словарей, и она не может быть решена в монографии.

Методы исследования. В плане методов исследования ономастического материала предлагаемая вниманию читателей работа ориентируется на разработки по этнографической ономастике, публиковавшиеся в серии сборников ([Оронимика, 1969; Антропонимика, 1970; Этно-

нимы, 1970; Тюркская ономастика, 1984; Историческая ономастика, 1977; Этническая ономастика, 1984; Имя и этнос, 1996)), где в большинстве статей лингвистическая проблематика исследования напрямую связана с решением проблем исторического или этнографического характера. В настоящее время сама по себе методика ономастических исследований и прежде всего методика этимологических исследований в топонимике разработана достаточно объемно и подробно [Суперанская, 2007; 2009], однако чисто лингвистические методы не всегда удобны и даже не всегда применимы при изучении имен собственных в историческом или этнографическом аспектах. Интердисциплинарный характер самого объекта исследования позволяет в качестве основного метода изучения имен собственных как исторического источника выдвинуть сопоставление данных разных научных дисциплин, в рамках которых оно обеспечивает в итоге наименее противоречивые результаты. Конкретно это может быть представлено в следующей последовательности: а) установление языковой принадлежности онима и его аутентичной формы, определяемой по данным ранних источников или источников, наиболее надежных в лингвистическом отношении; б) установление значения онима и сопоставление извлеченной из него информации с данными об описываемом в источнике этносе; в) сравнение территории фиксации онима с данными исторической этнографии, в частности с исторической территорией расселения данного этноса; г) совмещение историко-этнографических данных с ареалами археологических культур в пределах существующих идентификаций этих культур с этносами, близкими к современности. Еще один метод, применяемый в работе, — это историко-этнографический анализ содержательной стороны текста-источника, составляющий методологическую альтернативу чисто лингвистическим методам или методам географической топонимики. В качестве новых методических приемов, предлагаемых в работе, выступают приемы разграничения имен собственных и имен нарицательных, методики интерпретации текста с двуязычным или многоязычным фоном и методики истолкования текста с планом содержания, восходящим к иному языку, а также изучение группы текстов с одними и теми же именами собственными. В плане методики изучения ономастики как исторического источника данная работа имеет еще одну особенность — по сути, все данные смежных наук, которые используются автором, легко верифицируются в границах частных дисциплин, поскольку в работе речь идет о событиях, принадлежащих к относительно недавнему прошлому, отстоящих от нас на 400—600 лет. Если имеется возможность оценить степень достоверности результатов данного исследования на интересующем нас синхронном срезе, это означает, что комплексная методика анализа имен собственных и их контекста, представленная и

реализованная в настоящей работе, может применяться и к письменным источникам более раннего времени.

История и историография вопроса. Историография вопроса в последние годы получила достаточно подробное освещение как предмет истории и географии [Давыдова, 2003; Романова, 2005; Тарасов, 2009; Захаренко, 2009]. В трудах на эту тему указаны в хронологической перспективе и источники и основные этапы исследования топонимии Сибири, имеется также содержательный указатель литературы [Катионов, 1998].

История изучения топонимов и этнонимов уходит в XVIII в., и блестящим примером анализа топонимов и этнонимов в это время является обсуждение происхождения топонима Камчатка, этнонима *коряки*, представленное в трудах С. П. Крашенинникова и Г. Стеллера (см.: 6.1; 8.8), тщательное собирание наименований реки Амур, что мы наблюдаем в литературе, начиная с И. Э. Фишера (см.: 7.6). Кроме описаний путешествий и карт, фиксирующих топонимы и этнонимы, в XVIII в. усилиями Г. Миллера начинается изучение документов XVII в., относящихся к открытию Сибири и Дальнего Востока. Для конца XVIII в. ценным источником систематических сведений по топонимике и этнонимике являются Описания Тобольского [1982] и Иркутского [1988] наместничеств конца XVIII в., а также географические словари В. Н. Татищева, Ф. Полунина, Л. М. Максимовича. Из источников XIX в. надо назвать «Географическо-статистический словарь Российской империи» под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского и другие аналогичные издания [Татищев, 1793; Полунин, 1773; Максимович, 1788—1789; Гагарин, 1843; Семенов-Тян-Шанский, 1863—1885; Кириллов, 1894]. Важным этапом в изучении иноязычного ономастикона источников по истории Сибири становится издание собраний документов «Акты исторические» и «Дополнения к актам историческим» (см. библиографию), а также «Русская историческая библиотека», указатели к которым становятся не только источником материала, но и документом истории науки и самостоятельным объектом исследования.

XX в. становится веком начала целенаправленных исследований топонимии Сибири и Дальнего Востока. К этому времени относятся экспедиции В. К. Арсеньева в Приморье и Приамурье, а в 1926 г. появляется работа В. Б. Шостаковича «Историко-этнографическое значение названий рек Сибири» [Шостакович, 1926. С. 115—130].

Позднее, во второй половине 1920-х—1930-е гг., изучение топонимии, в первую очередь гидронимии Сибири приобрело связь с этнической историей в работах К. Бауэрмана ([Бауэрман, 1928. С. 117—124]¹, А. Н. Криштофовича [Криштофович, 1930. С. 287—291] и дру-

---

¹ Ср. жесткую и обоснованную критику этой работы: [Вдовин, 1973. С. 240—241].

гих исследователей, а в «Сибирской советской энциклопедии» в статьях о географических объектах приводятся, хотя и не вполне системно, этимологические объяснения топонимов. Отмечается особая актуальность изучения топонимики интересующего нас региона [Поппе (Б. г.). С. 285—287]. На изучении и самом составе этнонимии отразилось конструирование этнонимов, проявившееся в сборниках «Языки и письменность народов Севера» [Языки и письменность... 1934; 1937]².

В 1940-е гг., как приходится признать, изучение этнонимики народов Сибири испытало сильное влияние лингвистических идей «Нового учения о языке» Н. Я. Марра. Это проявилось не только в толковании гидронимов [Марр, 1926. С. 349—354], но и в идее поиска древних этнонимов с относительно произвольно выбираемой из небольшого числа языковых единиц основой, что и стало характерно для ранних этнонимических работ Г. М. Василевич [Василевич, 1946. С. 34—49; 1949. С. 155—160; 1965. С. 139—144; 1970. С. 25—35; 1974. С. 296—302]. Любопытно, что на указанную выше работу Н. Я. Марра о сибирской гидронимике никто из исследователей позднее не ссылался.

С 1950-х гг. появляются работы М. Н. Мельхеева по топонимике Прибайкалья, Забайкалья, Бурятии, сочетающие в себе достоинства словаря и монографического исследования [Мельхеев, 1961; 1969; 1969а; 1986; 1995], публикуется ряд книг по топонимике Магаданской области. В 1985 г. выходит в свет первым изданием книга М. С. Иванова «Топонимика Якутии», переизданная позже в дополненном виде, а в 1989 г. — «Топонимический словарь Северо-Востока СССР» В. В. Леонтьева и К. А. Новиковой, обобщивший исследования по топонимии Колымы, Чукотки и Камчатки [Топонимический словарь... 1989]. В этот же период появляются словарь В. А. Никонова, в котором были обобщены исследования по топонимии Сибири и Дальнего Востока [Никонов, 1966; 2009]. Только недавно появились словари топонимики Приморья и Приамурья ([Мельников, Подмарев, Коробушкин, 1998; Мельников, Афанасьев, Коробушкин, 2004; Мельников, 2001; 2009; 2009а; 2009б]. См. также: [Степанов А. И., 1976; Соловьев, 1975]. Часть названных изданий находится на сайте: www.tponimika.org).

С 1960-х гг. по настоящее время появляются труды по топонимике — диссертации К. И. Юргина [Юргин, 1974], К. Ф. Гриценко [Гриценко, 1968], работы по проблемам топонимии Циркумбайкальского региона [Балабанов, 1977; Таксин, 1989; Звонков, 1996; Сокольников, 1995; Манжуева, 2003; Шулунова, 1995; 1995а; 1999], Якутии [Ива-

---

² Второй выпуск этого издания, который должен был быть посвящен тунгусо-маньчжурским языкам, в свет не вышел. Материалы для него хранятся в Архиве РАН в фонде В. И. Цинциус.

нов Н. М., 2001], В. Д. Монастырев [Монастырев, 1993], по культурно-историческим аспектам топонимики [Тарасов, 2009] (см. также: [Чернораева, 2000. С. 206—209; 2002]), по этнонимии [Кручинина, 2004], [Жамсаранова, 2002; 2005а; 2009а]. Интерес к проблемам ономастики Сибири проявляют и зарубежные ученые [Pokore Timoteus, 1974—1975].

По топонимии Западной Сибири в настоящее время имеются труды А. К. Матвеева [Матвеев, 1984; 1986; 1987; 1997; 2001; 2004; 2006; 2007], Н. К. Фролова [Фролов, 1979; 1984; 1986; 1991; 1996; Фролов, Алишина, 1989], Т. Н. Дмитриевой [Дмитриева, 2005; 2006], Л. И. Розовой [Розова, 1973], А. М. Малолетко и М. Ф. Розена [Розен, Малолетко, 1986], И. А. Воробьевой [Воробьева, 1973; 1973а; 1977], но мы пока не располагаем топонимическими словарями этих территорий. Топонимия отдельных регионов Южной Сибири обобщена в исследованиях О. Т. Молчановой [Молчанова, 1979], В. М. Шабалина [Шабалин, 1994], М. А. Жевлова [Жевлов, 1984], В. Я. Бутанаева [Бутанаев, 1995], Б. К. Ондар [Ондар, 1995; 2008].

С 1950-х по начало 2000-х гг. продолжалась исследовательская деятельность Б. П. Полевого, в трудах которого проблемы происхождения топонимов и этнонимов увязывались с анализом исторических источников, с вопросами истории географических открытий и истории географической науки, а также с данными этнографии (см.: [Краткий обзор основных результатов... 1998]. Особую значимость имеют следующие работы Б. П. Полевого: [Полевой, 1977. С. 91—93; 1985. С. 81—82; 1988а. С. 274—278]). То же, с исторической перспективой, характерно для трудов В. М. Пасецкого (см. библиографию).

Топонимика и история открытий в Сибири и на Дальнем Востоке нашли свое отражение в фундаментальных энциклопедических изданиях, таких как Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, Энциклопедический словарь т-ва Гранат, Сибирская советская энциклопедия, в наши дни — в энциклопедии «Терра» и в ряде региональных энциклопедий — «Югория» (2000), «Ямал» (2004), «Якутия» (2000), Большая Тюменская энциклопедия (2004—2009), Енисейская энциклопедия (1994), Енисейский Энциклопедический словарь (1998), Энциклопедический справочник «Бурятия» (2011), Северная энциклопедия (2004), Сибирская историческая энциклопедия (2010), Encyclopedia of the Arctic (/Ed. Mark Nuttall. Vol. 1—3. Routledge, New York and London, 2004).

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ИСТОРИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Специфика письменных источников с иноязычным и многоязычным фоном

Документы и иные письменные источники, относящиеся к истории открытия, освоения и исследования Сибири и Дальнего Востока, демонстрируют нам довольно объемный спектр специфических особенностей, которые могут по-разному проявляться в исследованиях, предпринимаемых в границах частных научных дисциплин. По умолчанию принято считать, что русский язык XVII в. и тем более русский язык XVIII в. понятен современным пользователям русского языка без перевода. В практике издания произведений древнерусской литературы, ориентированных на массового читателя, тексты произведений до XVI в. включительно публикуются с переводом на современный русский язык или только в переводе на современный русский язык, в то время как произведения XVII в. обычно публикуются без перевода. Русский язык деловых документов XVII в., возможно, даже более доступен современным пользователям русского языка, нежели книжный язык исторических сочинений или повестей, однако в региональных документах или документах, связываемых с определенным регионом, так или иначе проявляется языковая специфика. Она складывается из следующих факторов:

1. В источниках могут присутствовать слова, вышедшие из употребления и оставшиеся в статусе исторических терминов или слов-историзмов, относящиеся к социальной терминологии, терминам материальной культуры, архаическим специальным терминам судостроения и мореплавания и т. д.

2. В них могут присутствовать малознакомые и редкие диалектные слова, которые не всегда фиксируются словарями русского языка и

могут отсутствовать даже в современных диалектных словарях, как, например, *батас*, *томар* и т. п.¹

3. В таких документах встречаются слова, заимствованные из языков коренного населения каких-либо территорий и требующие идентификации с формальной и содержательной, семантической стороны.

4. Топонимический материал таких документов обычно распадается на две группы, одну из них составляют названия, отождествляемые по форме с названиями, присутствующими на современной географической карте, а другую — названия таких объектов, которые по различным причинам не удается обнаружить вовсе, и потому они становятся предметом самых разнообразных предположений. Обычно такие предположения сводятся к разноязычному характеру именованного объекта, гипотетическому отождествлению его с объектом какого-то более отдаленного региона, имеющим сходное по форме имя, к возможности разного именованного частей объекта (например реки) и т. п.;

5. Антропонимический материал таких источников редко становится предметом внимания лингвистов, которые в поисках объяснения значения личных имен ориентируются на форму имен, данную документами, не принимая во внимание возможных искажений антропонима, а в характеристике языковой принадлежности антропонимов всецело полагаются на данные документа, не подвергая их сомнению даже в тех случаях, когда какое-то имя может получить прозрачное истолкование из другого языка. В применении к русским антропонимам могут смешиваться похожие гипокористические формы личных имен, именованного по отцу, прозвища и фамилии, что является препятствием при персонификации того или иного имени;

6. Этнонимы, извлекаемые из документов, логически подразделяются на названия народов и названия более мелких этнических единиц — родов, патронимий, территориальных групп, а также на *автоэтнонимы* — самоназвания и *аллоэтнонимы* — названия этноса, данные ему соседними народами [Подольская, 1988]. При этом докумен-

---

¹ В одном из документов, датированных 1644 г., — расспросных речах Лавра Григорьева и Ивана Ерастова мы читаем: «И тот де Ковымской князец ему Лаврушке в роспросе сказал... А от той де реки Нелоги от вершины пошла река Чюндона, а впала де та река Чюндона блиско моря в Ковыму реку, а люди де по той реке (...) живут юкогири, а в вершине де живут на той реке люди род свой, рожи у них писаные. И с Нелоги де реки приходят натты от серебряные руды на ту Чюндону на вершину к писаным рожам торговать.... А продают де те нелогские люди писаным рожам серебро да одекуй, а те де писаные рожи им продают олени да бабы» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 125—126; Русские мореходы... 1952. С. 44—45]. Почему в комментариях ко второму из изданий *бабы* поняты как ножи — неясно: в русских диалектах слово *баба* таких значений не имеет (см.: [Темников, 1979. С. 230—235]).

тальный материал, как правило, отождествляется с похожим по виду материалом, присутствующим в позднейших или современных источниках. Однако возможные несоответствия этноса и имени или лексической единицы этническому наименованию обычно остаются без должного внимания. Особую проблему в этом плане составляют самые ранние фиксации этнонимов и фиксации редких этнонимов, не находящие подтверждения в более поздних источниках. В таких случаях каждый этноним требует изучения во всех своих употреблениях по конкретным документам с учетом окружающего словесного и историко-этнографического контекста;

7. Языковой материал, извлекаемый из русскоязычных источников, связан незримыми и не всегда осознаваемыми ассоциациями всех единиц текста с русским языковым континуумом, в том числе с ономастическим пространством в его становлении и эволюции. Более того, исследователь обязан подходить к проблеме влияния языка на содержание текста не абстрактно, учитывая это явление или наблюдая иллюстрирующие этот процесс случаи, он должен принимать во внимание частные особенности группы документов, связанные друг с другом хронологически, зависящие друг от друга текстуально и относящиеся к одной и той же территории и, соответственно, к одной и той же канцелярии и тому кругу людей, в котором циркулировали данные письменные документы. Следствием этих ассоциаций являются адаптация иноязычных лексических единиц (имен как собственных, так и нарицательных) по сходству с похоже звучащими русскими словами, меняющими исходную форму онимов и впоследствии затрудняющую их историко-этимологическое исследование, ассоциация разных рядов онимов — и топонимов и этнонимов — с уже известными сходно или одинаково звучащими онимическими единицами. Примеры: река Тастах в Якутии сразу же после того, как о ней узнали казаки, превратилась в Толстак (см.: 3.2.5), река Яблон на Чукотке — в Яблонную реку (происхождение названия Яблоновый хребет в Бурятии остается неясным, см.: 2.4), топоним Камчатка стал ассоциироваться с названием ткани и прозвищем казака (6.1); юкагирское слово *йалгил* 'озеро', записанное как *ianko*, почти два века спустя вызвало к жизни представления о том, что река Анадырь вытекает «из Ивашкина озера» (см.: 5.1), а названия притоков Амура Зеи и Буреи в «Сказании о великой реке Амуре» Н. Спафария приняли вид Азия и Быстрая (см.: 7.2). Многие названия адаптировались к нормам грамматики русского языка и получили русские по происхождению суффиксы: Индигир — Индигирка (3.2.5), Ковым — Ковыма, Колыма (3.2.7). Некоторые названия, принадлежащие к повторяющимся, как это случилось с тем же Анадырем, стали рассматриваться во всех их употреблениях как названия одного и того же объекта, а восходящее к апеллятиву название

Чондон, Чендон, для которого по умолчанию не раз предполагалось тождество объекта, создавало противоречие между множественностью фиксаций названия и локализацией объектов, к которым оно прилагалось.

О том, насколько важно учитывать и иноязычный характер имен собственных, встречающихся в русскоязычных исторических источниках, относящихся к Востоку и Сибири, и надежно установленное значение этих имен, и разнообразные ассоциативные связи таких имен собственных и их возможных дублетных проявлений, наглядно свидетельствует следующий пример. В документах, опубликованных вместе с описанием путешествия в Китай Н. Спафария и относящихся к маршруту его посольства, содержатся наиболее ранние сведения об озере Хубсугул в Монголии: «А вверх же по Селенге реке ехать дней с 10 конем и больше, и в ту-де Селенгу реку пал исток с правую сторону из Косогору озера, а то-де озеро, Косогор зело велико, и около того озера живут люди сидячие и кочевные Баргуты и Тувинцы и Тунгусы, и по их иноземской сказке будет луков сот с пять и больши» [Досмотр Ново-Селенгинского острога... 1882. С. 162—163]. И вот текст самого Спафария: «На правой стороне есть реки Селенги река Оркон, а река Оркон великая, а течет издали из степи, а впала в Селенгу реку, а лесу по ней всякаго много, а от Селенгинскаго острогу ходу до устья Орконскаго 2 дни. И иныя многия мелкия и большия реки неведомыя впали в реку Селенгу, однакожде не знатны, для того что казаков дале острогу дней с 5 ездить не пускают Мунгалы, чтоб проведать вершину реки Селенги; однакожде то ведомо подлинно, что от Селенгинскаго острогу ходу 2 недели сухим путем есть великое озеро, которое именуют Мунгалы Косогор, и из того озера течет исток² большой в Селенгу реку, и чаят, что отгуду будет вершина Селенги реки, как и иных больших рек от больших озер начинаются, и то озеро сказывают, что едва могут Мунгальцы перекочевать в 3 месяца кругом того озера, а в нем всякая рыба есть, и сказывают, что и пашенные неподалеку от него живут и чают, что мочно прямой путь сыскать чрез него в Китайское государство» [Путешествие чрез Сибирь... 1882. С. 131—132]. Это название осталось не полностью идентифицированным в комментариях к изданию текста Н. Спафария: «В доезде Степана Полякова 1673 г. ...находим известие, что около озера Косогора (Косогола), из которого берет начало р. Селенга, живут „люди сидячие и кочевые, Баргуты“» [Путешествие чрез Сибирь... 1882. С. 197].

---

² Слово *исток* как географический апеллятив — обозначение реки, вытекающей из озера или связывающей два водоема, не отмечено в русской географической терминологии, как и слово *устье* в значении ‘исток реки’.

Данный пример очень показателен для демонстрации связи иноязычных собственных имен со словами языка, на котором составляются документы, и для изучения логики исторических, географических и историко-географических разысканий. Мало того что название озера *Хубсугул* оказывается созвучным с русским географическим апеллятивом *косогор* и заменяется им в источниках — само по себе это слово восходит к терминам, связанным с природной средой: в монгольском и калмыцком языках слово *хүвсхүл*, лежащее в основе этого монгольского гидронима, имеет значение ‘смерч’, ‘вихрь’. Данный факт был бы не более чем игрой слов или ономастическим казусом, если бы не одно обстоятельство: в истории Дальнего Востока и русской исторической географии судьба Косогорского острога, основанного казаками, спускавшимися вниз по течению Амура (соответственно, двигавшимися из мест, где живет монгологоворящее население, в места с тунгусоязычным населением), стала заметным сюжетом, и дискуссии о местонахождении Косогорского острога имеют более чем 150-летнюю историю. Последнее из высказанных в ходе обсуждения мнений весьма категорично и очень показательно: Косогорский острог обнаружился у исследователя-географа — разумеется, не где-нибудь, а на косогоре (обзор мнений и одну из точек зрения на проблему см.: [Полевой, 2003. С. 32—36]). Б. П. Полевой, внимательно читавший архивные документы, пишет: «Нетрудно понять, что Косогорским острожком явно называлось военное укрепление на мысе Кырма, о котором известный исследователь Амура середины XIX века Р. К. Маак рассказывал так: „...где береговой скат образует скалистый выступ, известный у местных жителей под названием Кырма“ (по-нанайски означает ‘отломанный’. — *Б. П.*)» [Полевой, 2003. С. 34]³. Если вспомнить, что

---

³ Далее у Б. П. Полевого читаем: «В русских документах 50-х гг. XVII в. ясно видно, что именно там был дючерский улус, в котором в ту пору жил дючер «Чакунай» (явно нанайское имя! — *Б. П.*) [Полевой, 2003. С. 34], и не сколько ранее «26 июля 1655 г. в амурской ясачной книге была сделана следующая важная запись о том, что в Маканьском улусе у тойона Чекуная удалось получить сразу 20 соболей. Несомненно, здесь идет речь о дючере-нанайце Чекунае (Чекунай — явно нанайское имя. — *Б. П.*), с которым русские встречались еще в августе 1652 г. во времена амурского похода Я. П. Хабарова» [Там же. С. 32]. Почему упомянутые здесь дючеры обязательно должны быть нанайцами, почему Чекунай или Чакунай «явно нанайское имя» — выяснить невозможно. Соответствующее личное имя у нанайцев не зафиксировано, слово *най* ‘человек’ в качестве антропонимического форманта у нанайцев или ульчей неизвестно вовсе, и если бы это имя было действительно нанайским, оно имело бы вид Чеконай или Чаконай, но не Чакунай или Чекунай, потому что по правилам нанайского сингармонизма гласные у и а не могут встречаться в пределах одной словоформы. Наконец, в документах

в основе аналогичного топонима Косогор — Хубсугул лежит даже не географический, а метеорологический апеллятив, то самое категорическое утверждение о месторасположении объекта с таким названием не будет доказательным. Впрочем, это заблуждение имеет почти 250-летний возраст: еще Г. Миллер говорил: «Он (Онуфрий Степанов, преемник Е. П. Хабарова на Амуре. — *А. Б.*) не преминул, чтобы злодеям не учинить достойного наказания. Он построил там острог, и названный Косогорским, чаятельно потому, что положение одного было на косогоре» [Миллер, 2006. С. 347]. Г. Миллера оправдывает то, что он сам не видел места основания этого острога и не пытался его найти — он судил о местоположении этого острога по ассоциациям его названия. Еще два добавления: первое — *утес* все-таки не является *косогором*, второе — острог, поставленный на пологом склоне косогора, был бы очень плохо защищен от вторжения извне.

В русскоязычных документах по истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока можно наблюдать разные формы адаптации лексикона и ономастикона к тексту.

Весьма коварное явление, подстерегающее исследователей, — это особого рода неосознанное или искусственное сокращение состава онимов, очевидно, следствие стремления избавиться от онимов — потенциальных дублетов. Причем стремление сократить число онимов и избавиться от повторов прослеживается по интерпретации источников в литературе и комментариям к ним не только как процесс, но уже и как исследовательская тенденция к сокращению количества рассматриваемых сущностей. Так, в разных исследованиях, основанных на документальных источниках, прослеживается отождествление разных онимов с одним и тем же объектом — тут ярким примером являются предположения о том, что название реки Погычи относится к реке Анадырь (4.3; 5.1). Другой пример такого же явления — это ассоциации новых топонимов с уже знакомыми топонимами при ложном отождествлении обозначаемых ими объектов (собственно Анадырь и Энмаатгыр) (5.1; 7.1). Крайняя степень стремления к минимизации онимов — это отождествление гидронимов Омолой и Омолон (см.: 3.3), которые, к слову, никогда не смешивались в документах XVII—XVIII вв., поскольку эти две реки расположены на значительном удалении одна от другой.

Выразительными иллюстрациями к фактам адаптации иноязычной лексики к словарным единицам русского языка являются такие приме-

---

В. Пояркова мы читаем: «А по Амуру до Натков плыл (Поярков. — *А. Б.*) до князца Чекуная четверы сутки Дючерами же пашенными» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 55], из чего явствует, что этот Чекунай, что бы ни говорить о его имени, относится к наткам, а не к дючерам.

ры, как восприятие коряжского названия чавычи *эвйэчыннээн* в качестве вполне русского слова *овечина* в документах В. Атласова (6.1).

8. Топонимы с русской языковой основой могут иметь однозначную собственно лингвистическую мотивировку, отсылающую нас к тому или иному имени собственному или нарицательному, но версии об их появлении могут оказываться разными, и иногда это имеет более чем принципиальное значение. Мы не говорим здесь о тех распространенных случаях, когда топоним выводится исследователями из имени или прозвища кого-то из потенциальных первооткрывателей — за такими типичными случаями отантропонимической этимологии топонимов могут стоять легенды или авторские гипотезы или допущения. В ряду топонимов с русской основой встречаются и отапеллятивные названия, которые интересны для нас в гораздо большей степени. Например, в литературе существуют две версии происхождения названия острова Котельный в архипелаге Новосибирских островов. Согласно одной из них, возглавляемые Иваном Ляховым промышленники, которых традиция считает первооткрывателями этого острова, забыли на нем свой котел; согласно другой версии, кстати, менее известной в литературе, на этом острове первые его посетители нашли медный котел, неизвестно кому принадлежащий [Якутия... 2002. С. 120; Справочник по истории... 1985. С. 159]⁴. Итак, перед нами исторические разноречия в объяснении названия, причем последняя версия — версия о найденном котле — требует тщательнейшего изучения первооткрывательского приоритета, что ныне возможно только при проведении археологических разведок на этих островах, и в частности на Котельном как одном из самых западных островов Новосибирского архипелага.

Такие документы, как расспросные речи, отписки, а также наказные памяти, грамоты вышестоящих лиц, адресованные своим подчиненным, которые весьма часто цитируют свои первоисточники — те же расспросные речи или отписки участников событий, содержат материал, полученный при фиксации или воспроизведении устных рас-

---

⁴ А. Ф. Трешников писал, что остров Котельный получил свое название из-за медного котла, оставленного там одним из гребцов-участников похода И. Ляхова на этот остров в 1773 г. [Трешников, 1955. С. 24], однако ссылка на источник у него отсутствует. Обе версии представлены в разных местах книги В. М. Пасецкого [Пасецкий, 2000. Т. 1. С. 325, 406]. Мы не считаем возможным связывать находку медного котла на этом острове с имуществом промышленников XVIII в., так как, по нашим наблюдениям, комплекс предметов, найденных на острове Котельный в 1800-е гг., идентичен с находками из лагеря полярных мореходов начала XVII в. на острове Фаддея и в заливе Симса на Восточном Таймыре, сделанными в 1940—1941 гг. (см.: [Окладников, 1948; 1951]).

сказов, исходящих от носителей другого языка — представителей аборигенного населения местности, толмачей-переводчиков, состоящих на службе или имеющих соответствующие обязанности, всех тех, кто в той или иной мере знал язык межэтнического общения или язык коренных жителей. Эти документы служат для нас бесценным источником информации о языковой ситуации в регионах Сибири и Дальнего Востока на момент прихода в эти края русских землепроходцев и изменения языковой ситуации в ходе дальнейшего освоения региона вплоть до появления в этих местах первых священнослужителей-миссионеров и открытия первых школ. В документах отражаются какие-то факты языка описываемого народа (часто такие факты позволяют идентифицировать язык и этнос более точно, чем зафиксированный теми же документами этноним), прямые или косвенные указания на язык межэтнического общения, имена толмачей и их этническая принадлежность, и все это позволяет изучить языковую ситуацию во многих подробностях. При этом и переводческая практика при недостаточном освоении языка толмачами и участниками событий, и сами исходные характеристики билингвизма *in statu nascendi*, начального периода освоения языка аборигенов, и присутствие и характер использования языков межэтнического общения представляют собой такие лингвистические феномены, которые еще сами по себе недостаточно исследованы, тем не менее как раз эти факты и эти черты ситуации межэтнического контакта с неизбежностью отражаются в исследуемых документах. Мало изучены в литературе по истории и этнографии Сибири и Дальнего Востока личности толмачей-переводчиков и в историческом отношении.

С учетом сказанного мы должны отметить следующие характерные трудности, возникающие перед читателями и издателями документов и значимые при анализе содержания источника и его истолковании:

1. **Неразличение онимов и апеллятивной лексики** при воспроизведении иноязычных элементов, входящих как результат изучения в содержание документов и понимаемых как информация, которой владели составители и первые читатели документа. Данная особенность — вполне закономерное следствие восприятия иноязычной речи при недостаточном знакомстве со словарным фондом языка, представляющее собой проявление феномена ономастического билингвизма, связанного со свойством имен собственных — обозначать те предметы, которые не видит перед собой говорящий и слушающий, но которые может опознать слушающий, узнав характерные особенности таких объектов. Характерной сложностью, затрудняющей понимание источников, является восприятие неизвестных лексических единиц —

географических апеллятивов и разнообразных соционимов — и осмысление их в качестве топонимов и антропонимов, соответственно.

2. Неполное понимание лексических единиц языка информанта. В источниках отмечаются случаи, когда в языке информанта многозначные слова при переводе на русский язык получают не то значение, в каком их употреблял говорящий, а более специфизированное, переносное значение. Яркий пример — рассказы о бородатых людях и лесистых островах в Арктике (8.11).

3. Неполное понимание слов русского языка информантом, язык которого изучается спрашивающими: случаи, когда информант, услышав незнакомое русское слово, дает перевод похожего по форме и знакомого ему слова. Возможны такие ситуации, когда рассказы информантов переводятся на русский язык вполне адекватно и связно, но в таком переводе не учитывается неточность перевода отдельных слов, имеющая место в силу их многозначности. Такие рассказы выступают в качестве своеобразных смысловых билингв — двуязычных текстов, в которых отсутствуют единицы плана выражения аборигенного языка (или эти единицы относятся к собственно ономастике), но сохраняются элементы плана выражения второго языка или языка-посредника (4.2.1; 8.1).

4. Понимание лексических единиц языка информанта через призму какого-то другого языка и образование ложных ассоциаций. Имеются или, во всяком случае, предполагаются ситуации, когда в расспросных речах с целью добиться максимального понимания расспросов от информанта, не владеющего русским языком, используются несколько языков, в той или иной мере знакомых спрашивающим. В этом случае ответ информанта истолковывается в контексте содержания по усмотрению расспрашивающих.

5. Иллюзорность содержания и самой содержательности текста. Иногда в результате изложения расспросов информантов, переводимых с какого-то аборигенного языка на русский язык, в документе выстраивается относительно связный текст с ирреальным содержанием — текст на русском языке с иноязычными вкраплениями, которые выглядят как освоенные лексические единицы, но их содержание варьируется от контекста к контексту и сам текст источника в итоге остается без осмысления и адекватного понимания. Видимо, так появился на свет рассказ о серебряной горе на Чукотке (4.2.1).

1.2. Историческая ономастика в контексте вспомогательных исторических дисциплин

Лингвистический материал так или иначе, в той или иной форме, как система фактов или как внешняя форма письменного или устного

источника присутствовал в компендиумах и лекционных курсах по источниковедению как одной из исторических дисциплин, имеющей выход в смежные области гуманитарного знания. Традиции отечественного источниковедения уходят корнями в XIX—начало XX в. [Ключевский. Т. VII. 1989. С. 5—83; Пичета, 1922]. Существует довольно большое количество обобщающих монографий и учебных пособий по источниковедению отечественной истории, изданных во второй половине XX в. [Шерман, 1959; Тихомиров, 1962; Источниковедение истории СССР... 1973; 1981; Борщевский, 1985; Ковальский, 1978—1979]. Помимо фактографической стороны вопроса, представляющей источники как корпус материалов, аккумулирующий объем и изменяющий свою структуру и ценностные свойства, мы ныне располагаем значительным количеством теоретических исследований и разработок в области источниковедения [Стрельский, 1961; 1968; Источниковедение, 1969; Пронштейн, 1976; 1977; Медушевская, 1977; Пронштейн, Задера, 1977; Булыгин, 1983; Фарсобин, 1983; Пронштейн, Данилевский, 1986; Источниковедение, 1998; Робоча программа... 2008]. Само источниковедение уже стало предметом историографических исследований [Медушевская, 1983; 1988]. Об этом в связи с систематизацией исторических источников говорили, в частности, А. Ц. Мерзон [Мерзон, 1958] и В. Л. Янин [Янин, 1967; Иванов Г. М., 1983].

Для источниковедения Сибири не теряют значимости труды А. И. Андреева ([Андреев, 1960; 1965]; см. также: [Миненко, 1981]. Из историографических работ см.: [Зуев, 2002а; 2007; Ципоруха, 2004]), притом что источниковедение истории Сибири обогащается и новыми трудами [Элерт, 1990]. Сохраняют свою ценность труды ученых-энциклопедистов сибиреведения, имеющие статус этнографического источника [Левин, 1961. С. 20—27]. К сказанному М. Г. Левиным можно добавить, что ономастика, отстоящая во времени на 100—300 лет от документации языкового материала и на 200—400 лет от времени появления письменности становится важным объектом исследования и историко-лингвистическим источником.

Наука о языке, собственно языкознание или лингвистика в полном объеме едва ли может быть причислена к вспомогательным историческим дисциплинам. Вместе с тем лингвистическая составляющая в рамках вспомогательных исторических дисциплин в наши дни едва ли может быть ограничена ономастикой в ее классической триаде топонимика — антропонимика — этнонимика. К вспомогательным историческим дисциплинам мы можем отнести и некоторые иные формы проявления науки о языке, в частности, комплекс фактов, который может быть объединен понятием «историческая этнолингвистика», к компетенции которой относятся такие области лингвистики, как генеалогическая классификация языков, диалектология в ее пространст-

венном и временном континуумах, знания об ареальных связях языков, элементы истории языков, отражаемых в источниках, в гармонии с хронологической перспективой языка документов, проблематика языковой картины мира в сфере реалий, проблемы языковых вторичных моделирующих семиотических систем в связи со спецификой языка и системы жанров, определяющей характер текстов, описание языковой ситуации, факты этнокультурных контактов, отражаемые письменными источниками, переводческая практика, иноязычные элементы письменных источников, диалектика устного и письменного компонентов в документальных источниках, формы проявления иноязычного и инокультурного материала в источниках, особенности этнической письменной традиции во взаимодействии с письменной традицией языка документальных источников, знания, относящиеся к гипотезам и теориям отдаленного родства языков, языковых семей и групп в их историографической оценке и внутренней толерантности внутри самого языкознания, и т. д.

В наши дни имеется довольно большое количество учебных пособий и монографий, представляющих вспомогательные исторические дисциплины в систематизированной форме⁵. Вместе с тем лингвистические компоненты вспомогательных исторических дисциплин в системе последних разработаны и используются явно недостаточно. Так, на страницах альманаха «Вспомогательные исторические дисциплины» в разное время были опубликованы только три специальные работы по топонимике и исторической географии [Джаксон, Молчанов, 1990. С. 226—239; Свердлов М. Б., 1982. С. 109—131; Шаскольский, 1968. С. 163—171]. Существенно, что в одной из новых работ, посвященных систематике вспомогательных исторических дисциплин, много внимания уделено развитию изучения письменных источников, но при этом ономастика не упомянута вовсе [Пчелов, 2008. С. 47—59].

Как показывает сама теория и методика разработки вспомогательных исторических дисциплин, для каждого хронологического периода и для каждой историко-культурной области, будь то античный мир, Западная Европа, Византия, Ближний и Средний Восток, Центральная Азия, Восточная и Юго-Восточная Азия, систематика, приоритеты вспомогательных исторических дисциплин имеют свою специфику. Не составляют исключения из общего правила и регионы Сибири и Российского Дальнего Востока. Лингвистические материалы, которые

---

⁵ Пронштейн, 1972; Пронштейн, Кияшко, 1973; Каменцева, 1979; Рачков, Чуистова, 1982; Кобрин, Леонтьева, Шорин, 1984; 1994; Вспомогательные исторические дисциплины, 1988; Леонтьева, Шорин, Кобрин, 2000; Бродников, 2004; Римский, 2006; Мельцин, 2006; Крыласова, 2008; Абрамова, Круглова, 2008.

в условиях отсутствия собственной письменной традиции у народов ранее всего фиксируются именно как ономастический контент иноязычных, и прежде всего русскоязычных документов⁶. Помимо этого обстоятельства, важного для языкознания, иноязычные онимы в русскоязычном контексте, к тому же объединенном многомерными устойчивыми культурными константами и связями русских землепроходцев, путешественников, исследователей и коренных жителей Сибири и Дальнего Востока, приобретают такие особенности, которые становятся характерными для них как на момент фиксации, так и на период их освоения и утверждения в документах и на картах. Эти обстоятельства обуславливают необходимость специального внимания к именам собственным, происходящим из языков народов Сибири и Дальнего Востока, в русскоязычных источниках.

То, что имена собственные имеют ценность как источник исторической информации и информации в региональной истории, многократно подчеркивалось в специальных работах, обозреть которые уже не представляется возможным⁷. Однако характер информации, извлекаемой из имен собственных, может быть различным. Чаще всего эта информация ограничивается идентификацией языковой основы топонима или антропонима, и только весь комплекс источников, включая содержание документов, фиксирующих топоним, позволяет включать имена собственные в число источниковедческих ресурсов. Соотнесение производящей основы имени собственного с каким-то другим именем собственным, то, что также считается по умолчанию заключенной в ониме исторической информацией, способной по крайней мере пролить свет на события появления объясняемого онима, уже в

---

⁶ Это утверждение не является абсолютным: привлекают внимание ономастические материалы — в частности топонимика и этнонимика Европейского Севера России и Западной Сибири — из англоязычных источников рубежа XVI—XVII вв., вошедших в собрание описаний путешествий, изданное в 1600-е гг. Р. Хаклюйтом и служащее важным источником для географов, историков и этнографов многих поколений [Бурькин, 2008. С. 37—43]. Ценные сведения встречаются и в голландских источниках XVII в., обобщением которых становится в конце этого века известный труд Н. Витсена «Северная и восточная Тартария» [Витсен, 2010], а также «Путешествие в Московию» [Витсен, 1996]. В этих источниках надо учитывать роль русского посредства и посреднической роли русского языка в фиксации ономастического материала.

⁷ Веселовский, 1945. С. 23—53; Хенгст, 2002. С. 9—11; Звездова, 2004. С. 20—26; Молчановский, 1984. С. 46—56; Жучкевич, 1976. С. 59—63; Подольская, 1964. С. 87—99; Хвесько, 2006. С. 112—116; Krahe, 1949; Naumann, 1984. S. 219—256; Šmilauer, 1963; Milewski, 1963. S. 39—48; Der Name in Sprache... 1973; Salmon Lucy, 1926—1927. P. 228—232; Попов А. И., 1957; 1965; 1981; Агеева, 1989; Горбаневский, 1989; Милонов, 1963. С. 142—148.

частных дисциплинах не может признаваться надежным результатом и останется гипотезой, а в лингвистической ономастике такое соотнесение будет считаться в лучшем случае неоднозначным⁸. Здесь уже ошибка в языковой принадлежности топонима или любого другого имени, в особенности при корректности этимологии или подведении ее под неверифицируемое решение может вводить читателей в заблуждение⁹, а предположения о характере мотивировки имени становятся гипотезами второго и более высоких порядков, отнюдь не гарантирующими надежных результатов.

1.3. Онимы и псевдоонимы, или квазионимы, в документальных исторических источниках: проблемы интерпретации ономастического материала в историко-этнографических исследованиях и основные причины и следствия неточностей в интерпретации имен собственных

Из опыта изучения ономастического материала в письменных источниках с разноязычным ономастическим фоном нам известны разнообразные случаи невозможности опознать в тексте имя собственное, принадлежащее к тому или иному разряду, точнее, случаи неразграничения иноязычных имен собственных и имен нарицательных, а равно случаи смешения разных разрядов имен собственных. Эти типичные ошибки или примеры спорных интерпретаций сводимы в три группы:

1. **Топонимом**, то есть названием географического объекта, признается любое именование, которое располагается в тексте источника при понятном русском географическом (топографическом) апеллятиве: река, гора, мыс и т. п. Вместо топонимов там нередко встречаются апеллятивы из аборигенного языка. Примеры: наименование Чендон, Чондон принималось за топоним, хотя в юкагирском это слово является апеллятивом и имеет значение ‘верховья реки’ (5.2): в таких случа-

---

⁸ Хороший пример в этом плане — исследование В. Л. Васильева по новгородской топонимии, в котором прослеживается связь топонимов с антропонимами, однако источники по большей части не раскрывают того, что может стоять за теми или иными личными именами, от которых, да и то предположительно, впоследствии образуются названия населенных пунктов (см.: [Васильев, 2005; 2012]).

⁹ См.: [Гурулев, 2006; (Б. г.)]. Последняя работа, в которую по умолчанию заложено тождество языковой основы сибирской и североамериканской топонимии, представляет интерес только как пример получения недостоверных результатов при некорректности методики.

ях неизбежны ошибки в локализации обозначаемого объекта и привязке всех освещаемых в документе событий. На одной из карт XVIII в. озеро Эльгыгытгын на Чукотке обозначено как Ianko, но это юкагирское слово *йалгил* 'озеро'. В XVIII в. на месте острова Врангеля на картах показывался остров Ным-Ным (8.10), хотя по-чукотски *нымным* — это просто 'поселок' или даже 'обитаемое место'. Название земли Китиген, которую искали в XIX в. к северу и к востоку от побережья Чукотского моря, похоже на чукотское слово *кытрын* 'мыс', 'коса' (8.10). Как установлено, эвенкийское слово *ламу* использовалось для обозначения не только моря, но и рек, впадающих в море (3.2.5). Наименование Камчатка, по нашей версии, обозначало расстояние до близлежащего населенного пункта или иного объекта (6.1). Иногда в контексте документа не различаются топонимы и этнонимы, как это имеет место с онимом Оеки (8.8).

2. **Этнонимом** — названием какой-либо этнической общности при чтении источников признается любое именование множества людей, которое выглядит как название народа или какой-то группы людей. В качестве этнонимов часто фиксируются частные аллоэтнонимы (названия народов, бытующие у каких-то других народов и не являющиеся самоназванием этноса), названия территориальных групп по месту обитания. Так, название локальной группы чукчей *чульыльыт* превратилось в этноним *шелаги*, носители которого, по представлениям ряда писавших о них, исчезли безвестно (6.4). Пример обозначения жителей по расстоянию до них — *камчадалы*, пример именованья по месту или социальной функции — псевдоэтноним *дючеры*, встречающийся в насыщенных этнонимами документах (8.4). Название людей по хозяйственному типу «не имеющие оленей» *ак'оракыльыт*¹⁰ после продолжительного периода применения его к самым разным группам превратилось в название конкретного народа, характерным занятием большей части которого является оленеводство, — коряки (8.8). Этноним *оеки*, попавший в тексте источника в один ряд с названиями мест, был определен как топоним и включен в топонимический указатель (8.8). Основанием для данного решения послужило то, что в тексте источника он оказался включенным в один ряд с топонимами при использовании собственно топонима как топографического ориентира.

3. **Антропонимом**, то есть личным именем или прозвищем конкретного человека, признается любое слово, которое стоит в тексте при антропонимическом апеллятиве, как, например, *человек*, *мужик*,

¹⁰ Здесь и далее знаком *к'* обозначается глухой увулярный согласный, знаком *н'* — носовой заднеязычный согласный: мы сохраняем ту графику, которая использовалась в словарях чукотского и корякского языков 1950—1960-х гг.

женка, при каком-либо этнониме или социальном термине, например, *старшина* или *князец* и т. д. Однако при указании на лицо наряду со знакомыми антропологическими апеллятивами — половозрастными наименованиями, социальными терминами, этническими обозначениями, принадлежащими русскому языку (обычно это наименования, содержащие указание на пол или возраст) или заимствованными из языков коренного населения, но вошедшими в русский язык (тойон, шаман, ясырь, ясырка), могут встречаться незнакомые половозрастные наименования, социальные термины, принимаемые за личное имя, или даже этнонимы, принимаемые за имя. Примеры: юкагирская *женка* именем Малья (1.10), аманат Пондонзя или Подонца (= пенженец, житель долины реки Пенжины) [Записки русских путешественников... 1988. С. 401; Бурыкин, 1993. С. 8], чукотский «старшина Еррим» в изложении А. М. Кондратова (8.10). Встречаются примеры идентификации личных имен в качестве социальных терминов — таков «чукотский старшина-камакай» в сочинении Ф. П. Врангеля (8.10). Поводом для такого рода неточных идентификаций оказывается отсутствие в документе личного имени с маркирующим его контекстом и мнимая синонимия рядом стоящих русского и чукотского слов.

Что касается иноязычных социальных терминов, то здесь возможны самые разнообразные ситуации с попытками их истолкования. Например, в юкагирско-русском словаре, составленном этническим носителем юкагирского языка Г. Н. Куриловым, встретился термин *саабийэ*, обозначающий нескольких мужей одной женщины при многожии: *саабийэ* «сабия (несуществующее русское слово. — А. Б.) один из двух мужчин, живущих как мужья с одной женщиной» [Курилов Г. Н., 1990. С. 247; 2001. С. 413 (с разночтениями в определении)]. Института полиандрии у юкагиров не отмечалось. Вероятнее всего, здесь перед нами заимствованное из русского языка слово *своjak* в довольно нетривиальном, еще не отмеченном словарями, но известном по текстам переносном значении «муж и любовник одной женщины, два любовника одной женщины по отношению друг к другу».

Одно из направлений источниковедческой работы с ономастическим материалом письменных источников, в частности с топонимами и этнонимами, важное для нашей темы и связанное с оценкой достоверности данных лингвистического анализа онимов, весьма эффективно обозначено в одной из книг И. М. Дьяконова. Он пишет: «...названия местностей (топонимы) и племен (этнонимы) — очень ненадежный критерий определения языковой и этнической принадлежности населения (значение названий неизвестно, а поэтому нет гарантии, что их предлагаемые этимологии из того или иного языка не основаны на внешних созвучиях; к тому же в истории нередки случаи, когда топо-

нимы принадлежат не тому языку, на котором говорят в данной местности в изучаемое время, а какому-либо более раннему)». И там же далее: «13) Весьма распространенной ошибкой является также безоговорочное отождествление древних топонимов со сходно звучащими современными или позднейшими топонимами. Такое отождествление вполне возможно при двух условиях: 1) если мы из независимых данных (например, из описания маршрута похода или путешествия) знаем, что данный древний топоним локализуется примерно в районе данного позднейшего топонима; 2) если фонетическое развитие языка или языков, распространенных в данном районе, соответствует именно тому изменению звукового облика древнего топонима, какое засвидетельствовано в данном позднейшем топониме. В противном случае возможны серьезные ошибки. Если, например, значение древнего топонима, — скажем, — „источник“, „граница“ или „холм“, то без соблюдения первого условия бесполезно отождествлять его с более поздним топонимом того же звучания, так как очевидно, что „источников“ (например, хеттск. Аринна[с]), „границ“ (например, аккадск. Муцру, Мицру) и „холмов“ (например, аккадск. Тилу) может быть множество в разных местах данного языкового ареала. Или если мы встречаем, например, название города Мазака, Мажак, то бесполезно сопоставлять его с древним этнонимом *мушки*, если мы не можем доказать, что в языке, о котором здесь может идти речь, были звуковые переходы из [ш] в [з] и [ж], из [у] и ноль в [а] и [а], то есть без соблюдения второго условия. Следует также проверять, не имеет ли сравниваемый топоним какого-либо нарицательного или собственного значения, которого древний топоним заведомо не мог иметь. Другой распространенной ошибкой является выведение топонима (названия местности, населенного пункта) из древних этнонимов (названий племен и народов). Топоним такого рода возможен, как правило, только в районах несплошного этнического ареала. В самом деле, село „Русское“ возможно, скажем, в Казахстане, но не в центральной России, где все села русские. Напротив, образование этнонимов от названий населенного пункта (центра данной области или государственного образования) возможно, хотя и встречается не так уж часто» [Дьяконов, 1968. С. 15, примеч. 13]. Здесь очень выразительно показаны сложные проблемы, связанные даже не с интерпретацией имен собственных, а с теми выводами, которые могут быть сделаны на ее основе, — локализация топонимов, основанных на иноязычных апеллятивах, невозможна без дополнительных подтверждений или альтернативных указаний, а этнонимические топонимы появляются не только в районах дисперсного проживания, но начинают свое бытование и в условиях угадания обозначаемого ими этноса на данной территории.

1.4. Методы идентификации языка ономастического пространства и конкретизации языковой принадлежности имен собственных

Наиболее простым и доступным источником гипотез о языковой основе ономастического пространства, прежде всего топонимики, являются прямые указания на этническую принадлежность обитателей — именование чукчей, юкагиров, якутов в документах. Однако не так уж мало примеров, когда такие указания мало что дают исследователю: как известно, тунгусами вплоть до начала XX в. называли и эвенков и эвенов, в то время как мы имеем возможность различать эвенкийский (тунгусский) и эвенский (ламутский) языки по текстам уже на синхронном срезе XVIII в., а по онимах и на срезе XVII в.; еще в XVIII в. путешественники плохо различали чукчей и эскимосов, адекватное различение которых в документальных источниках возможно только при наличии лингвистического материала, точно так же до начала XX в. ученые не отличали друг от друга орочей и удэгейцев.

Надо учитывать тот факт, что в определенном ономастическом пространстве топонимика может быть и *субстратной* и *адстратной*, то есть не связанной с языком современных обитателей территории. Субстратная топонимика может присутствовать по всей территории региона, границы адстратной топонимики обычно располагаются вблизи от современных или знакомых исследователям границ и зон этнических контактов и совпадают территориально с иными проявлениями этнических контактов, то есть с распространением контактных явлений в сфере этнографии. Таким образом, у исследователей имеется возможность соотносить исследуемый ареал с исторически изменяющимися ареалами расселения этносов региона с учетом историко-этнографических данных и с использованием новых данных, извлекаемых из изучаемых источников.

Языковой субстрат в ономастике обычно проявляется там, где известны следы присутствия аналогичного языкового субстрата в лексике языков или диалектов, таким образом, *ономастический субстрат* соотносителен с *языковым субстратом*. Как правило, присутствие языкового субстрата подтверждает топонимические этимологии, но возможно, что языковой субстрат не сохраняется или еще не выявлен для той или иной территории в лексике. Так, хорошо прослеживается эскимосский субстрат у чукчей, хуже заметен (и поэтому неохотно признается) корякский субстрат у восточных эвенов, серьезная проблема в лингвистике — палеоазиатский, прежде всего чукотско-корякский субстрат в Якутии и на Дальнем Востоке.

Теоретически интересной является проблема *интерстрата* — мигрантного языка, присутствовавшего на изучаемой территории в тече-

ние какого-то относительно непродолжительного времени или особого временного периода. Интерстрат — понятие, редко применяемое для характеристики языковых контактов. Если субстрат — это язык аборигенного населения, растворившегося среди позднейших пришельцев, а суперстрат — это язык пришельцев, ассимилированных местным населением (заметим, что это понятие используется весьма редко и существует в основном как антоним для субстрата), то под интерстратом понимается язык тех этносов или групп, которые находились на той или иной территории в течение относительно непродолжительного времени и в дальнейшем либо покинули ее, либо рассеялись среди местного населения. К интерстрату относится тюркская топонимика на территории Центральной России. Типичный пример интерстрата в языковых контактах — это тюркские заимствования в русском языке, вошедшие в русский язык в XIII—XV вв. Более ранние и более поздние заимствования квалифицируются как *адстрат* или, в отдельных случаях, как *суперстрат* (явным суперстратом, например, оказываются тюркизмы в названиях московских улиц). Лингвистическое свойство интерстратной топонимии — ее почти стопроцентная соотношенность с географическими апеллятивами языка-интерстрата, становящегося источником данной топонимии.

Яркий пример топонимического интерстрата — это китайязычные географические наименования, рассеянные по территории российского Дальнего Востока и зафиксированные источниками конца XIX—начала XX в.¹¹ Мы располагаем источниками, позволяющими судить о механизме появления этих топонимов в ономастическом обороте — это, среди прочего, книги В. К. Арсеньева, сохранившие этот материал даже после переименования упомянутых в них географических объектов, имевшего место в 1960-е гг. До топографической съемки и картографирования, произведенного офицерами российского Генерального штаба, эти слабозаселенные места посещались небольшими группами китайских и корейских охотников, искателей женьшеня, старателей, разыскивавших золото. Те наименования, которые эти люди давали объектам, становящимся для них ориентирами, — в основном рекам и небольшим поселениям на берегах рек, — трудно назвать топонимами в полном смысле этого слова. Однако участники экспедиций, пользовавшиеся для разработки своих маршрутов устными свидетельствами местных жителей, фиксировали в документах и впоследствии на картах те наименования рек, которые они слышали от коренных жителей и от всех своих помощников. В этом континууме позже было, по сути,

---

¹¹ См. сводку их: [Соловьев, 1975]. Следует заметить, что интерстратный, вторичный (по разным причинам), поздний характер этого топонимического слоя на Дальнем Востоке осознавался всегда.

невозможно отличить друг от друга топонимы тунгусского происхождения, принадлежащие аборигенным тунгусским языкам, и интерстратные китайские топонимы, в результате чего переименованию подверглись и объекты, носившие китайские названия, и объекты, названия которых восходили к тунгусским языкам, — впрочем, определить языковой источник топонимов в этом регионе без изучения его документальной фиксации достаточно сложно.

Еще один пример языка-интерстрата и интерстратной топонимики — это топонимы айнского происхождения на юге Камчатского полуострова и на Курильских островах. Изучение ареалов расселения айнов и археологических культур, надежно идентифицируемых с айнами, показало, что на Камчатке айны являются относительно поздними пришельцами, и это показано на археологическом материале Т. М. Диковой [Дикова, 1983]. В дополнение к этнографическим данным у нас имеются и исторические свидетельства. Уже Г. В. Стеллер отметил, что в районе озера Курильское (хороший пример этнонимического топонима в данном контексте) айны отнюдь не являются аборигенами. Один из примеров айнской топонимики на Камчатке — Паратунка, от айнского *poro-tun-nai* ‘две широкие реки’, показывает почти случайный характер привязки апеллятива к определенной местности и превращения его в топоним-ориентир.

Нам известно, что язык-интерстрат часто не сохраняется или следы его сохраняются довольно плохо либо, как тюркизмы в русском языке, не поддаются лингвогеографическим исследованиям. Гипотезы о языковой принадлежности топонимов, исходящие из предположений об идентификации тех или иных археологических культур и археологических памятников, обычно имеют комплексный характер, их истоками являются междисциплинарные исследования, и такие гипотезы обосновываются археологически, географически, этнографически и лингвистически. Гипотезы, имеющие надежные археолого-географо-этнографические идентификации, внутри которых наблюдается минимум разногласий между различными теориями и представителями разных дисциплин, могут надежно обосновываться ономастическим и лингвистическим материалом, включая адстрат и субстрат.

Уровни индивидуализации языковой принадлежности топонимов могут быть различными, степень достоверности идентификации языковой основы топонима зависит от разных причин. Она может варьировать, как и установление этимона — источника происхождения слова, от группы языков без возможности конкретно идентифицировать язык-источник названия до определенности на уровне конкретного языка и, возможно, даже до уровня определенного диалекта. Возможность более или менее точной идентификации онима зависит от звукового состава онима, от наличия или отсутствия в его составе звуковых

единиц, дающих различные соответствия между языками и диалектами внутри той или иной конкретной языковой группы. Так, тюркская языковая основа топонимов *Кара-Кум* и *Кызыл-Кум* в Средней Азии и ойконима *Кызыл* в Туве легко определима, но конкретный язык-источник в данных случаях по разным причинам не устанавливается. Название озера *Бытык-Кюель* в Якутии с очевидностью восходит к якутскому языку ('Священное озеро'), но появление в той же Якутии лимнонима *Эйик*, для которого можно предполагать то же самое значение, выглядит странным, поскольку его придется выводить либо из огузских, либо из кыпчакских языков, присутствие которых на территории Якутии довольно неожиданно. В отдельных случаях можно установить даже диалект, к которому восходит то или иное название (так, гидроним *Уксичан* 'горячая река' на Камчатке восходит к местному, быстринскому диалекту эвенского языка, в нем отражена утрата начального согласного *х-*, характерная для данного диалекта (эвен. *хөкси* 'горячий', быстринское *укси*). Приближение к наибольшей точности при идентификации топонимов возможно только с учетом данных сравнительно-исторического изучения языков, прежде всего сравнительно-исторической фонетики и лексического состава, а также с учетом данных исторической диалектологии языков для исторического изучения топонимов (так, коряжские топонимы и субстратные элементы на Охотском побережье показывают нам коряжские «дь» — диалекты, близкие к современной западной периферии распространения коряжского языка), то есть говоров Северо-Эвенского района Магаданской области и Пенжинского района Камчатского края).

Сравнительно-историческое изучение заимствованной лексики, зафиксированной письменными памятниками, изучение лексических заимствований и субстрата, равно как и исследование ономастики по историческим документам, открывает в отдельных случаях возможность обнаружения следов таких языков, которые ныне не существуют, но в прошлом выступали представителями тех групп языков, которые нам хорошо известны и ныне. Таким образом, в исторической перспективе мысли о жестком, фиксированном составе языков той или иной группы представляются излишней догмой.

Иногда внимание к сравнительно-историческим характеристикам звукового состава языков приводит к адекватной оценке и вызывает разумный скепсис в отношении этимологии и языковой принадлежности некоторых онимов — такова история с этнонимом *коряки*, который давно, со времен Г. Стеллера и С. П. Крашенинникова, сравнивают с чукотским словом *к'оран'ы* 'олень' (точнее 'домашний олень'), и при этом отмечалось, что этим словом и коряки себя не называют, и происходит из языка коряков-оленевонов оно не может, так как в их языке звук [р] чукотского языка и некоторых южных диалектов коряк-

ского языка соответствует звуку [й] или иным звукам. Скепсис оказался преодолен тогда, когда появилась возможность указать, что слово «коряки» в русских документах относилось первоначально не к оленеводам, а к приморским охотникам и что, скорее всего, восходит оно к чукотскому *ак'оракыльыт* 'не имеющие оленей, безоленные'. Этимологическая связь этнонима со словом *олень* подтвердилась, языковая основа этнонима была верно определена на уровне группы языков, первые фиксации этого наименования действительно происходят с территорий, заселенных чукчами, и, наконец, с коряками, живущими на Охотском побережье, встретились те казаки-землепроходцы, которые хорошо знали чукчей как этнос, и этими коряками были действительно оседлые безоленные коряки. Словосочетание «оленные коряки» в документах появилось спустя почти 50 лет после появления в документах наименования «коряки» (8.8).

Особую проблему или множество проблем в исследованиях ономастического и конкретно топонимического материала создают такие языки, лексический фонд которых является смешанным по своему составу. В таких случаях трудно определить надежно языковую принадлежность топонимов даже при прозрачности внутренних форм топонимов. Так, известно, что якутский язык принадлежит к тюркской группе языков, но в его лексическом составе очень много монголизмов, а среди них присутствуют и географические апеллятивы, и та лексика, которая выступает как характеризующая для топонимов, поэтому якутские топонимы, образованные от общих тюркомонгольских апеллятивов, чрезвычайно трудно идентифицировать однозначно. Для строгого разграничения собственно тюркских исконных и монгольских субстратных или суперстратных элементов необходимым и единственным инструментом, который мог бы оказать помощь в решении сложных историко-этнографических проблем, явился бы лексический атлас якутского языка и его диалектов — однако же такого атласа в настоящее время нет и скорее всего не будет.

Не меньшие сложности вызывает проблема происхождения топонимов чукотско-юкагирской контактной зоны, когда некоторые топонимы (например Анюй, Оймьякон) выводятся в равной мере корректно и из чукотского, и из юкагирского языка, при этом пока не оказывается возможным установить направление заимствования апеллятива или его историческую принадлежность обоим языкам по причине характера генетических связей юкагирского языка (3.3). Если считать юкагирский язык входящим в уральскую языковую семью, что достаточно убедительно обосновала И. А. Николаева [Николаева, 1988], то такие апеллятивы надо признавать заимствованными из юкагирского языка в чукотский, но если включать юкагирский язык в палеоазиатскую семью как генетическую общность, о чем говорит сейчас О. А. Мудрак

[Мудрак, 2000а. С. 133—148], то такие лексические единицы придется считать чукотско-юкагирскими.

При характеристике языковой основы топонимов и квалификации топонимов как восходящих к языку аборигенного населения или появившихся позднее в результате этнокультурных или этносоциальных контактов необходимо иметь в виду специфические особенности фиксации отдельных топонимов или топонимов определенного региона.

Так, топонимы и в первую очередь гидронимы северного, северо-западного и западного побережий Охотского моря, имеющие надежно определенную ныне корякскую языковую основу, оказываются непохожими по форме на корякские топонимы, так как практически все названия рек, впадающих в Охотское море на этом участке его побережья, не имеют характерного корякского гидронимического форманта *-ва-ям/-веем* 'река'. Причина этого явления заключена в том, что все объекты, получившие свое наименование в середине XVII в., были открыты землепроходцами со стороны моря, и названия рек в этом регионе восходят к названиям каких-то объектов на морском берегу или в устье этих рек, но не являются собственно названиями этих рек, для нас, очевидно, навсегда утраченными.

Наблюдения над документами, подводящими итоги морских походов землепроходцев, будь то экспедиция М. Стадухина 1649 г. (7.1), ранние плавание к востоку от Колымы до походов С. Дежнева и М. Стадухина или плавание того же Стадухина по Охотскому морю (7.2—7.4), показывают, что топонимика, собранная в морских походах, имеет фрагментированный и случайный характер (подобно тому, как этнографические наблюдения моряков обычно представляют быт приморских жителей). Хороший пример здесь — почти полное отсутствие материалов по топонимике Арктического побережья во второй половине XVII в. К тем же явлениям относится невозможность отыскать некоторые реки, согласно указаниям документов, точнее данным расспросов, впадающие в Северный Ледовитый океан, и трудности с открытием острова Айон, географическое положение которого было с исключительной точностью изложено местными жителями-чукчами (4.3.1).

1.5. Состав ономастикона: топонимы, этнонимы, антропонимы

1.5.1. Методы работы с ономастическим материалом: топонимы

Учитывая известный опыт исследования, то есть идентификации, интерпретации и комментирования топонимов, наработанный в исто-

рических, историко-географических и этнографических исследованиях, мы можем описать механизм исследования топонимического материала и отдельных топонимов в виде ряда следующих процедур:

1. Отграничение собственно топонимов от географических апеллятивов и идентификация апеллятивов. Для уверенности в том, что перед нами именно топоним, а не слово экзотического аборигенного языка со значением 'гора', 'река', 'озеро', 'море', достаточно будет посмотреть список слов-апеллятивов языка, описываемого в документе этноса, который легко извлекается из русско-национального словаря, или воспользоваться специальным словарем географических апеллятивов, таким как словарь Э. М. Мурзаева или словарь Е. Н. Поляковой ([Мурзаев, 1984; Полякова, 1972; 1988; 2007]; см. также: [Барандеев, 2010]).

2. Определение возможной языковой принадлежности топонима. Языковая принадлежность топонима, если для этого в анализируемых документах отсутствуют прямые указания, с достаточной надежностью определяется исходя из аналогии с топонимическим ландшафтом региона, она может быть установлена по сопровождающим топоним географическим апеллятивам, хотя наилучшим способом обоснования языковой отнесенности топонима является его этимология, раскрытие его внутренней формы и значения.

При невозможности однозначно определить языковую основу топонима в силу его внешнего облика и неоднородности языковой среды внутри ономастического пространства региона, а также в случае сомнительности имеющихся идентификационных или этимологических решений определение языковой принадлежности топонима осуществляется по потенциальному языку-адстрату, субстрату, реже — интерстрату, который потенциально может проявляться на данной территории. Гипотезы о языке-субстрате, который может быть источником топонимов, обычно основываются на этнических идентификациях археологических культур, предположения об адстрате формулируются исходя из известной динамики изменения границ расселения того или иного этноса и соседствующих с ним этносов, причем ранние межэтнические границы и факты их перемещения в ту или другую сторону почти всегда в той или иной форме отмечаются в документах по истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока.

При выборе из двух или нескольких возможностей идентификации языковой основы топонимов более ожидаемая языковая принадлежность — та, которая основана на совпадении локализации топонима и знания о стабильности заселения данной территории этносом — всегда должна оцениваться как более предпочтительная, но в таких случаях от ожидаемой языковой принадлежности прогнозируемой является и более очевидная и не осложненная проблемами этимология.

Так, И. С. Вдовин высказал мнение о том, что некоторые топонимы Охотского побережья могут иметь иную, а именно эскимосскую языковую основу (см.: [Топонимический словарь... 1989. С. 10—11]), однако данное предположение не подтвердилось, так как учет формантного анализа и лексического состава мотивирующих основ позволил восстановить прежнее представление о коряжской языковой основе таких топонимов и дать их этимологическое объяснение.

Здесь необходимо заметить, что как надежно определяемая языковая основа отдельных топонимов, так и выстраиваемые или обосновываемые предположения о субстратном или адстратном характере каких-либо топонимов всегда должны находить поддержку в виде топонимического фона из однородных в языковом отношении и надежных в плане этимологии топонимов, располагающихся на данной территории — без соответствия изучаемых топонимов известному топонимическому фону доказательность анализа топонимов существенно снижается. Так, и якутские и тунгусские топонимы Якутии создают ярко выраженный топонимический фон для анализа материала, но, как выясняется, и палеоазиатские (юкагирские и чукотско-коряжские) топонимы по результатам их изучения (3.3) сами создают достаточно заметный фон для продолжения выявления палеоазиатской топонимики в Якутии и, вероятно, в смежных регионах.

Хорошим критерием определения языковой основы топонимов, если речь идет о языке-субстрате, является присутствие такого же субстрата в словарном составе языков или диалектов, распространенных на той же территории, где фиксируются изучаемые топонимы. Так, обоснованием палеоазиатского характера топонимики Якутии является наличие юкагирских и чукотско-коряжских элементов в диалектах якутского языка и диалектах эвенкийского и эвенского языков, распространенных на территории Якутии (несмотря на то что эта проблематика для данных языков в лингвистике пока практически не разработана). Перспективным для этимологизации топонимов Дальнего Востока является присутствие чукотско-коряжских субстратных элементов, обоснованное примерами, присутствующими в ритуальной лексике удэгейского языка [Бурыкин, 2000. С. 69—73] и в лексике иных языков южнотунгусской группы (ульчского, нанайского) [Бурыкин, 1984. С. 20—23], а также нивхского языка.

Однако языковой субстрат, даже если его удастся обнаружить и идентифицировать, не обязательно проявляет себя в топонимике (обратное верно почти всегда: если мы встречаемся с топонимикой, языковая основа и субстратный характер которой определены, мы всегда отыскиваем проявления субстрата в лексике языка, ныне распространенного на данной территории). Так, тюркских топонимов на Среднем Амуре нет, в то время как тюркский языковой субстрат прослеживается

ся при сравнительно-сопоставительном изучении лексики конкретных языков народов Приамурья, входящих в южнотунгусскую группу [Гирфанова, 2001], и там же выявляются следы присутствия тюркских элементов в вещественных памятниках [Деревянко Е. И., 1990]¹².

3) Локализация топонима на местности и на современной карте. Основным средством отождествления топонима, упомянутого в исторических документах, и топонима, находимого на современной карте, почти всегда является тождество или максимальное сходство внешней формы топонима (см., в частности: [Шавкунов, 1992. С. 74—77]). Иные критерии проверки гипотез о локализации топонима в документе — это тщательный анализ всех сведений документа, позволяющих верифицировать локализацию топонима, основанную на формальном критерии тождества, и сведений из континуума документов, содержащих данный топоним. К таким сведениям относятся расстояние до объекта хотя бы в днях пути (предпочтительно с указанием используемого транспорта и маршрута), объекты и топонимы-ориентиры, позволяющие оценить месторасположение объекта относительно их расположения на местности (лучше всего, если они присутствуют в рассматриваемых документах)¹³, характер этнического окружения и его идентификация по этнониму или характерным чертам быта и культуры. Из данных других источников, позволяющих вести идентификацию топонимов ретроспективным методом, полезными являются сведения о старых, более ранних наименованиях объектов.

4. Установление надежной этимологии топонима — это следующий этап в его исследовании, тот этап, который дает однозначно наиболее надежные представления о его языковой основе и который превращает топоним в ценный источник историко-этнографической информации.

Информация, содержащаяся в топониме, ограничена по объему, но она соотносится с такими данными, как присутствие на данной территории этноса-носителя языка, какие-то географические или этногра-

---

¹² Была предложена оригинальная методика выявления языковых ареалов, связанная со сравнительной частотностью отдельных звуков в языке и в топонимическом материале [Деопик, Членов, 1970. С. 62—73], однако она очень трудоемка и едва ли применима для регионов с многослойной топонимикой, так как предполагает точные записи топонимов и их бесспорные этимологии.

¹³ Эта информация исключительно важна: так, дневная скорость передвижения на оленьей упряжке оказалась ценной для решения столь разных проблем, как возможность достичь побережья острова Врангеля с материка в конце XVIII в. и определение точной даты гибели этнографа Н. А. Котовщиковой на севере Ямала летом 1929 г., когда надо было установить время пути от мыса Хэсая (где ныне находится могила Н. А. Котовщиковой) до ближайшей радиостанции Марре-сале.

фические характеристики объекта, связь объекта с какой-то социальной группой или ее отдельными представителями (при отражении личных имен в топонимах), точечные проявления хозяйственной деятельности или форм транспорта этноса, проживающего на данной территории. Понятно, что такой характер и объем информации оказывается полезным только с учетом данных иных источников, содержащих какие-либо конкретные этнографические данные.

1.5.1.1. Критерии достоверности этимологических объяснений топонимов и методы топонимических исследований

Исходя из опыта этимологических исследований топонимов и даже из опыта чтения топонимических словарей, дающих этимологии топонимов, можно сформулировать критерии надежности и достоверности этимологий и этимологических решений, предлагаемых для топонимов.

Наиболее надежные этимологические объяснения топонимов — это те, что связывают зафиксированный в источниках и существующий ныне на картах и в атласах топоним с географическим апеллятивом какого-то языка и/или включают в себя характеризующие визуально наблюдаемые признаки объекта, к которому относится данный топоним¹⁴. Этот же прием является наиболее эффективным при оценке конкурирующих этимологий топонима — этимология, связывающая топоним с апеллятивом или характеристикой объекта, всегда предпочтительнее, чем любая другая этимология (связь топонимов с личными именами — характерная черта топонимических легенд и народных этимологий: она всегда предлагает плохо верифицируемое решение и однозначно освобождает от языковой определенности производящей основы топонима)¹⁵. Топонимы как класс ономастических единиц и существуют в языке как раз для того, чтобы передавать экстра-ситуационную информацию об объекте, давать ему такую характеристику, чтобы объект был опознаваем и теми, кто его ранее не видел, но знает его название и значение этого названия.

---

¹⁴ Продуктивность именно таких семантических исследований в области топонимии блестяще доказана А. К. Матвеевым в целом ряде его работ, начиная с новаторской основополагающей статьи (см.: [Матвеев, 1969. С. 192—200]) и подтверждена на практике.

¹⁵ См.: Юркенас, 1979; Мокиенко, 1980. С. 189—193; Иллич-Свитыч, 1962. С. 216—219; Тома, 1982. S. 131—137; Морозова, 1970. С. 84—88; Матвеев, 1973. С. 332—355; 1986; Серебренников, 1959. С. 36—50; Клепикова, 1970. С. 60—69; Васильев, 2001; Дьякова В. И., 1973.

Повторяемость топонимов, связанных с географическими апеллятивами и характеризующими однородные объекты определениями, поддерживающая изложенные выше приемы этимологического исследования топонимов и верификации топонимических этимологий, естественным образом дает начало *методу аналогий* в топонимических исследованиях и топонимических этимологиях. Этот метод, основанный на презумпции повторяемости топонимов, в первую очередь тех, которые содержат географические апеллятивы и вербальные характеристики обозначаемых ими объектов, сам по себе достаточно эффективен. Он позволяет идентифицировать тождественные по значению топонимы, зафиксированные в разных источниках с разной степенью точности передачи звучания топонима. Так, многократная повторяемость гидронима Вылгилвеем на Чукотке позволяет найти подход к объяснению единичного гидронима Виллой в Якутии, который не находит убедительного толкования из других языков.

Однако кроме очевидных достоинств, этот метод имеет и некоторые недостатки — его применение в частных случаях заставляет исследователей идти на неоправданные допущения в преобразовании внешнего облика топонима. Это хорошо видно на примерах, когда толкователи ищут в топонимах разноязычные слова «вода» и «река», пренебрегая в равной мере и ареалами распространения слов, и ареалами расселения этносов. Попытки дать авторскую этимологию топонима Магадан побудили Б. П. Важенина вывести аналогию в метод поиска и количественного увеличения топонимов-дублетов [Важенин, 2002. С. 294—295; 2003], но при этом оказалась потеряна как сама языковая основа этимологизируемого топонима, так и основа топонимов-псевдоаналогов. Весьма коварными для интерпретации становятся сходства разных топонимов — такова форма *Могол* в антропонимике чукчей, ассоциирующаяся с этнонимом *монголы* (8.7), или форма *Едель* в антропонимике юкагиров, принятая Г. Стеллером за название волка (6.2), толкование её основывалось, видимо, на неточно переведенном созвучном чукотском слове.

Любопытной оказалась ситуация с топонимами *Анадырь* и *Энмаатгыр* (5.1; 7.1), где несколько поколений исследователей не замечали тождества двух разных названий (отчасти причиной этого была малая известность другого объекта — Энмаатгыра на Арктическом побережье: сыграл свою роль и догмат о якобы юкагирском происхождении этого топонима). Еще один недостаток метода аналогий, таким образом, заключается в возможности отождествления названий двух или нескольких разных объектов.

Можно без преувеличения сказать, что едва ли найдется еще хотя бы один научный метод или группа методов, которые бы столь часто встречались в популяризованных и вульгаризированных изложениях

ях, как методы топонимических исследований. Популярность и популяризация изложения топонимической информации, относящейся как к науке, так и к названиям, сослужила плохую службу топонимической науке. Исследователи стали искать отмычки к загадкам топонимики либо в географическом схематизме этимологических решений (каждая река — «вода» или «река»), либо в краеведении среди мнений знатоков. Требование учитывать все возможные версии и источники информации стало играть злую шутку с исследователями, которые ныне в целях полноты охвата источников и обобщения максимума информации вынуждены учитывать и рассматривать всерьез явные вымыслы. Более того, иногда детальный обзор заведомо несерьезных этимологических версий становится приемом в конкурентной борьбе за наиболее широко известную этимологию (нечто подобное можно наблюдать в трудах Б. П. Полевого о топониме *Камчатка* (6.1)).

Особая проблема в изучении топонимики русскоязычных документов по истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока — это проблема ранней топонимики с русской языковой основой. Здесь возникают самые разнообразные вопросы — предположения об отонимическом, чаще всего об отантропонимическом характере топонима и персонификации исходного антропонима, то есть об отождествлении предполагаемого имени с потенциальным носителем такого имени¹⁶, гипотезы об отэтнотопонимическом характере топонимов, обстоятельства появления русских топонимов, образованных от имен нарицательных и не укладывающихся в типичные, хорошо известные, модели образования русскоязычных топонимов. Такие вопросы возникают при интерпретации топонимов *Камчатка*, *Михалкино*, *Марково*, *Чукча*, *Федотовщина*, остров *Котельный*.

Для исторических и историко-географических исследований, а также отчасти и для исторической этнографии значимыми и важными оказываются сообщения об указанных в документах или на картах или описанных словесно, но не названных по имени объектах, с которыми связаны те или иные исторические события или события из истории исследования региона — внетопонимические именованные объекты, такие, которые не стали топонимами и которые выглядят в приложении к описываемым регионам как случайные именованные, какokka-

---

¹⁶ В методологическом отношении, как мы уже отмечали, очень важно то, что персонажи топонимических легенд чаще всего либо имеют неопределенную этническую принадлежность, либо идентифицируются с какими-то иноплеменниками, чьи личные имена не поддаются упорядочению и не имеют мотивировки в языке тех, кто ныне рассказывает такие легенды. Исключение составляют русскоязычные легенды, относящиеся к топонимам с русской основой.

зионализмы. В отношении таких объектов впоследствии становятся актуальными проблемы первооткрывательского приоритета (таковы ранние сведения об острове Врангеля (8.10; 8.11)¹⁷, проблемы отождествления указанных в документах объектов с какими-либо ныне известными объектами или точками координат (земля Андреева) или самого факта существования объектов (как, например, Земля Санникова). В такого рода исследованиях и разысканиях большое значение имеет проблема названий-ориентиров, по отношению к которым указывается географическое положение неизвестного объекта, а также место записи, место получения информации о таком объекте. Здесь в исследовании большое значение имеет время фиксации и авторство фиксации тех или иных наименований, а также связанность именованных и их совместная встречаемость в отдельных документах и в группах документов. Пример — наименования «море Ленское» и «море Амурское» у Н. Спафария, по-новому раскрывающие проблему приоритета открытия Камчатского полуострова (7.2).

Лингвистический и источниковедческий анализ топонимов, представляющих собой наиболее устойчивый класс значимых имен собственных, предполагает такой компонент предварительной оценки материала, как роль формы первых фиксаций топонимов, учет языковой ситуации при первых фиксациях, формирующих межъязыковые ассоциации, необходимость изучения процессов адаптации иноязычных топонимов. Видимо, одним из постулатов исторических и историко-географических исследований должно стать то, что более ранние фиксации формы топонимов (не обязательно самая первая фиксация) лучше отражают звучание топонима в языке-источнике и могут долго сохранять отдельные детали формы топонима в языке-источнике или языке-посреднике, и, соответственно, они более наглядно раскрывают значение топонима для его этимологического исследования. Позднейшие формы топонимов носят на себе черты фонетической адаптации местных названий русским языком, они показывают нам встраивание топонима в морфологическую систему русского языка, а также, что не всегда учитывается, формируют вокруг топонима определенный смысловой ореол, который проявляется в исследованиях. Так, только две фиксации гидронима *Колыма* в виде *Ковым* вскрывают его исходную форму, важную для установления этимологии; адаптированные к русской грамматике формы Ковыма, образовавшиеся по аналогии с топонимами женского рода за счет совпадения форм мужского и женского рода в формах местного падежа «на Ковыме», в этом плане уже менее интересны (3.2.7). Тонкий нюанс, на который можно было

---

¹⁷ О различиях в приоритете открытий и перводостижений в оценке результатов походов и путешествий см.: [Никитин, 2001. С. 135—144].

бы и не обратить внимания, — редкие и очень ранние формы типа *Комчатка*, *Кончатка*, относящиеся к топониму *Камчатка*, стоят ближе к исходной форме этого топонима, чем его русифицированная форма, ассоциированная исследователем с русским названием тканикамки и фамилией казака Ивана Камчатого (6.1). Впрочем, ценность форм ранних фиксаций топонимов не является абсолютной — так, ранние записи топонима Анадырь скорее запутывали исследователей, нежели указывали на исходный этимон, к тому же именно они не позволяли даже определить языковую принадлежность топонима или не давали оснований усомниться в его юкагирском происхождении.

Интересные факты для изучения исторической топонимики региона представляют и топонимы, имеющие поразительно устойчивые формы написания. Так, практически без вариантов записывается название реки Омолон (3.3), хотя наша этимология этого названия предполагает его адаптированность теми местными жителями или, скорее, пришлыми землепроходцами, которые владели якутским языком.

Для локализации топонима с целью получить максимально достоверные и надежные данные заметную роль играет сравнение различных «чертежей»-карт, описаний и документов с позднейшими и современными картами и топонимическими источниками — словарями, атласами и т. д. Один пример — на известном чертеже 1672—1673 гг. река Камчатка оказывается единственной рекой между устьем Амура и устьем Лены (6.1) — можно не говорить о том, что утверждение, согласно которому на этой карте изображена река, протекающая по полуострову Камчатка и носящая имя Камчатка, оказывается излишне рискованным. Довольно непростой задачей оказывается сравнение последовательных перечислений топонимов в определенном направлении, так как их отождествление предполагает выбор определенного топографического масштаба поисков, если в документе нет указаний на расстояние между перечисляемыми объектами, хотя бы выраженного, как в «Росписи рекам» Алексея Филиппова (7.11), во времени и способе передвижения от одного объекта до другого. Выбор масштаба поисков объектов, известных по тем или иным документам, на современной карте остается на усмотрение исследователя.

Эта же проблема — проблема выбора масштаба поисков для отождествления географического объекта, указанного в документах, с реальным объектом на местности при учете тождества или сходства названия, имеет более глубокий смысл как более общая проблема топографического кругозора информанта и путешественника. Здесь одним из постулатов и инструментов анализа может и должно стать то, что топографический кругозор информанта всегда намного уже, чем познания и интересы расспрашивающего, кто бы ни был на месте последнего — землепроходцы XVII в., участники академических экспе-

диций XVIII в., путешественники XIX в. или топографы XX в., тем более — топонимисты или историки. Необходимость варьирования масштаба поиска объекта на местности или на карте по его названию, известному из документов, особенно наглядно проявляется в ситуации с легендарными реками Чукотки XVII в. (4.2—4.4).

Дополнительными материалами для анализа топонимов, встретившихся в исторических документах, являются современные карты регионов и региональные топонимические справочники, а также топонимические словари России или мира, включающие историко-этимологические объяснения топонимов разных регионов России, литературу по топонимике от частных исследований до краеведческих заметок, описания путешествий по изучаемому региону, относящиеся к более поздним периодам. По последним источникам можно верифицировать не только именованья объектов, но и постоянные маршруты, расстояния, этнический состав населения региона и отдельных территорий. Важно учитывать, что, например, в сочинениях моряков часто можно найти прекрасные историографические очерки, освещающие в деталях отечественные и зарубежные путешествия по региону с историей его открытия исследования, которые часто содержат ценнейшие этнографические подробности или иные разнообразные материалы по этнографии или даже языку коренного населения. Эта топка источников должна учитываться и в исторических, и в этнографических исследованиях. Так, в описаниях морских плаваний в Западной Арктике имеются данные моряками нескольких поколений замечательные описания ненецких святилищ на Болванском Носу, по которым можно наглядно проследить эволюцию этого интереснейшего культового объекта ненцев (см.: [Бурькин, 2004а. С. 210—218]).

1.5.1.2. Применение формантного анализа в топонимии, его достоинства и недостатки

Формантный анализ, то есть выявление и систематизация определенных языковых элементов, характерных для того или иного класса географических названий (названий рек, озер, гор и т. д.) стал признанным инструментом топонимических исследований начиная с XIX в. — с трудов А. Х. Востокова [Бондарук, 1970. С. 19—24]. Особенную популярность он получил при изучении топонимии Европейского Севера, Урала и Сибири, то есть тех регионов, языки населения которых недостаточно изучены и исследователь не может с легкостью «читать» топонимы с карт и из заметок путешественников. Более того, формантный метод превратился в краеугольный камень географической топонимики, которая, в отличие от лингвистической, активнее

оперирует моделями наименований географических объектов и стремится максимально упростить анализ языкового материала, положительной стороной чего является тщательное собирание местных географических апеллятивов [Мурзаев, 1984], отрицательной — излишне устойчивая привязка топонимических идей к гипотезе о языковой основе субстратной топонимии.

Однако имеются разнообразные группы топонимического материала, в отношении которых формантный анализ либо вообще неприменим, либо дает ошибочные результаты.

1. В топонимике наблюдается такое явление, как омонимия топонимических формативов, при которой топоформант одного языка обнаруживает сходство с морфологическими показателями топонимов другого языка (не обязательно цельными формантами), при этом генетические или ареальные связи между этими языками могут отсутствовать или быть недостоверными, а сходство формативов оказывается случайным. Пример такого сходства — аналогия между иранским гидронимическим формантом *-дон* и юкагирским морфологическим показателем гидронимов *-д-он*, состоящим из суффикса генитива *-д* и форманта *-он*, очевидно, восходящего к юкагирскому слову *эунг* ‘река’. Высказанная А. П. Дульзоном аргументация в пользу гипотезы о контактировании носителей юкагирского языка с иранскими народами в районе Алтая таким образом не подтверждается на уровне формативов, но обнаружение юкагироязычной топонимии в Прибайкалье говорит о том, что с этноисторической точки зрения эта гипотеза не была лишена оснований.

2. Сами по себе топоформанты не являются языковой универсалией. Есть языки, в которых топонимия не имеет специальных показателей, и есть языки, где такие показатели обязательны. Русская топонимика не имеет специальных формативов, однако в Карелии и сопредельных регионах элементы *-река*, *-ручей*, *-гора*, *-озеро*, а также некоторые местные термины, в основном оронимы (*конда*, *сельга*), калькируют соответствующие прибалтийско-финские топоформанты, и морфологическая маркированность топонимии региона оказывается благоприобретенной.

3. Имеются языки, в которых морфологическая маркированность характерна не для всех групп географических объектов. Так, в нивхском языке маркированы лишь названия поселений, при этом топоформант *-во* соотносится с полнозначным словом *во* ‘деревня’, ‘поселок’. Нивхские по происхождению наименования природных объектов не имеют морфологической маркировки. В свою очередь, в чукотском и корякском языках, где существует четкая система гидронимических формативов, и оронимические формативы, названия поселений не имеют

специального оформления и обычно совпадают с названиями близлежащих географических объектов.

4. В отдельных случаях, даже если язык названий региона предполагает формантную маркировку топонимики и в топонимическом ландшафте преобладают названия, имеющие топонимические форманты, в этих названиях иногда бывает трудно распознать отдельные редкие топонимические форманты, что приводит к ложным предпосылкам в установлении их (названий) этимологии. Название реки Анадырь (Онандырь и др. в документах XVII в.) считалось юкагирским из-за сходства с юкагирским словом *энуг* 'река' и несходства с чукотскими гидронимами на *-ваам/-вээм* (5.1). Однако в названии Анадырь предполагается присутствие редкого чукотского топоформанта — *аатгыр* 'ручей в скалах', а само название выводится из чукотского Энматгыр 'Ручей, протекающий в скалах', при этом оказывается, что один из притоков реки Анадырь, река Энмываам (истоки реки Белой), в переводе с чукотского 'Скалистая река', имеет ту же самую лексическую основу, что и название Анадырь, и отличается от него только своим топоформантом.

5. Общепринятые написания топонимов, представленные на современных картах и кодифицированные справочниками и словарями, могут не соответствовать их облику в языке-источнике. Нередко более архаические написания топонимов, в большей степени соответствующие звучанию в языке-источнике, фиксируются наиболее ранними документами. Пример — современные гидронимы Колыма и Амгуэма. По своему внешнему виду они вполне вписываются в представления о финно-угорских гидронимах на *-ма*, характерных для европейского и западносибирского ареалов. Однако в источниках середины XVII в. название реки Колыма встречается в виде *Ковым*, *Кувым*, что весьма близко к предполагаемой нами исходной форме названия в виде чукотского Куйвывеем 'Наледная река', это название встречается на Чукотке десятки раз (3.2.7). Река Амгуэма по-чукотски — *О'мваам*, этимология этого названия неясна, хотя чукотское происхождение его оспариваться не может. Современная русская форма гидронима Амгуэма довольно позднего происхождения, она ничего не дает ни для установления основы, ни для идентификации топонимического форманта.

6. Иногда, в особенности в топонимике субстратного происхождения, топоформанты выступают в преобразованном, «стертом» виде и могут не распознаваться вообще или вызывать ложные аналогии. Так, названия рек Улья и Ульбея на Охотском побережье (Хабаровский край) имеют общий компонент *-я*, сходный с гидронимическим формантом в некоторых уральских языках. В действительности, как кажется, эти названия имеют корякское происхождение: название Улья может восходить к чукотско-корякскому Вылгилвеем 'Березовая ре-

ка', а название Ульбея — к чукотско-корякскому Вульвьивеем 'Поперечная река' (7.4). Известно, что автохтонное население Северо-Западного Приохотья до прихода в эти места эвенов составляли коряки, языку которых и принадлежит большая часть местной топонимики.

7. Даже в тех случаях, когда в языковой основе топонимики предусматривается ее формантная маркировка, история конкретных названий и история формирования топонимического ландшафта могут сделать формантный анализ бесполезным и осложнить исследование происхождения топонимов. Такая ситуация характерна для гидронимики Северного Приохотья. Здесь, по сути, все названия рек, впадающих в Охотское море, имеют корякское происхождение, однако современные наименования рек восходят к названиям каких-то объектов в устьях рек или утрачивают топонимический формант. Так, названия рек Гижига («Изига» середины XVII в.) и Вилига имеют общий элемент *-га*, но восходят к корякскому диалектному *г'эджыгыйн'ын* 'брод' или 'устье реки', и *вэлыгыйн'ын* 'место обмена', то есть содержат в своем составе не гидронимические форманты, а словообразовательные суффиксы и изначально не являются названиями рек (5.2; 7.3). Название реки Яма недалеко от Магадана еще в XVIII в. было записано Я. И. Линденау как Яма-Войем — с корякским гидронимическим формантом, впоследствии утраченным, очевидно, вследствие адаптации названия эвенками, в языке которых нет топонимических формантов, при этом утрата форманта может быть связана именно с двуязычием, исключая механическое заимствование маркированного топонима, а первооткрыватель тех мест Михаил Стадухин в середине XVII в. записал это же название как Емова — с искажением топонимического форманта (7.3). Относительная однородность топонимического ландшафта не всегда означает одинаковый характер языковой основы топонимов: название реки Пенжина по внешнему виду не выделяется среди вторичных гидронимов корякского происхождения, превратившихся в таковые по смежности и не имеющих гидронимического форманта, однако этимологический анализ показывает, что это название, вероятнее всего, является не корякским, а юкагирским и происходит от юкагирского *пиэд'э-н-энунг* 'Лосиная река' (7.3). Характерный юкагирский гидронимический формант, как полагают, представляющий собой усечение слова *энунг* 'река' в данном случае отсутствует.

Если исследователь ставит перед собой цель получить наиболее надежные результаты, то сфера применения формантного метода или формантного анализа в топонимических исследованиях оказывается довольно ограниченной. Формантный анализ применим прежде всего там, где топонимы имеют специальную языковую маркировку и где эта маркировка соотносительна с географической номенклатурой. Формантный анализ позволяет идентифицировать языковую принад-

лежность топонимов в массовом материале названий, относящихся к одному региону. Однако этот анализ неприменим, например, к топонимике тунгусоязычного происхождения, так как суффиксы, участвующие в ее образовании (чаще всего уменьшительные и увеличительные), не являются топонимическими формантами. Исключение составляет только тунгусская топонимия маньчжуроязычных карт, где присутствие апеллятивов — маньчжурского *ула* 'река' и тунгусского *бира* 'река' — может помочь в определении былых границ расселения севернотунгусских народов (эвенки) и южнотунгусских народов (нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы). Весьма часто регулярное сходство частей топонимов по самым разным причинам не позволяет рассматривать совпадающие части названий как топонимические форманты, и перед исследователями топонимики в таких ситуациях встает задача отграничить собственно топонимические форманты от случаев омонимии топонимических формативов, деформации исходных формантов, ложных топонимических формантов и т. п.

Формантный анализ в интердисциплинарной топонимике породил целую группу методов интерпретации географических названий, в которых поиски разноязычных апеллятивов и их корней в составе топонимов превратились в самоцель, а вывод этноисторического характера стал зависеть от случайных сходств морфем или произвольно выделенных частей слов, находимых в разных языках. Недостатки приемов перенесения семантики и языковой основы формантов в основы топонимов стали видны уже при экспликации ареально-ретрогрессивного метода А. П. Дульзона (см.: [Попова В. Н., 2000. С. 50—53.]) — чем больше компонентов выделяется в составе конкретного топонима, чем меньше инвентарь элементов-апеллятивов и чем шире круг привлекаемых для объяснения языков, тем менее надежной делается этимология объясняемого топонима и тем большие искажения в историко-этнографических выводах будут отмечаться в итогах исследования. Эти же проблемы метода исследования характерны для работ А. М. Малолетко [Малолетко, 1992; 1999; 2000; 2002; 2004а, 2005, 2006].

1.5.1.3. Топонимикон исторических источников и современная топонимика

Топонимический материал исторических источников в ходе исторического или этнографического исследования неизбежно сверяется как в фактологическом, так и в содержательном, интерпретационном аспекте с материалами по топонимике, отражающими современное ономастическое пространство и современную географическую карту региона.

В плане присутствия материала в таких случаях, по сути, достаточным является факт совпадения или сходства наименования объекта и указания его локализации с именем объекта и локализацией его на современной карте.

Гораздо сложнее обстоит дело со случаями **невьявленного смешения топонимов и апеллятивов**¹⁸. Так, слово *чондон*, *чендон* принималось за конкретный, пусть и повторяющийся топоним, в то время как оно им вообще не является, за исключением одного-единственного случая, когда оно в этой роли закрепилось (5.2). Сложности представляют малоизвестные **факты наличия в регионе сходных или тождественных топонимов** (гидронимы Пенжина на Охотском побережье и Пеженка в бассейне Анюя (7.3), Энмаатгыр на Арктическом и Анадырь на Тихоокеанском побережьях (5.1; 7.1). Серьезные проблемы возникают при отождествлении языковой основы и этимона сходно звучащих топонимов разных регионов, а также ошибочной идентификации топонимических формантов. Так, толкование гидронима Анюй в бассейне Амура из юкагирского или чукотского языков (3.3), особенно из юкагирского, остается гипотезой, предполагающей обширные миграции юкагириков и громадную территорию их расселения).

Материал современных топонимических словарей — как общих, так и региональных, причем в большей степени общих топонимических словарей (таких как словари В. А. Никонова и Е. М. Поспелова), характеризуется своей внутренней системной спецификой, которую нельзя не принимать в расчет при намерении использовать топонимику в качестве источника новой позитивной исторической и этнографической информации.

Однако здесь имеется серьезная проблема, отмечаемая при использовании языкового, и прежде всего ономастического материала в исторических и междисциплинарных исследованиях, и прежде всего с опорой на словари или словарные методы тотальной этимологизации больших массивов топонимов, — это симплификация, или упрощение методического аппарата в таких трудах до аппарата частных дисциплин и его дальнейшая содержательная редукция, побуждающая исследователей пользоваться готовыми положениями и выводами. Наглядный пример тут — крайнее упрощение методов этимологизации топонимов до простого подставления в их структуру похожих по форме и предметной отнесенности разноязычных географических апеллятивов, которое к тому же сопровождается сужением репертуара таких апеллятивов, то, что можно назвать своеобразной географизацией топонимики. Это мы наблюдаем ныне в работах А. М. Малолетко, где гипо-

---

¹⁸ О трудностях различения собственно топонимов и апеллятивов в многоязычном ономастическом пространстве см.: [Теуш, 2003].

тезы археологов, слабо подтверждаемые этнографами и не находящие поддержки у лингвистов в том, что касается «не местного» для региона материала, обосновываются сходством каких-то названий или их частей с минимальным набором апеллятивов из самых разных языковых групп вне сравнительно-исторического анализа соответствующих языковых фактов [Малолетко, 1992; 1999; 2000; 2002; 2004а, 2005, 2006]. Такой подход к топонимическому материалу — безразлично, с опорой на словари или в персональном опыте автора — лишает ономастический материал заложенной в него самой историей информативности или побуждает подгонять собственные схемы под чужие построения. При подобном использовании топонимики в исторических исследованиях в качестве «говорящего» компонента выступает не семантика онама или ситуация его появления и фиксации, а исключительно языковая основа топонима, к тому же определяемая менее точно, нежели при любых иных предположениях, в основу которых закладываются историко-археологические или ареальные (этнографические или лингвистические) данные.

Еще хуже получается, когда топонимия какого-то региона, не до конца исследованная в плане определения языковой основы и семантики, начинает изучаться как некий самоценный лингвокультурный факт ([Калинина, 2008. С. 58—60; 2009] и другие работы того же направления (см.: 2.5; 2.6 и др.)), по умолчанию принадлежащий одному, в лучшем случае двум языкам. То же становится характерным для изучения этнонимов, зафиксированных в исторических источниках и сохраняющихся до наших дней [Ангархаев, 2005], а также для объяснения исторических и мифологических топонимов [Халтуева, 2009].

Топонимика как междисциплинарная система знаний о названиях географических объектов (о ее новых качествах см.: [Ханмагомедов, Гебекова, 2011. С. 24—35]) имеет свои особенности в частных науках — в географии и в лингвистике. Географическая топонимика — иногда ее называют «Общая топонимика» или «Географическая ономастика», и имеются даже учебники по такой дисциплине [Жучкевич, 1986; Малолетко, 1995; 2004] — на современном этапе выработала достаточно эффективную методику этимологического исследования топонимов посредством связывания их с географическими апеллятивами — именами нарицательными, относящимися к типам географических объектов. Как уже отмечалось, важным вспомогательным ресурсом для таких исследований являются словари географических апеллятивов — географических терминов, имеющие большую ценность и для изучения лексики языка или языков, распространенных в регионе (см.: 1.5.1 и далее, 1.6). Этот метод этимологического исследования топонимов и в самом деле очень эффективен и настолько надежен, что именно соотносимость с апеллятивом («река», «исток реки», «устье

реки», «мыс», «залив», «гора» и т. п.) или с характеризующими апеллятив лексическими единицами («Большая река», «Березовая река» и т. п.) оказывается лучшим из критериев верификации топонимических этимологий в спорных и сомнительных случаях. Однако в географических трудах и словарях, подготовленных географами, нередко языковая основа и исходная форма топонимов определяется слишком приближенно (ср. трактовку названия Енисей у В. А. Никонова и в более поздних исследованиях: 2.4), не учитываются альтернативные этимологии, ориентированные на иную, нетривиальную для традиции языковую основу; наконец, источником нового типа ошибок оказывается недостаточный учет истории отдельных апеллятивов и сопряженных с ними лексических единиц.

Примеры: в этимологии гидронима Лена якутскими топонимистами задействуется тунгусский апеллятив *ули* 'река' (3.2.1), которого на самом деле нет в севернотунгусских языках. В этимологии гидронима Амур Б. П. Полевой привлекает удэгейское название этой реки *мангму*, разлагая его на *манг* 'большой сильный' и *му* — 'вода' (7.6), не замечая того, что слово *му* в значении 'вода' в удэгейском языке вообще отсутствует. Возможность гибридизации языковой основы топонимов за счет нанизывания друг на друга разноязычных апеллятивов в топонимических исследованиях (такие гипотезы существуют для гидронимов Енисей, Лена (2.4; 3.2.1) в имеющейся литературе явно преувеличивается. Надо отметить и излишний пиетет географов-топонимистов к местным ученым и краеведам, которые иногда владеют языками коренного населения, но их вольные или невольные фантазии потом крайне трудно дезавуировать.

В методике изучения топонимов в их связи с разноязычными географическими апеллятивами в настоящее время проявился существенный недостаток, заключенный в излишнем доверии к имеющимся словарным сводкам апеллятивов. Одной из таких сводок как раз является «Словарь народных географических терминов» Э. М. Мурзаева, в котором собраны слова со значением 'гора', 'холм', 'река', 'ручей' и т. п., выбранные из самых разных двуязычных, чаще всего русско-национальных, словарей.

Как показывает детальный анализ материала в словаре того же Э. М. Мурзаева, для этого справочника и для его автора, во-первых, оказывается характерным излишне широкое понимание географического апеллятива. Во-вторых, в нем не учитываются сомнительные случаи, когда нет возможности идентифицировать редкие апеллятивы и отграничить их от созвучных с ними топонимов. В-третьих, в нем никак не отмечаются такие апеллятивы, которые, согласно тому, что нам известно, никак не проявляют себя в формировании топонимикона. Между тем по разным региональным материалам отчетливо про-

слеживается закономерность, согласно которой далеко не все географические апеллятивы местного языка переходят в разряд топонимов. В-четвертых, двуязычные, особенно русско-национальные, словари могут стать источником лексических ошибок — так случилось с эвенкийским словом *йэнэ* ‘река’, присутствие которого в русско-эвенкийских словарях вводит в заблуждение не только топонимистов, но и лексикологов. В-пятых, при такой методике сбора материала, предполагающей создание мегасловаря апеллятивов, из поля зрения составителя и пользователей словаря выпадают все диалектные апеллятивы (ср. севернорусские диалектные апеллятивы *конда*, *сельга*, *лайда*, *луда* и мн. др.) (см. об этом, в частности: [Теуш, 2001; 2002. С. 189—206; 2003]), игнорирование которых или отнесение которых к языку-источнику (причем не всегда точное) создаст превратные представления о языковой основе топонима и даже о топонимическом ландшафте, если не учитывать исторические факторы его формирования¹⁹. В-шестых, за пределами таких словарей оказываются факты диалектов аборигенных языков, которые не только не отражаются в русско-национальных словарях, но и не всегда хорошо известны²⁰.

Лингвистическая топонимика как раздел частного языкознания, область изучения якутского, бурятского, эвенкийского, чукотского и других языков представляет собой несравненно более точную науку, нежели географическая топонимика. Лингвист, особенно тот, кто лично собирает или выверяет топонимические материалы, имеет возможность точно зафиксировать современную форму топонима, точно определить его языковую основу, проследить форму географического апеллятива и характер его распространения во всех языках и диалектах данной языковой группы и семьи при определении этимологии топонима, может разобраться в диалектном варьировании формы топонима, выяснить народную этимологию или этнолокальную версию появления данного топонима (к теории вопроса см.: [Трубе, Пономаренко, 1969. С. 182—185]). Так, название Кепервеем по-чукотски понимается как Росомашья река, однако при детальном изучении оказывается, что оно происходит не от зоонима, а от личного имени, об-

---

¹⁹ Так, в словаре А. В. Мельникова [Мельников, 2009a] географические апеллятивы финно-угорского происхождения, принесенные в Сибирь первооткрывателями с Русского Севера, не отделены от апеллятивов, восходящих к аборигенным языкам Восточной Сибири.

²⁰ По нашим наблюдениям, в говоре эвенов пос. Омолон Билибинского района Чукотского автономного округа, принадлежащем к восточному наречию эвенского языка, отсутствует общетунгусское и общеэвенское слово *урэ:кчэ:н* ‘гора’, вместо которого используется слово *амкача:н*, имеющее в других говорах значение ‘холм’, ‘пригорок’.

разованного от зоонима по конверсии [Топонимический словарь... 1989. С. 223]. Однако и лингвистическая топонимика часто опирается на предшествующую традицию в этимологических решениях и на знакомые схемы языкового контакта в регионе — так, топоним Нешкан на Чукотке выводится из эскимосского слова *н'аскук'* 'голова' [Топонимический словарь... 1989. С. 275] на том основании, что в окрестностях поселка есть небольшая сопка с таким именем, но даже местные жители-чукчи и знатоки чукотского языка не вспоминают чукотского слова *и'нн'эск'ын* 'холм', которое и лежит в основе данного названия.

В рамках лингвистической топонимики отслежены такие явления, как отантропонимические топонимы — топонимы, образованные от личных имен, и отэтнотопонимические топонимы — топонимы, образованные от названий народов. Топонимы первой группы, как представляется, могут быть характерными для территорий относительно позднего населения или отражать ранние этапы смены этноса на территории или в течение долгого времени сохранять память о местных жителях при низкой плотности населения. Отэтнотопонимические топонимы, как мы полагаем, характеризуют этнические контакты с маргинальной интенсивностью, они могут маркировать крайние пределы территории расселения того этноса, имя которого зафиксировано в топониме, или отражать угасающие следы проживания последних представителей этноса на данной территории. Так, мы предполагаем, что топонимы *Любань*, *Любытино*, *Любятово* в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях могут быть связаны с названием прибалтийско-финского этноса — ливов.

Топонимические словари, безусловно, оказывают исследователям помощь в изучении топонимии региона, их, по сути, невозможно заменить никаким иным источником при выявлении объема, состава и характера повторяющихся топонимов, при сборе и верификации сведений о топонимических формантах, наконец, региональные словари незаменимы при изучении топонимического фона территории. Однако в освещении исторической перспективы появления и бытования топонима, а также и в установлении этимологии топонима документальные источники, дающие исследователю текст, в составе которого фиксируется или употребляется топоним, имеют ряд несомненных преимуществ перед словарями-продуктами особого жанра.

1.5.2. Методы работы с ономастическим материалом: этнонимы

Придется признать, что в этимологическом изучении этнонимии до сих пор не выработано надежных и эффективных методов. Имею-

щиеся публикации, в которых обсуждаются теоретические проблемы анализа этнонимов, не могут дать полной картины методов исследования этого разряда имен, находящегося на грани между именами собственными и именами нарицательными [Агеева, 1990; Попов А. И., 1973; Ковалев Г. Ф., 1991; 2003; Сироткина, 2004а].

Как отмечает Я. В. Чеснов, этнонимы в противопоставлении автоэтнонимов (самоназваний) и аллоэтнонимов (названий соседних народов) выражают наиболее характерные особенности обитания этноса (среды, географического локуса) и связаны с хозяйственной деятельностью этноса [Чеснов, 1997. С. 105—110]. Вместе с тем в силу действия разных причин значение этнонима, особенно в среде говорящих на доминирующем в этносе языке, постепенно начинает переосмысливаться как манифестационное и, что естественно для языковых процессов, в нем начинают усматриваться смыслы положительной семантики [Чеснов, 1997. С. 113 (с примерами)]²¹. Эти соображения исключительно ценны для изучения этимологии этнонимов в исторической перспективе и в оценке изменяющихся взглядов на этимологию этнонима в истории науки.

Не менее важными в методологическом отношении являются замечания и соображения И. М. Дьяконова: «Принципы подхода к этнонимическим терминам. Для восстановления этнической и языковой истории народа опора на этнические названия является совершенно ненадежной. Источники очень редко позволяют установить, является ли данное этническое обозначение самоназванием или названием, которое употребляют только соседи. В последнем случае оно может быть очень общим, охватывающим целую группу сходных по культуре, но различных народов (например, „татары“, „индейцы“, у греков — „скифы“) или, наоборот, местным обозначением жителей определенного района, употребляемым в расширительном смысле, <...> или это может быть традиционное название, перенесенное с прежних обитателей данной местности <...> или даже совсем другого народа, на основании каких-либо историко-культурных ассоциаций (например, термин „таджик“ первоначально значил ‘араб’). Наконец, нередко встречаются чисто случайные звуковые совпадения в этнонимах — ср. албанцев на Балканах, албанов в древнем Закавказье, альбанцев — жителей г. Альба в древней Италии, Олбэни (Albany) в Британии и древнее название самой Англии — Альбион, германское племя аламаннов (ср. французское название Германии — *Allemagne*) и мн. др. Все эти названия не имеют между собой в этническом отношении ни-

---

²¹ В дополнение к изложению Я. В. Чеснова скажем, что эти процессы чаще связываются не со сменой наименования, а с переосмыслением значения этнонима при уже утраченной исходной мотивировке.

чего общего. <...> Но даже если нам точно известно, что тот или иной этнический термин является самоназванием, то и в этом случае на него не всегда можно опираться в этногенетических построениях. Самообозначение народа может меняться (например, греки в средневековье одно время называли себя ромеями, то есть римлянами); по мере своего оформления народность иногда принимает самообозначение чуждого или даже случайного происхождения. <...> Иногда как самоназвание сохраняется обозначение прежних, давно исчезнувших жителей данной страны (например, британцами сейчас называют себя англосаксы, когда-то вытеснившие и истребившие древних кельтов-бриттов). Очень важно иметь в виду, что на ранних этапах развития общества, как правило, не существует общего всеобъемлющего самоназвания для целого этнического массива — люди обычно называют себя только по своей общине („сидоняне“, „тиряне“) или племени („кривичи“, „древляне“; „вандалы“, „франки“ и т. п.) или даже просто „людьми“, „народом“, „умеющими говорить“ в противоположность „немцам“ — „немым“ чужестранцам; большинство народов Советского Севера называют себя „людьми“; аналогичного происхождения самоназвание немцев — Deutsche; термин „германцы“ был чужд самим германским племенам; на Востоке не имели общего самоназвания, например, шумеры). По всем этим причинам пытаться установить этническую предысторию народа, подыскивая в древности различные сходно звучащие этнонимы, — это путь ненадежный и нередко ведущий к существенным заблуждениям; это станет особенно ясным, если учитывать еще и то обстоятельство, что всякое сопоставление слов и собственных имен возможно только с учетом фонетических закономерностей сравниваемых языков и исторических изменений в них, а эти закономерности для столь давних периодов часто неизвестны. Навивно предполагать, что родственные по происхождению слова или названия должны звучать во всяком случае похоже на протяжении веков и тысячелетий. Значительное сходство названий, разделенных большим промежутком времени, чаще всего является свидетельством случайности этого сходства» [Дьяконов, 1968. С. 195—198].

Важным элементом анализа этнонимов, в особенности микроэтнонимов, является проверка возможности образования их от известных топонимов. Как правило, названия тунгусских родов и территориальных групп восходят именно к топонимам, в результате выявления такой этимологии сразу же устанавливаются исходная территориальная принадлежность данной этнической группы, а также, с учетом ее современного расселения, и маршруты миграции.

Исключительно значимой проблемой при анализе этнонимов является различение разных разрядов этнонимов, и прежде всего — противопоставление автоэтнонимов, то есть самоназваний народов, и алло-

этнонимов — названий того или иного народа, бытующих у его соседей. Известно, что аллоэтнонимы встречаются в исторических источниках намного чаще, нежели автоэтнонимы. Впрочем, иногда разграничение автоэтнонимов и аллоэтнонимов представляет большие трудности, так, весьма трудным оказывается решение вопроса об исторической тождественности или нетождественности автоэтнонима *сахы* и аллоэтнонимов *ёко*, *яко* и *якуты* (8.5).

Этнонимы — точнее, собственно этнонимы — опознаваемы и куда более известны, нежели микроэтнонимы, патронимии, названия территориальных групп, родов и т. п. Однако даже хорошо известные и сохранившиеся в употреблении до наших дней этнонимы могут провоцировать ложные аналогии и иллюзии тождества этнонимов в источниках и современных названий народов. Любопытный пример этого, который мы уже приводили — ситуация с этнонимом *коряки*, который задолго до закрепления его за современными коряками употреблялся в применении к приморским чукчам и, возможно, к малоолечным или потерявшим оленей юкагирам (8.8). Как видно из анализа документов и выявления внутренней формы, этноним *камчадалы* вовсе не обязательно обозначал ительменов, он мог употребляться для именованья любых ближайших соседей, людей, говорящих на корякском или даже на чукотском языке (6.1).

Иногда определение языковой основы этнонима осложняется его гибридным характером, когда в этнониме сочетаются неясная по происхождению производящая основа и весьма конкретный по своей принадлежности этнонимический формант. Так обстоит дело с этнонимом *юкагиры*, состоящим из многократно заимствованного обозначения дальних соседей — эвенкийского *ёко* и эвенкийского же суффикса эвенкийских родов *-гир* (8.5), однако же здесь проявляется весьма нетривиальная проблема, поскольку в современном состоянии эвенки и юкагиры не контактируют друг с другом, и появление этнонима (явного аллоэтнонима) *юкагиры* с внешне явно эвенкийской языковой основой выглядит загадочным.

Микроэтнонимы — названия родов, встречающиеся в письменных источниках, обычно опознаются по прямому указанию на социальный статус субэтноса (обычно это род, хотя что именно называют родом — понять трудно, и не всегда это одно и то же у разных этносов) либо их значение устанавливается по аналогии с современными названиями²².

---

²² Этнонимы-историзмы, документированные относительно небольшим числом источников, могут стать предметом не только комплексного изучения, но и конъюнктурной спекуляции, когда на основе этнонимов с недостаточной документацией и единичными фиксациями делаются выводы об исчезновении десятков и сотен этносов (см.: [Евстигнеев, 1994; 2005]).

Для отождествления этноса, описываемого в документальных источниках, и современного народа, живущего в том же регионе, большую роль играют не только этнические наименования, но и историко-этнографические детали, содержащиеся в документах. Особенно велика роль этнографической информации при идентификации упоминаемого в документах и хотя бы частично описываемого этноса, если этот этнос именуется каким-либо неясным названием. Пример такой ситуации — это этноним *натки*, так именуется люди, которые живут в земляных юртах и «колют спицами» моржей и информация о которых получена с Западной Чукотки. Для верификации приложения этнонима *чюхчи* к современным чукчам оказывается важным указание на их численность, «человек с 400 и больше» (8.7), — здесь случайно названное в документе количество представителей группы соответствует пределу счета на чукотском языке.

Для надежного отождествления и для изучения истории этнонима играют свою роль также первые фиксации этнонимов, еще не показывающие адаптации этнонимов к фонетике, морфологии и лексике русского языка, соотносимость этнонима с территорией, ныне занимаемой этносом с похожим или тождественным наименованием, а также присутствие при этнониме характеризующих слов. Так, весьма значимым оказалось то, что словосочетание *оленные коряки* встречается в письменных документах на полвека позже, чем сам этноним *коряки* (8.8). Немаловажную роль в разборе вопроса о локализации реки Погычи и отождествлении ее с рекой Пахачей на Восточной Камчатке оказывается то, что словосочетание погыцкие коряки, приводимое Б. П. Полевым, на самом деле не встречается в известных нам документах, и где взял ученый это наименование — неизвестно (6.1).

Серьезное препятствие в лингвистическом и историко-этнографическом изучении этнонимов порождает наследие учения Н. Я. Марра о языке, изжитое в лингвистике, по крайней мере во внешних проявлениях, но сохраняющееся в латентной форме в лингвистических составляющих этнографии. Именно от этого учения идет необыкновенная легкость в этимологизировании этнонимов (а у некоторых авторов — и антропонимов), которые либо с необычайной доверчивостью отождествляются с этнонимами древних и средневековых источников, либо относятся к разряду древнейших этнонимов континента, либо с завидной для лингвистов простотой сопоставляются в готовом этимологическом решении со словами языка описываемого этноса или соседнего этноса. Это обстоятельство, которое ныне можно связывать уже не с методологией и не с представлениями об устройстве языка, исходящими от Н. Я. Марра, но с представлениями об истории и этимологии множества конкретных этнонимов, сохраняющих свои этимологии со времен начала или середины XX в. Самый важный элемент

резонанса «нового учения о языке» в этнонимике — это почти полное отсутствие разработок в области методики изучения этнонимов.

К слову, этнонимы — это наиболее сложный в этимологическом отношении класс имен собственных по сравнению с топонимами и антропонимами, и этот класс имен требует наиболее ответственного отношения к объясняемому материалу, так как с происхождением этнонима обычно связываются вопросы этногенеза и ранней этнической истории народа. Кажущаяся простота этимологизации этнонимов давно преодолена в лингвистике, но в этнографии и в специальных этнографических справочниках, даже в современных, присутствует множество мало с чем сообразных этнонимических этимологий ([Агеева, 2000], в основном по ссылкам на литературу), при этом относительная независимость этнографической традиции изучения этнонимов при непростительном невнимании к этнонимам со стороны лингвистов усугубляет несовершенство в историко-этимологическом изучении этнонимов и их использовании как источника историко-этнографической информации.

Пример анахронического для науки обращения с этнонимическим материалом — это ссылки на работы Г. М. Василевич об этнонимах Сибири [Василевич, 1946. С. 34—49; 1965. С. 139—144], написанные в рамках единственно доступного в свое время метода толкования этнонимов путем увязки их с минимумом знакомых слов, но ныне воспринимаемые совершенно иначе именно по методам и результатам. Пример небрежного отношения к лингвистическому исследованию этнонимов, отчасти основанного не некорректном опыте предшественников, — это книга В. А. Туголукова «Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири» [Туголуков, 1985], где автор решает все вопросы этимологии эвенкийских микроэтнонимов и личных имен как бы походя, апеллируя к данным «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» или словарей эвенкийского языка.

Последовательность процедур анализа этнонимов мы можем представить следующим образом:

1. Отождествление этнонима как именованного этноса или субэтноса, то есть территориальной группы. На этом этапе важнейшим является отграничение этнических и этногеографических именованных сообществ людей от иных именованных, например, от наименований по хозяйственно-культурному типу, пище, одежде и т. д.

2. Определение статуса этнического наименования: здесь необходимо выяснить, представляет ли наименование собственно этноним, или макроэтноним — название этнической единицы со своей территорией, хозяйственно-культурным типом, языком, особенностями духовной культуры, или микроэтноним — название территориальной группы, рода, патронимии и т. п.

3. Определение субъекта именованя: требуется выяснять, представляет ли исследуемое именоване *автоэтноним* — самоназвание народа или *аллоэтноним* — название народа, бытующее у каких-то других народов и попавшее в документы от этносов-посредников в контактах и коммуникации.

4. Установление хронологии первых фиксаций этнонима. Обычно это актуально для макроэтнонимов с целью наиболее точной датировки первого знакомства с этносом и начала этнокультурных контактов. Для микроэтнонимов хронология важна в основном в двух аспектах — для определения времени существования субэтнуса или патронимии, если носитель данного этнонима не отмечается современными или близкими к современности источниками, а также для датировки периода бытования данного этнического именованя.

5. Локализация первых фиксаций этнонима с целью определения языка-источника проникновения этнонима в русский язык и далее в европейские языки.

6. Соотношение известных лингвистических данных об этнониме с территориальной характеристикой и миграциями его носителей.

7. Изучение репертуара моделей образования этнонимов (макроэтнонимов и микроэтнонимов) в контексте социальной дифференциации этноса: наличие внутри этноса социальных субподразделений — фратрий или родов, возможность наличия статуса субэтнуса у территориальных групп и т. д.

8. Отыскание этимологии этнонима или выбор предпочтительной этимологии из имеющихся и предложенных ранее этимологий.

В качестве вспомогательных средств при историко-этнографическом изучении этнонимов выступают данные о расселении этноса на современном этапе, в историческом прошлом и по данным отождествления археологических культур, сведения о составе субэтносов (родов, территориальных групп) по этнографическим и документальным источникам, информация о моделях образования микроэтнонимов и патронимий, в том числе о формантах, образующих микроэтнонимы, и их производящих основах, относящихся к тому или иному классу лексических единиц (в наших случаях это оттопонимические образования).

Надо иметь в виду, что всевозможные параллельные альтернативные наименования, относящиеся к этносу, с большим трудом поддаются классификации и любое наименование может быть занесено в разряд этнических прозвищ. Пример такого рода: У. Г. Попова записала, что эвены называют коряков *к'ок'тари* 'носящие глухую одежду' [Попова У. Г., 1981. С. 5—7]. Данная форма оказалась бесполезной для проверки ее по словарям эвенского языка, и только в ходе полевой работы, причем в зимнее время, удалось выяснить, что в речи эвенов

этот аллоэтноним существует, но звучит иначе — как *хактари* и имеет ту самую внутреннюю форму *хак-та-ри*²³ ‘имеющие закрытую одежду’, которая указана У. Г. Поповой, но при этом первый компонент этнонима в адекватной записи имеет совсем другой внешний облик.

Еще одна серьезная проблема для анализа этнонимов — это грамматические несоответствия исходных форм этнонимов в языке-источнике и в русском языке. Пример: некоторые этнонимы заимствовались русским языком из чукотского языка в форме эргативного падежа (падежа подлежащего при переходном глаголе), а не именительного падежа, в результате такие формы, как *намолло*, *шолилау*²⁴, встречающиеся в источниках, оставались вообще без интерпретации, потому что те исследователи, которые обращали на них внимание, не придавали значения грамматическим деталям.

Принципы этимологического исследования этнонимов на сегодня составляют наиболее проблематичную область в методике ономастических исследований. Книга А. И. Попова «Названия народов СССР» [Попов А. И., 1973] едва ли может быть названа введением в этноимику, поскольку, по сути, этимологии представленных в этом труде этнонимов устанавливаются эмпирически, традиционным штучным этимологическим подходом, тем самым, какой практикуется этимологами уже со времен появления научных этимологических словарей, да и сама книга является скорее обзором того, что было высказано ранее, нежели исследованием проблемы.

Лексикографическая работа по составлению словарей этнонимов, по сути, только начинается [Сироткина, 2004. С. 297—299], хотя в распоряжении специалистов уже имеется словарь Р. А. Агеевой и ряд монографических [Ковалев Г. Ф., 1982; 1991; 2003] и лексикографических [Суперанская, Лезина, 1994] работ. Существуют специальные исследования по словообразованию этнонимов ([Баскаков, 1980. С. 199—207]; см. также: [Тюркская ономастика, 1984]). Однако теоретические разработки по этимологическому анализу этнонимов находятся пока в зачаточном состоянии. Так, А. В. Кручинина в своей работе пытается вывести некие инварианты, своего рода этимологические модели этнонимов. Она пишет: «Семантическое наполнение этнонимов обских угров и самодийцев связано с отражением *внутреннего этнического образа* (курсив автора. — А. Б.), в структуру которого входят элементы представлений о внешности, территории (пространстве), мифологических или реальных предках» [Кручинина, 2004. С. 11]. Далее ав-

²³ Полевые наблюдения автора, зима 1989—1990 гг.

²⁴ Первая форма — эргативный падеж от слова *нымыльын* ‘оседлый житель’ — *нымыльа*, вторая — эргативный падеж от формы *чульыльын* ‘житель долины реки Чаун’ — *чульыльэ*.

тор этой работы выделяет пять моделей образования макро- и микро-этнонимов: 1) названия, связанные с представлениями о тотемном предке-прародителе; 2) названия антропонимического и этнонимического происхождения; 3) наименования, отражающие отличительные черты членов рода; 4) названия — отапеллятивные этнонимы, детерминирующие гидрографические, топографические и ойконимические разновидности реалий; 5) нерегулярные, этимологически неясные названия.

С учетом разнообразных подтипов в такой классификации, какая предлагается А. В. Кручининой, в качестве единиц, мотивирующих этнонимы, может выступать словарный состав языка в полном объеме, и задача выделить этнонимобразующие компоненты в словарном составе языка, да еще и с учетом этнических предпочтений, оказывается определенно нерешаемой. Далее, сама классификация этнонимов, выстраиваемая автором, уже основывается на кем-то предложенной их этимологии, в которой прописываются как презумпции при анализе родовой организации и иерархии, и наличие тотемов (понятие, для этнографии народов Сибири оказавшееся вообще неприемлемым), и деривации этнонимов от топонимов той территории, на которой этнос расселен ныне. Здесь возникает подобие логического круга, что лишает данное исследование оригинальности в плане методических рекомендаций по истолкованию этнонимов. Этимологии этнонимов, которыми пользуется А. В. Кручинина, не всегда выглядят убедительными. Кроме того, в рассматриваемой работе не реализовано разграничение автоэтнонимов-самоназваний и аллоэтнонимов, а эти два разряда этнонимов обычно имеют весьма разные мотивировки, в особенности если речь идет об этнонимических легендах, привлекаемых как фон для исследования или укрываемых в недрах фольклорных собраний.

Изучение этнонимов и использование их в исторических и этноисторических исследованиях ведется в науке об истории и культуре алтайских народов и других народов Центральной Азии достаточно активно. Столь же активно обсуждается этническая идентификация народов, названия которых упоминаются в средневековых письменных источниках по истории Центральной Азии (см.: [Залкинд, 1937. С. 68—79])²⁵, — эта проблема в равной мере значима и для историков, и для специалистов по этнической истории и культуре современных народов Сибири. Укажем в качестве примера на объемное исследование В. Э. Нанзатова об этнической истории бурят [Нанзатов, 2003. С. 87—97], труды по изучению ранней этнической истории тюркских

---

²⁵ К сожалению, эта работа практически не встречается в библиографиях к публикациям 1960—1990-х гг., посвященным севернотунгусским этнонимам *эвенки и эвены*.

и монгольских народов [Кычанов, 1963. С. 59; 1980. С. 136—148], а также дискуссию об этнониме *хакасы*, в которой принимали участие историки, археологи, этнографы и лингвисты [Бутанаев, 1992. С. 63—69; 1992а, С. 52—76; Кызласов, 1992. С. 52—59; 1992а. С. 69—76; Кляшторный, 1992. С. 59—61; Яхонтов, 1992. С. 61—63].

Надо сказать, что бесперспективным является то направление в изучении этнонимов, в котором в качестве исследовательского приема применяется сведение разнородного сходного внешне материала к неким более или менее знакомым метаархетипам. Примером такого рода исследования является статья Г. М. Василевич [Василевич, 1965. С. 139—144], фактурой которой недавно воспользовался В. В. Ушницкий [Ушницкий (Б. г.)]. Оба автора, относящиеся к разным сменяющим друг друга научным парадигмам, не отдают себе отчета в том, что ни одна этническая группа никогда и ни при каких обстоятельствах не могла получить такого наименования, как «шаманы», тем более с языковой основой этого соционима, соответствующей тунгусо-маньчжурским языкам.

Наконец, иногда, правда, в популярной литературе, можно встретить такие толкования этнонимов, для которых вообще невозможно установить источники, настолько они неверны по своей сути. Так, у одного из авторов мы находим следующий пассаж: «...Любопытно, что вплоть до сегодняшнего дня нередко можно встретить путаницу самоназвания некоторых народностей с теми названиями, которые дали им пришедшие сюда россияне. Так, например, нивхи называли пришельцев гиляками, то есть собаками. Русские же, не понимая, кого они так именуют, постепенно стали употреблять это слово за самими нивхами. В результате очень долго даже в официальных документах русские называли нивхов — гиляками, даже не задумываясь об истинном значении этого слова. То же самое можно сказать и о широко распространенном в свое время названии „тунгус“. Жившие на севере Дальнего Востока эвенки называли этим словом русских пришельцев. А настоящее значение слова „тунгуз“, близкое к тому, что и у слова „гиляк“. Слыша часто употребляемое местными аборигенами слово „дангуз“ — тунгус, русские посчитали, что эвенки так называют сами себя. Столь же парадоксальная судьба и у названия коренных камчадалов — ительменов, а также других дальневосточных народов» [Алексеев А. И., 2003. С. 36]. Откуда взяты оба утверждения относительно значения этнонимов *гиляки* и *тунгусы* — понять невозможно. Собака по-нивхски *қан*, а этноним (аллоэтноним) *гиляки* происходит из тунгусо-маньчжурских языков и имеет значение ‘жители низовьев реки’. Во втором утверждении содержится намек на старую, еще XVIII в., этимологию этнонима тунгусы, сравнивавшегося с тюркским словом *тонгуз* ‘свинья’, но, во-первых, эвенки никогда не называли

русских тунгусами, во-вторых, западные эвенки и вообще эвенки на момент появления русских в Сибири не занимались свиноводством. Автор цитированной выше брошюры прав только в одном — оба названия народов не являются самоназваниями нивхов и эвенков.

В целом при анализе любого массива этнонимов, зафиксированного в одном конкретном источнике или в каком-либо корпусе источников, представляется целесообразным придерживаться методологической установки, согласно которой **этнонимы, встречающиеся на одной и той же исторической территории и примерно в одно и то же время, восходят к языковым единицам разного статуса, имеют разные модели образования и чаще всего имеют разную языковую основу**. Толкования этнонимов, сводящие их к минимуму моделей образования, к небольшому количеству известных языковых фактов, увязывающие языковую основу этнонима с языком народа-носителя этнонима, будут не вполне корректными уже по определению, исходя из специфики примененных при объяснении методических приемов или поставленных заранее задач. Еще одно методическое соображение вытекает из наблюдения Я. В. Чеснова: чем «позитивнее» вчитываемая народом или исследователем в этноним семантика, тем менее достоверной будет его этимологическая трактовка.

1.5.3. Методы работы с ономастическим материалом: антропонимы

Одна из наиболее важных проблем в использовании антропонимов как историко-этнографического источника — это соотношение канонического специализированного антропонимикона, связанного с конфессиональной идентичностью этноса или группы этносов, и неспециализированного антропонимикона, дающего совпадения антропонимов и имен нарицательных — состава личных имен такого языка, в котором личные имена как особый класс слов просто отсутствуют и в роли личных имен используются имена нарицательные. Канонический антропонимикон сложился и продолжает функционировать у народов, исповедующих ислам, в результате чего имя человека, упомянутое в документах, будет идентифицировать его в конфессиональном отношении, но может ничего не говорить о его этнической принадлежности. Такой же антропонимикон, включающий личные имена санскритского и тибетского происхождения, продолжает сохраняться у народов, исповедующих буддизм, у монголов, бурят и калмыков. В отдельных ситуациях идентификация антропонимов с компонентами какого-либо канонического антропонимикона позволяет надежно идентифицировать описываемый в документе этнос и установить эт-

ническую принадлежность лиц, упоминаемых в документе. Так, в тюменских документах конца XVI—начала XVII в. упоминаются калмыки, и надежное отождествление их с ойратами, говорящими на одном из монгольских языков, осуществляется — при отсутствии других языковых материалов — на том основании, что калмыки из этих документов носят традиционные для монгольских народов имена, в основном тибетского происхождения (1.9), чего невозможно ожидать от каких-либо тюркоязычных народов Западной или Южной Сибири.

В настоящее время изучение антропонимов, отмеченных историческими документами по истории открытия Сибири и Дальнего Востока, имеет достаточно прочную теоретическую основу. Имеется детальное описание систем личных имен у народов этого региона [Системы личных имен... 1987], достаточно много частных исследований по личным именам [Вануйто, 2003; Ненянг, 1996], иногда, как в словарях нивхского языка, традиционные личные имена включаются в словарь. К сожалению, «Словарь личных имен народов РСФСР» практически не может помочь проанализировать личные имена при чтении исторических источников, поскольку собрания личных имен народов Сибири, включенные в этот словарь, невелики по объему и носят случайный характер. Для антропонимики чукчей описаны нормы имянаречения (они довольно часто представлены в этнографических описаниях и в художественной литературе), условия и характер смены имен, нормы передачи имен от одного поколения к другому внутри семьи²⁶.

Процедура характеристики антропонима, зафиксированного в историческом или этнографическом источнике, в рамках исторического или этнографического исследования распадается на следующие этапы:

1. Верификация определения статуса антропонима — исключение возможности принять за личное имя половозрастное именование, термин родства или социальный термин, а также этническое наименование, так сказать, национальность.

2. Определение языковой принадлежности антропонима. Здесь в границах неспецифизированного антропонимикона, в котором личные имена людей формально не отличаются от имен нарицательных, нельзя исключать функционирование иноязычных слов в качестве собственных имен и даже совпадение этнонимов и личных имен²⁷. Дополнительным критерием определения языковой принадлежности антро-

---

²⁶ Этот материал присутствует в публикациях и в художественных произведениях В. В. Леонтьева, прекрасного знатока языка и этнографии чукчей, одного из авторов «Топонимического словаря Северо-Востока СССР», многократно цитированного в настоящей работе.

²⁷ Так, один из наших знакомых, чукча по национальности, носил имя Керек, данное по названию соседнего с чукчами и родственного им этноса.

понима является соотносительность антропонима с какой-то лексической единицей языка определенной группы или конкретного языка из той или иной группы. В рассматриваемом нами материале представлены сплошь языки с неспецифизированным антропонимиконом (якутский язык дохристианского времени, эвенкийский, эвенский, юкагирский, чукотский, корякский, эскимосский языки).

3. Персонификация антропонима, то есть процедура отождествления носителя имени с каким-либо лицом, упомянутым в документах, включающая разбор вариантов личного имени, представленных в тематически единой группе документов, и возможность отождествления или дифференциации носителей сходно звучащих или сходно записанных имен.

4. Установление значения антропонима. Последний этап анализа, представляющий сложность даже для лингвистов, в историко-этнографических исследованиях не слишком необходим. Хотя этот этап надежно верифицирует установление языковой принадлежности личного имени, его все же можно не признавать обязательным для историков и этнографов.

Для изучения исторической антропонимики региона по письменным источникам или указателям личных имен к опубликованным документам в наши дни очень важно учитывать то обстоятельство, что любая гипотеза об антропонимическом характере той или иной лексической единицы в наши дни может быть проверена при обращении к составу антропонимикона и мотивам имянаречения, сведения о чем имеются в этнографической литературе, посвященной культуре и быту отдельных народов, чаще всего в работах по этнографии детства.

В качестве вспомогательных языковых и этнографических ресурсов для изучения антропонимии и соотношения данных исторических документов с антропонимиконом языка и языковой группы выступают такие материалы, как национально-русские словари, позволяющие установить значение личного имени после его формального опознавания и установления языковой принадлежности, словообразовательные модели и словообразовательные ресурсы антропонимов, позволяющие, например, легко опознать чукотские имена из двух корней, образованные путем словосложения и имеющие довольно ограниченный инвентарь корневых морфем, встречающихся во второй части онима, какие-либо существующие словари или сводки личных имен по этносам. К сожалению, антропонимика, не только историческая, но и описательная, разработана для языков народов Восточной Сибири и Дальнего Востока крайне недостаточно, и здесь исследователи могут пользоваться только обобщающими работами²⁸. Специалисты, ведущие ра-

---

²⁸ Одна из немногих работ в этой области — книга Ф. Г. Сафронова [Сафронов, 1985] ныне представляет ценность как сводка материала, обзор источ-

зыскания в области антропонимики народов Сибири и Дальнего Востока, могут полагаться только на свои силы и знание литературы, среди лингвистов помощников у них практически нет.

В истолковании антропонимов и их отождествлении с определенными лицами есть одна объективная трудность. Иногда в источниках речь идет определенно об одном и том же лице, поскольку в документах выявляются идентичные подробности, так, шаман Пороча, рассказавший о Нелогге, фигурирует в разных документах под разными формами имени (4.2.1), однако разные документы дают нам разные, часто практически несводимые к единой форме варианты написания личных имен. Вероятно, здесь сказывается следующее обстоятельство: едва ли рядовые казаки прочно запоминали личные имена аманатов и ясырей — вполне возможно, что ряд неточностей проистекает от того, что при составлении документов личные имена коренных жителей записывались по памяти.

1.6. Лингвистические составляющие в историко-этнографических исследованиях и проблема лингвистического сопровождения междисциплинарных исследований

Ни для кого не секрет, что ономастика — лингвистическая дисциплина, по крайней мере в одном из ее качеств, и, кроме того, все исторические и этнографические исследования так или иначе, в том или ином объеме оперируют лингвистическими данными. К языковым материалам и фактам, к которым апеллируют историки, этнографы или археологи, относятся генетические связи языков, языковые контакты, культурные термины, возможность определения этимологии слова или имени собственного на основе того или иного языка за счет его мотивированности. На примерах аргументирования тех или иных взглядов и построений мы вынуждены будем остановиться далее, здесь же пока обратим внимание на некоторые общеметодологические установки, относящиеся к междисциплинарным исследованиям.

Яркая особенность методики исследования, аргументации и практики изложения выводов в исследованиях, где используется ономастический материал, — это то, что *данные разных исторических дисциплин (истории, археологии, этнографии, антропологии и языкознания) очень часто привлекаются без учета всех тех дис-*

ников и опыт осмысления антропонимикона народов Сибири: этимологические справки по именам, данные лингвистами-помощниками ученого, большей частью лишь вводят в заблуждение.

куссий, споров и различий в гипотезах, которые имеют место внутри самих этих дисциплин, вследствие чего в историко-этнографических штудиях для обоснования тех или иных положений сплошь и рядом повторяются какие-то давно утратившие авторство старые идеи, истоки которых с большим трудом просматриваются в трудах XVIII в., причем эти положения часто приводятся без ссылок как нечто аксиоматическое (см., например: 2.4). Наряду с ними в историко-этнографических трудах могут присутствовать пусть и не отжившие, а относительно новые, но в своем роде экстремальные гипотезы и построения, требующие более глубоких обоснований.

Недостаточно внимательное отношение к внутридисциплинарным разногласиям внутри лингвистики, например, в проблемах отдаленного родства языков или природы сходств лексического состава языков при пользовании лингвистическими данными в контексте истории и этнографии по меньшей мере существенно ослабляет доказательность языкового материала, а при серьезности проблемы может взять под сомнение всю авторскую концепцию. Так, апеллирование к ностратической теории, содержание которой — родство шести языковых семей Евразии и Северной Африки — трудно признать актуальным для характеристики этнической принадлежности неолитических культур и тем более для каких-то этнографических выкладок, относящихся хронологически к последним двум тысячелетиям. Тем не менее те авторы, которые ссылаются на ностратическую теорию или частные тезисы об отдаленных родственных связях языков, не всегда отдают себе отчет в том, что данные идеи являются не общепринятыми и сами нуждаются в междисциплинарных обоснованиях.

Кроме всего этого, в исследованиях по этногенезу и этнической истории, где используются данные разных дисциплин, любому автору крайне трудно избежать *междисциплинарной дисперсии информации, то есть оперирования неравноценными объемами информации из смежных научных дисциплин*. Здесь менее всего везет лингвистике, так как она используется в виде таких отдельных частных положений, которым авторами придается наибольшая доказательная значимость. Пример: для лингвистов нет ничего более спорного, чем этимология этнонимов — отчасти поэтому лингвисты, прежде всего сибиреведы, этой проблемой почти не занимаются, в особенности дискуссионными являются толкования тех этнонимов, которые извлекаются из письменных источников. Но именно языковая основа таких этнонимов, определяемая с колоссальной проблематичностью, и оказывается главным доказательством при использовании языкового факта как дополнительного источника в исторических и этнографических исследованиях.

Характерным приемом, преднамеренно или непреднамеренно используемым при апеллировании к ономастическому материалу, является **умолчание об альтернативных этимологических версиях**, кстати, этот прием достаточно часто использовался и авторами топонимических словарей. Обратной стороной этого метода является доведение исторических обзоров ономастических этимологий до абсурда, когда, к примеру, исследователь приводит десяток или даже несколько десятков этимологий топонима, чтобы на фоне совершеннейшей нелепицы продемонстрировать преимущества своей концепции. Вообще надо сказать, что альтернативные и заведомо ошибочные этимологии ономов составляют серьезную проблему, но здесь нужно согласиться с В. А. Никоновым, который писал: «Надо ли приводить ошибочные этимологии? Обязательно. Одни из них, будучи неверными, ценны как творчество народа, стремящегося осмыслить непонятное название. Другие — плод кабинетных измышлений. Но во всех случаях необходимо разяснять ложность их, как и всяких антинаучных взглядов. Иначе они будут снова возникать и распространяться» [Никонов, 1966. С. 9]. К сожалению, В. А. Никонов, автор топонимического словаря и многих трудов по этимологии этнонимов и антропонимов, сам не всегда следовал этому принципу, оставляя без внимания альтернативные этимологии топонимов и этнонимов или не предпринимая попыток установить авторские приоритеты почти бесспорных или почти безальтернативных этимологий²⁹.

В. В. Ушницкий утверждает: «О проживании прауральского (протоюкагирского) населения не только на всей территории Якутии, но и многих областей Восточной Сибири и также арктической зоны Западной Сибири свидетельствуют топонимические, фольклорные и археологические материалы. В современной науке считается доказанным и лингвистическое родство уральских языков с языками индейцев атапасков и родственных им более южных апачей и навахо. Следовательно, и утверждение о близости этнокультуры саха к культурам североамериканских индейцев не представляется таким уж фантастическим. Но все-таки представляется неправомерным, после вышеприведенных материалов, согласиться с выводом о том, что именно палеоиндейский субстрат на Лене мог сыграть главную роль в этногенезе саха³⁰. Названия многих современных улусов, улусных центров происходят из названий тунгусских родов. Это названия таких основных улусов и улусных центров Якутии, как Майя, Булун, Мома, Жиганск, Нюрба. Названия некоторых улусов переводятся только из эвенского и эвенкийского языка. Это Сунтар, Колыма, Оленек, Томпо и т. д. Они давно

²⁹ См. следующие разделы настоящей работы.

³⁰ Ссылка автора на кн.: [Алексеев А. Н., 1996. С. 31].

стали понятиями, неразделимыми от якутской нации. Поэтому история и культура тунгусов и юкагиров — это составная часть истории и культуры современного народа саха» [Ушницкий (Б. г.); 2004].

По поводу дисперсного проживания юкагиров на территории современной Якутии и в сопредельных регионах нам трудно что-то возразить, так как наши собственные материалы подтверждают такие взгляды и, возможно, даже дают основания для подобных заявлений. Идея родства уральских языков с индейскими атапаскскими языками и навахо, то есть так называемая дене-финская гипотеза, существует в науке [Свадеш, 1965. С. 271—322], но она никоим образом не может служить объясняющим что-либо инструментом и она не стяжала сколько-нибудь заметного числа сторонников среди специалистов по сибирским языкам и языкам уральской семьи за те почти 50 лет, как стал доступным русский перевод соответствующей статьи М. Свадеша. Дело, однако, в том, что якутский язык не относится к уральским языкам, он представляет собой лишь один из тюркских языков, а о статусе алтайских языков и тем более тюркских языков в границах дене-финской макросемьи автор ничего не говорит (умолчим о возможности найти в языке и этнической культуре якутов параллели с какими-либо конкретными индейскими этносами, чего требовала бы логика исследований). Насчет тунгусской основы якутской топонимики по материалам приведенных примеров с автором довольно трудно согласиться, поскольку бесспорно тунгусскими из приведенного перечня можно назвать только топонимы Мома, Жиганск и Сунтар, название Оленек выглядит определенно якутским (якут. *өлөң* ‘осока’ + суффикс обладания *-лах* в соответствующем морфонологическом варианте — *нөх*); ряд других названий имеет чукотско-корякскую основу, а происхождение некоторых из них остается неопределенным. Сходство топонима Мома (эвен. *мо:ма* ‘деревянный’) и названия реки Мая с названием эвенского рода *мямя* случайно.

С. А. Гурулев, автор двух получивших признание книг по байкальской топонимике (см.: 2.3; 2.4), в одной из своих менее известных работ — монографии «Топонимические параллели Сибири и Северной Америки» утверждает следующее: «...4. Появление однотипных топонимов в Сибири и Северной Америке относится к разным периодам человеческой истории. Связи народов этих регионов осуществлялись, надо полагать, всегда. Движение народов было двусторонним, что не увязывается с общепринятыми взглядами о миграциях народов только из Азии в Америку. Кетоязычные топонимы, сходные с североамериканскими индейскими, занесены из Америки в Азию. Монголызычные и русские топонимы появились в Америке из Азии. 5. Типологическое сходство кетоязычных и индейских топонимов однозначно указывает на индейское происхождение енисейских народов и, воз-

можно, всех палеоазиатов. Давнее появление енисейцев в Сибири обуславливает языковые черты сходства их языков с языками других народов Сибири. Но это сходство, выработанное длительными межэтническими контактами, не решает проблемы их этногенеза. И только топонимический материал уверенно свидетельствует, что енисейцы — это сибирские индейцы» [Гурулев (Б. г.)]. Единственным основанием, позволяющим формулировать подобные гипотезы, являются публикации Вяч. Вс. Иванова, посвященные кетско-американским параллелям в мифологии [Иванов Вяч. Вс., 1982. С. 132—144], однако параллели в сфере фольклора не обязательно свидетельствуют о генетическом родстве этносов и не могут служить даже сколько-нибудь надежным индикатором исторических связей между этносами — не стоит лишний раз указывать на то, что понятие параллели или аналогии в фольклоре и литературе по большей части крайне субъективно.

М. Г. Туров, апеллируя к лингвистическим данным в стремлении разобраться в этногенезе и ранней этнической истории эвенков, пишет: «Начатые еще в первой четверти XX в. ареальные сравнительно-исторические исследования в структуре урало-алтайских языков привели к тому, что к началу 1980-х гг. позиции защитников тождества „алтайская языковая семья“ = общий „праязык“ современных монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов были существенно поколеблены. Нарастающий поток данных по фонетике, морфологии и лексике коренных этносов Северной Азии и их сопоставление с материалами бурятского и якутского языков неуклонно сдвигали к северу искомый „первичный очаг“ глоттогенеза тунгусо-маньчжуров, с одной стороны, выдвигали ряд объективных аргументов против некогда общепринятой возможности существования в древности „алтайской лингвокультурной общности“» [Туров, 2003. С. 147—176]. Здесь автор ссылается на монографию Л. Л. Викторовой «Монголы» [Викторова, 1980. С. 70—73], которая по какой-то причине излагает взгляды А. М. Щербака, яркого представителя «контралтаистики» на алтайскую проблему и не упоминает о том, что теория родства алтайских языков имеет больше сторонников, чем противников — пусть так и казалось этнографу-монголоведу в конце 1970-х гг., но исследователь, пишущий на эти же темы 20 лет спустя, мог иметь в своем распоряжении и более новые труды, в которых родство алтайских языков убедительно обосновывается (см.: [Старостин, 1991] и др.). Кроме того, остается совершенно непонятным, какое отношение имеет проблема родства или неродства алтайских языков к этногенезу эвенков — одного из тунгусо-маньчжурских народов, в особенности в то время (в чем, видимо, не отдает себе отчета автор), когда тунгусские народы Амура уже не рассматриваются как некий микс из эвенков и каких-то аборигенных народов этой территории, а эвенкийский язык не только

сохраняет некоторые архаические черты, но имеет и массу инноваций даже по отдельным диалектам. Впрочем противники родства алтайских языков вообще не поднимали вопрос о прародине тунгусо-маньчжурских народов, где бы она ни локализовалась — по соседству с монголами и тюрками или невдалеке от корейцев.

Далее М. Г. Туров пишет: «Так, сравнительное исследование языков уральской и алтайской семей показало, что корневая (наиболее древняя) основа лексики, фонетики и морфологии языка эвенков и эвенов имеет от 60 до 70 % тождеств и совпадений в языках восточных самодийцев (селькупы, энцы, ненцы) и лишь в 7—10 % обнаруживает сходства с языками бурят (Никонов, 1980; Серебренников, 1982, 30—31, 44; Симченко, 1976, 161—162; Хелимский, 1985; Черемисина, 1985). По мнению ряда исследований, многочисленные аналоги в лексике южных территориальных диалектных групп эвенков и тунгусоязычных этносов бассейна Амура объясняются относительно поздними (~ X—XIV вв.) обоюдными заимствованиями (Василевич, 1974; Лебедева, 1981; Цыдендамбаев, 1981)» [Туров, 2003. С. 147—176]³¹.

Прежде всего мы должны здесь заметить, что приведенные автором цифры и сделанные им выводы не имеют ничего общего с реальностью, ибо при наличии 60 или 70 % сходств эвенкийского и эвенского языков с самодийскими эти два языка давно должны были бы быть включены в самодийскую (никто никогда не делил самодийцев на восточных и западных: самодийские языки делятся на северносамодийские и южносамодийские), а не в тунгусо-маньчжурскую группу языков. Что касается сходства названных языков с бурятским, то указанный процент вполне отвечает ситуации родства этих языков в рамках алтайской семьи. Далее, ни сама Г. М. Василевич, ни кто-либо другой никогда не пытался объяснить лексические сходства диалектов эвенкийского языка и тунгусо-маньчжурских языков Приамурья как результат заимствования эвенкийской лексики какими-то местными языками с неизвестным прошлым, потому что с конца 1940-х гг., после работ В. И. Цинциус, стало ясно, что эти языки являются плодами самостоятельного развития тунгусо-маньчжурского праязыка, точнее, его тунгусской ветви, а вовсе не продуктом смешения эвенков с иными этносами, хотя позднейшие разыскания и показывают там следы палеоазиатского субстрата чукотско-коряцкого типа в лексике и топонимике. Таким образом, доказательная сила утверждений, снабжаемых подобными ссылками на лингвистические данные, равна даже не

---

³¹ Мы не раскрываем здесь авторских ссылок М. Г. Турова за полной бессмысленностью: ни у одного из названных авторов подобных утверждений нет и быть не может.

нулю, а отрицательной величине — она полностью дискредитирует автора, пытающегося спасти прибайкальскую теорию этногенеза тунгусов за счет расширения ареала их предполагаемой прародины (см. подробнее: 3.1).

Вообще концепция этногенеза тунгусов в лингвистике имеет интересную и поучительную судьбу. Прибайкальская теория этногенеза тунгусов не мешала вести частные исследования, ей не противоречили результаты исследования заимствованной лексики тунгусо-маньчжурских языков, в первую очередь эвенкийского языка, где эвенкийско-русский словарь Г. М. Василевич с этимологическими пометами (в основном отмечены заимствования из монгольского и бурятского языков) намного опередил «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», а сравнительный глоссарий тунгусо-маньчжурских языков В. И. Цинциус [Цинциус, 1949] делался почти одновременно с «Тунгусским словарем» С. М. Широкогорова [Shirokogoroff, 1944], и эти работы основывались преимущественно на одних и тех же опубликованных материалах, остановившиеся же исследования лексики тунгусских языков зафиксировали картину, сложившуюся к 1970-м гг. Эвенкийско-монгольские и эвенкийско-бурятские контакты, зафиксированные в материалах М. А. Кастрена — наиболее ранних материалах по тунгусским языкам, имевших особую авторитетность, вследствие этого не только поддерживали данную теорию этногенеза тунгусов, но и, думается, лежали в ее основании, они же не противоречили той идее, согласно которой алтайская общность является следствием позднейших культурных контактов. С ними не расходились и данные исследования кур-урмийского диалекта нанайского языка, лексика которого действительно представляет собой смешение эвенкийских и нанайских элементов [Суник, 1958]³², что могло в виде иллюзии поддерживать идею о смешанном характере южнотунгусских языков, якобы образовавшихся в процессе смешения тунгусских/эвенкийских и аборигенных элементов, причем этой идее не смогли противодействовать ни реконструкция общетунгусо-маньчжурского состояния В. И. Цинциус, ни позднейшие работы И. В. Кормушина. Однако впоследствии, в 1980-е гг., даже описательные исследования, по мысли их авторов, служили доказательством именно прибайкальской теории этногенеза тунгусов, хотя в эти годы, после работ А. П. Деревянко на среднем Амуре, эта теория, по сути, в археологии была сдана в архив (см.: 3.1). Недавно появились и антропологические данные в пользу теории эт-

---

³² Очень важно, что в этом диалекте представлены достоверно эвенкийские и достоверно нанайские слова при морфологическом строе, отождествляющем этот диалект с нанайским языком.

ногенеза тунгусов С. М. Широкогорова, что отмечено и самим М. Г. Туровым³³.

Таким образом, данные лингвистики и результаты лингвистического анализа ономастики приобретают доказательную силу и становятся неуязвимыми для критики — прежде всего от критики со стороны самих лингвистов — только при соблюдении некоторых условий. Взгляды лингвистов на предмет — от идеи отдаленного родства до этимологии конкретного слова или имени — должны излагаться объективно с учетом всех или большинства наиболее авторитетных мнений, даже и противоречащих друг другу. Оперирование лингвистическими данными корректно только в том случае, если речь идет хотя бы о приблизительно соотносящихся друг с другом во времени датировках событий истории или этногенеза. Используемые в исследованиях словарные материалы по языкам известных ныне народов должны иметь подтверждение в современных словарях этих языков — отсутствие таких подтверждений делает любые заключения подозрительными и побуждает к дальнейшим исследованиям скептического характера. Данные фольклора, в особенности какие-то черты сходства, не ставятся по доказательности в один ряд с собственно лингвистическими данными и сюжетный репертуар фольклора едва ли имеет ценность исторического источника, в особенности на уровне совпадений частных сюжетов и мотивов³⁴. Сходство этнонимов и топонимов, не подтверждаемое сходством лексического состава конкретных языков, в исторических построениях не имеет доказательной силы: чем нагляд-

---

³³ В определенной мере попытки М. Г. Турова реанимировать прибайкальскую теорию этногенеза тунгусов или хотя бы эвенков оправданы тем, что после невозможности связывать предков эвенков с носителями глазковской неолитической культуры и в особенности после фундаментального археологического изучения всего Циркумбайкальского региона возникает необходимость искать новые решения в этнической идентификации разнообразных неолитических культур, открытых на этой территории за последние 30—40 лет, однако эти решения однозначно не укладываются в существующие до настоящего времени представления об этнической истории Прибайкалья и Забайкалья по этнографическим данным и письменным источникам. Другой вопрос здесь в том, что сама эта гипотеза объективно не в состоянии объяснить этногенез и раннюю этническую историю ни для тунгусо-маньчжурских народов, ни даже для тунгусской ветви этих народов.

³⁴ Этнонимы в несказочном фольклоре могут представлять ценный этнографический источник: так, распространение этнонима *нгамэндри* в эвенкийских преданиях с учетом ареала фиксации этих преданий [Василевич, 1970. С. 25—35], как мы полагаем, не только указывает на контакты отдельных групп эвенков с камасинцами (кангмажи), но и свидетельствует о сравнительно позднем появлении эвенков в регионах, где сложились эти предания.

нее сходства в материале, не показывающем общего исторического прошлого, тем больше степень их случайности.

Недавно К. Асмолов в одной из своих работ рассмотрел особенности использования материалов языка в аргументации исторических построений. Приведем полностью фрагмент его статьи, имеющий значение для нашей темы: «Экзерсисы с лингвистикой. Особое место среди ложных аналогий занимают попытки находить в определенных языках сходные фонетические конструкции и выдавать их за доказательство языковой связи или культурного влияния. Заметим, что искать сходное весьма соблазнительно, и для того чтобы переломить эту тенденцию в отечественной лингвистике, в свое время потребовалась статья товарища Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“³⁵.

Семь основных признаков передергивания такого типа хорошо изложены А. А. Зализняком в лекции „О профессиональной и любительской лингвистике“ на фестивале науки в МГУ 11 октября 2008 г.: 1) звук А может переходить в звук Б без уточнения языка и периода времени; 2) гласные не имеют значения, существенен только костяк согласных (в любых языках); 3) слово А получилось в результате обратного прочтения слова Б; 4) такая-то древняя надпись из той или иной страны читается по-русски; 5) название А какого-то города, какой-то реки или той или иной дальней страны — это просто искаженное слово Б, из чего видно, что эта страна когда-то была населена русскими или они овладели ей; 6) такие-то языки произошли из русского, того, на котором говорим мы с вами; 7) 3000, или 5000, или 10 000, или 70 000 лет тому назад русские, именно русские, а не их биологические предки, общие с другими народами, делали то-то и то-то (см.: [Зализняк, 2009. № 1. С. 16—24; № 2. С. 54—62; 2010. Ч. 1. С. 9—25]).

<...> Но среди „соратников товарища Марра“ — и Чхве Намсон, который, используя звуковые совпадения, доказывал, что представители корейской цивилизации основали Персию и Бухару; и господин Щербаков, который известен выкладками об этрусском происхождении славян и попытками читать их надписи, используя современный русский язык; и господин Закиев, который, пытаясь доказать культурное влияние древних тюрков на район Древней Скифии, считает греческое слово *ποντ* (‘море’) вовсе не греческим, а тюркским, приводя в качестве доказательства этого похоже звучащее тюркское слово, означающее „суп“ или „похлебка“.

---

³⁵ Автор в этом утверждении совершенно прав, хотя и несколько резок. Сравнительно-историческое языкознание — это не отыскание сходных слов, а доказательство тождества внешне различающихся — подчас до неузнаваемости — слов разных языков, что блестяще продемонстрировал А. Мейе на примере отождествления латинского *duo* и армянского *erku* ‘два’ (см.: [Мейе, 1952; Sommerfelt, 1965. С. 369]).

Похожие доказательства использовал и Герасим Югай, который „предположил“, что сопка Ариран находилась на сопредельной территории Древней Руси и Казахстана — между Аркаимом (Приуралье) и Аральским морем. При этом автор концепции считает, что слово «Арал» по-корейски звучит „арар“, то есть как двойное арийство, и выстраивает единую линию: Арийство протославян — Аркаим прототюрков — Ариран протокорейцев. Название русской реки Амур у него тоже корейского происхождения (от А-мурио (‘Ага, вода!’). Однако, хотя Югай утверждает, что в Корее нет местности под названием Ариран, в северной части Сеула есть сопка с таким названием. Аральское море по-корейски пишется и произносится не как „арар“, а как Арал хе (‘море’) ³⁶, река Амур в Корее называется Хыкрёнган, то есть ‘река Черного дракона’, а само слово „Амур“ является русифицированным вариантом монгольского названия Хаара-мурэн (‘Черная река’)» [Асмолов (Б. г.)] ³⁷.

Оставляя в стороне все, что касается русской темы и аркаимской мистики в дилетантских штудиях, обратим внимание на то, что основные тезисы К. Асмолова совершенно верны и применимы во всех случаях, когда речь может идти о верификации лингвистических данных и корректности их применения в исторических построениях. Справедливо все это и по отношению к тюркским языкам, когда их предлагают сравнивать с шумерским языком или языком майя.

Заметим, что чаще всего лингвистические данные по какой-то причине используются в защиту той или иной теории, но не используются против какой-либо теории. Воистину странно — вспомогательная дисциплина прямо ставится на службу истории вне зависимости от уровня научности и достоверности ее данных.

Использование лингвистических идей, относящихся к вопросам происхождения конкретных языков, проблем родства и ареальных связей языков в исторических и этнографических работах пока имеет определенную специфику и в применении аргументации, и в пользовании самим материалом. Как правило, такой материал привлекается по каким-то вторичным источникам, а идеи, для обоснования которых они привлекаются, редко соответствуют новым достижениям лингвис-

---

³⁶ Название Аральского моря действительно читается как *Арал хе* или *Араль хе*, однако звуки [р] и [л] в корейском письме изображаются одним знаком. *Хыкрёнган* — это корейские чтения иероглифов, которыми название реки Амур пишется по-китайски.

³⁷ Обратим внимание, что никто кроме В. И. Ламанского (см.: 7.6) не выводил русское название реки Амур из монгольского ее названия Хара-Мурэн, хотя все интересовавшиеся этим вопросом знали, как именно Амур называется по-монгольски.

тической науки. Лингвистические данные, в том числе ономастические, используются в обедненной, упрощенной форме и представляются иногда очень тенденциозно и предвзято — иногда такая тенденциозность исходит от лингвиста, иногда от исследователя-историка или этнографа. Особенно ярко такая предвзятость прослеживается при анализе этнонимов, представляющих большую свободу для культурно-исторических манипуляций и разнообразных домыслов.

1.7. Общие особенности конкуренции гипотез, теорий, концепций и точек зрения в междисциплинарных исследованиях

В области знаний, где соприкасаются археология, история в ее разных направлениях (история России, история отдельных регионов, история титульных этносов), этнография, антропология, география в ее нескольких разделах (собственно география, история географических открытий, географическая топонимика с ее претензиями на статус топонимической теории), филология с ее анализом характера прочтений и содержания документов, языкознание в лице науки о языках Сибири и Дальнего Востока, культурология, объектом которой становится изучение этнокультурных контактов и их последствий на разных синхронных срезах и во временной динамике, неизбежным оказывается существование самых разных гипотез, выдвигаемых отдельными исследователями в рамках частных дисциплин, теорий, находящихся в признании и действующих в качестве инструмента в частных науках и в междисциплинарных исследованиях, а также взглядов отдельных специалистов на отдельные частные проблемы.

Предметы разногласий могут быть самыми разными — этническая идентификация археологической культуры, генезис какого-то этнографического явления, основные положения этнической истории народа или группы народов, приоритеты в географических открытиях, определение языковой принадлежности топонимов или этимологии этих топонимов от массива до каждого названия в отдельности. Разногласия такого рода сами по себе довольно неплохо известны тем исследователям, кто в своих работах выходит за пределы смежной области, однако противостояние противоречащих друг другу теорий и взглядов может стать непреодолимым препятствием для дальнейших исследований, хотя вполне логично то, что новые данные, полученные одной частной дисциплиной, должны вызывать какую-то динамику в смежных дисциплинах при частично общем предмете исследований. Иногда кажется, что в таких хитросплетениях частных наук и построениях отдельных исследователей невозможно разобраться. Тем не

менее мы можем отметить несколько типичных ситуаций столкновения и взаимопротиворечия разных гипотез и теорий, которые подсказывают нам способы разрешения междисциплинарных конфликтов.

Наиболее заметным в таких междисциплинарных конфликтах оказывается своего рода **ахрония** (вневременной характер утверждений и постулатов в применении к истории науки) или **дисхрония** (несоответствие формирования какой-либо теории уровню современных знаний по той причине, что данная теория сформировалась в условиях иной, предшествующей научной парадигмы) **концепций** в частных или смежных дисциплинах. Отсутствие внимания к частным явлениям истории науки приводит к отсутствию учета относительной актуальности разных частных концепций в современных условиях.

Яркий пример такого явления — так называемая прибайкальская теория этногенеза тунгусов, сформулированная А. П. Окладниковым и Г. М. Василевич на рубеже 1940—1950-х гг., о чем уже говорилось выше (1.7) и будет говориться далее (3.1). В соответствии с уровнем археологических знаний указанного периода, позволивших идентифицировать памятники глазковской неолитической культуры с этнографическими реалиями культуры эвенков, эта теория устраивала всех. Факты контактирования тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, примеры и иллюстрации для которых со времен М. А. Кастрена извлекались из языковых материалов этого же региона, хорошо известны — позже данная теория пришлась по душе тем лингвистам, которые не только не признавали родства языков алтайской семьи, в частности генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, но всеми способами стремились дискредитировать идею этого родства, подставляя взамен часто фантастические гипотезы о родственных связях языков, выдавая их за более приемлемые и более перспективные построения.

В 1970-е гг., после новаторских работ А. П. Деревянко и других новосибирских археологов школы А. П. Окладникова, в частности, после детального археологического изучения Приамурья стало ясно, что результаты работ археологов в этом регионе подтверждают ту теорию этногенеза тунгусов, которую сформулировал в 1930-е гг. С. М. Широкогоров (см. далее: 3.1). Казалось бы, из этого с очевидностью должно было явствовать, что прибайкальская теория этногенеза тунгусов и даже теория этногенеза эвенков должна была быть оставлена. Однако открытия археологов остались без внимания у представителей смежных наук, в особенности у языковедов. Даже в 1980-е гг. В. М. Надеяев утверждал, что его фонетические исследования по языкам циркумбайкальского языкового союза подтверждают гипотезу А. П. Окладникова [Надеяев, 1986. С. 3—4], и то же самое говорил в заключении к книге по тунгусо-маньчжурскому словообразованию Б. В. Болдырев

[Болдырев, 1986. С. 214]. В исследованиях по этнографии эвенков ориентация на данную гипотезу, в основном за счет сильного влияния трудов Г. М. Василевич на последующие поколения этнографов-тунгусоведов, дожила до наших дней [Ермолова, 1996. С. 117—145].

Вполне логично, что С. А. Федосеева, изучавшая археологические памятники Верхнего Вилюя, района, примыкающего к Прибайкалью, отметила сходство этих памятников с памятниками глазковского неолита, на основании чего был сделан вывод, что древнейшее население верховьев Вилюя составляли тунгусы. Этот вывод был активно использован и до сих пор используется в исследованиях по топонимике Якутии, поскольку данное заключение позволяет считать тунгусскими (эвенкийскими) многие топонимы этого региона Якутии. Однако после пересмотра взглядов на прародину тунгусов сами археологи должны были понять, что отождествление памятников глазковского неолита и сходных с ним культур с предками эвенков более не является корректным или выглядит сомнительным. Более того, должно было стать понятным, что глазковский неолит и, соответственно, верхневиллюйский неолит не могут иметь отношения к эвенкам, однако вопрос об идентификации этих культур остался открытым.

Изучение материалов глазковского неолита позволило установить, что отождествление одного из украшений с тунгусским нагрудником весьма спорно. В комплексе материалы глазковского неолита могут связываться с культурой либо предков юкагиров, либо древних уральских народов, проникших далеко на восток. С учетом возможного уральского происхождения юкагирского языка [Николаева, 1988] или присутствия уральского лексического компонента в юкагирском языке между такими утверждениями не будет противоречия. Соответственно, по аналогии — с положенными в таких случаях допущениями — и культуры Верхнего Вилюя могли бы считаться связанными с предками юкагиров. Подобные логические построения хорошо увязываются с полученными нами данными по этимологии топонимов Прибайкалья и бассейна Вилюя, где в равной мере отмечаются топонимы с юкагирской языковой основой. Споры о тунгусском vs юкагирском происхождении некоторых топонимов и апеллятивов внутри лингвистики, актуальные для топонимики, но не менее важные в решении междисциплинарных проблем, разрешаются примитивно просто: апеллятив *марха* 'ползучая береза, ерник' наличествует только в тех эвенкийских и эвенских диалектах, которые имели исторические контакты с юкагирским языком, и отсутствует в других диалектах этих языков и других тунгусо-маньчжурских языках. Соответственно, вероятность того, что он заимствован тунгусами у юкагиров, на порядок больше вероятности заимствования его юкагирами у тунгусов.

Гипотеза о тождестве прибайкальских неолитических культур с культурой тунгусов оказалась живучей даже в археологии. При интерпретации находок из родинского захоронения на Нижней Колыме (района, весьма удаленного от Прибайкалья) публикаторы этих находок сделали вывод, что данный памятник может быть связан с тунгусами, то есть эвенками или, вероятно, эвенками, которые действительно живут на Нижней Колыме. Однако этой идентификации противоречат даже не столько несообразности логики науки, сколько сами археологические артефакты и антропологические факты, указывающие на то, что материал находок связан этнически с северо-восточными палеоазиатами, скорее всего с предками современных чукчей (3.1).

В недавнее время с основательным анализом циркумбайкальских археологических, антропологических и этнографических материалов выступил М. Г. Туров [Туров, 1998. С. 12—25; 2003. С. 147—176; 2008]. Он обратил внимание на то, что ареал распространения так называемого катангского антропологического типа совпадает с предполагаемой контактной зоной тунгусов, юкагиров и самодийских народов, в том числе он охватывает территорию Верхнего Вилюя, однако проблема здесь заключена в том, что антропологические данные не позволяют отличить друг от друга тунгусов и юкагиров, а контрверза в принадлежности археологических памятников Верхнего Вилюя состоит в выборе между этими двумя протоэтносми. По мнению того же автора, как мы полагаем, стремящегося как-то реабилитировать и реанимировать прибайкальскую теорию этногенеза тунгусов, по археолого-антропологическим данным на роль прародины тунгусов претендуют четыре региона — Забайкалье, Приморье, запад Якутии и Прибайкалье. Автор приходит к компромиссному выводу: «...глоптогенез всех популяций и этнокультурных общностей охотников-рыболовов Северной Азии („прасамодийских“, „праэвенкийских“, и „праэвенских“) мог происходить в одном общем очаге, охватывавшем все таежные субрегионы Восточной Сибири, смежные им районы Приморья и Обь-Енисейского междуречья» [Туров, 2003. С. 154]. Думается, очерченный автором очаг слишком велик для этногенеза самодийцев и тунгусо-маньчжуров, тем более что эти процессы не имеют в трудах автора хронологической привязки. О том, каковы реальные лингвистические основания для подобной точки зрения, мы уже сказали выше. Новейшие антропологические исследования, выполненные с применением методики анализа митохондриальной ДНК, не дали для этногенеза эвенков этнической истории Прибайкалья ровным счетом ничего, кроме общих схем, согласно которым население Прибайкалья эпохи неолита связано с более ранними обитателями этого же региона и обнаруживает аналогии по всей Восточной Сибири [Рычков, 2004].

Авторы одной из последних по времени работ на темы этногенеза тунгусов пишут следующее: «По поводу ранних этапов этногенеза эвенков общего мнения у исследователей пока не сложилось. В истории тунгусоведения известно несколько концепций: 1. Происхождение тунгусов связывается с автохтонным палеосибирским населением. 2. Тунгусы — автохтоны Сибири, но их „историческая прародина“ располагалась в лесостепных и подтаежных районах Южного Прибайкалья, Верхнего Приамурья и на севере Монголии. 3. Ранние этапы формирования тунгусов проходили на территории современной Маньчжурии... Появление же тунгусов в центральных и северных районах Восточной Сибири представители двух последних гипотез относили к разному времени. Ю. А. Мочанов и В. И. Эртюков датировали проникновение тунгусов на территорию современной Якутии ранним железным веком, И. В. Константинов — началом I тыс. н. э., а А. Н. Алексеев — концом I—началом II тыс. н. э. ...В бассейн Енисея они проникают еще позже — в Среднее и Нижнее Приангарье с XII—XIII вв., а на Подкаменную Тунгуску, возможно, только к XV в. По предположению В. А. Туголукова, предшественниками тунгусов на Подкаменной Тунгуске и в прилегающих районах, вплоть до низовьев Ангары, были самодийцы» [Макаров, Баташев, 2013. С. 192]. Некоторые авторы, видимо, стремясь избежать полемики, определяют прародину тунгусов слишком широко, относя к ней Прибайкалье, Забайкалье, Восточную Монголию и верховья Амура [Спеваковский, 1979. С. 42—53]. Э. В. Шавкунов в поисках прародины тунгусов указывал на Нижний Амур [Шавкунов, 1990]. О. В. Дьякова связывает происхождение тунгусо-маньчжурских народов с территорией Внутренней Монголии и Западной Маньчжурии [Дьякова О. В., 1996]. В этих условиях для многих исследователей представляется разумным давать более или менее полный обзор разных взглядов на прародину тунгусо-маньчжуров, что, как мы видим, многие и делают [Дыбо, Норманская (Б. г.)], а археологи связывают надежды на решение тунгусо-маньчжурской проблемы с новыми этапами исследования археологических культур на всем протяжении от Прибайкалья до Тихоокеанского побережья [Алкин, 2011. С. 3—4]. Что касается Прибайкалья, то те же исследователи признают: «...источниковедческая база сибирской археологии для районов Красноярского Севера остается недостаточно информативной для воссоздания сложных этногенетических построений. Многие периоды древней истории народов Приенисейского края имеют значительные лакуны и нуждаются в дальнейшем накоплении источников» [Макаров, Баташев, 2013. С. 192]. С этим нельзя не согласиться. Вместе с тем, как будет показано далее, у нас уже имеется довольно много данных, чтобы отодвинуть вероятную прародину тунгусов от Байкала в восточном и, видимо, юго-восточном направлениях и даже,

возможно, отнести к востоку и зону тунгусо-самодийских или тунгусо-уральских контактов.

Любопытный пример историко-хронологического наложения и конфликта частных гипотез — это гипотезы об этногенезе нивхов и происхождении нивхского языка. Отметим самое важное: М. Г. Левин в своей книге, подводящей итоги антропологического изучения народов Сибири и Дальнего Востока [Левин, 1958. С. 340—341], отметил, что по антропологическим и этнографическим данным нивхов можно рассматривать как промежуточное звено между тунгусо-маньчжурами и айнами, но такому взгляду категорически препятствует — на уровне тех знаний — язык. Построение реконструкции архаического состояния нивхского языка в сочетании с изучением разнообразных лексических сходств нивхского языка и тунгусо-маньчжурских языков, с одной стороны, и нивхского языка и других палеоазиатских языков (чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских, юкагирского) с вниманием к их исторической перспективе позволили прийти к неожиданному выводу: нивхский язык можно рассматривать даже не как один из языков алтайской семьи (что предполагали В. З. Панфилов и Т. А. Бертагаев и что допускала В. И. Цинциус), а как особую, рано отделившуюся ветвь тунгусо-маньчжурских языков, в которой сочетаются признаки тунгусских языков обеих групп — северной (сибирской) и южной (маньчжурской) и маньчжурского языка (см.: [Бурыкин, 1987. С. 185—190; 1987а. С. 46—54; 1988. С. 136—150; 1989. С. 45—49; 2005. С. 177—185]). Таким образом, знания об истории нивхского языка на каком-то синхронном срезе подтверждали изолированность нивхского этноса, но после комплексных этнографических и антропологических исследований они оказались в противоречии с новыми данными, и пересмотр воззрений на историю нивхского языка и его генетические связи позволяет органически согласовать данные разных научных дисциплин в пользу решения нивхской проблемы.

Еще одна интердисциплинарная проблема, проявляющаяся при обсуждении дискуссионных вопросов этногенеза, этнической истории, этнокультурных контактов, — это **проблема иллюзорности равноценной значимости концепций**, теорий, частных мнений, в особенности тех, которые существуют или существовали какое-то время внутри частных дисциплин. Так, при обсуждении вопроса о территориальной отнесенности и значении названия Биармия авторы новой, хотя бы и популярной, книги об исторической географии Арктики [Леонтьев, Леонтьева, 2009. С. 254—271], желая во что бы то ни стало связать этот топоним с названием медведя, объединяют как равноценные и соображения географов, и лингвистические выкладки, которые не всегда выглядят бесспорными, и построения «нового учения о язы-

ке» Н. Я. Марра [Там же. С. 259], что ныне нельзя комментировать всерьез и можно обсуждать только как проблемные зоны методов.

Не менее сложной проблемой, препятствующей увязыванию данных топонимики с данными археологии и этнографии³⁸, оказывается проблема локальной ориентированности гипотез и теорий на современную или канонизированную этническую картину в региональных топонимических, этнографических и исторических исследованиях. Внутри частных наук определенные взгляды как бы консервируются и их пересмотр оказывается невозможным как затрагивающий приоритеты региональной истории и локальной этнической истории.

Один из заметных примеров такого рода — это ситуация с изучением лексического состава якутского языка и топонимики Якутии. Основа для исследования словарного фонда якутского языка была заложена словарем Э. К. Пекарского с этимологическими данными и прецедентом этимологического исследования. Данные этого словаря, согласно которым в якутском языке имеется общетюркская лексика, монгольская лексика и заимствования из тунгусо-манчжурских языков, до сих пор служат средством догматизации основных положений этнической истории якутов и представлений о топонимике Якутии. В этнической истории якутов усматриваются три основополагающих тезиса, ставших краеугольными камнями региональной истории: 1) якуты принадлежат к тюркским народам; 2) якуты контактировали с монголами; 3) доякутским населением Якутии являются тунгусы. Первый тезис не оспаривается, хотя в лексиконе и топонимиконе якутов могут усматриваться тюркские элементы, не принадлежащие к сепаратной основе якутского языка, а представляющие иные группы тюркских языков, частью хорошо известные, например кыпчакские. Второй тезис хотя и бесспорен, но малосодержателен, поскольку внешние хронологические и диалектологические, они же индивидуально-лингви-

---

³⁸ В настоящей работе мы намеренно ограничиваем обсуждение интересующих нас проблем данными археологии, этнографии и языка в форме ономастики. Этногенетические и этноисторические построения внутри таких частных дисциплин, как этномузыкология (см.: [Шейкин, 2002]), антропология (см., например, заключение к кн.: [Алексеев В. П., Гохман, 1984]) и особенно отдельные направления физической антропологии, почти всегда содержат выводы, идущие вразрез с концепциями, принятыми в большинстве дисциплин. Видимо, известные дифференциации в построениях оказываются универсальным свойством междисциплинарных гуманитарных знаний. В настоящее время альтернативные идеи в области этнической истории народов Сибири исходят в основном от генетиков. См.: [Федорова, 2008; 2008а; Тарская, Гоголев, Ельчинова и др., 2009; Деренко, Мальярчук, 2010]. Видимо, дисперсия результатов является ожидаемой характерной особенностью при обобщении материалов, являющихся объектами разных научных дисциплин.

стические дивергенции монгольских языков дают нам слишком мало материала, чтобы можно было судить об абсолютном времени контактирования якутов с монгольскими этническими группами и об индивидуальных характеристиках этих самых групп. Третий тезис — о тунгусах как доякутском населении Якутии — оказывается спорным до абсурдности, поскольку тунгусы после краха прибайкальской теории этногенеза тунгусов уже не могут считаться аборигенами правобережья Енисея и верховьев Лены и с трудом могут считаться сколько-нибудь древним населением восточных и южных районов Якутии, если характер их миграции определяется как миграция с востока на запад и датируется временем не раньше рубежа I и II тыс. н. э. Под «словами неизвестного происхождения» в якутском языке понимаются в основном те слова, для которых тюркские и монгольские параллели не указаны в словаре Э. К. Пекарского, и на их дальнейшее исследование наложен некий мораторий, способствующий консервации представлений об истории этноса (см.: [Попов Г. В., 1986])³⁹. Вместе с тем в якутском языке присутствуют заимствования из диалектов юкагирского языка, причем в местах, далеких от современной якуто-юкагирской контактной зоны, и из чукотско-корякских языков.

В наши дни компонентом историографии проблемы становится и то, что исследователи топонимики Якутии, придерживающиеся традиционных взглядов на этническую историю Якутии и охраняющие их от закономерного пересмотра и пополнения, как бы не замечают того, что многие названия крупных географических объектов, а именно названия главных рек Якутии, не являются ни якутскими, ни тунгусскими по происхождению, и активно навязывают пользователям некорректную информацию, замалчивают результаты исследований с не устраивающими их выводами либо пытаются какими-либо средствами дискредитировать эти выводы. Это наглядно проявилось при сравнении двух изданий книги М. С. Иванова «Топонимика Якутии» [Багда-рыин Сюлбэ, 2004], первое из которых было вполне позитивно-информативным и даже содержало элементы новизны (в основном вследствие общего недостатка работ по топонимике Восточной Сибири вообще и Якутии в частности), а второе приобрело консервативно-полеми-ческий характер. Слабым местом названного сочинения в научной полемике является то, что в ходе дискуссии имеют место и попытки дискредитации аргументов оппонентов, и прямые намеренные умолчания о некоторых этимологиях топонимов — тех топонимов, по поводу которых у автора сочинения не имелось и не появилось собст-

---

³⁹ Для автора указанного труда почти все изолированные слова якутского языка — это слова, для которых тюркские, монгольские или тунгусо-маньчжурские параллели еще не выявлены, чем он и пытался заняться.

венного мнения. Топонимика этого региона могла быть, по определениям местных специалистов, либо якутской, то есть соответствующей языку титульного народа, либо тунгусской, восходящей к языку коренных жителей территории, проживающих на ней и ныне. В связи с изучением лексического состава якутского языка и, в частности, с вниманием к монгольским лексическим элементам в якутском языке, которое проявляют лингвисты со времен В. В. Радлова и Э. К. Пекарского, в изучении топонимики Якутии появилось новое веяние — поиски топонимов монгольского происхождения и идентификация топонимов с общей тюркомонгольской производящей основой как топонимов, восходящих к монгольскому субстрату или суперстрату (см.: [Иванов Н. М., 2001]). Последние построения, однако, невозможно строго доказать именно из-за смешанности лексического состава якутского языка. Самое же главное, что является типичным для ситуации с изучением топонимики Якутии, — это явно отрицательное отношение к выявлению в топонимическом материале территории каких-либо палеоазиатских, юкагирских или чукотско-корякских элементов, хотя бы они и были очень древними и их присутствие увязывалось бы с принятой в археологии идентификацией неолитических культур Якутии. Очень показательно то, что во втором издании книги Багдарына Сюлбэ в отношении этнической истории тунгусов в Якутии ничего не поменялось — по всему видно, что автора по-прежнему во всем устраивает прибайкальская теория этногенеза тунгусов и его совершенно не интересует то, что она уже давно не принимается всерьез даже специалистами по археологии Якутии.

Бывает так, что известный топоним получает новые этимологии на уже известной языковой основе, а сами эти этимологии оказываются в итоге не чем иным, как средством придания данному топониму особого семиотического статуса, превращающего топоним в один из символов этнической культуры. Такое имеет место с топонимом Магадан, для которого ряд этимологий предлагался краеведами-эвенами⁴⁰.

Что касается этимологической трактовки топонимов на территории с меняющейся этноязыковой ситуацией, то здесь в силу этнических приоритетов большинство этимологий, предлагаемых для топонимов, будут соотноситься с языком населения, ныне живущего на данной территории. Так обстоит дело с топонимикой Северного Приохотья и эвенских районов Камчатки, где явно субстратная топонимика, с определенностью этимологизируемая как корякская или предположительно корякская, истолковывается носителями языка и краеведами как выводимая из эвенского языка.

---

⁴⁰ [Евсюкова (Б. г.)] со ссылками на публикации автора настоящей книги.

Иногда разногласия между специалистами в трактовке этнической истории основаны на различных представлениях об этнической истории региона, но они не затрагивают этнокультурных приоритетов. Так, И. С. Вдовин, много занимавшийся этнокультурными контактами чукчей и эскимосов, видел проявления эскимосского влияния в топонимике Охотского побережья. Его предположения были встречены скептически исследователями топонимики этого региона, для конкретных топонимов, по крайней мере для части их были найдены альтернативные этимологии на основе чукотско-корякских языков (топоним Мотыклей: (см. выше: 1.5.1 и далее: 7.3)) — таким образом, предположение И. С. Вдовина отклонено на собственно топонимическом материале, но идея о присутствии эскимосов на Охотском побережье находит подтверждение в археологических находках и, что интересно, подтверждается новыми лингвистическими данными, выявлением эскимосских субстратных элементов в лексике языков народов Охотского побережья, не связанных отношениями родства — эвенском и корякском [Бурыкин, 1996. С. 48—59].

Археология внутри себя все же меняет представления об ареалах культур, их хронологии, этнической принадлежности и динамике ареалов. Теория этногенеза меняется медленнее, поскольку оперирует интердисциплинарными или полидисциплинарными данными. Историческая лингвистика, как это ни странно, наиболее статична и наиболее догматична в плане проявления самой себя в роли компонента изучения этногенеза и этнической истории народов и территорий и в равной мере — в статусе источника и средства поддержания междисциплинарных идей.

1.8. О практике общения русских землепроходцев с коренным населением Восточной Сибири в середине и второй половине XVII в.

Изучение практики общения русского населения и коренных жителей Сибири в исторической перспективе в широких пределах от XVI в. до начала XX в. вызывает интерес во многих отношениях. Для изучения языковой ситуации по документам, отражающим контакты русских служилых людей и представителей иных сословий с коренными жителями, относящимися к разным этносам, весьма важным является выяснение механизмов формирования регионального двуязычия и установление характера складывающегося двуязычия. Для изучения социальных отношений значимыми являются этнические, социальные и гендерные характеристики тех групп, которые оказываются первыми носителями двуязычия, — данные социальные группы

легко определяются по документам: прежде всего это «толмачи», то есть устные переводчики, а также те лица, которые, согласно документам, активно участвовали в разнообразных межэтнических контактах и являлись источником передачи различных сведений из среды одного этноса в среду другого этноса. Наконец, с полным основанием можно считать билингвами тех представителей коренных народов разных регионов Сибири, которые были официально приняты на службу.

К сожалению, в опубликованных документах имеется не так уж много материалов по интересующей нас проблеме и исследования в этой области должны быть продолжены по архивным материалам.

Одно из наиболее ранних упоминаний о толмачах-переводчиках с языков местного населения принадлежит Елисею Бузе — этот мореход, с чьим именем связан ряд открытий на территории Якутии, был одним из первых, кто услышал о загадочной реке Нелог в Заколымье (см.: 4.2). В 1638 г. Елисей Буза пишет в своей челобитной, что привез «аманатов юкагирских 3 человек да якуцкова мужика юкагирскова толмача» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 98]. Здесь сразу привлекает внимание словосочетание «*якуцкова мужика юкагирскова толмача*», которое читается как первое свидетельство того, что представители народа саха владели юкагирским языком еще в первой половине XVII в. Хотя справедливости ради надо сказать, что вопрос, кого подразумевали под «якутами» в это время составители документов о низовьях Лены, Яне и Индигирке, остается открытым: история русского слова «якуты» пока не очень ясна (см.: 8.5).

Примерно в то же самое время другой землепроходец и мореход, Посник Иванов, один из первооткрывателей рек Яны и Индигирки, жалуется сам на себя: «...а подлинно де, государь, он Посничко про те землицы рассказать не умеет, потому мало их юкагирского языку знал» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 101]. В отписке воеводы П. Головина 1640 г., также рассказывающей об Индигирке, к его рассказу дается официальный начальственный комментарий: «А подлинно де государь того он, Посничко, про те землицы рассказать не умеет, потому что язык юкагирский русские люди не знают» [Русские мореходы... 1952. С. 37].

В 1645—1646 гг. казак Иван Ерастов, с именем которого связаны походы на Индигирку и добывание первых сведений о легендарной Погыче, пишет в своей челобитной: «...аманат Морле сказал: здесь де в олюбенском зимовье язычново человека нет, кто б умел по-юкагирски» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 136]. Не вполне ясно, каким образом содержание речи аманата Морле в таком случае все же стало достоянием документа, — остается предполагать, что или аманат знал еще какой-то язык, кроме своего родного юкагирского

(например, научился говорить по-русски), или его расспрашивал кто-то посторонний.

Не является откровением тот факт, что в качестве переводчиков часто выступали местные женщины — «ясырки». Особенно характерным это было для острогов и зимовий на новооткрытых территориях, где проживали носители малоизвестных или неизвестных до той поры языков. О таких женщинах упоминается во многих документах. В одном из них упоминается «толмач казачья женка Офоньки Шестакова», в другом — «чухочья девка Фомки Пермьяка», которая исполняла те же обязанности [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 345, 405—406]. Кстати, из одного документа нам стало известно, что «женка якутская погромная» имелась и у Елисея Бузы — того самого, который привез в Якутск трех аманатов, рассказавших о Нелогге, и юкагирского толмача [Русские мореходы... 1952. С. 210—211].

Некоторые частные подробности, свидетельствующие о важности роли толмачей в сборе необходимой информации об отдаленных местностях, раскрываются в «Распросных речах» Лавра Григорьева (который вместе с Иваном Ерастовым получил первые сведения о реке Нелогге), являющихся ценным дополнительным источником информации об этой реке: «Да он же Лаврушка роспрашивал про тое ж реку Нелоггу юкагирского аманата князца Шенкодья, шамана, без ковымского аманата Порочи, и тот де Шенкодье, шаман, в роспросе сказал сверх речей ковымского князца шамана про ту реку Нелоггу те же речи слово в слово. А толмачил де те речи роспросные баба тунгуская Бырчик, которая в толмачах в Ындигирской реке» [Русские мореходы... 1952. С. 46].

Река Нелогга, или Нерога, на которой якобы местные жители находят серебро, долгое время считалась легендой или историко-географическим недоразумением, и только недавно выяснилось, что это река Наглейнынваам, один из притоков реки Раучуа, впадающей в Восточно-Сибирское море к востоку от устья Колымы и к западу от Чаунской губы, то есть она находится как раз там, где на нее указывали аманаты (см.: 4.2). Может быть, какие-то отряды казаков и достигали рек Нелогги и, не менее легендарной и загадочной, Погычи (река Пучевеем, впадающая в Чаунскую губу, ее истоки находятся рядом с истоками реки Анадырь; см.: 4.3), только эти места были совершенно безлюдны и на месте названия этих рек спросить было не у кого. Нам же остается только удивляться тому, каким образом «баба тунгуская», то есть эвенкийка с определенно эвенкийским именем Бэрчэк (ее имя происходит от эвенкийского слова *бэр* 'лук', *бэрчэн* 'маленький лук', возможно 'самострел' с типично тунгусским суффиксом женских личных имен -к), могла переводить расспросы и ответы юкагира Шенкодье. Однако в более поздних документах та же самая Бырчик упоминается

еще раз и опять в качестве юкагирского, а не только «тунгусского» переводчика-толмача. Следовательно, этническая принадлежность переводчика не всегда однозначно указывает на его языковую компетенцию: среди них явно попадаются билингвы и полиглоты. По другим источникам становится ясным, что толмачи, в особенности женщины, кроме своего родного языка и усвоенного ими русского языка могли знать еще один-два языка соседних народов.

О тех трудностях, которые подстерегали казаков, отправлявшихся в походы без толмача, свидетельствуют сообщения Исая Игнатьева, который считается одним из первооткрывателей Чаунской губы. Он и его спутники в 1646 г. в этих местах вели с чукчами немой торг, «потому что толмача у них не было» [Русские мореходы... 1952. С. 110].

В наказной памяти Михаилу Стадухину от 5 июля 1647 г. предписывалось «для толмачества погыцких иноземцов взять ему, Михалку, на Колыме у сына боярского у Василья Власьева ис тамошних колымских юкагирей, которые есть у служилых людей, хто имянем доведетца» [Русские мореходы... 1952. С. 65—66]. Хотя, как мы знаем, по поводу этнической принадлежности этих «погыцких иноземцов» не было никакой уверенности (по месту проживания, как правило, в наказных памятях называли тех местных жителей, самоназвания которых не знали и названия им еще не выработали) и нам их этническая принадлежность могла бы быть неизвестна до сих пор. Исходя из систематизированных сведений о реке Погыче и ее местоположении (река Погыча/Пучевеом находится на территории, заселенной чукчами), нам остается только предполагать, что колымские юкагиры были двуязычными или многоязычными — во всяком случае, знали чукотский язык уже во времена походов Михаила Стадухина, то есть в самой середине XVII в. Последние слова «хто имянем доведетца» не совсем понятны — возможно, колымские казаки к тому времени научились различать по личным именам юкагиров и чукчей. У нас есть и прямые свидетельства того, как именно Михаил Стадухин выполнил распоряжение, содержащееся в наказной памяти. «В 157... (1648) году бил челом государю... ясачный князец Нирпа на служилого человека Михалка Стадухина, как тот Михалок пошел с Колымы на море и взял де ево Нирпу к себе и посадил в колотку и морил голодною смертью, а взять хотел жену у него в толмачи...» [Токарев, 1948. С. 9—10].

Обратим внимание, что как раз в этом году, судя по челобитной Василия Власьева, от Михаила Стадухина ушла та самая «жонка погромная колымская ясырка именем Калиба», которая могла рассказать ему про легендарную Погычу и про остров Айон, лежащий против ее устья (см. далее: 4.3.1). Если Калиба была «колымская ясырка», то она могла либо быть юкагиркой (однако на это ничто не указывает), либо происходить из приморских чукчей-*ан'к'альит*, на что указывает воз-

возможность истолкования ее имени из чукотского языка. Напомним — нам известно, что она «жила у тех мужиков, у чюхчей, 3 годы» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 221–222; Русские мореходы... 1952. С. 59–60]. Скорее всего, ясырка Михаила Стадухина происходила из приморских чукчей-ан'к'альит (вот почему оленные чукчи-чавчыват для нее были не своими), и она носила распространенное чукотское имя Кэлевьи 'Дышащая духами' (ныне от таких имен происходит множество чукотских фамилий). Калиба-Кэлевьи рассказала Михаилу Стадухину столько интереснейших подробностей из описания мест на морском побережье к востоку от устья Колымы и столько подробностей из этнографии чукчей, что мы не перестаем удивляться содержательности и достоверности этих рассказов до сих пор. Поэтому естественно, что Стадухин, после того как он остался без весьма квалифицированной помощницы, служившей ему верой и правдой несколько лет, весьма рьяно, любой ценой, старался найти ей подходящую замену.

В связи с персоналиями любопытно отметить, что и Стадухин, и его спутники смогли как-то расспросить «коряцких людей» (очевидно, безоленных оседлых чукчей), встретившихся им на побережье Чаунской губы, о реке Погыче и получить от них ответ, «что де реки мы близко не знаем» [Русские мореходы... 1952. С. 116, 123, 246]. Есть основания полагать, что или сам Стадухин научился от Калибы чукотскому языку, или его выучил кто-то из его спутников, но через три года эти познания проявились и пригодились при общении Стадухина и его спутников с коряками на Охотском побережье, поскольку коряки говорят на языке, родственном чукотскому.

Толмачи, однако, далеко не всегда ревностно относились к своим обязанностям — были случаи, когда толмач мог быть замешан в заговоре против служилых людей. О таком происшествии рассказывает отписка Василия Власьева, датированная 1649 г.: Ясачные омоки — анюйские юкагиры «со всеми своими улусными людьми государю изменили и призвали неясачных омоков и с моря чухоч и хотели на рыбной ловле служилых людей побить... И про тое измену ведали многие казачьи ясырки Омоцские девки, да и толмачь Онгуто (женщина-юкагирка. — А. Б.) про тое измену ведала ж. И сверх тех речей толмачь Онгуто винулась, ведала де я всю омоцскую измену, а не велел мне сказывать про убойство Анюйской аманат Уеля» [Русские мореходы... 1952. С. 116, 123, 246].

Можно проследить, что иногда один и тот же толмач упоминается в нескольких документах, которые по времени могут далеко отстоять друг от друга, — тем ценнее для нас такие свидетельства. Так, в двух документах конца 40-х гг. XVII в. упоминается уже знакомая нам женщина-эвенкийка по имени Бырчик. В 1648—1649 гг. Константин

Степанов Дунай принял на вверенном ему ясачном зимовье в числе прочего имущества «прежнего толмача тунгускую бабу именем Бырчика» [Русские мореходы... 1952. С. 183]. В 1650 г. на зимовье в устье Яны Фома Кондратьев принял опять же «прежнего толмача тунгускую бабу именем Бырчика» [Русские мореходы... 1952. С. 196]. В 1652 г. Василий Бурлак в своей отписке воеводе Ивану Акинфому пишет о том, что принял в Индигирском остроге «и аманатов и толмача юкагирского родом тынгускую бабу Бырчика, новокрещеное имя Матренка» [Русские мореходы... 1952. С. 222]. Здесь существенно то, что хотя Бырчик (точнее Бэрчэк), судя по прямому указанию документов и по ее имени, — тунгуска, то есть скорее всего эвенкийка (возможно ламутка-эвенка), однако она, по сути, постоянно использовалась как переводчик для разговоров с юкагирами. Важный штрих из биографии женщины-переводчицы, очевидно, немало сделавшей для сбора сведений о местностях, лежащих к востоку от Индигирки, — после по крайней мере пяти лет своего «толмачества», где-то в 1651—1652 гг., она была крещена и приняла русское христианское имя. Очевидно, положение столь авторитетного толмача среди обитателей Янского зимовья, а позднее — Индигирского острога было относительно свободным, а акт принятия православной веры — действием сугубо добровольным. Есть основания чтить память этой женщины — благодаря ей мы теперь знаем много интересного об обстоятельствах открытия неведомых земель на северо-востоке России.

Заметим, однако, что кроме толмача-эвенкийки, очевидно, владевшей и «тунгусским» и юкагирским языком, в том же Янском зимовье в 1650 г. уже имелся «юкагирской толмач Савко Иванов» [Русские мореходы... 1952. С. 192]. Наличие у этого толмача отчества или фамилии явно указывает на его принадлежность к русским служилым или промышленным людям — следовательно, среди этих сословий появлялись знатоки местных наречий, которых можно было использовать для составления официальных документов.

В 1651 г. десятник Пантелей Мокрошубов принял острог на Алазее, а также «толмача юкагирскую женку именем Малья, а та женка ясырка, владеют ею многие люди, хто купит, тот и держит, и по закладным владеют» [Русские мореходы... 1952. С. 202]. Несмотря на это, очевидно, что положение ясырки с обязанностями переводчицы было хотя и не независимым, но достаточно свободным и право собственности служилых людей на нее не заходило слишком далеко: во всяком случае, оно не мешало юкагирке исполнять обязанности толмача. Относительно «имени» этой юкагирской ясырки, отмеченного документами, надо сказать, что формы Малья и Молле, воспринимавшиеся некогда как личное имя женщины, на самом деле соотносятся с

юкагирскими словами *мархиль*, *маилуо* ‘девушка, девушка’, настоящего же имени этой юкагирки мы, скорее всего, уже никогда не узнаем.

То, что положение ясырок, в обязанности которым вменялась переводческая деятельность, могло быть даже относительно привилегированным, явствует из следующего документа. В наказной памяти Федору Чюкичеву, выданной 6 июля 1652 г. на Алазею, мы читаем: «Да ему ж Федьке на Алазейке реке [принять] прежнево толмача ламусково роду женку именем Молле и велеть той бабе толмачить, а обиды ей никакой не чинить...» [Русские мореходы... 1952. С. 221]. Таким образом, даже притом что юкагирская ясырка «находилась во владении у многих служилых людей», она в силу своего особого положения толмача пользовалась покровительством тех, кто по долгу службы составлял наказные памяти, а значит, занимал очень высокое служебное положение. Повторим еще раз, что Малья или Молле, хотя о ней и сказано прямо, что она «ламуского роду», судя по ее имени, — юкагирка, а не ламутка-эвенка. Впрочем, нет уверенности в том, что здесь в двух документах речь идет об одном и том же человеке: может быть, здесь имеются в виду разные переводчицы, из которых одна была юкагиркой, а вторая — эвенкой, знавшей юкагирский язык и получившей юкагирское прозвание.

В отписке Семена Дежнева 1656 г. говорится, что Федот Ветошка подал челобитную «о толмаче о юкагирской бабе Нюрке, что той государевой казне многими людьми иноземцы итти без толмача не мочно, розговорить и призвать иноземцов, чтоб берегли на дороге государеву казну. И мы <...> той государевой казны без толмача через Камень многими людьми иноземцы отпустить не смели и ему, служилому человеку Федотку Емельянову толмача дали, и отпись у него взяли. А толмача на Онандыре реке нет, толмачить некому у всякого государева дела» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 362—363]. Далее в том же документе говорится: «И того толмача велено отдать на Колыме реке, а про то в ясачном зимовье служилым людям до государева указу, что об той бабе толмаче Нюр(ке), что государь укажет» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 366]. Поскольку документы самого Дежнева представляют нам жизнь Анадырского острога в первые годы его существования весьма неполно, нам остается только гадать, где именно Дежнев и его подчиненные заполучили переводчицу-юкагирку с христианским именем.

Ценные свидетельства о быте отрядов служилых людей, и в том числе о высокой ценности толмачей для отрядов, отправлявшихся в дальние походы, и подробности биографии толмачей содержатся в одном из документов, составленных Юрием Селиверстовым — автором не дошедшей до нас челобитной, в которой описывались реки, впадающие в Ледовитый океан к востоку от Чаунской губы. В 1653 г.

Юрий Селиверстов жалуется на то, что Семен Шубин, целовальник Среднеколымского зимовья, «не дал ему в толмачи юкагирскую бабу именем Алевайка», «и я, Юшко, для (из-за. — *А. Б.*) того толмача на море не пошел и рыба зуба промышлять некем, потому что та баба прежде сего на море бывала и языки розные знает» [Русские мореходы... 1952. С. 223—224]. В 1654 г. Анисим Симонов писал в челобитной: «И нам холопом твоим без вожа и без толмача стало идти не мощно („немошно, немошно, трудно“ . — *А. Б.*) и на Хромую не попали, пробежали мимо» [Русские мореходы... 1952. С. 242]. Позже Амос Михайлов писал в отписке 1657 г.: «и [дал] нам Юшко Селиверстов 15 человек служивых, доброго толмача на море или на иную реку, а вести де про сих от иноземцов нигде не слышали» [Русские мореходы... 1952. С. 248]. Видимо, такое же положение толмача занимала и оставшаяся безымянной «якутская баба» Федота Алексеева, взятая в поход отрядом Семена Дежнева и, тем не менее, не числящаяся в известных нам списках участников этого похода, вошедшего в историю (о методике анализа подобных текстов см.: [Демин, 1996. С. 44—46]).

Под 1659 г. в историю отношений русских землепроходцев и коренного населения вошел интересный документ — написанная на имя царя Алексея Михайловича челобитная чукчи по имени Апа с просьбой принять его на службу в качестве толмача [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 459]. Этот документ мог бы быть историческим курьезом или обычной канцелярской бумагой, составленной с чужих слов, если бы не одно обстоятельство — под челобитной стоит собственноручная подпись Апы. Таким образом, данная челобитная является не только отражением деятельности переводчиков, осуществлявших общение русских служилых людей и коренного населения, но и одним из старейших известных нам памятников письменности коренных народов крайнего северо-востока Азии.

Мы уже отмечали, что толмачи из служилых людей появляются на Арктическом побережье к 50-м гг. XVII в. Позднее, очевидно, знание местных языков получило относительно широкое распространение. Михаил Стадухин в своей челобитной 1663 г. просит дать ему «в вожи и для толмачества служилого человека Микулу Юрьева» [Русские мореходы... 1952. С. 285]. В другом документе, близком по времени, упоминается некий «Семен толмач» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 299]. Возможно, это достаточно знаменитая личность — Семен Петров Чистой (о нем см.: [Полевой, 1994. С. 63—66]), «тунгусский толмач», то есть один из первых знатоков эвенкийского языка на Дальнем Востоке России.

Документы 40—50-х гг. XVII в. показывают нам, что в качестве толмачей-переводчиков чаще всего выступали женщины, находившиеся на положении «ясырок»-пленниц. Ценность этих «ясырок» бы-

ла весьма значительной, поскольку иногда отряды не могли выступить в поход без толмача-переводчика, известны примеры, когда такие ясырки были предметом раздоров между предводителями разных отрядов, кроме того, некоторые документы предписывают проявлять заботу о тех ясырках, которые используются в качестве толмачей.

Интересные детали отыскиваются в описании остатков лагеря Н. Шалаурова, обнаруженного Ф. П. Врангелем и его спутниками в 1823 г.: путешественники нашли возле полуразрушенной хижины шалауровцев деревянный патронташ и «кошечки от кос» [Врангель, 1948. С. 314—315]; следовательно, среди участников похода Шалаурова были женщины, вероятно — тунгуски или юкагирки, носившие накосные украшения и взятые в поход в качестве толмачей.

Упоминание этнонима «юкагиры» в контекстах, рассказывающих нам о толмачах и толмачестве, в особенности словосочетание «юкагирский толмач», встретившееся как минимум в двух документах, наводит на мысль о том, что слово «юкагиры» в 40—50-х гг. XVII в. еще не было названием того народа, который ныне известен нам под этим именем. Истолкование основы этнонимов *якуты* и *юкагиры* из чукотского языка как *ыякэт* ‘дальние’, ‘жители удаленных местностей’ (8.5) указывает на возможность понимания прилагательного «юкагирский» не как «связанный с собственно юкагирским этносом», а в более обобщенном контексте: «принадлежащий жителям наиболее удаленных местностей». Высказанная здесь гипотеза требует проверки посредством анализа наиболее ранних употреблений слов «юкагиры», «юкагирский» и определения тех объектов, применительно к которым употребляются данные слова.

По изданным историческим документам середины и второй половины XVII в., состав лиц, знающих языки коренного населения и деятельность переводчиков-толмачей, может быть освещен довольно подробно. К сожалению, мы не имеем документов, позволяющих нам столь же подробно проследить условия общения русского населения с представителями народов Севера в более позднее время — в XVIII—XIX вв.

1.9. Языковая ситуация в Западной Сибири в XVI—XVII вв. и практика общения русских служилых людей с коренными жителями: этнические, социальные, гендерные аспекты культурных контактов и двуязычия в исторической динамике

Документы XVII в., рассказывающие об открытии и освоении Сибири, представляют собой незаменимый источник по истории и этно-

графии коренного населения этого региона. Среди разнообразных ценных сведений в них представлены описания ситуации словесного общения землепроходцев с коренными жителями. Такие документы в какой-то мере раскрывают для нас языковую ситуацию в Западной и, позже, Восточной Сибири на момент прихода русских в эти места и в последующие десятилетия и позволяют делать некоторые выводы и заключения не только о межэтнических контактах, но и о развитии двуязычия или многоязычия коренного населения. Эти же источники дают возможность установить и проследить, кто из коренных жителей, в какое время и в какой мере овладевал русским языком, а также кто из служилых и промышленных людей, приходивших в новые места, реально знал или мог знать языки коренного населения и пользоваться ими (см.: [Мостахов, 1966; 1982; Боякова, 2001; Зуев, 2002. С. 14—24]). Ниже мы попробуем собрать и проанализировать свидетельства о языковой ситуации в Западной Сибири.

Одно из примечательных событий, позволяющих судить о практике общения жителей Московского государства и уроженцев Западной Сибири, датируется 25 декабря 1598 г. — эту дату имеет документ о допущении татарского переводчика Вельямина Степанова из Московского приказа к семейству Кучума [Акты исторические... 1841. Т. II. С. 8—9]. Из него следует, что уже в конце XVI в. русские служилые люди владели татарским языком. В адресованной тюменскому воеводе Сильвестру Чоглокову грамоте 1648—1650 гг. о строительстве на Пышме новой Беляковской слободы упоминаются «толмачи Степанко Трубачев, Тимошка Микитин, да юртовской служивый татарин Мургач Маймасов да ясачной татарин Адарко Стенислыбаев» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 152]. Здесь служивый татарин упоминается в одном ряду с толмачами-русскими, можно полагать, что и обязанности их были одинаковыми. Следовательно, в роли переводчиков выступали как русские, овладевшие по крайней мере одним из местных языков, так и местные жители-татары. Еще в одной грамоте тому же воеводе говорится о защите «служивых людей Маймасовых» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 174—175]. Из других документов становится известным, что татарский язык в XVII в. в Западной Сибири служил средством межэтнического общения и использовался русскими служилыми людьми в общении с представителями других народов, достоверно известно, что при посредстве татарского языка русские осуществляли общение с калмыками (см. далее). Еще один документ о толмачах — это грамота от 10 мая 1613 г. от имени Михаила Романова воеводе Ст. Ст. Годунову об определении казака Данила Шавкова в толмачи на Верхотурье вместо прежнего толмача: «И как к тебе ся наша грамота придет, а Ларка Меркурьев будет стар и на наши службы и в походы ходити не может, и ты бы велел Данилку Шавкову быти

на Верхотурье в толмачах на Ларкино место Меркурьева давати Ларкин оклад» [Акты исторические... 1841. Т. III. С. 3]. Причина повышенного внимания к толмачам — «шатость и измена» у вогуличей (манси). В одной из грамот говорится о поверстании в казачью службу «ясачного вагулетина (манси) Табайка Черенкулова», который был крещен Вонифатием [Дополнения к актам... 1872. Т. XII. С. 95—96], и далее упоминается уже как Нифанко. В документе от 5 января 1606 г. от Лжедмитрия верхотурскому воеводе Годунову и голове Загряжскому сообщается о том, что на службу посылается «Акилдейко Ондреев во всех сылвинских и иренских остяков место» [Акты исторические... 1841. Т. II. С. 77], — вероятно, речь идет о сыне кого-то из служилых людей и женщины-ясырки

18 августа 1654 (в документе 162 = 7162) г. «Выбежали из полону от Девлет-Кирея царевича две жонки тотарки одна Тарского уезду Ялынской волости Сарыбаевой деревни, другая башкирка Уфинского уезду Чанжиулские волости, и рассказали, что татары хотят не выдавать назад послов и „идти войной и грабить зверовных людей“» [Акты исторические... 1842. Т. IV. С. 229]. Очевидно, что женщины из коренного населения Сибири, особенно если они жили среди других народов, владели несколькими языками, а те, кто находился на положении ясырок, ранее других усваивали русский язык. Мы отмечаем уже, что по документам из Восточной Сибири, относящимся к середине XVII в., среди «ясырных женок» были настоящие полиглоты, их использовали при расспросах коренных жителей и брали их с собой в походы «в вожи и для толмачества». Можно предполагать, что в конце XVI—начале XVII в. ситуация в Западной Сибири была похожей.

То, что в XVII в. в Западной Сибири татарский язык был хорошо знаком служилым людям, а русский язык — татарам, живущим поблизости от городов, прослеживается по многим документам, в которых в качестве рассказчиков о событиях выступают татары. Так, в сентябре 1651 г. о разорении Исетского монастыря сначала сообщил «мурза Гилдейко Янебеков, ясачных татар ясаул», а уже потом — сам старец Долмат, насельник этого монастыря [Дополнения к актам... 1855. Т. V. С. 328—329]. В 1663 г. Василий Поярков «посылал в Киргинские улусы по языка по татарина Урумкалчика, того Урумкалчика поймали и по языку пытали, и он Урумкалчик обязычал сам...» — то есть, видимо, овладел русским языком.

Интересно, что носители татарского языка выступали в качестве посредников в общении русских и калмыков, а татарский язык использовался в качестве языка межэтнического общения. Так, 25 июля 1668 (176 = 7176) г. «тюменские ясашные татаровья двое человек, Чичик Емангулов да Усенко Янтурин» рассказывают о нападении калмыков [Дополнения к актам... 1855. Т. V. С. 290]. 1 декабря 1667 г. «прежний

изменник башкирятин Севергунко Гордяков» рассказывал о калмыках [Акты исторические... 1842. Т. IV. С. 373]. В 1673—1674 гг. к калмыцкому тайше Дундуку послали «Тоболского юртовского служивого татарина Аvezбакая Кулмаметова да подьячего Гаврила Григорьева, да с ним тобольских служилых людей и татар тридцать человек» [Дополнения к актам... 1855. Т. V. С. 292], «Послали к нему Дундуку с вестью переводчика Спирку Безрядова с татаринoм да с калмыком» [Дополнения к актам... 1855. Т. V. С. 299]. Из документов известно, каким образом осуществлялось общение: «А переводил все статьи русским языком по-татарски Копланде Спирка Безрядов, а калмыцким языком говорил Дундуку и от Дундука переводил по-татарски Копланде Колмаметов» [Дополнения к актам... 1855. Т. V. С. 301]. Кстати, тот же способ общения — последовательный перевод с русского языка на татарский и с татарского на монгольский — осуществлялся первым русским посольством в Китае в 1675 г. [Мясников, 1987], и тогда же (4 марта 1675 г.) Верхотурскому воеводе было предписано обеспечить сопровождение «переводчика» Н. Спафария, следующего в Китай [Акты исторические... 1842. Т. IV. С. 540]. Есть и другие свидетельства взаимоотношений между представителями разных народов — так, 18 июля 1682 (190 = 7190) г. «прибежала от башкирских „воинских людей“ „калмыцкая женка полонянка“, которой указал дорогу „татарин башкирец“» [Акты исторические... 1842. Т. V. С. 138]. Татарский язык использовался и в общении с остяками (ханты). Так, «сосвинский остяк Пехля Рахматов», которого в 1662—1663 гг. расспрашивали о намерениях остяков захватить Березов, сообщил, что он узнал от бухаретина Аршина Бабачеева (между прочим, присланного в Березов целовальником), что татары хотели напасть на Тобольск. Хантыйский князец пользовался при этом услугами переводчика-татарина, очевидно, владевшего хантыйским языком: «А сказывал же им Пехле и переводил от него Аршина с татарского языка тобольской же татарин... человек его Аршинков Ендыбачко Тарабердеев» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 301].

Некоторые документы свидетельствуют о том, насколько сложной в территориальном отношении была языковая ситуация в Западной Сибири в XVI—XVII вв. В 1623 г. сывинские и иренские татары платили ясак в Чердыни [Акты исторические... 1841. Т. III. С. 195]. Отмечалось, что татары и «вогуличи» (манси) живут и промышленяют «где кому сручно, меж собой смесицею» [Акты исторические... 1842. Т. IV. С. 23]. Служилым людям приходилось разбираться в сведениях, относящихся к разным народам, говорящим на разных языках. Так, 1 мая 1649 г. в Мангазею явился «ясачный самоедин Нюдсадик» и сообщил, что ясачные остяки Ирбитского зимовья, которых якобы ограбили сургутские казымские остяки, «хотят идти войною на мангазейскую

ясачную самуюдь» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 184]. Из других документов известно, что березовские «самоеды» и «остяки» имели контакты с пустозерскими «самоедами» через «Югорский камень» [Дополнения к актам... 1855. Т. V. С. 375—378].

Статус посредника в межэтническом общении в условиях конфликтов был небезопасным. Так, в 1673—1674 гг. в Томском уезде казак ездил «до Мелеского острогу», где татары сообщили ему о приходе калмыков и киргизов, которые разорили юрту «выезжего калмыка» и «выезжего калмыка Борцика жену взяли в полон» [Дополнения к актам... 1857. Т. VI. С. 313]. С другой стороны, 26 марта 1657 г. датирована «Память» воеводы князя А. Буйносова о строительстве в Тобольске особого огороженного двора для калмыцких послов, дабы они впредь не только были защищены, но и не останавливались бы в татарских юртах и не поддерживали бы связей с пригородными татарами [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 93].

В «Росписи служилых людей» в западносибирских городах, датированной 1684—1685 гг., в Тюмени, Тобольске и ряде других городов среди служилых людей толмачи не упоминаются — однако во всех таких городах имелись десятки или сотни служилых татар, которые и могли исполнять обязанности переводчиков. Согласно данной росписи, по одному «остяцкому» толмачу имелось в Березове и в Сургуте, три толмача (язык не указан) несли службу на Таре. 13 толмачей «тунгуских и самоецких и остяцких» находились в Мангазее (имеется в виду Новая Мангазея, то есть Туруханск) [Дополнения к актам... 1869. Т. XI. С. 267—271].

Рассмотрение опубликованных документов, связанных с практикой общения представителей разных этносов Западной Сибири, говорящих на разных языках, позволяет сделать следующие выводы: Московская администрация располагала штатом переводчиков, владевших самыми разными языками, причем эту роль выполняли русские, осваивавшие языки соседних народов. С начала XVII в. служилые люди Западной Сибири осваивают татарский и мансийский языки, позже — хантыйский (остяцкий), ненецкий (самоядский) и эвенкийский (тунгусский). В этот же период татарский язык активно и эффективно используется в качестве языка межэтнического общения русских и татар с соседними нетюркскими народами, причем не только с калмыками, которые поддерживали постоянные связи с тюркоязычными этносами, но и с обско-угорскими народами, в частности с остяками (ханты). Более детальное изучение проблем, затронутых в данном разделе настоящей работы, по архивным источникам позволит вовлечь в научный оборот новые материалы, иллюстрирующие процессы языкового и культурного взаимодействия народов Западной Сибири за последние четыре столетия. Те же процессы, но с некоторой задержкой позже

прослеживаются и в отдельных регионах Восточной Сибири, в Прибайкалье, в Якутии и на крайнем северо-востоке Азии.

1.10. К интерпретации находок из лагеря русских полярных мореходов XVII в. на Восточном Таймыре (проблемы состава поморских торгово-промышленных экспедиций в Арктике и предполагаемый статус толмачей из коренного населения в составе экспедиций)

В 1940—1941 гг. на острове Фаддея (северном) и в заливе Симса на восточном побережье Таймыра гидрографами были найдены остатки лагеря русских полярных мореходов XVII в. В 1945 г. места находок изучались А. П. Окладниковым, который проводил на острове Фаддея и на берегу залива Симса археологические раскопки. Результаты археологических исследований и материалы коллекций были опубликованы (см.: [Окладников, 1948; 1951]), в 70-е гг. XX в. новые находки на острове Фаддея были сделаны В. А. Троицким. В 2001 г. в Москве издана книга Л. М. Свердлова «Таймырская загадка», посвященная этой находке [Свердлов Л. М., 2001].

Как на момент публикации находок, так и в настоящее время среди исследователей не существует единства в определении направления плавания мореходов, лагерь которых был найден на острове Фаддея, а избушка и останки трех человек — на берегу залива Симса. Большинство ученых полагают, что мореходы плыли из устья Енисея к востоку, однако некоторые авторы (М. И. Белов, В. А. Троицкий) считали, что мореходы плыли из устья Лены на запад. На основании находки «клада», составляющего значительный по объему комплекс монет XVI—XVII вв., лагерь мореходов датировался временем около 1617 г., а само плавание приурочивалось ко времени запрещения Мангазейского морского хода (1610 и 1616—1619 гг.) — впрочем, сторонники версии о плавании мореходов с Лены на запад датируют находки временем около 1640 г. (В. А. Троицкий) или 1686 г. (М. И. Белов) (см.: [История открытия и освоения... Т. 1. 1956. С. 130—132; Белов, 1977. С. 14—15]). Сразу надо сказать, что высказываемые в литературе разными авторами версии о том, что плавание мореходов осуществлялось на двух кочах, потерпевших аварии в разных местах (С. В. Обручев, В. А. Троицкий) или даже на трех кочах (Л. М. Свердлов), маловероятны — находки, сделанные гидрографами и археологами, однозначно составляют единый комплекс.

Все вещественные находки из лагеря полярных мореходов, сделанные гидрографами и археологами, хранятся в Музее Арктики и Ан-

тарктики (Санкт-Петербург). Эти материалы в разное время привлекали внимание историков, географов и этнографов, хотя последующие годы не дали каких-либо новых существенных результатов в интерпретации находок.

Факт существования лагеря полярных мореходов XVII в. за 60 лет со времени первых известий о находке гидрографов не только дал в руки ученых богатые вещевые материалы, но и вызвал к жизни разнообразные исторические гипотезы. До сих пор неясно, откуда и куда плыли погибшие мореходы — с запада, то есть с Енисея, на восток — и опять же неясно, в неизведанные края или на реку Лену, о которой могли донестись слухи, или же они плыли с востока, из устья Лены, на запад — в Мангазею или в Архангельск? Когда мореходы потерпели крушение у острова Фаддея — сразу после 1617 г., как об этом говорит нам находка «казны», монетного клада, разделенного в отношении три к четырем, или позже, в 1640-е гг., как считал В. А. Троицкий, или в конце XVII в., как полагал М. И. Белов? Что появилось раньше — склад пушнины и охотничьего снаряжения на берегу острова Фаддея или избушка в заливе Симса? В этой избушке были обнаружены останки трех участников экспедиции — двух поморов-мужчин и одной женщины из коренного населения Сибири: как полагают на основании изучения костюма, украшений и некоторых других предметов, это была нганасанка, ненка или тундровая энка. Какова судьба остальных участников этого плавания, которым могли принадлежать оставленные вещи? В разных трудах на некоторые из этих вопросов даются разные, подчас диаметрально противоположные ответы.

На некоторые из таких вопросов попытался ответить в своем новом труде и Л. М. Свердлов, автор последней по времени книги, посвященной находкам на Восточном Таймыре. Стоит сразу отметить как большое достоинство новой книги Л. М. Свердлова то, что она написана с хорошим знанием предмета и с учетом большого количества современной научной литературы, посвященной этим находкам, и это обстоятельство позволяет относиться к ней как к серьезной исследовательской работе.

Основной предмет внимания Л. М. Свердлова заключен не столько в самих предметах, принадлежавших мореходам и найденных гидрографами и археологами, сколько в установлении целей и задач, маршрута и предполагаемого времени морской экспедиции, лагерь которой был обнаружен через 300 с лишним лет после гибели ее участников, и такой подход является достаточно новым в изучении обсуждаемой проблемы. Автор не случайно сосредоточил свое внимание не столько на обстоятельствах, при которых был закрыт Мангазейский морской ход, и времени этого события — 29 ноября 1619 г. (с чем обычно связывалось это плавание мореходов), сколько на обстоятель-

ствах и времени получения сведений о реке Лене. Он приводит точную дату получения русскими людьми первых известий об этой реке, известную из документов, — это 28 июня 1621 г. [Свердлов Л. М., 2001. С. 77], но при этом допускает, что о ней могло быть известно и ранее [Там же. С. 84]. По мысли автора, эти два события и послужили причиной плавания мореходов с запада, из устья Енисея, на восток, то есть на Лену. Новым, во всяком случае малоизвестным, следует признать и сообщение о том, что где-то после 1616 г. в районе устья Енисея потерпело крушение какое-то иностранное судно [Там же. С. 118], и эта проблема, обозначенная автором, ждет своего разрешения. Однако, как нам представляется, в книге Л. М. Свердлова есть некоторые просчеты и заблуждения, касающиеся этнографических реалий и интерпретации географических названий в исторических источниках.

Предположение автора о том, что у берегов Таймыра погибли не один, а два коча, один — у острова Фаддея, другой — у берегов залива Симса [Там же. С. 35, 129], пока может рассматриваться лишь как очень смелая гипотеза. Изучение вещественных материалов показало, что все найденные на острове Фаддея и на берегу залива Симса предметы однозначно составляют единый комплекс. В развитие своей гипотезы Л. М. Свердлову приходится допускать, что на каждом из кочей находилась женщина-самоедка (части женского костюма, украшения и предметы женского рукоделия найдены в обеих точках находок, а останки женщины из коренного населения найдены в избушке в заливе Симса). Это, конечно, возможно, но, признаем, значительно менее вероятно, нежели традиционная версия о едином источнике предметов на острове Фаддея и в заливе Симса. На этом фоне связь находки зимовья и предметов вооружения на острове Большой Бегичев в начале XX в. с третьим судном той же самой экспедиции [Там же. С. 130], следы пребывания которой обнаружены в двух указанных выше местах, выглядит едва ли не домыслом. Во всяком случае, для таких утверждений нет никаких оснований: отметим, что и судьба предметов, которые видел Н. Бегичев на острове, носящем ныне его имя, к большому сожалению, неизвестна.

Л. М. Свердлов считает, что мореходы, погибшие на Восточном Таймыре, плыли с востока на запад, конкретно — на реку Лену, к якутам и тунгусам, в этом его убеждают находки серебряных изделий, а серебро и по сей день является любимым металлом этих народов [Там же. С. 61]. Аргументация автора, надо признать, весьма изящна и нова, однако спорна — популярность серебряных украшений у якутов и тунгусов (эвенков и эвенов) севера Якутии, как представляется, должна относиться к более позднему времени, нежели начало XVII в., во всяком случае, распространение серебряных изделий у жителей бас-

сейна Лены в XVII в. пока не подтверждено должным образом ни вещественными находками, ни документальными источниками.

Утверждение о том, что река с названием Catonga или Catowga, встречающимся у Дж. Логана и В. Перслоу, это не Нижняя Тунгуска, а Хатанга, что существенно меняет географические представления названных английских авторов о Таймыре и прилегающих к нему территориях, на самом деле очень спорно. Далее Л. М. Свердлов вскользь отмечает, что эвенки в своих песнях называют Катангой Нижнюю Тунгуску [Свердлов Л. М., 2001. С. 97, 100], но он не учитывает того, что эвенки называли эту реку Катангой всегда и так называют ее на своем языке и до сих пор, и не только в песнях. Следовательно, то, что англичане под этим названием могли узнать о реке Хатанге, является если не прямо ошибочным утверждением, то, во всяком случае, весьма гипотетическим. По правде говоря, такие случаи в интерпретации исторической топонимики Сибири не единичны, однако же едва ли стоит умножать их число при наличии бесспорных фактов приурочения ономастических единиц к известным географическим объектам.

Л. М. Свердлов полагает, что огнестрельное оружие стало ненужным мореходам из-за того, что у них отсутствовал порох [Там же С. 47]. Это не совсем так — на острове Фаддея в «складе» найдены остатки бочонка с порохом. Что же касается погнутого ствола пищали, то мы думаем, что ствол одной из пищалей был изогнут по той причине, что сама пищаль из-за отсутствия других предметов использовалась как рычаг при безуспешных попытках снять коч с мели, — потому-то она и была оставлена на острове, непосредственно вблизи места кораблекрушения.

Как хорошо известно, среди найденных предметов, принадлежавших мореходам, был обнаружен значительный по объему клад серебряных монет, очевидно, составлявший общую казну участников морской экспедиции. Казна была поделена на две неравные части и укрыта в двух местах вместе с другим имуществом мореходов на острове Фаддея и в заливе Симса. Казна полярных мореходов, насчитывающая в общей сложности от Ивана III до Михаила Романова 3557 серебряных монет (3414 монет — копейки и 143 — «денги»), как установил Г. И. Спасский еще в 1940-е гг., по самым поздним монетам датируется 1617 г. Эта дата рассматривается как время отправления владельцев казны в их последнее плавание, а сама экспедиция традиционно привязывается по времени к закрытию Мангазейского морского хода, то есть к 1619 г.

Сам по себе состав монет из казны полярных мореходов может и должен быть подвергнут дальнейшему изучению. В ходе его исследования в 1940-е гг. было установлено время чеканки монет по периодам правления тех или иных царствующих особ, однако происхождение

монет, то есть монетные дворы, где были отчеканены монеты, составившие казну (Москва, Новгород, Псков, Тверь), остается без определения, хотя оно принципиально важно для изучения условий формирования этой казны. Территориально наиболее интересным для сравнения с казной таймырских мореходов, несмотря на удаленность находок и вероятную хронологическую разницу во времени сокрытия, является клад с серебряными русскими монетами XVI—XVII вв., который был найден в селе Аяк на берегу реки Деп в бассейне Зеи⁴¹, однако пока неизвестно, сохранен ли этот клад до настоящего времени.

Состав монет, обнаруженных в заливе Симса и на острове Фаддея, представлен в двух таблицах (см. табл. 1, 2).

Т а б л и ц а 1

Копейки

Царствование (время чеканки)	Общее число	Находки в заливе Симса		Находки на острове Фаддея	
		количество	% от общего числа	количество	% от общего числа
Иван III	1	1	100	—	0
Иван IV — великий князь	329	175	53,2	154	46,8
Иван IV — царь	714	396	55,5	318	44,5
Федор Иоаннович	651	395	60,7	256	39,3
Борис Годунов	930	507	54,5	423	45,5
Лжедмитрий I	136	89	65,4	47	34,6
Василий Шуйский	332	197	59,3	135	40,7
Интервенция	86	49	57,0	37	43,0
Михаил Романов	158	93	58,9	65	41,1
Без определения	77	56	72,7	21	27,3
Всего:	3414	1958	57,4	1456	42,6

На основании распределения монет разного времени чеканки по местам их находки уже давно было установлено, что перед нами две части одного и того же клада, составляющего казну полярных мореходов, и эта казна преднамеренно была разделена на две неравные части — в соотношении примерно 4 : 3. Значительное преобладание «денег» в той части казны, которая найдена в заливе Симса, ранее объяс-

⁴¹ Сообщение об этом кладе см.: [Сапунов, 2001. С. 9].

нялось предположением, что обитатели избушки на берегу рассчитывали использовать более мелкие монеты для обмена с местным населением.

Т а б л и ц а 2

«Денги»

Царствование	Всего	Находки в заливе Симса	Находки на острове Фаддея
Иван IV — великий князь	82	74	8
Иван IV — царь	46	42	4
Федор Иоаннович *	15	14	1
Всего:	143	130	13

* **Примечание.** После правления Федора Иоанновича «денги» не чеканились.

Мы постараемся дать объяснение распределению монет в двух частях казны и, с учетом состава предметов, найденных на острове Фаддея и в заливе Симса, сделаем также попытку определить состав участников этого плавания и, насколько возможно, проследить их судьбу.

В избушке в заливе Симса были найдены останки трех человек: двух мужчин-европейцев и одной женщины — судя по антропологическим данным и в особенности по костюму, представительницы самодийских народов, то есть ненки, нганасанки или энки. Если считать, что казна была разделена пропорционально количеству участников плавания, то, очевидно, общее число их было равно 7 или 14 (последняя цифра близка к численности команды коча, известной по документам XVII в.). Женщина-самоедка была, по сути, равноправным участником похода (вместе с частями традиционного западносибирского женского костюма найдены и остатки сарафана, а это значит, что его владелица состояла при мореходах длительное время, если имела русское платье), и, видимо, она должна была иметь право на свою долю в казне.

Попробуем рассчитать, чему могла быть равна доля спутницы мореходов, разделившей с ними их трагическую судьбу. При равных долях 7 участников из всего количества найденных монет на каждого приходится около 508 монет. Если допустить, что женщине была выделена половина доли, тогда ее часть будет составлять примерно 273 монеты — обратим внимание, что общее число найденных «денег» составляет чуть меньше половины этого количества. Если принять число участников похода равным 14, а долю женщины — равной половине

доли мужчины⁴², то получится, что самоедка-спутница мореходов должна была иметь в собственности около 131 монеты, а эта цифра предельно близка к общему количеству найденных в заливе Симса «денег» (74 монеты), то есть мелких монет и монет, оставшихся без нумизматического определения, стертых и изношенных (56 монет). Очевидно, только этим и может объясняться столь большое количество «денег» в части казны, найденной в заливе Симса, и заметное количественное преобладание стертых монет в этой части клада — обратим внимание еще раз, что именно эти две группы монет (и только они) нарушают однородное пропорциональное распределение всех монет в обеих частях казны мореходов. При этих расчетах получается, что женщина-самоедка, взятая, как водилось среди казаков и промышленных людей, «в вожи и для толмачества», имела право только на половину доли участника экспедиции, и к тому же была в известной мере обманута своими спутниками-поморами — очевидно, мореходы решили, что самоедка так или иначе не пойдет со своей долей денег на рынок или в лавку, все равно навесит на одежду или обменяет родственникам для того же самого, — так для этого и денежки, и сбитые монеты хороши будут...

Любопытно, что если казна мореходов была поделена на две части в некоей сложной пропорции, то ценные предметы, очевидно, взятые участниками экспедиции в плавание как товар и также разделенные между двумя группами людей, четко делятся в пропорции 1:2, при этом большая часть предметов, как и большая часть казны, были найдены в заливе Симса.

Среди предметов, принадлежащих мореходам на правах личных вещей или предназначенных для меновой торговли с местным населением, в двух местах, где находились разные группы мореходов, были найдены 9 нательных крестов (3 на острове Фаддея и 6 в заливе Симса) и 3 наперсных креста (1 на острове Фаддея и 2 в заливе Симса). Совершенно ясно, что это не могли быть собственные нательные кресты участников экспедиции, которые с ними не могли бы расстаться и не могли бы положить их в укрытия вместе с другими вещами. Среди найденных вещей нет таких предметов, которые указывали бы на то, что в морской экспедиции принимал участие кто-то из лиц духовного звания, в чьи обязанности входило бы обращение местных жителей в православную веру. Едва ли такие обязанности мог взять на

---

⁴² Возможны и иные варианты дележа казны, допускающие, что глава экспедиции имел право на две доли или что одна лишняя доля полагалась владельцу коча в соответствии с севернорусским обычаем выделять на основное средство ее добычи лишний пай или долю добычи, переходившую в собственность его хозяина.

себя и руководитель экспедиции, останки которого, как вполне возможно, тоже были найдены в избушке в заливе Симса. Вместе с тем трудно будет всерьез утверждать, что нательные и наперсные кресты оказались у мореходов после того, как отчаянные люди где-то ограбили церковь, церковную лавку или кого-то из лиц духовного звания. Откуда же у профессиональных мореходов, занимавшихся охотничьим промыслом и торговыми делами, могли в таком количестве взяться кресты, тем более — наперсные кресты?

Надо полагать, что кресты, как нательные, так и наперсные, были изготовлены или приобретены участниками экспедиции для обмена или меновой торговли с местными жителями. Хотя это и может показаться странным, но коренные жители Севера и Сибири, обращаемые в христианство, распоряжались культовыми предметами и атрибутами далеко не так, как мы можем думать исходя из нашего собственного культурного опыта. У нас есть свидетельства того, что новокрещенные коренные жители Сибири носили полученные ими православные нательные кресты не так, как мы могли бы думать, — на шнурке под одеждой; они носили эти кресты напоказ на одежде, точно так же, как носили традиционные украшения. В начале XIX в. Ф. Ф. Матюшкин отметил, что чукотский старшина (окрещенный не ранее чем в 1810-е гг.) носил поверх кухлянки два образа и четыре креста [Врангель, 1948. С. 308]. Можно думать, что нательные кресты, соизмеримые по размерам с металлическими подвесками-украшениями, по эстетическим представлениям народов Сибири или по ассоциации с традиционными амулетами-охранителями, как и металлические подвески, должны были носить в некотором множестве.

Как это ни странно, но те кресты, которые были восприняты авторитетными интерпретаторами таймырских находок как наперсные и которые воспринимаются нами как наперсные, вполне могли и не являться таковыми в сибирской реальности начала XVII в. Недавно Ханты-Мансийский музей приобрел крест, полученный в 1919 г. при крещении Татьяной Сергеевной Молдановой, ханты по национальности. Размеры этого креста 6,7×4,5 см (см.: [Андриенко, 2002. С. 137—138]). Крест такого размера в нашем сознании ассоциируется с наперсными крестами, но в данном случае такой крест выполнял в обряде крещения и в применении (постоянном или временном ношении) функции личного нательного креста. Очевидно, мореходы, обладавшие некоторым опытом в меновой торговле, знали запросы своих партнеров по торговым операциям и имели у себя в запасе нательные кресты как обычного, так и большего размера, последние и были приняты археологами XX в. за наперсные кресты, ассоциирующиеся с атрибутом лиц духовного звания.

На основании количества монет, относящихся ко времени правления одной и той же царствующей особы, нам представляется возможным рассчитать ожидаемую вероятность пропорционального представления монет времени того или иного правителя, сравнивая ее с числом реально найденных монет, можно попытаться установить примерное время формирования основной части казны мореходов, чей лагерь был обнаружен на берегах Северного Ледовитого океана более чем через 300 лет после того, как они дали отважным первопроходцам их последнее пристанище⁴³.

В казне мореходов представлены монеты от Ивана III (всего одна, ныне утрачена) до Михаила Романова, таким образом, в ней присутствуют монеты за 84 года — с 1533 г. по 1617 г. Таким образом, на каждый из годов этого периода в казне приходится примерно 39,7 монеты. Принимая во внимание продолжительность царствования того или иного правителя или длительность исторического периода, можно проследить, насколько соответствует теоретической вероятности число монет того или иного времени, реально представленное в казне мореходов. Результаты этих расчетов приведены в таблице (см. табл. 3).

То, что количество монет времени Ивана Грозного в казне мореходов примерно вдвое ниже предполагаемого, объясняется тем, что монеты этого времени попадали в казну лишь sporadически и сформирована она была значительно позже царствования Ивана IV. Количество монет времени Федора Иоанновича в казне мореходов оказывается на 25 % выше рассчитанного среднего числа для периода правления (13 лет) этого царя. Количество монет времен Бориса Годунова и Лжедмитрия I, правивших и чеканивших свою монету, соответственно, в течение 7 лет и 1 года, составляет 334,7 % и 342,6 % от ожидаемого, то есть почти втрое выше рассчитанного среднего количества для времени их правления: как ни парадоксально, но 7 лет правления Бориса Годунова и год царствования Лжедмитрия I (Григория Отрепьева) знаменуются в казне мореходов одинаковым и весьма значительным преобладанием количества монет этого времени над их ожидаемым числом.

---

⁴³ Понятно, что такой метод расчета вероятности количества монет одного и того же правителя в монетном комплексе не дает абсолютно надежных данных. Мы не располагаем точными сведениями об абсолютном количестве монет, отчеканенных монетными дворами в правление того или иного царя. Тем не менее, если предполагать одинаковую интенсивность работы монетных дворов как некую постоянную величину, у нас появляется возможность сравнивать различные датированные монетные клады друг с другом и тем самым пытаться устанавливать обстоятельства формирования изучаемых кладов.

Т а б л и ц а 3

**Ожидаемая величина и реальное количество монет в казне мореходов
с учетом распределения монет по продолжительности правления
царствующих особ**

Правители	Годы царствования	Число лет царствования	Общее число монет периода правления	Ожидаемое число монет исходя из времени правления	Разница с ожидаемым количеством в %
Иван III			(1)		
Иван IV — великий князь	1533— 1546	13	329	516,7	−63,7
Иван IV — царь	1547— 1584	37	714	1468,9	−48,6
Федор Иоаннович	1584— 1598	13	651	516,7	+125,9
Борис Годунов	январь 1598— 1605	7	930	277,9	+334,7
Лжедмитрий I	апрель 1605— 1606	1	136	39,7	+342,6
Василий Шуйский	1606 май— 1610	4	332	158,8	+209,1
Интервенция	1610— 1612	2	86	79,4	+108,31
Михаил Романов	1612— 1617	7	158	277,9	−56,8
Без определения			77		

Далее в распределении монет по сравнению с ожидаемыми пропорциями начинаются странности, которые на первый взгляд малопонятны и противоречат обычному распределению монет в кладах и любых монетных комплексах, согласно которым более поздние монеты численно преобладают над более ранними⁴⁴. Количество монет вре-

⁴⁴ Эта закономерность может нарушаться только из-за прекращения или резкого уменьшения объема чеканки монет в какой-то определенный период времени, как, например, это имело место в СССР с 1957 г. по 1960 г., накануне обмена денежных знаков, состоявшегося 1 января 1961 г. Монеты чеканки 1958 г. составляют большую редкость, а монеты чеканки 1959 и 1960 гг., как кажется, отсутствуют совсем. Однако в аналогичных случаях закономерность будет нарушаться во всех выявляемых монетных комплексах без исключения — от потеряннго кошелька до нумизматического собрания любого музея, так что любая неоднородность состава монетных комплексов, представ-

мени Василия Шуйского, правившего 4 года, уже примерно лишь вдвое (и не более чем в три раза) превышает рассчитанное ожидаемое количество монет этого царя. Число монет периода интервенции 1610—1612 гг. оказывается лишь незначительно выше рассчитанного ожидаемого, а число монет Михаила Федоровича Романова, относящихся к самому последнему периоду времени формирования казны, — почти в два раза ниже среднего. Исследователи, пытаясь объяснить столь незначительное количество монет времени Михаила Федоровича в казне мореходов, полагали, что поздние монеты 1610—1617 гг. на момент формирования казны попадали в Поморье и Сибирь в недостаточном количестве. Мы постараемся дать этому факту иное объяснение, которое будет увязано с общей динамикой пропорций реального наличия монет того или иного правителя в казне мореходов и ожидаемого вероятного их количества.

По нашему мнению, динамика распределения количества монет относительно среднегодовой величины в определенной мере отражает состояние торговых дел компании мореходов, которым принадлежала казна. Капитал мореходов начал формироваться при Федоре Иоанновиче, и во время правления Федора Иоанновича дела у хозяев казны шли неплохо — их прибыль оценивается в 25 % от оборота. Время правления Бориса Годунова и Лжедмитрия для них было временем процветания, когда доходы от промысла и от торговых операций составляли 230—240 %, и даже политическая смута не препятствовала благоприятному ведению коммерческих дел. После 1606 г., при царе Василии Шуйском, дела торговой компании пошли несколько хуже, прибыль сократилась до 108 %. Время польской интервенции 1610—1612 гг. могло дать хозяевам казны почти нулевой баланс, а время правления Михаила Федоровича обернулось для торговой компании мореходов и промышленников настоящим кризисом — за последние 5 лет в казну поступило пропорционально меньше монет, чем за предшествующий менее продолжительный период 1610—1612 гг. Основываясь на этих расчетах, можно полагать, что именно неудачная коммерческая конъюнктура последних 5—7 лет и стала тем обстоятельством, которое побудило мореходов предпринять рискованное плавание в район Восточного Таймыра — плавание, которое закончилось для них трагически. Как было установлено на основании антропологического изучения костных останков, найденных в избушке на берегу залива Симса, останки одного из погибших принадлежат мужчине 50—55 лет. Возможно, это был глава экспедиции — и тогда он вполне мог начать свою деятельность примерно за 30 лет до рокового плава-

---

ляющих один и тот же период, должна объясняться историей данного монетного комплекса в отдельности.

ния в район Таймыра, как раз во время царствования Федора Иоанновича.

В связи со сказанным нам хотелось бы обратить внимание, что в известных кладах, соотносящихся по времени формирования с казной мореходов, состав монет по периодам чеканки оказывается иным и существенно отличается от состава рассматриваемой казны именно в количестве монет позднейших периодов (см., например: [Мокерова, 2002. С. 185—191])⁴⁵. В любом случае монеты из таймырской казны в наши дни требуют внимания специалистов-нумизматов и нуждаются в дальнейшем исследовании, которое обещает очень интересные и важные результаты.

Мы предлагаем следующую версию развития событий на острове Фаддея и в заливе Симса (см. также: [Окладникова, Бурькин, 2002. С. 326—328]). Примерно в 1619—1620 гг. во время навигации (летом или ранней осенью) коч с командой из 7 человек (число принимается для простоты расчетов, но по количеству некоторых найденных предметов оно может быть равно и 14, тогда казна делится как 6 : 8), шедший от устья Оби и далее от устья Енисея на восток, сел на мель или был затерт льдами у острова Фаддея. При безуспешных попытках снять его с мели мореходы погнули ствол одной пищали (найдена на берегу острова Фаддея). Имущество промышленно-торговой экспедиции (пушнина, стрелы, порох, детали для ловушек на песцов, часть личных вещей), однозначно указывающее на цели плавания мореходов, было выгружено на остров и укрыто. Поскольку с коча был снят такой легкий груз, как меха, и одновременно с ними — стрелы и насторожки ловушек, есть основания догадываться, что мореходы не столько стремились разгрузить коч, сколько постарались убрать с судна охотничье снаряжение и добычу — вероятно, по той причине, что они не имели разрешения на морские походы и на промысел и явно не желали попадаться на глаза представителям местной власти. При отсутствии на судне тех предметов, которые явно выдавали в них торговцев и промышленников, занимающихся добычей пушнины, они могли бы сойти за охотников на морского зверя, занесенных штормом или льдами далеко на восток от районов промысла⁴⁶. Как показывает

---

⁴⁵ Пока это самый близкий к интересующему нас времени клад, материалы по которому оказались доступны нам в публикациях.

⁴⁶ Среди находок в заливе Симса был обнаружен документ с заголовком «Жалованная грамота», который был спрятан в ножнах от ножа; кроме заголовка, более ничего в этом документе прочитать не удалось. У нас есть серьезные основания считать эту «грамоту» фальшивой: как явствует из известных нам материалов по делопроизводству XVII в., жалованные грамоты могли выдаваться от лица царствующей особы и адресовались весьма высоко-

распределение монет, участники экспедиции разделились в отношении примерно 3/4, при этом в составе отряда была женщина-аборигенка (тундровая энка, нганасанка или, возможно ненка, но если мореходы вышли в плавание из устья Оби, то это однозначно была ненка), выполнявшая роль толмача (найлены части ее костюма и ее останки). Очевидно, именно ее денежная доля в «денгах» (самых мелких монетах) и стертых монетах, оставшихся без хронологического определения, объясняет преобладание таких монет в заливе Симса. Следовательно, участников похода было 7 (это принимается как рабочая гипотеза) или 14 (в этом случае своих хозяев находят нательные кресты и навигационные приборы, а денежные доли могут быть пересчитаны). Скорее всего, на острове около аварийного коча остались три человека (им была оставлена их часть общей казны). В начале зимы коч был унесен дрейфующими льдами в море, и те, кто остались на острове, пропали без вести вместе с ним (остатки коча не обнаружены, но на острове Фаддея найдены части лодки). Четверо, в том числе женщина, дошли до залива Симса и соорудили избушку. Промысловое оружие — стрелы, а также бочонок с порохом — осталось на острове, с собой было взято необходимое для защиты от белых медведей оборонительное оружие (нож-пальма и рогатина, найденные возле избушки и, следовательно, лежавшие наготове) и по крайней мере одна пищаль. С наступлением зимы один из членов отряда, который имел при себе единственную исправную пищаль, ушел на поиски людей, оставив часть вещей (в заливе Симса найдено 14 пуль, но не найдено самого оружия) и бесследно исчез в тундре. В течение какого-то времени оставшиеся в избушке люди питались мясом добываемых песцов (найденно множество песцовых черепов со следами вскрытия, производившегося для того, чтобы извлечь мозг). На некотором удалении от избушки был найден предмет, похожий на тупую стрелу-томар, видимо, эта стрела была потеряна при выходе на охоту, однако выглядит странным то, что охотничьи или боевые луки не были найдены ни на острове Фаддея, ни в заливе Симса. Останки трех человек были найдены среди развалин избушки. Последние дни обитателей одинокой избушки были трагичны: одна человеческая кость была найдена в котле или около котла (в ней повышенное содержание меди). Видимо, женщина умерла последней — ей принадлежат больше половины найденных останков. После того как все люди умерли, избушка была разворочена белыми медведями. Если принимать число участников пла-

---

копоставленным лицам, к каковым, разумеется, заурядные сибирские промышленники и торговцы никак не могли относиться. Кроме того, подлинные жалованные грамоты, известные нам по архивным материалам и публикациям документов XVII в., не имели подобных заголовков.

вания равным 14, то получается, что вместе с судном пропали без вести в море 6 человек, а в тундре — пятеро, но построенная избушка едва ли могла вместить 8 человек.

В завершение темы нам хотелось бы представить еще две гипотезы, относящиеся к интерпретации таймырских находок.

Одна из этих гипотез касается судьбы мореходов, оставшихся на коче близ острова Фаддея. Возможно, что этот коч был унесен льдами далее на восток — к Новосибирским островам, и тогда мореходы, отправившиеся в свой дерзкий поход, были бы первыми русскими людьми, ступившими на промерзлую землю острова Котельный. Как известно из сочинений путешественников начала XIX в. М. М. Геденштрама, впервые описавшего находки Якова Санникова на острове Котельный, и Ф. П. Врангеля, который привел перечень находок в своем описании путешествия по Восточной Сибири и Ледовитому океану [Врангель, 1841. С. 91—92, 93—94], в это время на Новосибирских островах были обнаружены следы пребывания людей, которым по праву могла бы принадлежать честь открытия этих островов.

М. М. Геденштром писал: «На западном берегу сего острова (Котельный. — *А. Б.*) найдена тогда же могила неизвестного человека, от которого остались только несколько разбросанных костей: вероятно, тело было вырыто белым медведем. По найденным тут вещам: кресту, стрелам, форме для литья пуль, ношеным котам и несколько мочалам (*sic!* — *А. Б.*) судить можно о том, что покойник был архангельский промышленник, заброшенный сюда с товарищами бурю на пути их в Шпицберген. Древнее днище судовое, неподалеку от сего места, подтверждает сию догадку» [Геденштром, 1830. С. 128]. В других источниках отмечается, что при вскрытии могилы промышленника были найдены батас (якутское название ножа-пальмы. — *А. Б.*), две железные стрелы, калип (форма для литья пуль. — *А. Б.*), пила, две уды, огниво и кремь и «желтой меди кастрюля» ([Иванов В. Л., 1979. С. 18], см. также: [Врангель, 1948]). Существует версия, что остров Котельный был назван «ввиду обнаружения на острове старинного медного котла» [Якутия... 2002. С. 120], хотя по другой версии этот остров получил наименование из-за того, что его первооткрыватели — спутники Ивана Ляхова забыли там медный котел [Иванов В. Л., 1979. С. 13].

Помимо старого корабельного днища, найденного «близ устья Царевой реки» [Врангель, 1948. С. 94] (современная река Балыктах), которому, видимо, на момент его обнаружения вполне могло быть более 100 лет, среди находок из могилы на острове Котельный наше внимание привлекают два предмета — «желтой меди кастрюля», напоминающая нам о тех котлах, которые были найдены гидрографами на острове Фаддея (с чего и начались находки на месте лагеря морехо-

дов), и *калип* — форма для литья пуль⁴⁷. В XVII—XVIII вв. не было еще стандарта на калибр огнестрельного оружия и, понятно, для каждого ружья требовалась своя форма для отливки пуль. Возникает вопрос: почему такой, без сомнения, ценный предмет, как форма для отливки пуль, был положен в могилу промышленника, а не унесен тем, кому досталась его пищаль? Ответ на этот вопрос один — значит, форма для отливки пищальных пуль стала ненужной из-за того, что сама пищаль была утрачена. А это обстоятельство заставляет вспомнить, что на острове Фаддея были найдены две пищали, одна из которых была в негодном состоянии из-за погнутого ствола и потому оставлена, а вторая, найденная в 1971 г. В. А. Троицким, возможно, просто была потеряна. То, что огнестрельное оружие у людей, похоронивших своего спутника на острове Котельном, было, но оказалось утрачено и принадлежности к нему стали им не нужны, находит еще одно подтверждение. Яков Санников вблизи вскрытой им могилы видел крест с надписью на прикрепленной к нему пластинке, отлитой из свинца. Очевидно, запас свинца был использован для изготовления этой пластинки после того, как люди с острова Котельный перестали испытывать нужду в свинце для пуль и дроби, — и это опять-таки возможно только по той причине, что они потеряли огнестрельное оружие. Может быть, они потеряли его как раз на острове Фаддея? И медный котел был положен в могилу их спутника именно потому, что запас котлов, часть которых также были оставлены на острове Фаддея, явно утерять свою товарную ценность по сравнению с необходимостью выжить? Правда, по описанию найденной Санниковым могилы, она казалась ему довольно свежей и около нее лежала еще не сгнившая щепа — однако не вполне ясно, сколько времени эта щепа могла сохраняться в относительно свежем виде в условиях холодного климата острова Котельный.

Нам известны два иных предположения относительно того, кому могли принадлежать вещи, найденные на острове Котельный. Г. И. Спасский полагал, что они принадлежат членам команд исчезнувших кочевых спутников С. Дежнева [Спасский, 1821. С. 28 (С. 123 2-й пагинации), примеч. 9]. Это невозможно: Новосибирские острова лежат далеко к западу от устья Колымы, и объекты, о которых идет речь, обнаружены на самом западном из них, Г. И. Спасский и сам не настаивал на этом предположении и не упомянул о нем в рассказе о путешествиях М. М. Геденштрома. С. А. Ковалев в недавно вышедшей книге гово-

---

⁴⁷ Заметим, что батас (пальма) был найден в числе оружия, оставленного для обороны от медведей, и возле избушки в заливе Симса. Случайно ли такое совпадение и не слишком ли много совпадений среди найденных в разных местах предметов для того, чтобы они были случайными?

рит, что эти предметы могли принадлежать участникам экспедиции Ивана Реброва 1652 г. [Ковалев С. А., 2010. С. 190]. Это допущение намного более вероятно, но тождество предметов, найденных на Таймыре и на острове Котельном, побуждает нас считать те и другие объекты предметами, принадлежащими одной экспедиции, причем пришедшей с запада. Ниже мы отметим, что в этой экспедиции мог участвовать еще один коч, пропавший без вести.

Вторая гипотеза касается состава и места отправления экспедиции, участники которой высадились на остров Фаддея и разбили свой последний лагерь на берегу залива Симса. Многие сторонники самой реалистической гипотезы, согласно которой участники экспедиции плыли с запада на восток, полагают, что мореходы вышли в свое последнее плавание из устья Енисея. Мы располагаем относительно поздними для XVII в. свидетельствами о попытках плаваний из устья Енисея в сторону устья Лены — так, Н. Г. Спафарий в описании своего путешествия по Сибири писал: «А из устья Енисейского многожды хотели на кочах ехать к Лене реке, и не могли, оттого что льды великие ходят по морю и разбивают кочи» [Спафарий, 1960. С. 71]. В топонимике Енисейского Севера сохранилось до наших дней название Крестовское зимовье — это зимовье располагалось вблизи памятного креста с указаниями имен мореходов, ходивших на кочах до реки Пясины и без вести пропавших в море [Васильева, 2003], однако при этом остается неизвестным, что же появилось раньше — само зимовье или памятный крест, давший ему название⁴⁸. Таким образом, «Енисейская версия» маршрута мореходов, несмотря на свою реалистичность, пока обосновывается только такими сообщениями, которые либо вообще ничего не говорят о трагических исходах плаваний, либо не имеют даты и указывают маршрут плавания пропавшей экспедиции не вполне определенно.

Что касается «Обской версии», то она достаточно неожиданно находит датированное подтверждение в источниках по истории арктического мореплавания первой четверти XVII в. Ф. П. Литке в своей книге «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый Океан...» в

---

⁴⁸ Избрант Идес писал в своих записках: «Семь лет тому назад жители Енисейска совместно снарядили судно и послали его бить китов, однако оно не вернулось назад. Никто до сих пор не имеет о нем никаких известий. Есть предположение, что оно погибло во время сильного ледохода» (Э. Избрант Идес. Главы из «Записок о русском посольстве в Китай (1692—1695)» — SiberiaPath. Оригинал публикации: [Электронный ресурс]. URL: <http://rushi.on.ufanet.ru/izbrant.htm>). Это явно не то судно, команда которого могла высадиться на остров Фаддея, — мореходы, чья судьба интересует нас, занимались пушным промыслом, а не охотой на морского зверя.

историческом обзоре плаваний в Западной Арктике приводит следующий факт: в 1625 г. голландский мореплаватель Корнелий Босман встретил в Карском море русских мореходов. Очевидно, в ответ на расспросы голландца об условиях морского плавания к востоку от устья Оби мореходы рассказали ему, что «несколько лет назад» отряд из трех судов отправился морем на восток, из них одно, «претерпев великие опасности», вернулось через год, а два других пропали без вести [Литке, 1948. С. 59]. Для 1625 г., которым датируются эти сведения, «несколько лет назад» — это в том числе и 1619 г., то есть год, которым датируется выход интересующей нас торгово-промышленной экспедиции в свое последнее плавание. Вполне возможно, что у берегов Таймыра потерпел крушение один коч, а на острове Котельном — другой коч из тех, о которых мореходы рассказали К. Босману.

Таким образом, у нас открывается некоторая возможность не только объединить находки на восточном побережье Таймыра, сделанные в 1940—1945 гг., и свидетельства о находках на острове Котельный, относящиеся к началу XIX в., в единый исторический комплекс, но и связать эти находки с сообщением К. Босмана об исчезновении двух русских судов с командами где-то в Северном Ледовитом океане к востоку от устья Оби за несколько лет до 1625 г., то есть примерно в 1619 г., следовательно, или накануне, или вскоре после закрытия Мангазейского морского хода. Бесспорно положительной характеристикой данной гипотезы будет то, что она не требует передатировок времени стоянок мореходов, обнаруженных на острове Фаддея и в заливе Симса, по сравнению с датировками, сделанными при публикациях найденного вещественного материала.

Глава 2

ГИДРОНИМЫ ЗАПАДНОЙ И СРЕДНЕЙ СИБИРИ

2.1. Введение

Изучение такой сферы языкового материала, как ономастика, конкретно — топонимика и этнонимика, давно превратилось в особую область науки, которая принадлежит в равной степени и к языковедению, и к этнографии, и к географии, и к истории. Каждая из наук пользуется этим интересным и ценным материалом по-своему, используя для его обработки и хранения собственные информационные ресурсы. Вместе с тем исследователь, неважно — географ, этнограф, историк или лингвист, при работе с топонимикой не может не обращаться к данным смежных гуманитарных дисциплин и не может не пользоваться теми источниками, которые находятся в распоряжении его коллег, занимающихся географией региона, историей региона или культурой населения, проживающего на данной территории.

Отражение каждого иноязычного имени в казачьих «отписках», в записях путешественников, в документах топографов и геологов неизбежно связано с ситуацией этнического контакта, неважно, непосредственного контакта с носителем языка или опосредованного контакта путем обмена документами или чтения каких-то сочинений. Появление исторической перспективы в функционировании собственных имен в сочетании с изменениями в культуре коренных народов региона придает исследованиям в области региональной ономастики новый аспект — историко-этнографический: уже сами имена собственные обретают статус исторического источника, хранящего ценную информацию о культуре этноса и о характере межэтнических контактов с теми, кто фиксирует эти имена, начинает ими пользоваться и включает их в ономастикон своего языка. В свою очередь, изучение истории открытий и исследования региона, включающее процессы адаптации иноязычных собственных имен, вхождение их в разные языковые стили, появление культурной составляющей у научных сочинений и культурной маркировки у отдельных имен формирует историко-культурные аспекты сложения ономастического пространства региона и

историко-культурные аспекты его исследования как особую интердисциплинарную научную задачу.

За более чем три с половиной века в процессе изучения этнографии, истории и географии Западной и Восточной Сибири многие географические названия и этнические наименования приобретали различные объяснения и истолкования в сферах частных наук — здесь стоит напомнить, что и география, военная топография и особенно гидрография, и геология имеют традиции составлять свои комментированные справочники имен собственных, а многие имена собственные и названия народов отражаются в воспоминаниях путешественников и научно-популярной литературе. Географические названия отражаются не только в описаниях путешественников и разного рода мемуарах, но и в официальных документах, а также в разнообразных картографических источниках — на различных географических, топографических, геологических, морских и аэронавигационных картах. Изучение истории имен собственных, а также обозрение всего континуума, отражающего имена собственные и связанную с ними информацию исторического или историко-научного характера, включая и историографические экскурсы, без которых немислимо успешное изучение ономастики, составляет историко-культурный аспект изучения имен собственных.

Разумеется, история частных наук (история географических открытий, история геологического изучения Сибири, история топографии и гидрографии) имеет специальные задачи. Однако источниковедческий анализ документов, содержащих самые ранние фиксации географических названий и этнических наименований, помимо того, что он имеет самостоятельное значение для истории и историографии, позволяет получить данные, которые будут наиболее надежными и достоверными для использования в частных науках, и предоставить в распоряжение исследователей такую информацию, которая может обещать принципиально новые результаты для изучения истории этнических контактов, истории освоения региона, истории географических открытий.

Научное изучение происхождения географических названий немислимо без изучения истории появления этих названий в документах и географических картах. Для установления значения и происхождения названия исследователь должен знать, когда, кем, от кого и в какой форме было услышано и записано то или иное название. Не случайно словари географических названий дают читателям комплекс информации, принадлежащей разным научным дисциплинам — языкознанию, истории, этнографии, географии, и эти словари в последние годы пользуются большим читательским спросом (см.: [Русская ономастика... 1994; Пospelов, 1988а; 1993; 2000; 2000а; 2001; 2008; Ле-

вашов, 2000; 2003]). К топонимическим словарям надо добавить интереснейший этнолингвистический словарь названий народов России, подготовленный Р. А. Агеевой [Агеева, 2000]¹.

Исторические источники, сохранившиеся до наших дней в архивах, «расспросные речи» и «отписки», «челобитные» и хозяйственные бумаги, «наказные памяти» атаманам, грамоты московского Сибирского приказа, в которых воспроизводятся сведения из документов, составленных в сибирских острогах, — хранят первые известия об отдаленных местностях и первые записи их названий. Эти документы, составленные почти четыре столетия назад, требуют внимательного изучения и тщательного и подробного комментирования — ведь даже язык, на котором написаны эти документы, не всегда понятен в деталях и тонкостях носителю современного русского языка, а что касается слов, принадлежащих местным языкам коренного населения, — эти слова оказываются с трудом понятными даже специалистам по языкам народов Сибири.

К большому сожалению, лингвистическое изучение топонимики других исторических территорий Восточной Сибири, в частности топонимики Якутии, заметно отстает от изучения истории этого региона по данным археологических, этнографических и документальных источников. До сих пор, по сути, единственной работой, к которой могут обращаться специалисты, является книга Багдарына Сюлбэ «Топонимика Якутии» [Багдарын Сюлбэ, 1985; 2004], где дана подробная характеристика географических названий якутского и тунгусского происхождения. Очень содержательная и интересная монография крупнейшего якутского лингвиста-русиста Н. Г. Самсонова «Наши имена», раскрывающая историческую перспективу формирования ономастического пространства Якутии [Самсонов, 1989], не ставит задачи этимологизации древнейших топонимов, хотя и дает некоторые комментарии к названиям отдельных географических объектов, сыгравших большую роль в истории республики. Новая книга Н. М. Иванова, посвященная якутским топонимам с монгольскими основами, тоже охватывает относительно поздний языковой материал [Иванов Н. М., 2001]. Статья В. А. Кейметинова «Эвенские гидронимы Якутии», посвященная тем географическим названиям Якутии, о которых идет речь в данной книге (в ней рассматриваются названия Лена, Алдан, Вилюй, Колыма, Индигирка, Яна [Кейметинов, 1994. С. 56—62]), как и две книги того же автора, предметом которых, как кажется их написавшему, является топонимика эвенского происхождения [Кейметинов, 1996; 2000], увы, не представляют интереса, поскольку автор не только

---

¹ О проблемах изучения и словарного описания этнонимики см.: [Бурыкин, Решетов, 2002. С. 168—172].

предлагает фантастические этимологии для всех географических названий азиатской части России от Урала до Курильских островов и Японии, выводя эти названия из языка кобьских эвенов — одного из маргинальных диалектов эвенского языка, но и членит топонимы по своему усмотрению, занимаясь сочинением несуществующих грамматических показателей эвенского языка (см. рецензию на обе книги: [Бурькин, 2004. С. 10—11]). В предполагаемых этим автором истолкованиях топонимов игнорируется фонетический строй языков и этническая история региона, в авторском изложении нет и намека на те формы рассматриваемых названий, которые встречаются в документах XVII—XVIII вв., часто содержащих варианты, чрезвычайно близкие к наиболее приемлемому, с лингвистической точки зрения, объяснению, как нет и обращений к источникам и к литературе в должном объеме. Надо сказать, что создание научных словарей топонимики Якутии, Прибайкалья и Приамурья явилось бы весомым вкладом в описание и изучение топонимики регионов, а итоги их составления позволили бы решить многие проблемы этнической истории этих территорий.

2.2. Обь

Объяснение происхождения названий крупных географических объектов, занимающих большую территорию и формирующих полиэтничные регионы с длительной и сложной историей, представляет большие трудности, которые, как в зеркале, отражаются в обобщающей литературе. Приведем статью из «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера: «Обь — название реки в Зап. Сибири. Существующие этимологии неудовлетворительны. Происхождение из коми аналогично Обва (см.) невероятно, потому что территория коми-зырянского языка лежит далеко на запад (Вихм.-Уотила не дают коми-зыр. названия для Оби). Таким образом, вряд ли из коми Obva ‘река талой воды’, вопреки Доннеру (MSFOu 71, 49), или из коми ob ‘тетка’, вопреки Зеленину (Табу 2, 21), Хаверсу (115) и Эльи (660). Фонетически неудовлетворительно произведение из др.-ир. *ǵr- ‘вода’ (Мункачи, KSz 11, 156). Последний пытается также объяснить ханты AĪs, EĪs ‘Обь’, манси As — то же из авест. řš ‘вода’, против чего см. возражения Каннисто (Festschr. Wichmann 426, 440; FUF. Anz. 18, 68). Угорское название, возм., исконно; см.: Паасонен у Каннисто, там же. Тюрк. названием является тат., тел. Ak Umaġ — от ak ‘белый’, umaġ ‘большая река’ (Радлов 1, 1790)» (см.: [Фасмер, 1969. Т. 3. С. 112]. У И. Фишера читаем: «Сказывали мне, что Обь значит у зырян тетку... На персидском языке аб значит воду» [Фишер, 1774. С. 4—5, примеч. 3]).

Н. К. Фролов настаивает на том, что гидроним Обь имеет иранское происхождение, связывая его с персидским *об* ‘река’, ‘вода’ [Фролов, 1994. С. 148—149]. В справочнике по морской топонимике в статье «Обская губа» гидроним Обь возводится к слову «*об* или *аб* тюркского происхождения» со ссылкой на словарь В. А. Никонова [Справочник по истории... 1985. С. 243]².

Как часто бывает при работе с топонимами, этимологи перетолковывают по-своему исходный материал. Согласно этимологическому словарю коми языка, коми *об* имеет значение ‘сугроб’, ‘глубокий снег’ [Лыткин, Гуляев, 1970. С. 203], по данным современного коми-русского словаря, в коми языке слово *об* имеет значение ‘сугроб’ и дано с пометой *диал.* Следовательно, толкование «река талой воды» не имеет оснований в значении мотивирующего слова и принадлежит интерпретаторам.

То, что локализация летописной Оби не имеет отношения к современной реке Обь, явствует из обращения к летописному тексту. В Новгородской Четвертой летописи (и в повторяющих ее редакциях Софийской Первой летописи) под 1364 г. мы читаем: «Тои зимы с Югры Новгородци приехаша дѣти боярьскыя и молодые люди и воеводы Александр Абакумович, Степан Ляпа; воевавшее по Обѣ реки до моря, а друга половина рати на верхъ Оби воеваша, и Двиняни сташа противу их полкомъ и избиша Двинянь на Курѣ» [Полное собрание русских летописей, 1915. С. 291]³. Перед нами полная иллюзия сообщения о походе на Обь — только непонятно, почему противники новгородцев именуется «Двинянами», то есть жителями берегов Дви-

---

² В словаре В. А. Никонова сказано: «Обь — ...возможно из иран. *аб* ‘вода’, ‘река’ (переходит в *об*, напр<имер>, в тадж<икском> языке)» [Никонов, 1966. С. 302]. Реплика составителя скорее дискредитирует данное сближение, нежели аргументирует его, ибо гидроним Обь явно не может восходить к таджикскому языку, испытавшему к тому же сильное тюркское влияние.

³ Очень важно, что И. П. Магидович и В. И. Магидович, отметив, что за названием Югра новгородских летописей и документов может стоять так называемая Подкаменная Югра, то есть западное Приуралье, и указав, что собственно Югория называлась в те времена Закаменной Югрой [Магидович И. П., Магидович В. И., 1982. Т. I. С. 220], не обратили внимания на то, что Обь в этом документе не обязательно должна быть интересующей нас Обью. Скорее всего, в летописи здесь указывается Обва — река в современной Пермской области, приток Камы. Название этой реки явно тождественно по происхождению названию той реки Обь, которая интересует нас. Обратим внимание, что летописное «на Обѣ», то есть почти точно «на Обве» у географов тут же с легкостью превращается в «на Оби». Указания на то, что Обь упоминается в русских письменных источниках с XII в. [Калинин, Фролов, 2000. С. 290—291], видимо, неточны.

ны — Северной Двины. Интересно, что форма *по Обѣ*, как будто бы принятая летописцем за местоимение «обе», предполагает исходную форму топонима в виде *Оба*, что точно соответствует ожидаемому коми *Об-ва*. Понятно, что локализация объекта с подобным названием на огромном пространстве Приуралья и Зауралья — дело бесполезное, поскольку сохранение наименований с подобной мотивировкой в местной топонимике — случайность, а фиксация такого именованья в качестве имени — также случайность, но обусловленная действием совсем иных механизмов, прежде всего неполного понимания языка местных жителей. Тем не менее выясняется, что с 1480-х гг. река Обь в документах именуется «Обь Великая» ([Магидович И. П., Магидович В. И., 1982. С. 221], со ссылкой на Устюжский летописный свод) — очевидно, для того, чтобы это название можно было отличить от аналогичных названий, которые позже перестали быть частотными. Словосочетание «Обь Великая» как название современной Оби дожило в литературе до последней трети XVIII в. [Полунин, 1773. С. 218; Новиков, 1773. С. 223]⁴.

То, что названия Обдор, Обдора были отмечены в Новгородской летописи под 1364 г. (по И. А. Воробьевой: «Из истории известно, что впервые русские упомянули Обь в Новгородской летописи в 1364 г., назвав ее Обдорой» [Воробьева, 1973а. Гл. 4]), неточно: в указанной статье Новгородской IV летописи такие формы отсутствуют.

Согласно Энциклопедии Ямала, «Обдор (зырян. Об — река (??? — по-коми *об* ‘сугроб’. — *А. Б.*) дор — около, вблизи). Понятие впервые встречается в договоре 1484 г. между русскими воеводами Ф. Курбским-Черным и И. Салтык-Травинным и старшим сыном князя Екмычая Пынзеєм» [Ямал (Б. г.)]. Иными словами, форма Обдор, дающая какие-то основания связывать ее с окрестностями Обдорска-Салехарда (понятно, весьма сомнительные с точки зрения географической топонимике, учитывающей привязку имени к характеру объекта), появляется более чем на 100 лет позже гидронима Обь, не поддающегося отождествлению на местности по семантическим причинам.

2.3. Иртыш

Происхождение названия реки Иртыш, несмотря на длительную историю изучения топонимии Западной Сибири, ее отдельных территорий и административных регионов, остается невыясненным. Поиски объяснения этого названия в тюркских языках не дали результата и, совершенно очевидно, являются бесперспективными, так как на сего-

---

⁴ Впрочем, у Н. И. Новикова название Обь Великая — только в заголовке.

дня в применении к топонимии и географической терминологии очень хорошо изучены не только общетюркский лексический фонд, но и словарный состав отдельных тюркских языков, и становится ясным, что гидроним Иртыш не может иметь тюркского происхождения.

Название реки Иртыш встречается в «Сокровенном сказании»: «Наиманский Кучулук-хан, потеряв свой улус, решил присоединиться к Меркитскому Тохтоа в то время, когда тот сошелся с ним на пути своего бегства с небольшим отрядом людей. Подойдя к ним, Чингисхан завязал бой, и тут же Тохтоа пал, пораженный метательной стрелой-шибайн-сумун. Сыновья его, не имея возможности ни похоронить отца на месте боя, ни увезти его прах с собою, отрезали его голову и спешно отошли. Тут уж было не до общего отпора, и Найманы вместе с Меркитами обратились в бегство. При переправе через Эрдыш они потеряли утонувшими в реке большую часть людей. Закончив переправу через Эрдыш, Найманы и Меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее разными дорогами, а именно Наиманский Кучулук-хан пошел на соединение с Хаара-Китадским Гур-ханом на реку Чуй, в страну Сартаульскую, следуя через землю Уйгурских Хурлуудов» [Сокровенное сказание, 1941. § 198].

«Сказал Чингис-хан Хорчию: „Ты предсказал мне будущее, с юности моей и по сей день в мокроту мок со мною, в стужу — коченел. Ты, Хорчи, помнишь, говорил: „Когда сбудется мое предсказание, когда Небо осуществит твои мечты, дай мне тридцать жен“. А так как ныне все сбылось, то я и жалую тебя: выбирай себе тридцать жен среди первых красавиц этих покоровшихся народов“. И он повелел: „Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгугатами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-Эрдышских Лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!“» [Сокровенное сказание, 1941. § 207].

Наиболее ранние упоминания о реке Иртыш присутствуют в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина:

«Распределение юртов найманов таково. Летние кочевья: Талак — юрт их государя; Джаджиэ-наур — место его ставки [орда]. Зимовки: гора Адари-Эбкэ, Бакрас-олум; Ачирик-наур и река Ала-Етрин. Эти племена [найманов] были кочевыми, некоторые обитали в сильно гористых местах, а некоторые — в равнинах. Места, на которых они сидели, как упомянуто [?], таковы: Большой [Екэ] Алтай, Каракорум, где Угедей-каан, в тамошней равнине, построил величественный дворец, горы: Элуй-Сирас и Кок-Ирдыш [Синий Иртыш], — в этих пределах

обитало также племя канлы, — Ирдыш-мурэн, который есть река Иртыш, горы, лежащие между той рекой и областью киргизов и соприкасающиеся с пределами той страны, до местностей земель Могулистана, до области, в которой живал Он-хан» [Рашид-ад-Дин, 1952. Кн. 1, ч. 1. С. 136—137].

«Когда Чингис-хан разбил найманов и убил Таян-хана, он в год барса, в пределах течения реки Онона, водрузил девятиконечный белый бунчук [туг], устроил великое собрание и великий пир; и [там] дали ему имя Чингис-хан. После этого [Чингис-хан] выступил с намерением захватить Буюрук-хана, брата Таян-хана; тот же был занят [в это время] охотой на птиц; [Чингис-хан] неожиданно захватил его во время охоты и убил. Кушлук и его брат, оба были с [Буюрук-ханом]; убежав, они ушли к реке Ирдышу» [Рашид-ад-Дин, 1952. Кн. 1, ч. 1. С. 138].

«[Когда-то] его <Чингис-хана> племянник по брату, Кушлук-хан, в то время, когда убивали его отца, Таян-хана, бежал к своему дяде Буюрук-хану. Токтай-беки, государь меркитов, также, как это было раньше изложено, прибыл к нему. Они оба укрылись в местности, название которой Ирдыш, на рубеже области найманов» [Рашид-ад-Дин, 1952. Кн. 1, ч. 2. С. 150—151].

«В год дракона, начинающийся [с месяца] раджаба 604 г. х. [январь—февраль 1208 г. н. э.], когда Чингис-хан вернулся после завоевания областей Тангут и киргизов и эмиры этих областей [ему] подчинились, — он расположился в своих жилищах [ханаха]. Там он провел конец лета и зимой счастливо выступил для отражения Токтай-беки и Кушлука, которые оба бежали после битвы к Буюрук-хану и прибыли в область [реки] Ирдыша. В пути патрульный дозор и передовые [пишрав] части войска неожиданно наткнулись на племя ойрат, предводителем которого был Кутукэ-беки» [Рашид-ад-Дин, 1952. Кн. 1, ч. 2. С. 151—152].

«Год Лу, год дракона, приходящийся началом на [месяц] зулхиджэ 616 г. х. [7 февраля—7 марта 1220 г. н. э.]. В этом году Чингис-хан был в пути на страну тазиков и провел лето в долине реки Ирдыша, чтобы лошади откормились; осенью он соизволил двинуться оттуда и захватил города и области, которые лежали на пути» [Рашид-ад-Дин, 1952. Кн. 1, ч. 2. С. 256].

«Все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингис-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включал в свои владения области Дашт-и Кип-чак и находящиеся в тех краях государства. Его юрт был в пределах Ирдыша, и там была столица его государства. Вот и все!» [Рашид-ад-Дин, 1952. Кн. 2. С. 78].

Река с названием Эрцес Бумба встречается в текстах калмыцкого героического эпоса «Джангар», представляющих версию Ээлян Овла, правда всего однажды, в XI песни «Джангара» «Победа Алого Хонгора и Савара Тяжелорукого над семью богатырями Замбал-Хана»: «Подданные самого владыки Джангара, Говорящие на семидесяти языках, Отняли владения У сорока тысяч ханов, живших У ста тысяч истоков реки Эрцес Бумбы» [Джангар, 1990. С. 341]. Комментаторы эпоса склонны считать, что речь идет о реке Иртыш (см.: [Джангар, 1990. С. 458, 462]).

Приведем полностью статью «Иртыш» из энциклопедии «Югория»: «**Иртыш**, река. Этимология названия Иртыш (тюрк. — **Эртиш**, монг. — **Эрчис**, манс. — **Ени-Ас** (точнее, видимо, *Яныг-Ас*, что, собственно, и значит ‘большая река’, см. далее 2.4, 3.2.1. — *А. Б.*), хант. — **Тангат, Лангал**) остаётся дискуссионной. Версия о связи названия реки Иртыш с казахским **ир** — земля, **тыш** — рыть (ср. **таш**: Иртыш — рвущий, разрывающий), высказанная в „Сибирской советской энциклопедии“ [Сибирская советская энциклопедия, 1931. Т. 2. С. 336], ввиду логического несоответствия (Иртыш — равнинная, спокойная река) находит всё меньше сторонников. Заслуживает внимания точка зрения А. П. Дульзона, поддержанная В. Н. Поповой, которые выделяют в ониме Иртыш сегмент **-тыш/-тиш**, восходящий к кетским диалектам с огласовкой **-чеш, -шеш, -сес, -сис** с общим значением ‘река’ [Попова В. Н., 1970. С. 12—16; 2000. С. 51—52]. Индивидуальный сегмент **-ир** этими авторами связывается с докетским (иранским)⁵ корнем со значением ‘бурный’, ‘стремительный’, что согласуется с характером водотока реки в её верхнем течении. Другие авторы считают, что в гидронимии автохтонного населения Западной Сибири — селькупов, угров, тюрков, кетов — речные названия с финалью **-ас** (варианты **-су, -сы, -сос, -сас, -сес, -сис, -цыс, -ники, -чис**) относятся к числу достаточно распространённых, что даёт возможность предполагать их генетическое родство (??? — *А. Б.*), как и позднее — иранско-кетскую модификацию **ирсес (ирчес) ирчис** — в тюрконизированный **эртыш (иртыш) иртыш**» [Калинин, Фролов, 2000. Т. 1. С. 381—382].

В. А. Никонов отвергал возможность тюркской этимологии этого гидронима, приведенной выше по «Сибирской советской энциклопедии», при этом отмечая: «Не исследована общность начального Ир- (гидронимы Ирбит, Иргиз, Иркут и др.)» [Никонов, 1966. С. 160—161]; стоит заметить, что это едва ли не единственный в практике

---

⁵ Почему иранцы должны быть более древним населением в бассейне Иртыша, нежели кеты, относимые к палеоазиатским народам, — в этом вопросе понять авторов статьи трудно.

В. А. Никонова случай, когда топонимический формант, привлекающий исследователя, располагается на месте корня гидронима, что делает все сопоставления почти невероятными. Е. М. Пospelов пишет в своем словаре — наиболее позднем по времени из обобщающих топонимических словарей России: «Из ряда объяснений этого гидронима наиболее убедительно то, где в качестве исходной формы предлагается тюрк. *Ertis* в значении ‘строптивный, бурный’, т. е. ‘бурное течение, поток’. Распространена также версия, принимающая за исходную форму Ирцис, где иран. *ir* ‘бурный, стремительный поток’ сочетается с кетск. *sic* ‘река’) в тюркизированной форме *цис* [Пospelов, 2008. С. 206] ⁶.

Э. М. Мурзаев писал: «Очевидно, что народная этимология была свойственна топонимике в течение всех исторических эпох. Это видно хотя бы из „Дивана...“ Махмуда Кашгари, который объяснял гидроним Иртыш из *эртишмак* — кто быстрее перейдет. Странная и неоправданная этимология» [Мурзаев, 1969. С. 103]. Для нас упоминание об Иртыше в словаре Махмуда Кашгарского интересно, конечно, не с этимологической, а с источниковедческой стороны, как факт ранней документации гидронима.

Любопытная и совсем забытая версия о происхождении гидронима Иртыш представлена в «Лексиконе» В. Н. Татищева: «Иртыш, река великая в Сибири, начало ея за горами Алтау, из озера Зайсан, имя тат., Мужня гора, течения ея до реки Оби, в которую она впадает, более 1500 верст» [Татищев, 1793]. Понятно, что В. Н. Татищев видел здесь корни татарских слов *ир* ‘мужчина’, ‘муж’ и *таш* ‘камень’, однако же такая этимологическая раскладка интересна только для истории науки.

Попробуем рассмотреть, как варьирует по отдельным известным нам енисейским языкам вид гидронимического форманта, восходящего к слову со значением «река» в известных нам на конец XVIII в. енисейских языках, согласно данным словаря П. С. Палласа.

Согласно материалам этого словаря «река» — по-арински *самь*, по-ассански и по-коттски («котовски») *шеть*, по-кетски («инбацки») *сесь*, *дюево*, *дюгално*, по-пумпокольски *томь*, *татанг* [Паллас, 1787. Т. 1. С. 315—316, ст. «река», № 148—152] ⁷. В коттском языке, кроме того, есть форма *кемь*, к которой, без сомнения, восходит тувинское

⁶ Ранее то же высказывал Н. К. Фролов: [Фролов, 1994а. С. 97—98].

⁷ См. об этом (без детализации лингвистических данных): [Воробьева, 1973а]. Пумпокольская форма *татанг*, скорее всего, является формой дательного падежа, и она должна члениваться как *тат-танг*, то есть само название реки в этом языке должно было иметь вид ***тат*, что без осложнений сравнивается со словами других енисейских языков.

хем ‘река’ (обратное направление заимствования предполагать почти невозможно), в ассанском — *уль*, что в других енисейских языках имеет значение ‘вода’.

Итак, мы имеем ряд соответствий *сам/шет/сесь*, к которому можно добавить зафиксированные в топонимике формы *Тесь* (гидроним), *Шии* — правый приток Иртыша и *чес, зас* (форманты, встречающиеся в топонимах, чаще всего гидронимах Южной Сибири, для которых предполагается енисейское происхождение). Вероятно, слово *чась* ‘море’, зафиксированное в южноселькупских диалектах тем же словарем Палласа [Паллас, 1787. Т. 1. С. 312, ст. «море», № 127—129], восходит к этому же слову «река», пришедшему из какого-то енисейского языка. Возможно, этот список впоследствии будет расширен и тем самым мы получим возможность выявить следы еще каких-то енисейских языков, которые не были документированы даже в виде списков слов и от которых осталась только субстратная топонимика.

Нельзя исключать того, что гидроним Кеть восходит к тому же общеенисейскому корню в виде ***хет*, с изменением **с > *х*, и тогда мы получим возможность не только этимологизировать данный гидроним, но и объяснить междиалектные эвенкийские соответствия согласных *с/ш/х* (ср.: эвенк. *Саман/хаман/шаман* ‘шаман’, вошедшее в русский язык как раз из «шекающих» диалектов эвенкийского языка), так и не получившие интерпретации в тунгусо-маньчжурском языкознании, как последствия контактов эвенков с носителями разных енисейских языков. Тогда у нас открывается возможность видеть тот же самый корень со значением «река» в гидронимах Хета и Катанга (название Нижней Тунгуски у эвенков).

Возвращаясь к поискам объяснения гидронима Иртыш из енисейских языков и обращаясь к данным наиболее изученного из них — кетского, мы высказываем предположение, что в этом гидрониме представлен кетский корень *эрь* — ‘соболь’ [Вернер, 2002. С. 118, 211]. Тогда получается, что Иртыш по своему значению — это «соболиная река». Предполагаемая форма *Эрьсесь* могла превратиться в Иртыш при заимствовании ее татарским языком, или, что нельзя исключать, она восходит к какому-то енисейскому языку, в котором слово «река» имело вид ***тэи*. Енисейское население даже на Среднем Иртыше было более ранним, чем ханты и манси [Юнаковская, 2013. С.26—27]. Монгольские формы названия Иртыш специально не комментировались, хотя в словаре П. П. Семенова-Тян-Шанского отмечено, что у калмыков эта река именуется Эрцис [Семенов-Тян-Шанский, 1865. Т. 2. С. 360]⁸.

⁸ В. А. Никонов прямо сетовал на то, что в монгольских языках слово Эрцис как апеллятив «река» не найдено [Никонов, 1966. С. 160], что лишний раз

Форма Эрдыш, как она дана в «Сокровенном сказании», и форма Ирдыш у Рашид-ад-Дина несколько отличаются по внешнему облику и от современной формы Иртыш, и от формы Эрцес, представленной в «Джангаре». Для этого могут быть разные причины. Возможно, что формы с согласным *д* отражают несколько иной источник, возможно, какой-то другой енисейский язык, близкий к кетскому, но не тождественный ему, поскольку они не во всем укладываются в наши представления об исторической эволюции тюркских и монгольских языков. Можно думать также, что тюркские и монгольские формы этого топонима имеют разные истоки и были восприняты из разных диалектов какого-то языка енисейской группы. Так или иначе, происхождение гидронима Иртыш/Эрцес из енисейских языков ныне представляет собой наиболее убедительную этимологию этого эпического и одновременно исторического названия реки.

Сказанное здесь заставляет предполагать наличие других гидронимов с енисейской языковой основой во всем бассейне этой реки. Форма слова «вода» в енисейских языках — кетск. *уль* позволяет искать енисейские гидронимы по соответствующему форманту от Барнаула по крайней мере до Тобола. Наличие в енисейских языках лексемы Том «река», позволяет относить к енисейским по происхождению топонимы Тым, Сым и другие, которые могут быть выявлены в бассейнах Оби и Енисея, поскольку из известных нам языков (тюркских, самодийских, тунгусо-маньчжурских) они не объясняются.

Если высказываемые здесь предположения верны, мы можем, руководствуясь данными топонимики и истории енисейских языков, существенно уточнить расселение енисейских народов по территории Западной Сибири в междуречье Оби и Енисея и по обоим берегам Енисея. Эта задача довольно сложна, поскольку такие топонимы весьма трудно извлечь из континуума обско-угорских (хантыйских и мансийских) и самодийских (ненецких, селькупских, и, возможно, принадлежащих еще не известным самодийским языкам) топонимов бассейна Оби (см. : [Исламова, 2009]).

2.4. Енисей

Енисей — река, являющаяся исторической границей между Западной и Восточной Сибирью, это значимая граница между этносами и историко-культурными областями. Река Енисей в течение длительного

акцентирует своеобразие методов географической топонимики, согласно которым при наличии непонятого названия непременно в каком-то языке должно отыскаться похожее слово со значением «река» или «вода».

времени служила путем для миграций народов, живущих по ее берегам. История изучения этих названий имеет более чем полторавековую временную перспективу [Небольсин, 1850. С. 220—228; Сгибнев, 1870].

Согласно словарю В. А. Никонова, название Енисей происходит от селькупск., хантыйск. или эвенк. *Иондесси* ‘Большая река’, там же сказано, что по-тувински эта река называется Улуг-хем ‘Большая река’ [Никонов, 2009. С. 136]⁹.

По мнению Е. М. Поспелова, наименование Енисей образовалось как сращение двух слов со значением «река»: эвенкийского *енэ* и кетского *сесь* [Поспелов, 2008. С. 183]. Е. М. Поспелов пишет: «Но как известно, население любой территории со временем меняется, на берегах рек появляются новые народы, для которых слово „река“, данное на языке их предшественников, становится уже непонятным, лишенным смысла, и воспринимается как имя собственное. Поясним сказанное примером. Для эвенков, живших некогда на берегах среднего течения Енисея, он был просто *енэ* или *йэне* — ‘большая река’. Более поздние жители края кеты приняли этот термин за название реки. Но в соответствии с нормами языка кетов имя собственное должно сопровождаться географическим термином, определяющим вид объекта, в данном случае термином „река“, который у кетов звучал как *сесь* или *сьесь*. В результате получилось кетское название Енэсесь или Йэнесь-есь, означающее „река Река“, которое в языке русских землепроходцев трансформировалось в Енисей» [Поспелов, 1988. С. 15]. То же представлено и в справочнике по морской топонимике, с единственным дополнением, согласно которому Е. К. Владимиров полагал, что гидроним Енисей восходит к ненецкому Енасе ‘Широкая река’ [Справочник по истории... 1985. С. 108; Владимиров, 1938. С. 292—293].

---

⁹ См. также: [Фролов, 1994б. С. 66]. Эта версия, вероятно, поддерживается авторитетом И. Э. Фишера [Фишер, 1774. С. 266, 272—273, примеч. 52; 580] и Г. Миллера «название реки Енисей было правильно приписано тунгусам» [Миллер, 1937. Т. 2. С. 39], несмотря на то что в эвенкийском языке не удается обнаружить даже подобия форм, которыми оперировали цитированные авторы. Странно, что никто из изучавших этот вопрос не привлек для интерпретации этого необъяснимого, с лингвистической точки зрения, образования мансийское название Иртыша в форме Ени-Ас (см.: 2.3), которое подходит сюда по форме и по семантике ближе всего, ср.: мансийск. Яныг-Ас ‘Большая река’ (с поправкой на то, что слово *Ас* закрепилось в обско-угорских языках как название Оби и Иртыша). Возможно, что какая-то группа эвенков действительно заимствовала наименование Енисея у обско-угорских народов, но это обстоятельство будет свидетельствовать о том, что эвенки на Енисее являются самыми поздними пришельцами с востока.

Здесь все вполне корректно по логике географической топонимики, исподволь умножающей число использований разноязычных географических апеллятивов с одновременным уменьшением числа этих самых апеллятивов. Однако не вполне ясно, почему из рассмотрения выпадают другие версии происхождения этого названия, также пользующиеся апеллятивами. И совершенно непонятно, с какой стати кеты на Енисее стали более поздними пришельцами, нежели эвенки, и откуда вообще группа-изолят енисейских народов появилась в этом регионе поверх гораздо более многочисленных эвенков, селькупов, ханты и тюркских народов.

Как отмечается в «Сибирской советской энциклопедии», и содержание данной статьи выдержало проверку временем, «Е<нисей> стал известен русским в XVI в.; в 80-х и 90-х гг. этого в. сведения об Е. достигают Зап. Европы: в 1584 г. англичане хлопотали о разрешении ездить к устью „Ендези“; в 1595 г. о поездках колмогорцев на р. Gillissy сделалось известно голландцам; о поездках поморских промышленников на „Енисею“ говорит уже грамота царя Бориса 1600 г. Поморы ходили на Е. из Мангазеи, „Енисейским волоком“, соединявшим р. Таз с р. Туруханом, где в начале XVII в. возникло Туруханское зимовье» [Сибирская советская энциклопедия, 1929. Т. 1. С. 885]¹⁰. По некоторым данным, в XVI веке на юго-востоке острова Вайгач английскими моряками был сооружен дом [Ковалев С. А., 2011. С. 315], правда, неясно, когда и кем именно.

Один из первых документальных источников, в котором упоминается река Енисей, относится к 1600 г., это жалованная грамота московского государя — царя Бориса Годунова — промышленникам «Пѣнежским и Мезенским промышленным людям»: «Били нам они челом, чтоб нам их пожаловати, велети им ездити промышляти и торговати, в Мунгазею, морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисею (sic! — А. Б.), и с самоедами...» [Акты исторические... 1841. Т. 2. С. 27]. Далее говорится: «... пожаловали: в Мунгазею, морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисей, им ходити, и с Самоедами, которые живут на тех реках, на Тазу и на Пурѣ и на Енисеѣ им торговати велели поволно» [Там же]¹¹. Стоит отметить, что в данном документе форма *Енисей* употребляется позже, чем форма *Енисея*, никогда не привлекавшаяся топонимистами для истолкования этого названия. Исключи-

¹⁰ Интересно, что в «Описании новья земли, сиречь Сибирского царства» [Титов, 1890], достаточно позднем документе, датированном 1686 г., мы встречаем написания то Енисея (с. 80), то Генесея (с. 82 и далее). Вероятно, в «Описании...» использованы разные источники.

¹¹ Показательно, что, согласно Г. Миллеру, известия о Енисее в архиве Кетского острога начинаются только с 1608 г. [Миллер, 1937. Т. 2. С. 38].

тельно важно то, что название Енисей в этом документе, которому, очевидно, предшествовали отписки или челобитные пинежских и мезенских промышленников, название Енисей стоит в одном ряду с названиями рек Пур и Таз и упоминанием самоедов, то есть ненцев, вместе с которыми так могли именоваться и тазовские селькупы, но это уже не влияет на ход рассуждений.

В одном из электронных топонимических справочников мы читаем: «Енисей, р., впадает в Северный Ледовитый океан. Русские об реке Енисей знали в XVI в., уже в 80—90-х гг. писали об „Ендези“, о плавании русских до Оби и Гилиси (Енисея). В грамоте царя Бориса, в 160 г. (безусловно, 1600, так как 7160 — это 1652 г. — А. Б.), указывались „р. Енисей“, „Енисейский волок“. Вскоре русские были в низовьях Енисея на Турухане, близ устья Енисея. Название „Енисей“ в форме Ендези, Ендези-ям русские могли перенять от ненцев, которые в свою очередь могли позаимствовать его в искаженной форме от селькупов или эвенков, лишь добавив к нему свой термин *ям* — ‘река’. У эвенков, проживающих по Енисею ниже от устья Ангары, река называлась Еоанэси в значении ‘Большая река’. Народы, проживающие по Енисею вверх от устья Ангары, называли реку: хакасы Хем-Суг — ‘большая река’ (здесь суг — ‘река’), тувинцы Улуг-хем — ‘большая река’ (улуг — ‘большая’). Слово же *хем* на их языках не объясняется. Оно восходит к гидронимии XIII—XIV вв., так, в „Сокровенном сказании“ (1240 г.) упоминается, что в системе Секиз-Мурен, то есть „Восьмиречья“, главной рекой является „река Кем“, то есть Енисей, который впадает в реку „Анкара-Мурэн“, то есть в Ангару¹². Из русских источников узнаем, что в 1610 г. дворянин Кондратий Курочкин поехал из Туруханска к устью Енисея и доказал, что Енисей впадает в Ледовитый океан. На первой русской карте в 1667 г. нанесена „р. Енисее“, в XVIII в. стали произносить и писать „Енисей“. Считаем, что „Енисей“ есть топонимический подарок эвенков: Еонэси — „большая река“» [Енисей и его притоки (Б. г.)]. Данное утверждение верно только в том плане, что русские на пути к Енисею на самом деле сначала встретились с ненцами, а потом уже с эвенками.

Е. С. Селезнев и Т. А. Селезнева пишут в своей брошюре следующее: «Переправившись через Енисей, русские землепроходцы встретились с одним из наиболее распространенных племен горной тайги и лесотундры — с тунгусами, предками современных эвенков, эвенов и негильдайцев (Sic! — и эвенки, и эвены, и негидальцы уже существовали в это время как самостоятельные народы, хотя назывались иначе. — А. Б.). О глубокой древности их расселения по енисейской тайге свидетельствует тунгусское происхождение названия Енисея. Позаим-

¹² В «Сокровенном сказании» упоминаний об Ангаре нет (см.: 2.5).

ствовав его у самоедов, тунгусы добавили топоформант „ям“ — большая река („Ензяям“). Кроме того, три четверти названий в бассейнах рек Подкаменной и Нижней Тунгусок, которые по-эвенкийски называются Катангами, также имеют тунгусское происхождение» [Селезнев, Селезнева, 1996]. Здесь явная ошибка: топоформант *ям* могли добавить к этому названию ненцы, но не эвенки, в языке которых собственно топонимические форманты вовсе отсутствуют (лишь отдельные словообразовательные суффиксы являются для топонимистов приметами эвенкийских топонимов), а уменьшительный суффикс *-кан/-кэн/-кон*, встречающийся в топонимах, топоформантом не является.

Топонимическая информация иногда обретает странные формы, подменяющие мотивированность названий. Например, вот что можно прочесть о гидрониме Енисей: «Характерен рассказ о происхождении названия реки Енисей. В XVI в. русские землепроходцы, продвигаясь по просторам Сибири, спросили, *используя, видимо, язык жестов* (курсив мой. — А. Б.), у местных жителей (эвенков), что они встретят дальше на своем пути. Те, показывая рукой на восток ¹³, сказали Ионасе („большая вода“). Русские, подойдя к большой реке, поняли это ионасе как ее название. Так, изменив своё звучание и значение, слово вошло в русский язык (а через него и в другие языки мира)» [С кем поведешься... (Б. г.)]. Как можно на языке жестов спросить, что лежит на пути далее, — неясно, но от такого рассуждения совсем недалеко до утверждения о русских пиджинах, которые якобы так-таки и складывались во времена движения русских на Север и Восток ¹⁴. Конечно,

---

¹³ Этническая история небольших групп эвенков, живущих к западу от Енисея, равно как и история контактов этих групп эвенков с русскими, не изучена. Однако ясно, что она не имеет отношения к открытию Енисея, поскольку нам уже известно, что русские сначала открыли нижнее течение Енисея, а не те места, где ныне живут эвенки.

¹⁴ См.: [Перехвальская, 2006; 2008]. О том, что документальные источники, относящиеся к контактам Руси с татарами и иными восточными соседями и охватывающие период с XIII по начало XIX в., свидетельствуют о хорошем владении языками южных восточных и северных соседей (см. выше: 1.9; 1.10), специалисты по пиджинам предпочитают умалчивать. От них ускользнуло и единственное упоминание о пиджиноподобной языковой формации, с относительной достоверностью зафиксированной в Восточной Сибири. У Ф. П. Врангеля читаем: «На Островенской ярмарке употребляется, можно сказать, свое особенное наречие, составленное из беспорядочной смеси русских, чукотских, якутских и других слов. Только на таком языке объясняются между собой торгующие» [Врангель, 1841. Ч. 1. С. 336, примеч.]. Как нам думается, спутник Ф. П. Врангеля, выпускник Лицея, однокашник А. С. Пушкина и будущий адмирал Ф. Ф. Матюшкин, которому принадлежит данное сообщение, принял за «наречие» местную русскую речь, хотя бы и усвоенную корен-

за название реки может приниматься все что угодно, но какие-либо основания для допущения полного непонимания и использования языка жестов в коммуникации между русскими и эвенками отсутствуют. Герои романа Вяч. Шишкова «Угрюм-река» объясняются с эвенками и не при помощи жестов, и не на пиджине.

А. Барболина в довольно категоричной форме утверждает: «По исследованиям Е. Владимировой, „русские впервые узнали о реке Енисей еще в конце XVI в., до основания исторического города Мангазеи (1601 г.) от ненцев, у которых она именовалась Енасе, а в низовьях ее у нганасанов (тавгийских самоедов) Едосе — „широкая река“»¹⁵. Еще одна версия, М. Н. Мельхеева, бурятского топонимиста, предполагает, что «ненцы могли заимствовать это имя от эвенков или селькупов, у которых Енисей ниже впадения в него Ангары назывался Еоанэси — большая река». Позже известный тунгусовед Г. М. Василевич (1958)¹⁶ подтвердила эту версию и указала на слово *йэнэ*, которое сохранилось в крайних западных и восточных группах эвенков в значении ‘большая река’, тогда как обычная река — *бира*. В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» даются следующие образования в ряду с *йэнэ*: *йэндрэги* (вероятно, все же *йэннэхи*. — А. Б.) 1) река (большая); 2) исток (большой реки); 3) р. Енисей; *йэнгэ*, *энгнэ*, *энгн’э*; 4) овраг; 5) р. Яна. «В действительности Енисей — большая река, я согласна и поддерживаю версию, что Енисей — Иоанеси с эскимосского (*sic!* — А. Б.) языка переводится буквально ‘большая вода’, ‘река’» [Барболина, 2006; 2009]. В тексте цитаты «эскимосского», видимо, опечатка вместо «эвенкийского», но проблема заключается в том, что слово *енэ*, *йэнэ* ‘река’ для эвенкийского языка редкое и диалектное, а в других тунгусо-маньчжурских языках оно отсутствует¹⁷. Те формы, к которым исследователи-топонимисты пытаются возвести название Енисей, в словарях эвенкийского языка отсутствуют, и почему их наличие или отсутствие не было до сих пор никем проверено — навсегда

ными жителями. В 1820-е гг. об изучении русских говоров Сибири в их специфике никто еще не думал.

¹⁵ Кажется, нганасанские языковые материалы для объяснения происхождения гидронима Енисей еще не привлекались, судя по приведенному примеру это направление поисков отнюдь не бесперспективно.

¹⁶ Вероятно, имеется в виду статья Г. М. Василевич [Василевич, 1958. С. 324—335]. Возможность участия тунгусского непонятого слова *йэнэ* в именовании Енисея отводится и Ю. Янхуненом [Janhunen, 2012. P. 81].

¹⁷ Если традиционно приписываемое эвенкам название Енисея действительно восходит к мансийскому Яныг-Ас ‘Большая река’, то эвенкийское слово *йэ:нэ*, соотносящееся с прилагательным *яныг* ‘большой’, является локальным заимствованием в говорах западных эвенков и определенно не имеет никакого отношения к гидронимам тунгусо-маньчжурских языков.

останется загадкой. Далее, эвенки явно не относятся к числу древних жителей бассейна Енисея.

Основная масса идей относительно этимологии гидронима Енисей, а равно и материал, который используется для этимологизации, взяты топонимистами 1950—1960-х гг. отнюдь не из современных словарей самодийских или тунгусо-маньчжурских языков. Как это ни парадоксально, но почти все из приведенного выше восходит к комментариям к изданию сочинений иностранных путешественников о Сибири, осуществленному в 1930-е гг. В этом издании имеется примечание к сочинению Альбрехта Доббина «Описание Сибири»: «8. Форма „Енисей“, аналогичная той, которую дает Доббин (*Jelissee*), засвидетельствована в северно-русских говорах и встречалась еще в XIX в. у крестьян Архангельской губернии; голландцы конца XVI в., стоявшие близ берега о. Вайгача, слышали уже о Енисее и называли его *Gilissi*, *Gelissi*, *Geniscea* (*Лутке Ф.* Четырехкратное путешествие в С. Ледовитый океан. Т. I. С. 13–19, 23, 42–44, 127; *Adelung J.* Chr. Gesch. d. Schifffahrte und Versuche. III. S. 187, 194, 213, 425; *Замысловский Е., Герберштейн.* С. 89, примеч.); ср. в „Описании Сибирского царства“: „Генесейской острог стоит над великой рекой Генесею“ [*Титов*, 1890. С. 82]. Иначе Енисей назывался у нас „Ислендь — река“, на которую находим любопытное указание в статейном списке посольства Боуса (Сб. Русск. Истор. Общ. XXXVIII. С. 38, 94; *Середонин С. Флетчер.* С. 134). Койбалы называли верхний Енисей Кемь — река (*Лакманн.* *Sibirische Briefe.* S. 12), как называются еще многие, впадающие в него, реки (*Хумбольдт.* *Asie Centrale.* 1. С. 232)¹⁸; Миллер (*Sammlung Russ. Geschichte.* IV. S. 510) полагает, что Енисей — название тунгусское; это подтверждает и Клапрот (*Memoires relatifs a l'Asie.* Paris, 1824. P. 451), который производит его название из слова *Joandessi* (ионесси — ‘большая вода’), которым тунгусы именуют Верхнюю Тунгуску (*Egli J. J.* *Nomina geographica.* 1872. S. 262, 263)» ([*Алексеев М. П.*, 1941. С. 398—399] (ссылки М. П. Алексеева. — *А. Б.*)¹⁹.

Приведенные здесь формы, используемые для толкования гидронима Енисей, не обнаруживаются ни в одном из языков, которому они могли бы принадлежать, — ни в хантыйском, ни в селькупском, ни в ненецком, ни в эвенкийском, и самое их появление не находит рацио-

¹⁸ Последнее указание весьма важно, так как проливает свет на происхождение тувинского названия Енисея Улуг-Хем и географического апеллятива *хем* ‘река’.

¹⁹ На карте Герритса 1613 г. у побережья Ледовитого океана обозначена река Пейсида — определенно Пясины, но Енисея на ней нет. Это означает, что западноевропейские картографы основывались в большей степени на сведениях европейских моряков, а не на русских документах.

нального объяснения, притом что ими широко пользуются топонимисты-сибиреведы. Возможно, перед нами сильно искаженные или диалектные формы заимствованного у угров (манси, возможно, хантов) словосочетания Яныг-Ас — ‘Большая река’, или, что менее вероятно, ненецкого названия Енисея *Ензя-ям* (см. ниже). Что касается форм Gilissi, Gelissi, почерпнутых из иностранных источников, то к ним имеется чрезвычайно важное примечание, сделанное самим Ф. П. Литке: «Архангельские простолюдины и до сих пор реку Енисей называют Елисеем. Отчего и могли голландцы принять ее за Гиллиси» [Литке, 1948. С. 31, примеч.]²⁰. Если бы Ф. П. Литке не сделал подобной оговорки, мы бы сейчас могли принять народную этимологию этого гидронима за его архаическую аутентичную форму и всерьез рассуждать о ее иноязычных источниках, выискивая подходящие по смыслу этимоны.

Другое предположение — то, что эти формы являются неточными записями эвенкийского слова *енэ-нде* ‘большая река, речница’ (*енэ* ‘река’ + увеличительный суффикс *-ндя/-нде*), вполне логично и безупречно для морфологии тунгусо-маньчжурских языков, но оно априори в свете сказанного выше маловероятно. Мы теперь точно знаем, что русские услышали впервые о Енисее не от эвенков, а от ненцев; ненцы же, как будет понятно из изложенного далее, это название ни у кого не заимствовали, а эвенки могли заимствовать наименование этой реки от манси (Яныг-Ас) или, что менее вероятно, от кетов²¹.

Данное здесь освещение истории объяснения гидронима Енисей неизбежно требует обращения к новым, аутентичным языковым материалам в поисках этимологии данного названия. И такой материал находится, причем он вводится в оборот вместе с его осмыслением. Е. Т. Пушкарева пишет: «Кроме фольклорных топографических обозначений местности в ненецком народном творчестве встречаются некоторые реальные топонимы, например: *Саля’ям*’ (Река с высокими обрывистыми, выдвигающимися в воду берегами) — Обь и Обская гу-

²⁰ Здесь значима разница: в комментариях М. П. Алексева эта форма встречается «в северно-русских говорах», а у Ф. П. Литке, на первое издание книги которого ссылается М. П. Алексеев, так говорят «архангельские простолюдины», что не одно и то же.

²¹ Остается призрачная возможность толковать название Енисей из кетского языка как *Энг-сесь* ‘островная река’, ср. кетск. *ей* ‘остров’ (мн. ч. *энг* ‘острова’ [Вернер, 2002. С. 31]: форма множественного числа, столь важная для нас, дана только в кетско-русской части). Изобилие островов — характерная особенность Енисея в районах от устья Абакана до устья Качи и далее от Дубчеса до Кутука. См.: [Семенов-Тянь-Шанский, 1865. Т. 2. С. 198]. Оба эти ареала соответствуют представлениям о былом расселении кетов в бассейне Енисея.

ба, *Нарка нерци яха ям'* — Большая ивовая река-море (в Ямальском районе Ямало-Ненецкого округа так называют Обскую губу), *Нарка Нгыд* — река Ныда в Надымском районе Ямало-Ненецкого округа (по мнению жителя этой реки название произошло от имени человека Ныд, который был ее владельцем); этимология слова неясна. *Енся ям'* (Река с крутыми, прямыми берегами) — Енисей. В мифе-сказке „Сюдбя вэсако“... герой тащит за собой свою маленькую нарточку *сюнка*, и все, что он находит по пути, грузит на нее. Через некоторое время он устал таскать саночки, оглянулся назад и увидел, что след его нарточки прорезал прямую, как тетива лука, реку, и воскликнул: „Когда-нибудь эта река будет называться *Ензя яха*“. В конце оказалось, что в образе *сюдбя вэсако* ходил Явмал» [Пушкарева, 2007. С. 18]²². Таким образом, гидроним Енисей этимологически объясняется из ненецкого языка без обращения к исторической перспективе этого языка, что крайне неожиданно и нелогично для догматов исторической топонимики. Присутствие топонимической легенды в данном рассказе отнюдь не снижает ценности языкового факта, объясняющего древнее загадочное название.

А. Е. Аникин также поддерживает версию о самодийском происхождении гидронима Енисей, отмечая: «„Привязка“ к определенным путям за Урал (южносибирскому, „чрезкаменным“ Печерским и морскому) была продемонстрирована в литературе и для ряда других русско-сибирских этнонимов и топонимов, что в ряде случаев способствовало их этимологической интерпретации: Сибирь < тат. *Sibir*; Тюмень < тюрк. *tümen* ‘десять тысяч’, ‘множество, тьма’; Югра < коми *йигра* ‘вогул, остяк’; Обь < коми *об* ‘снежный занос, завал, обильно выпавший снег’; Березов (город) (калька с хант. *Сугмут-ваш*, манс. *Халь-уш*); тунгус. < нен. *тыӷгос*, *тыӷгус* ‘эвенки’; Енисей < др.-нен. *Енэсий* (нен. *Ензя-ям*); Мангазея < нен. *Монканси* (этноним)... и др.» [Аникин, 2000. С. 74].

На сегодня версия о происхождении гидронима Енисей, приведенная в книге Е. Т. Пушкаревой, представляется наиболее реалистичной с точки зрения языковой принадлежности и этимологии топонима, так как внутренняя форма ненецкого *Енся-ям*, *Ензя-яха* хорошо согласуется со свойствами обозначаемого объекта. Сходное мнение о происхождении названия реки Енисей высказано и Ю. Янхуненом: он считает, что название этой реки тунгусы заимствовали от самодийцев [Janhunen, 2012. P. 81].

Для того чтобы разобраться, как называли Енисей и его притоки первооткрыватели тех мест, очень важен документ, датированный

²² Я в м а л — одна из фигур ненецкого пантеона и фольклорный персонаж.

1640—1641 гг. и именуемый «Росписание рек»; в нем говорится: «От Енисейского острогу шли до устья Енисея ж реки. Которая течет из-под Красного яру, три дни; а иноземцы называют тое реку Большою Кемью, а Тунгуску зовут Енисеем, а та река Кемь пала в Тунгуску реку с правую сторону» [Дополнения к актам... 1846. Т. II. С. 243]. Здесь интересно то, что тюркское название Енисея Улуг-Хем отмечается уже в 1640-е гг. в виде полукальки «Великая Кемь», а название Ангара в документах, описывающих бассейн Енисея, вообще отсутствует.

Что касается происхождения и истории тувинского слова *хем* ('река'), входящего в состав тувинского названия Енисея — *Улуг-Хем*, то его история до настоящего времени неясна.

Л. К. Хертек в своей статье отмечает, что слово *хем* встречается, кроме тувинского языка, еще в хакасском и тофаларском языках, а также в одном из енисейских языков — коттском [Хертек, 2002. С. 135—136]. При этом в коттском языке данное слово не оказывается общеенисейским названием реки — в том же коттском языке было слово *шет* 'река', соответствующее ассанскому *шет*, аринскому *сам*, кетскому *сесь* 'река' при эксклюзивности пумпокольского *том* [Паллас, 1787. Т. I. С. 315—316]. Такое положение дел препятствует безоговорочному признанию слова *хем*, *кем* в тюркских языках енисейским заимствованием. Высказанное в данной статье предположение исследовательницы о том, что географические апеллятивы *кем/хем* в топонимии выступают проявлениями названий крови и иллюстрируют проявления соматических метафор в топонимике [Хертек, 2002. С. 138—139], нам кажется спорным: притом что исток реки именуется *баиш* 'голова' (но это слово означает еще и 'начало'), все же устье реки в тюркских языках обозначается словами *богаз* или *тамак* 'шея, горло', а вовсе не названиями нижних конечностей. Соматические метафоры топонимии оказываются парциальными и дисперсными, они не образуют системы — вопреки мнению некоторых исследователей [Федотова, 2008а. С. 48—51], корреляции между фактами такого рода иллюзорны. К сожалению, и, похоже, в этом нет вины автора, статья Л. К. Хертек написана с привлечением не слишком надежных лингвистических источников (поиски самодийского субстрата в южносибирских тюркских языках успехом пока не увенчались и все примеры не внушают доверия). И что самое главное, она основывается на чисто географических приемах толкования гидронимов в топонимике, которые часто граничат с произволом.

Топонимические проблемы, связанные с гидронимом Енисей, не исчерпываются интерпретацией того названия, которое закрепилось за этой сибирской рекой в последние два столетия.

В словаре Л. М. Максимовича о Енисее написано: «...Татары и мунгалы называют Кем, Остакы же Гус или Хезес, то есть большою

рекою, Енисеем же зовется она на тунгусском языке, или собственнее по их произношению Иоанедзи» [Максимович, 1788. Т. 1. С. 281]. Эта характеристика привлекает к себе внимание новыми названиями Енисея, не встречающимися в других источниках, но она полностью переписана из словаря Ф. Полунина [Полунин, 1773. С. 91—92], с той лишь разницей, что Полунин дает форму Гук вместо Гус (последняя, скорее всего, является опечаткой).

Заголовок статьи, посвященной Енисею, в словаре С. П. Гагарина, включает следующие формы «Енисей, Кем, Губ или Хизес (то есть большая река)» [Гагарин, 1843. Т. 2. С. 105]. Никаких объяснений приводимых в заголовке названий этот словарь не дает.

В словаре П. П. Семенова-Тян-Шанского, как и в большом количестве трудов его предшественников, говорится, что гидроним Енисей происходит «от испорченного тунгусского слова *иоанеси* ‘большая река’» [Семенов-Тян-Шанский, 1865. Т. 2. С. 198]. В этом издании отмечается, что истоком Енисея является река с названием Шишкит²³. Далее автор пишет: «Пройдя озеро Дадья-нор, Шишкит, по принятии нескольких притоков, получает название Хуа-кема, а по принятии параллельной р. Бей-Хема название Да-кема (большой Кем). Да-кем сталкивается с текущею с противоположной стороны р. Кемчиком...» [Семенов-Тян-Шанский, 1865. Т. 2. С. 198].

Названия *Хизес* (Гагарин) или *Хезес* (Максимович) вполне понятны из современного кетского языка и соответствуют кетскому *кя-сесь* ‘большая река’, где компонент *кя* имеет значение ‘большой’ [Вернер, 2002. С. 66, 131]. То же слово *кя* содержится и в названии Хуа-Кем, соотносительном с современным тувинским топонимом Каа-Хем²⁴. Форма Да-кем, приведенная П. П. Семеновым-Тян-Шанским, глоссирована «Большой Кем» — остается только полагать, что первой ее частью является китайское *да* ‘большой’, присутствующее и в нанайском названии Амура Даи Мангбо ‘Большой Амур’ [Сравнительный словарь... Т. I. С. 190а, б]²⁵.

²³ Пока приходится полагать, что в основе названия Шишкит лежит повтор апеллятивов со значением «река» из разных енисейских языков, из которых один напоминал кетский (шиш), а второй — коттский (шет).

²⁴ Удивительно, но среди тувинских краеведов название Ка-хем со ссылками на факты тувинского языка объясняется как ‘Малая река’ [Фролов, 1994б. С. 65] (см. также сайт: www.kahem.ru), хотя так должен интерпретироваться гидроним Кемчик, имеющий уменьшительный суффикс.

²⁵ Присутствие этого слова в тунгусских языках побуждало составителей указанного словаря снять китайскую параллель для данного гнезда слов, имеющуюся в маньчжурско-русском словаре И. И. Захарова: «Дай *кит. слов.* большой, великий» [Захаров, 1875. С. 772б] (курсив наш. — А. Б.).

Ряд форм Гук, Гус, Губ, которые в качестве названия Енисея приписываются «остякам», под чем надо все-таки понимать кетов и их соплеменников, но не хантов (по явно кетскому названию Хезес, Хизес это становится доказуемым), вызывают при интерпретации трудности прежде всего в выборе исходных, наиболее ценных форм и признании каких-то форм издательскими ошибками. Можно предполагать, что форма Гус соотносится с монгольским словом *usun* 'вода', а формы Гук и Губ отражают бурятское слово *уһан* с тем же значением, однако все это маловероятно — и отражение монгольского слова как названия этой реки, и появление бурятских форм в таком же качестве.

Более вероятным нам пока представляется другое решение: форма Гус, скорее всего, является опечаткой или воспроизведением латинографического написания, а формы Губ, Гук стоят в одном ряду с именами со значением 'большая вода' и являются необычными отражениями общетюркского слова *sub, su* 'вода', которые происходят из языка, близкого якутскому языку, где слово «вода» имеет вид *у*: (в якутской графике *уу*), — такого языка, в котором уже осуществился переход *s>h*, предшествующий утрате начального *s*, отличающего якутский язык от других тюркских языков, но эта утрата еще не произошла, и, возможно, в конце слова еще произносился какой-то согласный. В этом предположении нет ничего алогичного, тем более что так могли называть Енисей есеевские якуты, первая группа якутов, с которыми встретились русские казаки на правом берегу Енисея, или же какие-то обитатели берегов Енисея, говорящие на весьма архаичном тюркском языке. Показательно, что в словаре П. С. Палласа для ряда тюркских языков, в том числе «по-татарски ... на Енисее» дана форма *су*, «по-татарски ... около Кузнецка» и по-телеутски — форма *су*, а для якутского языка в статье «река» — форма *у* [Паллас, 1787. Т. 1. С. 315, ст. «река», № 97, 98, 101, 103, 106].

Наконец, в «Лексиконе» В. Н. Татищева мы находим еще одну форму для названия реки Енисей, которая не сохранена другими источниками и которая вводит в обиход еще один язык — с зафиксированным названием этой великой сибирской реки, в этом источнике мы читаем: «Иенисей, река великая в Сибири, тунгусы называют Иках Мауран. Начало ея в горах Саянских из разных рек, и по течении более 2500 верст на север, впадает в Северный океан меж Оби и Лены» [Татищев, 1793]. Данное название Енисея является не тунгусским, а монгольским по происхождению и точно соответствует монгольскому *yeke mören* 'большая река'. Было ли оно заимствовано тунгусами от монголов или от бурят, с определенностью сказать нельзя.

2.5. Ангара

Ангара — название одного из правых притоков Енисея, единственной реки, вытекающей из озера Байкал.

В. А. Никонов в своем словаре производит данный гидроним от монг. *ангар* ‘щель, трещина расселина’, бур. *ангар* ‘рот, ущелье’, ‘открывать, раздвигать’, со ссылками на мнение Г. Д. Санжеева и Э. Р. Рыгдылона, отмечая: «Возможность связи с тюрк. *ангар* ‘широкая долина’ недостаточно исследована... Эвенки называют Ангару *Йанедзи* (сравн. Енисей), считая ее главной, а Енисей выше их слияния — ее притоком» [Никонов, 2009. С. 25]. То же самое об этом гидрониме думает и Е. М. Поспелов ([Поспелов, 2008. С. 79—80]; см. также: [Галкина, 1969; Гурулёв, 1989]).

М. Н. Мельхеев в своей книге «Географические названия Восточной Сибири» пишет: «Ангара, р., приток Енисея — на бурятском языке от корня *анга* (см.) слова *ангай*, *ангара*, *ангагар*, *ангархай* одинаково означают ‘разинутый’, ‘открытый’, ‘раскрытый’, ‘зияющий’, а также ‘расселина’, ‘ущелье’, ‘промоина’. И если иметь в виду, что Ангара в своем истоке, прорезая горы, стремительно течет по расселине, ущелью, то она действительно напоминает „рот“, „открытую пасть“, жадно и непрерывно поглощающую воды Байкала. Происхождение названия Ангара связано с характером морфологии долины реки у ее истока, напоминающей расселину, ущелье, по которому Ангара вырывается из Байкала. Название Ангара в исторических источниках впервые упоминается в XIII в. в форме Анкара-мурэн» [Мельхеев, 1969; 1995]²⁶. Ныне ту же позицию в отношении этимологии гидронима Ангара занимает А. Л. Ангархаев [Ангархаев, 2003. С. 61—63], однако, как показал С. А. Гурулев, такое мнение о гидрониме Ангара ранее всех высказал Г. Д. Санжеев [Гурулев, 1989. С. 9—11].

Это мнение для своего времени выглядело достаточно убедительно, хотя словообразовательные средства, образующие имя от глагольного корня, здесь остаются вне объяснения. Однако в той же книге помещена другая топонимическая статья, объясняющая сходно звучащий гидроним: «Анга, р., притоки Лены и оз. Байкал — на эвенк. и бур. языках *анга* означает ‘пасть животного’, ‘рот’, а в переносном смысле — „ущелье“, „расселина“, „промоина“. Действительно, эти реки, рассекая горные хребты по ущелью, расселине выносят свои воды в Байкал или Лену» [Мельхеев, 1995. С. 165]. Здесь проявляется один нюанс: эвенкийский и бурятский языки принадлежат к разным группам — тунгусо-маньчжурской и монгольской, соответственно, и ссылки на родство этих групп внутри алтайской семьи не позволят дать ответ на вопрос, из какого же языка происходят приведенные гидронимы. К тому же по-эвенкийски рот — *амнга*, а не *анга*. Видимо, исходя из этих соображений авторы нового топонимического словаря Буря-

²⁶ Названия Ангара или Анкара-мурэн в «Сокровенном сказании» отсутствуют. Они имеются только у Рашид-ад-Дина.

тии, ссылаясь на работы Г. М. Василевич, отводят предположения о тунгусском происхождении гидронима Ангара [Географические названия... 2006. С. 63—64, ст. «Верхняя Ангара»], мы согласны с такой позицией, потому что далее для этого гидронима нами будут предложены совсем иные эвенкийские этимоны, не связанные с соматическими метафорами.

В электронном справочнике по гидронимии бассейна Енисея говорится: «Название Ангара упоминается в XIII в. в „Сокровенном сказании“ монголов и в XIV в. у Рашид-ад-дина: „По слиянии этих рек образуется река Анкара мурэн. Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангут“. В начале XVII в. русские землепроходцы совершили плавание по Ангаре, называя ее тогда „Верхняя Тунгуска“ — по имени тунгусов (эвенков). Это название к Ангаре относилось на участке от устья р. Илим и ниже до устья. Русские при встрече с приангарскими бурятами, что состоялась в районе ангарских порогов, усвоили новое другое название реки — Ангара, и оно распространилось впоследствии на всю реку, хотя она под этим именем была известна еще в XIII в.» [Енисей и его притоки (Б. г.)]²⁷.

Данное толкование нельзя оставить без комментариев. Приведенные выше слова, с которыми сравнивается гидроним Ангара, — сплошь бурятские.

Наконец, в этом же справочнике есть еще одна неувязка, имеющая прямое отношение к истолкованию гидронима Ангара. В нем рядом со статьей «Ангара» есть такая статья: «Ангараба, приток р. Кан. Самодийский *ба* ‘вода’; Ангара-ба значит ‘река Ангара’. Следовательно, самодийцы только добавили свой термин *ба* — ‘река’ к известному названию „Ангара“» [Енисей и его притоки (Б. г.)]. Дело в том, что в самодийских языках — ненецком, энецком, нганасанском и селькупском — нет начального согласного *б* и формант *ба* не может принадлежать этим языкам. Это может быть элемент енисейских языков, но, как мы уже отмечали, образование енисейских, в частности, кетских производных от эвенкийских основ в топонимике этого региона исключено, поскольку невероятно с точки зрения этнической истории народов данного региона — как раз кеты являются аборигенами бассейна Енисея, а эвенки, как принято считать ныне, появились на Енисее относительно недавно.

В этом же электронном справочнике есть еще одна статья на гидроним Ангара: «Ангара, приток р. Енисея, близ с. Кривошейного Новосибирского района, теперь под водами водохранилища. Считают, что это несколько измененное название одного из племен тубалар —

---

²⁷ В «Сокровенном сказании», как уже говорилось, этого названия нет.

„ингара“ (ангара). Есть топоним Анга, правый приток Чулыма» [Енисей и его притоки (Б. г.)]. Эта статья могла бы дать новый импульс к поиску объяснений для байкальской Ангары, но такого не случилось.

Исследователь сибирской топонимики А. М. Малолетко пишет: «Исторической несправедливостью является то, что Обь будто бы является главной рекой Западной Сибири. На самом деле ее приток — Иртыш — превосходит Обь по длине и водности. Но так распорядилась история. Происхождение имени Иртыша затемнено. Возможно, компонент „ирт“ — это забытый географический термин тюрков со значением „вода, река“²⁸. Ханты именуют Иртыш „Катан-ас“ ‘татарская большая река’. В давних китайских хрониках Иртыш носил название Пугуджень ‘булгаров река’, а в X веке кимаки, предки казахов, называли его Гамаш.

Енисей получил, как считают большинство исследователей, своё имя от тунгусского Иоандези ‘большая река’. У ненцев есть название „Енасе“ — ‘большая вода’²⁹, у других народов Сибири по меньшей мере еще десяток имен как близких по звучанию к слову „Енисей“, так и весьма далеких. (У кетскоязычных племен, например, „Кик“, „Пачаул“). Но все названия так или иначе переводятся как „большая вода“ или „большая река“. Претерпели существенные изменения названия притоков Енисея: Нума стала Курейкой, Богнал (Коту) — Нижней Тунгуской, Катанга — Средней (Подкаменной) Тунгуской. Правый приток Енисея — Туба назывался древними тюрками Идиль, что значит ‘местность, богатая зелёной травой’. Название Янг-Айры — ‘большая река’ — трансформировалось в Анкар, а позже в Ангару. А непонятное и труднопроизносимое название Элюене превратилось в имя реки Лена...» [Малолетко, 2008].

Здесь весьма интересные рассуждения и оригинальные мнения, в числе которых неожиданная версия интерпретации гидронима Ангара, соседствуют с сомнительным или ненадежным языковым материалом. Нет лингвистических данных о гидронимическом термине *ирт* у тюрков (см. выше: 2.3). У ненцев, как выясняется, нет слова Енасе — ‘большая вода’ (см.: 2.4), а якутское название реки Элиэнэ не является сложным образованием из слов «река» (см. далее: 3.2.1)³⁰. Увы, тако-

²⁸ Придется не согласиться с автором — это невозможно: соответствующие географические термины тюркских языков и других алтайских языков (например монгольских) хорошо известны и среди них нет ничего подобного.

²⁹ Уточним: вода по-ненецки называется *и*’, ‘большой’ — *царка*. Ненецкое слово *енд*’ ‘течение, быстрина’ сюда вряд ли относится, хотя его и можно считать потенциальным источником эвенкийского *йэнэ* ‘река’.

³⁰ Более того, все языковые гибриды, закладываемые в этимологии гидронимов Енисей, Лена и названий других рек, однозначно дискредитируют те объяснения, которые с их помощью предлагают топонимисты.

во положение дел в объяснении названий рек Сибири в контексте географии, что и имеют в своем обороте историки и географы.

Река с названием Анкара-мурэн упоминается в сочинении Рашид-ад-дина в следующих контекстах: «Племя татар. Их имя издревле было известно в мире. ...Говорят, [что], когда племена татар, дурбан, салджиут [в тексте салджиун] и катакин объединились вместе, они все проживали по низовьям рек³¹.

По слиянии этих рек образуется река Анкара-мурэн. Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун. Границы [его расселения] в настоящее время соприкасаются с [пропущено название страны]. Та река [Анкара] находится вблизи города по имени Кикас и в том месте, где она и река Кэм сливаются вместе. Город тот принадлежит к области киргизов. Утверждают, что эта река [Анкара] течет в одну область, по соседству с которой находится море. Повсюду [там] серебро» [Рашид-ад-Дин, 1952. Кн. 1, ч. 1. С. 101—102].

«Племя ойрат. Юртом и местопребыванием этих ойратских племен было Восьмиречье [Секиз-мурэн]. В древности по течению этих рек сидело племя тумат. Из этого места вытекают реки, [потом] все вместе соединяются и становятся рекой, которую называют Кэм; последняя впадает в реку Анкара-мурэн. Имена этих рек таковы: Кок-мурэн, Он-мурэн, Кара-усун, Санби-тун, Укри-мурэн, Акар-мурэн, Джурчэ-мурэн и Чаган-мурэн» [Рашид-ад-Дин, 1952. Кн. 1, ч. 1. С. 118]³².

«Племя киргиз. Киргиз и Кэм-Кэмджиут две области, смежные друг с другом; обе они составляют одно владение [мамлакат]. Кэм-Кэмджиут — большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов [Могулистан] и одна [ее] граница — с рекой Селенгой, где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с [бассейном] большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир. Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области» [Рашид-ад-Дин, 1952. Кн. 1, ч. 1. С. 150].

«Точно так же народы, которых с древнейших времен и до наших дней называли и называют тюрками, обитали в степных пространствах, в горах и лесах областей Дешт-и Кипчака, русов, черкесов, баш-

---

³¹ Здесь либо в тексте лакуна, либо автор не знал названий каких-то рек, на которых жили указанные народы.

³² В приведенном отрывке монгольское слово мурэн 'река', выступающее как топоформант, не гарантирует того, что все слова, к которым оно присоединяется, — монгольские: ср. тюркскую основу в Секиз-мурэн «Восемь рек».

киров, Таласа и Сайрама, Ибира и Сибира, Булара и реки Анкары, в пределах областей, которые известны [под названиями] Туркестана и Уйгуристана; по рекам и горам в [областях] народа найман, как, например, Кок-Ирдыш [Синий Иртыш], Ирдыш, [гора] Каракорум, горы Алтая» [Рашид-ад-Дин, 1952. Кн. 1, ч. 1. С. 73]. К этому пассажи издатели дают примечание: «Анкара (в ркп. В — алкара) — Ангара — правый приток Енисея, вытекающий из оз. Байкал» [Рашид-ад-Дин, 1952. Кн. 1, ч. 1].

На самом деле, таким образом, получается, что Анкара-мурэн у Рашид-ад-Дина — это современная Ангара, но получающая свое название где-то ниже своего истока из Байкала при впадении в нее каких-то притоков, не названных по именам, и продолжающаяся под своим именем при слиянии ее с Енисеем.

Почти три с половиной столетия спустя Н. Г. Спафарий в описании своего путешествия так будет описывать бассейн Енисея и Ангары: «На правой стороне протока, от порогу Пьяного полверсты, а меж протоки и реки Тунгуски остров версты на 3. А от острова до Брацкого острога полверсты. И того ж числа приехали в Брацкой острог. А острог стоит на ровном месте. А в остроге церковь во имя Пресвятыя Богородицы Владимирския. А жилых дворов казачьих с 20. Да под острогом течет река Ока. А вытекла из степи, а по ней живут пашенные крестьяне и Браты. И от Брацкого острога реку Тунгуску называют Ангарою. ...И сентября в 11-й день приехали к Байкальскому морю на усть реки Ангары³³, где течет Ангара река из Байкала, и по обе стороны усть реки Ангары горы великия каменные, высокия и лесныя, а устье Ангары будет ширина больше версты, а из Байкала течет великою быстротою река Ангара, а из тех высоких гор видеть горы за Байкалом снежныя и преввысокия, и один край Байкала, которой называют Култук, а другой край зело далеко, и не видеть, и нигде нет так узко в Байкале, как против устья Ангары; а при усть Ангары пристанищ нет, только все утес да камень, и одним словом рещи — зело страшно, наипаче тем, которые прежде сего на нем не бывали, потому что везде кругом обстоят горы преввысокия, снежныя и леса непроходимые, и утесы каменные» [Путешествие чрез Сибирь... 1882. С. 107—108, 116—117].

В этом изложении существенно то, что в последней четверти XVII в. название Ангара держалось за отрезком реки от Байкала до Братского острога (современного Братска), а от него до впадения в Енисей эта река именовалась Верхней Тунгуской или даже самим

---

³³ В данном контексте слово *усть* «устье» имеет значение 'исток реки', то есть значение прямо противоположное тому, какое имеет слово *устье* в современном русском языке.

Енисеем, поскольку в то время предполагалось, что на Байкале располагается исток Енисея, а современное верхнее течение рассматривалось как его приток. Отметим, что «устьем», как ясно из текста, Спафарий называет исток Ангары.

В комментариях к изданию описания путешествия Спафария говорится: «От деревни Стрелкиной (№ 363) начиналось плавание Ангарою, представлявшею для водного путешествия весьма опасные места своими порогами и шиверами. В одной из русских Космографий XVII в., в статье, описывающей Сибирь, сказано об этом следующее: „Ходят же Российские люди Сибирской земли... во Онгаре с великою нуждею великия ради быстрины и болших порогов страшных и необычных, яко на велику гору верст по пяти и менши, с великим трудом и большею нуждею в малых судах на великия и высокия камени. Потребная же и запас весь обносят на рамех своих пороги те, и ничего же не остается от потребных в судах тех. Мнози же на тех порогах убиваются и до смерти человецы великия ради нужды“ (см.: Изборник слав. и рус. сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, А. Попова, с. 528)» [Арсеньев, 1882]. Эти цитаты интересны для нас тем, что одна из них содержит необычную форму Онгара.

По каким-то причинам от внимания исследователей ускользнул документ, важный для понимания того, к чему относилось название Онгара, и его содержание — это «Отписка Енисейского воеводы Федора Уварова, об обложении ясаком немирных тунгусов и о постройке острога при Байкале, близ устья Ангары», датированный 4 ноября 1646 г. То, что слова «при Байкале, близ устья Ангары» являются, с нашей точки зрения, топографическим абсурдом, очевидно, но мы отмечаем, что устьем Ангары, вопреки современной логике, назывался ее исток. В этом документе говорится, что атаман Василий Колесников «на Байкале в Култукте, не дошед за день до верхние Ангары реки, на устье Тикона реки...взял у них тунгусского князца Котегу... да другого князца Мукотея призвал на усть Ангары реки» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 68]. Этот текст на первый взгляд не содержит противоречий, за исключением того, что начало реки Ангары называется то верхом, то устьем. Но далее в том же документе мы читаем: «В прошлом де государь, во 154 (7154—1646 гг.) зимовали они с атаманом с Василием Колесниковым на Байкале озере против Олхону острова (неясно, на какой стороне, северной или южной. — *А. Б.*), и летом де за две недели до Петрова дни пошли они по Байкалу озеру возле левую сторону, и не дошед малые Ангары реки пришли на берег тунгусы князец Котега... на том де, государь, бою, тех тунгусов изымали и князца Котегу взяли и в аманаты его посадили. И пришли на усть малые Ангары реки и поставили острог... и атаман де, государь, Василий Колесников послал вверх по Онгаре реке в улус к Мукотею князцу

служилых людей... А по Ангаре де, государь, реке сказывают, что живут тунгусские люди и до вершины...» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 69]³⁴.

Кажется, никто из читавших этот документ не обращал внимания на то, что от берега Байкала вверх по известной нам Ангаре пойти никак нельзя. В то же время в этой отписке явственно указывается «Ангарская вершина», а не «усть», как назывался исток современной Ангары. Никаких оснований для того, чтобы думать, будто в отписке сведены и слиты известия о разных перемещениях казачьих отрядов, у нас нет: речь явно идет об одном походе. Объяснение такой ситуации может быть только одно — за названием Ангара в этом документе скрывается какая-то другая река, впадающая в Байкал, — вероятно, Верхняя Ангара, которая, как ясно из документа, могла именоваться Малой Ангарой. И это положение хорошо согласуется с приведенным выше известием Рашид-ад-Дина о том, что река Анкара-мурэн не имеет истока в Байкале.

Н. Г. Спафарий писал: «И река Ангара именуется к разделению к Нижней Ангаре реке, которая течет из Байкала, а река Верхняя Ангара река великая, а по ней есть острожек небольшой и зимовья многия промышленных и енисейских казаков. А река Ангара впадет в море тремя устьи, здесь другой кулгук Байкальского моря, се есть край» [Путешествие чрез Сибирь... 1882. С. 123]³⁵.

Странности с локализацией истоков Ангары не исчерпываются трудностями толкования и понимания сообщений Рашид-Ад-Дина об этой реке. В географическом словаре С. П. Гагарина 1843 г. мы читаем: «Ангара. Вытекает в Верхнеудинском уезде с г. Высокой, стремится с Востока на Запад, прорывается сквозь озеро Байкал, круто поворачивает на запад, вступает в Енисейскую губернию» [Гагарин, 1843. Т. 1. С. 74]³⁶. В словаре П. П. Семенова-Тян-Шанского Верхняя Ангара и Нижняя Ангара, или Тунгуска, описаны в статье с единым заголовком, но топографическое и физико-географическое описание этих рек таково, что речь идет явно о двух разных объектах [Семенов-Тян-

---

³⁴ В. К. Андриевич, излагающий описываемые в цитируемом документе события по «Сибирской истории» И. Фишера [Андриевич, 1887. С. 21—22], также не заметил топографических несообразностей в изложении. У него же атаман Василий Колесников назван Иваном, хотя у Фишера [Фишер, 1774. С. 548] — Василием, как и в документах.

³⁵ Здесь Верхняя Ангара — похоже, не современная Верхняя Ангара, впадающая в Байкал.

³⁶ Впрочем, так описывал течение Ангары и В. Н. Татищев: «Ангара, река в Сибири, начало ея в провинции Нерчинской, с востока течет на запад сквозь Байкал озеро и впадает в реку Верхнюю Тунгуску. По ней 10 порогов, чрез которые суда с немалым трудом и опасностью проходят» [Татищев, 1793].

Шанский, 1863. Т. 1. С. 97—98]. О неоднозначности соотнесения имени Ангара с разными объектами, в том числе с впадающими в Байкал реками, которые упоминаются в разных источниках, пишет и С. А. Гурулев [Гурулев, 1989. С. 14—17]³⁷.

В нашем распоряжении не так уж много фактов для того, чтобы предложить более приемлемое объяснение для гидронима Ангара. Что необходимо принять во внимание — во-первых, то, что название Ангара по ранним документам относится к верховьям Ангары от истока до Братска или устья Илима, но не ко всей реке. Средневековые письменные источники на самом деле не подтверждают ранней фиксации этого гидронима.

По-эвенкийски *о:нган* — ‘мелкая сосна, растущая на заливных берегах’ (множественное число *о:нгар*), слово с таким значением вполне могло быть принято за название реки, а *о:ннга:н* — ‘внутренний угол чего-либо’ [Сравнительный словарь... Т. II. С. 20а, 196], такое название у эвенков мог носить Култук, залив в западной части Байкала. Множественное число от имени существительного *о:ннга:н* выглядит как *о:ннга:р*. Наконец, возможно, что название реки Ангара происходит от тунгусского, собственно, эвенского слова *онга:р* ‘оленье коповище, место, где олени добывали мох’, то есть зимнее моховое оленьё пастбище.

У этих этимологий есть уязвимые места — согласно новым концепциям, эвенки в Прибайкалье появились относительно недавно, примерно 500—600 лет назад, и мы пока не располагаем картой их расселения в Прибайкалье и в бассейне Енисея в XVI—XVII вв., слово *онга:р* ‘оленье коповище’ пока не найдено в эвенкийских диалектах. Однако показательно то, что на реке с названием Ангара, согласно рассмотренному выше казачьему документу, жили только эвенки, даже нигде по соседству не было «брацких людей», то есть бурят, и следовательно, есть основания считать гидроним Ангара эвенкийским по происхождению, к чему бы он первоначально ни относился. Поскольку в бурятском языке последовательность гласных *о+а* внутри слова невозможна, то понятно, что гласный первого слога изменился на *а*, что породило созвучие данного топонима с теми словами, к которым его обычно возводили топонимисты. Отметим, что наши предположения так или иначе объясняют морфологическую структуру гидронима, в то время как интерпретации топонимистов-бурятоведов никак ее не комментируют, указывая лишь на основу. Так или иначе, но ресурсы

---

³⁷ В книге М. Н. Мельхеева «Топонимика Бурятии», охватывающей материалы по Иркутской области, Верхняя Ангара не упоминается [Мельхеев, 1969а. С. 112].

бурятского языка нам почти ничего не могут дать для объяснения гидронима Ангара — Анкара-мурэн, известного нам более 600 лет.

Гидроним Ангара для средневековых историков и географов был почти легендарным: под Ангарой Рашид-ад-Дин понимал среднее и нижнее течение Енисея, а исток ее определялся им где-то в среднем течении современной Ангары. Казаки, обследовавшие Байкал, явно называли Ангарой какую-то из рек, впадающих в Байкал в западной его части. В русских документах середины XVII в., содержащих сведения об Ангаре, не слишком много упоминаний о бурятах, и это дает нам основания считать, что название Ангара является по происхождению эвенкийским. Как сказано выше, Н. Спафарий, путешествовавший по Енисею и Ангаре в 1670-е гг., отметил, что современная река Ангара называется Ангарой только от Братска до ее истока — там, где во время его путешествия уже жили буряты, но как раз этот отрезок современной Ангары не назывался Ангарой ни во времена Рашид-ад-Дина, ни во время первых походов русских землепроходцев на Байкал. Соответственно, современный этнический контекст названия Ангара оказывается гораздо моложе самого названия.

2.6. Байкал

История топонима Байкал насчитывает в русских исторических и географических источниках три с половиной столетия, и, как это ни странно, примерно столько же времени это название известно и в восточных исторических хрониках. Вопреки распространенному среди топонимистов мнению, в «Сокровенном сказании» — монгольской исторической хронике XIII в., собственное имя Байкал не встречается. Этот топоним появляется в летописи «Алтан тобчи» Мэргэн-гэгэна, датированной 1765 г. ([Гурулев, 1982. С. 13—14], см. также: [Галазий, 1987]), но там он не поддается локализации. В переводе «Алтан Тобчи» мы читаем: «Бурийатский Оро Шингуши поднес августейшему, обладающему величием владыке сокола, пойманного около великого Байкала» [Данзан, 1973. С. 200], что не дает нам топографической привязки названия к местности.

Н. Спафарий отмечал в своих записках о путешествии: «А иноземцы все, и Мунгальцы и Тунгусы и иные, называют все Байкальское море своим языком Далай, се есть море, и иноземцы только двух озер великих называют Далай, одного Байкала, а другаго, из котораго течет река Аргуня, и о том где опишем реку Аргуню, и там учнем писать, а ныне опять напишем Байкал. И имя того Байкала видится что не русское, а называли его тем именем по имени некотором иноземца, которой жил в тех местах. А Байкальское море объезжают кругом мел-

кими судами многия недели, и мы здесь будем описать его кругом от устья реки Ангары, даже опять до устья реки Ангары, потому что кругом объехать его мало что не будет величиною против Хвальнскаго моря, которое в Астрахани, и против Чернаго моря, которое идет к Царюграду» [Путешествие чрез Сибирь... 1882. С. 120—121]. Фраза «...называли его тем именем по имени некотором иноземца, которой жил в тех местах» — самая ранняя из топонимических легенд о Байкале, являющая собой типичный пример легенды, по сюжету сводящей объяснение топонима к неизвестному антропониму, и одна из самых ранних топонимических легенд Сибири.

В. Н. Татищев в «Лексиконе» приводит ряд суждений о происхождении гидронима Байкал, причем часть из них основательно забыта, но интересна для истории науки, а другая часть прочно вошла в научный обиход: «Байкал татарски оставайся богат или будучи в обилии, но другие толкуют, мнится, правильнее Бай куль — богатое озеро. Страленберг сказует, еже сие имя на мунгальском или тунгуском языке великое море или озеро, что ему в разсуждении других около онаго озер не бесприлично» [Татищев, 1793].

Г. Ф. Миллер отметил: «Название „Байкал“, являющееся бурятским словом, в то время еще не употреблялось русскими. Вместо него они слышали от тунгусов название „Лама“, которое и было перенято русскими» [Миллер, 2005. С. 56].

Н. Я. Бичурин писал: «Байкал, по-монгольски Байгал, есть собственное имя, данное сему озеру монголами, первобытными обитателями его окрестностей. Китайцы, по их истории, еще в 119 году до Р. Х. видели Байкал с Боргойского хребта, и, вероятно, соглашая созвучность его имени с местоположением, в отношении к своему отечеству, назвали сие озеро Бэй Хай, что значит Северное море. Жители Восточной Сибири наименовали Байкал морем, единственно по его обширности, но он не имеет ни одного из качеств, свойственных морям» [Бичурин, 1991б. С. 154].

Нам известно, что Байкал в русских документах назывался Ламу, Лама, что по-эвенкийски означает 'море'. Один из документов, в которых слово Ламу выступает как название озера Байкал, — это «Чертежная роспись притоков реки Лены... и про Ламу, и про иные реки», датированная 1640—1641 гг. В этой «Росписи» слово Ламу как название озера Байкал встречается несколько раз — тунгус-информатор сказывал: «В прошлом де во 148 (= 1640) году летом ходят по Ламе в судех руские люди казаки» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 108]; «В Куленской вершине дорога на Ламу, а Ламу называют брацкие люди Байкалом озером» [Там же]; «А течет Лена река вершина ис ключей, а подошла та вершина ленская к Ламе блиско. А на Ламе и по Байкалу живут неясашные тунгусы кумкагири и чилка-

гири, а иных родов много... А на другой стороне Ламы живут брацкие ж люди, конные, а тунгусы оленные, а от тех де брацких людей в правую сторону по Байкалу к енисейской вершине живут люди точали, скотные. А Енисей река которую называют Тунгускою и Ангарою, вышла из Байкала озера» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 109]. Последний документ очень важен тем, что он содержит сразу три наименования реки, известной нам под именем Ангара.

Данный документ является исключительно ценным источником, так как он содержит некоторые детали, позволяющие нам очень надежно установить, какой именно географический объект назывался Ламу и что послужило причиной такого наименования озера Байкал, называемого также и своим современным именем.

Из этих цитат становится ясно, что словом *ламу* в нем называлось как собственно озеро Байкал, так и та часть его северо-восточного побережья, которая примыкает к истокам Лены. Что касается противоположного берега озера, то оно называется или «на другой стороне Ламы» (здесь за точку отсчета принято северо-восточное побережье), или «в правую сторону по Байкалу» (там, где речь идет о юго-западном берегу озера и истоке Ангары). Становится понятным, что в данном документе так или иначе, хотя и не вполне последовательно, отражена этническая дифференциация населения берегов Байкала. Часть его побережья, расположенная вблизи истоков Лены и заселенная эвенками (тунгусами), именуется по-эвенкийски Ламу ‘море’, другие участки побережья, в первую очередь южный берег и часть побережья у истоков Ангары, именуется по-бурятски «Байкал».

То, что наименование озера Байкал «Ламу», то есть «море», было услышано казаками от эвенков, причем по пути вверх по Лене от среднего течения к ее истокам, совершенно закономерно. В связи с этим любопытно отметить, что в относящемся к тому же времени другом документе — «Чертежной росписи речных путей от Енисейского острога» 1640—1641 гг., описывающей путь вверх по Енисею и Ангаре, название Лама отсутствует и озеро Байкал названо своим современным именем [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 112]. Это обстоятельство становится понятным: в тех местах побережья озера, куда можно попасть, двигаясь вверх по Ангаре, очевидно, эвенки в тот период не жили.

Таким образом, наименование «Лама», отмеченное в «Чертежной росписи притоков реки Лены...» относится не столько ко всему озеру Байкал, сколько к его северо-восточной части, где жили эвенки. При этом эвенки-информаторы составителей «Чертежной росписи...», по-видимому, знали и бурятское наименование озера — Байкал. Однако едва ли слово *ламу* ‘море’ из их родного языка было для этих эвенков именем озера и вообще именем собственным — скорее всего, оно ис-

пользовалось как географический термин, употребление которого устойчиво связывалось с ареалом проживания эвенков и который не распространялся на территории возле побережья, занятые их соседями-бурятами.

В словаре В. А. Никонова отмечается, что связь этого названия с тюркским корнем *бай* 'богатый' ошибочна, и приводятся ссылки на мнения Э. Р. Рыгдылона и Г. М. Василевич, выведившей данное название из «древнейшего» сибирского этнонима *бай* [Никонов, 2009. С. 39—40]. Е. М. Поспелов полагает, что название Байкал происходит от якутского слова *байхал* 'большая глубокая вода, море' [Поспелов, 2008. С. 92].

Д. Д. Нимаев, внимательно рассмотрев все высказанные в литературе точки зрения на происхождение имени Байкал, отмечает, что в недавнее время актуализировалось мнение, согласно которому это название состоит из тюркских корней *бай* 'богатый' и *кель* — 'озеро' ([Дашибалов, 1995. С. 153—155; Зориктуев, 1996. С. 24—25; Цыдендамбаев, 1972. С. 480]; см. также: [Janhunep, 2012. P. 69]), отмечая, что имеются сторонники монгольского происхождения этого названия [Буянтуев, 1951. С. 51—52], которое проникло в якутский язык [Рассадин, 1980. С. 66]³⁸.

Некоторые ученые, в особенности специалисты по якутскому языку, исходя из того, что в якутском языке имеются слова типа *байхал*, *байгал*, *байагал* в значении 'большая глубокая вода', высказывались за якутское происхождение этого названия [Гурулев, 1982. С. 60—61; Багдарыын Сюлбэ, 1985. С. 25; Географические названия... 2006. С. 34]. Однако скорее всего — и это, с учетом возможных путей миграции предков якутов на Лену и их контактов с монголоязычными племенами, логично — это слово может быть признано монголизмом в якутском языке. В других тюркских языках это слово отсутствует и параллели к нему не обнаруживаются. Д. Д. Нимаев заключает свою статью словами: «К началу XVII в., ко времени прихода русских, судя по дошедшим до нас их донесениям, имя Байкал уже было достаточно хорошо известным среди местного населения. Если учесть, что название Байкал (Байгал) стало употребительным и в монгольских летописях XVII—XVIII вв., то можно предположить, что где-то примерно после XI—XII вв., когда монголоязычное население в регионе становится численно преобладающим, это имя начинает закрепляться за морем-озером в своем современном звучании» [Нимаев, 2003. С. 127—128].

---

³⁸ Указание И. Э. Фишера «Имя Байкал на якутском языке означает богатое озеро» [Фишер, 1774. С. 547] справедливо по отношению ко многим тюркским языкам, но едва ли к якутскому.

Б. Р. Буянтуев, обсудив возможную тюркскую этимологию имени Байкал и все возможные истолкования его, исходя из бурятского языка, писал так: «Название „Байкал“ в той или иной форме, несомненно, принадлежит к числу самых древнейших географических названий этой территории и было широко известно не только предкам бурят-монголов, но и другим народам Центральной Азии и Дальнего Востока. Китайцы, например, не только знали о нем, но и давали ему свое, близкое бурят-монгольскому, название: „Северное море“ — „Пай (Бэй) Хай“. Можно поэтому предполагать, что и тюркские народы, называя это озеро Байкалом, не сами дали это название, а восприняли его от исконных жителей Прибайкалья, придав этому названию тюркоязычную форму, к тому же имевшую близкое смысловое значение» [Буянтуев, 1951. С. 51—52]. Мы не будем здесь касаться отождествления Байкала с озером Тенгис-Далай, или Тенгис, упоминаемым в «Сокровенном сказании» и более поздних исторических сочинениях [Данзан, 1973. С. 100, 304]. Первооткрывательский приоритет на озеро Байкал для аборигенных этносов Сибири определенно не может быть установлен, упоминания о нем в средневековых источниках, как кажется, не содержат его имени, если не считать, конечно, отмеченного С. А. Гуревым арабского названия.

Г. М. Василевич, на мнение которой ссылается В. А. Никонов, полагала, что гидроним Байкал может связываться с этнонимами Сибири, имеющими звучание «бай» [Василевич, 1946. С. 42—43]. Это утверждение лишено доказательной силы, поскольку на уровне современных знаний народы, не имеющие родственных связей или имеющие очень отдаленные родственные отношения, не могут иметь одинаковых «древнейших» этнонимов с полностью идентичными тремя начальными звуками, и тем более топонимы не могут образоваться от несуществующих «древних» этнонимов. Такие утверждения остаются в науке только как дань ее истории.

Если проанализировать все данные об этимологии названия Байкал, то придется признать, что ни одна из имеющихся версий не является удовлетворительной. Тюркское *бай-кель* сомнительно с этнолингвистической точки зрения и слишком похоже на народную этимологию³⁹, монголо-бурятские версии трактовки этого названия еще менее вразумительны, якутские названия водного пространства, скорее всего, сами происходят от имени Байкала. Как и в случае с гидронимом

---

³⁹ Прилагательное *baj* ‘богатый’ в тюркской топонимике употребляется в сочетании с существительными, характеризующими место, а не с аппеллятивами: ср.: *baj baliq* ‘богатый рыбой’ — название города на р. Селенге, *baj jġgac* ‘богатое деревьями’ — название местности [Древнетюркский словарь, 1969. С. 79], что делает эту этимологию названия Байкал очень уязвимой.

Ангара, во всех имеющихся этимологиях крайне уязвимой позицией оказывается морфологическая составляющая.

В этой ситуации уместно задуматься, а имеет ли вообще смысл искать объяснение имени Байкал среди алтайских языков?

У нас — и это довольно неожиданно — есть возможности сформулировать гипотезу о его происхождении из языка предполагаемого дотюркского и домонгольского населения Прибайкалья и Забайкалья. Юкагирское слово *вайгуол* ‘плавник’, ‘лес, выброшенный на берег водой’ не только внешне сходно с названием Байкала, но и принадлежит к географическим апеллятивам, связанным с границами воды и суши, — тому языковому материалу, который имеет для нас первостепенный интерес, и этимологии, связывающие топонимы с такой лексикой, всегда оказываются наиболее убедительными. В юкагирском языке нет начального звука *б-*, но, что важнее для нас, в бурятском языке нет начального *в-*, которое в заимствованиях заменяется на *б-*.

Возникает уместный вопрос: имеются ли другие юкагирские топонимы в Циркумбайкальском регионе? На этот вопрос придется ответить положительно. Название реки Лена, на наш взгляд, объясняется наиболее предпочтительным образом именно из юкагирского языка, *йойл-энунг* ‘река с крутыми берегами’, к чему с очевидностью восходит якутское название этой реки *Өлүөнэ*, *Элиэнэ* (см. 3.2.1).

Имеются вокруг Байкала и другие названия, которые по форме и предполагаемой семантике могут восходить к юкагирскому языку и тем самым указывать на былое присутствие юкагиров в этом регионе и заставлять задумываться над идентификацией каких-то археологических культур Прибайкалья и Забайкалья с предками юкагиров — во всяком случае, заметно, что об эвенкийском характере топонимии региона авторы даже в самых новых работах [Лиштованная, 2008. С. 21—26] пишут в основном по традиции. У Н. Спафария в описании его путешествия мы читаем: «Стан 3-й. Декабря в 21-й день ехали по той же речке немного и оставили вершину ея налево, а поехали направо по хребтам лесными местами и выехали на вершину иной речки и оттоле на степь, и переезжали реку Унду, и оставя реку Унду, поехали по степи по иной речке, которая падет в Унду, от стану 35 верст, и ночевали; а дорога есть и по Унде реке, только вож сказал, что зело худа, кочковата и караванам ехать трудно; а река Унда не велика, а вытекла из гор каменных, а впала в реку Онон, а внизу реки Унды кочуют Мунгалы» [Путешествие чрез Сибирь... 1882. С. 140—141]. Название Унда, не получившее идентификации, похоже на юкагирское слово *онди*, *ожи* ‘вода’, а название Онон, получившее малоубедительную этимологию у М. Н. Мельхеева⁴⁰, — на юкагирское *онун*, *энунг* ‘река’.

⁴⁰ М. Н. Мельхеев пишет: Онон, р., приток Шилки — предполагают, что название реки произошло от бурятского слова *оно(н)* — ‘развилинка’, ‘разви-

Наконец, странное для Забайкалья и явно русифицированное название Яблоновый хребет может не выводиться из бурятского Яблени-даба, а иметь общее происхождение с таким же названием — это река Яблон на Чукотке, Яблонная река русских документов XVII в., — название, которое по-юкагирски означает ‘Мертвая река’ [Топонимический словарь... 1989. С. 442]. По М. Н. Мельхееву, возводившему его к бурятскому слову *ябаха* — ‘ходить’, ‘ездить’, *ябгани-дабан*, *ябалгани-дабан* — ‘проходимый, проезжий перевал’, «смысл названия таков: хотя перевал высокий и томительный, но через него всегда можно пройти и проехать. Название это первоначально относилось к невысокому перевалу, через который осуществлялась связь между селениями, расположенными по обе стороны хребта»⁴¹. Предпочтительнее, на наш взгляд, в этом названии видеть юкагирское наименование, относящееся к безжизненным, голым и бесполезным для жизни людей горам.

В последние 10 лет топонимия Забайкалья стала предметом активного изучения. На материале географических названий этого региона отслеживаются процессы адаптации местных топонимов русскоговорящим населением [Федотова, 1999. С. 127—129; 2007. С. 256—259; 2008. С. 182—188; 2009. С. 84—93], переосмысления топонимов [Жамсаранова, 2007. С. 30—37], одновременно с чем рассматриваются и семантика топонимов и этнонимов [Федотова, 2009а; 2009б. С. 260—264; Жамсаранова, 2004. С. 15—19; 2010а. С. 64—67; 2010б. С. 122—128; 2011а. С. 19—23] и роль топонимов для историко-этнографических исследований [Федотова, 2001. С. 136—138; Жамсаранова, 2004а]. Активизировались исследования в области предполагаемой субстратной топонимии [Федотова, 1998. С. 32—33; 2008б. С. 18—23; Жамсаранова, 2006. С. 134—138]. Этот материал освещен в монографиях и словарях [Федотова, 2003; 2010; 2012; Руденко, 2003; Жамсаранова, Шулунова, 2003; Жамсаранова, 2005; 2005а], ищутся новые подходы к лексикографическому описанию топонимии и этнонимии в лингвокультурном и историческом аспектах [Федотова, 2002. С. 172—173; Жамсаранова, 2007. С. 414—421]. Привлекает внимание исследователей и микроэтнонимия этого региона, в которой они хотят выявить следы домонголо-бурятского и дотунгусского населения края [Жамсаранова, 2009а; 2010. С. 106—107; 2010в. С. 29—34; 2011. С. 142—150;

лок’, то есть р. Онон и Ингода образуют р. Шилку; смысл соответствует русскому термину *рассоха* (см.: [Мельхеев, 1995]). Данная этимология неубедительна вследствие того, что эта река могла бы получить такое наименование, если бы была открыта кем-то при движении с севера из бассейна Ингоды. Это маловероятно, поскольку как раз и Онон, и Керулен упоминаются в «Сокровенном сказании» и у Рашида-ад-Дина под своими легко идентифицируемыми именами.

⁴¹ В новом словаре «Географические названия Республики Бурятия» [Улан-Удэ, 2006] ороним Яблоновый хребет пропущен вовсе.

2011б]. Однако надо отметить в этих работах ряд серьезных проблем исследовательского характера. Во-первых, сами идеи о характере субстрата в Забайкалье основываются не на новых данных, а на фактах из работ М. Н. Мельхеева. Во-вторых, обоснование ряда построений оказывается искусственным — так, сходства в лексике бурятского и селькупского языков [Жамсаранова, 2009. С. 22—25; 2011в. С. 140—147] могут быть вызваны не тунгусским влиянием (оно невелико для бурятского языка и ничтожно для селькупского), а скорее сходством бурятской и татарской лексики и татарским влиянием на селькупские диалекты. В-третьих, роль этнонимии, представляющей географически удаленные ареалы, в сложении топонимического ландшафта Забайкалья, изолированного от мест расселения самодийцев и енисейцев, представляется переоцениваемой. В бурятском языке и эвенкийских диалектах Прибайкалья и Забайкалья не обнаружено следов самодийского субстрата, а этимологии этнонимов, основываемые на случайном или заданном подборе слов определенной группы языков, являются гипотезами второго-третьего порядков. К сожалению, построения топонимистов, касающиеся субстрата, не поддерживаются какими-либо идентификациями археологических культур Забайкалья с представителями самодийских или енисейских народов, а исследование связей бурятского и эвенкийского языков [Чимитдоржиева, 2003] основывается на привязанных к прибайкальской теории этногенеза эвенков представлениях, бытовавших у лингвистов с 1960-х гг. Наконец, в-четвертых, некоторые авторы, рассматривая архаические монгольские по происхождению топонимы, искусственно подводят их под факты бурятского языка, усматривая в архаичном облике названий специфику их адаптации русским населением [Федотова, 2007. С. 257; 2008б. С. 19—20]. Другие исследователи топонимики Прибайкалья и Забайкалья искусственно подстраивают факты под лексический фонд якутского языка [Чарпыков, 2002. С. 12—21]. В целом же при обсуждении проблемы дотунгусского и домонгольского субстрата в Циркумбайкальском регионе в свете новых фактов нам представляется более перспективным вести поиски юкагирского и чукотско-корякского, так сказать, восточнопалеоазиатского субстрата, поскольку материалы по самодийским и енисейским субстратным элементам на данной территории немногочисленны, они не имеют поддержки в лексике местных эвенкийских диалектов и бурятского языка, и, насколько нам известно, археологические культуры Забайкалья пока не имеют привязки к самодийским или енисейским народам.

2.7. Золотая Баба — идол или топоним?

Так называемая Золотая Баба, загадочная статуя, служащая культовым объектом коренных народов Западной Сибири, уже много лет

является объектом разностороннего обсуждения в науке о народах Сибири, в популярной литературе об истории Сибири и среди сакральных тайн культуры ее народов. Любой из подходов к этому объекту понятен и по-своему оправдан, поскольку свидетельства об этом памятнике в виде статуи женщины существуют в письменных источниках, по некоторым данным, около 700 лет, культовый характер данного объекта связывает его с традиционными религиозными воззрениями и верованиями народов Западной Сибири, именование этого предмета сообщений различных источников по материалу, из которого он сделан, вызывает к нему понятный интерес в связи с его ценностью (уже не только исторической, но и материальной), наконец, историческая и религиозная загадочность Золотой Бабы делает ее любопытным предметом для разного рода популярных экскурсов в историю Западной Сибири и Обь-Иртышского Севера на протяжении ее по крайней мере пяти последних столетий.

Несмотря на то что историки стремятся обсуждать достоверные факты, а археологи и этнографы предпочитают иметь дело с конкретными материальными объектами, рассказы о Золотой Бабе требуют к себе серьезного отношения если не в плане возможного отражения некоторой реалии, то, во всяком случае, в аспекте бытования некоего культурного концепта, изменяющегося во времени. Ниже мы попытаемся использовать доступные источники для того, чтобы с возможной достоверностью представить визуальный образ Золотой Бабы, оценить имеющиеся в нашем распоряжении данные с точки зрения духовной культуры народов Западной Сибири в нескольких направлениях — в стиле культовых и сакральных антропоморфных изображений, культурных представлений о телесности, характере культа и персонификации служителей таинственного божества, и наконец предложим собственную гипотезу об истоках образа Золотой Бабы в контексте религиозных культов народов Западной Сибири.

Как пишет И. Н. Ионина: «Самое древнее упоминание о загадочной Золотой Бабе встречается в Новгородской летописи за 1398 г.⁴² Записано оно было после миссионерской деятельности Стефана Пермского, который ходил по пермской земле: „Сей научи Пермскую землю вере Христове, а прежде кланялися зверем и деревом, воде, огню и Золотой Бабе“. Вслед за Стефаном шли стрельцы и разрушали языческие святилища пермяков, а на их месте ставили церкви.

О Золотой Бабе писали и иностранные ученые. В Западной Европе интерес к неведомой Югре (стране угров) возник благодаря сочинениям итальянца Юлия Помпония Лэта, который считал, что угры — предки современных венгров — участвовали в походе Алариха на Рим

---

⁴² На самом деле — в Софийской 1 летописи.

и в разграблении города. „На обратном пути, — пишет Помпоний Лэт, — часть их осела в Паннонии и образовала там могущественное государство; часть вернулась на родину к Ледовитому океану и до сих пор имеет какие-то медные статуи, принесенные из Рима, которым поклоняются как божествам“ [...]. Итальянцы считали, что Золотую Бабу вывезли из Рима угры, которые в союзе с готами разрушили Римскую империю, а Золотая Баба — это будто бы статуя Юноны.

Писал о Золотой Бабе и поляк М. Меховский в своем „Трактате о двух Сарматиях“: „За область, называемой Вяткой, по дороге в Скифию, стоит большой идол Золотая Баба... Соседние племена весьма чтут его и поклоняются ему“ [...]. С тех пор известия о Золотой Бабе стали широко распространяться, ее помещали на картах Московии англичане А. Дженкинсон и А. Вид. А. Дженкинсон, например, на своей карте сделал такую надпись: „Золотая Старуха пользуется поклонением у обдорцев и югры. Жрец спрашивает этого идола о том, что им следует делать и куда перекочевывать, и идол (удивительное дело!) дает вопрошающим ответы, и предсказания точно сбываются“ [...]. Особенностью этих карт являлось следующее обстоятельство: чем позднее карта, тем дальше на Восток отодвигалась Золотая Баба. Может быть, первоначально ей поклонялись только в пермских краях, а потом — в связи с христианизацией этих мест — ее перенесли за Урал?

Рисунки Золотой Бабы у разных авторов различны. У М. Меховского, например, это статуя стоящей женщины, у А. Вида — женщина с рогом изобилия, а у С. Герберштейна она изображена в виде богини Минервы с копьем в руке. Через восемь лет его же Золотая Баба напоминает сидящую Мадонну с ребенком на руках. Итальянец Гваньини писал, что Золотая Баба была вытесана из камня и представляла собой женщину с двумя детьми, одного ребенка она держала на руках, другой стоял рядом и назывался ее внуком.

Золотую Бабу почитали и славянской богиней. По многочисленным сведениям ханты, манси и русских старожилов, Золотая Баба долгое время хранилась в Белогорье — местности на Оби близ впадения в нее Иртыша. Это подтверждает и Сибирская летопись, в которой повествуется о приключениях Богдана Брызгина (Брызги. — А. Б.), ближайшего друга и соратника Ермака. После взятия в 1583 году остяцкого городка Самар он посетил в Белогорье мольбище остяков „богине древней; нага с сыном на стуле сидящая; приемлюще дары от своих, и дающе ей остатки во всяком промысле, а еже кто по обету не даст, мучит и томит; а хто принесет жалеючи к ней, тот пред ней пад умрет, имеща бо жрение и съезд великий. Егда же вниде им слух приезд Богдана, велела спрятатися и всем бежати; и многое собрание кумирское спрятаща и до сего дни“ [...].

Через некоторое время исчезнувшее из Белогорья божество объявилось в бассейне реки Конды. Его тайно перенесли туда белогорские ханты, но потом следы Золотой Бабы теряются. Православный миссионер Григорий Новицкий, проповедовавший в начале XVIII в. христианское учение остякам (Г. Новицкий, сын казачьего атамана, миссионером не был, он лишь описывал жизнь хантов и их отношение к религии. — А. Б.), пытался найти спрятанную статую и уничтожить ее, но сделать это ему не удалось. Он смог собрать лишь много ценных сведений как о самом кумире, так и тайном святилище, в котором хранилась Золотая Баба» [Ионина, 2005. С. 273—275].

Источником этого очерка явились комментарии к изданию иностранных ученых о Сибири [Алексеев, 1932. С. 114—119], выдержки из сочинений которых представлены и в популярной литературе [Плеханов, 1985].

Приведем отрывок из «Трактата о двух Сарматиях» М. Меховского: «Знай, в-четвертых, что в Московии — одна речь и один язык, именно русский или славянский, во всех сатрапиях и княжествах. Так, даже вогулы (Ohulci) и жители Вятки — русские и говорят по-русски. Они придерживаются одной веры и религии по образцу греческой. Все владыки (wladicae), то есть епископы (а их очень много), подчинены константинопольскому патриарху, получают от него утверждение и обязуются повиноваться ему. Исключение представляют козанские татары. Признавая князя Московии, они, вместе с сарацинами, почитают Магомета и говорят на татарском языке. Исключить надо также и иноземцев, живущих к северу от Скифии: они говорят на своих языках и наречиях и поклоняются идолам, как о том будет сказано в следующей главе.

Знай, в-пятых, что за областью, называемой Вятка, по дороге в Скифию, стоит большой идол, золотая баба (Zlota baba), что в переводе значит золотая старуха. Соседние племена весьма чтут его и поклоняются ему, и никто, проходя поблизости или гоня и преследуя зверя на охоте, не минует идола с пустыми руками, без приношения. Если нет приличного дара, то бросают перед идолом звериную шкуру или хоть волос, вытянутый из одежды, и, склонившись с почтением, идут дальше» [Меховский, 1936. С. 116].

Вот что можно прочесть у С. Герберштейна: «От устья реки Иртыша до крепости Грустины два месяца пути; от нее до озера Китая рекою Обью, которая, как я сказал, вытекает из этого озера, более чем три месяца пути. От этого озера приходят в большом множестве черные люди, лишенные общего всем дара слова... За Обью, у Золотой Бабы, где Обь впадает в океан, текут реки Сосва, Березва и Данадим, которые все берут начало из горы Камень Большого Пояса и соеди-

ненных с ней скал. Все народы, живущие от этих рек до Золотой Бабы, называются данниками князя московского.

Золотая Баба, то есть Золотая старуха, есть идол у устьев Оби, в области Обдоре; он стоит на правом берегу. По берегам Оби и около соседних рек рассеяно много крепостей, которых владельцы, как слышно, все подвластны князю Московии. Рассказывают, или, справедливее, баснословят, что этот идол Золотой Бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держит сына в утробе, и что там уже снова виден другой ребенок, который, говорят, ее внук. Кроме того уверяют, что там поставлены какие-то инструменты, которые издают постоянный звук вроде трубного. Если это и так, то, по моему мнению, это делается оттого, что ветры сильно и постоянно дуют в эти инструменты.

...Все, что я говорил до сих пор, переведено мною дословно из доставшегося мне русского дорожника. Хотя в этих известиях некоторое кажется баснословным и едва вероятным... (о чем я сам старательно разведывал, но не мог узнать ничего верного ни от кого, кто бы это видел своими глазами, хотя всякий ссылался на всеобщую молву, что это действительно так), тем не менее я не хотел ничего пропустить, чтобы другим доставить случай глубже исследовать это дело, почему я и употреблял названия мест те самые, которые употребляются у русских» [Герберштейн, 1988. С. 160, 336]. У устья Оби Золотая Баба помещается также А. Гваньини и Д. Флетчером.

Н. Витсен писал так: «В городе Тобольск занимаются всякими ремеслами больше, чем в каком-нибудь другом городе Сибири. С давних пор говорили в Европе и других местах, что жители и народы на реке Обь, около этого города, поклоняются статуе, называемой Злата Баба (Slata Baba), что значит 'золотая старуха', и считают ее своей богиней. Как бы старательно я ни исследовал это, я все же не мог найти подтверждения правильности этого. Только один знатный русский господин сообщает мне следующее: „У подножия горы, в Обдории (Obdorie), стоит высеченная статуя Золотая Баба в виде женщины. Слова Злата Баба означают 'золотая старуха'. Мне сообщают, что остяки и другие язычники — туземцы около Тобольска и на Оби, поклоняются дьяволу, который, они говорят, появляется им в виде женщины с детьми на коленях. У нее на теле звенящие колокольчики. Ее очень боятся и почитают“ [...].

Рутбекиус говорит, будто под словом Злата Баба подразумевается земля, а солнце и луна — это ее двое детей. Гуагнинус (Guagninus) говорит об этой богине следующее: „В области Обdoria, около устья реки Обь, находится некий древний идол из камня — Золота или Злата Баба, что значит 'золотая старуха'; у нее при себе двое детей, один на коленях, а другого она держит за руку. Говорят, это ее близкие

[neven — племянники]. Обдорцы (Obdorianen), любрисцы (Lubriscen), волнинцы (Volniensers) и другие окружающие народы поклоняются этой статуе. Ей жертвуют самые ценные меха — соболя и другую пушнину. Для нее режут самых жирных оленей. Мажут руки и ноги богини их кровью; потроха жертв они съедают в сыром виде.

Во время жертвоприношения жрец просит у статуи совета, что следует делать или не делать, переезжать им и поселиться ли в другом месте, или нет, и если статуя отвечает „да“, то говорят, будто в окружающих рощах и горах слышен звук, как от колоколов или труб, произведенный этой статуей, хотя, по всей вероятности, этот звук происходит от подземных ветров“ [...]. И здесь заканчивается сообщение упомянутого писателя.

В другом месте, в описании морских походов англичан, совершенных ими раньше в Московию, мы находим, что, когда переживают тяжелое время, голод, чуму и т. д., то поклоняются этой статуе богини. Они бросаются перед ней на землю, произносят в таком положении молитвы и ставят барабанчик. Окружающие кладут туда искусно сделанную жабу, затем ударяют палочкой по барабанчику. Тот человек, на которого прыгнет жаба, или около которого при ударе по барабану она упадет, падает как бы мертвым. Но с помощью этой богини, как они верят, он воскреснет для жизни. Он тогда может указать причину несчастья и средство избавления. Когда богиня удовлетворена, страна и народ освобождаются от несчастья, которое их преследовало. Но теперь так больше не делают»⁴³.

Если С. Герберштейн говорит о Золотой Бабе как о статуе в виде старухи (по представлениям народов Сибири, это должна быть женщина старше 33—35 лет. — *А. Б.*), в утробе которой находится сын и виден ещё один ребёнок — внук, то другие авторы пишут о ней как о статуе старой женщины с ребёнком на руках, рядом с которым находится другой ребёнок (*А. Гваньини*); как о женщине с детьми на коленях (*Н. Витсен*), как о женщине с рогом изобилия (*А. Вид*), как о скале, имеющей вид женщины в лохмотьях с ребёнком на руках (*Д. Флетчер*) или о женщине с сыном, сидящей на стуле (*С. Ремезов*: у обско-угорских народов в быту не было чего-либо похожего на мебель для сидения. — *А. Б.*). Изображение статуи с ребенком на руках и с подписью «Золотая баба» (*Slata baba*) имеется на карте Русского государства *Г. Меркатора*.

---

⁴³ Автор выражает благодарность профессору Тьеерду де Графу (Нидерланды) за возможность воспользоваться русским переводом книги *Н. Витсена «Северная и восточная Тартария»* (Витсен, 2009), по его электронной версии, а также электронным вариантом голландского текста *Н. Витсена*.

Русские ученые XVIII в. (Г. Ф. Миллер, И. И. Лепехин) развивали мысль о том, что Золотая Баба — древнее коми божество, статуя которого была увезена на Обь язычниками, не желающими креститься. Однако, как показывает анализ, проведенный исследователями этнографии коми, образ зарни ань — Золотой Бабы, скорее всего, вызван изложением русских историков XVIII в. [Конаков, 1999. С. 159; Коми энциклопедия, 2006]⁴⁴.

В качестве персонификации Золотой Бабы у разных авторов предполагались финно-угорская Йомала, Гуаньинь как одна из ипостасей Авалокитешвары, мансийская Сорни-Эква или Калтащ-Эква, изображение какого-то античного божества — Геры (Юноны) или Афины.

Если проанализировать описания обрядов приношения жертв и даров Золотой Бабе, то они близки к той практике, которая на самом деле характерна для хантов и манси. Не случайно исследователи (В. М. Кулемзин, З. П. Соколова и др.) видят в Золотой Бабе черты местного, пусть и привнесенного откуда-то извне, культа, статьи о чем включены в ряд энциклопедий [Кулемзин, 2000. С. 352; Северная энциклопедия, 2004. С. 363—364]. Если же сопоставлять разные образы Золотой Бабы с реальными антропоморфными изображениями народов Западной Сибири и в особенности с представлениями о телесности и женском начале у этих же народов, то здесь рассказы о Золотой богине с детьми и традиционными человеческими фигурками и образом женского тела в культуре западносибирских народов не будут иметь абсолютно ничего общего.

Так, образ женского божества у народов Югры должен был бы связываться с женскими куклами и женскими культовыми местами, но все рассказы о Золотой Бабе и служении ей связываются с мужчинами⁴⁵, исключений вообще не отмечено. Идея связи женщины с ее потомством, заслуживающей визуального или текстового отражения, в мифологии обско-угорских народов отсутствует, тем более невозмож-

---

⁴⁴ В самом деле, В. Н. Шишонко, составитель интереснейшей краеведческой хроники Пермского края, приводит рассказы о Золотой Бабе, ссылаясь на Н. М. Карамзина ([Шишонко, 1881. С. 17]. Есть электронное издание в серии «Электронная библиотека Югры»), что по меньшей мере странно. Как выясняется, неточность в указании летописи, где упоминается Золотая Баба, восходит именно к этому труду.

⁴⁵ Нам довелось в 1980-е гг. слышать от педагога, ученого-филолога и писательницы, кондинской манси Матрены Панкратьевны Вахрушевой-Баландиной (1918—2000) рассказ о том, что ее отец примерно во второй половине 1920-х гг. ходил на поклонение в места, где должна была находиться Золотая Баба, местонахождение которой уже тогда было тщательно скрыто — вот еще одно свидетельство массовости рассказов-быличек о таинственном священном идоле.

но ожидать от изобразительной практики этих народов — каких-либо сложных композиций и от угорского культового изображения — наличия одной фигурки внутри другой; столь же немыслимо и копье как атрибут сибирского женского божества. Известные нам антропоморфные изображения у ненцев, хантов и манси — куклы, изображения умерших — *иттерма* и др. отличаются стилистической примитивностью, в чем можно убедиться по массовым описаниям ненецких идолов (см.: [Бурыкин, 2004. С. 210—218]). Совершенно нереальным выглядит в контексте культуры западносибирских народов (ханты, манси, ненцы, селькупы) почитание женского, да и любого божества, изображаемого в обнаженном виде, что можно сопоставить с представлениями о запретах на демонстрацию женского тела, прекрасно сохраняющихся и в современной культуре этих народов — тем более такому божеству никак не могли служить мужчины. То, что сокрытие Золотой Бабы приписывается шаманам, — распространенная иллюзия: шаманы у народов Сибири не являются служителями культа божеств и верховных духов, функции хранителей священных мест у западносибирских народов и шаманские функции принадлежали разным лицам, а совмещение этих функций в лице шамана отмечалось только при угасании традиции почитания священных мест.

В проанализированных сообщениях привлекает внимание то, что у М. Меховского Золотая Баба не имеет женской персонификации, у Д. Флетчера речь идет о скале, похожей на женщину с ребенком (антропоморфная скала или камень — типичная сибирская иерофания, то есть культовый объект), а Г. Меркатор был склонен считать слова «Золотая баба» топонимом. Думается, не случайно у того же М. Меховского в рассказе о Золотой Бабе распространение русского языка среди манси (интереснейшая деталь!) соседствует с описанием татар.

По-татарски слова «Золотая Баба» должны были звучать как Алтын-Апа, где *apa* — общетюркский термин для обозначения матери или старшей родственницы. Известно, что у народов Сибири при помощи терминов родства для предков именуются священные, культовые, жертвенные места, связанные с культом предков или с представлениями о духах-хозяевах местностей как о перевоплощенных предках. Что касается первой части такого именованья, то понимание его как тюркского *алтун*, *алтын* 'золото' может быть признано вторичным и рассматриваться как следствие несовершенного понимания татарского языка, ситуация похожа на «конфетное» знание тюркских языков (Кара-кум) некоторыми топонимистами.

Таким образом, вполне возможно, что в основе онима Золотая Баба лежит сочетание слов Ал Тым-апа или Ал Тын-апа (наименование священного места в низовьях реки Тым — реального правого притока Оби или реки с похожим названием — Тын, Сын (Сынья), Сым и т. п.)

Такое наименование, будучи неверно понятым или неправильно переведенным на русский язык с татарского, инициировало сначала в среде русских, а затем и в среде ученых европейцев представления о богине, в которой синтезировались черты Богородицы — Девы Марии и образы богинь Древней Греции и Рима. Далее процесс конструирования образа пошел по нарастающей — в образе Золотой Бабы начало расти число деталей, образ становился все более и более проработанным и в конце концов стал связываться со все большим количеством времен и культур в среде исследователей и всех интересующихся и начал обрывать ирреальной таинственностью в культуре самих обско-угорских народов. То, что подобные представления никак не увязываются с женской образностью, телесностью и гендерным распределением культов и культовых функций в традиционной культуре обско-угорских и самодийских народов, странным образом остается незамеченным и поныне ⁴⁶.

---

⁴⁶ В некоторых рассказах о Золотой Бабе утверждается, что место, где она была скрыта, впоследствии было затоплено водами Оби при строительстве ГЭС. Гидроэлектростанция на Оби действительно есть, она находится в Новосибирске, много выше по течению от тех мест, где бытуют рассказы о Золотой Бабе.

Глава 3

НАЗВАНИЯ РЕК СРЕДНЕЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

3.1. Этнический состав древнейшего населения Якутии и смежных территорий по данным археологии и этнографии

Согласование данных археологии и этнографии при решении вопроса об этнической принадлежности тех или иных археологических культур — дело весьма сложное и неблагодарное как для археологов, изучающих древние памятники, так и для этнографов, описывающих культуру современного населения. К этому можно добавить и то, что интересы археологов и этнографов в этой пограничной области обычно диаметрально расходятся: археологи сосредоточивают внимание на памятниках большой древности, открывающих начальные этапы заселения человеком Восточной Сибири, в то время как этнографы испытывают острую нужду в материалах наиболее поздних культур, не слишком удаленных во времени от современной этнографической действительности. Вот почему этнические привязки известных нам археологических культур, известные нам по литературе, почти всегда оставляют почву для сомнения и скепсиса.

Надо сказать, что в последнее время в изучении археологических культур Якутии и вовсе обозначилась весьма здравая тенденция избегать прямых археолого-этнографических идентификаций: отчасти они сохраняются только при сравнении впервые описываемых памятников с памятниками известных ранее археологических культур. Во всяком случае, в публикациях последнего десятилетия почти нет попыток увязать те или иные памятники с каким-либо из известных нам современных этносов, а выводы фундаментальных трудов отличаются разумной осторожностью — заметим, что сделанные выводы, на наш взгляд, оказываются очень достоверными и находят подтверждение в том языковом материале, какой сохранился в топонимике и отчасти в заимствованной субстратной лексике.

«Одним из наиболее сложных вопросов, связанных с изучением каменного века Якутии, — пишет Ю. А. Мочанов, — является выяснение этнической принадлежности носителей отдельных культур. Подходить к его решению следует очень осторожно, не злоупотребляя поспешным отождествлением древнего населения с прямыми предками эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей, коряков и т. д., что, к сожалению, иногда еще делается некоторыми исследователями... За археологическими культурами каменного века Якутии, безусловно, стоят предки многих народов... В какой-то степени можно предполагать, что часть поздненеолитического населения оказала определенное влияние на формирование предков северо-восточных палеоазиатов. Правильность подобного предположения должны решить совместные работы археологов, этнографов, антропологов и лингвистов» [Мочанов, 1969а. С. 197, 198].

Исследования Ю. А. Мочанова и С. А. Федосеевой позволили систематизировать неолитические культуры Якутии, во времени лежащие наиболее близко к известным нам фактам этнической истории этого региона. Исследования этих археологов оказали большое влияние и на систематизацию археологических культур в соседних регионах — в Приохотье, на Верхней Колыме, на Чукотке и Камчатке (см.: [Мочанов, 1969; 1977]). Существует более или менее признанная гипотеза, которую сами авторы сформулировали следующим образом: «Можно предположить, что с дюктайцами связаны предки большинства американских индейцев, с сумнагинцами — предки эскимосов и алеутов, с белькачинцами — предки атапаскоязычных индейцев, с ымыяхтахцами — предки чукчей и коряков, с усть-милъцами — предки юкагиров, с различными культурными комплексами раннего железного века — предки эвенков и эвенов. Все это не более чем рабочая гипотеза. Действительность, конечно, была значительно сложнее» ([Мочанов, Федосеева, 1980. С. 11]; см. также: [Сафронов, 1992. С. 36]).

С. А. Федосеева, в 1960-е гг. изучавшая археологические памятники бассейна Вилюя, в отношении представленного там материала совершенно правомерно соотнесла их с памятниками глазковской культуры Прибайкалья, которые в этническом отношении традиционно после трудов Г. М. Василевич и А. П. Окладникова рассматривались как принадлежащие предкам современных эвенков [Федосеева, 1968. С. 165 и след.]. Появление в этой работе жесткой критики в адрес теории этногенеза тунгусов, изложенной М. Г. Левиным, на тот момент состояния изученности проблемы в высшей степени понятно и по-своему оправданно.

Вот что о проблеме этногенеза тунгусов писал сам А. П. Окладников в самой известной из своих книг о глазковской неолитической

культуре Прибайкалья — обычно именно с этой культурой и ассоциируются предки эвенков в восприятии тех ученых, которые обсуждают этногенез тунгусов по обобщенным пересказам: «Материальная культура глазковских племен в том виде, в каком мы ее знаем по археологическим остаткам... была чрезвычайно близка к культуре обитателей верховьев Амура и Северной Маньчжурии, а также Монголии, вплоть до Великой Китайской стены и Ордоса. „*Вопреки сложившимся представлениям* (курсив наш. — А. Б.), древнюю родину прибайкальских эвенков следует искать не столько в Прибайкалье, сколько к востоку от него вплоть до верховьев Амура“» [Окладников, 1955. С. 8, 9]. Позже к Прибайкалью при обсуждении этого вопроса он добавляет и Забайкалье [Окладников, 1975. С. 8—9]. Нетрудно увидеть, что при обсуждении данной проблемы смещение предполагаемой прародины тунгусов осуществляется в направлении на юго-восток — так, что в конце концов остаются возможности для полного устранения всех противоречий и разногласий.

Позже, в начале 1970-х гг., после основательного археологического изучения культур бассейна Амура, А. П. Деревянко пришел к однозначному выводу о том, что родиной пратунгусов, как и предполагал С. М. Широкогоров, был Дунбэй (Маньчжурия) и, по мнению самого А. П. Деревянко, Средний Амур [Деревянко А. П., 1976. С. 274, 278]. Он же, на наш взгляд, совершенно справедливо утверждает: «Неолитические племена Прибайкалья, Забайкалья, Нижнего Амура и Приохотья следует относить к палеоазиатским» [Там же. С. 278].

Под давлением новых научных данных и А. П. Окладников был вынужден формулировать новые предположения. Он писал в одной из своих работ, связанных с проблемой этногенеза тунгусов: «Отдельно в этой связи должен быть заново рассмотрен вопрос об этнической принадлежности носителей культуры прибайкальского неолита. Область позднейшего распространения юкагиров совпадает с ареалом памятников своеобразной, хотя и близкой во многом Прибайкалью, но существенно отличной от нее, особенно на поздних этапах, культуры неолита Якутии¹. Культура эта была распространена от Верхней Лены до Чукотки. ...Таким образом, неолитические насельники Прибайкалья и соседних регионов Забайкалья могут быть или представителями какого-то совершенно иного, неизвестного нам культурно-этнического пласта, или же они и есть „пратунгусы“, аборигены восточносибирской тайги. Как сказано выше, больше всего данных за второй ответ» ([Окладников, 1969. С. 90]. Цит. по кн.: [Деревянко Е. И., 1981. С. 264—

¹ Речь, вероятно, идет скорее об итогах работы С. А. Федосеевой на верхнем Вилюе, чем об ымыяхтахской культуре. — А. Б.

265]). Здесь еще оставляется какая-то возможность отождествления носителей культур Прибайкалья с «пратунгусами» и указывается на альтернативу — принадлежность этих культур протоюкагирам.

Очень важные дополнения к дискуссии о прародине тунгусов внесли антропологи: как отметил В. П. Алексеев, современные представители байкальского (тунгусского) антропологического типа не являются потомками носителей культур байкальского неолита, которые по присутствию европеоидных компонентов близки уграм и самодийцам, а ареал байкальского типа, контрастирующего с восточноазиатским, уходит на юг до южных границ Маньжурии [Алексеев В. П., 1986. С. 87—88, 90—91]².

По-своему примечательно то, что одним из первых археологов, отметивших факт проникновения черт культуры Нижнего Приамурья и южной части Приохотья в северо-западном направлении — направлении бассейна Лены и ее притоков, совпадающем с предполагаемым направлением миграции тунгусских племен с востока на запад и северо-запад, был Ю. А. Мочанов [Мочанов, 1970. С. 154], хотя его статья и помещена в сборнике, где преобладают диаметрально противоположные взгляды на проблему расселения тунгусов по Средней Сибири [Окладников, 1970. С. 8]. Ф. Г. Сафронов, внимательно рассмотревший прибайкальскую теорию этногенеза тунгусов в своей книге, согласился с тем, что тунгусы в Средней Сибири являются пришельцами, разделив мнение И. В. Константинова, Ю. А. Мочанова и С. А. Федосеевой [Сафронов, 1992. С. 46—48].

После фундаментального изучения и периодизации археологических культур неолита (сылахской, белькачинской и ымыяхтахской) на территории Якутии стало ясно, что они принадлежат более древнему, но определенно дотунгусскому населению этого региона. По весьма осторожно сформулированному мнению Ю. А. Мочанова, культурное наследие носителей белькачинской археологической культуры и сменившей данную культуру более поздней ымыяхтахской культуры сохраняется до наших дней в культуре народов чукотско-камчатской группы, особенно коряков [Мочанов, 1969а. С. 196; Сафронов, 1992. С. 44].

Такой же вывод сделан С. А. Федосеевой относительно более поздней, нежели белькачинская, ымыяхтахской неолитической культуры. Исследовательница справедливо полагает, что ымыяхтахская культура, охватывающая огромный ареал, который включает и Чукот-

---

² Выявляемые нами элементы субстрата в топонимике указывают скорее на юкагирский язык, также относимый к уральской семье, нежели на самодийские языки — здесь противоречие с результатами исследований антропологов отсутствует.

ку, может соотноситься с предками или родственниками современных чукчей и коряков. Она пишет: «Можно предполагать, что ымыяхтахцы сыграли немаловажную роль в сложении северо-восточных палеоазиатов. Не исключено, что какая-то часть ымыяхтахцев, ассимилированная новыми пришельцами, могла принять участие в этногенезе юкагиров» [Федосеева, 1980. С. 215].

Ымыяхтахская неолитическая культура охватывает довольно близкий к этнографической действительности временной интервал — по С. А. Федосеевой, датировки этой культуры составляют период 4200 ± 100 лет— 3300 ± 100 лет назад [Федосеева, 1980. С. 212]. Область распространения этой культуры распространяется далеко за пределы Якутии и охватывает также крайний северо-восток Азии — Чукотку. Причем связи этих двух регионов прослеживаются с самых ранних этапов неолита: по мнению С. А. Федосеевой, в знаменитом Усть-Бельском могильнике на Чукотке представлены уже сылахская и белькачинская археологические культуры, являющиеся предшественниками ымыяхтахской культуры [Федосеева, 1982. С. 90—91]. Н. Н. Диков считает, что усть-бельская культура Чукотки и культуры Северного Приохотья имеют черты сходства с ымыяхтахской культурой и культурами Средней Лены, начиная с сылахского этапа (4 тыс. до н. э.) [Диков, 1979. С. 147, 149]. Для нас весьма важно, что частично область распространения ымыяхтахской культуры совпадает с областью расселения чукчей и коряков, причем это имеет место как раз на той территории, которая в наименьшей степени в обозримом прошлом была подвержена миграциям и изменениям состава населения. Частично же территория, на которой в прошлом жили носители ымыяхтахской культуры, — как раз та ее область, на которой расположена современная Якутия, — охватывается несколькими последовательными периодами миграций из соседних регионов и, соответственно, последовательной сменой населения. При этом абсолютная периодизация этнокультурных процессов, прослеживаемая на основе датировок, и относительная периодизация, выраженная в последовательной смене или изменениях самих культур, в целом совпадает с периодизацией археологических культур.

Исследователи отмечали, что ымыяхтахская неолитическая культура, распространенная на огромной территории, существовавшая в течение длительного времени и окруженная по крайней мере с трех сторон соседствующими культурами, представляющими иные этносы, скорее всего, представляла не один, а несколько народов, то есть была полиэтничной [Арутюнов, 1983. С. 257—258]. Это замечание практически не вызывает споров. Другое дело, что требует обсуждения такой вопрос: принадлежали ли носители ымыяхтахской культуры к одной этнической группе и находились ли они в близком родстве друг с дру-

гом, например, как эвенки и эвены или как чукчи и коряки, или же они принадлежали к этнически различным группам, как, к примеру, чукчи и юкагиры. Вопрос этот чрезвычайно сложен, но, скорее всего, ымыяхтахская культура, особенно на ее позднейших этапах существования, представляла единую этническую общность — и тут совершенно правы Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева, видящие в носителях этой культуры предков «северо-восточных палеоазиатов». Решение вопроса о том, к какой именно группе «палеоазиатов» принадлежали ымыяхтахцы — к предкам чукчей и коряков или же к предкам юкагиров, также подсказывается трудами этих археологов: более чем вероятно, что это были именно предки чукчей и коряков. Наши знания об этногенезе этих народов если и не основываются на таком утверждении, то, во всяком случае, не противоречат ему.

В археологических публикациях последних лет имеются интереснейшие факты, говорящие о том, что представителями древнего населения Якутии, в особенности ее северо-восточной части, были именно предки современных чукчей (родство чукчей и коряков является достаточно близким). В конце 1970-х гг. в низовьях Колымы было обнаружено захоронение молодой женщины, содержащее множество произведений искусства. Богатейшие материалы из этого захоронения, кажется, отвлекли внимание от двух чрезвычайно важных подробностей, имеющих, на наш взгляд, решающее значение для установления этнической принадлежности носителей культуры, которым принадлежало это захоронение. Очевидно, богатство костюма и украшений, найденных в этом захоронении, дало автору публикации основание сравнивать данную находку с известной находкой А. П. Окладникова в Прибайкалье и видеть среди деталей распашной одежды нагрудник глазковского типа [Кистенев, 1992. С. 77]. Однако, во-первых, согласно одонтологическому исследованию, погребенная в нем женщина в возрасте до 25 лет принадлежала к арктическим монголоидам [Кистенев, 1980. С. 79]. Из современных народов, представляющих коренное население этого региона, к данной расе принадлежат только чукчи. Во-вторых, среди прочих предметов в родинском захоронении были найдены граверные резцы [Кистенев, 1992. С. 81; Окладникова, Бурыкин, 2000. С. 107—108] — тут уже нет большой надобности говорить о том, что искусство резьбы по кости в наши дни характерно именно для чукчей, и о том, что аналогичные находки встречаются и в захоронениях крайнего северо-востока Азии, где чукчи проживают до настоящего времени.

Все сказанное выше заставляет сделать вывод, очень важный для всех дальнейших рассуждений и оценки полученных результатов исследований в рамках других научных дисциплин. Неолитические памятники Якутии не могут принадлежать предкам современных эвен-

ков и эвенов. С большей вероятностью они оставлены палеоазиатскими народами, конкретно — предками современных чукчей и коряков. При этом соотношение культур предков юкагиров и предков чукчей требует дополнительного исследования. Более того, до сих пор не вполне ясны этноисторические истоки этих народов, мало данных и о характере исторических связей юкагиров с чукчами и коряками. Те замечания, что посвящены этой проблеме в литературе, охватывают непродолжительный период, близкий к современности (см.: [Вдовин, 1972. С. 99—113]).

Вопрос о том, могут ли соотноситься предположения об этнической принадлежности археологических культур неолита Якутии и смежных территорий с предположениями о принадлежности древнейшего слоя топонимики тем же самым этносам, которыми оставлены данные культуры, вполне логичен. Но здесь даже при небольшом объеме данных, имеющихся у этнографов и лингвистов, противоречий с построениями археологов не усматривается.

Можно к этому добавить, что в этнолингвистических исследованиях большую роль играет и установление генетических связей языков и языковых семей, однако в интересующих нас случаях генетические связи не играют сколь-нибудь значительной роли. При исследовании собственно якутской и тунгусской топонимики Якутии не столь важно, являются ли якутский и эвенкийский языки родственными на уровне алтайской языковой семьи, так как крайне мала вероятность встретить в топонимике какие-то иные языковые формации, представляющие те же группы языков алтайской семьи. Не столь значимыми оказываются и нерешенные проблемы родства юкагирского языка и языков чукотско-корякской группы с языками других семей и групп — такое родство при его надежном установлении будет лежать на значительно большей хронологической глубине, нежели дошедший до наших дней топонимический материал. Наши топонимические выкладки как бы проверяются по данным истории и этнографии, разумеется, не без критического анализа этих данных, одновременно подтверждая эти данные или давая основание сомневаться в выводах других дисциплин. Практика исследования показала, что изучение языковой основы древнейшего слоя топонимики указанных регионов вскрывает ее принадлежность к двум языковым группам, а конкретно — к юкагирскому и чукотскому языкам.

Данный вывод, во-первых, является хорошей перспективой для того, чтобы подтвердить мнения археологов, отождествляющих часть неолитических культур Якутии и крайнего северо-востока Азии с юкагирскими и чукотско-корякскими народами. Во-вторых, и это не менее важно, становится ясно, что ни в словарном составе языков, ни в топонимике мы уже почти наверняка не сможем обнаружить признаков

неизвестных языков более древнего населения, которое представляло бы иные языковые семьи. Уже сейчас можно смело утверждать, что в тех пределах возможностей, какие имеет сравнительно-историческое языкознание, мы не обнаруживаем никаких достоверных признаков языков-субстратов, которые могли бы представлять древнейшее население этого региона и которые могли бы с течением времени раствориться в языках народов, принадлежащих к современному коренному населению северо-востока Азии. Рабочей картой, с помощью которой можно вести топонимические исследования, оказывается карта расселения народов Сибири по материалам XVII в. (см.: [Долгих, 1960; Топонимический словарь... 1989]).

3.2. Названия крупнейших рек Якутии

3.2.1. Лена

Начнем с того, что объяснение относящихся к особо крупным географическим объектам топонимов, как правило, не принадлежащих языкам тех народов, на территории расселения которых они фиксируются и бытуют, сопряжено с особыми трудностями и представляет собой крайне неблагоприятное и почти бесперспективное занятие.

Во-первых, здесь всегда крайне трудно найти новый скольконнибудь репрезентативный и внушающий доверие языковой материал, сопоставимый с анализируемым названием.

Во-вторых, еще более трудно и почти невозможно убедить кого-либо из ученых и тем более разноязычных пользователей топонима в своей правоте — объяснить, почему вновь предлагаемое объяснение лучше предшествующего или лучше, чем ничего, — в том случае, если название вообще не имело объяснения.

В-третьих, вопреки широко распространенному околонучному и даже научному мнению, некоторые несовершенства в объяснении того или иного конкретного географического названия, ежели они имеются, всегда лучше всего видны тому, кто берется его предлагать, и поэтому авторская осторожность часто в объяснениях граничит с кажущейся неуверенностью в достоверности излагаемого.

Название самой крупной из сибирских рек, впадающих в Ледовитый океан, — реки **Лена** не имеет ни надежного объяснения, ни даже традиции его истолкования, очевидно, в силу сложности самой проблемы и сложности этнической истории того региона, где располагается бассейн этой реки.

Река Лена стала известной русским землепроходцам достаточно рано, ранее тех географических объектов, о которых шла речь вы-

ше, — примерно в 20-е гг. XVII в. [Окладников, 1982. С. 161; Магидович И. П., Магидович В. И., 1983. Т. II. С. 268—270].

Г. Миллер писал: «В Мангазее рано начали предпринимать такие походы, и название „Лена“, несомненно, стало известным там раньше, чем в Енисейске, чему причиной была близость Лены к верховьям Нижней Тунгуски» [Миллер, 2005. С. 59]. Далее он продолжал: «...с Нижней Тунгуски были доставлены в Мангазею шесть „иноземцев“, назвавших себя буляшами и говоривших, будто бы они пришли с Оленьей реки, впадающей „в Лин, в большую реку“, по которой живет многочисленный народ; он занимается скотоводством, носит такое же платье, как и русские, живет в деревянных избах, похожих также на русские. С этим народом буляши, по их словам, вели торговлю. Это было первое известие о реке Лене и о якутах, оно на десять лет старше известия енисейских служилых людей» [Миллер, 2005. С. 60].

В 1632 г. на берегу реки Лены был основан Якутский острог — современный Якутск. В якутском языке до сих пор в названии столицы Якутии — *Дьакуускай, Дьокуускай* сохраняется старая форма названия *Якутский* — имеется в виду Якутский острог.

Интересные детали, касающиеся открытия реки Лены, содержатся в документе с названием «Наказ стольнику Петру Головину и дьяку Ефиму Филатову, посланным в Сибирь на реку Лену, для строения острога и приведения в русское подданство сибирских инородцев», датированном 6 августа 1638 г. В нем приводится рассказ мангазейского воеводы Андрея Палицына, который описывал реку Лену в Москве в приказе Казанского дворца «в прошлом во 141 году» (7141 = 1633 г.) [Русская историческая библиотека, 1875. Стлб. 960—972]³. В этом рассказе описан путь на Лену из Мангазеи, включая волок на Енисей, а также маршрут по Енисею через Нижнюю Тунгуску до устья реки Титем и далее по реке Чоне на Вилюю и далее на Лену [Русская историческая библиотека, 1875. Стлб. 962—963]. Судя по рассказу Андрея Палицына, датируемому, как отмечено, 1633 г. и записанному в Москве (следовательно, все сведения, которыми он располагал, поступили к нему почти на год раньше), ему была известна река Лена вверх от устья Вилюя почти до истоков: он знал, что вблизи истока Лены находится Байкал⁴.

Как справедливо отмечает Багдарыын Сюлбэ, по-якутски река Лена называется *Өлүөнэ* или *Элиэнэ* [Багдарыын Сюлбэ, 1985. С. 41; 2004. С. 37—38, 140]. Это название для нас важнее, чем эвенкийские

³ Анализ этого документа см.: [Сафронов, 1992. С. 83—87].

⁴ И. П. Магидович и В. И. Магидович полагают, что первый достоверно известный поход на Лену относится к 1630 г. [Магидович И. П., Магидович В. И., 1983. Т. II. С. 273].

формы *йээнэ/ленэ*, с которыми обычно сравнивается это название. По данным этнической истории бассейна Лены, насколько мы можем об этом судить сейчас, якуты появились на Лене все же раньше, чем эвенки. Якуты двигались вниз по течению Лены с юга на север и северо-восток, а эвенки — позднее — с востока на запад (см.: [Туголуков, 1985]). Русские же слышали название Лена от эвенков, следовательно, якутская форма Ёлюёнэ/Элиэнэ для анализа истории топонима важнее, нежели эвенкийская.

Однако Багдарыын Сюлбэ пишет: «Некоторые специалисты считают, что это сложное слово эвено-эвенкийского происхождения. Река в эвенском языке называется *ули*, а в эвенкийском — *йээнэ*. По всей вероятности, первыми из тунгусских племен Лену заселили эвены, отсюда и ее эвенское название — *Ули*, то есть река (такого названия реки Лены у эвенов нет. — *А. Б.*). А потом прибыли эвенки, оттеснили эвенов. Но название великой реки *Ули* переняли и стали называть ее *Ули йээнэ*, то есть *Ули*-река. Прибывшие позднее якуты *Ули йээнэ*, подчинив законам фонетики своего языка, стали произносить как *Элиэнэ* или *Ёлюёнэ*, а русские превратили это слово в Лену» [Багдарыын Сюлбэ, 2004. С. 37].

Здесь в языковом отношении ошибка на ошибке. Достаточно того, что река по-эвенкийски называется *бира*, а по-эвенски — *окат*, эвенкийское слово *йээнэ* извлекается не из словарей, а из непонятно чьих рассказов (а мы знаем, что даже словарная документация его фрагментарна и ненадежна), и неясно, к чему оно относится, а в эвенском языке слова *ули* ‘река’ нет совсем — это слово существует только в южнотунгусских языках, где в удэгейском языке оно приобрело даже значение ‘вода’ [Сравнительный словарь... Т. II. С. 260]. Соответственно, все рассуждения, основанные на этих словах, в содержательном отношении не годятся никуда. Мы уже не говорим о трактовке отношений между эвенами и эвенками — почему эвенки должны были обязательно оттеснить эвенов, а, например, не смешаться с ними? Потому что так хочется кому-то из исследователей, импровизирующих на темы истории собственного народа или территории? И почему вся история, особенно этническая, обязательно должна сопрягаться с военными действиями кого-то против кого-то?

Э. М. Мурзаев посчитал возможным увидеть в якутском названии реки Лены юкагирский топонимический формант *эну(нэ)* ‘река’, в его написании название этой реки выглядит как Эллю-энэ [Мурзаев, 1995, С. 137]⁵. Его обращение к новым языковым материалам в попытке

---

⁵ Этого же мнения придерживается и С. В. Попов [Попов С. В., 1987. С. 7], отводя те этимологии, которые явно лежат вне критики. То же см.: [Мельников, 2009].

объяснить этот гидроним в высшей степени похвально и его наблюдение в конечном счете оказалось верным — он не смог только найти основу названия Лена в словарях языков Сибири, запутавшись в собранных им же апеллятивах. Однако сейчас мы можем не только не соглашаться с его утверждением, что названия Енисей и Лена являются «этимологическими братьями» [Мурзаев, 1995. С. 150], но и показать, какова языковая основа названий Енисей и Лена и к каким языковым единицам они восходят⁶.

А. Г. Митрошкина в специальной заметке, посвященной этимологии названия Лена, присоединяется к мнению Э. М. Мурзаева об общности происхождения названий Лена и Енисей, а также повторяет ранее высказанные В. А. Никоновым и М. Н. Мельхеевым предположения о том, что русское название реки Лена восходит к эвенкийскому названию этой же реки *Ёлюёнэ*, имеющему значение ‘река, большая река’ [Митрошкина, 1980. С. 130—131]. Исследовательница пытается объяснить соотношение между формами представленного в этом гидрониме корня *йэнэ-/линэ-*, апеллируя к фактам эвенкийских диалектов, что само по себе достаточно корректно, однако в данном конкретном случае все эти рассуждения малоубедительны, поскольку эвенкийское слово *йэнэ* в словарях зафиксировано только как имя собственное — как название реки Яны. Получается, что этим словом эвенки не называют ни Лену, ни какую-либо из рек в Приамурье или к востоку от Лены. Версия А. Г. Митрошкиной повторена справочником по морской топонимике СССР без каких-либо дополнений [Справочник по истории... 1985. С. 185]. Предположение о том, что название Лена восходит к якутскому слову *лин* (*илин*) ‘восток’, промелькнувшему в литературе (см. о нем: [Кейметинов, 1996. С. 117—118]), недостаточно обоснованно и не имеет подходящей аргументации.

---

⁶ Как отмечалось выше, Н. К. Фролов считает, что название Енисей происходит от эвенкийского Ионеси, иондеси ‘Большая вода, большая река’ [Русская ономастика... 1994. С. 65—66]: «открыв» потенциальный этимон этого гидронима в форме мансийского «Ени-Ас» (точнее, Яныг-Ас, ‘Большая река’), хотя и в приложении к другой реке — Иртышу, он не заметил исключительной значимости своего наблюдения, которая помогла нам решить сложнейшую проблему в историографии сибирской топонимии. Версия, выводящая гидроним Енисей из таких слов в итоге существует, но неточность отражения мансийского названия в литературе и ошибка в языковой принадлежности названий Енисея, знакомых нам по источникам XVI—XVIII вв., не позволили разобраться в скоплении вопросов — в итоге же оказалось, что гидроним Енисей оказывается по происхождению ненецким, а слова Ионеси, иондеси ‘Большая вода, большая река’ определенно не являются эвенкийскими и вообще едва ли существуют в таком виде (см. выше: 2.4).

Завершая обзор мнений по поводу языковой принадлежности и значения гидронима Лена, следует обратить внимание на одно обстоятельство, имеющее исключительную важность для методики этимологического исследования топонимов. Лексическая единица Йэнэ попала в словарь Э. М. Мурзаева как географический апеллятив [Мурзаев, 1984. С. 238], в то время как, во-первых, не до конца ясно, является ли она апеллятивом или названием реки Лены, во-вторых, это слово определено не является общетунгусо-маньчжурским и даже общетунгусским — оно сравнивается с негидальским фольклорным *йанго* ‘река’ и удэгейским *йанго*, *йангата* ‘русло пересохшей реки’ [Сравнительный словарь... Т. I. С. 355a]. В эвенкийском языке есть слово *йэнэ* ‘река (большая)’; так же называется река Яна [Там же]⁷, многие считают, что от эвенкийского слова *йэндрэги* происходит название реки Енисей (2.4), хотя это слово у сымских эвенков является названием Енисея и ничем иным. В эвенском языке есть слово *Н'э:нэ* ‘Большая река’, однако не вполне ясно, то ли это заимствованное название реки Лены, что более вероятно, то ли редкое слово со значением «река»⁸, и похоже, что выяснить это уже невозможно — это слово, как объясняли знатоки языка, встречается только в фольклоре. Итак, слово *йэнэ* в эвенкийском языке весьма редкое, значение его не слишком определено и видеть в нем сколько-нибудь значимый тунгусский апеллятив весьма рискованно. Современные фольклористы-эвенковеды то переводят слово *янэ* как ‘Лесистая река’ [Кэптукэ, Роббек, 2002. С. 60 и 89; Варламова, Варламов, 2003. С. 139 и 166], для чего нет оснований, так как в узусе восточных эвенков оно не используется, то дают перевод ‘река’ без ремарок [Варламова, Варламов, 2003. С. 102 и след., 114 и след.]⁹. Ныне, так как стало ясно, что квазиапеллятив *йэ:нэ* встречается только у западных эвенков и попал к ним при заимствовании обско-угорского словосочетания Яныг-Ас (см.: 2.3; 2.4), вопрос о возможности использования этого квазиапеллятива для объяснения гидронима Лена или других гидронимов закрыт окончательно с отрицательными результатами для всех возможных гипотез.

---

⁷ Все другие слова, кроме рассмотренных нами выше, сведены в данной статье этого словаря ошибочно. Отметим, что значение «река Яна» в этом словаре почему-то дано для говора подкаменнотунгусских эвенков, которые определенно ничего не знают даже о реке Лене, а тем более о Яне, лежащей к северо-востоку от нее.

⁸ Полевые материалы автора: Северо-Эвенский район Магаданской области.

⁹ В текстах из указанных сборников слово *янэ* часто стоит в начале текста и используется по одному разу, что свидетельствует о принадлежности его к фольклорным клише и, таким образом, косвенно — о неисконности.

Сказанное позволяет понять, что, поскольку тунгусский языковой материал, пригодный для объяснения происхождения названия реки Лена, практически исчерпан, следует искать возможности для истолкования этого названия на основе языков иных семей — прежде всего на основе языков малочисленных народов Севера, составляющих аборигенное население Якутии.

В юкагирском языке есть слово *йойл*, которое имеет значение ‘яр, крутой берег реки’ [Курилов Г. Н., 1990. С. 74]: *йойнвагадьиэ* ‘небольшой яр в озере’, следовательно, по-юкагирски *йойл—эну(нг)*, *йойн—эну(нг)* — ‘река с крутыми берегами’. Крутые, обрывистые берега — яркая особенность рельефа, характерная для реки Лены в ее верхнем течении и отдельных мест в низовьях¹⁰. Это та самая юкагирская основа данного гидронима, которую не смог найти Э. М. Мурзаев в своих размышлениях об этимологии названия Лена (см. выше), выявив в нем юкагирский топоформант.

Юкагирская топонимика в верховьях Лены, насколько мы можем судить, представлена в небольшом количестве, но она существует. Юкагирскими по происхождению являются названия рек Марха — левый приток Лены и левый приток Вилюя, Мархара и Мархая в бассейне Вилюя, а также еще некоторые аналогичные названия в других местах — эти названия происходят от юкагирского слова *морхэ(нг)* ‘карликовая береза, ерник’ [Курилов Г. Н., 1990. С. 152]. В книге Багдарына Сюлбэ «Топонимика Якутии» говорится, что это слово — тунгусское (то есть эвенкийское) [Багдарын Сюлбэ, 2004. С. 12—13]¹¹,

¹⁰ В изложении этого нашего рассуждения во втором издании книги Багдарына Сюлбэ «Топонимика Якутии» умышленно снимается то, что название реки восходит не непосредственно к юкагирскому слову *йойл*, а к сочетанию *Йойл-эну(нг)* ‘река с крутыми берегами’, которое при заимствовании его в якутский язык и дало *Өлүөнэ/Элиэнэ*, а последнее, попав в русский язык, получило форму Лена. Думается, что Багдарын Сюлбэ намеренно уводит своих читателей от наиболее перспективных версий о происхождении топонимов Якутии, если эти версии высказываются кем-то другим, а не им самим.

¹¹ В этом издании Багдарын Сюлбэ отмечает, что топонимы, образованные от слова *марха*, часто имеют при себе тунгусские аффиксы [Там же. С. 13]. Кстати, само слово *марха*, вопреки цитируемому автору, означает не ‘кустарник’ (см.: [Там же. С. 12]), а ‘карликовая, ползучая береза, ерник’ — то есть то же самое, что юкагирское *морхэнг*. Самое поразительное то, что в другом месте своей книги Багдарын Сюлбэ цитирует слова своего корреспондента о местности Мархая: «В верховьях Чуоны, говорят, есть местность Мархая. Безлесная, заросшая ерником» [Там же. С. 63]. Здесь видно, что если для оценки трудов своих научных конкурентов автор использует одну модальность, то при изложении своего собственного материала — совершенно иную. Так, если местность Мархая заросла тем самым ерником, который по-

однако слова *марикта*, *маркар*, *маруг*, *марукаг* ‘марник, ерник’ разбросаны по отдельным эвенкийским диалектам и отсутствуют в других тунгусо-маньчжурских языках [Сравнительный словарь... Т. I. С. 591a], это почти со стопроцентной надежностью свидетельствует, что основа этих слов заимствована из какого-то нетунгусского языка. Таким языком оказывается юкагирский. Данная ошибка не принадлежит автору цитируемой книги — в языковой принадлежности слова *марха* ошибся услышавший его в Верхоянье И. А. Худяков, на которого ссылается Багдарыин Сюлбэ. По последним данным, диалекты верхоянских эвенов в лексике обнаруживают некоторые черты юкагирского субстрата¹².

Очень вероятно, что название еще одного притока Лены — Пеледуй происходит от юкагирского слова *паля* ‘камень’: *паля-д-эну(нг)*. Аналогичное происхождение имеет гидроним Пеледон — название одного из притоков реки Анадырь на Чукотке, а также, возможно, еще один гидроним Чукотки — название реки Паляваам [Топонимический словарь... 1989. С. 300, 303]¹³.

Сохранение названия реки Лена на всем ее громадном протяжении от района озера Байкал до Арктического побережья Якутии, на наш взгляд, обусловлено фактами этнической истории бассейна этой великой сибирской реки. И по данным археологических исследований неолитических культур Прибайкалья и бассейна Вилюя, и по данным этнической истории и истории расселения якутского народа переселение обитателей бассейна Лены осуществлялось в основном в направлении от верховьев этой реки к ее низовьям. При заселении обширной территории, прилегающей к бассейну Лены, эта река оставалась своеобразным природным географическим центром, объединяющим расселившиеся по ее притокам отдельные территориальные группы якутского народа. Эта река, как пишет А. И. Гоголев, стала психологическим и

юкагирски называется *морхэнг*, есть ли основания критиковать своих оппонентов за то, что они сравнивают такие топонимы с этим юкагирским словом?

¹² Багдарыин Сюлбэ во втором издании своего труда напрасно упорствует в отстаивании тунгусского происхождения топонимов типа Марха. Чтобы убедиться в нетунгусском происхождении этого слова, достаточно было бы просто заглянуть в сколько-нибудь объемный эвенкийско-русский или эвенско-русский словарь и обнаружить, что ничего похожего в этих языках не имеется. Но при этом обязательно полностью разрушатся легенды и домыслы, кое-как увязываемые с известными историческими построениями, но не имеющие надежной лингвистической и вытекающей из нее этнографической основы, которая дает более объемные и более реальные исторические перспективы.

¹³ Соответствующих слов нет в «Юкагирско-русском словаре» Г. Н. Курилова, отражающем лексику языка тундренных юкагиринов.

пространственным символом якутского народа, она сыграла большую роль в сохранении и консервации якутской культуры [Гоголев, 1997. С. 111—113]. Все эти факторы, на наш взгляд, и стали решающими для сохранения древнего названия великой сибирской реки на протяжении очень длительного периода истории.

3.2.2. Алдан

Алдан — название самого крупного из правых притоков Лены в Якутии. Это название до недавнего времени связывали с тюркским словом *алтан* ‘золото’ [Мельхеев, 1969а. С. 111]; хотя позднее против этой этимологии справедливо возражал Е. М. Поспелов [Поспелов, 1988а. С. 13], связавший это название с эвенкийским словом *олло*, *олдо* ‘рыба’ [Там же], что вовсе неприемлемо. Р. А. Агеева посвятила этому названию в своей книге 19 страниц [Агеева, 1985. С. 40—59], однако не смогла решить проблемы происхождения этого названия. Заслуживает внимания указание исследовательницы, что местные жители бассейна реки Алдан никогда не добывали золота и вообще золотоносность Алдана была открыта В. П. Бертиным только в 1923 г. ([Там же. С. 44]; см. также: [Мельников, 2009]). Р. А. Агеева приводит две новые этимологии гидронима Алдан — от эвенкийского слова *алдун* ‘каменное место’ и от слова *алдан* ‘наледь’ [Агеева, 1985. С. 41, 48], однако при этом она склоняется к тому, что название реки Алдан следует выводить из палеоазиатских языков, и высказывает предположение о его юкагирском происхождении [Там же. С. 52, 55]. Во втором издании книги Багдарына Сюлбэ «Топонимика Якутии» о гидрониме Алдан не сказано ничего нового по сравнению с известной литературой [Багдарын Сюлбэ, 2004. С. 114—118]. С. И. Николаев на основе местной легенды считал, что река Алдан получила имя от якутского слова *Аллан* ‘Просачивающаяся со дна’ [Николаев, 1964. С. 183], эта версия почему-то не вошла в научный оборот.

Название Алдан стало известно с начала 30-х гг. XVII в. В документах сообщается, что казак Иван Ребров был послан в 1631 г. из Тобольска в Мангазею, «а из Мангазейского города вниз по Вилюю на великую реку Лену в новые места. И с Лены шли по Алдану...» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 16, 153]. В 1636 г. на Алдане были казаки-томичи из отряда Дмитрия Копылова, в 1638 г. они основали Бутальское зимовье [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 14], однако в литературе справедливо указывается, что ранее отряда Копылова на Алдане побывали мангазейские служилые люди [Русские мореходы... 1952. С. 35]. Однако эта река ничем не заинтересовала землепроходцев и они докладывали в Москву: «А вверху де,

государь, по Алдану людей нет, а вышла Алдан река вершиною из пустого камня» [Русские мореходы... 1952. С. 34].

Р. А. Агеева хотя и не дала ответа на вопрос о происхождении названия Алдан, тем не менее справедливо отметила отсутствие сочетания согласных *лд* в якутском языке и наличие именно такого сочетания в говорах эвенкийского языка, ареал которых располагается неподалеку от реки Алдан [Агеева, 1985. С. 46, 50].

Если на территории Якутии в целом и в частности в ее среднем течении по обоим берегам, то есть в бассейне главных притоков Лены Алдана и Вилюя, прослеживается чукотско-корякская топонимика, то можно полагать, что название Алдан также восходит к чукотскому или корякскому языкам. Возможно, что гидроним Алдан восходит к чукотско-корякскому названию Гиллэн'вээм 'Ольховая река', происходящему от корякского слова *гиллэн* 'ольха' или даже от самого слова *гиллэн*'. Сочетание согласных *лл*, возможно, было заменено сочетанием *лд* либо непосредственно при заимствовании данного названия более поздними пришельцами-эвенками, либо при позднейшем изменении ареалов эвенкийских и эвенских диалектов, в которых также сочетания *лл* и *лд* соотносятся с разными диалектными группами. Начальный согласный *г* в чукотском и корякском языках является щелевым, а не смычным, как в русском языке, а в эвенкийском и эвенском языках щелевой звук *г* в начальной позиции невозможен — этим может объясняться причина утраты начального *г*- при адаптации топонима.

Предлагаемое объяснение происхождения гидронима Алдан является, с одной стороны, дальнейшим развитием идей, высказанных Р. А. Агеевой, с другой стороны, оно на сегодня ничем не хуже, чем другие этимологии этого названия, не связанные со словом «золото». Есть все основания считать это название не только доякутским, но с большой вероятностью и дотунгусским.

3.2.3. Вилюй

Вилюй — название одного из двух крупных притоков Лены, лежащего в самом сердце Якутии. Как и наименования многих крупных рек Сибири, дошедшие до нас из глубокой древности и восходящие к языкам древних обитателей этой территории, название Вилюй не объясняется из современного якутского, эвенкийского или эвенского языков.

Интересны обстоятельства открытия этой реки. Казалось бы, река, впадающая в Лену ниже Якутска, должна была быть открыта при движении отрядов землепроходцев вниз по Лене к Ледовитому океану. Но, как явствует из некоторых документов, река Вилюй могла стать

тем самым путем, которым небольшие казачьи отряды вышли на реку Лену.

Участник многих походов казак Иван Ребров в своей челобитной, составленной в 1649 г., говорил, что он задолго до этого, в 1631 (7139) г. «был послан ис Тобольского города в Мангазею... а из Мангазейского города вниз по Вилую на великую реку Лену в новые места» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 16, 153]. Это и означает, что уже в начале 1630-х гг. река Вилуя была известна как путь на Лену. Существенно, что название реки Вилуя во всех известных документах XVII в., где оно встречается, имеет единообразное написание, соответствующее современному русскому названию этой реки.

В. А. Никонов, а вслед за ним и Е. М. Пospelов [Никонов, 1966. С. 83; Пospelов, 1988а. С. 46] в своих топонимических словарях приводят мнение Г. М. Василевич о том, что это название происходит от чукотско-корякского корня *вил-/вэл-* со значением 'менять', 'продавать' и, возможно, восходит к наименованию такого места, где древние охотники и рыболовы вели между собой меновой торг (см. также: [Самсонов, 1989. С. 8]). Действительно, такой корень есть в современном чукотском языке: *вэльткогыргын* 'торговля' (по каким-то причинам языки, которым он принадлежит, в словаре Е. М. Пospelова не названы). Данное предположение можно назвать вполне вероятным — похоже, что именно так объясняется наименование реки Вилига, впадающей в Охотское море. Применительно к реке Вилуя такое предположение останется недоказанной гипотезой. Якутский лингвист П. П. Барашков связывал гидроним Вилуя с монгольским словом *бүгү* 'глухой, захолустный' (см. об этом: [Багдарыын Сүлбэ, 2004. С. 127; Кейметинов, 1996. С. 120; Мельников, 2009]), что крайне маловероятно. Багдарыын Сүлбэ во втором издании своего сочинения о топонимике Якутии дает обзор известной литературы со своими весьма своеобразными оценками [Багдарыын Сүлбэ, 2004. С. 124—127].

Топонимический фон как с формальной (языковая принадлежность), так и со смысловой стороны (значение названий) (имеются в виду другие гидронимы бассейна Вилуя) подсказывает иное истолкование названия реки Вилуя.

Один из левых притоков Вилуя носит название Марха¹⁴. Еще две реки в бассейне Вилуя носят названия Мархара и Мархая. Как мы уже отмечали (3.2.1), наименование Марха — по происхождению юкагирское, оно соответствует юкагирскому слову *морхэнг* 'береза', 'карликовая береза, ерник'. Обсуждая происхождение названия Лена, кото-

---

¹⁴ Указание И. Э. Фишера: «...в старинных письмах сия река называется Варка» [Фишер, 1774. С. 365, примеч. 37], скорее всего, отражает сходство данного гидронима с русским словом.

рое, по нашему мнению, также происходит из юкагирского языка (якутская форма Элиэнэ, Өлүөнэ соответствует юкагирскому *Йойл-эун* 'река с крутыми берегами'), мы обратили внимание на то, что топонимы Марха широко распространены на территории Якутии, а нередко они выступают как названия рек. И здесь нужно обратить внимание на следующее: далее к северо-востоку, на Чукотке, столь же широко распространен гидроним Вылгилвээм 'Березовая река', в переводе с чукотского *вылгил* — 'береза', *вээм* — 'река' (см. такие названия: [Топонимический словарь... 1989. С. 104, 111]). Отметим, что звук *г* в чукотском слове *вылгил* произносится не как русский взрывной [г], а как якутский звонкий щелевой [γ] или даже как русский [х] и якутский [h]. Тогда вполне вероятным будет предположение, что современное название Виллой — это чукотское название Вылгилвээм, адаптированное языками соседей чукчей — юкагиров и тех, кто пришел на Виллой позднее, а именно саха-якутов и эвенков. При этом юкагирские названия Марха, Мархара, Мархая будут не чем иным, как переводами чукотского названия Вылгилвээм 'Березовая река' на юкагирский язык, и это обстоятельство становится очень сильным аргументом в пользу сделанного предположения. Таким образом, получается, что Виллой — это «Березовая река». Самое интересное заключается в том, что еще три местных названия в чукотско-корякском топонимическом ареале (два на Чукотке и одно на Камчатке) были зафиксированы на картах как Виллой [Топонимический словарь... 1989. С. 104]. Очевидно, все они соотносятся с распространенным в этом же ареале гидронимом Вылгилвээм 'Березовая река'.

Если наше предположение относительно происхождения гидронима Виллой верно, то название реки Гиллой на севере Амурской области может быть объяснено похожим образом из близкородственного чукотскому языку корякского языка, в переводе с корякского *гиллэн* — 'ольха', тогда *Гиллэн* 'в'эем — это 'Ольховая река'.

3.2.4. Яна

Одно из самых ранних упоминаний о реке **Яне**, первой из крупных рек, лежащих к востоку от Лены, содержится в челобитной Ивана Реброва 1649 г. Согласно этому документу, казаки в Жиганске просились «итти в новое место морем на Янгу реку» уже в 143 (7143 = 1635) г. (см.: [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 153]). Возможно, Иван Ребров мог быть на Яне в 1636—1638 гг. (см. анализ тех же документов: [Казарян, 2002]).

Еще одно свидетельство о реке Яне — расспросные речи Постника Иванова, о которых еще будет идти речь ниже. На их основании якут-

ские воеводы П. Головин и М. Глебов докладывали: «...во 146 году (1638) апреля в 25 день пошел де он, Посничко, служивыми людьми из Якутцкого острогу на Янгу реку... А на низ де, государь по Янге реке и по Олье реке живут многие якутцкие люди...» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 100; Русские мореходы... 1952. С. 37]. В более старом издании этого же документа читается «...по Янге и по Онге реке» [Дополнения к актам... 1846. Т. 2. С. 241].

Итак, форма названия этой реки, встречающаяся в самых старых документах — не Яна, а Янга. Однако для установления происхождения названия этой реки важен и еще один документ — челобитная Михаила Стахеева 1647 г., где написано, что участники похода «пошли к Вянскому устью». Там же чуть ниже мы читаем: «И снявше пошли к Янскому устью, и у Янского устья их не было, неведомо куды пошли, в Яну или к Ендогинскому». Далее автор челобитной сообщает, что он «воротился для лыжной скудости нартами назад к Янскому устью, и в Янское устье замороз взял» [Русские мореходы... 1952. С. 68, 69]. Написание «к Вянскому устью» и очевидное повторение такого же написания, которое следует читать как «Вянское устье замороз взял» указывает на то, что в исконном виде названия этой реки мог быть начальный звук *в*-. Уже в XX в. издатели этого документа усмотрели предлог «в» там, где по смыслу его не может быть.

Если река Яна была открыта, как другие «сторонние реки», в ходе плаваний вдоль побережья Ледовитого океана на восток от устья Лены, то нет ничего удивительного в том, что эта река получила название по своему устью. В переводе с корякского *вангыйн'ын* — ‘устье реки’, еще ближе к этому названию корякское слово *енвын, ян'вын* ‘бухта’, но обратим внимание также на то, что форма, соответствующая чукотскому *э'рьян* ‘место переправы’, по-корякски звучала бы как *г'эйян* с начальным фарингальным *г'*, почти не воспринимаемым на русский слух.

Несомненно и чукотско-корякское происхождение названия реки Яна, впадающей в Охотское море несколько южнее Магадана. Возможно, оно соотносится непосредственно с корякским словом *вангыйн'ын* ‘устье реки’. Эвенкийское слово *йэнэ* ‘большая река’ и соответствующее ему эвенское *н'энэ* ‘большая река’, встречающееся в фольклоре (мы уже говорили о них при рассмотрении названия Лена, см. 3.2.1) едва ли можно считать собственно тунгусскими¹⁵. Связь последних слов и топонима Яна с ненецким словом *яха* ‘река’, имеющим общее происхождение с финским словом *joki* ‘река’, может быть лишь предположительной.

¹⁵ Тем не менее эта этимология гидронима Яна предлагается А. В. Мельниковым [Мельников, 2009].

Есть также версия, согласно которой название реки Яна происходит от якутского названия всей местности, лежащей за Верхоянским хребтом — *Дьяангы*, восходящего, как полагают, к эвенкийскому слову *янг* ‘сопка, голец’ [Багдарыын Сютлбэ, 1985. С. 92; 2004. С. 134]¹⁶. С. В. Попов считает, что гидроним Яна происходит от юкагирского этнонима-названия Янгинского рода, восходящего к юкагирскому слову *янгэ* ‘гусь’ [Попов С. В., 1987. С. 8], ср. юкагирск. *йангрэнг* ‘гусь’ [Курилов Г. Н., 2001. С. 114].

Остроумную гипотезу о происхождении названия реки Яна выдвинул Н. Н. Курилов. По его мнению, название реки Яна можно объяснить из юкагирского слова *йаа(нг)* ‘береза’, *Йаа энэ* ‘Березовая река’ [Курилов Н. Н., 1999. С. 75]. Эта гипотеза вполне имеет право на существование, поскольку в ее обосновании задействованы новые лексические материалы по языку нижнеколымских юкагиров.

Как мы уже отмечали в связи с гидронимом Лена, в эвенкийском языке словом *йэнэ* ‘река (большая)’ называется река Яна [Сравнительный словарь... Т. I. С. 355а]. Может ли это слово использоваться в значениях «река, большая река» — достоверно неизвестно, но в свете того, что мы знаем (см.: 2.3; 2.4; 3.2.1), крайне маловероятно, западные эвенки едва ли могли мигрировать на Яну. Основанные на этом интерпретации гидронима Яна не слишком правдоподобны: эвенки не являются автохтонным населением низовьев Лены и бассейна Яны, они пришли туда довольно поздно — за одно-два столетия до появления там отрядов русских землепроходцев. Значит, есть основания считать данные названия принадлежащими доэвенкийскому и доякутскому населению Арктического побережья Якутии и на основе общего топонимического фона идентифицировать его языковую принадлежность. Как мы пытались показать, имеются некоторые основания выводить название Яна из материала чукотского и корякского языков.

Любопытно, что именно в районе реки Яны находилась загадочная «Катылинская земля», где жили «люди катылинские» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 114], — эти названия в изданиях документов остались без объяснения. У нас ныне есть достаточно оснований считать их, во-первых, чукотскими по происхождению, во-вторых, достаточно понятными. Подробное разъяснение того, кем могли быть «люди катылинские» и как могло образоваться такое название, будет дано ниже, при обсуждении происхождения названия Камчатка (6.1.).

---

¹⁶ Источником этих сведений является, очевидно, труд В. Серошевского, где говорится: «Джянги, Нянгы, Янгы по-тунгусски значит ‘голые, безлесные вершины’, а по-самоедски — ‘тундра’» [Серошевский, 1993. С. 217, примеч.], однако эти построения отражают знание лексики тунгусских языков на уровне позапрошлого века. Подробнее см.: [Сравнительный словарь... Т. I. С. 341б].

3.2.5. Индигирка, она же Собачья

Индигирка — название одной из самых крупных рек, впадающей в Северный Ледовитый океан к востоку от Лены.

Одно из наиболее ранних упоминаний об Индигирке содержится в челобитной Ивана Реброва, написанной в 1649 г., но повествующей о гораздо более ранних событиях. В 143 (1635) г. казаки в Жиганске просились «итти в новое место морем на Янгу реку», то есть на реку Яну, с Яны собрались «итить по морю на новую стороннюю на Индигирскую реку, а Собачья тож». Дальнейшие указания позволяют датировать походы Реброва: «И был я, холоп твой, на той Индигирской новой реке, а Собачья тож, 3 годы, а на Янге, государь, 2 года, а по морю ходил 2 года. А преж меня, холопа твоего, на тех твоих государевых тяжелых службах на Янге и на Собачье не бывал никто...» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 153—154]. Значит, Иван Ребров мог быть на Яне в 1636—1638 гг., а на Индигирке — примерно в 1639—1641 гг.

Традиционная эвенская форма данного названия реки — Индигир, но ни из якутского, ни из эвенского, ни из юкагирского языков оно не объясняется. В. А. Никонов полагал, что гидроним Индигирка происходит от названия «племени Индигиры» [Никонов, 1966. С. 156], то же мнение повторил и Е. М. Поспелов ([Поспелов, 1988а. С. 75]. То же самое см.: [Попов С. В., 1987, С. 9; Мельников, 2009]), однако соответствующий этноним нигде не зафиксирован. Сравнить это название со сходно звучащим названием эвенкийского рода Киндигир не имеется достаточных оснований. В книге Багдарыына Сюлбэ (М. С. Иванова) «Топонимика Якутии» об этом названии ничего не говорится ни в первом, ни во втором издании. Верхнеколымские юкагиры сравнивают название этой реки с юкагирским словом *индирги* ‘маленькая сумочка’¹⁷, но это не более чем народная этимология, основанная на простом сравнении сходно звучащих слов.

В «Лексиконе» В. Н. Татищева приведена странная форма для этого гидронима, источник которой не определяется: «Индигар, река в Сибири немалая, течет в море Северное» [Татищев, 1793], хотя формы *Индигирь*, *Индигерь* для документов второй трети XVII в. обычны и ожидаемы.

Поскольку название реки Индигирка не находит убедительных объяснений ни в якутском, ни в эвенкийском или эвенском языках, и даже истолкования его из юкагирского языка не оказываются приемлемыми, очевидно, что рассматриваемый гидроним восходит к како-

¹⁷ Полевые материалы автора: с. Нелемное Верхнеколымского улуса Якутии, 1990 г.

му-то другому языку аборигенного населения Арктического побережья и прилегающих к нему территорий. Таким языком мог быть чукотский язык — часть чукчей проживают в Якутии на левом берегу Колымы, а в отдаленном прошлом территория расселения чукчей была более обширной и простиралась гораздо дальше к западу. Даже в фольклоре энцев сохранились рассказы о встречах с чукчами [Долгих, 1961].

Посничко Иванов и Федор Чюкичев, как явствует из расспросных речей 1646 г., были посланы «в новые в немирные земли коньми на Индигирку, а Собачья тож» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 142—143; Русские мореходы... 1952. С. 57]. Воеводы В. Н. Пушкин и К. О. Супонев в 1646 г. докладывали, что посылали «на Собачью, а на Индигирка тож, 16 человек» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 214; тот же текст на с. 216]. Годом позже они же писали: «На Индигирку, а Собачья тож, на перемену за безлюдством никово и не послано» [Там же. С. 249]. Название «Собачья» уже без пояснений фигурирует и в ранее цитировавшемся документе, сообщающем о Погыче. В 1646 г. те же В. Н. Пушкин и К. О. Супонев докладывали: «Ивашко Ерастов с товарищи 40 человек в роспросе сказали, что де они отведали ныне новую землю: вышод из Ленского устья итить морем в правую сторону под восток за Яну и за Собачью (Индигирка. — А. Б.), и за Олозейку и за Ковыму реки — новую Погычу реку. А в тое де, государь, Погычу реку впали иные сторонние реки. А по той Погыче и по иным сторонним рекам живут многие иноземцы разных родов неясачные люди, а ясаку никому нигде не платят. И напред де, государь, сего и по се число на той реке русских людей никово не было» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 215]. Еще раньше название реки Собачья встречается в челобитной Богдана Евдокимова и Петра Иванова 1644 г, посланных «на Собачью Индигирскую реку» [Русские мореходы... 1952. С. 42]. Наконец, в наказной памяти Максиму Телицыну, выданной на реку Оленек 31 июля 1642 г., говорится: «В прошлом 148 году (1640) ...тот пятидесятник Федка Чюрка самоволством на Оленек реку не пошел, а пошел он Федка на море к Собачье реке» [Дополнения к актам... 1846. Т. 2. С. 263].

Так же называет Индигирку и Михаил Стадухин: «Собачья, а Индигирка тож» [Русские мореходы... 1952. С. 60]. Насколько можно проследить, название Собачья держится за рекой Индигиркой по крайней мере до конца 60-х гг. XVII в. [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 89].

Итак, гидроним Индигирка не находит объяснения ни из эвенкийского, ни из юкагирского, ни тем более из якутского языка. Вероятнее всего, что в основе названия реки Индигирка лежит чукотское слово *йынрыйыр* ‘скалистый берег’, термин, от которого образован целый

ряд географических названий Чукотки: Индилин, Дженретлен и, возможно, некоторые другие. Индигирка знаменита среди других рек северо-востока Азии как раз своим стремительным течением и высокими обрывистыми берегами¹⁸. Некоторое видоизменение чукотского слова *йырыыйыр*, в частности появление внутри него звука *д*-, видимо, отражает особенности западного диалекта чукотского языка — например, в диалектах чукчей Билибинского района, как и в некоторых корякских диалектах, звук *й* произносится иногда как смягченное *дь*. Впрочем, и слово *йырын*, *йырылгын* ‘мыс’ на Восточной Чукотке, где такого явления не наблюдается, записано в качестве топонима как Дженретлен [Топонимический словарь... 1989. С. 131—132].

История появления названия Собачья применительно к реке Индигирке, на наш взгляд, выглядит следующим образом. Еще в 1638 г. Елисей Буза писал в челобитной, что за три года до того, в 1635—1636 гг., просился «для прииску новых землиц и твоего государева яшашнова збору на Сивирюю и на Ламу, по иным сторонним ленским рекам, которые своим устьем в море пали» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 96]. В 1640 г. ему была выдана наказная память «на Ламу, в левую сторону до Оленки [Оленека]» [Дополнения к актам... 1846. Т. 2. С. 240]. Этот документ важен тем, что понятие «Лама» распространялось и на реки, впадающие в Ледовитый океан западнее устья Лены. Не случайно Г. Миллер писал: «Эта часть Ледовитого океана была известна только по рассказам тунгусов, почему получила тунгусское название „Лама“». При пользовании старинными сибирскими архивными документами нужно быть осторожным, чтобы не принять одно море или озеро за другое, так как Ледовитый океан, Охотское море и озеро Байкал носили в то время одинаковое название» [Миллер, 2005. С. 75].

В 1640 г. воевода П. Головин докладывал: «А в роспросе он Пронька... сказал, ходил де он с енисейские десятником с Елескою Бузою по морю для проведывания Ламы реки и иных падучих рек в море...» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 102].

Объяснение слова *Ламу* как «реки, которые своим устьем в море пали», настолько точно, что вполне может быть включено даже в современный словарь эвенкийского языка. Эвенкийское слово *ламу*, кроме значения ‘море’, имеет также значение ‘река, впадающая в море’ (см.: [Бурыкин, 2000а. С. 89—96]). Однако очень рано это слово стало ассоциироваться с названием одной из рек — реки Охоты, которая на-

---

¹⁸ Странно, что Багдарыын Сюлбэ, активно откликнувшись во втором издании своей книги на наши объяснения гидронимов Лена и Колыма, оставил без внимания эту трактовку гидронима Индигирка, хотя названия всех этих рек Якутии были освещены в одной статье [Бурыкин, 2001. С. 87—92].

ходится совсем в другом месте — на Тихоокеанском побережье. Отсюда ремарка в комментарии к одному из документов: «Ламой казаки называли реку Охоту» [Русские мореходы... 1952. С. 42]. Таким образом, слово Ламу не только являлось названием реки Охоты (что хорошо известно), но и в течение какого-то времени служило общим названием для всех рек, впадающих в Ледовитый океан восточнее Лены (на что ранее не обращалось внимания)¹⁹. Как известно, и там и там несколько столетий назад проживали эвенки.

Вот как выглядел путь на Индигирку по отписке воеводы П. Головина 1640 (7149) г.: «...он, Посничко, с товарищы з 20-ю с 7-ю человек пошел коньми с Янги реки вверх по Толстаку реке (современный Тастах, по-якутски „каменистый, каменная река“. — А. Б.) на Индигерскую реку в юкагирскую землицу. И шел де, государь, он по Толстаку и через хрепты до Индигерские вершины многими неясными тунгусами ламутками по Индигерской реке вниз до юкагирской землицы 4 недели» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 100; Русские мореходы... 1952. С. 37]. Далее в документе упоминается уже не «Индигерская река», а «Индигерь»: «И в Индигерь же, государь, реку многие реки впали» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 101; Русские мореходы... 1952. С. 36—37].

Итак, путь к устью Индигирки, где жили юкагиры, лежал через земли, заселенные эвенками. Эвенкийское слово *ламу* ‘море’, ‘река, впадающая в море’ очень созвучно с юкагирским словом *лаамэ* ‘собака’ (нижнеколымский диалект). Таким образом, происхождение старого русского названия Индигирки — Собачья становится вполне объяснимым: вероятнее всего, оно возникло из-за смешения двух слов — эвенкийского *ламу* ‘море’ и юкагирского *лаамэ* ‘собака’.

Название Собачья, употреблявшееся по отношению к Индигирке, появилось довольно рано, в 1640—1641 гг., в челобитной Богдана Евдокимова и Петра Иванова 1644 г. говорится: «Да в прошлом, государь, в 149 (1641) году Енисейской пятидесятник Федор Чюрка ходил по морю с многими промышленными людьми искать тою Собачью реку» [Русские мореходы... 1952. С. 42].

В одном из документов — расспросных речах Андрея Горелого название Собачья употребляется применительно к другой реке — реке Оймякон, одному из притоков Индигирки в ее верховьях: «В прошлом де во 150 году (7150 = 1642) из Ленского Якуцкого острогу стольник и воевода Петр Головин с товарищы посылали их, служилых людей, Михалка Васильева Стадухина и его Ондрюшку с товарищы, всех

---

¹⁹ В. Серошевский писал еще более 100 лет назад: «Под общим именем Ламы казаки долго путали в одно: Ледовитый океан, Лену, Байкал, Амур, наконец, Восточный океан» [Серошевский, 1993. С. 191].

15 человек, через горы коньми на Омокон реку, а Собачья тож. А шли де они через Алдан реку до той Омокона реки 9 недель с вожи, и на той де Омоконе реке зимовье поставили... И с той де Омокона реки тот Михалко Стадухин послал ево, Ондрюшку с товарищи... коньми ж через горы на Охоту реки на вершины для тунгусов ламутцких мужиков. ...А ходили де они на ту Охоту реку с Омокона реки и назад шли до Омокона всего 5 недель...» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 70—71; Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 141; Русские мореходы... 1952. С. 55]. Опять-таки название реки Собачья появляется в тунгусско-юкагирской контактной зоне, хотя в данном случае, видимо, по недоразумению — однако не исключено и то, что именно река Оймякон считалась в то время истоком Индигирки.

В выписи о службах Семена Дежнева записано: «В прошлом де во 149 (7149 = 1641) году по указу великого государя послан он, Сенька, из Якутцкого острогу для прииску новых землиц на Яну, и на Индигирь, и на Ковымь (так!), и на Андырь реку... и был де он на тех разных собачьих реках 21 год» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 283]. Название Собачья, встречающееся не так уж часто (другие реки кроме Индигирки и Оймякона, так не называются), привело историков к мысли, что такое название получили те реки, на которых есть корм для собак [Ефимов, 1971. С. 112, примеч. 9]. Это, конечно, курьез, как и сделанное на основании реплики Дежнева обобщение И. С. Гурвича, будто бы и Колыма и Анадырь назывались собачьими реками [Гурвич, 1966. С. 12]²⁰. Хотя, определенно, какую-то роль в закреплении за рекой Индигиркой названия Собачья сыграло использование собак как транспортного средства. В расспросных речах Федора Чюкичева говорится, что он послан в 146 (7146 = 1638) г. «на Индигирку, а Собачья тож» (здесь непонятно, когда появляется глосса «Собачья», на момент события или при составлении документа), а население ее характеризуется так: «...люди сидячие, а ездят де они на собаках» [Русские мореходы... 1952. С. 57].

Гидроним Индигирка и некоторые другие географические названия чукотского происхождения заставляют сместить историческую границу расселения чукчей в XVII в. в западном направлении от ее нынешнего месторасположения и несколько пересмотреть время и характер становления отношений между русскими землепроходцами и чукчами и датировать первые контакты с чукчами более ранним временем, чем это предполагалось ранее, — примерно серединой 40-х гг. XVII в. (см.: 3.2.6; 8.7). Во всяком случае, более не приходится сомневаться в том, что «чюхчи», с которыми встречались казаки на террито-

²⁰ См. сочувственную оценку этого утверждения: [Сафронов, 1992. С. 92—93].

рии к западу от Колымы, — это настоящие чукчи, в чем сомневались исследователи первой трети XX в. Вероятно, в более ранний период территория расселения чукчей охватывала также бассейны Индигирки и, возможно, Яны ²¹.

3.2.6. Алазея

Алазея — название реки, впадающей в Ледовитый океан к востоку от реки Индигирки. Как позволяют судить известные документы, эта река была открыта русскими землепроходцами почти одновременно с Яной и несколько ранее, чем стало известно о реке Колыме, которая лежит еще дальше на восток от дельты Лены и устьев рек Яны и Индигирки.

Насколько можно судить по документам, часто составлявшимся много позже, чем происходили описываемые в них события, Алазея была открыта землепроходцами в самом начале 40-х гг. XVII в. Федор Чюкичев в 1646 г. показывал: «И в прошлом же де во 149 году (7149 = 1641) к ним на ту Индигирку реку на перемену служилые люди [пришел] Митька Михайлов сын Ярилков, а с ним 11 человек, и аманатов де у них взяли. И они, служилые люди, и с ними Митька Ярилков, 15 человек, зделав на той на Индигирки реки 2 коча, и пошли на тех кочах вниз тою Индигиркою рекою до моря и шли 2 недели, и с усть де Индигирки реки к востоку бежали по тому морю парусом до усть Алазей ²² реки вверх парусом и собою до юкагирского князца Ноогичай полтредить дни... Да к ним же де, к служилым, к зимовью приезжали на оленех чюхчи оленей продавать, а им де служилим людем, поимать их было за безлюдством не в мочь. А живут де те чюхчи промеж Алазейской и Ковымою реками на тундре, сказывают их человек с 400 и больши... А сказывали им, что де с Алазейки реки на Ковыму реку аргишом переезжают на оленех в 3 дни... И как они служилые люди, перезимовав на той на Алазей реки, на весны лед вскрылся, и они, служилые люди, Митька Ярилков, пошел с усть Алазей реки к востоку на коче, а с ним 11 человек на Ковыму реку» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 71—72].

Документ этот знаменателен — казаки из этого отряда впервые услышали про Колыму и первый раз встретились с чукчами, да еще в

²¹ К сожалению, нам осталась недоступной книга: [Дегтярев, Дегтярева, Слепцов, 2005].

²² Показательно, что в этом документе форма названия реки Алазеи точно соответствует тому, как произносят это название современные нижнеколымские юкагиры.

необычной для того времени ситуации — чукчи сами приехали к служилым людям продавать оленей. Есть еще одна примета, позволяющая утверждать, что приезжавшие к казакам люди были именно чукчами, — число 400, или «двадцать двадцаток», — это своеобразный предел чукотского счета, в котором важную роль играет число 20 — число пальцев на руках и ногах человека, чукотское слово «20» звучит как *к'ликкин* и содержит корень слова «человек, мужчина».

Федор Чюкичев называет ту реку, о которой он рассказывает, по-разному — Алазей, Алазейка и Алазейская, следовательно, устойчивого наименования эта река в то время пока еще не имела. Обращает на себя внимание последнее из наименований — если форма *Алазейская* была в принципе возможна, что скорее всего, то понималась она как «река алайских (алазейских) жителей».

В 1646 г. якутские воеводы В. Н. Пушкин и К. О. Супонев докладывали: «Ивашко Ерастов с товарищы 40 человек в роспросе сказали, что де они отведали ныне новую землю: вышод из Ленского устья итить морем в правую сторону под восток за Яну и за Собачью (Инди-гирка. — *А. Б.*), и за Олозейку и за Ковыму реки — новую Погычю реку». Стало быть, побережье Ледовитого океана между Индигиркой и Колымой было уже достаточно хорошо известным [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 215].

Гидроним Алазея попал уже в «Лексикон» В. Н. Татищева: «Алазея, река в Якутской провинции, начало из гор Якутских, в море Северное меж рек Лены и Ковыма, течения ея около 500 верст» [Татищев, 1793. Т. 1].

Поскольку гидроним Алазея всегда связывается с территорией расселения юкагиров, то было бы вполне логичным искать объяснение этого названия в юкагирском языке. Но в «Юкагирско-русском словаре» Г. Н. Курилова приведена только форма *Аласэй* с пометой «гидроним» и объяснением «название реки» [Курилов Г. Н., 1990. С. 23] — даже без указания, к какой именно реке данное название относится. В этом же словаре по соседству с названием *Аласэй* приводятся две формы названия одного из юкагирских племен — *алайши* и *алаады*: последняя, более знакомая по историческим документам, дана почему-то с пометой «искаженное» [Курилов Г. Н., 1990. С. 23], хотя именно это наименование, содержащее юкагирский суффикс *-ди*, образующий названия жителей от названий местностей, и следовало считать собственно названием «племени», как справедливо отмечает Б. О. Долгих [Долгих, 1960. С. 423]. Получается, что собственно юкагирское название реки Алазеи либо утрачено и заменено заимствованием из русского языка — а такое вполне возможно, или же эта река получила название по жившим на ней людям — юкагирам-«алайцам» (*алади*), но ни

название племени, ни название реки опять же не похожи на юкагирские.

Любопытно, что, согласно данным словаря П. П. Семенова-Тян-Шанского, правая протока устья Яны — ближайшей к Алазее из рек, соизмеримых с ней по величине, имеет название Аль-Еся [Семенов-Тян-Шанский, 1885. Т. 5. С. 960]²³. Компонент *ал* здесь, похоже, означает ‘низ, низовья реки’, ср. юкаг. *ал* ‘под’, *алһаргудэнг* ‘вниз по течению’, *алун* ‘внизу’ [Курилов Г. Н., 2001. С. 33—35], хотя совпадает в юкагирском и тюркских языках, видимо случайно. Формы данного гидронима, зафиксированные «Списком с чертежа Сибирской земли»: «А от того <Зашиверского> до Алазбинского зимовья ходу 3 недели, а стоит над Албазнею рекою», не очень понятны [Спасский, 1849. С. 7; Титов, 1890. С. 52], возможно, на них повлияло упоминание Албазина. Однако это мало что дает для надежной этимологии гидронима.

Н. Н. Курилов и С. Н. Курилова сообщили автору следующее: «Название Аласэй — это самоназвание местных, насельных юкагиров — *алаи*. Позже прибывшие роды юкагиров также называли полярное сияние — *алаип лачил*, т. е. огонь костров *алаи*. А вообще на юкагирском Аласэю называют Чамадэну — Большая река»²⁴.

Расшифровка названия реки Алазеи из чукотского языка также необычайно трудна вследствие неопределенности результата, который в этом случае может быть достигнут. Форма *Алахей*, зафиксированная для этого гидронима [Сибирская советская энциклопедия, 1929. Т. 1. С. 48], явно записана от якутов или от эвенов, и она ничего не дает для этимологизации. В чукотской топонимике встречаются сходные по звучанию названия, имеющие различные значения — такие как Элевээм ‘Летняя река’ [Топонимический словарь... 1989. С. 427], А’ляваам ‘река с проталинами’ [Там же. С. 60] или Ы’л-вээм ‘Снежная река’.

Однако представляется, что гидроним Алазея все же является юкагирским по происхождению. Вероятнее всего, в основе названия этой реки лежит юкагирское слово *элуодьилэ(нг)* ‘проталина’, *элуодьилэнг* ‘быть с проталинами’ [Курилов Г. Н., 2001. С. 594]. Именно эта этимология хорошо согласуется с формой названия данной реки Олозейка, зафиксированной в одном из докуменитов (см. выше). Вряд ли к этому названию имеет отношение юкагирское слово *ладьидьаа* ‘тихо, медленно, не спеша’. Что касается наблюдаемого материального сходства юкагирских и чукотских слов-апеллятивов, с помощью которых объясняются топонимы чукотско-юкагирской контактной зоны, то оно пока не находит убедительного объяснения.

²³ Алазея действительно была открыта со стороны моря, см.: [Магидович И. П., Магидович В. И., 1983. Т. II. С. 279].

²⁴ Письменное сообщение С. Н. Куриловой автору от 19 октября 2013 г.

Сам по себе топоним Алазея в том виде, в каком он становится нам известным, выглядит не столько как гидроним — неважно, юкагирский или чукотский; он в равной мере не похож ни на те, ни на другие, сколько как этноним — название территориальной группы людей, живших в этой местности. Но если принимать такое утверждение как рабочую гипотезу, придется признать, что название реки Алазея происходит от названия юкагириров-*алайи* или юкагирского названия какой-то территориальной группы местных жителей, которые, скорее всего, не были юкагирами и получили свое наименование по названию данной местности.

3.2.7. Колыма

Колыма — название этой реки прочно вошло в отечественную историю в связи с многими и разными по характеру событиями. Это и походы землепроходцев XVII в., и русские экспедиции по исследованию Восточной Сибири и побережья Северного Ледовитого океана в XVIII—XIX вв.

Относительно того, кто первым из землепроходцев и мореходов побывал на Колыме, долгое время идут споры. Б. П. Полевой считал, что первое зимовье на Колыме было поставлено М. Стадухиным, которому и должен был принадлежать приоритет в открытии этой реки [Полевой, 1984а. С. 6]. М. И. Белов считал, что Колыма была открыта Дмитрием Зыряном ([Белов, 1973. С. 214—215]; см. также: [Сергеев и др., 1998. С. 59—60]). Документы не дают однозначного решения этого спорного вопроса. Время открытия этой реки приходится на июль 1643 г. или самое начало 1644 г., т. е. на сентябрь. И. П. Магидович и В. И. Магидович указывают, что Колыма была открыта М. Стадухиным в июле 1643 г. [Магидович И. П., Магидович В. И., 1983. Т. II. С. 279].

В топонимике традиционно название реки Колыма связывается с древнейшим географическим термином — *-куул/-коол-*, участвующим в образовании многих гидронимов от Средней Азии до крайнего северо-востока Азии. Эвенское название Колымы — *Кулу* не имеет объяснения ни из эвенского, ни из родственных, ни из соседних языков, ее чукотское название *Экулымэн* считается переименованием из русского языка [Топонимический словарь... 1989. С. 198—199]²⁵.

²⁵ С заимствованием эвенами чукотского апеллятива *-куул/-коол* согласен и А. В. Мельников [Мельников, 2009]. С. В. Попов серьезно относится к идее о происхождении гидронима Колыма от «древнего эвенского» Кулу и отводит соображения Г. В. Ксенофонта о возможной связи гидронима с якутским *халыма* 'конусное жильё, покрытое дерном' [Попов С. В., 1987. С. 11].

В книге Багдарына Сюлбэ (М. С. Иванов) «Топонимика Якутии» об этом названии, как и о названии Индигирки, также ничего не говорится. В. А. Никонов отмечает, что этимология названия реки Колыма неизвестна, и уточняет, что, согласно одному из предположений, это название связывается с названием одного из юкагирских племен [Никонов, 1966. С. 201]²⁶, однако опять же какие-либо этнонимы, сопоставимые по звучанию с топонимом Колыма, у юкагиров и их соседей отсутствуют. В «Справочнике по истории географических названий на побережье СССР» приводится мнение геолога и краеведа П. В. Бабкина, который связывал современное наименование этой реки с ее эвенским названием Кулу. Там же приводится точка зрения Г. В. Ксенофонтова о том, что это название восходит к якутскому слову *халыма* 'конусообразное жильё, покрытое дерном' [Справочник по истории... 1985. С. 153]. Однако в документах XVII в. ни эвены, ни якуты в качестве жителей бассейна Колымы не отмечаются — они появились там позже, чем это название стало известно землепроходцам.

Надо признать, что даже в таких содержательных и основательных трудах, как «Топонимический словарь Северо-Востока СССР» В. В. Леонтьева, составленный блестящим знатоком чукотского языка, иногда встречаются просчеты. В данном случае налицо одна из методических ошибок, уходящая своими корнями в 30—40-е гг. XX в., когда и языковеды, и представители смежных наук чересчур легкомысленно обращались с языковым материалом, объявляя «древними» похожие по звучанию и значению слова, принадлежащие к самым разным языковым группам. Между тем сходство таких слов, как якутское *куөл* 'озеро' и чукотское *куул/коол* 'глубокая речка', может оказаться чисто внешним — строго доказать общее происхождение этих слов едва ли возможно. Кроме этих соображений, против предложенного сравнения свидетельствуют факты документов XVII в., сохранивших такой вид названия реки Колыма, который однозначно является более старым с точки зрения передачи звучания и даже грамматического оформления этого названия в русском языке.

Если принимать ставшую весьма перспективной гипотезу о чукотском происхождении большей части географических названий северо-востока Азии, область распространения которых смыкается с корякскими по происхождению названиями географических объектов на Охотском побережье до Амурского лимана, можно полагать, что название Колыма соответствует чукотскому названию Куйвивээм 'Наледная река'. Чукотское слово *куйвикуй* 'наледь' встречается во множестве названий рек на Чукотке [Топонимический словарь... 1989.

---

²⁶ Возможно, имеется в виду неясный микроэтноним *Когимэ*, но он слишком далек от рассматриваемого топонима по форме.

С. 209—211], обратим внимание, что старая форма названия реки, о которой идет разговор, в русских документах XVII в. — это Ковыма, что еще ближе к предполагаемому чукотскому источнику.

Некоторые документы, фиксирующие самые ранние известия о Колыме, сохранили первоначальную исходную форму названия этой реки, очень близкую к языку-источнику: «В прошлом де во 149 (7149 = 1641) году по указу великого государя послан он, Сенька, из Якутцкого острогу для прииску новых землиц на Яну, и на Индигирь, и на Ковымь (! — А. Б.), и на Андырь реку...» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 283]²⁷. Теперь ясно, что формы Ковыма и Колыма (совр.) — следствие неразличения форм мужского и женского рода в форме местного падежа на *Ковыме*, *Колыме* по крайней мере в разговорной форме. Еще одна такая же форма встречается даже раньше, в расспросных речах Постника Иванова: «А те Алазей и Ковым (здесь приведены архаичные формы названий обеих рек! — А. Б.) реки не в той стороне, где были томские служилые люди Нехорошко Колобов с товарищи» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 142—143]. Форма «на Колым реку» встречается еще в «Списке с чертежа Сибирской земли» 1673 г. по обоим изданиям [Спаский, 1849. С. 7; Титов, 1890. С. 53] и, по-видимому, отражает какие-то ранние источники.

На основании всего сказанного становится понятным, что хотя современное название реки — Колыма — не слишком похоже на свою исходную форму Куйвивеем, все же можно проследить, каким образом этот гидроним менял свой внешний облик, приспособиваясь к нормам языка тех документов, в которых он встречался. Эвенское наименование реки Колымы — Кулу, сохранившееся до наших дней в топонимике Магаданской области в ряде названий объектов в верховьях Колымы, видимо, восходит к чукотскому (или чукотско-корякскому) слову *куйвын* ‘наледь’, чем и известны притоки Колымы в ее верховьях.

Багдарыин Сюлбэ при обсуждении предложенной нами этимологии гидронима Колыма ставит рядом слово *куйвын* и топоним Кулу, намеренно умалчивая о том, что в документах XVII в. мы находим название не Колыма, а *Ковыма*, а в двух источниках даже и *Ковым*, и преследует одну цель — хоть как-то дискредитировать своих оппонентов и научных конкурентов [Багдарыин Сюлбэ, 2004. С. 129—133]. Что касается «загадки» названия Кулу, то, как можно думать, в его основе лежит форма эргативного падежа чукотского слова *куул*, имеющая вид *куулэ*. Эта форма вполне могла дать название Кулу при заим-

²⁷ Из документа явствует, что о Колыме и Анадыре землепроходцам могло быть известно уже с самого начала 1640-х гг.

ствовании ее эвенами от чукчей и, что еще более вероятно, якутами от эвенов²⁸.

3.3. Топонимы палеоазиатского происхождения на территории Якутии

Признание того, что гидронимы Виллой, Алдан, Яна, Индигирка, Колыма имеют чукотско-корякские этимологии, побуждает внимательно рассмотреть весь топонимический ландшафт бассейна Лены на предмет выяснения его однородности, а именно на предмет выявления топонимов с чукотско-корякской языковой основой. При этом особое внимание должно обращаться на топонимы с неясными этимологиями или с неустановленной языковой принадлежностью. Одновременно с этим вызывает интерес и степень распространения, и ареалы топонимов юкагирского происхождения.

Обратимся к материалу, представляющему интерес для нашей темы.

Амга — название левого притока Алдана. Надо сразу сказать, что топонимика бассейна Амги представляет собой самый загадочный ареал на всей территории Якутии — почти все гидронимы бассейна Амги до сих пор остаются без истолкования. Багдарыын Сюлбэ считает гидроним Амга тунгусским, восходящим к эвенкийскому слову *амнга* ‘рот, устье реки’ [Багдарыын Сюлбэ, 2004. С. 120—121]. Обычно такие сопоставления даже не требуют комментариев в отношении того, насколько они ненадежны и подозрительны во всех отношениях. Амга — достаточно длинная река, чтобы не называться по своему устью.

Можно с известной долей сомнения предполагать, что гидроним Амга имеет общее происхождение с названием реки Амгунь — одного из самых крупных притоков Амура в нижнем течении, поскольку бассейн Алдана и правобережье Лены заселялись тунгусами-эвенками и эвенами, пришедшими из района Охотского побережья. Выведение исходной формы для гидронима Амга, как и для гидронима Амгунь, крайне затруднительно. На языке негидальцев — обитателей бассейна Амгуни эта река называется *Эмн’ун* — Амгунь [Сравнительный словарь... Т. II. С. 4506]. Это название созвучно с чукотским словом *эмнун* ‘приречная тундра’, ‘речная долина’. Сходно звучащее слово есть

---

²⁸ Форма Ковыма в географических словарях присутствует до второй половины XIX в. как равноправный вариант к форме Колыма, см.: [Максимович, 1788. Т. 2. С. 229; Гагарин, 1843. Т. 2. С. 316]. Колыма или Ковыма. Форма гидронима Колыма утверждается позднее. См.: [Семенов-Тянь-Шанский, 1865. Т. 2. С. 698]. «Колыма — неправильно Ковыма». Там же дана отсылка от *Ковыма* к *Колыма* (С. 661).

в юкагирском языке — *эмудиэ* ‘речка небольшая’ [Курилов Г. Н., 1990. С. 349]. Вместе с тем некоторые варианты родовых названий эвенков, как считается, происходящие от названия этой реки, сохранили начальный звук [x] [Василевич, 1969. С. 283]. Из двух гипотез — название Амга либо соотносится с языком дотунгусского населения бассейна Алдана — предков чукчей или юкагиров, либо оно принесено эвенками или эвенами из района Охотского побережья, трудно сделать окончательный выбор.

Анюй — название рек Большой и Малый Анюй (по-чукотски, соответственно, Вылгилвээм ‘Березовая река’ и Мэйныуттывээм ‘Большая Дровяная река’), впадающих в Колыму, и протоки Сухой Анюй, располагающейся между ними. Традиционно название Анюй объясняется из юкагирского языка, где оно связывается со словом *онун*, *эну(нг)* ‘река’ [Топонимический словарь... 1989. С. 70]²⁹. У Багдарына Сялбэ ни в одном из изданий его сочинения об этом названии не написано ничего.

Интересно одно из самых ранних упоминаний об Анюе, встречающееся в наказной памяти Василию Власьеву от 5 июля 1647 г.: «А на Ковыме де реке вверх и по сторонним рекам неясачных иноземцов аленных и пеших много... А внизу сторонна река вниз пловучи с правой стороны реки Аноя, а на усть Аноя реки поставлено вновь ясачное зимовье. А по роспросу аманатов, что та Аноя река течет издалеца из озера... А на усть Оноя реки аленных мужиков человек с 300 и больше... А за хрептом за Каменем есть большая река Ковыча, а лесу де по ней мало, а люди де по ней аленные живут многие» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 235; Русские мореходы... 1952. С. 63]. В примечании ко второму изданию этого документа отмечается, что Оноя — искаженное Анюй [Русские мореходы... 1952. С. 64, примеч. 7]. Однако скорее наоборот, перед нами в данном случае более точная передача звучания данного названия, нежели его современная форма.

Если на устье Анюя находились «оленные мужики» в таком количестве, как говорится в документе, то это были, конечно, не юкагиры, а олени чукчи — от них, видимо, и было услышано это название. Поэтому более вероятно, что название Анюй восходит к чукотскому слову *йынройгын*, *йынройын* ‘приток реки’, ‘устье речного притока’, ‘место слияния двух рек’³⁰. Юкагирское слово *нын’ойколь* с тем же

²⁹ В указанных статьях этого словаря юкагирские слова приведены не вполне точно. Те же соображения, в том числе и относительно гидронима Анюй в Хабаровском крае, см.: [Мельников, 2009].

³⁰ Значение чукотского слова уточнено в устном сообщении Иваном Васильевичем Омрувье, редактором национального приложения «Мургин нутэ-нут» («Наш край») к чукотской окружной газете «Крайний Север».

самым значением [Курилов Г. Н., 1990. С. 190] довольно сходно с чукотским, но причины такого сходства непонятны — пока мы склонны полагать, что юкагирское слово могло быть заимствовано из чукотского языка. Данный географический термин «устье речного притока, место слияния двух рек» точно соответствует объекту на местности — другого подобного места, где бы сливались устья двух рек при впадении в третью реку, кажется, нет на всем северо-востоке Азии. Как и другие старые географические названия чукотского происхождения, название Анюй могло войти в обиход и появиться на картах, будучи воспринятым через посредство юкагиров. Хотя, как выше указывалось, в документах 40-х гг. XVII в. Малый Анюй назывался «Чюндона» — так могли называть верховья реки только юкагиры, которые, следовательно, и жили по берегам этой реки.

Название Анюй как гидроним известно также на большом удалении от мест нынешнего проживания юкагиров — в Приамурье, где река Анюй впадает в Амур несколько выше села Троицкое, центра Нанайского района. Это название обычно сопоставляется с южнотунгусским словом *уни, они* ‘река, небольшая речка’ [Сравнительный словарь... Т. II. С. 277а], однако возможно, что само это слово восходит к чукотскому *йынройын*: о чукотско-корякском языковом субстрате на Дальнем Востоке, который проявляется в лексике языков местного населения, говорилось уже не раз [Бурькин, 1984. С. 20—23; 2000. С. 69—73; Певнов, 1984. С. 7—8]. В. А. Туголуков отметил, что приамурский Анюй в прошлом имел другое название — *Дондон* [Туголуков, 1986. С. 100, примеч. 41], это название и впрямь выглядит совершенно как юкагирское. Вероятнее всего, оно происходит от юкагирского *чандэнг* ‘вверх, вверх по реке’, так как в юкагирских словах трудно ожидать начального [д].

О юкагирском слове *эну(нг), онун* ‘река’ как об апеллативе можно сказать, что оно имеет явное сходство с чукотским словом *эмун* ‘приречная тундра’. Случайно это сходство или нет — в настоящее время определенно сказать нельзя.

Буотама — река, правый приток Лены и **Улахан Буотобуя** — правый приток реки Вилюй. Напрашивается сравнение этих названий с чукотским словом *ватан* ‘ягель’, *Ватанваам* ‘ягельная река’ — такое название имеют по крайней мере восемь рек на Чукотке [Топонимический словарь... 1989. С. 99]. Финальная часть гидронимов достаточно сходна с чукотским словом *вээм* ‘река’, которое выступает в качестве топонимического форманта, а при заимствовании чукотских гидронимов выступает в роли их надежного идентификатора даже при фонетическом преобразовании самих гидронимов. Версия, согласно которой в основе этого гидронима лежит эвенкийское слово *во:та*

‘ограда’, ‘изгородь’, ‘преграда’, ‘запор на реке’, ‘огороженное место’ [Багдарьын Сюлбэ, 2004. С. 32—33]³¹, вызывает серьезные сомнения.

Калгын — название озера на левом берегу Алазеи в ее верхнем течении. Чукотское слово *к’элгын* означает ‘двойной, сдвоенный’, на карте в этом месте изображены два озера.

Котуй — левый приток реки Хатанга, возможно, от чукотского *кытылк’ын* ‘наст’ или *кытыск’ын* ‘сухое место’, ср.: название *Кыт-ваям* в бассейне реки Анадырь [Топонимический словарь... 1989. С. 220]. Не исключается связь данного названия и с чукотским *кыт-гыйгын* ‘ветер’: *Кытгыйгываам* — ‘Ветреная река’.

Кубуй — название озера в дельте реки Яны. Если допустить, что озеро получило наименование по реке, вытекающей из него или протекающей через него, то можно думать, что в основе названия лежит гидроним *Кыв’в’а-в’эем* ‘Пересыхающая река’, который соответствует корякскому по происхождению гидрониму Кубавеем — *Кыв’в’ав’эем*, названию притока реки Пенжины на севере Камчатки [Там же. С. 208].

Кутана — населенный пункт в Сунтарском районе. Вероятнее всего, что в основе этого названия лежит гидроним с названием, производным от чукотского слова *к’ытан* ‘место, где собирается рыба’, ‘незамерзающий ручей’. Название, которое возводится к этому слову, было широко распространено на северо-востоке Азии, так назывался поселок в бассейне Алдана, река Тауй, впадающая в Охотское море на территории Магаданской области, носила название Кутана-амар.

Лабынкыр — озеро. Вообще название этого озера, в котором, по некоторым рассказам, обитало чудовище, похожее на чудовище из озера Лох-несс [Шарина, Бурькин, 2001. С. 122—125], не привлекало внимания топонимистов. Возможно объяснение из юкагирского *лавйэдээку(нг)* ‘прорубь’, ‘озеро, где берут воду для питья’ [Курилов Г. Н., 1990. С. 112], но правомерно при допущении переноса названия по смежности с другого географического объекта истолковывать это название и из чукотского языка — от слова *лытйиквин* ‘гребень перевала’. Едва ли возможно напрямую связывать это название с эвенкийским словом *ламу* ‘море’ [Багдарьын Сюлбэ, 1985. С. 103; 2004. С. 154] и тем более толковать его как ‘озеро ламутов’ [Кейметин, 2000. С. 19—20]. Подобные объяснения названий, когда слово не может быть интерпретировано целиком, как правило, неприемлемы.

Багдарьын Сюлбэ во втором издании своего сочинения о якутской топонимике лихо пишет: «Лабынкыр — эвенское слово со значением ‘море’. Лаам — ‘море’, *-нгкур* — аффикс, указывающий на принад-

---

³¹ По данным «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» [Т. 1. С. 181а,б] в других тунгусо-маньчжурских языках это слово вообще не встречается.

лежность мужчины или группы людей к родовой организации» [Багдарыын Сюлбэ, 1985. С. 103; 2004. С. 83]. Во-первых, форма *лам* присутствует только в эвенкийских диалектах [Сравнительный словарь... Т. I. С. 490а] и она никогда не встречалась в русских документах. Далее, в эвенском языке нет суффикса *-нкур* с указанным значением — в эвенском языке суффикс названий жителей какой-то местности (а не принадлежности к «родовой организации») имеет вид *-нкан/-нкэн*, мн. ч. *-нкар/-нкэр*, а не *нкур*.

Лобуя — населенный пункт на правом берегу реки Колымы ниже Среднеколымска. Можно думать, название связано с представленным в чукотском языке словом *лыпэт* ‘белый гусь’. Однако возможно, что оно является юкагирским по происхождению и содержит слово *лавйэ* ‘вода, водное пространство’ [Курилов Г. Н., 1990. С. 111]. Здесь обращает на себя внимание сходство юкагирского слова *лавйэ* ‘вода, водное пространство’ с эвенкийским словом *ламу* ‘море’, едва ли оно случайно, но пока такие тунгусско-юкагирские лексические совпадения труднообъяснимы.

Мая — река, правый приток Алдана. Название этой реки может сравниваться с эвенским словом *ма:я* ‘продовольственный запас на 1—2 дня’, однако едва ли это слово является собственно эвенским — скорее всего, оно заимствовано из чукотского языка. По-чукотски *майык* ‘складывать в кучу’, ‘оставлять что-либо, чтобы взять в другое время’, *магны* ‘то, что оставлено, склад, лабаз’, *магйо* ‘оставленный на будущее время, сложенный в кучу’, есть в чукотском языке и форма *маймай* ‘склад, лабаз, то, что оставлено’ [Дуткин, 1995. С. 74].

Нянгылбыя — река, впадающая в губу Буор-хая с запада. Название похоже на корякское слово *лыгунэлвын* ‘березняк’, *лыгунэлвы-в’зем* ‘березовая река’ с хорошо знакомой нам мотивировкой.

Оймякон — река в верховьях Индигирки, населенный пункт, давший название современному Оймяконскому улусу в Якутии. Одно из первых упоминаний об этой реке — расспросные речи Андрея Горелого: «В прошлом де во 150 году (7150 = 1642 г.) из Ленского Якуцкого острогу стольник и воевода Петр Головин с товарищи посылали их, служилых людей, Михалка Васильева Стадухина и его Ондрюшку с товарищи, всех 15 человек, через горы коньми на Омокон реку, а Собачья тож. А шли де они через Алдан реку до той Омокона реки 9 недель с вожи, и на той де Омоконе реке зимовье поставили... И с той де Омокона реки тот Михалко Стадухин послал ево, Ондрюшку с товарищи... коньми ж через горы на Охоту реки на вершины для тунгусов ламутцких мужиков... А ходили де они на ту Охоту реку с Омокона реки и назад шли до Омокона всего 5 недель...» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 70—71].

Истолкование названия Оймякон и определение его значения сомнений не вызывает. Совершенно ясно, что значение этого названия — ‘полынья, прорубь, незамерзающее место на реке’, но его языковой источник пока неясен. Это может быть и эвенкийское *хэйум* ‘полынья’, ‘место, где зимует рыба в реке’, эвенское *хэйимчэ:н* ‘полынья’, как и думает Багдарыын Сюлбэ ([Багдарыын Сюлбэ, 1985. С. 99—100; 2004. С. 154]; см. также: [Самсонов, 1989. С. 17]). Но это вполне может быть и якутское *ойбон* ‘прорубь, лунка, продушина во льду’, диал. *ойомо* ‘полынья’, и юкагирское *ойбон* [Николаева, Шалугин, 2002. С. 54], вероятно, заимствованное из якутского; нельзя исключить и чукотско-корякское происхождение этого названия — ср.: чукотское *аймын*, корякское *аймыны* ‘прорубь’, и при этом направления заимствований этих слов из одного языка в другой пока не определяются. Э. М. Мурзаев счел название Оймякон эвенкийским [Мурзаев, 1995. С. 208], что достаточно правдоподобно, хотя это и трудно доказать в силу распространенности сходно звучащих слов со значением «полынья, прорубь» в других языках. Записанные С. И. Николаевым рассказы местных жителей о происхождении гидронима Оймякон от имени одного из местных жителей [Николаев, 1964. С. 182—183], оставшиеся без внимания якутских топонимистов, — не более чем обычная топонимическая легенда.

Олёкма — левый приток Лены в ее верховьях. Рискнем высказать предположение, что это название соответствует чукотскому Элгывык-вывээм ‘Белокаменная река’, хотя трудно сказать, как могли охарактеризовать цвет скал в бассейне Олекмы древние обитатели берегов этой реки. Во всяком случае, получит объяснение еще одно загадочное название, а к топонимическому фону бассейна Лены добавится еще один древний гидроним, который можно связывать с чукотским языком. Известное в литературе сравнение этого названия с эвенкийским словом *улуки* ‘белка’ [Самсонов, 1989. С. 8] выглядит малоубедительным и похоже на народную этимологию — тут нам скепсис Багдарыына Сюлбэ вполне понятен и мы с ним солидарны [Багдарыын Сюлбэ, 2004. С. 155—156].

Олер — река, левый приток реки Большая Чукочья, истоком реки Олер является озеро **Большой Олер**. Чукотский корень *илир/элер* ‘остров’ чаще встречается в названиях озер, но, вероятно, название было перенесено с озера на реку. Такое же название **Илиргытгын** ‘остров-озеро’ носит озеро между устьями рек Алазея и Большая Чукочья. На Чукотке название Элергытгын ‘остров-озеро’ носят по крайней мере два озера в Чаунском районе поблизости от восточного побережья Чаунской губы³². Очевидно, это же чукотское слово послужило

³² Полевые материалы автора; в «Топонимическом словаре» В. В. Леонтьева и К. А. Новиковой этих названий нет.

названием местности, изобилующей озерами, — **Олеринская тундра** в низовьях на Арктическом побережье.

Омолой — река, впадающая в губу Буор-Хая. Предположение о связи этого гидронима с именем юкагирского «князца», существующее в науке [Багдарыын Сюлбэ, 1985. С. 91; 2004. С. 76]³³, выглядит легендарным. Вопреки указанию «Справочника по истории географических названий на побережье СССР» эта река никогда не называлась Блудной — под последним названием одно время была известна река Омолон, впадающая в Колыму [Справочник по истории... 1985. С. 248]³⁴.

Нельзя исключать того, что название этой реки, впадающей в море, расшифровывается из чукотского языка как Уньэлвээм 'Лахтачья река'. В Иультинском районе Чукотки отмечено название Онолкытрын — *Онъял-к'ытрын* 'Лахтачья коса' [Топонимический словарь... 1989. С. 291].

Река Омолой подписана как «Омолон» в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова, поскольку собственно Омолон там же назван «Блуна», «Блудна» [Ремезов, 1882. Л. 29].

Омолон — река, которая под названием Блудная известна русским землепроходцам с конца 40-х гг. XVII в. В челобитной одного из первооткрывателей этой реки Ивана Баранова, датированной 1650—1651 гг., река называется по-русски — Блудная [Русские мореходы... 1952. С. 208, 292]³⁵.

Федор Чюкичев в 1657 г. писал, что отправился с Омолона с Усть-Баранихи на Чондон (Гижигу) [Там же. С. 258]. Иван Хворый в отписке воеводе Ивану Борятинскому в 1668 г. писал: «Был я, Ивашка, послан из Якуцкого острогу на государеву службу на Омолон реку, а по-русски на Блудную» [Там же. С. 297].

Название Омолон, похоже, закрепилось за одноименной рекой только в 80-е гг. XVII в., в 1684 г. Иван Гольгин, один из тех, кто первыми из русских побывали на Камчатке, называет реку Омолон [Там же. С. 313].

Название реки и поселка Омолон привлекло внимание лингвистов и специалистов по топонимике довольно поздно — только в 1960-е гг.

---

³³ Как часто бывает, Багдарыын Сюлбэ не указывает, где он прочитал об этом названии и этом князце.

³⁴ Данная неточность — повторение ошибки в указателях к сборникам документов по истории географических открытий (см.: [Открытия русских землепроходцев... 1951; Русские мореходы... 1952]), где в указателях к обоим книгам объединены в одну и ту же статью упоминания рек Омолой и Омолон.

³⁵ Так же назван Омолон в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова (см. выше).

Г. Н. Курилов в 1968 г. опубликовал статью «О некоторых юкагирских топонимах», где объяснил это название из юкагирского языка как *омол-он* ‘Хорошая река’ [Курилов Г. Н., 1968. С. 69]. Однако эта публикация почему-то оказалась забытой, и другие ученые — М. С. Иванов (Багдарыын Сютлэ) и вслед за ним В. В. Леонтьев ссылались уже на устные сообщения Г. Н. Курилова о данном названии. Та же этимология, уже без каких-либо ссылок, но с ремаркой, что название это означает ‘река рода омор’, приведено А. В. Мельниковым [Мельников, 2009в].

Багдарыын Сютлэ в своей книге «Топонимика Якутии» сообщает представленное выше мнение Г. Н. Курилова, не указывая печатного источника своей информации [Багдарыын Сютлэ, 1985. С. 113; 2004. С. 90]. В «Топонимическом словаре...» В. В. Леонтьева также сообщается, что название расшифровывается из юкагирского *омол-он* ‘хорошая река’ [Топонимический словарь... 1989. С. 290].

Если задуматься над тем, какому из юкагирских диалектов или языков принадлежит название реки Омолон, станет ясно, что, скорее всего, его надо объяснять из языка верхнеколымских, или лесных юкагиров. К их языку был близок язык юкагиров-чуванцев, живших в верховьях Анадыря. Г. Н. Курилов — уроженец Нижнеколымского района, он пишет на языке тундренных, или нижнеколымских, юкагиров, который почти непонятен лесным юкагирам. Становится понятным, что здесь нетрудно ошибиться, если просто подбирать для объяснения похожие слова разных диалектов.

Название Омолон объясняется из юкагирского языка, но совсем иначе, чем считали ранее. Оно должно сравниваться с юкагирским словом *эмул* ‘остров’, *эмул-онун* ‘река островов’. Как известно, Омолон и знаменит среди других рек северо-востока Азии своими многочисленными островами и протоками. Для верхнеколымских юкагиров, ныне живущих в пос. Нелемное Верхнеколымского улуса (района) Якутии, это название является живым и даже отражает их собственные представления об этой реке. Похоже, что название Омолон записано теми, кто неплохо знал якутский язык: в этом названии отражена губная гармония гласных, иначе в нем не было бы трех одинаковых гласных звуков подряд.

Примечательно, что если многие географические названия северо-востока много раз меняли свое написание в исторических документах и на картах, то название Омолон в этом отношении просто уникально — оно и сегодня пишется точно так же, как его писали в документах землепроходцы 300 с лишним лет назад.

Павыллон — название озера по соседству с озером Чонкуя. Чукотское слово *пъальын* имеет значение ‘высыхающий, сухой’ и встречается

ся в чукотской и корякской топонимике очень часто [Топонимический словарь... 1989. С. 297—298].

Поигай — название реки, впадающей в Хатангский залив. Не исключено, что название связано с чукотским словом *пъонок'ылгын*, мн. ч. *пъупук'ыт* — 'съедобный корень'; Пъупук'вээм — возможно, 'река, где есть съедобные корни'. Если принимать во внимание сведения о чукчах, присутствующие в историческом фольклоре народов Таймыра, то в обнаружении чукотского гидронима на потенциальной западной границе проникновения чукчей вдоль побережья нет ничего удивительного. Впрочем, учитывая месторасположение этой реки, нельзя исключать и того, что ее название восходит к самодийским языкам.

Томпо — название реки — правого притока реки Алдан, а также населенного пункта, давшего наименование Томпонскому улусу. Старая форма названия реки, зафиксированная в русских документах конца 30—начала 40-х гг. XVII в., — Томка [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 120], причем некоторые историки полагают, что это название дано казаками-томичами из отряда Ивана Москвитина³⁶. Такое утверждение выглядит более чем странным: город Томск стоит на реке Томь, а случаи переноса наименований рек в новые места для XVII в. неизвестны — такая практика вошла в обиход намного позже, в XIX в., во время переселения на Дальний Восток жителей из Европейской части России. Местные эвены считают, что это название соответствует эвенкийскому *томко* 'нитка', *томко-* 'сучить нитки', а Багдарыын Сюлбэ, приводя эти рассуждения и принимая их всерьез, отмечает, что один из притоков этой реки называется Томкорук 'сумка для хранения ниток' [Багдарыын Сюлбэ, 2004. С. 160—161]. Если тут и есть какой-то резон, то название этой реки придется выводить из эвенкийского, а не из эвенского языка, поскольку нитка по-эвенски не *томко*, а *томкача*. Название же *томкорук* могло быть вторичным и появиться уже при переосмыслении какого-то иноязычного названия на тунгусский лад.

Судя по всему, форма названия Томка, которую услышали казаки-землепроходцы, восходит к чукотскому *тымкытым* 'кочка': Тымкы-веем 'кочкастая река', 'река в долине которой много кочек'. Три названия с такой основой зафиксированы на Чукотке [Топонимический словарь... 1989. С. 371]. Отметим, что это название на территории Якутии не единично — ниже места впадения Вилюя в Лену впадает

---

³⁶ Устное сообщение Б. П. Полевого, которое было представлено в одном из его докладов на заседании Комиссии по истории географических знаний Российского Географического общества.

река с названием Тымпылыкан, что также очень сходно с чукотским словом *тымкыльын* 'кочкастый'.

Туобуя — населенный пункт в верховьях реки Лены, Олекминский район. Не исключено, что это название восходит к чукотскому названию какой-то речки Тэ-вэй-вээм 'река, где заготавливают траву'; ср. аналогичное название в форме Тувыйвеем в бассейне реки Анадырь [Топонимический словарь... 1989. С. 366].

Тылгыны — название озера возле реки Тюнг в бассейне реки Вилюй. Вероятно, название связано с чукотским глаголом *тылгы-к* 'оттаивать', *тылгы-ны* 'оттаивающее место', однако возможно, что к этому названию имеет отношение чукотское название рыбы *тылгын-наан* 'сиг'.

Уэле — река с таким названием впадает в Анабарский залив. Не исключено, что название соответствует чукотскому топониму Вэллы-вээм 'Крутобережная', 'река с крутыми берегами' [Топонимический словарь... 1989. С. 113] или чукотско-корякскому *ув-эльэл* 'черная грязь', как истолковывается топоним Уала на Камчатке [Там же. С. 326].

Хачимчер — название реки — левого притока Уяндины в бассейне Индигирки. Возможно, название образовано от чукотского *к'ачгытыльын* 'пустой, полый' или корякского *ныкычгык'эн* — *кыч-гылг'ын* 'сухой' (чукот. *ныкыргык'ин*).

Чонкуя — название озера на правом берегу реки Алазеи. Юкагирское название озера Чонгдйяа [Курилов Г. Н., 1990. С. 326] не имеет объяснения. Можно связывать это название с чукотским словом *чемыквылгын*, мн. ч. *чемыквыт* 'мелкие камешки'. Вероятно, это озеро получило название по какой-то речке. Не исключена, впрочем, связь этого названия с чукотским *чин'кэ-чин* 'струя воды'. Элементы *-я*, *-й* или, реже, *-ма* — то, что остается в субстратной топонимике от чукотского гидронимического форманта — слова *вээм* 'река' (корякское *в'эем*).

Чукча — название реки — левого притока Индигирки. Название едва ли нуждается в комментариях. Если эта река получила свое наименование по этнической принадлежности обитателей данной местности — чукчей, более того, без сомнения — оленных чукчей-*чавчыват*, вряд ли у кого-то появятся основания сомневаться в том, что часть географических названий прилегающей к морскому побережью территории от Лены до Колымы имеет чукотское происхождение.

Поскольку ареал распространения чукотско-корякских топонимов на территории Якутии оказывается весьма обширным, мы должны обратить внимание на то, что потенциальные границы его распространения охватывают практически ту же территорию, что и ареал одной из археологических культур, связываемой с субстратным населением

этого региона, — ымыяхтахской неолитической культуры. Существование локальных вариантов этой культуры в разных частях ареала ее распространения ничему не противоречит. Часть территории, где обнаруживаются стоянки ымыяхтахской культуры — Западная Чукотка и низовья Колымы — заселена чукчами до сих пор, как мы видим по материалам документов, следы бывшего расселения чукчей встречаются и далее к западу (и, вероятно, к юго-западу) от границы их нынешнего проживания. В отличие от чукотско-корякского субстрата в топонимике Якутии, юкагирский субстрат в массовом топонимическом материале почти не идентифицируется. Небольшое количество юкагирских по происхождению названий представлено лишь в верховьях Лены по ее левобережью и отчасти в верховьях Вилюя, хотя присутствие явно юкагирского топонима Марха в обоих названных регионах более чем выразительно. Возможно, причина этого в том, что юкагиры как этнос составляют автохтонное население на сравнительно небольшой территории бассейна Колымы и прилегающих к нему районов, возможно, в частности, нижнего течения Индигирки, и пока нет надежных оснований идентифицировать с ними какую-либо из широко распространенных археологических культур бассейна Лены. Хотя давно известное сходство археологических культур Вилюя и культур Прибайкалья [Федосеева, 1968. С. 165 и след.], возможно, является каким-то свидетельством одного из ранних этапов этногенеза юкагиров в процессе их миграции из района Прибайкалья на Колыму.

В целом же надо признать, что формирование топонимического ландшафта Якутии представляет собой сложный процесс, связанный с этнической историей населения этого региона и позднейшими миграциями на его территорию, осуществлявшимися в нескольких направлениях. Первое направление — с юга на север вниз по Лене из района Байкала и вниз по Индигирке и Колыме из районов Северо-Западного Приохотья — связано, вероятно, с проникновением юкагиров в места их современного проживания, а также с расселением тунгусских народов и якутов в бассейне Лены. Второе направление — с востока на запад вдоль Арктического побережья — может связываться с какими-то периодическими перемещениями жителей побережья Ледовитого океана [Бурькин, 2002. С. 11—13]. Наконец, третье направление — с запада на восток по главным притокам Лены — Вилюю и Алдану и далее на восток и северо-восток — связано с проникновением в этот регион русских землепроходцев, присоединением его к русскому государству и интеграцией ономастического пространства Восточной Сибири в ономастический фонд русского языка.

Глава 4

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ XVI—XVII вв. И СОВРЕМЕННАЯ КАРТА СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

4.1. «Аниан» или «Акиан»?

К проблеме происхождения названия пролива между Азией и Америкой и его изображений на географических картах XVI—XVIII вв.

История открытия Берингова пролива, разделяющего азиатский и американский континенты, всегда представляла собой один из сюжетов, привлекавших внимание отечественных историков и географов. Этому есть множество причин: данная тема позволяет очень рельефно осветить все русские географические открытия в Арктике, на северо-востоке Азии и на северо-западе Америки от первых известных арктических походов русских поморов и до экспедиций Витуса Беринга, в честь которого пролив в конце концов и получил свое наименование. При этом научная значимость проблемы была такова, что практически всегда позволяла ученым, во-первых, эффектно демонстрировать собственную эрудицию и привлекать в качестве источников сведений о восточной оконечности Азии самые разные документы, начиная с сочинения Марко Поло, во-вторых, постоянно подчеркивать приоритет русских мореходов, землепроходцев и картографов в исследовании и описании Арктики перед европейскими путешественниками и картографами, в-третьих, надеяться на то, что проблема первых документальных или картографических сведений о проливе между Азией и Америкой рано или поздно найдет свое разрешение благодаря постоянному расширению круга привлекаемых источников информации — документов и карт.

С течением времени сложилось так, что подробности истории морских плаваний на восток вдоль Арктического побережья Азии перестали дифференцировать собой два разных факта — изображение на картах пролива между Азией и Америкой в последней трети XVI в. и название этого пролива — Аниан. К слову, сам пролив и его назва-

ние не имеют абсолютной соотнесенности с изображением данного пролива на картах ни во времени, ни в пространстве: во-первых, название Аниан появилось позже первых изображений пролива, во-вторых, на некоторых картах оно принадлежит не только проливу, но и части прилегающей суши, причем соответствующее название относится к суше, лежащей по разные стороны пролива.

Пролив Аниан, отделяющий американский континент от Азии, стал изображаться на картах достаточно давно — как сообщает Р. Рамсей, Северная Америка отделена от Азии уже на карте М. Вальдземюллера 1507 г. [Рамсей, 1977. С. 117]¹. Впервые название Аниан появилось в брошюре итальянского картографа Дж. Гастальди в 1562 г., где приведены выдержки из не дошедшей до нас карты венецианца Матео Пагано. Но на известных картах Матео Пагано и на карте другого венецианца — Паоло Форани, вышедшей в свет также в 1562 г., такой пролив не обозначен вовсе. Первая карта, показывающая «пролив Аниан» была составлена венецианским картографом Залтиери несколько позже — в 1566 г. Голландский картограф Иодок Хондий в 1625 г. выпустил карту, где поместил на северо-западном берегу Америки реку с названием Аниан — правда, современные географы читают это название как *Agian* и полагают, что оно связано с названием штата Орегон [Рамсей, 1977. С. 122—123]. Можно указать также на то, что на карте из Космографии Себастьяна Мюнстера 1544 г. Америка отделена от Азии, причем на Севере Америки показан большой залив примерно на том месте, где располагается Гудзонов залив в реальности [Ханке, 1984. С. 114].

Сравнение названий Аниан и Орегон — на сегодня единственная обоснованная попытка как-то объяснить загадочное название Аниан. Даже в такой консервативной области, как история географических открытий, научные материалы со временем устаревают, и то, что несколько десятилетий назад было непреложной истиной, ныне подчас не может быть принято всерьез. Так, сведения об истории появления пролива Аниан на картах и в атласах в том виде, какой был характерен для отечественной географической науки, изложенные в книге А. И. Алексева «Береговая черта» [Алексеев А. И., 1987. С. 17—19], изданной через 10 лет после упомянутой выше работы Р. Рамсея, оказались уже не вполне точными. Впрочем, в еще более ранней книге Л. С. Берга есть подробности, отсутствующие у более поздних авторов: «На одной из карт Гастальди 1561 г. на крайнем северо-востоке

---

¹ Странно, что ссылки на эту книгу отсутствуют в позднейшей литературе, где картографическая история пролива Аниан изложена менее полно (см.: [История русской Америки, 1997. С. 13]). Воспроизведение этой карты см.: [Магидович И. П., Магидович В. И., 1983. Т. II. С. 80].

Азии надписано *Ania pro[vincia]*, а на карте 1562 г. Азия, как мы говорили, на востоке имеет границею Анианский пролив. Нужно сказать, что и до Гастальди старинные картографы изображали путь из Северной Европы в Китай и Индию вокруг Восточной Азии свободным. Таков он на портолане неизвестного автора 1502 г. из собрания Ами, в атласе Птолемея, изданном в 1513 г., и т. д.» [Берг, 1962. С. 69].

Как и другие исследователи, Л. С. Берг полагает, что источником названия Аниан послужило «Путешествие» Марко Поло. Но в наши дни, пожалуй, надо признать, что все стремления истолковать это название как восходящее к сочинениям известного итальянского путешественника XIII в. Марко Поло и связанное с названием области Аму в Китае более не имеют перспективы. Чтобы сравнивать название пролива между Азией и Америкой с названием удаленной от моря китайской провинции, надо было просто не читать 128-й главы книги Марко Поло, где описывается область с таким названием [Книга Марко Поло, 1990. С. 133—134]². Форма Аниу, фигурирующая в литературе как возможный источник названия пролива Аниан, представляет собой вариант одного из источников текста книги Марко Поло, а форма Анин — одно из возможных комментаторских прочтений малоизвестного места текста [Книга Марко Поло, 1990. С. 278]. Идентификации этого названия с названиями китайских провинций Аннам или Юннань [История русской Америки, 1997. С. 13] едва ли можно принять всерьез, кому бы они ни принадлежали³.

Хорошо известно, что западноевропейские картографы XVI—XVII вв. активно пользовались русскими источниками, в том числе и картами — «чертежами». А. И. Алексеев прямо пишет, что возникновению легенды о проливе Аниан способствовали сведения, проникающие в Европу из Московии, причем именно на этом основании итальянский ученый П. Иовий высказал предположение о возможности добраться на кораблях до Китая северным морским путем вокруг Азии [Алексеев А. И., 1987. С. 19].

Если считать, что часть сведений о Восточной Арктике почерпнута западноевропейскими географами из русских документальных сви-

---

² Об этом выдающемся итальянском путешественнике см.: [Харт, 1956; Эрс, 1997].

³ Согласно Н. Витсену, пролив Аниан располагается очень близко от Японии, так что за него можно принять любой пролив между Сахалином и материком (Татарский пролив) или любой пролив между Японскими островами или островами Курильской гряды. Б. П. Полевой ошибается, когда пишет: «К сожалению, впоследствии кое-кто ошибочно решил, что голландцы будто бы отнесли пролив Аниан к... сахалинскому заливу Анива! Все это, конечно, внесло еще большую путаницу в данный вопрос» [Полевой, 1990. С. 3—38].

детельств и карт, и отдавать безусловный приоритет русским источникам, то в отношении появления названия пролива Аниан в европейской картографии напрашивается предположение, что название Аниан представляет собой искаженное в передаче латинскими буквами название Северного Ледовитого океана «**АКИАНЬ**» — «Океан», принятое на русских картах вплоть до первой трети XVIII в.⁴ Начертания букв К и Н в некоторых кириллических шрифтах XVI—XVII вв. очень сходны с начертаниями латинского N, и латинская буква N иногда заменяла русскую букву К при транслитерации русских названий на европейских картах — так, на карте Н. Витсена 1687 г. название реки Камчатка записано как Kamtschetna. Поэтому весьма возможно, что перед нами ошибочное прочтение названия на одном из русских «чертежей», принадлежащее кому-либо из западноевропейских географов или картографов. Тогда становится понятным, почему название Аниан никогда не встречается на русских картах [История русской Америки, 1997. С. 20] — в соответствующем месте их имеется вполне понятная для русскоговорящего картографа и пользователя надпись «**АКИАНЬ**». Этим же может объясняться и различное содержание, вкладываемое в название Аниан разными европейскими картографами.

Впрочем, точка зрения, связывающая открытие пролива между Азией и Америкой с походами на восток вдоль Арктического побережья Азии является единственной только в отечественной научной традиции, закрепляющей все первенства в открытиях за русскими мореходами и путешественниками. Однако точно так же, как отечественные исследователи безапелляционно возводят все рассказы об арктических морях и землях к русским источникам, американский историк географии Р. Рамсей без тени сомнения рассматривает все ранние сведения о проливе Аниан в той главе своей книги, которая рассказывает читателям о поисках Северо-Западного прохода — морского пути вокруг Севера Америки. Таким образом, для него отнюдь не исключается, что «пролив Аниан» мог быть открыт европейскими мореплавателями в XVI в. с севера или с юга во время путешествий по морям Американской Арктики.

С этих позиций для объяснения того, что именно может скрываться за названием Аниан, весьма любопытны две карты — карта, изданная в 1576 г. Хемфри Гилбертом, основателем английской колонии на

---

⁴ Б. П. Полевой пишет, что такую же гипотезу в 1960-е гг. сформулировал, однако печатно нигде ее не высказал А. З. Алейнер [История русской Америки, 1997. С. 13—14, примеч. 5], и никак не комментирует мнение А. З. Алейнера. Автор книги неоднократно обсуждал найденное им самостоятельно и изложенное здесь объяснение названия Аниан с Б. П. Полевым в 1995—1996 гг.

Ньюфаундленде, и близкая к ней по времени карта Мартина Фробишера, первооткрывателя Баффиновой земли [Магидович, 1957. С. 347, 357]. На карте М. Фробишера пролив Аниан отделяет Американский континент от Азии, причем к северо-западу от него показаны пять островов. Число островов, заметим, очень близко к действительному количеству островов в бассейне Чукотского моря — если считать острова Врангеля, Колючин и три острова Диомида. На карте Х. Гилберта, насколько можно судить по ее воспроизведению, название Аниан относится не столько к проливу между Азией и Америкой, сколько к части Арктического побережья Азии. В связи с этим можно обратить внимание, что в глубине Колючинской губы (которую из-за ее величины и конфигурации вполне можно принять за пролив), на ее восточном побережье, некогда располагалось чукотское становище под названием Анаян [Топонимический словарь... 1989. С. 67]. Это название в «Топонимическом словаре» не объяснено, но оно может соответствовать чукотскому слову *оонъыян* ‘ягодное место’, образованному от слова *оонъылгын*, мн. ч. *унъэт*, ‘ягода, ягоды’ с суффиксом места *-ян*. Однако надо признать, что вероятность появления чукотского названия на европейских картах уже в XVI в. все же крайне мала, тем более что на других картах, в частности на многих голландских картах первой половины XVII в., латинская надпись «Anian regnum» — «Царство Аниан» относится к западной и юго-западной части Аляски⁵.

Тем не менее некоторые рассказы о географическом положении Американской Арктики в ее северо-западной части, малоизвестные в отечественной научной литературе, но уже расцененные как фантастические, представляют интерес, во-первых, в отношении своих источников, во-вторых, в отношении содержащихся в них любопытных подробностей, которые далеко не всегда выглядят как вымысел. Сообщения о том, что Северо-Западный проход в 1579 г. был открыт возле Ньюфаундленда на широте около 59 градусов, в 1568 г. — со стороны Тихого океана на широте около 27 градусов, в 1592 г. — также со стороны Тихоокеанского побережья, но на широте 47 градусов [Рамсей, 1977. С. 124—126], можно назвать вымышленными лишь отчасти. Первая из названных точек на самом деле соответствует крайней восточной точке Северо-Западного прохода, вторая — Калифорнийскому заливу, который из-за его значительной протяженности к северу вполне можно было принять за пролив, третья точка соответствует проливу, отделяющему от материка остров Ванкувер. Таким

---

⁵ Заметим, что в дискуссиях о проливе Аниан на этот факт внимание почти не обращалось. Между тем вопрос о том, относится ли это название к водному пространству или к части суши, остается, по сути, открытым, поскольку новые версии могут свидетельствовать в пользу обеих гипотез.

образом, все эти сообщения очень напоминают ситуацию с ранними сведениями о Магеллановом проливе: в том самом месте, где его изображали некоторые источники, находится устье реки Ла-Платы (см.: [Цвейг, 1980. С. 65—72, 134—138]).

Из считающихся легендарными рассказов о Северо-Западном проходе привлекает внимание сообщение о том, что в 1588 г. испанец Лоренсо Феррер Мальдонадо проплыл через Северо-Западный проход из Испании к берегам Америки и тем же путем вернулся обратно. При этом в его описании Северо-Западный проход представляет собой последовательный ряд извилистых каналов, которые тянутся до 75-го градуса северной широты. Подобное описание точно соответствует картине реально существующего Северо-Западного прохода и его истинному географическому положению, но историки, тем не менее, считают это случайным совпадением [Рамсей, 1977. С. 134—135]. Заметим, однако, что история климатических изменений в ареале Берингова пролива в XIV—XVI вв. пока в большей мере интересовала этнографов, занимавшихся хозяйственной жизнью коренного населения (см.: [Арутюнов, Крупник, Членов, 1982]), нежели историков географии и знатоков арктического мореплавания. Хотя если указанный период действительно характеризовался в Восточной Арктике более теплым климатом, что способствовало интенсивному промыслу китов коренным населением, то и условия для плавания английских и испанских кораблей в XVI в. в этом районе земного шара также должны были быть более благоприятными, нежели в последующие века.

К сожалению, мы не располагаем свидетельствами, характеризующими состояние климата в Американской Арктике в последние 500 лет. Однако имеется возможность соотнести даты некоторых возможных плаваний по проливам Канадского Арктического архипелага с погодной летописью Европы (см.: [Борисенков, Пасецкий, 1988]). Результаты таковы:

1509 г. — год плавания Себастьяна Кабота, впервые сообщившего об архипелаге на северо-востоке Америки: в Западной Европе бесснежная зима;

1588 г. — год предполагаемого плавания Лоренсо Мальдонадо по Северо-Западному проходу: очень ранняя весна и очень сырое лето;

1648 г. — год плавания Семена Дежнева вокруг северо-востока Азии: засушливое лето.

Иными словами, во всех трех случаях можно предполагать, что ледовая обстановка в арктических морях должна была благоприятствовать плаванию вдоль азиатского побережья на восток или вдоль американского побережья — на восток или на запад.

Данных на другие интересующие нас годы, например, на 1640 г. — год плавания Бартоломео де Фонте, или на 1647 г. — год первого не-

удачного похода Дежнева, у нас нет. Но ясно, что вряд ли вымысел мореплавателей может заходить так далеко, что в качестве дат успешных плаваний называются именно те годы, которые должны были являться наиболее благоприятными для таких плаваний по расчетам, сделанным более трех столетий спустя.

Возьмем для контроля еще одно событие, реальность которого не может оспариваться, — гибель экспедиции Джона Франклина в 1846—1848 гг. в районе острова Кинг-Уильям⁶. В Западной Европе в эти годы зимы отличались необыкновенной суровостью. Следовательно, случайность совпадений благоприятных и неблагоприятных погодных явлений и успешных результатов и неудач экспедиций практически исключается.

Справедливости ради следует отметить, что историки географии и в предшествующие десятилетия обращали внимание на изменения арктического климата в течение последних четырех столетий и признавали, что благоприятные условия для мореплавания способствовали открытию новых неизвестных земель в полярных арктических морях. Однако позиция этих ученых в наши дни выглядит достаточно странной. Один из крупнейших русских географов, Л. С. Берг, комментируя один из источников, писал: «Таким образом, русские около 1580 г. плавали поперек Карского моря! Факт необычайно любопытный, показывающий, что в то время были в Карском море такие же благоприятные условия для судоходства, как и в 30-х гг. XX в.» [Берг, 1962. С. 66]. Однако тот же Л. С. Берг, обсуждая вопрос об открытии пролива между Азией и Америкой, категорически отвергает возможность открытия этого пролива европейскими мореплавателями в XVI в., заключая: «На эти вопросы надо со всей категоричностью ответить: до Дежнева (1648) никто из европейцев в области Берингова пролива не плавал, а домысел о проливе между Азией и Америкой есть кабинетное измышление, случайно предвосхитившее истину... Итак, Анианский пролив есть картографическая фантазия...» [Там же. С. 68, 69]. Разумеется, между характером ледовой обстановки в Западном и Восточном секторах Российской Арктики нет прямой зависимости, более того, она может в какие-то годы быть совершенно различной — это известно, однако в данном случае речь идет не о какой-то конкретной дате, а об общем характере климата Арктики XVI в.

М. В. Ломоносов писал в своем сочинении «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу сибирским океаном в Восточную Индию»: «Известное мореплавание испанского адмирала де Фонта по западным берегам Северных Америки для поиска водяного сообщения между Атлантическим и

---

⁶ О судьбе этой экспедиции, в частности, см.: [Купер, 1970].

Тихим морем от многих принимается за подлинное, от большей части за вымышленное почитается, а самым делом сомнительно. Мне кажется, что оно достойно показания на карте и изъяснения в Кратком описании» [Ломоносов, 1952. С. 439]. Характеристика сообщений о существовании Северо-Западного прохода заканчивается словами: «При окончании сея главы остается мне объявить свое мнение о Северо-Западном вышепомянутом проходе, которое в том состоит, что оный невозможен или хотя и есть, да тесен, труден, бесполезен и всегда опасен» [Ломоносов, 1952. С. 440]. Эти слова и сегодня остаются истиной.

Существующие исследования, обобщающие сведения и повествования о Северо-Западном проходе, позволяют более объемно представить ту информацию, которую сообщал Ломоносов, и полностью подтверждают слова ученого — Северо-Западный проход реально существует, но он неудобен и опасен для мореплавания и не используется и поныне [Рамсей, 1977. С. 142—145]. Что касается ранних описаний проливов и островов в Канадской Арктике, на которые приходится часть Северо-Западного прохода, то мы придерживаемся следующего мнения: нельзя исключать удачных плаваний по маршруту вокруг Северной Америки или каких-то ее областей в XVI—XVII вв., в годы экстремального потепления, когда могла создаться благоприятная обстановка для плавания в арктических водах.

Таким образом, перед современными учеными открывается дилемма, дающая свободу выбора. Если исходить из того, что реальные или легендарные сведения о проливе между Азией и Америкой попадали в Европу из России, то можно выводить название Аниан из русского написания «Акианъ», относящегося к Северному Ледовитому океану и прочно державшегося на русских картах в течение длительного времени. Однако отнюдь не невозможно сделать иное предположение — обратить внимание на ранние картографические изображения Северного побережья Американского континента и на описания островов Канадского Арктического архипелага, и тогда название Аниан будет связываться с местной топонимикой — топонимикой Чукотки или Северо-Западной Америки.

Надо согласиться с тем, что документы Семена Дежнева — это первые из абсолютно достоверных свидетельств о плавании европейских мореходов через пролив между Азией и Америкой, хотя Дежнев и не видел противоположного берега пролива и Берингово море еще долго было для землепроходцев «Ленским». Однако сообщения о более ранних плаваниях английских и испанских кораблей в арктических водах требуют как минимум проверки на вероятность подобных событий. И признание того факта, что европейские мореплаватели несколько раз или хотя бы однажды прошли по Северо-Западному про-

ходу, нисколько не умаляет заслуг Дежнева перед российским мореплаванием и историей русских географических открытий.

Безусловно, история открытия пролива между Азией и Америкой явно представляет собой самостоятельный сюжет, отдельный от происхождения его названия Аниан. Пока можно лишь заметить, что все содержащиеся в источниках сообщения о плаваниях по Северо-Западному проходу в XVI—XVII вв. во всех возможных направлениях ничуть не более фантастичны, нежели выведение названия Аниан из созвучных названий географических объектов Юго-Восточной Азии.

4.2. Легендарная река Нелога

Нелога, Нерога — название считаемой в наши дни легендарной реки к востоку от Колымы: это название довольно быстро исчезло из исторических документов, поскольку река с таким названием не была найдена и само название ее оказалось забытым. Тем не менее рассказы об этой реке оставили важный след в истории русских географических открытий на северо-востоке Азии, и даже в недавнем прошлом геологи проявили интерес к старым рассказам об этой загадочной реке.

Первые сведения о реке Нелогe датируются 1642 г., когда Елисей Буза привез в Якутск нескольких «князцов». В одном из документов, датированных 1644 г., — расспросных речах Лавра Григорьева и Ивана Ерастова мы читаем: «И тот де Ковымской князец ему Лаврушке в роспросе сказал, есть де река Нелога за Ковымою рекою пала в море своим устьем; а по той де реке Нелогe блиско моря в реке в утесе руда серебряная; а люди де живут у той горы пешие да на одном месте в земляных юртах, а род де у них и язык свой, не юкагири, а называютцо де они нанками... А от той де реки Нелоги от вершины пошла река Чюндона, а впала де та река Чюндона блиско моря в Ковыму реку, а люди де по той реке (...) живут юкогири, а в вершине де живут на той реке люди род свой, рожки у них писаные. И с Нелоги де реки приходят натты от серебряные руды на ту Чюндону на вершину к писаным рожам торговать, а временем де с ними и дерутся. А продают де те нелогские люди писаным рожам серебро да одекуй, а те де писаные рожки им продают олени да бабы» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 125—126; Русские мореходы... 1952. С. 44—45]⁷. В другом документе уточняется: «А в вершине и по Камени живут акнемила, писаные же рожки... А род их, нелоских мужиков, называют натты. И те писаные рожки с ними де торгуют и дерутся» [Открытия русских

---

⁷ Совершенно необъяснимо, почему в комментариях к этому тексту под словом «бабы» понимаются ножи.

землепроходцев... 1951. С. 127]. Как указывает М. И. Белов, Нелога или Нерога упоминается в наказной памяти Дмитрию Зыряну 1642 г. [Белов, 1973. С. 79].

В этой наказной памяти воспроизводятся выдержки из «Расспросных речей», видимо, близкие к непосредственному источнику, в котором река Нелога была зафиксирована ранее: «В нынешнем во 150 году (7150 = 1642) Енисейской служивой человек десятник Елеса Буза привез в Якутской острог 3-х аманатов юкагирских, шамана Балганча, да Имгонту, да Далгунта, а в якутском остроге те аманаты сказывали, есть де река именем Нерога, а прилегла де та Нерога вершиною блиско Индигерской реке, ходу де с той реки Индигерской на Нерогу на оленях безо вьюков неделя, и к Янской де вершине та же Нерога вершиною прилегла, а от Янской де вершины до той реки Нероги оленного ходу месяц, и пала де та Нерога река в море своим устьем, а на той де реке Нероге от устья морского недалече в горе, в утесе над рекою серебряная руда, а повыше де той серебряной руды немного на той же реке живут люди на яру род Наттыла, юрты де деланы у них в земле, и у тех де людей серебра много, а люди те пешие, оленей у них и лошадей нет, а река де рыбна добре...» [Дополнения к актам... 1846. Т. 2. С. 262]⁸.

Относительно идентификации реки Нелоги были высказаны несколько разных мнений. Известный ученый, знаток истории русских географических открытий М. И. Белов полагал, что и Нелога, и Погыча, о которой еще пойдет речь, — это река Чаун [Белов, 1973. С. 78, 79; Русские мореходы... 1952. С. 46]. Н. Н. Степанов утверждал, что под этим названием имеется в виду ни больше ни меньше как река Амур — у него сложилось впечатление, что в документах смешиваются сведения о разных реках Арктического и Охотского побережий. Соответственно, считается, что если Нелога — это река Амур, то и «натты» — это нанайцы. Эту точку зрения, кажется, впервые высказал А. М. Золотарев [Золотарев, 1938. С. 70], затем ее повторили без всякой критической оценки не только Н. Н. Степанов [Степанов Н. Н., 1950. С. 180; 1959. С. 184], но и Б. О. Долгих [Долгих, 1960. С. 389]. Правда, почти в это же самое время Н. Н. Степанов несколько пересмотрел свои взгляды и стал считать, что река «Нерога» все-таки находится где-то к востоку от Колымы [Степанов Н. Н., 1959. С. 184]⁹.

Б. П. Полевой в своей книге «Новое об открытии Камчатки» отстаивает более раннюю версию Н. Н. Степанова, согласно которой

---

⁸ Н. Н. Степанов указал, что в подлиннике читается «род Натты» [Степанов Н. Н., 1959. С. 184]. Однако это указание не меняет сути дела.

⁹ В этом издании Н. Н. Степанов склонился к версии сборника «Открытия русских землепроходцев...»

«Нерога» — это название Амура в форме Нургань [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 73, 140 примеч. 19]. Это по меньшей мере странно: уж кому-кому, а Б. П. Полевому, не раз писавшему об открытии русскими Амура и о походах по Амуру, было прекрасно известно, что название Нургань не встречается в русских документах, связанных с Амуром ¹⁰.

Отметим, что, во-первых, в своих примечаниях М. И. Белов указывает, что недалеко от реки Нелоги находится река Каленьба, или Каленьва, по его же правильному указанию — река Кооленьваам 'Пестрых утесов река' [Русские мореходы... 1952. С. 46; Белов, 1973. С. 79]. Насколько можно судить по материалам современной чукотской топонимики, здесь имеется в виду река Каленмываам, верховье реки Паляваам, впадающей в Чаунскую губу. Такое же название — Каленмыт имеют речки-притоки реки Гиркувеем в бассейне той же реки Паляваам [Топонимический словарь... 1989. С. 170—171]. Во-вторых, «натты» — видимо, точнее все-таки «нанки» — живут в «земляных юртах» и «колют спицами» моржей, чего нанайцы или другие жители Приамурья никогда не делали и не могли делать. Этнографические сведения в данном случае абсолютно надежны. Увы, этого нельзя сказать о сопоставлениях названий мест и народов, которые без учета других факторов по достоверности подчас приближаются к результатам гадания на кофейной гуще.

Вероятнее всего, что загадочная река Нелога и даже та гора, о которой идет речь в казачьих расспросных речах и наказной памяти, до сих пор находятся на том самом месте, где их указывают документы 40-х гг. XVII в., и носят те же названия. Более чем вероятно, что река Нелога — это река Наглейнынваам, верховья реки Раучуа, впадающей в Восточно-Сибирское море между устьем Колымы и Чаунской губой, а «серебряная гора» — это гора и мыс Наглейнын на берегу Чаунской губы. Название горы явно чукотское: *Ныглейн'ын* 'Большая зимняя кухлянка из оленьей шкуры' [Топонимический словарь... 1989. С. 265]. Народ, живущий на этой реке, *нанки*, *натты*, *наттыла* — это, конечно же, приморские чукчи-*ан'к'альыт*, «писанные рожи», их соседи — это скорее всего оленные чукчи или группа чукчей, которые вели комплексное хозяйство, занимаясь и оленеводством, и морским промыслом — вот они-то и «колют спицами моржей». Во всяком случае, та-

---

¹⁰ Нургань — так в Китае эпохи Мин (1368—1644) называлась территория, соприкасавшаяся с бассейном Амура (см.: [Головачев, 2012. С. 129—152]), полиэтничный характер населения этой области, по сути, исключал возможность проникновения этого названия куда-либо за пределы этой территории. В 1409 г., предположительно на Нижней Сунгари, был заложен форт Нургань, но в середине XVI в. он был ликвидирован [Шведов, Махинов, 2011].

кой яркий признак, как татуировка на лице, может указывать на чукчей — хотя обычай татуировки имел широкое распространение и встречался у других народов северо-востока Азии, во всяком случае, документы XVII в. отмечают такую особенность нечасто.

Название народа *акнемила*, *немила*, примененное к этим ‘писаным рожам’ [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 127]¹¹ и встречающееся в ряде других документов, объясняется из чукотского языка как *ан’к’анымыльыт* ‘приморские оседлые’, хотя по форме оно ближе не к чукотскому слову, а к соответствующему корякскому *ан’канымыльг’о* с тем же значением. Другая форма того же названия — *немила* с еще большей степенью определенности читается как *нымыльа* — форма эргативного падежа (одного из двух падежей подлежащего в чукотском и корякском языках) от слова *нымыльын* ‘оседлый’, *нымыльыт* ‘оседлые’ или, что менее вероятно, как корякская форма множественного числа от названия и самоназвания оседлых коряков *нымыльг’у*. Это название может относиться как к чукчам Арктического побережья, так и к охотским корякам. Точно так же, а именно как форма эргативного падежа, читается и форма *наттыла* (чукот. *ан’к’альа*, именительный падеж *ан’к’альын*). Однако для нас здесь важнее то обстоятельство, что название северо-западных чукчей, по данным этнографических источников, фиксировалось в виде *Namollo* (очевидно, также в форме эргативного падежа, то есть *нымыльа*) вплоть до первой трети XIX в. [Богораз, 1934. С. 9; Вдовин, 1965. С. 55].

Довольно существенно вот что: в более раннем документе — «расспросных речах» река называется *Нелога*, а народ — *нанки*, в более позднем документе — наказной памяти та же река именуется *Нерога*, а народ — *натты*. Исходя из наших рассуждений, оказывается, что в обоих интересующих нас случаях «расспросные речи» определенно точнее в передаче иноязычных названий, чем наказные памяти. Это и понятно: те служилые и промышленные люди, кого расспрашивали об отдаленных неизвестных местах, слышали названия местностей и народов непосредственно от коренных жителей, в то время как составители документов брали эти же названия, что называется, из вторых или третьих рук.

Те историки, для которых упомянутая здесь река Чюндона — это непременно река Гижига, верховья которой долгое время назывались Чендон, Чондон, посчитали, что в цитируемом документе имеет место путаница из названий рек низовьев Колымы и Охотского побережья (см., например: [Полевой, 1984а. С. 8]). Однако по-юкагирски *чандэ*,

---

¹¹ Написание *немила*, см.: [Русские мореходы... 1952. С. 47]. См. также: [Степанов Н. Н., 1959. С. 185].

чанду — это ‘верх’, ‘верховья реки’, обозначение, применимое к любой реке и не являющееся собственно названием местности. В интересующем нас случае «река Чюндона» — это, как совершенно правильно определил М. И. Белов, река Малый Анюй [Белов, 1955. С. 55], хотя данное именование и не является названием этой реки.

М. И. Белов оказался совершенно прав в том утверждении, что река Нелога реально существует. Как мы видим, и в определении местонахождения Нелоги он был совсем недалек от истины.

Сравнение названия Нелога с названием реки Нерега, притока реки Бохапча в бассейне Колымы, предлагаемое в примечаниях к сборнику цитируемых документов, не выглядит обоснованным. Последнее название объясняется в «Топонимическом словаре» из эвенского слова *нерега* ‘заря’ [Топонимический словарь... 1989. С. 274], хотя более приемлемым нам представляется сравнение его с эвенским *нэригэ* ‘хариус’¹².

Указание на то, что Нелога «пала в море», не противоречит всему сказанному. Возможно, под названием Ныглейн’ынваам в то время понималась вся река Раучуа, которая действительно впадает в океан. Название Раучуа, как и некоторые другие названия рек на Арктическом побережье, отклоняется от обычных чукотских названий рек, так как не имеет постоянного чукотского гидронимического форманта — элемента *-вээм* ‘река’. Обычно названия такого типа переносятся на реки с других географических объектов, например, названий местностей. Возможно, название реки Раучуа просто более позднего происхождения, нежели название Ныглейн’ынваам. И именно по этой причине — а не потому, что тут имелся в виду Амур — Нелога не оказалась зафиксированной на картах.

Имеется любопытный дополнительный источник сведений о реке Нелогe — это расспросные речи Лавра Григорьева, где мы читаем: «Да он же, Лаврушка, расспрашивал про тое ж реку Нелогу юкагирского аманата князца Шенкодья, шамана, без ковымского аманата Порочи. И тот де Шенкодье, шаман, в роспросе сказал сверх речей ковымского князца шамана про ту реку Нелогу те же речи слово в слово. А толмачил де те речи роспросные баба тунгуская Бырчик, которая в толмачах в Индигирской реке» [Русские мореходы... 1952. С. 46]. В этой информации есть интересные детали.

Во-первых, имя этого аманата Шенкодье — определенно юкагирское даже по внешнему облику. Начальный звук *ш-* для данного региона — лингвистическая экзотика, которая может принадлежать только юкагирскому языку. Правда, трудно сказать, что представляет

---

¹² Именно такое объяснение М. И. Белов пытался приспособить к Нелогe, см.: [Русские мореходы... 1952. С. 46].

собой рассматриваемое имя — антропоним или этноним, в пользу последнего свидетельствует финальная часть слова, похожая на юкагирский суффикс названий жителей той или иной местности *-нди*. Во-вторых, Шенкодье — аманат «юкагирский», а Пороча — «колымский», то есть в этом противопоставлении Пороча опять же едва ли оказывается юкагиром. В-третьих, аманата Шенкодье расспрашивали либо по-юкагирски, либо по-тунгусски (по-эвенкийски): мы не можем сказать с уверенностью, сколько языков знала «тунгусская баба» Бырчик, но определенно можем утверждать одно — сама она была эвенкийкой. Ее имя — *Бэрчэк* означает по-эвенкийски ‘самострел’ и содержит характерный суффикс эвенкийских женских личных имен *-к* (см.: 1.8). В-четвертых, от того же «шамана Порочи» кроме известного рассказа о Нелоге, были записаны названия притоков Колымы снизу вверх от устья до реки Коборой [Русские мореходы... 1952. С. 48], а это прямо свидетельствует о том, что легендарная Нелога находится поблизости от бассейна Колымы — той территории, которая хорошо известна аманату.

Напротив, указания на расстояния до Нелоги от «Индибирской реки» и «Янской вершины» не могут быть понимаемы буквально из-за того, что мы не знаем достоверно, что именно реально понималось под названными выше объектами. Видеть здесь реки Индибирку и Яну могут только очень легковверные исследователи, читающие документы, но не знающие языков и как следствие — не знающие происхождения и в особенности значения слов и соответствующих им названий. Если, как было показано, название реки Индибирки восходит к чукотскому слову *йыньрыйыр* ‘утес’, а «Янская вершина» может быть понята как чукотское составное слово *янра+н’ай* ‘отдельная гора’ (ср. хорошо известное на Чукотке встречающееся в нескольких местах географическое название Янранай, в том числе и название поселка в Чаунском районе Чукотского автономного округа) или если, как считал В. Серошевский, за названием Яна вообще скрывается слово «тундра», то от какого утеса до реки Нелоги ходу неделя и от какой вершины ходу туда месяц — совершенно непонятно.

Появилась в обороте и иная версия идентификации реки Нелоги, основанная на второстепенных и малоизвестных литературных данных. Геолог Ю. Ф. Нехорошков пишет: «в 1922 году иркутский профессор В. И. Огородников высказал диаметрально противоположную гипотезу: река Нерога является одной из речек, впадающих в Охотское море, западнее поселка Ола, а род Натылла — ламуты, как тогда называли эвенков» [Нехорошков, 2008. С. 12]. Хотя в книге Ю. Ф. Нехорошкова отсутствуют ссылки на источники цитируемых документов, притом что тексты документов он воспроизводит точно, некоторые факты приходится перепроверять по первоисточникам. Вот что на са-

мом деле сказано в книге В. И. Огородникова «Из истории покорения Сибири. Покорение юкагирской земли»: «Судя по тому что река Нелого протекала недалеко от верховьев Индигирки и впадала в море, можно заключить, что юкагирские заложники имели в виду одну из рек, впадающих с севера в Охотское море, но какая именно из этих рек в то время называлась Нелогой, нам неизвестно» [Огородников, 1922. С. 38]¹³.

Здесь какое-то географическое недоразумение — с севера в Охотское море впадают реки, истоки которых близки к бассейну Колымы, а не Индигирки; в то же время реки, верховья которых можно считать близкими к истокам рек, впадающих в Охотское море, впадают в него с запада, а не с севера, к тому же неясно, что считалось в середине XVII в. «Индигерской вершиной». Гипотеза В. И. Огородникова со служила Ю. Ф. Нехорошкову плохую службу — исследователь сослался на нее, не посмотрев на карту.

Относительно реки Нелогои он сделал вывод, что это река, впадающая в Охотское море, возможно — Наяхан, Гарманда, Гижига или Парень [Нехорошков, 2008. С. 20], а натты, живущие на ее берегах, — неизвестное племя: в обоснование последнего автор ссылается на эскимосские этимологии названий Амахтон и Мотыклей, предлагавшиеся И. С. Вдовиным [Там же. С. 24]. Что же касается сообщений о походах монголов в X в. на Камчатку вплоть до Ключевской сопки и о «племени чжурчжэней», убежавших в XIII в. на ту же Камчатку от монголов¹⁴, то они относятся к крайне недостоверным материалам, а точнее — к домыслам и фантазии людей, имеющих косвенное отношение к науке.

И еще одна существенная и показательная неточность, допущенная Ю. Ф. Нехорошковым. Он пишет: «Ведь Н. Степанов и его предшественники еще не знали об этих сведениях, которые впервые были

---

¹³ Ученый считает, что натты — это тунгусский род, поскольку, по его мнению, в это время тунгусы занимали все Охотское побережье. Это не так — условной обосновываемой границей проникновения тунгусов по побережью является на тот момент река Иня, тунгусское происхождение названия которой не вызывает сомнений, и допущение В. И. Огородникова неоправданно. (О В. И. Огородникове см.: [Петрушин, 2008. С. 106—108]).

¹⁴ Ю. Ф. Нехорошков, приводя подобные суждения, ссылается на амурского краеведа С. Козловского, который, как нам известно, опубликовал ряд статей о декоративном искусстве эвенов в журнале «Вокруг света» и в других изданиях, но не писал об истории эвенов. Подобный вымысел о ранней истории эвенов более характерен для книги А. В. Кривошапкина «Эвены» [Кривошапкин, 1997], откуда идея об эвенах как о потомках чжурчжэней попала в книгу Е. Трофимова «Сказки золотого оленя» [Трофимов, 1999] — сборник псевдоэвенских сказок, сочиненных автором.

опубликованы Н. С. Орловой лишь в 1951 году» [Нехорошков, 2008. С. 13]. Видимо, автор не обратил внимания на то, что издания документов об открытии Сибири, выпущенные в 1951—1952 гг., были в большой степени перепечатками известных документов, с которыми работали историки XVIII и XIX вв., притом такими перепечатками, которые стали основой ряда недоразумений («за реками» вместо «за Оеками», в указателях смешаны Омолон и Омолой, названия рек Нелога, Полыча и Ковыча подведены под Анадырь, и т. п.). Одним из недоразумений этого ряда и стали заявки на Серебряную гору (4.2.2).

4.2.1. Кем был колымский князец шаман Пороча и почему на Нелоге серебро «висит из яру»

Воистину велика сила драгоценного металла — упоминание о серебре взволновало не только тех, кто слушал расспросные речи и узнал о них более 350 лет назад, но и наших современников-историков географии. Последние при анализе рассмотренных выше сообщений моментально начали вспоминать все, что связано с добычей и обработкой серебра в Восточной Сибири и распространением серебряных изделий, и на этом основании сделали безапелляционный вывод: в сообщении о Нелоге смешаны сведения об Арктическом побережье и Нижнем Приамурье. Нашлось и связующее звено: название Чендон — будто бы река Гижига на Охотском побережье, находящаяся примерно посередине между Арктическим побережьем Чукотки и районом устья реки Амур.

Мы зададим простой и далекий от географии вопрос: как и на каком языке расспрашивали о серебре таинственного аманата, который в разных документах называется по-разному?

В наказной памяти Дмитрию Зыряну названы три «юкагирских» аманата: «шамана Балганча, да Имгонту, да Далгунта» [Дополнения к актам... 1846. Т. 2. С. 262]. Нет сомнений, что упомянутый здесь шаман Балганча и шаман Пороча из других документов — одно и то же лицо, а как правильно читается его имя — мы постараемся разобраться позже. Два других имени, похоже, содержат хорошо известный чукотский компонент личных имен *-нто*; тогда мы сами можем определить эти имена как чукотские. Был ли шаман Пороча юкагиром — очень сомнительно, как сомнительно и то, что казаки могли поймать в аманаты юкагира в компании с двумя чукчами: уж больно разнятся способы ведения хозяйства у сухопутных охотников-юкагиров и оленеводов или морских охотников-чукчей.

Есть еще один документ, привлекающий наше внимание, — расспросные речи Прокопия Козлова от 17 сентября 1640 г.. Этот доку-

мент проливает свет на некоторые интересные подробности. В частности, в нем говорится: «В прошлом в 144 году (7144 = 1636! — А. Б.)¹⁵ из Енисейского острогу десятник Елеска Юрьев (Буза. — А. Б.) взял меня... (предположим, что это дата начала службы казака у Бузы. — А. Б.)... иплыли мы из Олекминского острожку вниз по Лене реке до моря 2 недели... а с усть Лены реки ходу парусного пятеры сутки до усть Яны реки... и на море поймали мы юкагирского князца Билгия, а по морю шли 10 дней до усть Лены реки...» [Дополнения к актам... 1846. Т. 2. С. 240]¹⁶.

Похоже, что Прокопий Козлов из данного документа и Пров Лазарев из документа 87 того же сборника [Дополнения к актам... 1846. Т. 2. С. 243], а также из других документов — это одно и то же лицо. Имя «Пронька» по-разному понято и передано издателями, отчество и прозвище у сибирских служилых и промышленных людей в документах XVII в. часто заменяют друг друга, но размер собранного ясака, указанный в двух упоминаемых документах, — один и тот же, как и аманат Билгей. Что мог делать юкагирский князец «на море», непонятно, но если Билгей, он же Балганча и он же Пороча наиболее поздних расспросов — это чукча из приморских *ан'к'альют*, или тех самых «немила» из других документов, то все становится понятно — и в частности то, почему он называет топонимы чукотского происхождения и почему он так хорошо знает местности и названия приморского Заколымья.

Кстати, чудеса с именем этого аманата, чье происхождение для нас так важно, этими формами не исчерпываются. В расспросных речах Лаврентия Григорьева, Ивана Ерастова и Третьяка Алексеева это же имя читается как Бегелга, а в другой публикации — Беренга [Русские мореходы... 1952. С. 45; Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 127].

В комментариях к «Расспросным речам» Постника Иванова, подготовленных М. И. Беловым, приводится выписка из одного неопубликованного документа, в котором рассказывается, что Елисей Буза привез людей с именами «Быгалга, Емгунта и Долгунта» [Русские море-

---

¹⁵ Язык документов преподносит нам еще один сюрприз: слова *прошлый год* в наших источниках имеют значение «минувший год», но не «год, непосредственно предшествующий текущему году», как в современном русском языке.

¹⁶ В сборнике «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах» (с. 39) это имя выглядит как «Билчя». Б. О. Долгих попытался собрать максимально полную сводку написания имен этих трех аманатов [Долгих, 1960. С. 390, примеч. 122], однако даже эта сводка мало что дает для окончательного прочтения этих имен.

ходы... 1952. С. 41]¹⁷. Важно, что два других имени совпадают — значит, третье имя, наиболее интересное для нас, представлено в разных документах в различном написании.

Итак, скорее всего, носитель этого странного имени, фигурирующего в документах в столь разнообразных вариантах, скорее всего не юкагир, а чукча, попавший в плен к казакам с двумя своими соплеменниками. Ни юкагирский, ни чукотский языки не имеют слов с начальным согласным *б-*, скорее всего, в начале этого имени был звук *в-*. Мы заранее отдаем себе отчет в том, что результаты прочтения этих имен будут не слишком надежными, однако позволим себе высказать ряд догадок на этот счет. Форма Быгалга похожа на чукотское слово *ва-гылгын* ‘коготь’. Форма имени Балганча, если принимать за исходную именно ее, может читаться как Вайн’ынто ‘родившийся на закате’. Второе имя, словно аманаты-чукчи через триста с лишним лет смеются над нами, читается как Эньанто ‘родившийся утром’. Третье имя из интересующих нас документов может быть интерпретировано как Тылгынто ‘родившийся в оттепель’ — от чукотского слова *тылгытыл* ‘оттепель’ или как Талганто — от глагола *тэлгэтык, тэлтык* ‘сопеть, задыхаться’. Кстати, зная поведение чукчей, у которых не принято пользоваться личными именами в общении, мы можем серьезно сомневаться в том, что они назвали в «расспросных речах» свои собственные имена, а не придумали себе первые попавшиеся. И как бы ни читалось имя этого колымского князца и шамана, оно определенно сходно с именем чукотского старшины, записанным в виде Пагранча, Пагранчи, Пагранче, с которым более чем век спустя встречался Г. А. Сарычев [Сарычев, 1952. С. 247, 258].

Подробности дальнейшей судьбы этого аманата становятся известными из другого документа — челобитной Ивана Ерастова 1645/46 гг.: «И того же, государь, 151 году (1643) в-ьюле погрехом учинилось, побегал ковымской аманат шаман Пороча енисейского служивого человека Оники Никитина с караулу, и мы, холопи твои, ходили к ним юкагирям в юрты и поймали того ушлого аманата Порочи ковымского сына его именем Пиндяти да жену его» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 136]¹⁸. Имя сына аманата может читаться как чукотское Памьят ‘меховые чулки’; а чью именно жену нашли у юкагиров казаки — жену самого Порочи или его сына — из содержания документа непонятно. То, что «ушлого» аманата искали у юкагиров,

¹⁷ Ссылка на рукописные материалы: ЯОУ. Ст. 43. Л. 63—64.

¹⁸ Род Порочи, переселившийся в 40-х гг. с Колымы на Индигирку, платил там ясак до 1681 г., пока не растворился в среде юкагиров-шоромбойцев [Гурвич, 1966. С. 16].

отнюдь не свидетельствует о том, что сам он был юкагиром — просто его искали у ближайших соседей. Что же касается чьей-то жены — так и неясно, жены самого аманата Порочи или его невестки — то вот она могла быть и юкагиркой. Кстати, известно и «имя» второго сына Порочи. В 1648—1649 гг. Константин Степанов Дунай принял в числе аманатов «колымского шамана Порочи сына его именем Шельгу» [Русские мореходы... 1952. С. 182]. Позже Фома Кондратьев в своей отписке в числе принятых им аманатов называет «сына его Порочина именем Шельгу» [Там же. С. 196]. Сын колымского князца и шамана просидел в аманатах довольно долго — когда в 1661 г. Второй Катаев принимал от Ивана Ерастова аманатов, среди них в Верхнеколымском остроге числился и Шалага Рыбник [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 326]. Судя по всему, эти документы не столько информируют нас об имени второго сына шамана Порочи, сколько однозначно указывают нам на этническую принадлежность всего семейства. Вместо имени аманата, получившего прозвище Рыбник, по всей видимости, была записана его этническая принадлежность: он был «шелаг», то есть чаунский чукча — житель долины реки Чаун (подробнее об этнической принадлежности шелагов см.: 6.4). При таком раскладе фактов вопрос об этнической принадлежности шамана Порочи находит однозначное решение.

Зададим себе следующий вопрос: как называется «серебро» по-юкагирски? Нет такого слова в юкагирском языке, во всяком случае, его не дают нам юкагирские словари. Как называется «серебро» по-чукотски? Тоже неизвестно. Я. И. Линденау приводит корякское название для денег и серебряных изделий — *Zilewa* [Линденау, 1983. С. 119, 135], но это название, к слову, слишком уж похоже на русское слово «железо». У эвенов есть для серебра свое слово — *мэнгэн*, очевидно, заимствованное из монгольского *мөнгө(н)* 'серебро'.

Допрашивали привезенных Елисеем Бузой аманатов, как мы знаем, в Якутске. По-якутски «серебро» — *көмүс*. А по-чукотски похожее слово — *к'ымыт* — означает 'навес', 'верх полога', 'потолок'. Тут становится понятным, что тот, кого спрашивали о серебре («көмүс») на «реке Нелогге», рассказывал о том, что у горы Ныглейн'ын что-то нависает («к'ымыт»), и, возможно, там даже охотятся с луком и стрелами на птиц. Русское слово «серебро», надо полагать, звучавшее не раз при расспросных речах аманатов, могло показаться в равной мере похожим на юкагирское слово *чирэмэ* 'птица'¹⁹ и на чукотские *черычер* 'глина' и *парэ-к* 'казаться, выглядеть': *черыпарэн* 'то, что вы-

¹⁹ [Курилов Г. Н., 1990, С. 323]: в этом месте словаря нарушен алфавитный порядок слов.

глядит как глина'. Вот, видимо, почему в рассказе серебро «висит из яру соплями» и его добывают с помощью лука и стрел. Похоже, что при расспросе аманата спрашивающие перебрали почти все чукотские и юкагирские слова, похожие на русское «серебро» и якутское *кәмүс* и в конце концов записали на основании данных ответов такой текст, который мог бы быть хоть чуть-чуть связным и осмысленным.

Догадаться обо всем этом было бы крайне затруднительно — надо сказать, наверное, и читателям будет непросто поверить в то, что все могло быть именно так. Но С. П. Крашенинников, изучавший языки народов Камчатки столетие спустя, приводит весьма похожие факты такого же изменения слов при переводе. Иногда в его материалах русское слово при переводе на какой-то местный язык приобретает перевод не по своему собственному значению, а по значению созвучного и более понятного слова: вместо слова «студент» дается перевод слова «студеной», и вместо слова «чай» — перевод слова «чайка» [Крашенинников, 1994. Т. 2. С. 4].

Повод для аналогичного истолкования дает сходство и других названий, в частности, сходство эвенского слова мэнгэн 'серебро' с чукотским корнем мэйын'-/майын'- 'большой', часто встречающимся в топонимике, и особенно часто как раз на Западной Чукотке. В качестве примера можно привести ряд названий в Чаунском и Билибинском районах, так, речка Майнатгыр впадает в Малый Чаунский пролив (это совсем рядом с Нелогой — Наглейнынваагом), перевал по водоразделу реки Млелювеем называется Майна или Майнн'ыпонн'ылвэгыргын 'Большой пересекаемый водораздел', в верховье реки Млелювеем есть гора Майн'ай 'Склад-гора', и т. п. [Топонимический словарь... 1989. С. 241—244].

Тем не менее рассказы о таинственной серебряной горе на Западной Чукотке имели свое продолжение — уже почти в наши дни и в другой профессиональной среде — у геологов. Писатель Олег Куваев, работавший после окончания геологоразведочного института на Чаун-Чукотке, в своей ранней книге «Два цвета земли между двух океанов» говорил о серебряной горе Пилахуэрти-Нейка, которая должна была располагаться на водоразделе Сухого Анюя и Чауна [Куваев, 1988. С. 77]²⁰. Вот что он пишет о возможности обнаружения месторождений серебра на Чукотке: «Наиболее вероятным местом, где может на-

---

²⁰ Вообще название Пилахуэрти-Нейка расшифровывается из чукотского языка как Пылвйтгырти-н'эгны 'гора проливов' или Пилгвытгырти-н'эгны 'гора горловин проливов' — если тут не идет речь о впадающей в Чаунскую губу речке с названием Пилоткель (чукот. Пылёткольын 'Грызущая' [Топонимический словарь... 1989. С. 307]).

ходиться серебро, является место выхода реки из предгорий на приморскую Раучуанскую низменность» [Там же. С. 81]. Там же сообщается, что геолог Сеймчанской экспедиции Садовский нашел на Омолоне крупный самородок серебра [Там же. С. 87]. Правда, разбор названия Пилахуэрти-Нейка привел самого О. М. Куваева к выводу, что эта гора — гора Пильгурти-Кувейти-Нейка, то есть «гора между трех речек, впадающих в реку Кувет» [Там же. С. 85]²¹. В дневниковой записке автора в этом названии определенно присутствуют лишь чукотское слово *пилгын* ‘устье’ и название реки Кувет, остальную же часть информации надо отнести на счет того, кто рассказывал об этой горе.

К большой досаде, документ-источник названия Серебряной горы Пилахуэрти-Нейка, которая должна находиться на Западной Чукотке, остался неизвестным. Однако похоже, что и серебро Западной Чукотки может быть не только легендарным — сообщения о серебряной горе в этом регионе не остаются без внимания геологов до сих пор.

4.2.2. Рассказы о Серебряной горе в контексте геологических исследований Западной Чукотки в XX в.

История о Серебряной горе на северо-западе Чукотки получила во второй трети XX в. неожиданное продолжение, относящееся к разным областям знаний — от источниковедения до полевой геологии и уже в наши дни послужившее основой для рассказа, вполне профессионального для автора-геолога и любопытного для историков.

Публикация документов русских землепроходцев и мореходов XVII в. инициировала сразу две заявки на месторождение серебра на Западной Чукотке. Автором одной из них был историк из Комсомольска-на-Амуре кандидат исторических наук доцент С. И. Баскин, изучавший документы об открытии Дальнего Востока России глазами профессионала (из его работ см.: [Баскин, 1949]), автором другой — В. Ф. Уваров, работавший на рубеже 1920-х и 1930-х гг. на Чукотке. Обе заявки были проверены, или, как говорят сами геологи, заверены в ходе полевых исследований указанного региона.

Приведем выдержки из отчета геолога А. С. Монякина от 28 марта 1961 г. [Куваев, 1962]:

«В Чаунское РайГРУ поступили заявки В. Ф. Уварова и С. И. Баскина, в которых авторы сообщают о крупном месторождении серебра, расположенном будто бы на Чукотке.

---

²¹ Число «три», указание на которое отсутствует в самом названии, вероятно, сообщено О. М. Куваеву каким-то его информантом, знавшим чукотский язык и знакомым с описываемой местностью.

Заявка В. Ф. Уварова (приложение 1)²² повествует о том, что где-то на водоразделе рек Малый Анной и Чаун, на краю лесов, находится серебряная гора, которая „повсюду режется ножом“. Эти сведения В. Ф. Уварову сообщили, как он пишет, в 30-х гг. ломуты рода Дехлянки в поселке Усть-Белая Анадырского района²³. Уваров считает, что серебряную гору легко найти визуалью, так как она, по его мнению, выделяется среди других именно тем, что она серебряная.

Заявка С. И. Баскина (приложение 4) основана на изученных им архивных материалах, изложенных в сборнике Н. С. Орловой „Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века“, издание Географгиз 1951 г. В этой заявке Баскин сообщает, что на реке Нелога имеется серебряное месторождение, которое представлено... „жильным серебром, заключенным в породу горы и россыпью, прорезанной глубоким яром с отвесными стенами“. Под рекой Нелогой Баскин подразумевает р. Раучуа (Б. Бараниха), где и предлагает предпринять поиски серебряного месторождения.

Решением НТО СВГУ Чаунскому РайГРУ было предложено организовать поиски серебряного месторождения с учетом заявок С. И. Баскина и В. Ф. Уварова.

С этой целью в 1960 г. был организован Заверочный отряд, который проводил работы в бассейне р. Раучуа и в бассейне ручья Китеп-Гуйтенърывеем (правый приток ручья Китепвеем, впадающего в Восточно-Сибирское море западнее устья р. Раучуа). Серебряных рудопроявлений ни на одном из участков отрядом обнаружено не было. Подробно результаты работ изложены в отчете Заверочного отряда за 1960 год» [Монякин, 1961].

Далее в отчете А. С. Монякина говорится: «Изложенные архивные документы исчерпывают все, что известно о серебре на Северо-востоке в сборнике Н. С. Орловой. Из этих документов видно, что донесения казаков целиком базируются на показаниях заложников. Сами служилые люди не только не добрались до серебра, но и не получили сколь-нибудь удовлетворительных данных о месторасположении серебряного месторождения. Показания заложников сомнительны и неточны еще и потому, что в то время многие реки не были открыты, не совсем было известно, какая река куда впадает. Так, заложник Пороча (который, кстати, сбежал от служилых людей) считал, что река Чундон²⁴ впадает в Колыму, тогда как она впадает в Охотское море. По этому поводу Михаил Стадухин уже тогда докладывал царю, перешедши на Пенжину: „И с той реки перешел я, холоп твой, с товари-

---

²² Приложения не опубликованы.

²³ Так в документе.

²⁴ Так в документе.

щами своими на Изигу реку. А по Изиге реке живут многие коряцкие люди, а вверх Изиги ту же реку зовут Чондоном, а живут ходыньские мужики юкагиры“ (с. 157)»²⁵.

А. С. Монякин продолжает: «В заявке С. И. Баскина говорится, что рекой Нелогой, на которой расположено месторождение серебра, является река Б. Бараниха/Раучуа, где, как он считает, и следует искать это месторождение»²⁶.

Поиски месторождения в бассейне р. Раучуа дали отрицательные результаты, о чем уже сказано в начале данной записки.

В книге Н. С. Орловой, по материалам которой Баскин доставил заявку, имеется вполне определенное указание на расположение реки Нелог и реки Чюндон (или Чендон), о чем выше подробно сказано. Баскин совершенно произвольно решил, что под рекой Чюндон следует считать р. Малый Аней. На с. 235 сборника Н. С. Орловой читаем наказную память, относящуюся к 1647 г.: „А внизу сторонна река вниз пловучи с правой стороны реки Аноя, а на усть Аноя реки поставлено вновь ясачное зимовье. А по распросу амнатов, что Аноя река течет издали из озера. А в вершинах той реки и у того озера, с которого она вышла, оленных мужиков человек с 300 и больше“. На с. 260 в отписке Семена Моторы с товарищами (док. 87) читаем: „...что можно де по Анею реке через Камень перетти с Колымы реки на новую реку Анадырь“. Словом „Камень“ в то время назывались водоразделы. Следовательно, река Аней и в те далекие времена имела свое настоящее название и спутать её с рекой Чюндон невозможно, если внимательно изучать документы в сборнике Н. С. Орловой».

Вывод А. С. Монякина таков:

«В заявке С. М. Баскина... содержится еще ряд ошибок и необоснованных выводов, не подтвержденных архивными документами. Изложенного достаточно, чтобы видеть, что заявка Баскина составлена с большой долей произвольного домысла; необходимость поэтому в подробном анализе ее отпадает, тем более что заявка проверена».

Геолог, ныне член-корреспондент РАН А. А. Сидоров так рассказал в своей статье о событиях начала 1960-х гг.: «О том, что где-то в тех краях на северо-востоке России есть серебро, стало известно в середине XIX в. из архивных документов Якутской приказной избы. Историк С. Баскин и М. Белов приводят рассказ юкагира Порочи. В 1643 и 1644 гг. с ним встречались казаки Иван Ерастов и Лавр Гри-

²⁵ Данная цитата не имеет отношения к содержанию отчета, но показывает, что геологи 1960-х гг. считали наименование Чондон топонимом, а не апеллятивом и привязывали все похожие именованья к Гижиге.

²⁶ Об этой же локализации Нелог С. И. Баскиным упоминает и О. М. Куваев [Куваев, 1975. С. 64].

горьев. Он сообщил им интересные сведения о племенах, добывающих серебряную руду. Пороча эти племена называл наттами или „писаными рожками“ (подобный обычай татуировать лица был у коряков и чукчей). Натты якобы умели выплавлять из руды серебро. В эти же годы, по данным М. Белова, другие юкагиры рассказывали казаку Елисею Бузе в Якутске, что натты живут на реке Нелогге. „За Колымой-рекой протекает река Нелогга, которая впадает в море. На реке Нелогге есть утес с серебряной рудой“. Более свежие, хотя столь же неопределенные сведения собрал бывший комиссар из дивизии Котовского одесит Уваров. В 1930 г. судьба забросила его заниматься заготовками леса в Анадырском районе. И там он услышал от местных жителей рассказ о том, что где-то на водоразделе Сухого Анюя и Чауна „стоит гора, всюду режется ножом, внутри яркий блеск...“ И гора эта — серебряная.

В 1963 г. в городе Анадыре проходило совещание геологов северо-востока нашей страны, принимал в нем участие и автор этого повествования. После совещания был устроен банкет, на котором мы весело комментировали неопределенные, похожие на легенду сведения комиссара Уварова о местонахождении Серебряной горы. И тут вдруг вошел начальник геологического управления и сказал: „К нам прибыл комиссар Уваров. Он только что прилетел из Одессы“. Полагая, что это шутка, мы еще больше развеселились. „Прошу вас прекратить насмешки. Уваров уже в вестибюле“. Через несколько минут в зал вошел пожилой человек, с одним глазом и хромой, но, несомненно, с военной выправкой. Мы замерли, рассматривая ожившую легенду. Комиссар выпил рюмку и заявил, что через несколько дней найдет Серебряную гору... Он, конечно же, ничего не нашел и с тем отбыл обратно в Одессу. Через некоторое время неугомонный комиссар в присланном им письме требовал, чтобы геологи во чтобы то ни стало продолжили поиски Серебряной горы. Указал ее название — Пильхуэрти Нейка. Что означают эти слова, на каком они языке — никто из нас не знал. Было у Уварова и несколько других, тоже весьма неопределенных ориентиров: верховье крупных рек Анюй, Чаун, Анадырь, граница леса и тундры. А еще комиссар говорил, что надо найти чукчу, которого он называл Костей из рода Дехлянки²⁷, знавшего якобы все о Серебряной горе» [Сидоров А. А., 1998. С. 26—27].

В заключение своей статьи А. А. Сидоров пишет: «И все-таки есть еще энтузиасты, которым нужна именно та самая Серебряная гора — из легенды. Я храню копию статьи геолога Ю. Ф. Нехорошкова, которая была написана в 70-х гг. Он очень тщательно проработал двадцать

---

²⁷ Д е х л я н к и (точнее Дяллянкан) — название эвенского рода, соответственно, этот Костя никак не мог быть чукчей.

шесть исторических источников и пришел к выводу, что Серебряную гору надо искать не на Чукотке, а по Охотскому побережью, где-то в бассейнах рек Наяхан, Гарманда, Гижига, Парень. Нехорошков полагает, что в северо-восточной части Охотского побережья по соседству с коряками жило неизвестное этнографам оседлое племя наттов (натков). Это племя пришло с Амура и владело достаточно высокой культурой поисков и обработки руд. Но это также всего лишь еще одна гипотеза» ([Сидоров А. А., 1998. С. 29]; см. также: [Нехорошков, 2008]).

Заявка В. Ф. Уварова была проверена. Имеется отчет геолога Г. И. Агальцова о результатах ее проверки ²⁸:

«Поиски „Серебряной горы“ — „Пильхуэрти-Нейки“ были организованы весной—летом 1963 года Анадырской комплексной геологоразведочной экспедицией СВГУ по указанию Главгеологии РСФСР письмом 696 „з“ от 22 сентября 1962 года, в связи с заявкой жителя города Одессы — Уварова Василия Федоровича».

Эта заявка проверялась: «Северо-восточное геологическое Управление также отказывает В. Ф. Уварову в проведении специальных заверочных работ по „Серебряной горе“, однако побочно с основными геологическими работами делались попытки проверить заявку Уварова В. Ф. В 1958 году начальники партий, работавшие в верхнем течении р. Малого Анюя, Сосунов Г. М., Егоров Д. В. совершили облет верховьев р. Малого Анюя, горы, похожей на „Пильхуэрти-Нейку“, обнаружено не было. В том же 1958 году, летом, геолог Курбалов П. А. обследовал гору „Двух цирков“ (1853 м) на правом берегу верховьев р. Малого Анюя, думая, что она и является „Пильхуэрти-Нейкой“ — серебра обнаружено не было» [Там же].

Далее Г. И. Агальцов обсуждает в своем отчете заявку С. И. Баскина: <...> «28 мая 1959 года в СВГУ поступила пересланная из Министерства геологии и охраны недр ещё одна заявка на серебро — Баскина С. И. жителя города Комсомольска-на-Амуре, доцента местного Педагогического института. Баскин С. И., изучив, в основном по статье Орловой Н. С., древние архивные документы XVII века о землепроходах северо-востока, пришел к заключению, что в верховьях реки Большой Баранихи (Раучуа) существует крупное месторождение жильного и россыпного самородного серебра, район истоков реки Большой Баранихи (Раучуа) непосредственно примыкает к северо-западным склонам водораздела Малого Анюя — Чауна, то есть к участку, где указывалась Уваровым В. Ф. „Серебряная гора“» [Там же]. В этой цитате чрезвычайно интересны и важны уже в наши дни для истории науки

---

²⁸ Анадырская комплексная геологоразведочная экспедиция. *Агальцов Г. И.* Отчет по поискам «Серебряной горы» по заявке В. Ф. Уварова в 1963 г.: [Электронный ресурс]. URL: <http://tfi.chukotnet.ru/Public/agmount/agalicyov.html>

не только данные о самом С. И. Баскине, но и предложенная им локализация реки Нелоги (Нероги), почти тождественная предложенной нами в 1998 г. (см.: [Бурыкин, 1998. С. 79—88]).

Итоги заверки заявки В. Ф. Уварова, согласно отчету Г. И. Агальцова, таковы: «В чаунской тундре на междуречье верховьев рек Лелювеем и Раучуа в горах Пыльвынтыкуйвын есть гора Пыльвынты-Нейка²⁹, выделяющаяся среди остальных гор тем, что на её склоне есть не тающая летом наледь, спускающаяся к подножью, которая издали сверкает как металл. Лед наледи очень крепок, с трудом поддается ножу»³⁰ <...>

«Как было установлено, в частности, в селе Илырней (совр. название Илирней. — А. Б.) прообразом „горы из металла“ в легендах, рассказах, бытующих среди населения, явилась обыкновенная сопка, покрытая многолетним снежником или наледью, блестящей на солнце, как металл. Эта сопка служила ориентиром при кочёвках и перегонах стад к побережью и обратно. Уваровым В. Ф., вероятно, были услышаны обрывки одного из рассказов о природных достопримечательностях, встреченных пастухами во время их кочевков, произведена их вольная „интерпретация“ с помощью энциклопедии Брокгауза и Ефрона» [Там же].

Есть и еще один рассказ о проверке заявок на Серебряную гору — он представлен в книге Н. Н. Незнанова «Следы на снегу»: «В 1962 г., в период проведения XXII Съезда КПСС, на имя Н. С. Хрущева поступила записка от гражданина Уварова — пенсионера, в прошлом работника торгово-заготовительной фактории на Чукотке. В записке он утверждал, что в 30-е годы, кочуя с чукчами-оленеводами в верховьях р. Анюй, видел блестящую на солнце гору, откуда аборигены приносили куски самородного серебра и делали из него пули. Лояльный к новой власти в стране, он готов подарить Родине, Съезду эту „Серебряную гору“.

Проверка заявок граждан была в практике геологов. Письмо это направили к нам с рекомендациями — поставить первоочередные геолого-съёмочные работы в указанном районе. Мы связались с гр. Уваровым, попросили, для уточнения площади предполагаемых поисков, подробнее описать местонахождение его „горы“. В ответ получили туманные объяснения и безусловное требование: официально назначить его начальником экспедиции, выделить персональный вертолет, а гору он укажет сам.

²⁹ Названия переводятся с чукотского языка как «Железная наледь» и «Железная гора». — А. Б.

³⁰ Анадырская комплексная геологоразведочная экспедиция. Агальцов Г. И. Отчет по поискам «Серебряной горы» по заявке Уварова В. Ф. в 1963 г.

Время шло, приближалась весна 1963 г., надо было выезжать на полевые работы в верховья Большого и Малого Анюев, а мы так и не смогли получить от нашего „первооткрывателя“ уточняющих сведений. Готовясь к „полю“, геологи произвели облет территории на самолетах, просмотрели имеющиеся у нас аэрофотоснимки местности — впечатляющих взор объектов, „блестящих на солнце“, выявлено не было. Летом геологи занялись обычным для них делом — комплексным изучением территории, составлением геологических карт.

Верховья Анюев берут свое начало в Охотско-Чукотском вулканогенном поясе — огромной геологической структуре древних и современных вулканов, широкой полосой тянущихся от Приохотья до побережья Ледовитого океана. В пределах его уже были известны золото-серебряные месторождения, но сколько-нибудь существенных скоплений самородного серебра в них не встречалось — оруденение было тонковкрапленным, рассредоточенным. Небогатые проявления золото-серебряных руд подобного типа были обнаружены нашими полевыми партиями и в этом сезоне, но „Серебряная гора“ — не встречена. Заявку восприняли как курьез, фантазию несведущего человека. Однако гр. Уваров продолжал „сигнализировать“ в ЦК КПСС о нежелании местных геологов (нас) отдать ему пальму первооткрывательства, сделать Родине подарок. Реакция на эти письма в „верхах“ была спокойной — мы своевременно отправили в Мингео СССР аргументированный отчет о результатах заверки этой заявки.

Беспокойный энтузиаст — первооткрыватель „Серебряной горы“ Уваров решил сделать шаг нам навстречу — по собственной инициативе появился в Билибино. По коридорам геологического управления важно расхаживал приземистый старичок с окладистой седоватой бородой, заглядывал в кабинеты, спрашивая: „Где тут самый главный начальник?“³¹

Принял его начальник геологического управления; собрал участников геолого-съемочных работ в этом районе, они разложили на столе точнейшие топографические карты и начали беседу. Понимая, что за прошедшие 30 лет в памяти Уварова поистерлись детали виденного, геологи показывали на карте месторасположение его фактории, рассказывали, как выглядят эти места сейчас. Спрашивали, по каким рекам он кочевал с чукчами, называли чукотские и современные их названия, вспоминали характерные местные приметы — горы, останцы, повороты долин, пытаясь вызвать у него зрительные ассоциации — ведь они уже прошли эти места своими маршрутами. Он путался в

---

³¹ Описание внешности В. Ф. Уварова, данное Н. Н. Незнановым, явно расходится с рассказом А. А. Сидорова, заслуживающим большего доверия — не случайно книга Н. Н. Незанова имеет подзаголовок «Геологические байки».

объяснениях, не мог вспомнить того, не видел этого... Прижатый конкретными вопросами, наш „первооткрыватель“ наконец сознался, что никуда он с чукчами не кочевал, жил на фактории, там и слышал от проходящих оленеводов байку о „Серебряной Горе“, кусков серебра сам не видел. По своей стариковской наивности думал, что вот сядет на вертолет, пролетит по местам своей молодости, посмотрит сверху и найдет ее!

Тем временем легенда о „Серебряной горе“ на Чукотке разошлась по другим местным геологическим управлениям. Ее поискам посвящали свои отпуска геологи — энтузиасты, журналисты, в том числе и такие известные писатели, как О. Куваев и А. Мифтахутдинов.

„Серебряная Гора“, от которой чукчи якобы отстреливали сосульки самородного серебра для своих изделий, так и осталась красивым мифом» [Незнанов (Б. г.)].

Геолог и писатель О. М. Куваев, упоминавший о Серебряной горе Пилахуэрти-Нейка и даже давший свою идентификацию этого названия, определив гору с этим именем поблизости от бухты Кувет — устья реки, среднее течение которой называется Пегтымель, подробно описал свой опыт поисков серебряной горы в специальном очерке [Куваев, 1975. С. 63—67], где рассказывается и история заявки В. Ф. Уварова — как видно, эти события были хорошо известны среди высочайших профессионалов — геологов, проработавших не один сезон на Чукотке, в том числе в тех самых местах, где должна была находиться Серебряная гора.

Одна из последних книг, в которой затрагивается вопрос о Серебряной горе, — это книга автора упомянутой А. А. Сидоровым газетной статьи геолога Ю. Ф. Нехорошкова «Легенды Колымского края» [Нехорошков, 2008. С. 4—27]. К сожалению, автор, настаивающий на надуманной или ошибочной идентификации легендарной Нелогии с реками Охотского побережья, не смог сказать чего-либо значимого в проблеме Серебряной горы.

Итак, рассказы аманатов о Серебряной горе, будто бы находящейся где-то недалеко на восток от Колымы, пробудили энтузиазм читателей документов три века спустя, но не нашли материальных подтверждений при профессиональных геологических исследованиях данного региона. Как явствует из отчетов геологов, промышленное серебро в указанных регионах не обнаружено. В свете этого нам оставалось одно — на основе документов попытаться локализовать реки, служащие аманатам и казакам ориентирами в поисках легендарной горы, и постараться понять, как же в ходе расспросов аманатов могла родиться история о серебре, которое «висит из яру». Наша версия и предлагается вниманию читателей.

4.3. Таинственная река Погыча

Погыча — название реки, лежащей где-то к востоку от Колымы и являвшейся первоначально главной целью походов русских землепроходцев морем на восток. На местности река с таким названием так и не была найдена.

В литературе существует несколько мнений по поводу того, что скрывается за названием реки Погычи. Два из них высказаны в этнографических трудах конца XIX в. и ныне часто используются без ссылок на первоисточники, так что нам придется начать с восстановления справедливости и установления научных приоритетов. В. Г. Богораз считал, что Погыча — это современная Пахача на северо-востоке Камчатки [Богораз, 1934. С. 34]. Это же мнение повторяли географ Л. С. Берг, историки С. В. Бахрушин и В. И. Огородников, А. В. Ефимов, С. Н. Марков, наиболее активно отстаивал эту точку зрения Б. П. Полевой, в работах которого учтена большая часть имеющейся литературы [Полевой, 1984а. С. 6—8; 1997. Ч. 1. С. 33—36, 39—40, 71—72]³². Точку зрения Б. П. Полевого считают если не доказанной, то достаточно обоснованной и другие авторы [Сергеев и др., 1998. С. 62—63; Никитин Н. Н., 1990. С. 37]. А. В. Олсуфьев полагал, что Погыча — это река Погынден, приток Малого Анюя [Олсуфьев, 1896. С. 20]. Б. П. Полевой приписывает это же мнение М. И. Белову [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 71—72], хотя здесь какая-то неточность: изменявшиеся взгляды М. И. Белова на идентификацию Погычи нам известны в деталях, но такого он не писал, и более того, оригинальная идея А. В. Олсуфьева о Погыче мало кому известна.

Оба приведенных мнения не обоснованы должным образом. Юкагиры и любые другие аборигены низовьев Колымы не могли ничего знать о реке Пахаче на Камчатке, которая отделена от них не столько географически, сколько этнически: напомним, что отношения между разными группами юкагиров, чукчами и коряками, обитавшими на огромном пространстве от низовьев Колымы до северо-восточного побережья Камчатки, были враждебными³³. Река Погынден, вопреки указаниям о «Погыче», в море не впадает.

Имеются и другие мнения насчет того, что могло скрываться за названием реки Погычи. В русской исторической и географической ли-

---

³² Та же точка зрения, но уже без аргументации и со ссылкой только на свою же раннюю работу, изложена Б. П. Полевым в кн.: [История русской Америки, 1997. С. 62]; см. также: [Марков, 1948].

³³ Уместно задать сторонникам этой точки зрения вопрос — почему нижнеколымские юкагиры не знали больше ни одного из других топонимов восточного побережья Камчатки? Ответа на этот вопрос не будет — потому что они не знали и камчатской Пахачи.

тературе часто повторялось впервые высказанное, очевидно, Г. Ф. Миллером [Миллер, 1996. С. 23—24] и повторенное в 1849 г. Г. И. Спасским [Спасский, 1849. С. 40] утверждение, будто река Погыча, а равно и Ковыча, о которой речь пойдет далее (см.: 4.4), — это не что иное, как река Анадырь [Ефимов, 1971. С. 87, 94, 97]. Оно представлено и в авторитетном Географическом словаре П. П. Семенова-Тян-Шанского [Семенов-Тян-Шанский, 1863. Т. 1. С. 93], и в указателях к сборникам документов о русских открытиях на северо-востоке Азии, и в самом раннем издании книги М. И. Белова о Семене Дежневе. В первом издании его книги о Дежневе, вышедшем в 1948 г., излагается давно высказанная версия о том, что Погыча — это Анадырь [Белов, 1948. С. 65—66], но уже с начала 1950-х гг. М. И. Белов стал считать, что Погыча, наряду с Нелогой и Ковычей, — это река Чаун [Белов, 1955. С. 54—55; 1973. С. 78—79].

Рассмотрим известные нам упоминания о реке Погыче.

Считается, что первым узнал о реке под таким названием Иван Ерастов. В 1646 г. якутские воеводы В. Н. Пушкин и К. О. Супонев докладывали: «Ивашко Ерастов с товарищи 40 человек в роспросе сказали, что де они отведали ныне новую землю: вышод из Ленского устья итить морем в правую сторону под восток за Яну и за Собачью (Индибирка. — *А. Б.*), и за Олозейку и за Ковыму реки — новую Погычу реку. А в тое де, государь, Погычу реку впали иные сторонние реки. А по той Погыче и по иным сторонним рекам живут многие иноземцы разных родов неясачные люди, а ясаку никому нигде не платят. И напред де, государь, сего и по се число на той реке русских людей никою не было» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 215]. Этот документ справедливо считается первым упоминанием о реке Погыче [Полевой, 1984а. С. 6—7].

26 апреля 1647 г. Михаил Стадухин показывал: «А от Колымы де до реки ж, что выше той Колымы, сказывают, Пагыча, а до ней от Колымы парусным погодьем бежать сутки трои и больши. И та де река большая ж, и собольна ж, и иноземцов де по ней много ж, а язык у них свой же» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 222; Русские мореходы... 1952. С. 60]. Почти тот же текст читается в наказной памяти Василию Власьеву от 5 июля 1647 г. [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 234].

В 1648 г. на Погычу был послан Иван Баранов с 35 казаками «горою», то есть по суше, но этот поход оказался безуспешным: казаки «горою не дошли и пришли на Ковыму реку плачючи» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 263—264].

Известно, что Стадухин и Василий Бугор в 1649 г. «пошли морем вместе на Погычу реку, а назад с моря пришли в Ковыму реку сентября [...]» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 260]. В доку-

менте пропуск, дата их возвращения — 7 сентября — известна по другим источникам [Дополнения к актам... 1851. Т. 4. С. 13]. Итоги этого похода известны из ряда других документов. В выписи о службах Евсея Павлова читаем: «В прошлом де во 157 (1649) году ходил он, Мишка, с Ковыми реки на новую на Погычю реку, в кочах морем, и от Ковыми реки бежал парусом семеры сутки, а до Погычи де реки не дошел и поймал языков иноземцов коряцких людей и живут де они подле моря на берегу... И они де с пытки в роспросе сказали, что де той Погычи реки близко не знают, потому что лежит Камень утес и тому де камени конца не знают» ([Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 275]; почти тот же текст: [Русские мореходы... 1952. С. 116]). Еще в одном документе читаем: «...и писал он Михайло с Колымы реки в Якутцкой острог к твоим государевым воеводам, что бежал де он Михайло морем вперед семеры сутки, а реки де не нашел никакой; нашел де он Михайло небольших людей Коряцких и языков де переимал, а на роспросе языки сказали, что впереди де людей много есть, а реки они де не знают никакой, и он Михайло с товарищи воротились назад в Колыму реку...» [Дополнения к актам... 1851. Т. 4. С. 15]³⁴. Все источники, описывающие данный поход Стадухина, го-

³⁴ В версии событий 1648—1649 гг., выстроенной Б. П. Полевым [Полевой, 1997. Ч. 1], невероятные и просто невозможные предположения соседствуют с вновь возникающими противоречиями. Итак, в октябре 1648 г. два коча отряда С. Дежнева терпят крушение в Олиторском заливе поблизости от Пахачи («Погычи», по Полевому). Когда? Допустим, в начале октября 1648 г., в те же дни, когда высадился на берег С. Дежнев (около праздника Покрова), а реально должно быть позже — на две-три недели, составляющие время плавания от Анадыря до устья Пахачи. Берингоморское побережье заселено оседлыми коряками и аллоторцами, северное — кереками. Об этих кочах узнают местные жители — коряки (однако же об этом могли знать оседлые коряки, но не кочующие коряки-олленоводы). Коряки-олленоводы, узнав об этом от оседлых соседей, сразу же зачем-то устремляются от Пахачи на северо-запад — через земли оленных чукчей, для которых они были заклятыми врагами-таннгыт (см. хронику столкновений чукчей и коряков за XVIII в. [Нефедкин, 2003. С. 25—29]; см. также: [Вдовин, 1973. С. 256—257]), и это зимой-то, когда все следы на снегу видны, и весной, уже при длинном дне; пройдя за зиму и весну огромное расстояние, они выходят на берег в окрестностях Чаунской губы, где живут оседлые чукчи-ан'к'альит, они же *чульльыит*, которые едва ли рады непрошеным гостям. Эти коряки встречаются с участниками плавания Стадухина (1649), который узнает, что они «коряки» (как? — непонятно: название «коряки» не является самоназванием этого этноса и в наши дни; оленные коряки имеют то же самоназвание, что и оленные чукчи, — *чав'чыв'а*; и казаки на тот момент не отличили бы оленных чукчей от оленных коряков, кроме того, мы теперь знаем, что название «коряки» означало 'безоленные'), и эти «коряки», идентифицированные так, с энту-

ворят о нем как о неудачной попытке обнаружить загадочную реку Погычу, хотя, как будет показано далее, это плавание может считаться одним из выдающихся событий в исследовании побережья Ледовитого океана.

Юрий Селиверстов рассказывал, «как де ходили с Ковыми реки служилые люди Михайло Стадухин с товарищи на новую на Погычу реку, и они де ту кость собирали на берегу, а лежит тут на берегу кость многая... А за Ковымою де рекою есть 4 реки, а от тех рек есть иные

зиязмом весьма понятно рассказывают казакам, никогда не слышавшим чавчунского диалекта корякского языка, о том, что у них на Пахаче разбились два коча, — они убеждены в том, что русские поймут это слово, и при этом сообщают, что они «побили» мореходов из отряда Дежнева (см.: [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 72], после чего стадухинцы их отпускают с миром. Еще более странно, что эти, по Полевому «погыщкие», «коряки» не имеют понятия о реке Погыче, каковая должна быть их родной Пахачей, о чем они честно и сказали Стадухину (см. выше документы спутников Стадухина, участвовавших в этом плавании). Б. П. Полевой в тени повествования высказывает предположение, что эти «коряки» не побили команду исчезнувших кочей, а убили 12 спутников Дежнева, потерянных им [Там же. С. 76], но тогда, во-первых, откуда же эти «коряки» знают о двух разбитых морем кочах, во-вторых, сам Дежнев писал о своих спутниках «...и тех достальных людей на том месте не нашли, неведомо их иноземцы розвезли» [Дополнения к актам... 1851. Т. 4. С. 25]. Дело происходит зимой, но дежневцы не находят тел погибших товарищей, а слово «розвезли» дает основания думать, что на месте, где за три «днища» пути оставались люди, посланные Дежневым «на Камень» (вверх по реке Анадырь), оставались следы нартов. Возвращаясь к эпизоду с воображаемыми кочевьями или походами пеших и малоолетенных юкагиров к Пахаче, отметим замечание Б. П. Полевого, что юкагиры сами не могли пройти на Пахачу и надеялись на помощь русских [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 38], стало быть, юкагирам рассказали о Пахаче пришедшие оттуда коряки. Во всей этой истории утверждения автора версии либо одно другого невероятнее, либо одно исключает другое, либо заключения основаны на ошибках, хотя бы и исправленных позднее. Зачем вообще она нужна? Чтобы доказать: река Погыча — камчатская Пахача, коряки, пусть и в Чаунской губе, — жители Берингоморского побережья, а в Тихий океан прошли шесть кочей Дежнева. Два предположения основаны на вольной трактовке имен собственных, третье, насчет шести кочей в Тихом океане, как будто бы подтверждается более поздними документами самого Дежнева: «...шли морем на шти кочах, и прошед Анадырское устье, судом божиим, те наши кочи морем розбило, и тех торговых и промышленных людей от того морского розбою на море пот(он)уло, и на тундре от иноземцов побитых, а иные голодною смертию померли, итого погибло 64 человек» [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 75; Русские мореходы... 1952. С. 116]. Однако если «Анадырское устье» здесь — устье речки Энмаатгыр на Арктическом побережье (5.1), название которой каким-то образом стало известно Дежневу при временной высадке на берег, доказательная сила этого источника утрачивается.

реки Нанандара да Чандон» [Русские мореходы... 1952. С. 205—206; Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 302]. Вероятнее всего, что эти сведения о нескольких реках к востоку от Колымы получены участниками этого похода — людьми из отряда Стадухина. Если они верны и если именно они отразились на «Списке с чертежа Сибирской земли» 1673 г., то получится, что Селиверстов и Стадухин побывали очень далеко от устья Колымы — где-то в районе мыса Сердце-Камень, но реку Погычу, тем не менее, они как будто бы не нашли.

О походе Стадухина на реку Погычу говорится и в челобитной Федота Ветошки 1655 г. [Русские мореходы... 1952. С. 123]. Дежнев, рассказывая об этом походе в 1655 г., не располагал никакими новыми сведениями [Русские мореходы... 1952. С. 127].

Б. П. Полевой так патетически комментирует поход Стадухина 1649 г., который считается попыткой отыскать реку Погычу: «И только тут понял Стадухин, какую большую ошибку совершил он, поверив, что река Погыча находится близко от Колымы» [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 75]. Однако, как оказывается и как мы покажем далее, в это время Стадухин уже находился на порядочном расстоянии... к востоку от Погычи, устье которой скрыто с севера, с моря, за островом Айон.

Позднее стало известно, что Погычу все же можно достичь по суше: «И в том же во 158 (1650) году ведомо ему, Мишке, учинилось, что де Погыча река через гору блиско» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 275].

Единственный документ, дающий читающим какое-то основание отождествлять Погычу с рекой Анадырь, — это отписка самого Стадухина: «Посланы мы служилые люди Михалко Стадухин с товарищи на государеву службу на новую реку Погычу и на Анандырь та же река» [Русские мореходы... 1952. С. 67]³⁵. Остальные документы либо прямо противоречат этому, либо по крайней мере не дают основания для подтверждения такого отождествления. Когда воевода Д. Францбеков писал в Сибирский приказ о том, что ему нужно «на новые на Погычу реку и на Анандырь тож по 30-ти человек» ([Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 291]; см. также: [Русские мореходы... 1952. С. 60—61]), он явно имел в виду две разные реки, иначе бы не просил по тридцать служилых людей на каждую. Сообщалось, что на

---

³⁵ Тем не менее река Погыча отождествлена с Анадырем в указателях к обоим сборникам. Ныне этого мнения придерживается, кажется, лишь один В. М. Пасецкий (см.: [Пасецкий, 1995. С. 30]). Причем отмеченное недоразумение грозит тем, что может распространиться далее — в названной книге В. М. Пасецкого упоминания о Погыче оцениваются автором так: «Это дает основания полагать, что ко времени открытия Стадухиным Колымы промышленники морским путем уже достигали реки Анадырь» [Там же. С. 27].

Погыче уже служат 10 человек [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 289]. В 1651 г. воевода Иван Акинфов докладывал, что на Погыче служат два человека [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 331], и это в то время, когда у него еще не было никаких сведений ни о Дежневе, ни о Стадухине.

Из челобитной промышленного человека Ивана Федорова Казанца (1655) тоже не явствует, что река Погыча и река Анадырь — это одно и то же. Рассказывая о плавании Стадухина и его отряда, Казанец Погычи не называет, но говорит, что он ходил со Стадухиным «сухим путем на Анадырь и на Погычу» [Русские мореходы... 1952. С. 246]. Обратим внимание, что «семеры сутки» здесь — это, очевидно, время от начала плавания до встречи с «коряцкими людьми», а отнюдь не время плавания отряда в восточном направлении.

Из челобитной Семена Моторы, в которой упоминаются и Погыча и Анадырь, нельзя, вопреки издателям этого документа, сделать вывод, что это одна и та же река; словосочетание «та ж Анадырь река» не относится к Погыче [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 35, 259—260]. Семен Мотора говорит, что Михаил Стадухин собирается «на ту ж Анадырь реку», что проведали «служивые и промышленные люди нашего полку» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 259—260; Дополнения к актам... 1851. Т. 4. С. 17].

Сам Михаил Стадухин, много позже рассказывая о своих походах, упоминает о собирании моржовой кости, посланной с Юрием Селиверстовым в Якутск, но о реке Погыче не говорит [Русские мореходы... 1952. С. 261]. Примечательно, что название Погыча никогда — ни разу — не встречается в документах, связанных с именем Семена Дежнева.

Есть одна важная примета месторасположения реки Погычи, ускользнувшая от внимания исследователей. В наказной памяти воеводы В. Н. Пушкина Михаилу Стадухину, датированной 1647 г., поручается «да ему ж, Михалку, велеть служивым людям проведывать, и самому ему промышленных людей роспросить про тот остров, что в мори против Погычи реки, Новая Земля, есть ли на том острове морской зверь морж...» [Русские мореходы... 1952. С. 65]³⁶.

Возможно, составитель наказной памяти узнал об острове напротив устья реки Погычи из какого-то не дошедшего до нас источника. Но вполне вероятно, что таким источником была составленная в 1647 г. «Скаска» самого Стадухина, где говорилось: «И была де у не-

---

³⁶ Это точнейшее топографическое указание однозначно отводит гипотезу Б. П. Полевого, отождествляющую Погычу с Пахачей, ибо ему самому приходится признать, что против устья Пахачи никакого острова нет [История русской Америки, 1997. С. 24].

го жонка погромная колымская ясырка именем Калиба, а та жонка жила у тех мужиков, у чюхчей, 3 годы, и она де ему сказывала, что на острове, который в мори, идучи х той Колыме реке судами, на левой руке. А учнет де тот остров объявливатца в море от матерой земли в виду на левой руке, [идучи из Лены от Святого Носу, а к Яне де реке. А тот де остров Камень в мори пояс... что называют Новою Землею]³⁷. И те де чюхчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою чюхчи переезжают на оленех на тот остров одним днем. И на том де острове они побивают морской зверь морж, и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами, и по своему де они тем моржовым головам молятца... А промышленные де люди ему сказывали, что они у тех чухчи тот моржовый зуб видели, *кольцы* де у них оленных санок все того одного моржового зуба. А у тех де чюхчи соболя нет, потому что живут на тундре у моря» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 221—222]³⁸.

Надо сказать, что «коряцкие люди», которых допрашивал Стадухин во время своего плавания к Погыче, скорее всего не были настоящими коряками, о которых к этому времени на Колыме еще едва ли могли слышать³⁹. Этноним *коряки* уже с 40-х гг. XVIII в., со времен

---

³⁷ В квадратные скобки взяты слова, явно не принадлежащие ясырке и являющиеся чьим-то домыслом. Здесь нет нужды ни полагать, что первооткрыватели Колымы получили сведения об Аляске (как считал М. И. Белов), ни приписывать М. Стадухину свидетельство о «каменном поясе» в Ледовитом океане, как это делает Б. П. Полевой [История русской Америки, 1997. С. 21—24].

³⁸ Тот же текст см.: [Русские мореходы... 1952. С. 59—60] — с ошибкой в чтении «концы». Интересно, что вариант с формой *кольцы* был в руках у Г. Ф. Миллера (см.: [Миллер, 1996. С. 23]).

³⁹ Б. П. Полевой, тем не менее, не только считает, что эти «небольшие люди» были настоящими коряками, упуская из виду то, что этот этноним не является их самоназванием, но и полагает, что эти «люди коряцкие» рассказали Стадухину о крушениях кочей Дежнева вблизи Анадырского лимана [История русской Америки, 1997. С. 30; Полевой, 1997. Ч. 1. С. 72, 76]. Логика тут понятна: во-первых, если нижнеколымские юкагиры, по его мнению, добирались до камчатской Пахачи, то почему бы корякам с Южной Чукотки не объявиться в районе Чаунской губы; во-вторых, кажется, что автору нужно, чтобы в Берингово море вошел не один коч Дежнева, а все шесть, кроме коча Г. Анкудинова [История русской Америки, 1997. С. 30; Полевой, 1997. Ч. 1. С. 75, 77]. При таком подходе безразлично, где именно пропали кочи спутников Дежнева — в Ледовитом океане или в Беринговом море. Локализация места высадки самого Дежнева на южном берегу Анадырского лимана, предлагаемая Б. П. Полевым и основанная на произвольном толковании названия «конецгубье» [Полевой, 1989. С. 132—139; 1997. Ч. 1. С. 66] более чем спорна, не имеет надежных оснований и противоречит рассказу самого С. Дежнева

Г. Стеллера и С. П. Крашенинникова, связывали с чукотским словом *к'оран'ы* 'олень' [Крашенинников, 1994. Т. 2. С. 5], причем в его чукотском звучании: в северных коряжских диалектах, как известно, звука *р* вообще нет. По нашему мнению, этническое название «коряки» выводимо из чукотского слова *ак'оракыльыт* 'не имеющие оленей, безоленные', что вполне могло быть описательным обозначением приморских чукчей. Все рассказы о «коряках» возле низовьев Колымы требуют перепроверки по источникам с анализом этнографического и языкового материала — оленные чукчи-*чавчыват* могли называть «безоленными» и своих соотечественников-приморских охотников, и юкагиров, и даже эскимосов, если они появлялись на этой территории.

Река с названием Погыча изображалась на картах довольно длительное время после того, как это название исчезло из письменных документов. На карте Ф. Миллера начала 50-х гг. XVIII в. Погыча и Анадырь — две разные реки, при этом Погыча (*Pogitscha reka*) впадает в Ледовитый океан к востоку от Колымы.

Есть достаточно много указаний, позволяющих утверждать, что «река Погыча» — это не что иное, как река Пучевеем (по-чукотски *Пучьэвээм*), впадающая в Чаунскую губу. Как раз напротив ее устья, хотя и на значительном удалении от него к северу, находится остров Айон⁴⁰, который из-за его величины показался сравнимым с Новой Землей. На современной карте Чукотки истоки реки Пучевеем располагаются примерно километрах в 30 к северо-западу от истоков Мало-го Анюя, а отдельные притоки этих рек почти соприкасаются верховьями — сообщение, что «Погыча река через гору blisko» было верным. То, что реку Погычу перепутали с Анадырем, также объяснимо теми же обстоятельствами: истоки Анадыря лежат очень близко к истокам двух названных выше рек. Расстояние от устья реки Колымы до устья реки Пучевеем, сообщаемое документами, в общем укладывается в то, что мы о нем знаем. Михаил Стадухин этой реки не нашел после семидневного плавания (до встречи с «коряцкими людьми») — однако это не аргумент: во-первых, неизвестно точно, заходил ли он в Чаунскую губу: мы знаем только, что ему удалось достичь того места, где разбились первые два коча Дежнева, но не можем достоверно определить место этого события. Это могло произойти как западнее острова Айон, так и восточнее его (никто же не упрекает Дежнева за то, что он

(см. далее: 5.1.1). Кроме того, явная ошибка Б. П. Полевого заключена в том, что он пытается толковать сообщения первопроходца этих мест С. Дежнева на основе более поздних документов, отражающих уже сложившуюся микро-топонику. Так, у Анадырского лимана оказываются два «передних конца».

⁴⁰ О названии острова Айон см.: 6.3.

проплыл мимо этого острова и не упомянул о нем!). Не видел этого острова и Исай Игнатъев, перым, как полагают, достигший побережья Чаунской губы. Мог не заметить острова, а точнее — двух проливов, отделяющих этот остров от материка и несоизмеримых по ширине с размерами острова, и Стадухин. По сообщению писателя Олега Куваева, прекрасно знавшего эти места, ширина Малого Чаунского пролива составляет 15 км [Куваев, 1988. С. 77].

Название реки Пучевеем — Пучьэвээм легко объясняется из чукотского языка: *почьалгын* (мн. ч. *пучьэт*) ‘рукав, рукав реки’⁴¹.

Предметом поисков географов и историков географии в старом вопросе о «Погыче» была река, которая имела бы похожее название и впадала бы непосредственно в океан — как оказалось, было даже безразлично, впадает ли эта река в Ледовитый океан или в Тихий. Точное указание на то, что против устья этой реки есть остров, расстояние до которого известно, было проигнорировано. При этих поисках почти замкнутое пространство Чаунской губы, находящееся в непосредственной близости от Колымы, попросту выпало из поля зрения. В воображении исследователей рисовалась картина небольшого острова, лежащего против устья крупной реки, — мы же обнаруживаем, что речь идет о небольшой реке и громадном острове против ее устья, который мореплаватели регулярно обходили с севера. Однако становится ясным, что побережье Чаунской губы и прилегающие к нему районы суши из расспросов «иноземцев» были неплохо известны, хотя результаты этих расспросов истолковывались не всегда правильно.

Становится понятным, почему река с названием Погыча ни разу не встречается в документах С. Дежнева. Целью его походов была река Анадырь. Во время своего плавания вдоль Арктического побережья он не мог услышать о реке Погыче, так как ее устье скрыто внутри Чаунской губы за островом Айон. Возвращаясь из основанного им Анадырского острога в Нижнеколымск, он прошел бы мимо ее истока, если бы дошел до самых верховьев реки Анадырь — верховья реки Пучевеем были совсем рядом...

В принципе понятно и то, почему в конце концов название реки Погычи перестало упоминаться в документах. Возможно, что эта река в конце концов была найдена. Но ничем не примечательная пустынная чукотская тундра тех мест едва ли прельстила тех, кто стремился за богатой добычей. Эта река явно не оправдала возлагавшихся на нее надежд — и, возможно, она была просто забыта. Насколько известно,

---

⁴¹ [Топонимический словарь... 1989. С. 316; Справочник по истории... 1985. С. 283], со ссылкой на С. В. Обручева, который еще в 1938 г. указал, что это название в переводе с чукотского обозначает «рукав, рассоха».

оседлые чукчи в этих местах не жили. До сих пор на реке Пучевеом не имеется ни одного населенного пункта.

Любопытно, что название реки Погынден, с которым сравнивал название Погыча А. В. Олсуфьев, хотя и оставалось без объяснения, может истолковываться из юкагирского языка как Погындин-энунг «река Погыцких людей»; вполне возможно, что так юкагиры называли обитателей бассейна реки Пучевеом и прилегающих местностей (в «Топонимическом словаре» В. В. Леонтьева это название не имеет этимологии). Отметим что слова «погыцкие люди», «погыченские иноземцы» встречаются не в «расспросных речах» казаков, а в наказной памяти М. Стадухину, то есть они почти наверняка сочинены в якутской канцелярии. Наказная память как документ повелевала приводить под государеву руку всех, кто бы ни жил на «новых землях», даже если о них ничего не было известно ранее. Словосочетание «погыцкие коряки», о которых писал в упоминаемой выше заметке Б. П. Полевой, в тех документах, где говорится о реке Погыче, вовсе не встречается — вероятно, его придумал автор, делая акцент на том, что на реке Пахаче на Камчатке действительно живут коряки.

Утверждение Б. П. Полевого, что колымские юкагиры могли знать о реке Пахаче на Камчатке, потому что они, по свидетельству одного из источников, «ходили на Пенжину и на Чендон» [Полевой, 1984а. С. 8], основывается на неверной идентификации указанных в данном источнике названий. Учитывая значение юкагирского слова *чандэ* ‘верх’, ‘верховья реки’, нет оснований связывать каждое употребление этого слова с рекой Гижигой. Река Пенжина из цитируемого Б. П. Полевым источника — это наверняка река Пеженка, левый приток реки Большой Анюй [Топонимический словарь... 1989. С. 303]; ныне мы знаем, что это название объясняется из юкагирского языка как *Пиэд’эн-энунг* ‘Лосиная река’, а названия рек Пенжина и Пеженка имеют одинаковое происхождение и одно и то же значение.

Б. П. Полевой в обоснование своей идеи о Погыче/Пачахе на Камчатке указывал, что недалеко от Пахачи в Берингово море впадает река Ковача, отождествляемая им с Ковычей [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 39—40], которую якобы позже спутали с Колымой и решили, что Погыча расположена вблизи Колымы. Топоним Кавача на Камчатке существует — это название хребта, бывшего селения и реки, впадающей в одноименную лагуну в Олюторском заливе, а происходит он от корякского *кавачг’ын* ‘бугристое, неровное место’ ([Топонимический словарь... 1989. С. 166]: опечатка в корякской форме исправлена нами. — А. Б.). Однако камчатский топоним Кавача никогда не писался как «Ковача».

Б. П. Полевой пишет: «Из бумаг XVIII века стало известно, что пахачинские коряки, так же как их соседи, ковачинские коряки, в прошлом не раз совершали длинные перекочевки по склонам хребтов вплоть до вершин Колымы и Индигирки» [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 74]. Название Колыма, как мы знаем, означает 'Наледная река' — Куйвывээм (3.2.7), название Индигирка происходит от чукотского слова *йынрыйыр* 'утес' (3.2.5). Думается, что по таким ориентирам места кочевья коряков надо все же искать в непосредственной близости от Камчатки, а не далеко на западе. В данном месте книги Б. П. Полевой ссылается на свою же старую работу 1970 г., причем не по позднейшей перепечатке 1984 г., а по первой публикации, и что это за бумаги XVIII в. — остается неизвестным.

Авторы статьи о службах и открытиях М. Стадухина не очень внятно излагают мнение Б. П. Полевого, который будто бы соглашался с отождествлением Погычи и Анадыря и одновременно допускал, что колымские юагиры могли знать о реке Пахаче на Камчатке: «Б. П. Полевой убедительно доказал, что 'Погыча' и 'Похача' — реки разные. И если 'Погыча' — это река Анадырь, то Похача — это река, находящаяся в северной части Камчатской области, и именно туда первым в 1651—1652 гг. пришел отряд М. Стадухина» ([Сергеев и др., 1998. С. 63]. Ссылки на статью: [Полевой, 1984а. С. 6, 10]). Б. П. Полевой, как явствует из нашего изложения и его собственных работ, считал доказанным тождество легендарной Погычи и камчатской Пахачи и уж конечно никак не мог утверждать, что на Пахаче/Похаче был в 1651 г. Михаил Стадухин — как известно, Б. П. Полевой много лет утверждал, что Камчатка (Камчатский полуостров) была открыта Иваном Камчатным (см.: 6.1), и никак не мог допустить того, чтобы до Ивана Камчатого на Камчатке мог побывать кто-либо иной, тем более сам Михаил Стадухин. Мы в настоящей книге обосновываем возможность открытия Камчатки именно Стадухиным (6.1; 7.1; 7.8) совсем иначе.

То, что подобные географические названия требуют самого внимательного отношения к себе, лишний раз доказывается любопытной ошибкой в недавно вышедшей книге одного из крупнейших историков русской географии В. М. Пасецкого. Основываясь на старом и неверном утверждении, что Погыча — это название реки Анадырь, В. М. Пасецкий делает вывод о том, что русские землепроходцы достигли этой реки морским путем, то есть прошли через Берингов пролив до плавания Дежнева еще в начале 40-х гг. XVII в. [Пасецкий, 1995. С. 30].

Кажется, все другие предположения о месторасположении реки Погычи, вроде попытки привлечь для сравнения название реки Пегтымель, не могут быть обоснованы и останутся на уровне догадок. Есть большой соблазн поставить точку в этом сложном вопросе.

4.3.1. Кто такая «колымская ясырка именем Калиба» и о чем она рассказывала Михаилу Стадухину (первое упоминание об острове Айон)

В наказной памяти воеводы В. Н. Пушкина Михаилу Стадухину⁴², датированной 1647 г., поручается «да ему ж, Михалку, велеть служивым людям проведывать, и самому ему промышленных людей спросить про тот остров, что в мори против Погычи реки, Новая Земля, есть ли на том острове морской зверь морж...» [Русские мореходы... 1952. С. 65]. Вероятнее всего, составитель наказной памяти узнал об этом острове и о чукчах, которые охотятся там на моржа и которые построили там святилище, из «Скаска» самого Стадухина (см. с. 240—241). Можно сказать, что эта «Скаска» Стадухина просто бесценна. Благодаря ей мы можем не только формулировать гипотезу о «матерой земле» в центре Ледовитого океана, как это делали в минувшие века. Это не только замечательное первое описание чукотских религиозных обрядов и обычаев, которое уже давно оценили по достоинству этнографы. Это еще и важный источник совершенно неожиданной собственно географической информации, многое меняющей в понимании этого документа и дающей нам очень многое в дополнение к известному.

По вопросу, кем была колымская ясырка Калиба по этнической принадлежности и где она могла побывать, высказывались разные мнения. С. В. Бахрушин считал, что она жила у восточных чукчей и могла знать об Аляске [Бахрушин, 1953. С. 59]. Авторы статьи о М. Стадухине думают, что она жила у чукчей на реке Чухочьей [Сергеев и др., 1998. С. 61]. Оба мнения не имеют обоснований.

Мы полагаем, что «колымская ясырка именем Калиба» — это почти наверняка чукчанка с именем Келевги — *Кэлевги* 'Дышащая духами'. Оба составляющих это имя корня и само имя часто встречаются у

---

⁴² Личность Михаила Стадухина редко привлекала к себе внимание исследователей. В начале 1960-х гг. содержательная и подробная биография Стадухина была написана Б. П. Полевым, однако не была издана в виде монографии и увидела свет только в составе другой работы ученого, будучи разбита на хронологические отрезки [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 12—20, 31—36, 69—72, 77—81, 88—97]. Параграфы о Стадухине не только украшают эту книгу: у нас есть основания считать, что полуостров Камчатка был открыт именно Стадухиным в течение лета 1651 г. [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 84—85], пусть даже в указанной книге и доминирует иная гипотеза. Из числа работ, посвященных ему, отметим статью О. И. Сергеева и др. [Сергеев и др., 1998. С. 56—69]. Как мы покажем далее, вклад М. Стадухина в открытие и исследование Сибири, в особенности Арктического и Тихоокеанского побережий, намного превосходит самые смелые ожидания.

чукчей в составе личных имен и современных фамилий. О ее этнической принадлежности в документах ничего не говорится — ничто не свидетельствует о том, что она была юкагиркой⁴³: то, что она жила «у тех мужиков, у чюхчей, 3 годы», говорит о том, что она скорее всего была родом из приморских чукчей-*ан'к'альыт* («нанки» и они же «натты» из рассказов о Нелогге) — иначе трудно объяснить, почему она была так хорошо знакома с религиозными обрядами морских охотников: оленные чукчи-чавчыват не стали бы охотиться на моржей и сооружать святилища из моржовых голов. Название «чюхчи», «чукчи» происходит от самоназвания оленных чукчей *чавчыв* и в старых документах или тех источниках сведений, которые получены от представителей других народов, относится именно к оленным чукчам. Не случайно в старых источниках очень трудно выделить сведения, относящиеся к приморским чукчам, — как правило, из-за того, что данная этническая группа не имела устойчивых наименований.

Итак, если Калиба-*Кэлевьи* — уроженка и обительница побережья Чаунской губы, то получается, что остров против устья реки Погычи, о котором она рассказывала, — это остров Айон. Если плыть из Чаунской губы к Колыме, он действительно окажется «в виду *от матерой земли на левой руке*» — то есть тогда, когда «матерая земля» — материк (а не остров!) оказывается «на левой руке» — слева и притом близко — «в виду», и до него можно доехать на оленях «одним днем». Исследователи были введены в заблуждение «камнем», который «в море пояс», и не заметили, что и это наименование, и перечисление островов в устьях других рек, и перемена направления движения («идучи из Лены от Святого Носу а к Яне реке») явно принадлежат другим лицам, а не стадухинской ясырке. Уроженка побережья Чаунской губы, как мы полагаем, или уроженка верховьев Анюя, как можно было бы думать, всего этого просто не могла бы знать.

Именно поэтому в данном рассказе обычно видели первое сообщение о Медвежьих островах ([Магидович И. П., Магидович В. И., 1983. Т. II. С. 280; История русской Америки, 1997. С. 22] (со ссылкой на акад. Л. С. Берга)), о тех островах, которые лежат к востоку от устья Колымы — «на левой руке», когда берег в этом случае был бы справа. Однако сомнительно, чтобы в этом рассказе речь шла о каком-то из Медвежьих островов, — расстояние от морского побережья до острова Четырехстолбового составляет более 100 км, наиболее близкий к материку остров Крестовский находится на удалении от берега около 30 км, но ближайшие к названным островам участки побережья

---

⁴³ На каком основании ее называют юкагиркой некоторые исследователи [Магидович И. П., Магидович В. И. 1983. Т. II. С. 280; История русской Америки, 1997. С. 22] — совершенно неясно.

находятся на значительном удалении друг от друга, притом по разным сторонам Колымской дельты. Пожалуй, лишь остров Крестовский мог быть достижим «одним днем», хотя неоспоримо, что Медвежьи острова посещались чукчами еще до прихода русских в район устья Колымы⁴⁴. Об этом, в частности, писал в 60-е гг. XIX в. Г. Майдель [Майдель, 1894. С. 274]. Участники гидрографической экспедиции на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач», посетившие эти острова в начале XX в., обнаружили там следы посещения их местными жителями. Л. М. Старокадомский писал: «На этих островах были найдены следы пребывания людей: на Четырехстолбовом — полусгнившие лыжи, кусок выделанной оленьей шкуры, следы юрт; на Крестовском — обломок самодельного ножа — кусок заржавленной железной пластинки, вделанный в кость» [Старокадомский, 1953. С. 100]. Позднее на острове Четырехстолбовом были сделаны и новые находки, свидетельствовавшие о посещении этих островов местными жителями-чукчами, возможно в XVI—XVII вв. [Раушенбах, 1959]. Однако, насколько можно понять, предметы, найденные участниками этой экспедиции, имели весьма солидный возраст, и едва ли посещения Медвежьих островов были постоянным явлением — видимо, они носили эпизодический характер (см.: [Бурькин, 2005а. С. 124—127]).

Что же касается расстояния от побережья Чаунской губы до острова Айон, то оно невелико — мы уже приводили сообщение Олега Куваева, что ширина Малого Чаунского пролива составляет всего 15 км [Куваев, 1988. С. 77]. Переход с острова на материк и с материка на остров в зимнее время должен был быть для обитателей этих мест обычным делом, каким являются такие поездки для современных чукчей-жителей острова Айон, выпасающих свои стада на материковых пастбищах.

Больше о «ясырной женке Калибе» мы не знаем почти ничего. В наказной памяти Василию Власьеву говорится: «...и ушла де у него [Стадухина] погромная колымская ясырка женка, а та де женка жила у тех мужиков у чукчей 3 годы...» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 233—234]. Имя ее в этом документе отсутствует, хотя несомненно, что при составлении наказной памяти использовались или «Скаска» Стадухина, или его расспросные речи. Что скрывается за таинственным и интригующим «ушла» — описка составителя наказной памяти, ошибка издателей или реальный факт из биографии Калибы/Кэлевьи, пока неизвестно и за давностью времени едва ли будет установлено. Но издатели документов XVII в. три столетия спустя

---

⁴⁴ Г. Миллер отмечает, что Медвежьи острова были открыты около 1678 г., и указывает на то, что на них имелись оставленные, но в его время еще целые жилища [Миллер, 1996. С. 29, 31, 35].

преподнесли нам забавный сюрприз: в именном указателе к сборнику 1951 г. против имени Калиба написано — «луораветлан, чукча» [Там же. С. 572]. Публикаторы воистину попали пальцем в небо, хотя, определенно, составляли указатель, не читая самих документов, иначе бы не приняли «женку» за «мужика»...

4.4. Загадочная река Ковыча

Река с названием Ковыча — третья и, кажется, последняя из рек, упоминаемых документами середины XVII в. и считающихся легендарными. Название Ковыча встречается в текстах документов намного реже, чем Погыча и Нелога, число документов с сообщениями об этой реке также невелико.

В указателях к сборникам документов 1951 и 1952 гг. Ковыча, как и Погыча, отождествлены с рекой Анадырь — как отмечено выше, такое мнение высказал уже Г. Миллер (см.: 4.3). М. И. Белов считал, что за обоими этими названиями, как и за названием Нелога, скрывается река Чаун [Белов, 1973. С. 79]. Б. П. Полевой считает, что «Ковыча» — это река Кавача на северо-востоке Камчатки, действительно располагающаяся недалеко от реки Пахачи, в которой этот ученый видит «Погычу» [Полевой, 1984а. С. 10].

Одно из самых ранних опубликованных свидетельств о Ковыче — наказная память Василию Власьеву от 5 июля 1647 г., где читается: «А за хрептом за Камнем есть большая река Ковыча, а лесу де по ней мало, а люди де по ней аленные живут многие, и по той же реке соболи есть же» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 235; Русские мореходы... 1952. С. 63]. Но, как пишет М. И. Белов, ранее об этой реке стало известно из расспросных речей Второго Гаврилова, который услышал о ней от колымских юкагиров [Белов, 1973. С. 80]. Похоже, что наказная память Василию Власьеву переписывает какой-то более ранний текст, возможно, указанный текст расспросных речей, как это часто встречается в практике.

В 1649 г. Евсей Павлов в своей челобитной просит отпустить его служить с Михаилом Стадухиным «на новой на Анадыре и на Ковыче реке» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 259; Русские мореходы... 1952. С. 63]. Тем, что перед нами редкое упоминание этой реки, значение данной челобитной не исчерпывается. Во-первых, надо признать, что данный документ не дает оснований утверждать, будто река Анадырь и река Ковыча — это одно и то же. Во-вторых, на его тексте имеется возможность проследить, как появилась мысль, что Ковыча — это иное название какой-то другой реки (например Погычи), что и послужило в конце концов основанием для привязывания

всех непонятных названий то к Анадырю, то к Чауну: текст создает иллюзию, что речь в нем идет не о двух реках, а об одной и той же реке с разными названиями⁴⁵. В выписи о службах Евсея Павлова, где почти дословно приводится текст его челобитной, указывается, что Павлов просился служить «на новой на Анадыре и на Погыче реках» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 276]. Автор челобитной в самом деле просился служить со Стадухиным, но, однако, просился на Погычу, а не на Ковычу. Составитель выписи почему-то заменил название реки, возможно, Погыча была для него более знакомым названием, нежели малопонятная и незнакомая Ковыча. Кстати, в этом же документе содержится фраза о том, что Погыча «через гору блиско» [Там же].

На карте Спарвенфельда 1689 г. река Ковыча показана впадающей в море, как полагает М. И. Белов, в Чаунскую губу [Белов, 1973. С. 79]. М. И. Белов обратил внимание, что в «Списке с чертежа Сибирской земли» 1673 г. говорится о пути «от усть Колымы реки и кругом земли мимо устей Ковычи и Нанаторы и Ильи и Дури до Каменной переграды» [Там же. С. 167]. Как бы мы ни относились к перечню географических названий из данного источника (мы к нему еще вернемся, см.: 7.1), похоже, что у нас есть основания для единственного предположения по поводу того конкретного места, где находится река Ковыча, а также того, что именно скрывается за этим названием.

Б. П. Полевой полагает, что река Ковыча документов XVII в. — это река «Ковача» (на самом деле Кавача), впадающая в Олюторский залив [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 39—40]. Это напрямую связано с его же идеей о тождестве Погычи и камчатской Пахачи (см.: 4.3). Невозможность путешествий колымских юкагиров на Камчатку и коряков с Олюторского залива к Чаунской губе исключает это отождествление, написание «Ковача» явно искусственное и принято для того, чтобы правдоподобнее выглядело сравнение с загадочной Ковычей, наконец, название «холмистая местность» в условиях Южной Чукотки и Северной Камчатки не локализуется и может быть привязано к чему угодно.

Если собрать воедино все имеющиеся указания на то место, где может находиться река Ковыча, то получится, что Ковыча — это современная река Кувет, наносимая на карты как правый приток реки Пегтымель. Распространено мнение, что название Пегтымель, получившее широкую известность благодаря открытию петроглифов, имеет довольно позднее происхождение [Топонимический словарь... 1989.

---

⁴⁵ Обращаем внимание, что в данном тексте речь идет о будущих службах на неизвестных землях, а не о службах в каких-то уже известных местах в более ранние годы, предшествующие составлению документа. Источники с подобным содержанием малоказательны в географическом отношении.

С. 302—303]. Название Кувет происходит от чукотского слова *кувэт*, *куэт* ‘бухта, заливчик’ [Топонимический словарь... 1989. С. 208], если учитывать значение слова, давшего название реке, то будет понятным, что так же могло быть названо и устье реки Пегтымель на морском побережье, а современная раскладка современных названий на карте относится к более позднему времени, когда топонимы явно потеряли мотивированность.

Точная локализация месторасположения реки Ковычи осложнена тем, что название Кувет не имело определенной топографической приуроченности, разные авторы по-разному описывают состав названий одной и той же реки, ныне более всего известной как Пегтымель, в ее верховьях, среднем течении и устье Г. Майдель в 1860-е гг. отмечал, что дельта интересующей нас реки называется Веркон, выше по течению река называется Куэт, который «принимает приток Пейтумлен» [Майдель, 1894. С. 276], — кстати, это самое раннее упоминание названия Пегтымель в известной нам литературе, хотя и в непривычной для нас форме. Однако ранее Г. А. Сарычев утверждал, что река с названием Веркова (Верконь. — *А. Б.*) течет и впадает в Хуату (Кувет. — *А. Б.*) [Сарычев, 1952. С. 257]. То ли анализируемые сведения получены от разных групп чукчей, то ли названия отдельных местностей по берегам реки с течением времени менялись — определенно сказать трудно.

Река «Нанабора» этого текста — и это можно утверждать почти наверняка — не что иное, как речка Энмаатгыр на Арктическом побережье Чукотки [Топонимический словарь Северо-Востока СССР, 1989. С. 432]. Название Энмаатгыр ‘Скалистый ручей’ явно одинакового происхождения с названием знаменитой реки Анадырь, но это два разных географических объекта.

Название Илья — возможно, река Илирвеем ‘Островная река’, впадающая в море у самого мыса Дженретлен [Там же. С. 148], или река Улювээм ‘Скрытая река’ — такие названия носят река и гора южнее Колючинской губы [Топонимический словарь Северо-Востока СССР, 1989. С. 382]; возможно также, что это какое-либо не отмеченное на картах название типа Вылгилвээм ‘Березовая’, Вульвывээм ‘Поперечная’ или Илгывээм ‘Белая’ — из тех, что в изобилии встречаются в топонимике Чукотки.

Название Дури здесь, скорее всего, мыс Дженретлен [Там же. С. 131—132], наименование которого происходит от чукотского слова *йынрын*, *йынрылгын* ‘мыс’.

Предположение о том, что река Ковыча — это современная река Кувет, в устье — река Пегтымель, не будет единственным. Поскольку названия рек Нелога и Погыча соотносятся с названиями реальных рек, берущих начало на Анадырском плоскогорье и впадающих в Ча-

унскую губу, представляется закономерным продолжить поиски в этом же регионе. В результате можно установить, что река Белая — один из самых крупных притоков Анадыря — имеет чукотское название Кувлючъывээм, образованное от названия горы Кувлючъытынуп 'Круглый холм' [Топонимический словарь... 1989. С. 84, 208, 213]. Это название распространяется на всю реку, истоком которой считается река Большая Осиновая и верховья которой находятся поблизости от истока Амгуэмы (река Вульвывээм 'Поперечная река') [Там же. С. 65]. Но важнее то, что как раз с этим местом соседствуют истоки реки Паляваам, в чьем бассейне находится вполне реальная «Каленьба» — Каленмываам, о которой мы говорили выше.

Перечисленные реки вовсе не являются легендарными. Они нанесены на карту Н. Витсена 1687 г., есть они и на других картах. Очевидно, впоследствии эти названия, принадлежащие сравнительно мелким географическим объектам, были вытеснены с более поздних карт, на которые наносились более значимые ориентиры. Достаточно сказать, что на карте Н. Витсена отсутствует река Амгуэма — самая большая река Чукотки, впадающая в Ледовитый океан.

Выстраивается довольно стройная система. Район истоков всех трех считавшихся легендарными рек — Нелоги, Погычи и Ковычи охватывает пространство на удалении в 150—200 км от истоков Малого Анюя и трех озер Западной Чукотки: Илирней, Тытыль и Эльгыгытгын. Все топонимы левобережья реки Анадырь — чукотского происхождения. От кого именно стали известны названия Нелога и Ковыча — неясно, но возможно, что непосредственно от чукчей. Юкагирские названия встречаются по другому, правому берегу реки Анадырь. На карте И. Б. Гомана 30-х гг. XVIII в. озеро Эльгыгытгын имеет название Ianko, но это юкагирское слово *йалг'ил* 'озеро', то есть озеро вообще. Известно, что в Прианадырье юкагиры пришли довольно поздно, всего за несколько веков до проникновения в этот край русских землепроходцев: вакаревская культура, им принадлежащая, датируется XIV—XV вв. [История Чукотки, 1989]. Поэтому юкагирские названия в этом регионе весьма немногочисленны, а старые чукотские названия географических объектов в целом сохранились, хотя и становились известны и получали дальнейшее распространение в сильно измененном виде. Что касается географических представлений юкагиров, то полностью подтверждается мнение М. И. Белова о том, что колымские юкагиры торговали «на ближайшей периферии», почти не выходя за пределы бассейна Колымы [Белов, 1973. С. 79].

Наконец, удастся выстроить в систему и еще один ряд названий — четыре названия «Списка с чертежа» 1673 г., все интерпретации которого уходили от проблемы локализации реки Ковычи.

В сущности, единственное название на Западной Чукотке, которое удалось определить как юкагирское, — это название гор Маркоинг на юго-востоке Чаунской губы [Топонимический словарь... 1989. С. 249], о котором сказано, что «языковая принадлежность не установлена». Вероятнее всего, данное название восходит к юкагирскому слову *мор-хэ(нг)* ‘карликовая береза, ерник’ [Курилов Г. Н., 1990. С. 152]. Но, во-первых, время появления этого названия неизвестно — оно могло появиться на картах и в начале XIX в. от проводников-юкагиров, во-вторых, это юкагирское название так или иначе оказывается изолированным среди других названий явно чукотского происхождения.

Глава 5

ГИДРОНИМЫ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

5.1. Анадырь

Анадырь — название одной из крупнейших рек северо-востока Азии, ставшее известным в форме Анандырь, Онандырь с середины 40-х гг. XVII в.

Если обратиться к собраниям документов XVII в., рассказывающим об открытиях землепроходцев, то окажется, что указатель к изданным в прошлом веке «Дополнениям к актам историческим» более полезен, чем указатели к двум сборникам, изданным в начале 50-х гг. XX в.. В последних в указателях под названием Анадырь даются отсылки ко всем документам, упоминающим реки Нелога, Погыча и Ковыча [Открытия русских землепроходцев... 1951.; Русские мореходы... 1952, указатели], отождествление которых с рекой Анадырь всегда было по меньшей мере спорным¹. Поэтому мы полагаем, что для выяснения вопроса о первых упоминаниях реки Анадырь необходимо при его решении исходить из времени наиболее ранних фиксаций вариантов названия Анадырь в исторических документах. Нам придется абстрагироваться от того, под каким из названий впервые могла стать известной река Анадырь, чтобы не повторять чужих ошибок и недоразумений, в изобилии имеющих в указателях к сборникам документов 1951—1952 гг., мы будем говорить только о ее собственном названии.

Иван Баранов писал в челобитной 1648 г.: «Во 155-м (1647) году ведомо учинилось от иноземцов мне, холопу твоему, про новую реку Анандырь и про иные сторонние реки. И я, холоп твой, на ту новую реку Анандырь походил морем для прииску... и грех ради моих море меня, холопа твоего, не пропустило: был в тоя поры на море лед непроходимой» [Русские мореходы... 1952. С. 115].

---

¹ Тем не менее оно удержалось в применении к Анадырю до 1860-х гг. (см.: [Семенов-Тянь-Шанский, 1863. Т. 1. С. 93: «Анадырь, иначе Погыча»]).

В 1647—1648 гг. Герасим Анкудинов, участник плавания Дежнева, составляет челобитную: «Вели, государь, отпустить ис Ковымского острогу на новую реку на Анандырь...» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 254]. Туда же просится промышленный человек Савва Евдокимов [Там же. С. 255], а позднее вместе со Стадухиным и Евсей Павлов [Там же. С. 259].

В 1647 г. Второй Гаврилов сообщает Якутскому воеводе П. Головину о том, что Дежнев «явил государю прибыли на новой реке на Анандыре сорок семь соболей» [Русские мореходы... 1952. С. 110]. Годом позже он же пишет вторую челобитную [Там же. С. 111].

В 1650 г. Семен Мотора узнал от «омоков» — анюйских юкагиров, что «мошно де по Анюю реке через Камень перетти с Колымы реки на новую реку Анандырь» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 259—260].

Традиционно это название рассматривается как отражение юкагирского слова *онун*, *эну(нг)* ‘река’ [Топонимический словарь... 1989. С. 66]². Е. М. Поспелов совершенствует эту этимологию и пишет, что название Анадырь происходит из юкагирских слов *онун* ‘река’ и *дыр* ‘исток’ [Поспелов, 1988а. С. 17], однако последнего слова в юкагирском языке нет и слов с начальным согласным *д-* в этом языке вообще не может быть³. Тунгусо-маньчжурское слово *дэ:рэн* ‘исток’, отмеченное во всех тунгусских языках [Сравнительный словарь... Т. I. С. 238а], не могло соединиться с юкагирским названием реки. Несмотря на существующие традиции, данное объяснение не может признаваться научным, так как вторая часть названия вообще не получает объяснения из юкагирского языка. Кроме того, в последнее время обнаруживается, что юкагирский компонент в топонимике Арктического

---

² Юкагирские формы слова «река» приведены с ошибками. Источником данного мнения для В. В. Леонтьева явилась книга Н. Н. Дикова, который, придерживаясь этой версии, писал: «Само название реки Анадырь совсем не чукотское, а скорее юкагирское („Онун-река“ (Sic! — А. Б.) — по-юкагирски Онандырь — так называлась река в XVII в. и жили тогда по реке „анаулы“ — поречане — юкагирское племя» [Диков, 1969. С. 11]. Этноним *анаулы* территориально относится к жителям долины реки Белой, один из истоков которой называется Энмываам (чукот. ‘Скалистая река’), а вовсе не ко всем обитателям бассейна реки Анадырь и восходит к чукотскому *энмыльыт*, *энмы-тва-льыт* ‘жители долины реки Энмываам’. Юкагирская версия происхождения гидронима дана и в книге А. В. Мельникова [Мельников, 2009] со ссылкой на Г. А. Меновщикова.

³ В более позднем и более авторитетном словаре при объяснении этого названия Е. М. Поспелов не приводит данного рассуждения, ограничиваясь ссылкой на Г. А. Меновщикова, сравнивавшего гидроним Анадырь с юкагирским апеллятивом *онун* (точнее — *энунг*) ‘река’ [Поспелов, 2008. С. 79].

побережья и прилегающей территории имеет значительно меньший объем, нежели считалось ранее.

Сравнение названия Анадырь во всех формах, в которых оно встречается в документах, с юкагирскими словами, имеющими значение «река», конечно, подкупает многих своей простотой. На первый взгляд, здесь все понятно: по данным исторических источников, юкагиры жили в верховьях этой реки, значение слова вроде бы говорит само за себя. Однако ни современная форма названия реки — Анадырь, ни старые формы типа Анандара, Нанандара из юкагирского языка не объясняются⁴, и вышеприведенное сравнение оказывается крайне недостоверным — можно утверждать, что созвучие юкагирского слова «река» с этим названием случайно. Тем более что имеется возможность иного объяснения этого названия при весьма основательной системе аргументов в пользу чукотского происхождения названия этой реки.

Название реки Анадырь выводимо из чукотского языка и точно соответствует чукотскому слову *энмаатгыр* 'ручей, протекающий в скалах': обратим внимание, что поблизости от истока реки Анадырь располагается исток реки Энмываам, что означает 'Скалистая река'. Данные названия отличаются только своей второй частью — топонимическими формантами, при этом формант *-вээм/-ваам* 'река' для чукотской топонимики обычен, а формант *-аатгыр* 'ручей, ручей в овраге, распадке' довольно редок. Вследствие такого совпадения менее вероятно, что название Анадырь соответствует чукотскому *онмаатгыр* 'глубокий ручей'. Оба варианта встречаются среди названий небольших рек на Чукотке [Топонимический словарь... 1989. С. 292, 432], отмечены также варианты названий Анадырькууль, Анатыркууль [Там же. С. 67]. На Арктическом побережье Чукотки существовал поселок Энмаатгыр, названный по одноименной небольшой реке. Это река Энмаатгыр, название которой попадало в документы, а позднее вместе с ее изображением и на карты в том же самом графическом облике, что и название самой крупной из рек Чукотки — реки Анадырь, породило настоящую путаницу в истории русской географии 70—80-х гг. XVII в., так что разобраться в ней мы можем лишь сейчас, отметив, что Анадырь и Энмаатгыр — это две разные реки. Возможно, русские землепроходцы слышали название реки Анадырь от нижнеколымских или анюйских юкагиров, а не непосредственно от чукчей. Хотя

---

⁴ По полевым материалам автора, еще в 1990 г. верхнеколымские юкагиры, жившие в пос. Зырянка Верхнеколымского улуса Якутии, знали гидроним Онундара, объясняя его как 'Большая река', однако скорее всего под таким названием им была известна река Анадырь, о которой они могли слышать от своих предков.

то, что чукотские географические названия могли быть услышаны казаками в начале 40-х гг. и даже в конце 30-х гг. XVII в., и причем непосредственно от чукчей, более не подлежит сомнению.

Источники 60-х гг. XVII в., в частности «Роспись» к чертежу 1667 г., дают еще одну форму названия реки Анадырь — Наадым, или Адым: предлог «на» в документах XVII в. очень часто сливается с тем названием, рядом с которым он располагается в тексте. Б. П. Полевой считает такие написания названия этой реки виной какого-то копииста, искадившего первоначальную форму названия [Полевой, 1964. С. 226]. Однако скорее всего перед нами корякское слово *вадым* — диалектная форма слова *в'аям* 'река'. Можно даже предположить, откуда появилась такая форма, — возможно, какой-то из малоизвестных сухопутных маршрутов из Приколымья на Анадырь лежал через территорию, заселенную оленными коряками. Известно, что один из таких южных маршрутов пролегал через верховья притоков Омолона на реку Пенжину. Вторая возможность — оленные коряки могли просто прикочевать в те места, где проходил путь с Колымы на Анадырь, и слово «река» оказалось воспринятым как имя данной конкретной реки.

По реке Анадырь, как было принято, получило свое название Анадырское зимовье, основанное Дежневым, а позднее — Анадырский острог, который иногда называли в XVIII в. также Анадырск. Современное название окружного центра Чукотки — города Анадырь дано по реке Анадырь. Напомним, что населенный пункт, основанный на берегу Анадырского лимана в 1989 г., носил наименование Мариинский пост, а позднее — Ново-Мариинск [Топонимический словарь... 1989. С. 67; Рига, 1981].

В современных справочных изданиях по топонимике отмечается, что в низовьях река Анадырь имеет чукотское название Йъаайваам 'Чаячья река' [Топонимический словарь... 1989. С. 67]⁵. Толкование данной формы в другой записи — Яайвээм — как 'Дорожная река' [Сибирская советская энциклопедия, 1929. Т. 1. С. 108], вероятнее всего, ошибочно.

Географические справочные издания XIX в. стали, по сути, источником одного любопытного топонимического мифа, который только по какой-то случайности не получил широкого распространения. В словаре П. П. Семенова-Тян-Шанского указывается, что река Анадырь вытекает «из горного озера Ивашкина» [Семенов-Тян-Шанский, 1863. Т. 1. С. 93], такое название очень похоже на ранние русские названия, дававшиеся по именам первооткрывателей и первопоселенцев (ср.:

---

⁵ Со ссылками на мнение лингвиста-топонимиста Г. А. Меновщикова и специалиста по чукотскому языку носителя чукотского языка П. И. Инэнликэя.

Михалкино в устье Колымы, названное именем М. Стадухина, Марково в среднем течении Анадыря, как мы полагаем, сохраняющее память об одном из спутников С. И. Дежнева Василии Маркове). Ситуацию несколько проясняет словарь А. Кириллова, в котором сказано, что река Анадырь берет начало «из озера Ивашки или Иоанко» [Кириллов, 1894. С. 51], — здесь уже понятно, что никакого Ивашки или Иоанко не было в природе (хотя сюда вполне можно было бы приписать того же Ивана Камчатого), а в основе этого названия и прирощей к нему научной легенды лежит юкагирское слово *ianko* — возможно, чуванская форма, ср. современное юкагирское *йалгил* ‘озеро’. Источником этих указаний стал словарь С. П. Гагарина, где говорится, что река Анадырь вытекает «из озера Юанко или Ивашко» [Гагарин, 1843. Т. 1. С. 72]. В более ранних источниках подобные сведения отсутствуют.

Последнее из приведенных указаний — оно же наиболее раннее по времени рождения научного топонимического мифа — позволяет выстроить эволюцию мифологического названия от юкагирского *ianko* до осмысленного на русской почве Иоанко или Юанко, после чего появляются названия озеро Ивашко и Ивашкино озеро. В действительности в истоках Анадыря едва ли может находиться озеро, название этой реки происходит от чукотского Энмаатгыр ‘Скалистый ручей’. Возможно, данные представления об истоках Анадыря вызваны к жизни некоторыми картами XVIII в., где за исток Анадыря может быть принята река Белая, вытекающая из озера Эльгыгытгын (чукот. Элгыгытгын ‘Белое озеро’), именно оно на картах именовалось *Ianko*.

***5.1.1. М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер и полемика
вокруг малоизвестных подробностей открытия
реки Анадырь, северного побережья
Камчатского полуострова и островов
Северного Ледовитого океана***

Ученый-энциклопедист М. В. Ломоносов внес огромный и неоценимый вклад во множество наук. Хотя он не был ни историком, в отличие от Г. Миллера и И. Фишера, ни географом, таким как С. П. Крашенинников и Г. Стеллер, он уделял значительное внимание проблемам географии и истории Арктики и Сибири, относительно недавно ставших территорией Российской империи. Интересно понаблюдать, в какой мере Ломоносов был знаком с теми событиями, современником которых он был, — с географическими открытиями в Арктике, в Сибири, на северо-востоке Азии и на Тихоокеанском побережье России, в какой мере он был осведомлен о географических открытиях предшествующего столетия, какими источниками он пользовался и насколько

ко его изложение соответствует нашим знаниям. Ряд трудов М. В. Ломоносова имеют прямое отношение к интересующим нас здесь сюжетам, в частности к истории походов С. Дежнева и его историческому плаванию 1648—1649 гг. и к основанию Анадырского острога.

Главный труд Ломоносова, в котором отразились его знания об Арктике, его интересы к ней, относящиеся к самым разным областям знаний от гляциологии и навигации до военного дела — это «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу сибирским океаном в Восточную Индию» [Ломоносов, 1952. С. 417—498], та самая работа, в конце которой присутствует ставшая знаменитой фраза, часто воспроизводимая неточно: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном» [Там же. С. 498]. Это интересный очерк исследования Арктики, включающий как ранние европейские источники, так и современные Ломоносову труды, среди которых угадывается «История Сибири» Г. Миллера и «Описание Земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. Кроме этого, в распоряжении М. В. Ломоносова могли быть и какие-то иные, неизвестные нам источники.

Так, привлекает внимание § 31 названного выше сочинения: «По взятии Ермаком Сибирского царства и по многих приращениях на восток Российской державы, произведенных больше приватными поисками, нежели государственными силами, где казаки, оставшиеся и размножившиеся после победителя в Сибире, также и поморские жители с Двины и из других мест, что около Белого моря, главное имеют участие, построены уже были по великим рекам сея северная части Азии некоторые города, остроги и зимовья, в том числе и Якутск, к нижним странам уже склоняющиеся великия Лены. Из которых устьев ведомы стали далее к востоку еще другие, ея меньшие, но собою великие реки: Яня, Индигерка, Ковымя. Около устьев их и по берегам, между ними лежащим, старались российские промышленники большия поиски чинить к востоку, а особливо для моржовой кости» [Там же. С. 448]. Формы названий рек *Яня* и *Ковымя*, приведенные Ломоносовым, не имеют аналогий ни в документах начиная с 1640-х гг., ни на картах, соответственно, они не могли быть извлечены Ломоносовым из письменных источников — скорее всего, они выведены им самостоятельно из форм местного падежа *на Яне*, *на Ковыме* (форма *Ковыма* — ранее даже *Ковым*, — предшествовавшая привычному нам *Колыма*, дожила в географических словарях до середины XIX в.)⁶.

---

⁶ Любопытно, что слова Ломоносова хорошо укладываются в поэтические строки, появившиеся два века спустя: «А мы пошли и десять литров взяли. Яна, Индигирка, Колыма» (В. Туриянский. «О чем шумите вы, народные витии...»).

Следующий параграф этого сочинения, § 32, интересен полной и достоверной информацией о походе отряда Семена Дежнева на восток от Колымы. Воспроизведем его: «Холмогорец Федот Алексеев с позволения государева приказчика, что был тогда на Колыме, с казаком Иваном Дежневым (в комментариях исправлено Семеном. — А. Б.) предприяли путешествие из реки Ковыми на восток в июле месяце 1647 года в том мнении, чтобы дойти до реки Анадира, о которой думали, что впадала в то же Ледовитое море; однако за льдами поход их был без успеха. Первая сия неудача не отняла у них ни надежды, ни смелости, и потому следующего 1648 года июня 20-го дня те же Алексеев и Дежнев и еще некто Герасим Анкудинов пошли на семи кочах с немалым числом народа, на каждом судне около тридцати человек. О четырех судах нет известия, где девались. Служивого Анкудинова кочь разбило у Чукотского носу, где он на прочие два к товарищам перебрался. Сентября 20 дня Алексеев и Дежнев, будучи на берегу, дали с чукчами бой, на коем Дежнев ранен; потом носило их долго по морю, и наконец Дежнев выкинут за устья реки Анадира⁷, далее к полудню к северным камчатским пределам. Около реки Олюторки Федот Алексеев и Герасим Анкудинов в коряцких жилищах пристали к берегу, на коем, несколько пожив, померли цынгою. Многие из товарищей их побиты, достальные в малом числе убежали в лодках на Камчатку и первые из россиян в сей земле поселились, задолго до приходу пятисотника Володимера Атласова. И хотя они там от камчадалов убиты, кои уведали, что русские люди, а не боги, затем что кровь их увидели, когда они подрались между собою, однако имя их и остатки жилища были свидетелями. О смерти Алексеева и Анкудинова сказывала после Дежневу якутская баба, коя жила у Алексеева. Дежнев, возвращаясь с двадцатью пятью человеками, нашел Анадир-реку и, по ней ходя, основал Анадирский острог, наконец, с великим трудом от вершин перешед горы, достиг на устье реки Колымы, откуда пошел сперва на судах по сибирскому берегу к востоку» [Ломоносов, 1952. С. 448—449].

Информация, которую здесь обсуждает Ломоносов, осталась без внимания комментаторов издания его сочинений [Там же. С. 608], хотя впоследствии породила весьма объемную литературу, при этом изложение Ломоносова, заслуживающее внимания хотя бы в плане источниковедения, выпало из поля зрения историков географии. По содержанию ясно, что Ломоносов был знаком, пусть и не в подлинниках, с документами, составленными самим Дежневым.

---

⁷ Написание *Анадир*, совершенно несвойственное русской традиции графической передачи названия реки Анадырь, в финали которой всегда писалось *-дырь* или *-дыр*, явственно указывает на то, что источник, использованный Ломоносовым, был написан в латинской графике.

Вот наиболее значимый фрагмент текста отписки самого Дежнева: «...носило меня Семейку по морю после Покрова Богородицы всегда неволею, и выбросило на берег в передний конец за Анандырь-реку; а было нас на коче всех двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы, а шел я бедной Семейко с товарищи до Анандыры реки ровно десять недель и попали на Анандырь реку внизу близко моря» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 25—26]⁸. Далее Дежнев сообщает: «А в прошлом во 162 (7162 = 1654 год) ходил я, Семейка, возле моря в поход, и отгро-мил я, Семейка, у коряков якутскую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что де Федот и служивый человек Герасим померли цын-гою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душой не знаю де куда» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 26—27; Русские мореходы... 1952. С. 132].

Ломоносов вскользь затронул важный момент, касающийся факто-логии и хронологии географических открытий на Берингоморском по-бережье — обратил внимание на южную и юго-восточную точку мар-шрута плавания С. Дежнева. Проблема места высадки С. Дежнева на побережье Берингова моря посвящена обширная литература [Ефимов, 1948. С. 221; Белов, 1973. С. 123; Полевой, 1989. С. 132—139], мы не будем ее обсуждать, но сосредоточим свое внимание на содержании текста Ломоносова. В нем говорится, что «Дежнев выкинут за устья реки Анадира, далее к полудню к северным камчатским пределам. Около реки Олюторки Федот Алексеев и Герасим Анкудинов в коряч-ких жилищах пристали к берегу, на коем, несколько пожив, померли цынгою».

Указание на место высадки Федота Алексеева и Герасима Анку-динова «около реки Олюторки» интригует исследователей прежде все-го тем, что данная информация является новой и не имеет аналогов в документальных источниках.

---

⁸ Несколько комментариев: «После Покрова Богородицы» — с начала ок-тября, «в передней конец за Анандырь-реку» — в южную сторону южнее устья Анадыря, «и пошли мы все в гору» — на запад, в сторону от побережья и явно в отсутствие каких-либо рек, впадающих в море и текущих на восток, «а шел я бедной Семейка с товарищи до Анандыры реки ровно десять недель, и попали на Анандырь реку внизу близко моря...» — надо полагать, сначала шли десять недель, а потом попали на устье Анадыря. На чем основывается Б. П. Полевой в своей аргументации, какое отношение к событиям с точными указаниями временных интервалов имеют русские поморские географические термины, к тому же отсутствующие в документах Дежнева, как термин *конец-зубье*, — непонятно.

Вот что сказано в сочинении Г. Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных» (1758): «У онаго носу разбило коч служиваго Герасима Анкудинова, и бывшие на нем люди перебралися на достальные два коча. Семен Дежнев и Федот Алексеев, будучи сентября 20 дня на берегу, дали с чукчами бой, на коем Федот Алексеев поранен. После сего разнесло их кочи без вести. Коч Дежнева носило по морю до октября месяца и напоследок выбросило на берег от реки Анадыря в немалом разстоянии на полдень, чаятельно около реки Олюторы. Что учинилось с Федотом Алексеевым и с его товарищами, о том объявлено будет ниже» [Миллер, 1996. С. 22].

Что стало дальше с этими «невеликими людьми», спутниками Дежнева, о которых узнал от «якутской бабы», и даже как эта «якутская баба» оказалась у коряков, нам неизвестно. На территории Камчатки в четырех местах — на восточном побережье на реках Караге и Камчатке, на западном побережье на реках Лесной и Тигиле — по преданиям, зафиксированным в начале XVIII в., можно предполагать наличие мест пребывания этого отряда [Кусков, 1966. С. 94—100; Полевой, 1983. С. 161—171; Краткий обзор основных результатов... 1998. С. 15; Осьминина, 1989. С. 57—63].

Для нас существеннее другое — упоминание реки Олюторки у Ломоносова или Олюторы у Миллера. Если Ломоносов говорит о том, что около реки Олюторки разбился коч Герасима Анкудинова и Федота Попова — исходя из этого сообщения, здесь можно предполагать наличие неизвестного нам источника, — то Миллер предполагает («чаятельно»), что в этих местах был выброшен на берег коч самого Дежнева.

Известная нам река Олюторка впадает в Карагинский залив на восточном побережье Камчатки [Справочник по истории... 1985. С. 247]. Считается, что это название, как и иные названия, образованные от той же основы, а именно Олюторский (мыс, полуостров, административный район Камчатского края), — связано с названием коряков-алюторцев *алуталг'о* [Топонимический словарь... 1989. С. 290], однако этимология его неясна. Мы полагаем, что в основе данного этнонима лежит чукотское *олэ́твальыт* 'оседлые'; характерная черта, отличающая оленных чукчей Южной Чукотки и оленных коряков от приморских жителей.

В локализации данного гидронима заключается незаметная на первый взгляд, но серьезная трудность, связанная с характером наименования описываемого объекта. Такое название могло быть записано в любом месте на востоке Камчатского полуострова, где проживают оседлые коряки. Исходя из этого, мы можем с некоторой долей уверенности говорить, что Дежнев и его спутники точно не могли ока-

заться на берегу Карагинского залива: они не могли бы дойти за десять недель до устья Анадыря, двигаясь с каким-то грузом без провизии по незнакомому маршруту — тем более в условиях, когда дни были весьма коротки и становились с каждым днем короче (получается, что Дежнев и его казаки вышли к устью Анадыря в конце декабря 1648—начале января 1649 г. Вероятнее всего, коч Дежнева был выброшен на берег где-то на территории современного Беринговского района Чукотки, откуда казаки, пойдя на запад, «в гору», как писал Дежнев, вышли в долину реки Великой и дошли по ней до ее устья — река Великая течет на север и впадает в реку Анадырь совсем недалеко от ее устья. Итак, десять недель пути на север до устья Анадыря — таково выраженное во времени расстояние пути Дежнева и его спутников после гибели последнего коча.

Сравнение текстов Ломоносова и Миллера подсказывает решение — скорее всего Ломоносов не совсем точно пересказал содержание текста Г. Миллера, приведенного выше. Едва ли Ломоносов сам располагал какими-то источниками о походах Дежнева, которые могли быть не учтены Г. Миллером.

Помимо состоявшихся и признанных открытий, зафиксированных в документах и на картах, Ломоносов активно интересовался сведениями о тех географических объектах, которые могли стать открытиями будущего, — тех предметах истории географической науки, которые составляют ее загадки или остаются загадками до определенного времени, пока не обретут идентификацию или не будет найдена адекватная интерпретация сведений, сообщаемых теми или иными источниками. В § 37 рассматриваемого нами сочинения Ломоносов пишет, имея в виду сведения о некоем острове в Северном Ледовитом океане: «О сем острове сибирские известия свидетельствуют положительно и отрицательно. Положительные суть следующие: 1) кочевщик Родион Михайлов, будучи отнесен от берегу льдами в пути от Святого носу на Колыму-реку, показывал Никифору Малыгину и другим, с ним бывшим, остров на море, который всяк из них видел; 2) оному ж Малыгину сказывал торговый человек Яков Вятка, что, проезжая из Лены в Колыму, отнесен был на кочах к показанному острову, где видели они зверские следы; 3) из Якутской воеводской канцелярии 1710 года, с устья реки Яны, объявлено скаскою казака Якова Пермякова, что видел он по ту сторону Святого носу остров и другой против устья Ковыми-реки (может быть, были сие мысы одного большого острова, кои к сибирскому берегу протянулись); 4) казак Меркурей Вагин в 1712-м году, вышед из устья реки Яны в море, с Яковом Пермяковым как со своим вожем ходил в море по льду на нартах в мае месяце, приехал к пустому острову, на коем нет лесу; с того острова виден был другой

или земля матерая; 5) по объявлению якутского сына боярского Федота Амосова, оный остров простирается от устья Яны до устья Индигерки-реки и далее; 6) промышленный человек Иван Велигин ездил в море по льду и нашел землю, только не мог знать за сильным ветром и туманом, остров ли то или земля матерая и есть ли на ней лес и жители или нет, однако приметил там старые юрты и их остатки, каменные горы нарочитой вышины и зверские следы. Сие же он слышал и прежде от чукотского жителя Копаля; 7) казачий голова Афанасей Шестаков на ландкарте своей поставил оный остров, назвав его Копаевым, и за ним назначил матерую землю» [Ломоносов, 1952. С. 452—453].

Здесь, как мы знаем сейчас, речь идет о трех разных географических объектах, определяемых с достаточной степенью надежности. Первое, второе, частично третье и шестое сообщения относятся к Медвежьим островам, небольшому архипелагу из 6 островов, расположенному несколько западнее устья Колымы. Третье (в основной части), четвертое и пятое сообщения относятся к Новосибирским островам, находящимся к востоку от устья Лены и вблизи устья Яны. Седьмое сообщение может относиться к ранним свидетельствам об острове Врангеля, достоверные сведения о котором были получены еще в 1780—1790-е гг. участниками экспедиции И. Биллингса, но из-за неверной идентификации топонимов-ориентиров (Шелагским мысом восточные чукчи называли морякам мыс Якан, против которого расположен остров Врангеля, а не мыс Эрри, ныне именуемый также Шелагским, против которого островов нет) не были приняты во внимание и долгое время признавались недостоверными (см.: 8.9) [Бурыкин, 2004б. С. 14—15].

Как можно полагать, одним из источников этих сообщений также является указанное выше сочинение Г. Миллера, где присутствуют близкие по содержанию описания ([Миллер, 1996. С. 29, 31, 33—36]).

Разносторонний характер внимания Ломоносова к Арктическим территориям и Тихоокеанскому побережью России проявляется в следующем суждении ученого: «На Камчатке, или около устьев реки Уды, или на островах Курильских, где климат как во Франции, можно завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов, против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом, но хотя б и учинили, однако придут утомленные на крепких, с привозными гнилыми припасами на снабденных жителей свежими домашними, безнадежные ближнего от своих споможения на места, где вспоможение нам неистошимо» [Ломоносов, 1952. С. 498]. События 1854 г. в Петропавловском порту при обороне его от английской эскадры являют собой полное подтверждение словам Ломоносова.

5.2. Чендон и Гижига

Гижига — река, впадающая в Гижигинскую губу, поселок в устье реки, поселение недалеко от устья, имевшее статус города (в XVIII в. этот город назывался Гижигинск).

Старые формы названия реки Гижиги, наиболее ранние из которых встречаются в документах, связанных с именем первооткрывателя этой реки Михаила Стадухина, — формы Изига, Ижига, Зига⁹, хотя документы, связанные с именем первооткрывателя реки Михаила Стадухина, составлены почти на 10 лет позже самого открытия этой реки. Стадухин писал в челобитной: «А Пенжина... река безлесная, а людей по ней живет много, род словут коряки. И с той реки перешел я холоп твой, с товарищи своими на Изигу реку, а по Изиге реке живут многие коряцкие люди, а вверх Изиги ту ж реку зовут Чондоном, а живут ходынские мужики юкогири» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 157; Русские мореходы... 1952. С. 263]. В той же форме Изига это название фигурирует и в челобитной спутника Стадухина Матвея Кальина [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 272].

Б. П. Полевой считает, что М. Стадухин со своим отрядом специально направился на поиски реки «Ижиги» [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 84]. Мы не располагаем данными, что низовья реки, которую называли Чендоном, были известны кому-то под названием, сходным с названием Гижига. Известно, что верхнее течение реки Гижиги стало описываться в документах намного раньше, чем окрестности ее устья, хотя Чендон, Чондон — это всего-навсего апеллятив со значением 'верховья реки' в юкагирском языке.

Как принято считать, верховья реки Гижиги в прошлом имели юкагирское название Чондон или, если быть совсем точным, Чендон, это название приписывается некоей реке, которая лежит где-то к югу от истоков реки Анадырь, и географы считают, что в таких случаях речь идет именно о реке Гижиге, чьи верховья — это известно достоверно — назывались Чендоном. Вследствие этого каждое упоминание подобного названия в документах привязывалось именно к данной реке, о чем в наши дни весьма красноречиво свидетельствуют указатели к сборникам документов и комментарии к некоторым источникам.

---

⁹ Формы Гижига и Ижига подавались как вариантные в научной справочной литературе до первой трети XX в., см.: [Кириллов, 1894. С. 115]: «Гижига или Ижига», те же варианты см.: [Сибирская советская энциклопедия, 1929. Т. 1. С. 658]. Словарь С. П. Гагарина, как и в случае с гидронимом Анадырь, едва не стал источником еще одного топонимического недоразумения: в нем сказано «Ижигина, небольшая река, впадает в Ижигинскую губу» [Гагарин, 1843. Т. 2. С. 158]. Источники таких форм, похожих на притяжательные прилагательные, неизвестны.

Промышленный человек Юрий Селиверстов говорил: «...как де ходили с Ковыми реки служилые люди Михайло Стадухин с товарищи на новую на Погычю реку, и они де ту кость собирали на берегу, а лежит тут на берегу кость многая... А за Ковымою рекою есть 4 реки, а от тех рек есть реки Нанандара да Чондон, а люди по тем рекам живут многие, а языки разные — чюхчи, ходынцы, коряки, няняул и иные роды есть, и языки многие» [Русские мореходы... 1952. С. 205—206]¹⁰. К чему приложимо название Чондон в этом документе и в тексте, восходящем, вероятно, к нему же, — понять трудно: к востоку от Чаунской губы, где локализованы названия из цитируемого документа, юкагирских названий нет вообще. Мы склонны думать, что эти документы не имеют прямого отношения к вопросу о Чендоне/Гижиге и что название Чондон вставлено тут при переписке вместо другого, похожего названия, точно так же и Нанандара из этого текста не имеет ничего общего с Анадырем: сама челобитная Ю. Селиверстова до нас не дошла. Н. Н. Степанов считал, что Чендон — это река Гижига [Степанов Н. Н., 1959. С. 215], хотя М. И. Белов ранее правильно указал, что Чюндона, или Чондон из тех документов, где говорится о районе к востоку от устья Колымы, есть река Малый Анюй [Белов, 1955. С. 55].

Название Чендон, Чондон, хотя оно и встречалось довольно часто, не имело объяснения: нам неизвестны даже попытки его истолковать. Оказывается, что реки с подобными наименованиями могли встречаться повсеместно, где проживали юкагиры, и в том нет ничего удивительного. По-юкагирски *чанду*, *чандэ* — это просто ‘верх’, ‘верховья реки’¹¹, *чандэнг* ‘вверх’; это слово относилось и могло относиться к любой реке (в сообщениях о Нелогге, рассматривавшихся выше, речь идет именно об Анюе), и утверждение, что во всех случаях Чендон — это Гижига, явно не соответствует действительности. Б. О. Долгих посчитал, что название Чендон относится к реке Пенжине [Долгих, 1960. С. 409, 412], но это, как мы видим, нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Если название реки Пенжина юкагирского происхождения, в районе ее истоков жили какие-то группы юкагиров, то понятно, что и верховья Пенжины могли называться по-юкагирски *чандэ*.

Когда Елисей Буза в своей челобитной сообщал, что он пошел «в новые сторонние реки, морем на Яну, и на Чандон, и на Сивирюю» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 97], то было ясно, что

¹⁰ В другом документе [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 302] читается «Наканда да Чандон».

¹¹ Полевые записи автора от верхнеколымских юкагиров, жителей с. Неломное. В «Юкагирско-русском словаре» даны только слова *чандэ* ‘наверх’, *чандэнг* ‘вверх’ [Курилов Г. Н., 1990. С. 320].

имеется в виду река Чондон недалеко от устья Яны — та река, которая и ныне известна и нанесена на карты под этим же самым названием.

Федор Чюкичев в отписке 1658 г. писал: «Во 165 (1657) году пошел я Федка с Омолона реки от усть Баранихи, марта в 10 день на Чендон реку с аманаты, а ходу было всего с усть Баранихи на Чендон до Антуева острожку 3 недели и с простоем. А поплыву до моря от Антуева острожку одне сутки» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 147]. В конце 50-х гг. XVII в. на Чендон собирался Петр Афанасьев: «И пришед в Анюй, он, Петр, на тое новую реку Чендон не пошел, а пошел за камень на Анадырь реку» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 312—313].

Сообщение одного из источников XVIII в.: «Прежде Ижига река называлась от россиан Чендон, а с чего россиане назвали Ижигую рекою, неизвестно, только разве оно произошло от ламуток» [Косвен, 1962. С. 287] не имеет под собой никаких оснований. Название реки Гижига зафиксировано много ранее времени появления эвенов в окрестностях Тайгоноса.

Мнения о происхождении названия Гижига, имеющиеся в литературе [Топонимический словарь... 1989. С. 120], достаточно спорны, и, видимо, поэтому в справочнике по истории географических названий, встречающихся в лоциях и на морских картах, это название дано без объяснения [Справочник по истории... 1985. С. 81—82]. Имеющиеся объяснения названия Гижига малоубедительны, и необходимо отметить, что они все совершенно не учитывают обстоятельств появления и закрепления этого топонима в документах.

Корякское слово *г'эйгын'ын*, *г'эйгыны* означает 'брод'. В диалекте тайгоносских коряков, потомки которых живут в поселках Чайбуха и Тополовка, это слово звучит как *г'эдджгын'ын* или *г'эдджгыны*. Соответствующее этому слову чукотское слово *э'ргыргын* имеет второе значение 'устье реки'. В одном из этих значений — «устье реки» или «место переправы, брод» — данное слово стало источником для названия всей реки, а позднее и поселения на ее берегу.

По своему значению название реки Гижига оказывается гомогенным с целым рядом плохо объяснимых до сих пор гидронимов. Это река Яна (на Охотском и Арктическом побережьях), река Яма, впадающая в Охотское море, населенные пункты Аян на Охотском побережье — районный центр Хабаровского края и Жиганск на реке Лене: старая форма названия этой местности Ыжыган [Багдарыын Сюлбэ, 1985. С. 61], а также этноним — родовое название эвенков и некоторых других тунгусо-маньчжурских народов Эдян: «низовские, живущие в устье реки у моря». Произношение согласного *дь*, *дж* или *з* на месте согласного *й* чавчувенского диалекта, лежащего в основе корякского письменного языка, до сих пор характерно для диалектов коря-

ков, живущих в районе полуострова Тайгонос. Различие фонетических вариантов названий, обнаруживающих общность основы, объясняется как следствие того, что они восходят к разным диалектам корякского языка, представленным в том же самом облике в современном состоянии в близких ареалах.

Гижигинская крепость как населенный пункт существует по крайней мере с 1753 г. [Сафронов, 1986. С. 139—140]. Герб Гижиги выглядел следующим образом: в верхней части был помещен герб Иркутска, в нижней — на голубом поле при море крепость с башнями.

То, что появилась возможность в конце концов разобраться с происхождением названия Чендон, Чондон и объяснить тот факт, что это название приложимо ко множеству рек, позволило найти объяснение еще для одного этнонима. У эвенков, которые живут именно в верховьях Подкаменной Тунгуски, есть родовое название Чендадыл, Чандадул, Чемда [Василевич, 1969. С. 283, 284]. Поскольку выясняется, что в верховьях Лены сохраняются юкагирские топонимы, есть возможность связать этот этноним с юкагирским словом *чандэ* 'верх', 'верховья реки' и рассматривать его как «верховские, жители верховьев рек».

Глава 6

ЭТНОНИМЫ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ, СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ С ТОПОНИМАМИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ СВЯЗАННЫХ ТОПОНИМОВ И ЭТНОНИМОВ

6.1. Камчатка и камчадалы

Открытие Камчатки тесно связано с историей открытия и освоения Чукотки и является логическим продолжением движения отрядов землепроходцев на восток и вперед по морскому побережью Ледовитого и Тихого океанов. Именно из Анадырского острога начинались походы «Камчатского Ермака» — Владимира Атласова (о нем см.: [Леонтьева, 1997]), документы-«скаска» которого дали первые подробные сведения о Камчатке.

Вопрос о том, кто из русских землепроходцев первым побывал на Камчатке, остается спорным. Достоверно здесь известно очень немногое. Где-то на севере восточного побережья Камчатки осенью 1648 г. разбился коч Федота Попова — спутника Дежнева, на том же коче находился еще один именитый участник этого похода — Герасим Анкудинов, чей собственный коч потерпел крушение где-то на востоке Чукотского полуострова. Дальнейшая судьба Федота Алексеева и его спутников нам стала известна из уже цитированного выше следующего сообщения Дежнева: «А в прошлом во 162 (7162 = 1654 год) ходил я, Семейка, возле моря в поход, и отгромил я, Семейка, у коряков якутскую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что де Федот и служивый человек Герасим померли цынгою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душой не знаю де куда» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 26—27; Русские мореходы... 1952. С. 132].

Мы не будем строить новые предположения о судьбе спутников Дежнева, попавших на Камчатку (см.: [Осьминина, 1989. С. 57—63]), — у нас нет для этого никаких дополнительных данных. Правда,

И. Забелин обратил внимание на челобитную гостиной сотни торгового человека Василия Усова, адресованную царю Алексею Михайловичу, в которой говорится следующее: «... колмогорец Федот Алексеев Попов с тем моим животом пошел на великую реку Лену, а с Лены пошел в неведомые земли и вести, государь, про него лет с восемь и более не бывало. А ныне, государь, мне, холопу твоему, ведомо учинилось, что идет тот Федот к Русе, а живот есть или нет, тово я, холоп твой, не ведаю» [Забелин, 1966. С. 244; Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 192—193]. Однако между содержанием данного документа и сведениями о судьбе спутников Дежнева нет прямой связи — возможно, в этой челобитной отразились известия о том, что жив сам Дежнев и остались в живых некоторые люди из его отряда, но не обязательно Федот Алексеев.

Обратим внимание лишь на два обстоятельства. Во-первых, если Федот Алексеев умер от цинги на восточном побережье Камчатки, нет никаких оснований связывать с его именем места на западном побережье полуострова. Значит, по крайней мере половина сведений здесь явно легендарного свойства. Во-вторых, «якутская баба» не числится среди участников похода Дежнева, имена которых нам известны почти полным списком, — значит, документам верить надо с осторожностью. Каким образом она оказалась среди участников похода — не вполне понятно, вероятно, она была взята в качестве переводчика, но с какого именно языка — сказать трудно. Что стало с ней дальше после возвращения к русским — неизвестно, в документах, связанных с Анадырским острогом, о ней более не упоминается.

Споры о происхождении названия Камчатка ведутся уже более 250 лет. Г. Ф. Миллер утверждал, что название Камчатка происходит будто бы от мужского имени Кончат — имени человека, будто бы жившего среди «камчадалов» — ительменов. С этим мнением Г. Ф. Миллера не соглашался уже С. П. Крашенинников, известный исследователь Камчатки. Он писал: «Сей полуостров на иноземческом языке никакого названия не имеет, а русские назвали его Камчаткою с коряцкого языка, ибо коряки, живущие на впадающей в Камчатку реку Еловке речке иноземцев называют своим языком *ханчал*, которое слово с самого начала там бывшие русские превратили в *камчадал*» [Крашенинников, 1949. С. 691]. В другом месте у него же читаем: «Камчатка река не Коншаткою, но Уйкуал, то есть большею рекою называется, как уже выше объявлено. А с чего коряки камчадалов (ительменов. — А. Б.) зовут *хончало*, о том, хотя заподлинно объявить и нельзя, для того что коряки и сами причины тому не ведают: однако не без основания думать можно, что *хончало* есть испорченное слово из *коочь-ай*, что значит жителя по реке Еловке, которая течет в Кам-

чатку и Коочь называется» (см.: [Крашенинников, 1949. С. 362; 1994. Т. 2. С. 8—9]).

Б. П. Полевой в первой части своего двухтомного труда «Новое об открытии Камчатки» отмечал: «Он (Г. Миллер. — А. Б.) первым выдвинул гипотезу, что название реки Камчатки произошло от корякского слова „хончало“, от которого и возник этноним „Камчадал“» [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 106]. Этот тезис и станет в своей основе предметом нашего обсуждения.

Рукописные материалы С. П. Крашенинникова, опубликованные в 1949 г. в составе самого авторитетного дипломатического издания его труда, позволяют прояснить общую картину и взять приведенные выше слова Крашенинникова под серьезное сомнение. В них мы можем прочесть: «Камчадалы, от русских так называемые, на своем языке общего названия не имеют, **но по рекам, на которых живут, называются** (выделено нами. — А. Б.), как, например, *ханчал-ай* от *ханчала*, то есть Еловки реки» [Крашенинников, 1949. С. 691]. Таким образом, становится ясно, что перед нами всего-навсего одна из возможных версий, которая обосновывается лишь особенным манипулированием языковым материалом — в окончательном тексте «Описания земли Камчатки» упомянутая река именуется иначе — Коочь, а объяснение названия *камчадалы* остается прежним. Хотя нельзя исключать и того, что *ханчал* тут — более точная запись того звучания, которое в дальнейшем воспроизводилось как *коочь*, или даже того, что *коочь* — это заимствованное ительменами корякское название с основой *ханчал*: не вдаваясь в детали, мы пока оставляем все интересующие нас написания в том виде, в каком они представлены у Крашенинникова.

Л. С. Берг писал, что словом Кончат будто бы называется долина реки Камчатки, а форма Кончаток значит ‘в долине Камчатки’ [Берг, 1946. С. 58]. Отрадно, что в литературе, посвященной географическим названиям северо-востока Азии, перед нами едва ли не впервые демонстрируется достоверно известный, соответствующий реальности языковой факт — суффикс *-к* является суффиксом местного падежа в чукотском и корякском языках.

Кроме вышеперечисленных предположений, существует еще по крайней мере пять заслуживающих внимания объяснений названия Камчатка, обсуждавшихся в литературе. Л. С. Берг высказывал мнение, что в основе названия Камчатка лежит ительменское слово *кчамзалх* или слово *ушкамжа*, означающее ‘человек’. И. И. Огрызко думал, что это название соотносится с ительменским словом *комчачу*, означающим ‘мыс’ или ‘полуостров’. Ныне к этим предположениям, исходя из наших знаний словарного состава, грамматики, а также звукового строя ительменского языка, нельзя относиться серьезно, подобные слова в ительменском языке не обнаружены. Такого рода предположе-

ния были уместны в 1930—1940-е гг., когда ительменский язык был плохо изучен и описан, но не сейчас, когда мы имеем полное грамматическое описание ительменского языка и обширные словарные материалы по нему [Володин, 1976; Володин, Халоймова, 1988].

Н. А. Бондарева связывает происхождение названия Камчатка с встречающимся в якутских героических сказаниях-олонхо словом *Камчаккытан*, обозначающим будто бы курящуюся, вздыбленную горами, подверженную встряскам землю. Это предположение, несмотря на то что к нему сочувственно отнесся такой специалист по языкам и топонимике северо-востока Азии, как В. В. Леонтьев, очень спорно¹. Во-первых, слишком наивно было бы думать, что название Камчатка отражает «внешний вид» целого полуострова. Во-вторых, как показали наблюдения Л. Л. Габышевой, иноязычные слова в текстах якутских олонхо имеют особую, причем разнообразную, стилистическую нагрузку (см.: [Габышева, 1996. С. 3—9]). Версия Н. А. Бондаревой, принятая в целом Р. Осьминой, изложена в вышеупомянутой статье Р. Осьминой с большой путаницей, и можно сразу сказать, что название Камчатка не имеет никакого отношения к слову *каньча* ‘курительная трубка’, китайскому по происхождению, но встречающемуся во многих языках Сибири от хантыйского на западе до корякского на востоке. Показательно, что слова *каньча* ‘курительная трубка’ нет в близкородственном корякскому языку чукотском языке, хотя сам этот предмет давно и хорошо знаком чукчам.

В. В. Леонтьев, дав обстоятельный обзор всех заслуживающих внимания гипотез о происхождении названия Камчатка (его содержание изложено выше), предложил оригинальное и наилучшее на момент работы над своим «Топонимическим словарем» объяснение этого названия. По его мнению, чукчи и коряки могли называть ительменов — коренных жителей Камчатки по-чукотски *камчальвтыльыт*, а по-корякски *камчалавтылг’о* ‘лохматоголовые’, из-за того, что ительменские женщины носили большие парики и такой обычай отличал их и от чукчей, и от коряков. Сокращение этих форм могло, по его мнению, дать формы *камчальыт* и *камчалг’о*, что уже весьма сходно со словом *хончало*, приведенным С. П. Крашенинниковым ([Топонимический словарь... 1989. С. 174—178]; см. также: [Леонтьев, 1986. С. 193, 198—199]). Самое важное в изложенных соображениях В. В. Леонть-

---

¹ Ф. Г. Сафронов писал Б. П. Полевому по поводу наблюдений Н. А. Бондаревой: «Наконец, у меня большие сомнения насчет того, что якуты в XVII веке знали о Камчатке» [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 151, примеч. 69]. Б. П. Полевой соглашается с Ф. Г. Сафроновым в том, что якуты не знали о Камчатке, и приводит его суждение в пользу своей версии, хотя из текста самого Б. П. Полевого следует, что о Пахаче знали юкагиры (см.: 4.3).

ева — то, что таинственное слово *хончало*, известное по книге Крашенинникова, определенно содержит чукотско-корякский суффикс названий жителей данной местности (чукот. *-льын*, мн. ч. *-льыт*, корякск. *-лг'ын*, мн. ч. *-лг'у/-лг'о*).

Б. П. Полевой в своей книге дает обзор двадцати (!) версий о происхождении названия Камчатка [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 98—116]. Этот обзор включает идеи и соображения, рассмотренные нами выше, но не все сформулированные мнения и не вся литература, которую учитывает этот автор, необходимы нам в нашем исследовании.

Говоря о существующих объяснениях названия Камчатка, надо сразу признать, что они, во-первых, в основном недостаточно аргументированы, во-вторых, они в значительной части восходят к легендарным рассказам XVIII в., в-третьих, такие объяснения принадлежат непрофессионалам, во всяком случае, лицам, плохо знакомым с лингвистическим материалом. В отношении С. П. Крашенинникова это оправдывается тем, что он сам описывал этот материал впервые и сделал это достаточно квалифицированно. Фактологическая сторона его сообщений должна быть оценена и в наши дни выше всяких похвал, в целом ряде случаев приводимые им слова-названия местностей или людей, живших в этих местностях, уникальны, они имеют для нас колоссальную ценность, и главное — они объяснимы и понятны нам в свете наших сегодняшних знаний из области языков аборигенов Камчатки. Другое дело — собственные попытки С. П. Крашенинникова объяснять некоторые названия, попытки, которые основываются на его же лингвистических рассуждениях: в наши дни это, конечно, представляет интерес лишь для истории науки.

Совершенно иная точка зрения на происхождение названия Камчатка представлена в работах Б. П. Полевого ([Полевой, 1967. С. 96—112; 1984а; 1997. Ч.1]. Эта же версия повторена в кн.: [Справочник по истории... 1985. С. 134]). По мнению Б. П. Полевого, название Камчатка образовалось от фамилии или прозвища казака Ивана Камчатого, который служил на Енисее, участвовал в походах на Колыму, Омолон, Гижигу, Пенжину и погиб вместе с Федором Чюкичевым и другими казаками на Омолоне в 1661 г.² Был ли сам Иван Камчатой на Камчатке — неизвестно: известно лишь то, что после его гибели на Камчатке бывали служившие с ним казаки. Аргументация Б. П. Полевого вкратце такова: название Камчатка может восходить к имени Ивана Камчатого, потому что другие реки иногда назывались по фамилиям или прозвищам землепроходцев, прозвище «Камчатой» связа-

---

² С мнением Б. П. Полевого согласился Ф. Г. Сафронов [Сафронов, 1992. С. 100, 102], внимательно проанализировавший работы Б. П. Полевого и указавший на 1652 г. как возможную дату открытия Камчатского полуострова.

но с наименованием ткани-камки, упоминания о которой часто встречаются в документах землепроходцев, почему-то едва ли не решающим аргументом Б. П. Полевого, обсуждаемым в специальной работе, оказывается то, что у Н. Витсена название реки Камчатки передано как *Damaste revier*, то есть осмыслено как связанное с названием ткани «*Damaste*», возможно камки [Полевой, 1988. С. 149; 1997. Ч. 1. С. 104]³.

Есть смысл начать обсуждение проблемы с последнего. Переосмысление географического названия, его калькирование, ложные этимологии, примысливание значения названия по созвучию с каким-то посторонним словом — вещь в топонимике настолько обычная, что появление очередного подобного случая в каком-либо источнике ничего не может доказывать. Прозвище Камчатой наверняка связано с названием ткани-камки, но название Камчатка должно связываться не с тканью, а с прозвищем, и без того известным. Наконец, многие ученые оценивают эту гипотезу как невероятную по другим соображениям. А. И. Алексеев пишет следующее: «Нелишне напомнить, что казахское слово *камшат* означает ‘куница’. Не случайно кроме отмеченных на Камчатке географических объектов в XIX в. существовало в Ишимском округе Тобольской губернии Камчатское озеро. Уж не от Ивана ли Камчатого и оно ведет свое название? Наконец, никто почему-то не пытается искать в архивах Ивана Татарского на берегах Татарского пролива» [Алексеев А. И., 1987. С. 40]⁴.

К чему относится название Камчатка? По мысли Б. П. Полевого оно относится к реке, по которой была в дальнейшем названа территория всего полуострова, по мысли других ученых, название относится к полуострову. Последняя точка зрения довольно наивна: у ительменов-аборигенов Камчатки не было ни карт, ни мореходных средств, которые позволяли бы им плавать вокруг полуострова — они и сами не знали, что живут на полуострове. Стало быть, речь может идти о названии той реки, которая и ныне носит название Камчатка, однако, как

---

³ Эти указания не вполне точны. На ранней карте Сибири Н. Витсена 1687 г. мы находим две разные реки — реку с названием *Kartzanki sive Kamtschetna revier* (примерно там, где располагается река Камчатка) и к северу от нее реку с названием *Tsudona ofte Damaste revier*. Первая река — без сомнения, река Камчатка, название которой приведено в разных транслитерационных вариантах при переводе с русской графики на латиницу. В названии второй реки угадывается апеллатив Чендон, имеющий в юкагирском языке значение ‘верховья реки’. Соотнесение этого названия с каким-либо объектом на современных картах затруднено, однако же в свете данных этой карты мы имеем достаточно оснований взять все рассуждения Б. П. Полевого под серьезное сомнение.

⁴ Озеро с названием Камчатка в указанном регионе отражено в справочной литературе [Гагарин, 1843. Т. 2. С. 224].

будет явствовать из дальнейшего, даже этот внешне бесспорный довод рассыпается в пыль при анализе хорошо известных карт.

Что же в нашем распоряжении бесспорного, что определенно не было бы субъективным рассуждением или домыслом и могло бы послужить исходной точкой для исследования? Для объяснения данного названия есть несколько бесспорных лингвистических фактов:

1. Сообщение С. П. Крашенинникова о том, что оленные коряки называли ительменов *хончала*, *хончало*; «Таким образом *Камчадалов* называем мы по-коряцки, ибо *Камчадал* от Коряцкого Хончала происходит... Камчатка *рѣка* не Коншаткою, но Уйкуал, то есть большею *рѣкою* называется, как уже выше объявлено. А с чего коряки *камчадалов* зовут *хончало*, о том, хотя заподлинно объявить и нельзя; для того что коряки и сами причины тому не ведают: однако не без основания думать можно, что *хончало* есть испорченное слово из *коочь-ай*, что значит жителя по реке Еловке, которая течет в Камчатку и Коочь называется» [Крашенинников, 1994. Т. II. С. 5, 8—9]. Данный этноним — название ительменов, бытующее у оленных коряков, существует как факт и требует к себе внимания, при этом связь его с происхождением топонима Камчатка неоспорима — кроме прямых свидетельств XVIII в., на нее указывает очевидное сходство слов.

2. Очевидный факт, что название ительменов «камчадалы» явно не русского происхождения, так как в русском языке суффикс названий народов *-дал* отсутствует. Обоснованно доказать обратное невозможно. Компонент *-дал* вычленяется в слове *камчадал* только по аналогии с названием Камчатка. В статье Б. П. Полевого сказано, что не вполне ясно, каким образом из названия Камчатка могли возникнуть слова «камчадал» и «камчадалка» [Полевой, 1984а. С. 31], однако в примечаниях сказано, что эта фраза вставлена в текст статьи вопреки желанию автора, и разъяснение происхождения этнонима *камчадал* будет дано в XXIV выпуске сборника «Страны и народы Востока» [Там же. С. 33, примеч. 20]. К удивлению заинтересованных и заинтригованных читателей, в названном выпуске сборника «Страны и народы Востока» такой статьи Б. П. Полевого нет. Сказать, что этноним *камчадалы* связан с названием местности Камчатка, — это значит ничего не сказать: от названия местностей на северо-востоке Азии образовано множество этнонимов-названий территориальных групп, причем такая закономерность характерна для многих языков, не состоящих в родстве друг с другом⁵. Много позднее Б. П. Полевой стал утверждать, что назва-

---

⁵ Любопытна статья о камчадалах в «Лексиконе» В. Н. Татищева: «Камчадалы, народ немалой в крайней на восток российской провинции Камчатской по рекам Камчатке и Большой. Они как языком, так и протчими обстоятельствами ни малого подобия ни к татарскому, ни сарматскому не подобны и

ние *камчадалы* навязали ительменам русские [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 106], но тут нет ответа на вопрос, как же, за счет каких языковых ресурсов появилось название *камчадалы*, если оно сконструировано из того, чего в русском языке не имеется.

3. Сообщение Я. Линденау о том, что коряки камчадалов называют *кончалал* (Kontschalal), то есть люди, которые живут на конце (! — *А. Б.*), а саму Камчатку называют Кончанут (Kontschanut) [Линденау, 1983. С. 103]. Судя по конечному *-л*, этноним *кончалал* мог быть записан Я. И. Линденау от эвенов⁶. Форма Кончанут достаточно прозрачна и понятна — компонент *-нут* отождествляется с чукотско-корякским словом *нутэ-нут* ‘тундра’, ‘земля, край’, следовательно, первая часть такого названия — Конча- соотносится либо с названием местности, либо с какой-то ее характеристикой. Только очень легковверный исследователь может увидеть тут русское слово «конец» и приписать такую этимологию топонима оппонентам — предположение о том, что перед нами созвучное с этим словом корякское название какой-либо местности, восстанавливает статус-кво в отношении достоверности сообщений источников, но одновременно лишает смысла все без исключения гипотезы, кроме одной — той, которая излагается нами. В самом деле, предположить, что коряки заимствовали название Камчатка от русских, причем ни раньше ни позже, как накануне 40-х гг. XVIII в. (что близко по времени к составлению сочинений Линденау), было бы абсурдным. Не случайно Б. П. Полевой излагает эту же версию не по материалам Я. И. Линденау и не по сочинению И. Э. Фишера, которое он, разумеется, знал, а по почти неизвестной публикации Ивановского 1914 г. [Полевой, 1984а. С. 19; 1997. Ч. 1. С. 109] — едва ли этому автору были доступны материалы Я. И. Линденау, изданные только в 1983 г.

Гипотеза о том, что Кончанут — это название северной части Камчатского полуострова или хотя бы долины реки Камчатки — название, как мы видим, существует, и свидетельство о нем является не самым ранним. Но она, если бы ее отстаивать, была бы слишком смелой и сильной, но смела бы в пыль все неаборигенные трактовки происхождения топонима Камчатка.

более мнят, что они от японцов переходцы, однако ж об них дондесь никто обстоятельного описания не учинил» [Татищев, 1793]. Сказанное здесь написано явно еще до возвращения в Петербург участников Второй Камчатской экспедиции.

⁶ Позже это же мнение высказал И. Э. Фишер: «*Камчадалы* известны у них (коряков. — *А. Б.*) под именем *хончалал*, что значит людей, на самом краю света живущих. (Примечание: Из сего видно, что начало имен *камчадал* и *Камчатка* происходят от коряков)» [Фишер, 1774. С. 23, примеч. 25].

Напомним, что географические названия иногда повторяются — более того, как раз регулярная повторяемость топонимов существенно облегчает задачи их исследования и делает более надежными выводы относительно их значения и происхождения. Среди географических названий северо-востока Азии наиболее сходным с названием Камчатка оказывается название Канчалан, которое носят несколько объектов — река, лиман, залив и поселок на Чукотке поблизости от устья реки Анадырь. Названия Камчатка и Канчалан настолько сходны друг с другом, что при явном тождестве языковой основы — чукотский и корякский языки принадлежат к одной группе — общность языкового источника и общность происхождения названия Камчатка и названия реки, лимана, поселка Канчалан практически неоспорима. Следовательно, название Камчатка определенно имеет чукотско-корякское происхождение.

Известно, что название Канчалан появилось в обиходе сравнительно недавно — возможно, оно вошло в обиход только после основания Мариинского Поста, современного города Анадыря (датой его основания считается 1889 г.). В «Топонимическом словаре» В. В. Леонтьева отмечается, что название Канчалан дано по сопке и мысу Кончан, а последнее связано с чукотским *к'унэч* / *к'онача* 'один, единственный': чукчи, живущие у мыса, назывались *к'ончалыт*, а названия Канчалан и Кончан появились довольно поздно [Топонимический словарь... 1989. С. 180, 201].

Согласно существующим сегодня мнениям, название Канчалан объясняется самими чукчами-жителями города Анадыря из чукотского *к'онтылян* или *к'унчычен* 'один переход', 'одна кочевка'⁷. Важно отметить, что для чукотского языка это не разные произносительные варианты, а два разных слова, хотя и с близким значением. Скорее всего — почти без сомнения — форма *хончало*, приведенная Крашенинниковым, воспроизводит корякское слово *к'ончалг'о* 'живущие на расстоянии одного перехода'. По-чукотски то же самое слово должно выглядеть как *к'ончалыт*, и оно, как указано выше, реально существует — это название территориальной группы канчаланских чукчей, бытующее у их соседей. Таким образом, название ительменов «камчадалы» выводится из корякского *к'унчычэлг'о*, *к'онтылялг'о* (по-чукотски те же формы должны выглядеть как *к'унчычельыт*, *к'онтыляльыт*) 'живущие на расстоянии одного перехода, одной кочевки', а название Камчатка — из корякской формы направительного падежа *к'ончайтын'* и соответствующей чукотской формы дательного-направительного падежа *к'ончагты* 'на одну кочевку, на расстояние одного перехода'.

⁷ Устные сообщения жителей г. Анадыря чукчей А. Г. Керка и И. У. Березкина, 1992 г.

Здесь же можно добавить, что патронимия Ханчалан существует среди эвенов, живущих в пос. Гижига Северо-Эвенского района Магаданской области и в наши дни, причем эта семья имеет корякское происхождение.

Интересно, что в раннем варианте корякского алфавита на русской графической основе, действовавшего в конце 30—начале 40-х гг. XX в., корякский увулярный звук *к'* обозначался русской буквой *х* — в точности так, как он обозначается в записях корякских слов у С. П. Крашенинникова.

Здесь начинается едва ли не самое интересное. На карте 1667 г. Камчатка — единственная река, расположенная на пространстве между Амуром и... устьем Лены: ни полуостров Камчатка, ни Чукотка на этой карте не показаны. Название Камчатка на этой карте не имеет сокращения *р.* (река), которое присутствует при других гидронимах. Возможно, это название надписывалось на карте без уверенности, что оно относится к реке, и уж во всяком случае можно прямо утверждать, что тот, кто наносил эту реку на карту, понятия не имел о том, где она находится, — ориентиры для более точного определения месторасположения реки Камчатки на названной карте отсутствуют. На карте 1701 г. названия Камчатка и Камчатой Нос встречаются в нескольких местах [Алексеев А. И., 1987. С. 43]. Слово сочетание «Камчатцкой нос», встречающееся в «Скаске» В. Атласова [Колумбы земли Русской, 1989. С. 70], явно не обозначает полуострова Камчатка: из текста явствует, что Атласов от этого «носа» пошел поперек полуострова.

Создается впечатление, что на момент появления русских землепроходцев на Юго-Восточной и Южной Чукотке, а также и на Камчатке между ними и местным населением существовал прочный языковой барьер. В условиях действия такого языкового барьера за название реки, мыса, полуострова, поселения можно было принять все, что угодно, — в том числе и наименование ближайших соседей и расстояние до соседней реки или поселения. Именно поэтому корякское слово *хончало* и не было расшифровано впоследствии даже в полевых исследованиях и при работе со специалистами по языкам⁸: предметом поисков историков и географов был этноним — название какого-нибудь народа, а вместо него оказалось обнаруженным заместительное наименование «ближайшие соседи, те, до которых один переход». С языком ительменов-камчадалов дело обстояло еще хуже. Владимир

---

⁸ Б. П. Полевой в личных беседах с автором данной книги в конце 1990-х гг. пытался убедить его в том, что слова *хончало* в корякском языке нет, потому что его не знают специалисты по этому языку. Данный аргумент нельзя принимать всерьез — оно просто не является этнонимом, среди которых его пытались обнаружить.

Атласов свидетельствовал: «И с теми камчадалыцы всякую речь, о чем руским людям доведетца говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у руских людей. А он Володимер по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает» [Русская Тихоокеанская Эпопея, 1979. С. 109; Колумбы земли Русской, 1989. С. 79].

Такое объяснение происхождения названия Камчатка очень хорошо понятно в свете этнодемографической ситуации на Южной Чукотке и Северной Камчатке. Отряды землепроходцев могли неделями бродить по Ваежской или Алькатваамской тундре, не встречая никаких «иноземцев» или «аргишниц» — следов кочевий оленеводов: тундра Южной Чукотки и Северной Камчатки была практически пуста. Далее к югу картина резко меняется: северные районы Камчатки, где начинается «камчадальская» или «Камчатская земля» (юг Камчатки назывался Курильской землей, так как там жили айны), и в частности долина реки Камчатки, были заселены очень плотно. В. Атласов говорил об этом так: «А по Камчатке реке к морю посылал он Володимер казака для проводывания иноземцев, и тот казак по Камчатке до моря ходил, и сказывал что он видел по Камчатке камчадальских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов» [Колумбы Земли русской, 1989. С. 80—81], и это при том, что «Камчаткою на низ плыть в лотке до моря 4 дни» [Там же. С. 81]. Сам Атласов по Камчатке до моря не доплывал — его плавание продолжалось три дня [Там же. С. 73]. В другом месте Атласов еще раз отмечает: «И юрты от юрт поблиску» [Там же. С. 79]. Может быть, название Камчатка и закрепилось за данной рекой как одной из самых густонаселенных рек всего полуострова.

Становится понятной неопределенность названия Камчатка и его повторяемость применительно к разным объектам в конце XVII—начале XVIII в. в документах и на картах. В свете всего сказанного выше становится ясно, что загадочные «люди катылинские» одного из документов середины XVII в. [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 114] — это чукчи или соседи чукчей, «живущие на расстоянии одной кочевки» (чукот. *к'онтыляльыт*).

Лука Морозко в своей челобитной 1693 г. сообщал, что он собрал ясак «с олюторов и с камчацких первых людей, да я ж холоп ваш Лучка с служилыми людьми... взял камчацкий острожек, а до Камчатки реки не доходил один день» [Вдовин, 1965. С. 113]. Увы, неясно, с кого взял ясак Лука Морозко, — то, что он «до Камчатки реки не доходил один день», настораживает: после всего, что говорилось выше, известно, какая именно река могла получить такое наименование.

Вчитаемся еще раз в текст «скаски» Атласова. Авторская речь самого Атласова или писаря: «И они *камчадальские иноземцы* стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де — далее речь самих „иноземцев“ — с тое же реки *Камчатки* приходят к ним *камчадалы* и их

побивают и грабят» [Колумбы земли Русской, 1989. С. 72]. Как говорится, невооруженным глазом видно, что слова «*Камчатская земля*», «*Камчатка*», «*камчадалы*» при составлении документа явно не поняты и оставлены без перевода при изложении чьего-то устного пересказа. Иначе получается, что «камчадалские иноземцы» жалуются Атласову сами на себя или что это названия разных групп местных жителей.

Судя по всему, такое же объяснение, как и название реки Камчатка, могут получить другие сходно звучащие наименования рек — река Кансал в бассейне Гижиги, река Канчеваям в бассейне Парени, река Концавеем в бассейне Пенжины — в «Топонимическом словаре» без оснований связываются с корякским словом *каньча* ‘трубка’ все они [Топонимический словарь... 1989. С. 180, 201], а также, возможно, некоторые другие названия, где усматривается префикс *к’ун-/к’он-*, например, река Кончаваам, впадающая в Канчаланский лиман [Там же. С. 201]. Видимо, это те самые названия, похожие на название Камчатка, в существование которых отказывались верить Б. П. Полевой и сторонники его точки зрения [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 116].

Можно обратить внимание, что С. П. Крашенинников зафиксировал еще одно название, которое, судя по всему, является общим по значению с названием Камчатка. Он так писал о коряках, живущих на острове Карагинском: «На помянутом острове живут коряки, которых, однако, прочие за свой род не признают, но называют их Хамшарен, то есть собачьим отродьем...» [Крашенинников, 1994. Т. 1. С. 59]. Слова «собачье отродье» в слове Хамшарен исходя из корякского языка никоим образом не распознаются. Сходство же этого слова со словами *к’ончалг’ын* ‘живущий на расстоянии одной кочевки’ и даже *к’онча-ран* ‘жилище, находящееся на удалении в одну кочевку’ (такая форма в языке карагинских коряков вполне возможна) очевидно — этот остров расположен достаточно близко от материка, чтобы в это нельзя было поверить.

Самое непонятное в аргументации Б. П. Полевого в его истолковании топонима Камчатка — это то, каким образом река Камчатка была названа в честь Ивана Камчатого при его жизни: в стремлении обосновать это он не замечает, что по приговорам Якутска название Камчатка встречается в 1660 г., а Иван Камчатой погиб годом позже — по Б. П. Полевому, зимой 1660—1661 гг. [Полевой, 1984а. С. 25]. Наименование реки по казаку при его жизни — вещь беспрецедентная в истории освоения северо-востока Азии, по крайней мере для XVII в.

Между прочим, «куст» из названий рек в среднем течении Индигирки, которые получили наименования по именам казаков и среди которых имеется река с названием Камчатка — об этой реке также пишет Б. П. Полевой [Там же. С. 21], — вроде бы находит свое объяснение. Похоже, что эта территория некоторое время была никем не за-

селена, на ней не было местного населения — юкагиров, и именно поэтому там так легко прижились русские, а позднее якутские названия. В том же гидронимическом «кусте» неподалеку от реки Камчатки — как будто бы названной в самом деле в честь Ивана Камчатого — есть река с названием Чукча. Так по какой же причине она получила свое наименование — из-за живших там когда-то чукчей или, может быть, тоже из-за казака, например Федора Чюкичева? Если так аргументировать свои взгляды, в конце концов кто-нибудь когда-нибудь может и сказать, что в честь казака Чюкичева получила свое наименование Чукотка...

Б. П. Полевой совершенно правильно говорит, когда призывает, ссылаясь на А. И. Попова, обратить внимание на то, когда и в какой транскрипции то или иное название — в данном случае название Камчатка — появляется впервые [Полевой, 1988. С. 145; 1997. Ч. 1. С. 98]. В своей более ранней статье о названии Камчатка он абсолютно объективно и вполне справедливо отмечает, что в документах 1668—1670 гг., связанных с именами Ивана Ермолина и Ивана Рубца, это название выступает, соответственно, в написаниях Кончатка и Комчатка [Полевой, 1984а. С. 28]. Б. П. Полевой тут умалчивает о главном — эти формы хотя и не самые старые из известных, но одни из старейших: во всяком случае они принадлежат первому десятилетию достоверного упоминания названия Камчатка в документах. В последующей своей работе, имеющей откровенно полемический характер, он не упоминает форму Кончатка вовсе, а о написании «Комчатка» говорит, что оно может быть проявлением севернорусского оканья, будто бы свойственного Ивану Рубцу [Полевой, 1988. С. 158]. Мы не имеем намерения спорить с исходными установками ученого — обратим внимание читателей, что, с нашей точки зрения, форма названия Кончатка, встретившаяся едва ли не однажды и весьма рано, наиболее близка к ее возможному произношению в языке-источнике. Возможно, такая форма и исчезла именно вследствие немотивированной ассоциации с русским словом «конец», заменившись на форму Камчатка, которая ныне ассоциируется то с материей-камкой, то с прозвищем казака Камчатого — оставим в стороне его имущественное положение, которое брался обсуждать А. И. Алексеев в своей полемике с Б. П. Полевым.

Рассмотрим также мелкие детали, затронутые в ряде значимых публикаций, посвященных данному топониму. Четырехтомный «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова дает нам следующие тюркские слова, обозначающие пушных зверей: койбальское *камјат*, барабинское *камнау* ‘выдра’, алтайское (телеутское) *камду:*, и только казанское (= татарское) и ногайское *камчат* ‘бобер’ с пометой «из рус. *камчатский бобер*» [Радлов, 1899. Стлб. 490, 491, 493]. Слово *камшат* в значении ‘куница’ в этом словаре отсутствует. Но оно есть в толко-

вом словаре казахского языка: *к'амшат* 'бобр' [Казак тілінің түсіндірме сөздігі, 1980. С. 617]. Возможность заимствования этого слова, как и койбальского, из русского языка почти исключена, хотя отношение их к названию Камчатка, разумеется, более чем проблематично.

Что касается проявления ассоциативных связей слов, вследствие которых иноязычные слова приобретают вид слов, составленных из русского языкового материала, то максимум проявления таких связей приходится именно на документы, связанные с освоением Камчатки. Описывая одну из камчатских рыб, Атласов рассказывает: «Походит она на семгу, и летом красна, а величиною больше семги, а иноземцы ее называют *овечиною*» [Колумбы земли Русской, 1989. С. 77]. Очень трудно догадаться, что вполне русская «овечина» — это корякское *эйэчыннээн* 'чавыча', та самая рыба, которую Атласов и описывает. Японца Татэкаву Дэнбэя Атласов называет «индейцом» — ассоциация слов незнакомого ему языка с русскими словами для него типичное явление, и японское название Эдзо в его восприятии ассоциируется с Индией. Именно на этом языковом фоне и название Камчатка до сих пор выводится из ткани камки.

В заключение нам хотелось бы обратить внимание, что высказанное в настоящей работе мнение о происхождении этнонима *камчадалы* и топонима Камчатка косвенным образом подтверждается позднейшими источниками. В 1820-х гг. О. Е. Коцебу писал: «Камчатка была открыта в 1696 г. якутским казаком Лукой Семеновым... Русские называли этот полуостров Камчаткой в честь самой большой местной реки, в туземном произношении Кончатки» [Коцебу, 1981. С. 180]. Наименование Луки Семенова Морозко (а не Атласова) в роли первооткрывателя Камчатки достаточно нетрадиционно, чтобы на это можно было не обращать внимания. То, что произношение «Кончатка» здесь «туземное», а не русское, исключает возможность народной этимологии названия Камчатка по ассоциации со словом «конец».

Как представляется, в истории с названием Камчатка казак Камчатой с его прозвищем вообще ни при чем. Просто-напросто казаки, услышав слова *к'ончагты* или *к'ончайтын* 'на одну кочевку, на один переход', приняли их за название реки или наименование окружающей местности и, для удобства пользования, подобрали вместо них русское слово, похожее на знакомое им название ткани. Как русские люди из отряда Атласова сделали *овечину* из *эйэчыннээн* — названия чавычи, так же и кто-то превратил чукотское *к'ончагты* или корякское *к'ончайтын* в Камчатку. Эти примеры роднит то, что оба слова вроде бы русские, оба состоят из русских корней и суффиксов, а также то, что этих слов в русском языке нет. Никто никогда не называл ткань по-русски *камчаткой*, хотя было название ткани *камка* и прилагательное *камчатый*. Эти слова выдуманы первопроходцами по созвучию со

словами языков аборигенов крайнего северо-востока Азии⁹. Примеров этому не так уж мало — здесь и Толстак вместо Гастаха, и Варка вместо Мархи, и Яблонная река вместо Яблона — ‘Мертвой’ (см.: 1.1; 3.2.3; 3.2.5 и др.).

Заканчивая свою статью о топониме «Камчатка»? Б. П. Полевой пишет: «Хочется верить, что время дилетантизма в топонимике уже подходит к концу» [Полевой, 1988. С. 159]. Нам нечего возразить против этого. Мы добавим лишь, что топонимика — это не только документы со знакомыми именами. Это язык-источник названий, со своими правилами, своей собственной лексикой, своими диалектами и своей историей — и таких языков на северо-востоке Азии около десятка. Это также и русский язык в его истории от XVII в. до современности в его региональных вариантах. Наконец, это документы, не дающие необходимой информации без предварительного филологического анализа, который требует знания языков и определенного опыта в области филологической критики текста.

6.1.1. Еще раз к вопросу о методах ономастических исследований и способах изложения результатов топонимических разысканий, или три «упрямых факта» в окружении вымыслов, домыслов и умыслов

Нам придется вернуться к обсуждению методов и приемов топонимических исследований в связи с тем, что вместе с идеями о происхождении названия Камчатка в научный оборот входят и некоторые средства их обоснования. Б. П. Полевой, отстаивающий свою идею о том, что название Камчатка происходит от прозвища казака Ивана Камчатого, пишет:

«Из всего рассказанного видно, что существует более ДВАДЦАТИ различных гипотез о происхождении названия „Камчатка“. Но очевидно, что большинство из них ничего общего с истиной не имеют.

---

⁹ Версия о происхождении названия Камчатка от чукотского *к'ончагты* или корякского *к'ончайтын* ‘на одну кочевку, на один переход’ была известна Б. П. Полевому, который упоминает в своей книге нашу самую раннюю публикацию с этим сюжетом, датированную 1992 г. [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 149, примеч. 20], однако не раскрывает ее содержания и не называет ее в качестве двадцать первой версии об этимологии этого топонима. Возможно, ему было известно, что не все историки Камчатки и краеведы согласны с его версией (см., например: [Песков, Жилин, 1994. С. 16—29; Жилин, 2008. С. 94—95]) и что они полагают, будто истоки этого названия все же связаны с языками аборигенов Камчатки.

Каждому очевидно, что правильным может быть ТОЛЬКО ОДНО ОБЪЯСНЕНИЕ, и прежде всего оно не должно противоречить ТРЕМ „упрямым историческим фактам“. Перечислю их.

ПЕРВЫЙ „УПРЯМЫЙ ФАКТ“: первоначально название „Камчатка“ относилось ТОЛЬКО К РЕКЕ. Название РЕКИ появилось в самом начале 1660-х гг., тогда как на полуостров оно было распространено только в середине 1690-х гг., т. е. более чем ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ. Поэтому сразу же оказываются исторически несостоятельными несколько гипотез, в частности все версии о том, что название „Камчатка“ произошло от слова „конец“, а именно „кончатка“, „люди, живущие на конце“, версия И. И. Огрызко — В. П. Нерознака о том, что „комчачу“ означает „мыс, полуостров“, и другие подобные фантазии.

ВТОРОЙ „УПРЯМЫЙ ФАКТ“: первоначально русские ошибочно называли ительменов коряками и лишь в середине 1690-х гг. стали употреблять по названию реки „камчатцкие люди“, что и привело при В. В. Атласове к появлению, впервые, новых этнонимов „камчадалыцы“ и, более короткого, „камчадалы“. Поэтому оказались несостоятельными все попытки из позже возникшего этнонима вывести название реки Камчатки. Так опровергаются версии о происхождении названия „Камчатка“ от „кончал“, „кончал“, „кончалал“, „кчамзалх“, „к`ьмч`ал“, „камчалявтыльыт“ и т. д.

ТРЕТИЙ „УПРЯМЫЙ ФАКТ“: источники СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА неизменно связывают название реки Камчатки с русским названием камчатской (sic! – А. Б.) материи (мнение С. У. Ремезова, данные карты Витсена, неизменная транскрипция на тобольских и московских географических чертежах). Поэтому не подлежит сомнению вывод А. В. Ефимова: „НАЗВАНИЕ КАМЧАТКИ ПРОИЗОШЛО ОТ КАМЧАТСКОЙ ТКАНИ“». [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 116: шрифтовые выделения Б. П. Полевого. — А. Б.].

Попытаемся проанализировать эти «упрямые факты» и посмотреть, какое значение они имеют для наших исследований.

Первый «упрямый факт». В названии Камчатка отсутствует гидронимический формант, и это сразустораживает: значит, это не чукотско-корякский и, по всему видно, не ительменский гидроним. Следовательно, диапазон поисков суживается: внимание сосредоточено на апеллятивной лексике и топонимах других разрядов, тем более что нам известен однокоренной с этим названием топоним Канчалан. Версия И. И. Огрызко — В. П. Нерознака, согласно которой слово *комчачу* означает ‘мыс, полуостров’, получает не обоснование, но объяснение того, как она могла появиться: по-корякски *к`унчыг`у*, равно по смыслу чукотскому *кунчычэт* или *контылят* ‘несколько переходов по одному’, что можно было принять за слово «мыс» или «полуостров», как можно принять наречие *к`ончагты* за название реки — глагол *ты-*

лек, тылэк 'идти, двигаться' одинаково звучит и в чукотском, и в корякском языках. Ср. корякское *к'онъейтын* 'в сторону' с тем же префиксом *к'он-* [Молл Т. А., 1960. С. 61]. Итак, первый упрямый факт дезавуируется за отсутствием в нем смысла. Сведение в его границах разнородных примеров оказывается бездоказательным. Для нас же вообще не играет роли то, к чему относилось название Камчатка, потому что слово, к которому оно восходит, обозначает не объект, а расстояние до него.

Второй «упрямый факт». Он у Б. П. Полевого состоит из нескольких положений. Первое положение — «первоначально русские ошибочно называли ительменов коряками» необоснованно, бездоказательно и бессодержательно, а если русские знали, что название «коряки» означает 'безоленные' (8.8), то такое наименование ительменов было правильным.

Второе положение — хронология названий «камчатцкие люди», «камчадалыцы» и «камчадалы» на самом деле такова: В первой «Скаске» В. Атласова упоминается сначала *Камчатской Нос*, потом река *Камчатка*, затем *камчадальские иноземцы*, потом *камчадалы* и опять *камчадальские люди* — здесь не «коряки» и не «люторы»: «И они *Камчадальские иноземцы* стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де с той же реки *Камчатки* приходят к ним *камчадалы* и их побивают и грабят, и чтоб ему Володимеру с ними на тех иноземцов итти в поход и с ними их смирить чтоб они жили в совете. И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с *камчадальскими людьми* сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни и на которые они остроги звали — доплыли, и их де *камчадалов* в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали [Оглоблин, 1891. С. 6, 7. 8]. Здесь, кстати, *камчадальские иноземцы* — союзники, а *камчадалы* — противники отряда Атласова, и это лишний раз показывает, что и то и другое не является этнонимом, а именуется жителей близких местностей по какому-то общему признаку.

Во второй «Скаске» Атласова слова «Камчадальская земля» употребляются в тех контекстах, где речь идет о людях, а «Камчатская земля» — там, где речь идет о природе. Примеры: «А идучи в *Камчадальскую землю* и из *Камчадальской земли* питались они оленями, которые полонили они у *иноземцов*»; «А рыба в тех реках в *Камчатской земле морская*, породю особая»... «А ходили они по той *Камчатской земле* летом и зимою на оленях, и зимою тех оленей впрягают в нарты, а летом на оленях ездят верхом с седлами, а седла бывают деревянные», «А зима в *Камчатской земле* тепла против московского», «А солнце на *Камчатке* (это точно не река! — А. Б.) зимою бывает в день долго против Якуцкого близко вдвое», «А в *Камчатской* и в *Куриль-*

ской земле ягоды — брусника, черемха, жимолость», «А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки», «И с теми камчадалыцы всякую речь, о чем руским людям доведетца говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у руских людей. А он Володимер по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает. А за камчадалыцами вдаль живут Курильские иноземцы — видом против камчадалыцов чернее и бороды меньше. А в той курильской земле против Камчадальской теплее. А одежду носят такую ж что и камчадалыцы, только камчадалыцов оне скуднее [Оглоблин, 1891. С. 13, 14; Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 107, 108, 109].

Третье положение по сути своей ошибочно или ложно. Никто и никогда не пытался вывести название Камчатка из этнонима *камчадалы*: это все равно, как если бы кто-то выводил слово *молоко* из слова *молочник* или слово *рыба* из слова *рыбак*. Наименование *хончало*, как показано выше, этнонимом не является, кроме того, никто и не пытается вывести название Камчатка из этого наименования жителей — эти слова просто являются однокоренными. Странно, но второй «упрямый факт» прямо нацелен на то, чтобы вывести из оборота самое значимое — слово *хончало* (а не *кончало*, как у Б. П. Полевого), которое есть главный и бесспорный, подтвержденный авторитетом С. П. Крашенинникова, факт, дающий основания для объяснения названия Камчатка, и оно почему-то ставится в один ряд с примерами, аргументирующими поздние и несравненно более слабые гипотезы.

Третий «упрямый факт» основывается на странном постулате: от того, что где-то что-то одинаково пишется или что-то на что-то похоже, не зависят этимологические решения. Так, название города Воронеж пишется так же, как слово *ворона*, название Орел — так же, как название птицы, Курск — как старое название петуха — *курь*, однако никто не выявляет птичьего семейства в названиях городов Центральной России. Название Париж не имеет ничего общего с глаголом *парить*, название города Рига пишется так же, как название хозяйственной постройки, и что именно фигурирует во фразеологизме *ездить в Ригу/ригу* (в рассказе М. Зощенко «Прискорбный случай» и в переводе гашековского «Швейка» эти слова пишутся по-разному) — сказать нельзя. Очень показательно, что высшим судом для Б. П. Полевого в лингвистическом вопросе выступает географ А. В. Ефимов, а «филолог» для него является бранным словом, и тут без разницы, кто он — лингвист, знающий языки аборигенов северо-востока Азии, или историк русского языка, специализирующийся на критическом анализе и комментировании историко-этнографических источников. Это положение Б. П. Полевого можно было бы как-то корректно защитить с использованием данных по русской антропонимике — например, если бы нам были известны прозвища других казаков, данные им по назва-

нию любимых ими тканей, или даже имена двух-трех казаков, которые получили бы такое же прозвище — Камчатой за пристрастие к камке-дамаст. Но всего этого в источниках нет. И это тоже факты не в пользу гипотезы Б. П. Полевого, не говоря уже о том, что все три выстроенных им «упрямых факта» по разным причинам утрачивают доказательную силу в полемике.

6.2. Топонимия и этнонимия Камчатки и Чукотки в книге Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки»

Книга Георга Вильгельма Стеллера «Описание земли Камчатки» относится к числу тех классических трудов, которые только недавно вышли в свет на русском языке. Этот труд «Описание земли Камчатки» был посмертно издан в Лейпциге в 1774 г. И после этого почти два века эта выдающаяся книга не могла получить должного признания в России, поскольку в ее авторе-немце видели лишь тень русского путешественника и исследователя С. П. Крашенинникова (1711—1755), написавшего книгу с таким же названием «Описание земли Камчатки», и только в наши дни исследователи историографии науки не только подготовили перевод книги Г. В. Стеллера на русский язык [Историко-этнографическое описание... 1999], но и показали, что книги Крашенинникова и Стеллера являются самостоятельными, оригинальными и не повторяющимися, а дополняющими друг друга сочинениями [Титова, 1999. С. 10]. И если имя С. П. Крашенинникова всегда было окружено должным почетом и уважением, его книга была переиздана в 1949 г. с комментариями и обширными дополнительными архивными документами [Крашенинников, 1949], несколько ранее было подготовлено популярное издание этого сочинения, позднее был опубликован и сборник ранее не издававшихся материалов [С. П. Крашенинников в Сибири, 1966], а недавно осуществлено репринтное издание «Описания земли Камчатки» [Крашенинников, 1994], то наследие Г. В. Стеллера становится доступным для нас и востребованным заинтересованными пользователями только в наши дни. В 1999 г. в Петропавловске-Камчатском был издан перевод книги Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки» (ср. также: [Стеллер, 2011]), а несколько ранее, в 1996 г., в Москве был опубликован написанный им «Дневник плавания с Берингом к берегам Америки в 1741—1742 гг.» [Стеллер, 1995]. Данью памяти путешественника и ученого стали разнообразные конференции, проводимые в разных городах России, а также научные труды, публикуемые по результатам этих конференций (см.: [Aus Sibirien, 2004]).

Как и его современники, Г. В. Стеллер в своем «Описании...» проявляет максимальное внимание к названиям описываемых им народов,

при этом тщательно фиксирует как их самоназвания, так и названия, бытующие у их соседей. Это обстоятельство очень важно — оно показывает, что уже в XVIII в. ученые стремились разобраться в том, сколько названий у самих себя и у разных соседствующих групп населения имеет один и тот же этнос, с тем чтобы не увеличивать без оснований общий объем этнической номенклатуры на изучаемых территориях. Что особенно примечательно, Г. В. Стеллер, приводя названия народов и указывая, кто именно пользуется данными названиями, пытается решить вопрос о происхождении и значении записанных им этнических наименований, тем самым обращаясь к сложным и поныне, а для его времени просто сложнейшим проблемам палеоазиатского языкознания и этнографии.

В сведениях по истории Камчатки, открывающих русский перевод «Описания», встречаются 16 этнонимов — названий ительменов, отдельных групп коряков, чукчей, айнов и эвенов, относящихся к разным группам коренных жителей Камчатки, Южной Чукотки и прилегающих к ним с запада территорий. Приведем выдержку из книги Г. В. Стеллера, в которой содержатся интересующие нас этнические наименования:

«Имя Камчатка эта земля получила при завоевании ее русскими казаками, которым туземцы объяснили, что главная река страны Камчатка называется по знаменитому и почтенному Кончату, который жил у этой реки. Жители Камчатки не любят, чтобы их называли камчадалами, так как они отличаются друг от друга: 1) именем народа; 2) названием поселений; 3) именами, которые они дают соседям; 4) различным произношением, хотя в основе язык тот же самый, как и весь их образ жизни, нравы и обычаи.

Народы Лопатки и Тигиля называют себя ительменами, что на их языке означает 'оседлые люди'. Собственно камчадалами называют себя живущие на р. Камчатке, а тех, кто живет на побережье Пенжинского моря, они называют *Huigh goai*, отдаленных оленных коряков называют *Taglaban*, сидячих коряков вокруг Тигиля называют *Tauichimael* 'совсем отдаленные'; чукчей из-за их воинственного и беспокойного нрава называют *Koangagomin* 'гневные люди'.

Жители на Лопатке и вокруг Курильского озера похожи на ительменов, с которыми имеют сходный язык, и сами себя также называют ительменами. Их главное занятие — рыбная ловля.

Происхождение имени камчадалов и курильцев мне ясно, а почему коряки получили свое имя от казаков, я еще очень мало исследовал, так же как и то, откуда получили свое имя чукчи и юкагиры.

Коряки, которые граничат на севере с Камчаткой или частично живут на ней, называют ительменов на побережье Пенжинского моря *Namalan*, что значит 'живущие в подземных жилищах'. Оленные коря-

ки сами себя называют Tschautschowa ‘маленькие люди’. Своих соседей, сидячих коряков, живущих у моря и занимающихся рыбной ловлей и охотой на морских животных, называют Numala akalila ‘сидячие, спокойные’. Олюторских сидячих коряков, которые живут на р. Олюторе, питаются рыбой, морскими зверями, имеют лисий и соболий промыслы, называют Elutora или Kanagwala. Юкагиров, с которыми коряки граничат на севере, называют Edel, что в переводе с корякского означает ‘волки’, потому что юкагиры не занимаются скотоводством, а только охотой и, как волки, питаются грабежом. Своих заклятых врагов чукчей из-за их высокого роста и силы коряки называют Tanipegu — ‘сильные люди’. Своих соседей на западе — ламутов, или тунгусов, называют они KujaJamku ‘всадники’, потому что те ездят верхом на оленях, как мы на лошадях, тогда как коряки, которые живут на равнинах, поросших мхом, зимой и летом для поездок запрягают оленей. Русских или сибирских казаков называют Milchtangata, где Milchen обозначает на корякском языке ‘огонь’, а все слово — ‘огненные люди’. Камчадалы, живущие на р. Камчатке, называют коряков Ligenugen.

На Камчатке и прилегающих островах имеются три главных языка. Ительменский делится на три диалекта. Первый из них — шандалский. На нем говорят все области р. Камчатки. Свое название он получил от ительменского героя Schandal'a, который до прихода русских был маленьким царем (König) и воевал по всей Камчатке с непокорными, грабил, убивал, забирал в плен. На другом диалекте говорят жители побережья Пенжинского моря от Лопатки до Тигиля, но в нем имеется еще от восьми до десяти наречий, настолько различных между собой, что жители не могут разговаривать друг с другом, не зная общего языка. И чем ближе к Тигилю, тем больше ительменский язык сливается с корякским, так что встречается много ительменских слов с корякскими окончаниями и наоборот.

Корякский язык также разделяется на три диалекта. Они выходят за пределы Камчатки. Первый диалект, или основной язык, распространен среди оседлых коряков побережья Пенжинского моря, а также среди оленных коряков; его выговор отличается твердостью. Второй диалект встречается среди олюторцев, ему также присуща сильная твердость, почему русские и называют его «другой морской корякский язык». На третьем диалекте говорят чукчи, он гораздо мягче и со многими свистящими звуками.

Все три народа хорошо понимают друг друга и легко разговаривают между собой, хотя различаются в нравственном отношении» [Историко-этнографическое описание... 1999. С. 15—16].

Приступим к комментированию этнонимов, представленных в приведенной цитате.

Начать нам, очевидно, следует с того, что замечание ученого «Жители Камчатки не любят, чтобы их называли *камчадалами*» имеет исключительное значение для понимания значения и истории этнонима *камчадалы* — оно означает, что в бытность Стеллера и Крашенинникова на полуострове Камчатка название «камчадалы» либо относилось к жителям долины реки Камчатки: либо еще сохраняло свою соотнесенность с внутренней формой в чукотском и корякском языках — «те, кто живет на расстоянии одной кочевки, одного перехода от данного места». Далее Стеллер оговаривает: «Собственно камчадалами называют себя живущие на р<еке> Камчатке, а тех, кто живет на побережье Пенжинского (Охотского. — А. Б.) моря, они называют *Huigh goai*». У С. П. Крашенинникова же читаем: «Камчадалы как сѣверные, так и южные называют себя *Ительмень*, житель...» [Крашенинников, 1994. Т. 2. С. 34] — иными словами, этот автор распространяет наименование «камчадалы» на всех ительменов. Похоже, что введением в научный оборот этнонима *ительмены*, являющегося ныне официальным названием одного из малочисленных народов Камчатки, мы обязаны именно Стеллеру, поскольку у Крашенинникова приведенная выше форма «ительмень» встречается единственный раз и выглядит иноязычной глоссой. То, что Стеллер никак не комментирует наименование айнов «курильцы», показывает, что он хорошо осознает русское происхождение этого наименования.

Как мы уже отмечали, о связи этнонима *камчадалы* и топонима Камчатка, их общем происхождении и единой языковой основе писал уже С. П. Крашенинников. Наименование «ительмен», по Стеллеру: означающее «оседлые люди», а по Крашенинникову просто «житель», на самом деле имеет значение «тот, кто существует» (см.: [Северная энциклопедия, 2004]).

За начертанием *Huigh goai* в записи Г. В. Стеллера стоит ительменский топоним Уйкоаль «большая река» (что отметил С. П. Крашенинников), и поскольку такое наименование имеет крайнюю степень неопределенности и универсальную применимость, нет ничего удивительного в том, что это название оказалось примененным к жителям долины другой реки. На западном побережье Камчатки до наших дней сохранился топоним Большерецк, что косвенно подтверждает употребление такого оттопонимического наименования жителей мест, которое приводит Стеллер, и исключает трактовку ительменского *Уйкуал* — *Уйкоаль* как топонима, привязанного к реке Камчатке.

Написания наименования отдельных групп оленных коряков — *Taglaban*, оставленного без объяснения, и наименования оседлых коряков, живущих около Тигиля — *Tauichimael*, согласно автору, имеющего значение «совсем отдаленные», пока не поддаются интерпретации. В первом слове Стеллером отмечен интервокальный согласный *б*,

что указывает на ошибку записи или опечатку, поскольку такой согласный невозможен ни в ительменском, ни в корякском языках, и это сильно осложняет истолкование записи. Последнее название *Tauichi-mael* может сравниваться с чукотским словом *чъэчинтэтыльыт* 'отделившиеся'¹⁰, что приемлемо по форме и близко по содержанию к тому, о чем пишет автор.

Г. В. Стеллер в своей книге ничего не пишет о происхождении этнонима *коряки*. З. Д. Титова в примечаниях к своему изданию отмечает, что ученый «позже узнал, что коряки свое название получили от корякского названия оленя — *Choga*» [Историко-этнографическое описание... 1999. С. 15, примеч.]. Источник этого примечания не установлен, поскольку в известных нам работах Стеллера записей об этом мы не находим. Возможно, данное примечание основывается на ремарке С. П. Крашенинникова, который утверждал: «О происхождении коряцкого имени хотя неизвестно заподлинно, однако Стеллерово о том примечание, что слово *Коряка* происходит от *хора*, оленя, весьма вероятно, ибо казаки по приходе к сему народу, может быть, часто слыша слово *хора*, или и видя, что благополучие помянутых инородцев состоит в оленных табунах, прозвали их *коряками*, то есть оленным народом» [Крашенинников, 1994. Т. 2. С. 5]¹¹. В данном случае, как нам кажется, оба выдающихся исследователя этнографии народов Камчатки и Чукотки оказались и правы и неправы одновременно. На наш взгляд, этноним *коряки* действительно связан с чукотско-корякским названием оленя (чукот. *к'оран'ы*, мн. ч. *к'орат*), но он происходит от отрицательной формы имени *ак'оракы* 'не имеющий оленей, безоленный', поскольку в течение второй половины XVII в. это название применялось исключительно к оседлым корякам, а ранее всего, в первых фиксациях, — и вообще к оседлым чукчам, а словосочетание *оленные коряки* было изобретено Владимиром Атласовым после его путешествий на Камчатку (см.: 8.8).

Наименование чукчей *Koangagomin*, бытующее у ительменов и переведенное Стеллером как 'гневные люди', в общем соотносимо с чукотским словом *к'эньаёгыргын* 'злоба, злость, враждебные отношения', и это также соответствует авторскому изложению.

Название ительменов, данное им коряками Северной Камчатки и северо-западного побережья Охотского моря, как о том пишет Стел-

---

¹⁰ Здесь и далее чукотский язык используется в качестве эталонного материала для чукотско-камчатских языков, дающего наилучшие основания для истолкования таких слов корякского и ительменского языков, которые не всегда находят отражение в словарях.

¹¹ Для нас важно, что этноним «коряки» уже Г. В. Стеллер считал русским по происхождению, а не соответствующим каким-либо местным этническим наименованиям.

лер, — Namalan, якобы «живущие в подземных жилищах» — хорошо знакомо по историческим и этнографическим источникам XVII—начала XIX в. Это слово происходит от чукотского и корякского слова *нымным* ‘селение, поселок’ (ср. чукот. *нымытва-к* ‘жить’) и соотносится с чукотским причастием *нымыльын*, корякским *нымылг’ын* ‘оседлый’, ‘оседло живущий’. Это слово в 1930-е гг. было введено в оборот в качестве официального наименования коряков, однако же не прижилось. Это наименование, характеризующее группы людей по образу жизни, а отнюдь не по характеру жилищ (хотя реально одно с другим связано, и подземные жилища характерны для оседлого населения), было применимо и к оседлым корякам, и к оседлым чукчам.

Самоназвание оленных коряков *Tschautschowa*, приведенное Стеллером, сохраняется у этой группы коряков до наших дней. Однако так же — *чавчыв* — называются и оленные чукчи. Происхождение этого названия, общего для оленных чукчей и оленных коряков, несмотря на все усилия специалистов [Леонтьев, 1982. С. 148—153], не находит объяснения. Сам Стеллер, полагая, что данное название означает ‘маленькие люди’, в его истолковании допустил ошибку или воспроизвел чье-то неточное объяснение, которое позже повторил Л. Радлов (см.: 8.7), однако такая трактовка самоназвания оленных чукчей и коряков не имеет под собой лингвистических оснований.

Наименование оседлых коряков *Numala akalila*, записанное Стеллером как название, данное им другими группами коряков, прозрачно по своему составу и читается по-корякски как *нымылг’а*, *ан’к’алг’а*, ср. чукотское *ан’к’альын*, корякское *ан’к’алг’ын* ‘морской, приморский’, употребляемое в применении к жителям морского побережья.

Стеллер записал два названия «олюторских сидячих коряков» — речь здесь идет, скорее всего, об аlyюторцах — *Elutora* и *Kanagwala*. Название *Elutora*, в котором угадывается основа современного ойконима Оlyюторка, названия мыса Оlyюторского и Оlyюторского района как административной единицы Корякского автономного округа, сравнивается в литературе с эскимосским *alutora* ‘заколдованное место’ [Северная энциклопедия, 2004]. Однако возможно, что это наименование имеет собственно чукотско-камчатское происхождение. Его можно возводить к чукотскому *олвэт-варат* ‘оседло живущий народ’, преобразованному в трудноузнаваемые формы *элютэлыт*, *алютэлыт*, которые бытуют в языке современных чукчей под воздействием керекского языка, языка аборигенного населения Южной Чукотки и северо-востока Камчатки. Не исключено, что в этом топониме скрыта основа, тождественная чукотскому *ылвэтгы-ск’ын* ‘снежная равнина’, которая опять же была зафиксирована на картах и в документах в керекской передаче. Форма *Kanagwala* объясняется из чукотского языка как *кэн’эк вальа* ‘живущие на изгибе, на повороте берега’, где

кан'атгыргын, кан'эгыргын 'изгиб, поворот реки', а *вальа* — форма эргативного падежа причастия *вальын* 'сущий, живущий'.

Название юкагиров *Edel*, бытующее у коряков и отмеченное Стеллером, происходит от самоназвания лесных или колымских юкагиров *одул*, которое само по себе не имеет этимологии даже в юкагирском языке. Ничего похожего на это название среди чукотско-камчатских наименований волка не существует (см.: [Мудрак, 2000. С. 245]). Это же название сохранилось в современном чукотском языке для именованья юкагиров — *этэль*, множественное число *этэлыт*. Нам трудно винить Г. В. Стеллера в ошибке — ведь и С. П. Крашенинников писал почти то же самое: «Одно неизвестно происхождение имени юкагир, с которым народом оленные коряки пограничны на севере. Корякское имя Едель, то есть волк, которым они называют юкагирей по причине пропитания их звериною ловлею, которую уподобляют волчьему хищению, за начало юкагирского наименования почесть сумнительно, хотя между обоими именами и есть некоторое сходство; особливо же что не знаем мы, как юкагиры сами себя называют, и как соседи их, что живут к Якуцку ближе» [Крашенинников, 1994. Т. 2. С. 6]. За время, прошедшее с момента выхода в свет книг С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера, нам стали известны самоназвание юкагиров и некоторые названия юкагиров, известные у других народов, однако многое из необходимого для рассмотрения этого этнонима остается неясным. Причина ошибки выдающихся ученых может, впрочем, состоять в том, что в чукотском языке есть слово *ятъёл* 'лиса', которое в диалектах корякского языка может принимать вид *яёл, ядёл* или *дыдёл*, — возможно, кто-то из переводчиков или консультантов ученых перепутал названия лисы и волка.

Название *Tapinegu*, якобы 'сильные люди', которое имеют, согласно Стеллеру, у коряков чукчи, есть на самом деле хорошо известное взаимное наименование чукчей и коряков *танн'ытан* 'чужой, чужак', множественное число чукот. *танн'ыт*, коряк. *танн'о*, в диалектах *танн'у*. У чукчей это слово применялось и к корякам, и ко всяким пришельцам, в частности к американцам. Какая-либо иная семантика этого слова не установлена, и в изложении Стеллера присутствует элемент чьей-то фантазии.

Название эвенов, данное им коряками и записанное Стеллером, — *Kujajamku* — на самом деле означает 'оленный народ', а не 'всадники', хотя здесь консультанты ученого, объясняя ему значение этнонима, подчеркнули важную деталь: этот оленный народ ездит на оленях верхом. Данное название записано Г. В. Стеллером, как кажется, от носителей какого-то «укающего» корякского диалекта, близкого к алюторскому языку. Кроме того, весьма и весьма интересно, что фиксация Стеллером этого наименования свидетельствует о том, что в 40-е гг.

XVIII в. эвены уже были в пределах географического кругозора жителей Северной Камчатки.

Название *Milchtangata*, применяемое, по Стеллеру, коряками к русским казакам и означающее ‘огненные люди’, точно соответствует чукотскому *мэлгытанн’ыт* ‘огненные чужие, огненные пришельцы’ — так чукчи называли русских в XVII в., и это название сохранилось, но уже как слегка ироническое наименование русских, и в речи современных чукчей.

Наконец, наименование коряков, бытовавшее у ительменов-«камчадалов», живших по реке Камчатке, — *Ligenugen* — пока не объясняется, но в его составе угадывается чукотско-корякский префиксальный элемент *лыги-лыгэ* ‘настоящий, подлинный’.

Приводя названия народов и отдельных территориальных групп народов, населяющих среднюю и северную части Камчатского полуострова и прилегающие к ним районы, Г. В. Стеллер довольно точно зафиксировал названия отдельных небольших этнических групп, существующие у таких же групп и относящиеся к их ближайшим соседям. Им адекватно зафиксированы названия оленных чукчей и оленных коряков, корякское название эвенов — следовательно, для этого были основания и об эвенах на Камчатке уже знали. Точно записано и название русских, дожившее в чукотском обиходе до настоящего времени. Стеллеру принадлежит бесспорный приоритет во введении в научный оборот этнонима *ительмены*, а также уточнение в отнесенности этнонима *камчадалы*, который в первой трети XVIII в. начал терять свою определенность и распространяться сначала на всех ительменов, а потом и на русско-ительменских метисов, становящихся постоянными жителями Камчатки.

С лингвистической точки зрения, записи этнонимов у Г. В. Стеллера разнородны — в его записях названия народов встречаются и в форме единственного числа, и в форме множественного числа, имеющей в корякском языке показатели *-у/-о*, и в чукотской форме множественного числа с суффиксом *-т*, а также в форме эргативного падежа. Очевидно, источники записи этнонимов у автора были различными как по языковой принадлежности, так и по контексту, из которого он извлекал этнонимы. Возможно, что подобные хаотические с точки зрения грамматики формы бытовали как заимствования из местных языков в речи служилых людей Камчатки, помогавших ученым в описании аборигенного населения, поскольку почти все аналогичные формы прослеживаются и в письменных документах середины и второй половины XVII в., составленных казаками и теми, кто служил в якутской канцелярии. Значения этнонимов, видимо, ученому объясняли какие-то консультанты, у которых знание местных языков было далеко от совершенства, поскольку только названия эвенов и русских

точно соответствуют по значению тому, что мы знаем о значении этих этнонимов, — истолкования же других этнонимов весьма приближительны. Тем не менее работа Г. В. Стеллера и С. П. Крашенинникова с языковыми материалами косвенно свидетельствует о том, что их русскоговорящие помощники из числа служилых людей все-таки владели языками коренных жителей, поскольку многие записанные ими названия этнических групп имеют объяснения, соответствующие близким по значению к корякским, чукотским и ительменским словам.

Несмотря на то что этнонимы Южной Чукотки и Северной Камчатки, содержащиеся в книге Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки», не могут расширить наших представлений об этническом составе этих территорий, из анализа того перечня наименований отдельных народов и их территориальных групп, который приведен в труде этого ученого, надо сделать один важный вывод — записи этнонимов у Г. В. Стеллера, как и соответствующие материалы в книге и других документах С. П. Крашенинникова, не содержат наименований «народов-призраков», то есть никогда не существовавших народов, или названий таких народов, которые мы могли бы ныне посчитать исчезнувшими. Этот факт говорит о тщательности описаний и высоком уровне изучения этнического состава народов Восточной Сибири, который имели исследования русских и немецких ученых XVIII в.

6.3. Чаун и чуванцы

Чаун — название реки, а также горы в верховьях реки, давшее наименование Чаунской губе, а впоследствии и целой территории, вошедшей в историю освоения Севера во второй трети XX в. под названием Чаун-Чукотки¹². Хотя это и не слишком известно топонимистам, но считается, что название Чаун связано с юкагирским словом *чавул* 'море'. Атрибутивная форма *чавун* 'морской', как предполагают некоторые авторы, может лежать также в основе известного этнонима *чуванцы* [Курилов Г. Н., 1968. С. 70]¹³.

Мы полагаем, что использование рассматриваемого названия Чаун как оронима — имени горы — исключает данную версию. По-чукотски та гора, о которой идет речь, называется Чаан'ай, а река — Чаан, или Чававаам [Топонимический словарь... 1989. С. 407]¹⁴. Значение данного названия точно не известно, но в том, что это название имеет

---

¹² Интересный факт — топоним Чаун отсутствует в документах XVII в., и время его появления в литературе пока не установлено.

¹³ То же для топонима Чаунская губа, см.: [Мельников, 2009].

¹⁴ Изложенной нами версии там нет.

чукотское происхождение, нет и не может быть особых сомнений. Можно думать, что в основе этого топонима лежит чукотское слово *чьэчэн* 'холод', тогда *чьа-ван* — это 'холодное место', где при междиалектных заимствованиях в чукотском языке или при заимствовании названия другими языками могла произойти утрата гортанного смычного согласного. Для сравнения можно привести корякский глагол *чык'ы-тви-к* 'похолодеть', где тот же самый корень представлен без удвоения — в нередуцированной форме. Возможно, название данной местности как-то связано с хорошо известным в этом районе метеорологическим явлением — «южаком», очень сильным южным ветром.

Относительно этнонима *чужанцы* стоит заметить следующее. Связь его с топонимом Чаун — лишь предположение, доказать которое было бы весьма непросто, и мы не пытаемся этого делать: для нас важнее разобраться, существует ли эта связь на самом деле. Очень возможно, что юкагирское слово *чавунди* 'приморский житель' обозначало не обязательно какую-то отдельную группу юкагиров. Таким словом юкагиры вполне могли называть и приморских чукчей — потомков оленных чукчей, осевших в районе Чаунской губы.

Прояснить этот спорный вопрос, возникший почти ниоткуда на месте, где некоторое время назад все было ясным и понятным, могло бы только изучение личных имен чужанцев XVII в. — юкагирские они или чукотские, тогда ответ был бы найден. Однако известные нам имена обычно так искажены при записи в документах, что выяснить их значение и установить происхождение почти невозможно. Ненадежны и указания документов на этническую принадлежность аманатов. Кроме того, если чукотские личные имена хорошо опознаются и соотносятся с современными чукотскими фамилиями даже при значительных искажениях, то юкагирские личные имена нам остались почти неизвестными, мы плохо знаем словарный состав языка верхнеколымских юкагиров, и вопрос о юкагирской антропонимике XVII—XIX вв. остается, по сути, открытым.

Есть еще одна проблема: даже если этноним *чужанцы* и был услышан от юкагиров и звучал в их речи вполне по-юкагирски — *чавунди*, нет уверенности в том, что его основа — собственно юкагирская, его сходство со словом «море» может быть и случайным. Возможно, название «чужанцы» было образовано от какого-то чукотского слова — названия местности в окрестностях Чаунской губы. Таким словом как раз и могло быть название Чаун или Чававаам. Все гипотезы здесь можно считать равновероятными и все они достойны того, чтобы учитываться в этноисторических построениях.

Поздняя история названия «чужанцы» достаточно хорошо известна: применительно к коренным жителям поселка Марково и его окре-

стностей это название не использовали ни А. Е. Дьячков, ни А. В. Олсуфьев [Олсуфьев, 1893; Жихарев, 1992] — авторы описаний Анадырского края, ни более поздние путешественники и ученые. В. Г. Богораз указал, что старожилы бассейна Анадыря стали именовать себя чуванцами только во второй половине 1920-х гг., с тем чтобы отличить себя от пришлого населения. Вот что он писал в своем романе «Воскресшее племя», описывая жизнь Института Народов Севера: «...В группе было 5 человек так называемых чуванцев, то есть в сущности чуванцев давно обруселых и ставших во всех отношениях русскими. Лет 20 назад обруселые чуванцы смотрели свысока на простодушных чукчей и про себя называли их дикими лесными людьми. Теперь, наоборот, они вспомнили о своем туземном происхождении и опять вспомнили название чуванцев» [Богораз, 1991. С. 245].

Я. И. Линденау в 40-х гг. XVIII в. писал: «Якуты называют юкагиров Чукан [Tschukan]» [Линденау, 1983. С. 154]. Слово это не якутское и не юкагирское. Кажется, у него может быть только один источник — чукотское прилагательное *чаакэн* ‘чаунский’. Это опять-таки обозначение жителей конкретной, хорошо знакомой нам местности — района реки Чаун или побережья Чаунской губы и обозначение жителей местности, не дающее указаний на их этническую принадлежность.

Возникает правомерный вопрос: могли ли юкагироязычные этнические группы в исторические времена находиться в окрестностях Чаунской губы. На побережье Чаунской губы и в целом в пределах современного Чаунского района Чукотки географические названия юкагирского происхождения не засвидетельствованы, хотя в целом топонимика этого района хорошо изучена: все старые географические названия выглядят как чукотские, и их значение легко выясняется. Среди множества названий чукотского происхождения выявлено, причем случайно, только одно исключение — название гор Маркоинг, расположенных к юго-востоку от Чаунской губы [Топонимический словарь... 1989. С. 249]. Хотя в словаре В. В. Леонтьева говорится, что языковая принадлежность этого названия не установлена, однако это название легко выводится из юкагирского слова *морхэ(нг)* ‘карликовая береза’, широко представленного среди географических названий по соседству в Якутии в форме Марха. По своей форме название гор Маркоинг происходит из языка нижнеколымских юкагиров и, скорее всего, было записано достаточно поздно, видимо, в начале XIX в. от тех нижнеколымских юкагиров, которые служили проводниками для всевозможных экспедиций из Нижнеколымска к востоку от Колымы и вдоль побережья Ледовитого океана. От этих же юкагиров, которые не составляли постоянного населения Чаун-Чукотки, видимо, было записано в качестве названия острова Айон слово Сабадей — по-юкагир-

ски *сабидый, сабидыл* ‘растягивается, расстиляется’ [Курилов Г. Н., 1990. С. 249]. Более никто так остров Айон не называл ¹⁵.

Относительно происхождения названия острова Айон нужно заметить следующее. Считается, что название происходит от чукотского слова *аё* ‘головной мозг’ [Справочник по истории... 1985. С. 9] или от слова *аён* ‘место оживления’ [Топонимический словарь... 1989. С. 58]. Однако Г. Л. Майдель в конце 60-х гг. XIX в. записал название этого острова как Айока [Майдель, 1894. С. 269—270], что очень похоже на чукотское слово *а-ёо-ка* ‘не имеющий пурги’, ‘место, где не бывает пурги’. По Г. Майделю, наименование Айока Пелинткир переводится как «пролив Айока» [Там же]. Последнее слово, очевидно, соответствует чукотскому *пылвытгыр* ‘настоящий, подлинный пролив’ и относится, как можно предполагать, к Малому Чаунскому проливу.

Таким образом, при всем сходстве названия реки Чаун и названия народа «чуванцы» с юкагирским словом *чавул* ‘море’, находятся основания считать эти названия не юкагирскими, а чукотскими. В отношении географических названий этот вывод делается со значительной уверенностью, а этническая история чуванцев и других групп колымских юкагиров XVII—XVIII вв. представляет собой сложный вопрос, который, как кажется сейчас, не имеет однозначного решения. Похоже, что юкагиры, жившие к востоку от Колымы, уже в середине XVII в. были смешаны с коренными жителями Чукотки — чукчами. Слишком часто у восточных юкагиров — и не у одних чуванцев — в качестве личного имени встречаются формы Чекчой, Чекчо, Чипчюга и другие, похожие на них. Во-первых, во всех этих написаниях трудно не заметить самоназвания оленных чукчей *чавчыв* — скорее всего, этническое название записывалось в качестве личного имени. Во-вторых, такое количество сходно звучащих имен едва ли может существовать в принципе — даже если эти имена и получили бы какое-то истолкование. И наверное, это еще не последний из сюрпризов в этнической истории народов крайнего северо-востока Азии. То, что название Чаун могло происходить от наименования этнической группы, жившей в данной местности [Справочник по истории... 1985. С. 380], в общем лишено оснований. Налицо обратное — наименование территориальной группы чукчей по местности, в которой они проживали и проживают до настоящего времени, хотя название *чаальыт* ‘чаунские чукчи’ и утратило прежнюю определенность.

---

¹⁵ На Генеральной карте Иркутской губернии 1776 г. остров Айон имеет наименование о. Заседей (очевидно, искаженное название Сабадей). Это же название повторено на карте 1786 г. Название острова Айон отмечается на картах примерно с 1825 г. На карте 1884 г. остров Айон имеет в скобках второе название — Сабадей, и это одно из последних употреблений данного названия.

В современной этнографической литературе, как недавно отметили авторы книги о русскоязычных старожилах Сибири, этноним *чуванцы* используется в четырех значениях: «Одна из ветвей юкагирского народа», «обрусевшие жители среднего течения реки Анадырь», «прибившиеся к чукчам в середине XVII в. оленеводы», «часть современных жителей села Марково» [Вахтин, Головкин, Швайтцер, 2003. С. 103]. Правда, до сих пор неясна судьба той самой юкагириязычной группы чуванцев, которая подарила этот этноним современным марковцам, — исчезла ли она к середине XVIII в., как сказано авторами книги про «чуванцев 1», или же прибилась к чукчам, как «чуванцы 3». Кроме того, ясно, что «чуванское общество», о котором писал 120 лет назад в своей книге А. Е. Дьячков, было уже не этнической, а этносоциальной группой, и именование «чуванец», которым пользовался А. Е. Дьячков в отношении самого себя, говорило скорее о принадлежности к «обществу», то есть к социальной группе, а не к субэтносу.

6.4. Шелагский мыс и шелаги

Топоним Шелагский мыс, служащий названием мыса на побережье Восточно-Сибирского моря к востоку от Чаунской губы, как совершенно справедливо отмечается во многих источниках, связан с загадочным этнонимом *шелаги*. В «Топонимическом словаре» В. В. Леонтьева указывается, что название «мыс Шелагский или Эрри появилось на карте Ф. П. Врангеля в первой трети XIX в.» [Топонимический словарь... 1989. С. 418]¹⁶. Общеизвестно, что название мыса происходит от названия народа «шелаги», однако и происхождение этого этнонима, и этническая принадлежность тех, кого так называли, остается до настоящего времени без объяснения.

В. В. Леонтьев, обсуждая в своем словаре происхождение названия мыса Шелагского, высказывал предположение, что название «шелаги» вошло в обиход и в научный оборот по недоразумению, так как чукча Копай сообщил русскому промышленнику И. Велегину (или Вилегину) имя своего старшины [Топонимический словарь... 1989. С. 418]. Однако В. В. Леонтьев не исключал и того, что название «шелаги» может отражать трансформированное чукотское название жителей Чаунской губы *чаальит*. Иного мнения придерживался известный этнограф-сибиревед В. А. Туголуков, который считал шелагов юкагирами, причем как раз тем их территориальным подразделением, представители которого в течение второй половины XVII—XVIII в. проявляли

¹⁶ На самом деле «Шалацкий Нос» показывается на картах начиная с 1700-х гг. См.: [Ефимов, 1949. С. 774—775, 777, 780].

особую миграционную активность и в конце концов затерялись где-то вблизи Арктического побережья между Чаунской губой и устьем Лены [Туголуков, 1986. С. 95—99]. Впрочем, такова традиция — эту же точку зрения высказывал В. Г. Богораз и один из его ближайших учеников П. Ю. Молл [Молл П. Ю., 1935. С. 678—679]¹⁷.

Из известных материалов легко складывается впечатление, что шелаги — это какой-то особый народ, который жил на Западной Чукотке до чукчей. А. И. Алексеев, пересказывая описание путешествия Ф. П. Врангеля, пишет: «Здесь повстречали старого чукчу во главе целого стойбища. Этот чукча говорил, что он потомок *шелагов*, или *чаванов*, и что от последнего названия и носит свое имя Чаунская губа»¹⁸.

Этноним *шелаги* в разных вариантах фиксируется уже в конце первой трети XVIII в. Название «шелаги» фигурирует также в некоторых источниках начала XVIII в. На якутской карте 1710 г. имеется надпись «Нос Шелацкой живут люди шелатцково роду» [Белов, 1973. С. 177]. Известно, что в 1710 г. Данило Бусорманов, по ошибке пройдя на восток от устья Колымы, достиг устья большой реки, но был убит шелагами [Визе, 1948. С. 31].

На Генеральной карте Российской империи 1734 г. на мысе, который ныне именуется Шелагским, имеется надпись «Schelati populus» — «Народ Шелати» (эта форма, странная для восприятия, ниже получит свое объяснение). На Генеральной карте Российской империи, изданной в 1745 г., этот мыс назван «Нос шелагинской», а указание на таинственный народ уже отсутствует. Проблема происхождения, этнической принадлежности и этнической истории шелагов могла бы стать одной из историко-этнографических загадок северо-востока Азии, однако надо сказать, что вопрос о шелагах мало привлекал внимание исследователей. По сути, одним из немногих, кто брался за обсуждение этнической принадлежности шелагов с опорой на известные источники, был В. А. Туголуков, сформулировавший свое видение проблемы в одной из своих статей [Туголуков, 1986. С. 94—100].

Кажется, мы получили возможность не только определить значение этнонима *шелаги* и установить этническую принадлежность тех, кто носил это имя, но также и выявить источник устойчивой историко-этнографической традиции считать шелагов и чуванцев одним и тем же народом, причем и тех и других признавать юкагирами. Авторитет чукотского *авырльына* — хозяина стойбища, того, кому принадлежит это сообщение, помноженный на еще более весомый авторитет

¹⁷ Перепечатано в кн.: [Бурыкин, 1993. С. 3—4].

¹⁸ [Врангель, 1841. Ч. 2. С. 291—292]. Цит. по кн.: [Алексеев А. И., 1970. С. 194]. У А. И. Алексеева опечатка «чуванов».

выдающегося путешественника Ф. П. Врангеля, записавшего и сохранившего для нас эту информацию, придал тексту данного источника очень большое значение, но отнюдь не прояснил содержания сказанного. Самое интересное заключается в том, что чукотский старшина сказал Врангелю чистую правду — только его слова не могли понять правильно три поколения этнографов.

Существенно, что во второй половине XIX в. во время своего путешествия по Восточной Сибири Г. Майдель, кажется, один из последних, кто пытался отыскать следы шелагов в рассказах их соседей — чукчей, получил на свои расспросы ответ, что слово «шелаги» — русское и чукчи о таком народе никогда не слышали: по их словам, Шелагский мыс всегда назывался мысом Эрри и на нем всегда жили чукчи [Алексеев А. И., 1970. С. 277]. Сам Майдель писал, что в Нижнеколымске «шелагов считают за одно из племен чукчей»; «На Анадыре тоже ничего не знали о шелагах. Таким образом, это имя известно исключительно со слов Ивана Вилегина, который, по всей вероятности, ошибся — и такого народа, по-видимому, вовсе никогда не существовало» [Майдель, 1894. С. 2720—273, 274].

Много ранее в реальности существования отдельного народа шелагов не без основания сомневался Г. А. Сарычев, описывавший два жилища, найденные на северной стороне Баранова камня: «О жителей сих мест, *которые без сомнения должны быть чукчи* (курсив наш. — А. Б.), сказывали колымские казаки, что они назывались шелагами. По поселении в соседстве с ними россиян перешли они на восток и основали жилище свое близ выдавшегося далее прочих к северу мыса, который с того времени стал называться Шелагским» [Сарычев, 1952. С. 83—84].

В «Топонимическом словаре» среди географических названий бассейна Чаунской губы, уже подаривших нам немало сюрпризов (например, отождествление реки Пучевеем с легендарной «Погычей» документов XVII в.), засвидетельствовано название Чулек — река, левый приток реки Чаун (Малый Чаун), ее чукотское название — Чульын [Топонимический словарь... 1989. С. 416]. Соответственно, название жителей бассейна этой реки по-чукотски должно было звучать как *чульылыт* или *чульыт*, — что и соответствует как нельзя лучше исконному этнониму *шелаги*, казавшемуся таким загадочным в течение стольких лет. Таким образом, шелаги — это жители бассейна реки Чаун и ее притоков, часть жителей берегов Чаунской губы. Таинственная надпись Schelati на карте 1734 г. — не что иное, как чукотская форма множественного числа *чульыт* — собственно «чаунские чукчи, жители долины реки Чаун».

Само название реки Чулек, конечно, вопреки «Топонимическому словарю», не имеет ничего общего с эвенским словом *чул* ‘водопад’ —

эвенской топонимики в этом районе вообще нет и не могло быть. Видимо, название образовано от чукотского корня *чьу-/чьо* со значением ‘передняя часть, передний край’, ср.: *чьо-гыргын*, *чьо-выргын* ‘передняя стена полога’, *чьу-чурмын* ‘челка на лбу’. Гортанный смычный, вероятно, утрачен, так же как и в форме *чья-ван*, послужившей источником для названия реки Чаун. Форма гидронима Чулек, включенная в словарь и, очевидно, зафиксированная на картах, — это чукотская форма местного падежа с суффиксом *-к* от названия Чульын.

В. И. Иохельсон указал, что верхнеколымские юкагиры называли чуванцев словом *шолилау* [Jochelson, 1926. P. 19; Долгих, 1960. С. 433; Никонов, 1984. С. 63] (правда, остается неясным, кого называл чуванцами сам В. И. Иохельсон). Как бы ни было, но эта форма явственно отражает образованную от рассматриваемого этнонима форму чукотского эргативного падежа *чульыльэ*, или, что менее вероятно, форму множественного числа *чулг'ылг'у*, образованную по корякскому образцу (по-чукотски множественное число этого слова выглядит как *чульыльыт*). Другие истолкования основы этого слова просто едва ли возможны, а подобное образование форм множественного числа этнонимов нам уже встречалось. Еще в начале XIX в. название оседлых чукчей, что странно, на западе Арктического побережья, по материалам того же Ф. П. Врангеля, выглядело как *Namollo*, то есть *нымыльа* (эргативный падеж от слов *нымыльын* ‘оседлый’ и *нымыльыт* ‘оседлые’), что было отмечено в работах В. Г. Богораза и И. С. Вдовина, посвященных этнической истории чукчей [Богораз, 1934. С. 9; Вдовин, 1965. С. 55].

В рассуждениях о шелагах, присутствующих в трудах довольно большого числа авторов, оказались неучтенными те упоминания о них, которые имеются в материалах Я. И. Линденау. Он писал: «... по моим предположениям, коряки образовались от смешения чукчей, шелагов, моноков (скорее всего, омоков — анюйских юкагиров. — А. Б.) и камчадалов в результате междоусобных войн... Если верить сообщениям, что даже часть шелагов не так давно можно было встретить на Енисее» [Линденау, 1983. С. 105]. В другом месте Линденау пишет: «...пешие чукчи живут для ловления белых медведей около Шалагинского носа, который так называется, потому что около тамошнего места жила народы, именуемые шалагинские» [Там же. С. 162].

Из этого текста явствует, что уже в первой половине или по крайней мере во второй трети XVIII в. этноним *шелаги* не воспринимался как название сколько-нибудь заметного этноса, который был бы представлен на тогдашней этнической карте северо-востока Азии. Живущие на мысе Шелагском чукчи, вполне возможно, исторически могли принадлежать к жителям бассейна Малого Чауна — *чульыльыт*, что и нашло в конце концов свое отражение в русском названии этого мыса.

И даже то, что «шелаги» объявились на Енисее, получает объяснение. Во-первых, на столь большое расстояние к западу от Колымы могли проникнуть прежде всего представители самой западной из территориальных групп чукчей — а ими-то как раз и были чаунские чукчи, чукчи-*чульльыт*, то есть те самые загадочные шелаги. Во-вторых, не исключена и путаница в названиях: здесь, возможно, допущена ошибка ввиду созвучия названия «шелаги» с названием эвенкийского рода Шилигир, иногда писавшимся как Шилияги [Василевич, 1969. С. 285]. Крайне маловероятно, чтобы это эвенкийское родовое название происходило от самоназвания чаунских чукчей, как бы далеко они ни уходили на запад в исторические времена.

Чукотский старшина, разговаривая с Ф. П. Врангелем, сказал о себе чистую правду — похоже, что он действительно был потомком «шелагов» или «чаванов» (так у Врангеля), то есть происходил из чаунских чукчей-*чаалыт* или *чульльыт*: эти два названия территориальных групп чукчей так близки по смыслу, что мы сейчас не можем сказать, имела ли между ними какая-либо разница. Зато теперь мы определенно знаем, что на мысе Шелагском жили именно чукчи, причем те чукчи, которые пришли в эти места с южного побережья Чаунской губы.

Во всяком случае, из всего имеющегося в источниках материала явствует, что в отношении этнонима *шелаги* дальнейшие поиски какого-то неизвестного племени, притом племени юкагироязычного, представляются совершенно бесперспективными. Напротив, то, что Западная Чукотка в середине XVII в. была заселена чукчами в такой степени, что отдельные территориальные группы их уже имели собственные наименования, хорошо согласуется с нашим знанием топонимики этого региона. Можно отметить, что в этом регионе не фиксируется самоназвание приморских чукчей *ан'к'алыт* — вероятно, в этом можно видеть косвенное указание на историческую принадлежность чаунских чукчей к оленным чукчам-*чавчыват*.

М. И. Белов (и кроме него, кажется, более никто) обратил внимание, что на чертеже Сибири 1687 г. Шелагский мыс имеет название Поярко [Белов, 1979. С. 170]. Трудно определенно сказать, от какого слова может происходить данное название и что оно обозначает. По-юкагирски на нижнеколымском диалекте *подьарха* — это 'белизна, блеск' [Курилов Г. Н., 1990. С. 223], на верхнеколымском диалекте *подьорхо* 'день', *Подьорхочил йургудьэйэ* 'Полярная звезда' [Николаева, Шалугин, 2002. С. 61]; по-чукотски *пырк'а-пыр* — 'кекур, скала', по-корякски *пырк'ав* 'кекуры', скалы, которые действительно располагаются чуть севернее современного поселка Янранай недалеко от мыса Шелагского. Можно также думать, что на эту карту попало название одной из территориальных групп чукчей, живущих в районе

нынешнего города Певека — тех, которые могли называть себя *пэ-экильыт* (эргативный падеж *пээкильэ*) ‘жители окрестностей горы Пээкин’эй’.

Сам Ф. П. Врангель писал о шелагах следующее: «Одинаковая с ними („омоками“ — *А. Б.*) судьба постигла шелагов, обитавших на приморской тундре, лежащей к востоку от Колымы. Они были вытеснены отсюда чукчами. От шелагов получил свое название Шелагский мыс. Чукчи называют сей народ Чауаджан или чавача, а вместе с тем реку и губу Чаунскими или Чаванскими. От одного корня с шелагами происходят и тунгусы...» [Врангель, 1948. С. 310]. Что касается омоков, то это, бесспорно, современное наименование аннойских юкагиров (иногда по-якутски так называют всех юкагиров, на что верхнеколымские юкагиры очень обижаются: вообще якуты наивают этим словом всех коренных жителей Якутии, не принадлежащих к саха-якутам).

М. А. Сергеев высказал свое мнение по вопросу о шелагах в своих историко-этнографических примечаниях к последнему изданию труда Ф. П. Врангеля: «Шелаги, чаваны — видимо, оторвавшаяся от основной массы своего народа восточная группа чукчей. Возможно, что какая-то группа шелагов-чаванов попала в давние времена на современный остров Врангеля. Чукотское предание о таком переселении подтверждается в какой-то степени интересным сообщением Минеева о найденных в 1937 г. на этом острове останках старинных поселений» [Сергеев, 1948. С. 416]¹⁹. Здесь явное повторение того, о чем писал Ф. П. Врангель со слов чукотского старшины. Но в приведенном тексте имеется одна очевидная ошибка: речь должна идти об одной из *западных* групп чукчей, а не восточных. В целом же надо признать, что данное мнение по проблеме шелагов оказалось наиболее близким к истине, хотя проблема этнической принадлежности обитателей древних поселений на острове Врангеля требует отдельного обсуждения. Был совершенно прав и В. В. Леонтьев, считавший шелагов отдельной группой чукчей, жившей в описываемых местах [Топонимический словарь... 1989. С. 418]. Он ошибся лишь в том, что за названием «шелаги» скрывалось не личное имя старшины, а название соседней территориальной группы чукчей — чукчей, живущих на реке Чаун. Однако для того, чтобы установить этот факт, и для того, чтобы признать, что эти утверждения полностью соответствуют истине и, по сути, не допускают иных толкований, нам потребовался анализ почти всех известных сообщений о старинных обитателях района Шелагского мыса.

---

¹⁹ Здесь комментатор имеет в виду книгу А. И. Минеева «Остров Врангеля» [Минеев, 1946]. См. далее: 8.10.

Изучение сообщений о жителях «Шелацкого» или «Шалагинского носа» позволяет сделать одно важное наблюдение — замечания об этих людях как об особом народе, имеющем даже собственный язык, принадлежали по преимуществу картографам и относились к первой трети XVIII в. [Ефимов, 1949. С. 774—775, 777, 780], а в наши дни источником таких сведений является работа А. В. Ефимова, посвященная картам первой половины XVIII в. В то же самое время моряки, как Г. А. Сарычев, и путешественники, как И. Г. Георги и Г. Майдель, не находили свидетельств о загадочном народе, живущем на побережье Северного Ледовитого океана к востоку от Колымы. И. Г. Георги прямо писал: «Они <чукчи> разделяются на два главных колена, а именно на Чуцкое и Шелагенское» [Георги, 1777. Ч. 3. С. 81], что в принципе верно — шелаги определенно были территориальной группой чукчей.

Глава 7

ТОПОНИМИКА, ДОКУМЕНТЫ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ В АСПЕКТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИКИ ТОПОНИМОВ

7.1. Топонимия «Списка с чертежа Сибирской земли». Предполагаемый маршрут похода Михаила Стадухина вдоль Арктического побережья летом 1649 г. и свидетельство возможного открытия Стадухиным Камчатского полуострова в 1651 г.

Говоря о географических названиях северо-востока Азии, в особенности о названиях географических объектов Арктического побережья, мы можем заметить одну особенность. Наиболее часто нам встречаются названия крупных рек, иногда — заливов, иногда — острова или полуострова, а также местностей, получивших название по именам каких-то людей или происшествий — такие как «Чуркин розбой» и, ныне, Чуркин мыс на побережье Ледовитого океана. При этом к востоку от Колымы начинается неизвестное пространство, в котором почти нет ориентиров — таких географических объектов, названия которых были бы зафиксированы в документах или получили бы какие-то наименования от мореплавателей, впервые достигших этих мест. Документы, рассказывающие о плаваниях землепроходцев к востоку от Колымы, не содержат информации о маршруте, за исключением направления и времени плавания — либо исчисленного в днях или сутках, либо определяемого по датам отплытия и возвращения.

Реки Нелога, Погыча и Ковыча, располагающиеся к востоку от устья Колымы, еще и сейчас почитаются легендарными. Река Каленьба — Кооленьваам, находящаяся в бассейне реки Паляваам, похоже, приобрела известность в научной литературе случайно. Сведения об острове Айон, полученные Михаилом Стадухиным от колымской ясырки, не были проверены ни им самим, ни участниками последующих походов, в результате чего остров Айон, кажется, был открыт

спустя более чем полвека после того, как о нем могло стать известно мореходам. Вместе с тем многие объекты — такие как острова вблизи берега, река Амгуэма, Колючинская губа в описаниях походов вдоль Арктического побережья остались совершенно без всякого внимания. Такие определения географических объектов к востоку от Колымы, как «Большой каменный нос», «Необходимый нос» до сих пор вызывают споры последующих интерпретаторов, которые почти не дают полезной информации.

В нашем распоряжении имеется весьма ценный источник, известный под названием «Список с чертежа Сибирской земли», датируемый 1673 г. и представляющий собой словесное описание, как полагают исследователи, к не дошедшей до нас карте Сибири. Этот документ был опубликован в 1849 г. Г. И. Спасским (данное издание ценно комментариями к нему) и позже вошел в сборник историко-географических источников о Сибири XVII в., изданный А. А. Титовым (данная публикация не имеет комментариев, но проливает свет на текстологию документа). Вот что там говорится о пути к местам, лежащим к востоку от Колымы: «А от усть Колымы реки и кругом земли мимо устей рек Ковычи и Нанaborы и Ильи и Дури до каменной переграды, что льды пропустят, и до того камени парусами добегают об одно лето, а как льды не пустят, и по три года доходят, а через тот камень ходу день, а как на него человек взойдет, и он оба моря видит: Ленское и Амурское; а перешед через камень, приходят на реку Анадыр и тут промышляют кость рыбью. А на той земле живут Гилянские люди; а против устья Камчатки реки вышло из моря столп каменной, высок без меры, а на нем никто не бывал. А которая реки в Гилянской земли и тем рекам имена подписаны. А к реке Анадыру есть два волока, к реке Ламу да на реку Блудную; а Лама река пала в Амурское море, а Блудная пала в Колыму реку, а Колыма в Ленское море; а меж рек Нанaborы и Ковычи протянулся в море нос каменной и тот нос на-силу обходят» [Спасский, 1849. С. 8; Титов, 1890. С. 53—54]¹.

Для историков географии этот документ стал описанием всей «береговой черты» от Колымы до Амура — очевидно, вследствие того, что в нем усмотрели хорошо знакомые громкие названия, связанные с выдающимися историческими событиями — плаванием Семена Дежнева через Берингов пролив и походом Ивана Москвитина на Тихоокеанское побережье. Река *Нанaborа* была отождествлена с известной

---

¹ См. также цитаты: [Белов, 1973. С. 167]. Отметим, что ранее в том же тексте по обоим изданиям [Спасский, 1849. С. 7; Титов, 1890. С. 53] река Колыма названа «Колым», и это наглядно показывает, что в данном документе объединены несколько источников, причем интересующий нас фрагмент достаточно точно отражает присутствующие в нем топонимы.

рекой Анадырь, на которой находился одноименный острог, основанный Дежневым. Как казалось многим, оттуда не так уж далеко до «каменной преграды» — самой узкой части полуострова Камчатка. Название *Илья* в немногочисленных комментариях к этому источнику казалось сопоставленным с хорошо известным названием реки Ульи — первой из рек Охотского побережья, открытой землепроходцами [Берг, 1946. С. 40—41; Белов, 1973. С. 167—168], а упоминание «Амурского моря» едва ли не заставило видеть в названии *Дури* знакомое название местности Дуэ на западном побережье Сахалина.

Б. П. Полевой в своей статье о формировании географических представлений о северо-востоке Азии, комментируя этот источник, предложил разобраться с проблемой загадочных названий весьма радикальным образом. Обнаружив, что в другой редакции текста на месте названий «и *Ильи* и *Дури*» читается *иль-иньдуры*, он предложил читать это место как повторное упоминание реки Анадырь в другой форме записи — «Ананьдиры», попросту убрав из текста две формы, представляющие большие трудности для объяснения данных названий и истолкования всего документа [Полевой, 1964. С. 226].

Надо сразу сказать, что здесь найдено далеко не лучшее решение проблемы. Во-первых, не доказано, какой из двух сравниваемых текстов дает более обоснованное прочтение данного места. Весьма возможно, и даже более вероятно, что искажение первоначального текста имеет место как раз в астраханской рукописи, цитируемой Б. П. Полевым. Во-вторых, хотя даже внутри одного документа название реки Анадырь может иметь три-четыре варианта написания, нам ни разу не встречались в документах разные варианты написания реки Анадырь, которые были бы поставлены рядом друг с другом для большей понятности — это сделано лишь однажды на карте Н. Витсена 1700 г., где написано *Anadim sive Anadwar et Anadira* [Там же. С. 263]. Но это то как раз понятно: голландский ученый и тем более те, кто пользовались его картой, были не столь хорошо знакомы с топонимикой крайней северо-восточной окраины «Тартарии», как казацкие атаманы, промышленные люди и служащие Сибирского приказа. В-третьих, хотя Б. П. Полевой считает написания названия реки Анадырь в виде *Наадым*, *Адым* виной какого-то копииста [Там же. С. 235], скорее всего, перед нами не искажение названия Анадырь, а коряжское слово *вадям* — диалектная форма слова *в'аям* 'река' с повторенным предлогом «на». В-четвертых, в своей объемной статье Б. П. Полевой, признавая и не раз повторяя, что Нанабора, Анабора в этой группе источников — это не что иное, как открытый Дежневым современный Анадырь, ни разу не оговорил, где, по его мнению, должна находиться упомянутая тут же река Ковыча, хотя этот вопрос был бы принципиально важен для понимания сути документа и не менее принципиален для Б. П. По-

левого как историка географических открытий на северо-востоке России. Ведь в этом источнике Ковыча и Нанабора — это разные реки.

Кажется, никто до сих пор не обратил внимания на ряд очевидных странностей в содержании этого документа и особенно в его истолковании. Во-первых, при анализе рассматриваемых нами документов, проделанном нашими предшественниками, река Ковыча так и не была найдена на местности, хотя она весьма правдоподобно изображена на ряде карт. Нам потребовалось довольно много усилий для того, чтобы обосновать ее местоположение на современной карте Чукотки (4.4). Во-вторых, упоминание рядом «Ковычи» и «Нанаборы» должно было серьезно насторожить тех, кто считал, что река Ковыча есть географический Анадырь — та самая река, на которой к тому времени уже стоял основанный Дежневым острог. Можно было бы сообразить, что здесь названа по крайней мере не одна и та же река, как считалось в соответствии с традицией, а две разные реки. В-третьих, неясно, каким образом в 60—70-е гг. XVII в. землепроходцам могли стать известными такие места Татарского пролива, которые были положены на карту только почти два века спустя: у нас нет ни одного достоверного документа, где говорилось бы о плаваниях южнее Амурского лимана, есть лишь изгиб «береговой черты» на старых картах, который можно интерпретировать более или менее произвольно.

Почитаем текст «Списка с чертежа...» внимательнее. «Каменная переграда» — это, безусловно, полуостров Камчатка, как много раз повторяет Б. П. Полевой [Полевой, 1964. С. 236, 253, 262]², и с этим нельзя не согласиться. Но если «каменная переграда» — это полуостров Камчатка, то все четыре упомянутые в «Списке...» названия должны обозначать объекты, лежащие в промежутке от устья Колымы «до каменной переграды», то есть находящиеся либо на Арктическом побережье, либо в северо-восточной части Берингоморского побережья. Это очень важно — следовательно, эти названия никоим образом нельзя было искать на Охотском побережье, чему бы из названий этой акватории Тихого океана они ни были созвучны. Кроме того, отдельные названия этого документа могут ныне иметь абсолютно надежное отождествление.

Итак, более нет оснований сомневаться в том, что река Ковыча — это река Кувет, впадающая в Восточно-Сибирское море восточнее мыса Шелагского. Само название реки Кувет происходит от чукотского *кувэт*, *куэт* 'бухта, небольшой залив' [Топонимический словарь...

---

² Г. И. Спасский, публикатор текста, полагал, что под «переградой» имелся в виду Шелагский мыс [Спасский, 1849. С. 37]. Едва ли это возможно: похожие названия в интервале от устья Колымы до восточной оконечности Чаунской губы отсутствуют.

1989. С. 208]. На современных картах река Кувет изображается как приток реки Пегтымель, но название Пегтымель — позднего происхождения, а название Кувет могло быть дано, скорее всего, по устью реки, впадающей в море (см. ранее: 4.4).

Название Нанабора, встретившееся в «Списке...» и столь созвучное с названием Анадырь, стало настоящей ловушкой для географов и историков географии. И похоже, что в эту ловушку попались без исключения все, кто брался за интерпретацию данного текста. Как мы уже отмечали (4.4), не так уж далеко к востоку от устья Пегтымеля — по нашему определению, устья легендарной Ковычи — имеется речка Энмаатгыр (Энмаатгыр), также впадающая в Ледовитый океан, и еще в 30-е гг. XX столетия на побережье в устье этой речки находился чукотский поселок с таким же названием. Название Энмаатгыр, легко объясняемое из чукотского языка ‘ручей, протекающий в скалах’ [Топонимический словарь... 1989. С. 432], точно соответствует известному названию реки Анадырь по своему значению, форме и происхождению, кроме того, это же название принадлежит еще нескольким географическим объектам на Чукотке. Может быть, не все объекты, имеющие такие названия, определены с достаточной степенью надежности — добавим, что, кроме приведенных названий, имеется также река с названием Инмакыр [Там же. С. 154] — если это не ошибочное написание того же названия Энмаатгыр, относящегося к уже известному объекту.

Форма *Ильи* в разбираемом документе, как мы полагаем, возможно, река Илливеем, впадающая в Чукотское море у самого мыса Дженретлен [Там же. С. 148], или река Улювээм ‘Скрытая река’ — река и одноименная гора южнее Колючинской губы [Там же. С. 382], либо какое-либо не отмеченное на картах название типа Вылгилвээм ‘Березовая’, Вульвывээм ‘Поперечная’ или Илгывээм ‘Белая’, часто повторяющиеся в топонимике Чукотки. Во-первых, рассматриваемый фрагмент текста, похоже, действительно искажен, во-вторых, трудно разобраться во всех подставляемых сюда названиях, так как большая часть из них соотносятся с географическими апеллятивами — словами «водораздел», «глубокая речка» или являются достаточно частотными в чукотской топонимике.

Последнее название — Дури, даже в другой редакции текста (*иль-иньдурь*), вероятнее всего, однозначно отождествляется с названием мыса Дженретлен в восточной части Чукотского моря. Значение и происхождение данного названия — от чукотского *йынрын*, *йын-рыйыр*, *йынрылгын* ‘мыс’ не вызывает никаких сомнений [Там же. С. 131—132]. Это же название в документах и на картах зафиксировано как Индилиин; сюда же, определено, относится и топоним Инкигур — иначе придется последовать за автором «Топонимического сло-

варя» и считать его названием с неизвестной языковой принадлежностью, находящимся в окружении явно чукотских названий, — хотя В. В. Леонтьев был великолепным знатоком чукотского языка и топонимики Чукотки, но, видимо, не смог опознать название знакомого объекта в искаженной записи. Диалекты или говоры чукотского языка, в которых начальный *й*- звучит как смягченное *д'*, *дж*, или *дз*, распространены на северо-западе занимаемой чукчами территории, ныне они представлены в Билибинском районе. Это же явление представлено в чукотской топонимике: см.: Дильэвеем (чукот. Йильэвээм 'евражечья река'), Динретко (чукот. *йынрыткон* 'обрывистое место'), Диргувеем, Ергывээм 'река, текущая по ровному месту', название горы Дырын (чукот. *йыррын* 'содержимое чего-л. '), Дендымесхен (вероятно, чукот. Янрамъыск'ын 'отдельный холм') [Топонимический словарь... 1989. С. 131—133, 135]. То, что на чертеже 1684 г. вместо Дури читается Дуи [Полевой, 1964. С. 250], оставляет сомнения в тождестве объектов с этими названиями, тем более что на карте из «Хорографической книги Сибири» (см. далее) показана река Дуй, впадающая в Северный Ледовитый океан. Однако имеются аргументы чисто филологического характера, позволяющие утверждать, что в данном фрагменте «Списка с чертежа...» приведено какое-то название, причем это название было очень сходным с чукотским словом *йынрын* 'мыс' и топонимом Дженретлен.

Непонятное название Данра, встретившееся на чертеже С. У. Ремезова как наименование какой-то реки в верховьях реки Анаборы (именно «Анаборы», так как в другом месте этого чертежа обозначена и река Анадырь), а также и на ряде других карт XVII в., во-первых, имеет для нас большую ценность как неоспоримое свидетельство того, что приводимые в документах и на картах названия соотносятся с какими-то реальными объектами на местности. Во-вторых, данная форма соотносится с этимологически исходной формой еще лучше, чем известная форма названия Дури, хотя ее изображение на чертеже в верховьях Энмаатгыра («Анаборы») и ошибочно.

Имеется и еще один аргумент в пользу того, что после названия Нанабора (Энмаатгыр) во всех источниках, содержащих рассматриваемый текст, имелось название, сходное с названием *йынрын*, *йынрыыйыр* — наиболее вероятно, наименование современного мыса Дженретлен. Этот аргумент предоставляют в наше распоряжение те документы, которые сохранили текст челобитной Юрия Селиверстова — одного из спутников Михаила Стадухина во время его плавания вдоль Арктического побережья на восток от Колымы летом 1649 г. Эти источники хорошо известны историкам географических открытий, они издавались, неоднократно упоминались и цитировались целым рядом исследователей. Сам Михаил Стадухин об этом походе почти ничего

не рассказывал — в его позднейшей отписке от 1 марта 1658 г. об этом походе говорится: «И о том обо всем писано в город с Юшкою Селиверстовым» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 120]. Интересующая нас челобитная Юрия Селиверстова, видимо, была составлена вскоре после возвращения его из похода, то есть осенью (после 7 сентября) 1649 г., и вполне обоснованно предположение о том, что именно эта челобитная и послужила источником известий о реках к востоку от Колымы еще в начале 70-х гг. XVII в. — тех известий, которые вошли в «Список с чертежа». Подлинник челобитной Ю. Селиверстова до нас не дошел. Но он цитируется по крайней мере в двух документах, которые нам известны и опубликованы. Во-первых, это отписка якутского воеводы Дм. Францбекова 1651 г., на которую ссылается М. И. Белов, и во-вторых, процитированная нами грамота другому якутскому воеводе — Михаилу Лодыженскому, адресованная из московского Сибирского приказа и датированная 1652 г. Вот отрывок челобитной Юрия Селиверстова: «как де ходили с Ковыми реки служилые люди Михайло Стадухин с товарищи на новую на Погычю реку, и они де ту кость собирали на берегу, а лежит тут на берегу кость многая... А за Ковымою де рекою есть 4 реки, а от тех рек есть иные реки Наканда да Чандон» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 302]. Чрезвычайно важно то, что в отписке из Якутска читается «Нанандара да Чандон» [Русские мореходы... 1952. С. 205—206], а в московской грамоте, воспроизводящей текст отписки — «Наканда да Чандон». Упоминание четырех рек к востоку от Колымы («за Ковымою рекою») — позволяет отождествить сведения челобитной Юрия Селиверстова, в выписках из которой сохранены в искаженном виде только два названия, и текст «Списка с чертежа...» 1673 г., где представлены все четыре рассмотренных выше названия.

Название Чендон, юкагирское по происхождению, едва ли могло употребляться по отношению к рекам, находящимся далеко к востоку от устья Колымы, там, где юкагиры не жили. Сама собой напрашивается мысль о том, что в отрывке челобитной Ю. Селиверстова, известном нам в копии и в воспроизведении этой же копии (соответственно, якутский и московский документы), вслед за названием реки Энмаатгыра — здесь оно в одном из источников выглядит как неотличимое от названия доподлинного Анадыря, а именно «Нанандара» — читалось какое-то еще название, которое было заменено «Чандоном» еще при составлении воеводской отписки в Якутске. В Москве было искажено и название Нанандара; кстати, только сопоставление двух документов и явный приоритет якутского документа над московским в отношении достоверности передачи географических названий избавляет нас от необходимости искать непонятную «Наканду» среди современных топонимов Чукотки. Возможно и иное предположение — слова «а от тех

рек есть *иные* реки...» могут принадлежать составителю воеводской отписки и указывать на то, что среди четырех опущенных названий два были созвучны с названиями известных рек Анадырь и Чендон (верховья Гижиги).

Если сравнить друг с другом все возможные чтения разбираемого топонима, сообщаемые разными источниками, — написания «Дури» и даже «иньдуры» в «Списке с чертежа», «Данра» на чертеже С. У. Ремезова, «Чандон» в документах, воспроизводящих отрывки челобитной Юрия Селиверстова, то на основании трех не зависящих друг от друга источников, известных нам к тому же по пяти документам, можно попытаться восстановить первоначальное чтение этого названия — оно явственно должно было читаться как Ынрын или Дьынрын. Вероятно, знакомый сибирским служилым людям и чиновникам Якутской канцелярии и Сибирского приказа по ряду документов «Чандон» появился тут вместо незнакомого *ынрын* 'мыс'.

Таким образом, получается, что все названия из «Списка с чертежа...» 1673 г. соотносятся с названиями географических объектов на Арктическом побережье³. И даже в том, что в этот «Список...» не попали названия мест от Берингова пролива до Камчатки, нет ничего удивительного: северо-восточная часть Берингоморского побережья к северу от устья реки Анадырь обследовалась и изучалась в более позднее время — в XVIII—начале XIX в., а побережье к югу от Анадырского лимана было плохо известно еще во второй половине XIX в. В. В. Леонтьев писал: «До начала XX в. побережье Берингова моря от Анадырского лимана до мыса Олюторский, где, как полагают историки, в XVII в. жили кереки, для этнографов и археологов оставалось неизвестным, а береговая линия от мыса Наварин до поселения Хатырка была нанесена на карту пунктиром» [Леонтьев, 1983. С. 4].

Возникает множество вопросов: кем и когда были убраны из текста или заменены географические названия Восточной Чукотки, упо-

---

³ На одной из карт «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова [Ремезов, 2011. Л. 160] к востоку от Колымы показана река Ковыча, впадающая в бухту. К востоку от нее обозначена река Дуи (в указателе — Дуй), а еще далее к востоку — Анабар или Анабара (следовало бы читать Анадара. — А. Б.) с притоком Данра. В указателе «Список топонимов в алфавитном порядке» [Ремезов, 2011. С. 202] эта река «Анабара» (Энмаатгыр) ошибочно отождествлена с рекой Анабар/Анабарой. Сомневаться в аутентичности названий, данных в «Списке с чертежа...», более не приходится, хотя источники документальных сведений и самой карты, приведенной в «Хорографической книге Сибири» С. У. Ремезова, продолжают оставаться неясными. Возможно, вся эта информация восходит к документам и чертежам М. Стадухина и Ю. Селиверстова. На этой же карте в качестве левого притока Ковычи показана река Улья, в названии которой при такой ее локализации мы видим чукотское название Большого Аноя — Вылгилвээм ('Березовая река').

минаемые в челобитной 1649 г.? Может быть, здесь приложила руки канцелярия якутского воеводы, посчитав необходимым отредактировать рассказ Юрия Селиверстова и убрать из него названия мест, о которых ничего толком не было известно, вставив туда вместо них более знакомое и похожее по звучанию название Чендон. Возможно, подлинник написанной Ю. Селиверстовым челобитной был ветхим, плохо читался и был искажен при его переписке в ходе составления других документов. Определенно, самая последняя и наиболее искаженная редакция интересующего нас текста читается в московской грамоте 1652 г., где уже двусмысленная «Нанабора» (то ли Анадырь, впадающий в Берингово море, как думали многие, то ли, как мы считаем, Энматгыр на Арктическом побережье) сменяется никому не ведомой «Накандой» с добавлением неопределенного Чендона. Здесь совершенно ясно, какой именно из двух документов дает более достоверные чтения — вряд ли кто-то станет спорить с тем, что в Якутске намного лучше знали, хотя бы и понаслышке, названия рек северо-востока Азии, нежели в Москве.

Если наши рассуждения верны и если именно сведения из подлинника челобитной Юрия Селиверстова отразились в «Списке с чертежа Сибирской земли» 1673 г., то получится, что данные документы содержат такие сведения о плавании Стадухина к востоку от Колымы летом 1649 г., которые делают это плавание одним из самых значимых событий в географических открытиях на северо-востоке Азии. Этот поход в известный исторический период сравним только с плаванием Дежнева вокруг северо-восточной оконечности Азии. Ранее маршрут плавания Стадухина оставался совершенно неизвестным. Данные, полученные в ходе анализа топонимики, свидетельствуют о том, что Юрий Селиверстов и командовавший отрядом Михаил Стадухин побывали летом 1649 г. на очень большом удалении к востоку от устья Колымы — где-то в районе мыса Сердце-Камень. Тогда «нос каменной», о котором говорится, что «меж рек Нанаборы и Ковычи протянулся в море нос каменной и тот нос насилу обходят» (см. выше), — это и не Шелагский мыс, до которого, как полагали, только и мог дойти Стадухин, — оба наших ориентира, и Ковыча (Кувет) и Нанабора (Энмаатгыр), находятся восточнее Шелагского мыса, это и не мыс Дежнева, до которого, по словам самого Дежнева, Стадухин не доходил (хотя заметим, что Дежнев не мог знать, до какого именно места доплыл в 1649 г. Стадухин, так как и сам практически не имел ориентиров по Арктическому побережью)⁴. По всему выходит, что «нос ка-

---

⁴ На карте Г. Миллера, при составлении которой могли использоваться чертежи С. Дежнева, объекты на Арктическом побережье не имеют названий,

менной» — это мыс Биллингса, к западу от которого располагается река Ковыча — Кувет и Пегтымель, или, чего также нельзя исключать, река Кэвеем, впадающая в губу Нольде, а к востоку — река Энмаатгыр, основательно запутавшая два поколения знатоков географии северо-востока Азии. Как видим, «нос», который хотя и «насилу», но все же обходят, обнаружился в пределах досягаемости походов с Колымы на кочах, да еще и с подтверждением того, что он был обойден впервые за один поход дважды, в обоих направлениях!⁵

Есть еще одно свидетельство того, что под «Большим каменным носом» понимался не Шелагский мыс и не Чукотский полуостров, и подсказал нам его сам же Б. П. Полевой, противник этой версии. Он приводит запись Г. Миллера на одной из карт: «...на ложном изображении этого носа в виде большой груши Миллер написал ‘чукчи и шелаги’, что ясно показывает, что здесь так изображался Шелагский мыс» ([Полевой, 1997. Ч. 1. С. 139, примеч. 106], курсив наш. — А. Б.). Как нам удалось выяснить, шелагами в XVIII в., со слов отдельных групп восточных чукчей, называли любые группы чукчей, живущих к западу от современного мыса Шмидта, ранее именовавшегося мыс Северный (см.: 8.10), а не только обитателей мыса Шелагского (Эрри). Сам же Б. П. Полевой пишет: «...С. И. Дежнев утверждал, что на „Большом каменном носу“ живет „добре много чухоч“. Но на собственно мысе Дежнева нет никакого местного населения. Жители именуется (sic! — А. Б.) только вблизи мыса Дежнева, и это не чукчи, а эскимосы („зубатые“). И сосредоточены они фактически только в одном селении Уэлен» [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 53]. Как раз район Мыса Биллингса и современного поселка Биллингс на Чукотке остается местом наиболее плотной концентрации чукчей, хорошо сохраняющих язык и культуру, а Уэлен на самом деле не эскимосский, а чукотский поселок.

Пожалуй, самое важное в истории этого похода, то, в чем будет заключаться бесспорный приоритет Стадухина в географических откры-

---

а названия Анадырь и Анной явно отражают обратный путь С. Дежнева из Анадырского острога в Якутск по суше (см.: [Ефимов, 1949. С. 789—790]).

⁵ Обращаем внимание, что перечисление объектов в данном документе в одном случае идет с запада на восток: «...мимо устьей рек *Ковычи* и *Нанаборы*», в другом — с востока на запад: «меж рек *Нанаборы* и *Ковычи* протянулся в море нос каменной». Последняя характеристика могла принадлежать только тому первооткрывателю этих мест, который проплыл вдоль Арктического побережья с востока на запад. Единственным, кто мог дважды проплыть мимо устья Ковычи (Кувета) и Энмаатгыра с запада на восток и обратно, с востока на запад, зафиксировав их названия, был Михаил Стадухин. Заметим, что и расположение острова Айон относительно материка также описано им (или его ясыркой) с учетом движения с востока на запад, к устью Колымы (см. выше: 4.3.1).

тиях на Восточной Чукотке, — исследование побережья Ледовитого океана на значительном удалении от устья Колымы. Ни Дежнев, первым прошедший морем вдоль всего Арктического побережья Азии, ни те, кто плавали по этому пути позднее, например Иван Рубец в 60-е гг. XVII в., — не упоминали ни об одном из географических объектов, которые находятся на побережье Восточно-Сибирского и Чукотского морей. И только в документах, относящихся к плаванию Михаила Стадухина 1649 г., мы встречаем упоминания четырех объектов, три из которых и ныне носят те же наименования, зафиксированные на современных картах в несколько ином виде, — это реки Кувет и Энматгыр и мыс Дженретлен.

Каким бы странным это ни показалось, но подобное предположение не будет новинкой в научной литературе. О том, что слова в более раннем «Списке с чертежа...» 1667 г. «нос пошел под восток и загнулся в север» могут относиться к окрестностям Колючинской губы, писал сам Б. П. Полевой [Полевой, 1964. С. 242], не исключал этого и М. И. Белов [Белов, 1973. С. 167—169]. Из изложенного понятно, что ныне есть возможность довольно строго доказать это. После изучения документов перед нами открывается первое описание восточной части побережья Ледовитого океана с названиями тех мест, которые и ныне носят те же имена.

Во всяком случае, у нас пока нет другого ответа на вопрос о том, кто еще, кроме Стадухина и Селиверстова, мог записать рассмотренные географические названия объектов на побережье Чукотского моря. Утраченный подлинник челобитной Юрия Селиверстова по справедливости мог бы считаться первой лоцией побережья Восточно-Сибирского и Чукотского морей.

Приведенная выше цитата из «Списка с чертежа Сибирской земли» побуждает рассмотреть вопрос о том, кто из землепроходцев впервые мог побывать в тех местах, где с гор полуострова Камчатка одновременно видны Берингово и Охотское моря, иными словами — совершить открытие северной части Камчатского полуострова. Повторим цитату из «Списка с чертежа...»: «...а через тот камень ходу день, а как на него человек взойдет, и он оба моря видит: Ленское и Амурское; а перешед через камень, приходят на реку Анадыр и тут промышляют кость рыбью». Казалось бы, при отсутствии прямых указаний в дошедших до нас источниках мы никогда не сможем дать ответ на такой вопрос. Но если поставить вопрос — кто именно из землепроходцев, посетивших эти места, столь достоверно мог определить свое местоположение и мог назвать видимое с гор Камчатки Берингово море «Ленским», а Охотское «Амурским», то ответ на него напрашивается сам собой. Очевидно, тот факт, что Пенжинская губа, на берега которой вышли стадухинцы после похода по реке Пенжине, со-

ставляет часть «Амурского», то есть Охотского моря, был установлен Стадухиным по прибытии в Охотск. Если бы узкий перешеек между Беринговым и Охотским морями был открыт кем-то на маршруте со стороны реки Анадырь, едва ли лежащее за этим перешейком Охотское море было бы идентифицировано столь однозначно. Берингово море, увиденное Стадухиным и его спутниками с вершины гор полуострова Камчатка, для них было морем «Ленским», и это понятно — о том, что река Анадырь впадает в море, по которому плавали кочи Дежнева, они должны были знать от самого Дежнева и его товарищей, а если Стадухин ходил в поход на анаулов, чем и вызвал недовольство Дежнева, — это значит, что он сам спускался вниз по реке Анадырь, по крайней мере до устья реки Белой, на которой жили анаулы. Кроме того, чтобы столь однозначно называть Берингово море «Ленским», надо было *не знать* того, что береговая линия Берингова моря к северу от устья реки Анадырь почти параллельна Арктическому побережью — это знал Дежнев, рассказывая о «Носе», который ему пришлось обогнуть и который теперь носит его имя, но этого как раз не знал Стадухин, не плававший по Берингову морю.

Не совсем понятно, как все же следует понимать слова «перешед через камень, приходят на реку Анадырь и тут промышляют кость рыбью». Если б речь велась о переходе «через камень» с Колымы к верховьям реки Анадырь, то здесь было бы все ясно и понятно, но путь к верховьям Анадыря явно занимал не один день, а гораздо больше. Значит, если «камень», переход через который занимал столь немного времени, — это северная часть Камчатского полуострова, то получается, что Стадухин не только впервые побывал в этих местах и увидел одновременно Берингово и Охотское моря, но и указал в своих отчетах, что с побережья Пенжинской губы можно пройти по суше в направлении к устью Анадыря, к дежневским моржовым лежбищам. Кто был заинтересован в раскрытии секретов Дежнева — опять же только Михаил Стадухин.

К большому сожалению, упоминание о месте, откуда видны одновременно два моря, является единственным свидетельством возможного пребывания Стадухина в срединной части севера Камчатского полуострова. Косвенным подтверждением этого является также тот факт, что после выхода на побережье Стадухин со своим отрядом провел все лето и осень 1651 г. где-то в окрестностях Пенжинской губы и Тайгоноса, поскольку был вынужден зазимовать поблизости от этих мест в устье Гижиги — вероятно, в продолжение лета 1651 г. Стадухин пытался обойти Камчатский полуостров морем с запада на восток — в направлении, противоположном тому, которое иногда предполагали историки географических открытий, — или пересечь его по суше. Вместе с тем у нас нет реальной альтернативной возможности

приписать это открытие кому-либо другому из землепроходцев, кто мог бы побывать в этих краях в 50—60-е гг. XVII в.⁶

Что касается происхождения самого «Списка с чертежа...» 1673 г., то он, как мы можем думать, исходя из его состава, относился не к утраченному «чертежу», а к чертежу, который по каким-то причинам не был составлен. Часть его текста, например, сведения о Прибайкалье и Забайкалье, совпадает с текстом «Чертеж всяя Сибири, сбиранный в Тобольске...», который был издан А. А. Титовым в одной книге со «Списком с чертежа Сибирской земли» [Титов, 1890. С. 25—38]. Однако интересующие нас фрагменты, которые читаются в самом конце «Списка с чертежа...» 1673 г., и сам этот документ обрываются довольно неожиданно — не получили отражения в «Чертеже» 1675 г. Складывается впечатление, что при составлении «Списка с чертежа...» были использованы разные источники, поступавшие к картографам в разное время и из разных мест — так, сведения о реках Западной Сибири там представлены в нескольких местах, нет логики в размещении сведений о Якутии. Похоже, что заключительная часть информации из «Списка с чертежа...» 1673 г. была сочтена недостаточно надежной для картографирования земель и рек, которые были не слишком хорошо известны.

Интересные материалы, дополняющие и топонимикон документов, и те выводы, которые можно сделать из анализа состава и последовательности топонимов, отраженных в источниках, дает нам «Описание новья земли, сиречь Сибирского царства» 1686 г. В том его месте, где сообщается, что прохода с Лены на Амур нет, имеется такой перечень рек: «Из того же камени к лесной стороне в государственной державе много рек пало; Даура, Блудная, Улья, Ковыча, Колыма, Алазея, Индигирка, Тача, Пьяная, Блудная, Хромая, Яна, Омолоха, Оленек, Волоковая, Анабара, Волок река ж» [Титов, 1890. С. 88].

Здесь довольно трудно привязать к местности начало этого списка, в основном из-за упоминания загадочной Дауры и не внушающей доверия для однозначной локализации Ульи. Нам кажется, что и Даура, которая заставляет вспомнить Дури и Данру из описания Арктического побережья, датируемого нами 1649 годом (см.: «Список с чертежа...» 1673 г.), и Улья, сходная с Ильей из того же документа, позволяют локализовать начало этого списка рек, впадающих в Северный Ледовитый океан, на Восточной Чукотке — иначе нам пришлось бы недоумевать, почему от Ульи на Охотском побережье до легендарной

---

⁶ Показательно, что Владимир Атласов, которому также в течение многих лет приписывается первооткрывательский приоритет на Камчатку, не знал, где расположен Амур [Ефимов, 1949. С. 774; Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 111].

Ковычи не названа ни одна река. Таким образом, получается, что из четырех рек «мимо устей рек Ковычи и Нанaborы и Ильи и Дури» здесь названы три — четвертая, третья и первая, но в обратном порядке. Реки, названные далее, перечислены также с востока на запад, и большая часть их нам знакома, это Колыма, Алазея, Индигирка, Хрома, Яна, Омолой, Оленек и Анабара. Названия Тача, Пьяная и Блудная пока не локализируются, как и названия, указывающие на наличие двух волоков к западу от Оленека и Анабары. Что касается наименования Пьяная, то тут уместно соотнести его с корякским *вангыйн'ын* 'устье' и другими похожими словами, которые приведены при поисках объяснения гидронима Яна (3.2.4). Два упоминания названия Блудная по контекстам никак не соотносятся с аналогичным названием Омолон: такое наименование могли получить многие реки. Как кажется, данный документ подтверждает предложенные идентификации четырех непонятных названий «Списка с чертежа...» 1673 г.

Напрашивается вопрос — почему об этих открытиях на побережье Северного Ледовитого океана в акватории современных Восточно-Сибирского и Чукотского морей сохранились лишь отрывочные сведения, которые мы можем атрибутировать Михаилу Стадухину и которые к тому же вновь стали отражаться на картах и описаниях только после 1673 г.

На этот вопрос у нас есть ответ, хотя он и выглядит странным. Тот, кто совершил эти выдающиеся открытия, Михаил Стадухин, погиб в 1666 г. в Якутии в очередном походе [Полевой, 1997. С. 97]. Семен Дежнев, очень ревностно относящийся к тому, что довелось открыть ему самому, — открытию «носа» на северо-востоке Чукотки, устья реки Анадырь и моржового лежбища неподалеку от него — умер в 1673 г. «на Москве» [Оглоблин, 1891а. С. 61]. Складывается впечатление, что сведения о походах Стадухина на Охотском побережье 1651—1656 гг. дошли до нас почти полностью, поскольку на открытия в этих местах не было и не могло быть других претендентов. Что касается открытий на Арктическом побережье к востоку от Колымы, здесь Стадухин явно оказывался соперником Дежнева. Видимо, по этой причине описания плавания, которое, по датам документов, могло быть совершено только в 1649 г. и совершить его мог только Михаил Стадухин, доходят до нас из вторых или третьих рук без дат походов и без имен первооткрывателей и попадают в оборот лишь после 1673 г. — года смерти главного конкурента М. Стадухина в приоритете на открытия на северо-востоке Азии. Однако изучение документов все расставило на свои места и мы узнали, что именно Стадухин совершил множество выдающихся открытий на Арктическом и Тихоокеанском побережьях Восточной Сибири.

7.2. Святой Нос и Утаень.

Свидетельства арктических мореходов о Северном Приохотье в «Сказании о великой реке Амуре»

До сих пор, рассуждая о географических названиях северо-востока Азии, мы рассматривали обычно документы, составленные непосредственно землепроходцами для собственной канцелярии, либо документы, содержащие отрывки из не дошедших до нас «отписок» или «расспросных речей». Но случается, что нужные сведения обнаруживаются совсем не там, где их можно ожидать. Так, описание местностей, лежащих далеко к северо-востоку, вдруг встречается в сочинении, описывающем реку Амур. Резонные вопросы: как туда попали сведения, полученные арктическими мореходами во время походов? От кого именно из землепроходцев эти сведения могли быть получены? Не скрывается ли за простым перечислением географических названий маршрут какого-то неизвестного нам похода или какие-то малознакомые подробности известных событий?

После ухода из Анадыря на Пенжину и исследования окрестностей Пенжинской губы, в ходе которого Михаил Стадухин и его спутники смогли увидеть с вершины гор Берингово море, отряд Стадухина первым из землепроходцев совершил длительный, продолжавшийся несколько лет, поход от устья Пенжины до Охотска, при этом были основаны Ямское и Тауйское ясачные зимовья. После этого похода в акватории Охотского моря оставалось неизвестным только западное побережье Камчатки, которое исследовалось отрядом Владимира Атласова уже в самом конце XVII в. Хотя документы, составленные самим Стадухиным и его спутниками, вернувшимися после многолетних походов в Якутск в начале 60-х гг. XVII в., содержат очень немного сведений о самом походе и весьма краткий перечень названий местностей, прилегающих к северному побережью Охотского моря, возможно, что часть географических сведений, которые могли быть собраны только отрядом Стадухина и никем другим, отразилась в других исторических и географических источниках.

А. И. Алексеев обратил внимание на цитату из «Списка с чертежа Сибирской земли» 1673 г.: «С левую сторону Ленскую позаде к Амурской стороне в море океан больших рек пало: Охота, Рама (Лама, та же Охота. — А. Б.), Товой (Тауй. — А. Б.), Тадуй (Таватум или тот же Тауй? — А. Б.), Анадырь, Пенжон (Пенжина. — А. Б.), Камчатка, Чудон („Чендон“, вероятно всего, Гижига. — А. Б.); а от Чудона устья реки великий камень пошел во океан море за 500 поприщ» [Алексеев А. И., 1987. С. 38].

Мы до сих пор не знаем, кто еще из служилых людей мог в 60-е гг. XVII в. оказаться в самой северной части побережья Охотского моря и

кто мог зафиксировать данные названия вместе с описанием береговой линии — побывать в тех самых местах, где в начале 50-х гг. XVII в. побывал Михаил Стадухин со своим отрядом. Если у нас нет реальной возможности определить иное происхождение сведений о реках Северного Приохотья — попробуем проследить, не связаны ли эти сведения с походами стадухинцев, тем более что сочинение Н. Г. Спафария «Сказание о великой реке Амуре», к которому нам придется обратиться далее, повторяет и рассказ о том самом месте «камня», откуда видны сразу два моря.

Первые четыре названия в этом перечне соотносятся с маршрутом отряда Стадухина из Северного Приохотья к юго-западу, но изложенным в обратном направлении — от Охотска на северо-восток, последние четыре названия похожи на описание пути Стадухина с Анадыря до устья Гижиги. Относительно появления названия Камчатка в этом списке топонимов могут быть сделаны два предположения, которые придется сопроводить знаменательными оговорками.

Первое предположение — название реки или полуострова Камчатка, стоящее после названия реки Пенжины, говорит о том, что Стадухин со своим отрядом вышел из устья Пенжины, побывал на реке Камчатке или, по крайней мере, на одноименном полуострове, и уже потом, убедившись в невозможности обойти Камчатский полуостров морем, повернул на запад. Второе — название Камчатка соотносится с названием какой-то реки на полуострове Тайгонос или где-то поблизости от него, но не имеет отношения к полуострову Камчатка, который был открыт значительно позже. Кстати, в бассейне реки Пенжины, по которой проходил отряд Стадухина, есть река с названием Концавеем [Топонимический словарь... 1989. С. 201]: уж кому из историков что понравится, но река Концавеем на его маршруте присутствует, тут ничего не поделаешь. В устье Чендона/Гижиги нет никакого «Камня» — если, конечно, под этим названием не имеется в виду полуостров Тайгонос к востоку от ее устья. С какой стороны устья Гижиги «камень» пошел «во океан море» — с восточной или с западной, о том в имеющемся в нашем распоряжении документе не говорится. Известно, что к западу от устья Гижиги довольно далеко выдается в море Вархаламский мыс, но он значительно меньше Тайгоноса. Другая точка зрения, согласно которой река Чендон — это не Гижига, а Пенжина [Долгих, 1960. С. 409, 412], хотя и имеет под собой то основание, что так по-юкагирски могли называться верховья любой реки и что Пенжина — юкагирское название, но при обсуждении проблемы эта точка зрения, по счастью, не высказывалась — иначе она могла всех окончательно запутать. И уже откровенным недоразумением будет выглядеть предположение, согласно которому река Камчатка получила свое наименование в честь казака Ивана Камчатого, если то же

самое название могло быть услышано Стадухиным еще в 1651 г. — невозможно доказать, что в двух источниках («Списке с чертежа...» и «Сказании...» Н. Г. Спафария) была сделана одинаковая вставка названия Камчатка на основании каких-то более поздних неизвестных нам документов.

Николай Гаврилович Милеску Спафарий (1635—1707) — без сомнения, одна из самых ярких личностей не только в дипломатической истории России второй половины XVII в., но и в истории русской географии и этнографии, равно как и в истории древнерусской литературы (о нем см.: [Словарь книжников... 1993. С. 392—400; Николае Милеску Спафарий... 1991; Н. Г. Милеску Спафарий... 1989; Урсул, 1985]). Его описание путешествия в Китай является ценным историко-географическим и историко-этнографическим источником, и оно многократно цитировалось нами выше. «Сказание о великой реке Амуре» не имеет автора, но, как отмечается в литературе, атрибутируется Н. Г. Спафарию с достаточной степенью достоверности [Фетисова, 2006. С. 175]. Это сочинение издавалось мало⁷, впрочем, другие труды Спафария выходили в свет еще реже. Немногочисленны и специальные исследования, посвященные этому сочинению ([Арсеньев Ю. В., 1882а. С. 245—254; Полевой, 1972. С. 271—279]; см. также: [Момина, 1965]), хотя ныне его труды, обретая новые качества историко-этнографического и культурологического источника, пользуются вниманием специалистов (см.: [Кычанов, 1993 С. 70—79; Самойлов, 1999; 2002. С. 502—574]).

Мы попробуем отыскать дополнительные свидетельства того, что автором «Сказания о великой реке Амуре» является именно Н. Г. Спафарий. В описании своего путешествия он пишет: «А про реку Ингода, и про Онон, и про Шилку будет описание там, где опишется ниже сего великая река Амур» [Путешествие чрез Сибирь... 1882. С. 140]. Тем не менее описания Амура, его истоков и притоков в «Путешествии» нет, в нем имеется только приведенная выше отсылка. Очевидно, «Сказание...» могло служить заготовкой части текста «Путешествия...» или какой-то его самостоятельной частью, однако же по каким-то причинам превратилось в самостоятельное сочинение об Амуре со спорной атрибуцией.

Топография начальной части «Сказания» хорошо согласуется с тем, что дано в описании путешествия Спафария относительно верховьев Амура: в нем упомянуты Онон, Ингода, Аргунь (в той же самой форме Аргуня), Чикой, Хилок, Селенга, Иргенский острог и воевода Афанасий Пашков как исследователь названных мест. Тем не ме-

---

⁷ Первое издание: [Вестник Русского Географического Общества, 1853. С. 17—21]. Вошло в кн.: [Титов, 1890. С. 103—113]. Перепечатано в кн.: [Колумбы земли русской, 1989].

нее в этой части есть одно важное отличие — описание Амура в «Сказании...» начинается словами: «Начинаем вершину ее с тех мест, иде де в нее пала великая река Шингал» [Титов, 1890. С. 105], хотя далее речь идет о реке Шилке с ее собственным названием. Косвенные свидетельства о том, что среднее течение Амура когда-то считались продолжением Шилки, усматриваются во фрагменте: «...от того места, что в Амур пойдет, именуют одним именем до устья Амура реки — Шангар или Шонгия. А в Шингал пала река Наун...» [Там же. С. 108]. Существенно, что таких форм для названия самого Амура или «Шингала» (Сунгари) в документах В. Пояркова и Е. Хабарова нет. Из каких-то иных источников Спафарий почерпнул сведения о реке Ушар — Уссури, этого названия также не дают ни Поярков, ни Хабаров. Наконец, Спафарий по каким-то источникам воспроизвел форму названия Амура, существующую у нанайцев: «Только оные пашенные люди сказывают про ту реку большим Амуром» [Там же. С. 109]. Нанайцы, как мы знаем, называют Амур *Дай Мангбо* ‘Большой Амур’.

Таким образом, Н. Г. Спафарий при сборе сведений об Амуре и написании «Сказания...» — мы поддерживаем его авторство — пользовался какими-то неизвестными нам источниками, относящимися к ранним плаваниям по Амуру. Эти источники содержали ряд дополнительных подробностей (наименование Большой Амур, упоминание об Уссури) и вместе с тем послужили основанием для странных неточностей. Так, наименования левых притоков Амура Зеи и Буреи в «Сказании...» даны как Азия и Быстрая [Титов, 1890. С. 107]. Здесь, помимо приведенных форм, явно ассоциировавшихся с иными названиями, любопытно то, что название Буреи или ее описание в документах 1640—1650-х гг. не встречается вообще и идентифицировать эту реку под другим названием по другим источникам нам не удалось.

Что касается имеющегося в самом конце «Сказания...» непонятного указания, будто река Пенжина может находиться в бассейне Амура, то этим сведениям можно не удивляться — они получены кем-то из неизвестных информаторов Спафария от гиляков, рассказавших, кстати, что «в мимошедших годах голанцы и иных земель немцы тем морем на кораблях ходили и сказывали, что от устья Амурского морем ходить мочно...» [Титов, 1890. С. 113].

В «Сказании о великой реке Амуре» содержится перечень рек к северу от Амурского лимана, восходящий к источникам, явно не относящимся к описанию Амура: «А в той Гилянской земле впали реки в море: 1) Лама, 2) Охота, 3) Тавуй, 4) Тодуй, 5) Пенжин, 6) Камчатка, а против той Камчатки столб каменной высок гораздо, 7) река Чулдань, 8) Анадырь». И далее: «А река Анадырь течет из камня; а тот камень возметя от Байкальской пучины и до моря, а в моря прошел далеко такожде стеною, а конца никто не знает, объехать нельзя, потому что

льды не пропускают. А чрез тот камень поперег пешему ходу день, и с нею оба моря по обе стороны видят сверху. От того камня до реки Колымы бегают парусами на кочех одним летом; а как льды не пропустят, и в то время ходят года по два, по три и больши. А вверху той Анадыри реки чрез тот камень есть волок на Блудную реку: Блудная пала в Колыму реку, и те места край и конец Сибирской земли» [Титов, 1890. С. 110; Колумбы земли Русской, 1989. С. 88—89]⁸.

Здесь в начале процитированного фрагмента явственно повторяется тот же порядок следования рек, что и в «Списке с чертежа...», за одним исключением — название реки Анадырь по сравнению с предыдущим документом перемещено в конец списка. Сообщение о волоке с верховьев Анадыря на Блудную (Омолон) — свидетельство хорошего знания окрестностей верховьев реки Анадырь.

Характеристика «камени», который лежит в верховьях Анадыря и «возмется от Байкальской пучины и до моря», оказывается противоречивой. С одной стороны, упоминание о льдах, не пропускающих кочи, — свидетельство того, что речь идет о плаваниях вдоль Арктического побережья. С другой стороны, «чрез тот камень поперег пешему ходу день, и с нею оба моря по обе стороны видят сверху» — значит, речь идет о самой узкой части Камчатского полуострова. Для того чтобы такое описание подошло под описание северо-восточной оконечности полуострова Дауркина на Чукотке, нужно было предполагать какое-то невероятное стечение обстоятельств, которое позволило бы кому-то из землепроходцев получить такие сведения. Других мест, где можно было бы видеть одновременно Чукотское и Берингово моря, просто нет.

Может быть, ответ на вопрос об источниках этих представлений заключается как раз в том, кого именно из казаков море три года не пускало на восток от Колымы⁹. Но из документов нам известно, что и до плавания Дежнева, и после отплытия кочей Дежнева из Нижнеколымска льды мешали плыть к востоку от Колымы только одному человеку — и этим человеком был не кто иной, как Михаил Стадухин.

Далее, при повторном описании мест к северу от устья Амура, в тексте говорится: «И сказывают те Гиляки, что из устья Амурского вышел на море в левую сторону идти подле земли к Ламе реке, и тут

---

⁸ Ср. в «Путешествии...»: «...а тот камень, который идет возле Байкала... начинается от Севернаго Окиянскаго моря от устья Енисея реки... и в море так же прошел будто стеною, и никто его конца не знает, а проведать нельзя: льды и погода не пустят; многожды ходили с Лены проведывать, а суды разбило...» [Спафарий, 1882. С. 123].

⁹ Новый опыт осмысления природных условий морских походов по Северному Ледовитому океану в середине XVII в., см.: [Шмакин, 1998].

обретаются леса многие и великие, горы высокие. От той реки пошел нос великий каменной в море далеко, иже называют *Святой Нос*, а почему неизвестно. К Амурскому устью ездить кочами нельзя, потому что к тому носу присох *Утаень* великий, и кочи разбивает. Всякого зверя в том месте морского, китов и моржей, разбивает много; а лесов на том мысу никаких нет, только иноземцов Гиляков сыроядцов в том месте держится много гораздо» [Колумбы земли Русской, 1989. С. 89].

Возле реки Охоты (Ламы), никакого «носа» нет — ближайший к нему полуостров (ныне полуостров Лисянского) находится на значительном удалении к северу от устья Охоты.

В этом отрывке «Сказания...» фраза «От той реки пошел нос великий каменной в море далеко, иже называют *Святой Нос*, а почему неизвестно» весьма сходна с тем отрывком «Списка с чертежа...», где говорится: «...а от Чудона устья реки великий камень пошел во океан море за 500 поприщ». В другом сочинении, «Описании новья земли сиречь Сибирского царства» 1686 г., мы читаем несколько измененный, но очень похожий текст: «...а от Чюндона реки великий камень пошел во океан море теплое за 500 поприщ и устье великия реки Амуре возле края океана моря теплого. А за тем камнем нос, который в морскую пучину пошел в сторону царского величества в сибирские городы» ([Полевой, 1964. С. 250]. Цит. по кн.: [Титов, 1890. С. 84]). Здесь речь идет о двух географических объектах. Б. П. Полевой считает, что «камень» — это полуостров Камчатка, а «нос» — Чукотка [Полевой, 1964. С. 250, 253]. Нам кажется, что возможна более правдоподобная и более близкая к истине расшифровка этих названий.

В этом месте «Списка с чертежа...», как мы полагаем, «камнем» назван полуостров Тайгонос — наверное, самый крупный из полуостровов Охотского моря. Географический кругозор составителя «Сказания о великой реке Амуре» этого отнюдь не исключает, а река Анадырь, упоминаемая в этом тексте, расположена еще дальше к северовостоку. Кажется, имеется возможность строго доказать это.

Название полуострова Тайгонос звучит по-корякски как *Тайн'ы-нот* и объясняется из корякского языка как 'Запретная, греховная земля, запретная тундра' [Топонимический словарь... 1989. С. 350]¹⁰. Тогда получается, что «Святой Нос» — это первая попытка объяснить данное название и перевести его с корякского языка (к слову, по-чукотски оно звучало бы точно так же), а «Утаень» — первая попытка

---

¹⁰ Выведение этого названия из русского слова *тайга* [Справочник по истории... 1985. С. 338], разумеется, ошибка, весьма редкая для солидного и авторитетного справочника. Эта неточность исправлена в словаре А. В. Мельникова [Мельников, 2009], где приведено мнение В. В. Леонтьева и К. А. Новиковой.

записать звучание этого названия. Мы знаем, что этот «Утаень» разбивает кочи, но у нас есть только два прямых свидетельства о кораблекрушениях на Охотском море — одно относится к 1648 г. и связано с местами к северу от устья Охоты: «У служивых людей море суды розбило» (из известной «Росписи рекам...» Алексея Филиппова, см. далее), и еще одно описание того же самого события: «есть озеро велико подле моря, и у того места море розбило суда, и на кошку выбросило» [Степанов Н. Н., 1959. С. 211] (здесь по тексту ясно, что суда разбило приливное течение в устье реки), другое — показания самого Стадухина и его спутников, которых «море било» на пути следования от Пенжины до Тауя. Сам Стадухин писал в отписке 1658 г.: «И я, Михалко, с товарищи поделал кочи и пошел морем на Изигу реку, и тут меня уносило в море трои сутки, а другое судно розбило не дошед Изиги реки» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 120]. Из того же документа известна дата основания стадухинцами острожка в устье реки Гижиги («Изиги») — «сентября в 20 день в десятом году» [Там же], то есть 20 сентября 1651 (1651) г.

Под названием «гиляки» (в других источниках «гилянцы») здесь на самом деле имеются в виду оседлые коряки Пенжинской губы и устья Гижиги — они же «хэйэки», упоминаемые в эвенских исторических преданиях, хотя последнее название оседлых коряков Приохотья, бытующее у эвенов, едва ли было знакомо стадухинцам. Это не единственный случай, когда этнонимы *гиляки* и *коряки* применяются не к тем народам, за которыми они закрепились позднее. Вообще следовало ожидать, что название аборигенного населения Северного Приохотья «коряки» как раз и было привезено Стадухиным и его отрядом с Чукотки, поскольку форма с согласным *p* не могла быть заимствована непосредственно из языка охотских коряков — она могла быть заимствована только из чукотского языка. Кроме того, надо вспомнить, что Стадухин — и только он — приводил иное, более нигде не повторяющееся название реки Тауй, а именно Дирядна (в других изданиях Дирыга и т. п.): «как мы пришли на Дирядну реку, с сую сторону называют Тавуем, а на ту реку пришли 161 году сентября в 10 день, а на той реке острожек поставлен» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 121]. Если верно наше предположение, что это название синонимично по значению названию Тауй и происходит от корякского *йилагыйн'ын* 'проход, проезд', то название коряков, живущих на реке с таким именем, выглядело бы как *йилагыйн'ылг'о*, *йилалг'о*, *йилэлг'о*, а в местном диалекте корякского языка — *дилалг'о*, *дилэлг'о*. Эти формы весьма сходны по звучанию с названием «гиляки», и, вероятно, именно это сходство и послужило причиной образовавшейся путаницы с этнонимами *коряки* и *гиляки* в документах. То, что на карте 1684 г. «земля гилянска» простирается до реки Анадырь [Полевой, 1964. С. 239], — разу-

меется, не картографический источник подобных представлений, а зафиксированный на бумаге результат смещения этнонимов; кроме того, рассматриваемые источники примерно на 10 лет старше, чем названная карта.

В принципе то, что Святой Нос — это именно полуостров Тайгонос, довольно наглядно явствует из карты Н. Витсена 1700 г. На этой карте очертания полуострова, имеющего надпись *heylige hoek* — ‘Святой Нос’, очень сходны с очертаниями Тайгоноса на современных картах. К востоку от полуострова с надписью *heylige hoek* на эту карту нанесена река, в которой легко угадывается река Пенжина. Восточнее ее на карте Витсена изображен еще один полуостров — это определенно Камчатка, а еще дальше к северо-востоку обозначена река *Andira* — Анадырь. Если же вслед за Б. П. Полевым считать, что полуостров, названный *heylige hoek*, — это Камчатка [Полевой, 1964. С. 262], то получится, что вопрос с месторасположением реки Анадырь на этой карте запутывается окончательно.

Есть еще одно соображение, позволяющее считать, что загадочный Утаень, который «кочи разбивает», — это также часть полуострова Тайгонос, причем либо его восточная сторона, где далеко в море выдается современный полуостров Елистратова с лежащими около него островками, либо непосредственно южная оконечность полуострова. Сам Михаил Стадухин и мореходы из его отряда, несомненно, имели большой опыт плавания в арктических морях, но в этих морях высота приливов незначительна и приливные течения не представляют большой опасности для судов. На Охотском море приливы очень высоки, причем как раз в том месте, где стадухинцы начали свое плавание, — в Пенжинской губе высота приливов достигает тринадцати метров. Становится понятным, что для отряда Стадухина представляли на Охотском море опасность не столько штормы, сколько незнакомые мореходам явления — сильные приливно-отливные течения, потребовавшие от них приобретения дополнительных навыков судовождения. То, что название полуострова оказалось зафиксированным дважды — в одном случае в переводе с корякского языка как Святой Нос, а в другом случае как заимствованное местное название Утаень, может найти объяснение в том, что первое название, возможно, было дано людьми с коча самого Стадухина, пришедшими к устью Гижиги на своем судне, — при этом кто-то из понимавших чукотский язык, а возможно и сам Стадухин, смог понять название *Тайн’ынот* и перевести его на русский язык, а второе название было записано от мореходов с разбитого коча, которые, очевидно, добирались к устью Гижиги по суше. Пожалуй, только так можно объяснить, что один и тот же географический объект стал известен под двумя названиями, из которых одно

представляет запись местного наименования, а второе — перевод его на русский язык.

Правда, в этом предположении есть одно уязвимое место — названия, соотносимые с чукотско-корякским словом *тайн'ыно́т* 'запретная земля', встречаются еще в нескольких местах на севере Охотского побережья.

Как раз напротив полуострова Тайгонос вблизи Камчатки, как указывал Я. И. Линденау, в 15 верстах от берега находится остров, который назывался «Тайгучин, по-русски — Грешный остров» [Линденау, 1983. С. 174]. Не исключено, что Стадухин с товарищами потерпели первое кораблекрушение на этом острове. К юго-востоку от поселка Эвенск в Наяханской губе расположены мыс и остров с названиями Тайночин [Топонимический словарь... 1989. С. 350]. Документы конца 60-х гг. XVII в. говорят о поисках жемчуга в районе реки Чендона (Гижиги) «у Тайна камени» [Там же. С. 350]. Б. П. Полевой указал, что еще один «Святой Нос» находился около устья реки Мотыхлей [Полевой, 1964. С. 255].

Разбираемый текст Н. Г. Спафария дает в наше распоряжение еще одно подтверждение того, что в «Сказании...» Северное Приохотьё описывается со слов Стадухина или его спутников. В нем говорится: «К Амурскому устью ездить кочами нельзя...», но при этом по странной причине не указывается, откуда именно невозможно плавать на кочах к устью Амура и что именно находится за «Святым Носом». Такое построение описания указывает, что оно сделано со слов тех, кто все-таки пришел из-за «Святого Носа», идя «к Амурскому устью», но попал туда не по морскому пути к северу от Амурского лимана. Такое уникальное стечение обстоятельств однозначно указывает на маршрут похода стадухинцев 1651—1656 гг., которые приплыли с востока морем, но попали на берег Пенжинской губы со стороны суши.

Наконец, есть еще одно весомое доказательство того, что при описании мест к северу от Амурского лимана в «Сказании о великой реке Амуре» были использованы документы, составленные именно арктическими мореплавателями. Это наименование «кочи» среди упоминаемых судов, плававших по Амуру и по Охотскому морю. При описании самой реки Амур используемые на ней плавсредства именуется «бусы» (слово, крайне редкое для документов северо-востока Азии), «суды» и «досчаники» [Колумбы земли Русской, 1989. С. 86, 87], а «голанцы и иных земель немцы тем морем *на кораблях* ходили» [Там же. С. 90]. По правую сторону от Амурского устья (к югу) «в губах растет великой камыш, и в *лодках* ездить тем камышом нельзя для того, что тот камыш великой, густой и толстой» [Там же. С. 89]. По Амуру казаки плавали «в стругах», «в ленских стругах» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 88, 94], поярко́вцы плыли к Улье «в судах» [Там же.

С. 89], другие походы совершались «в дощаниках» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 93], «в барке» [Там же. С. 103] — но ни по южной части Охотского моря, ни тем более по Амуру никогда не плавали на кочах. Кочи упоминаются только при плавании по Улье, где спутники Андрея Булыгина «морского ходу кочи сделали» [Там же. С. 80], и в цитированной выше отписке Михаила Стадухина 1658 г. Б. П. Полевой, обсуждая вопрос о возможной дате выхода отряда Ивана Москвитина на Тихий океан, также обращает внимание на названия плавсредств и перечисляет их — это «струи», «бударки» (по мнению Б. П. Полевого, байдарки) и «лоды», а также «дощаники»; в этой же статье упоминается о постройке двух кочей «по осми сажен», то есть около 17 метров в длину [Полевой, 1979а. С. 93—94]. Однако ясно, что не эти кочи мог разбить коварный «Утаень» — значит, в «Сказании о великой реке Амуре» дается намек на какие-то другие события — вероятнее всего, на перипетии плавания Стадухина в северной части Охотского моря.

Итак, перечень рек из северной части Охотского побережья, куда непонятным образом оказалась включена Камчатка¹¹, похоже, восходит к каким-то рассказам или документам, сообщающим неизвестные подробности о походе Михаила Стадухина с низовьев Пенжины по северной части Охотского моря и местностям, прилегающим к морскому побережью. Сведения об этом же походе, причем в заметно большем объеме, вошли в «Сказание о великой реке Амуре», хотя и были при этом смешаны с описаниями низовьев Амура и тех местностей, которые находятся в непосредственной близости от Амурского лимана. Однако в этом источнике мы встречаемся со свидетельствами, которые могли принадлежать только арктическим мореходам, причем тем из них, кто мог плавать по самой северной части Охотского моря — по местам, оставшимся малоизвестными и много позже прибытия Стадухина в Охотск. Это значит, что есть основания считать именно Стадухина и его спутников авторами всех известий о Северном Приохотье, отразившихся в источниках 70-х гг. XVII в. и документах, которые восходят к названным источникам.

---

¹¹ Указание на «столп каменной», содержащееся в «Списке с чертежа...», может и не быть доказательством того, что Стадухин со своим отрядом побывал в устье реки Камчатки, как это предполагают некоторые авторы. Такой же «столп» в море хорошо виден от устья реки Чайбухи, впадающей в Охотское море к западу от полуострова Тайгонос. Эти места находятся как раз по маршруту похода Стадухина из Пенжинской губы к устью реки Гижиги, где отряд Стадухина провел зиму 1651/52 гг. Нельзя исключать того, что название Камчатка в каких-то источниках заменило какое-то менее известное географическое название на побережье Охотского моря — например, название Чайбуха, не встречающееся в документах даже в XVIII в.

Из отписки Михаила Стадухина, составленной в Охотске 1 марта 1658 г., которую спутники Стадухина должны были доставить в Якутск вместе с собранным ясаком, мы знаем, что Стадухин составил «чертеж» тех мест, где он побывал: «и книги и чертеж земли и рекам с ними же посланы» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 122]. Однако ни описание этих земель и рек, ни «чертеж» до нас не дошли, и все предположения об использовании стадухинского «чертежа» в картографии последней трети XVII в. пока остаются недостаточно достоверными. М. И. Белов полагал, что чертеж М. Стадухина был использован при подготовке карты П. Миллера, составленной в 1720—1721 гг. (другая датировка этой карты — 1726 г.) [Белов, 1975. С. 11, 14—15]. Однако топонимические материалы этой карты не соответствуют тем названиям, которые встречаются в источниках, связываемых с документами Стадухина. Что касается изображения Новой Земли в виде огромного острова, достигающего до «Анадырского моря», то такие представления не обязательно должны основываться на отписках Стадухина — в конце концов он и сам, говоря о том, что остров поблизости от устья Колымы — это «Камень в мори пояс, что называют Новою землею», воспроизводит чье-то мнение, существовавшее и до него. Возможно, что сопоставление состава топонимов из документов участников похода Михаила Стадухина и предполагаемых стадухинских известий в других источниках с топонимами отдельных чертежей Сибири 60—80-х гг. XVII в. позволит в какой-то мере установить те географические объекты, которые были нанесены на чертеже М. Стадухина, не дошедшем до нас.

Есть и еще одно основание полагать, что если Н. Г. Спафарий имел в руках чьи-то документы, рассказывающие о плаваниях в арктических морях и о плаваниях по северной части Охотского моря, то это могли быть только документы Михаила Стадухина. В другом сочинении Спафария имеется следующий пассаж, который относится совсем к другим местам и другим событиям: «А из устья Енисейского многожды хотели на кочах ехать к Лене реке, и не могли, оттого что льды великие ходят по морю и разбивают кочи» [Спафарий, 1960. С. 71] — однако и этот текст должен был иметь какие-то документальные источники, относящиеся к арктическим плаваниям.

Еще одно указание на источник сведений, вошедших в «Сказание о великой реке Амуре», заключено в том, кого именно из казаков море три года не пускало на восток от Колымы. Из целого ряда согласующихся друг с другом документов нам известно, что и до плавания Дежнева, и после отплытия кочей Дежнева из Нижнеколымска льды мешали плыть к востоку от Колымы только Михаилу Стадухину и никому другому.

Кроме того, у нас есть веские основания предположить, что в отряде Стадухина кто-то из его спутников — а возможно даже, и он сам — довольно хорошо знал чукотский язык и понимал диалекты корякского языка. Вследствие этого оказались весьма точно записанными названия ряда географических объектов, которые имели параллельное употребление (возможно даже, что те, кто их записывал, понимали и значение этих названий), и, видимо, это обстоятельство способствовало вхождению в употребление этнонима *коряки* применительно к коренным жителям Северного Приохотья — сначала, в соответствии с исходным значением, — к безолненным, оседлым, а затем и к кочевникам-оленеводам.

7.3. Идентификация топонимов северной части Охотского побережья по маршруту Михаила Стадухина от Тайгоноса до Тауйска и проблема установления языковой принадлежности дотунгусского населения Северного Приохотья

Географические названия северной и западной частей побережья Охотского моря примерно от полуострова Тайгонос до района Шантарских островов составляют особый топонимический ареал в охотоморском бассейне. Объяснение их происхождения вызывает значительные трудности. В отличие от восточного побережья Охотского моря и полуострова Тайгонос, где представлены корякские названия и корякская гидронимика легко опознается по топонимическому форманту *-в'эем/-в'аям* 'река', и юго-западной периферии интересующего нас ареала, где опознаются названия эвенкийского и эвенского происхождения, топонимы северо-запада Охотского побережья в основной массе не имеют каких-либо ярких признаков, указывающих на их происхождение. Из историко-этнографических источников и по данным археологических исследований нам известно, что древнее дотунгусское население этого региона составляли коряки. Однако географические названия данной территории, многие из которых известны нам с 40-х гг. XVII в., не соответствуют известным моделям чукотско-корякской топонимики. Причина этого, как явствует из наблюдений над собранным в достаточном объеме материалом, заключается в исторической специфике открытия и освоения данного региона. Началом всех географических открытий и хозяйственного освоения этих мест было детальное обследование морского побережья. Географические объекты, расположенные вблизи побережья, реки, впадающие в Охотское море, превращались в постоянные пути сообщения, в результате чего большинство рек получили наименование по характеру использования

данного объекта местности или по каким-то смежным географическим объектам. Можно проследить, что в ряде случаев в названиях рек корякский гидронимический формант *-в'эем/-в'аям* оказывается утраченным или стертым при иноязычной адаптации и последующей письменной фиксации географического названия.

Пожалуй, еще более трудной задачей, нежели исследование ныне существующих наименований, является изучение и локализация на местности названий, известных нам по источникам XVII—XVIII вв., но не сохранившихся до наших дней. Эти названия с объяснениями частично огажены в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР» [1989]. В данной главе книги содержатся некоторые дополнения к объяснению языковых источников и происхождения отдельных географических названий, преимущественно названий рек бассейна Охотского моря и прилегающей территории.

Для удобства изложения весь материал представлен в алфавитном порядке.

Авекова — река, впадающая в Гижигинскую губу. Название считается происходящим от корякского *ав'ъек* 'сарана' [Топонимический словарь... 1989. С. 53], но по-корякски эта река имеет иное наименование — Ыллатан'. Видимо, современное название Авекова она получила по имени человека, жившего в данной местности. Из документов XVIII в. нам известно, что коряк по имени Эвек был одним из участников восстания коряков против сбора ясака в 1752—1753 гг., случившегося как раз в этих местах [Колониальная политика царизма... 1936. С. 127].

Амахтон — основа названия мыса и Амахтонского залива в Тауйской губе. В. В. Леонтьев лишь критически оценивает мнение И. С. Вдовина об эскимосском происхождении названия и предполагает смешанное эвено-корякское его происхождение [Топонимический словарь... 1989. С. 64]. Возможно, в этом названии содержатся два корневых элемента — *ом-* — чукотское *омом*, коряк. *омг'ом* 'тепло' и *агта-*, ср. чукотское: *агта-к* 'заслонять, ограждать' (в корякском языке этот глагол не отмечен). Впрочем, возможно, что это корякское *ан'к'а-нто-н*, *ан'к'а-нто-гыйн'ын* 'выход к морю'. По этнографическим источникам, в XVII—XVIII вв. поблизости жил тунгусский род Мыктыгир [Линденау, 1983. С. 159] или Омоктогир [Степанов Н. Н., 1959. С. 190, 240, 242—243]. Это сообщение весьма важно, так как перед нами свидетельство проникновения эвенков на крайний северо-восток Азии далеко от территории их нынешнего проживания: суффикс родовых названий *-гир* встречается только у эвенков и неизвестен у эвенов. Родовое название, очевидно, происходит от названия местности, если только за ним не скрывается корякское *э-мугу-кы-лг'ын* 'не кочующий, оседлый'. Загадочный этноним *анатараки*, *онатырки* может читаться

как *э-музу-тыле-кы-лг'у* 'не кочующие', и тогда он имеет то самое значение 'сидячие', какое дается документами как пояснение к нему. К какой этнической группе в этом случае относится такое пояснение — непонятно, хотя русские могли услышать его от тунгусов — эвенков или эвенов¹².

Армань — река, впадающая в Тауйскую губу, и поселок в Ольском районе. В начале XX в. в Армани насчитывалось 15 дворов и население поселка составляло 110 человек, обобщенно определенных как «тунгусы» [Сафронов, 1986. С. 139].

В. В. Леонтьев дает обзор высказанных мнений относительно эвенского происхождения названия [Топонимический словарь... 1989. С. 74; Справочник по истории... 1985. С. 19], однако эвенское слово *анманра* значит не 'ключ, родник', а 'наледь, долина', и по внешнему виду оно далеко от данного названия. К. А. Новикова указывает, что в эвенских преданиях эта река называется Ха:нмал, и связывает название с эвенским *ха:н* 'часть' [Новикова, 1980. С. 131, 143]. У С. П. Крашенинникова название этой реки приведено в форме Алмана [Крашенинников, 1994. Т. 1. С. 87].

Скорее всего, название реки Армань происходит от корякского слова *галмыгыйн'ын* 'излучина, поворот реки, извилина', *галмын* 'криво'. Эта река в своих верховьях — в районе ее пересечения с Тенькинской трассой — делает крутой поворот с северо-запада на юг. Нелепа версия В. А. Кейметинова, выводящего название Армань из эвенского Орман 'пожирающая оленей' [Кейметинов, 1996. С. 72].

Атарган — поселок на северо-западной оконечности «кошки» (косы) Этыргэн; версия о связи названия с эвенским словом *этэргэн* 'муравей' [Топонимический словарь... 1989. С. 76] сомнительна, а эвенское слово *этэргэн* при этом не имеет параллелей в других тунгусо-маньчжурских языках. Похоже, что это название связано с чукотским словом *гытгыргын* 'узкое место у какого-либо предмета или на местности'. Такое название могла получить коса — «кошка», где находилось поселение, хотя есть трудности в определении корякской формы, которая могла стать источником этого названия.

Вархалам — река, впадающая в Гижигинскую губу, губа, мыс, поселок (ныне не существующий). Предполагаемое чукотское происхождение названия для данной территории [Топонимический словарь... 1989. С. 98] почти невероятно, скорее всего, исходная форма сильно искажена при адаптации. В связи с этим можно строить лишь

¹² Впрочем, гидроним *Онотора* отмечен как название одного из левых притоков Алдана [Семенов-Тянь-Шанский, 1863. Т. 1. С. 53], возможно, он и лежит в основе тунгусских этнонимов. Весьма соблазнительно сравнивать его с уже известным гидронимом Энмаатгыр.

более или менее правдоподобные предположения, что в основе названия лежат корякские слова *выг'айылвын* 'луг', *выльк'ывыл* 'уголь' и т. п.

Вилига — река, впадающая в Гижигинскую губу, в 1930-е гг. — наименование сельсовета. Объяснение названия, по сути, отсутствует [Топонимический словарь... 1989. С. 103]. Скорее всего, это название восходит к корякскому слову *вэлыгыйн'ын* 'торг, торговля', ср. чукот. *вилив*, *вэлыткогыргын* 'торг', коряк. *вилвил* 'цена, плата', *вилэтык* 'уплатить', *вилыткук* 'торговать', *вэлы-тко-гыйн'ын* 'торговля'. Возможно, эта река получила название по месту проведения традиционных ярмарок.

Гарманда — река, впадающая в Наяханскую губу. Хотя это название традиционно производится от эвенского слова *кэрбэ* 'дикий олень' [Там же. С. 117], есть подозрение, что это название, во-первых, не является эвенским, и во-вторых, что оно тождественно по происхождению с названием Армань и, видимо, происходит от корякского слова *галмыгыйн'ын* 'излучина, поворот реки, извилина'. Действительно, в характере русла этих рек есть общая черта — наличие излучины в верховьях: в истоке Большая Гарманда поворачивает резко к востоку, а Армань, также в верховьях — к западу, после чего обе реки текут почти прямо по направлению к морскому побережью.

Герба — река, приток Буюнды в среднем течении, гора, поселок. Версии об эвенском происхождении названия связывают его с названием рода Гэрбэнкэн (Охотский район) или арманским словом *гэрбэ* 'место, заросшее молодыми прямостоящими лиственницами' [Там же. С. 119]. Кажется, от внимания топонимистов ускользнуло, что названия Гербы, Гэрба, Кербы встречаются к югу — на территории Хабаровского края и Южной Якутии: Гырбы — правый приток Охоты, Горби — в бассейне Юдомы, Горбылаах — в бассейне Алдана недалеко от Нерюнгри, Гербикан — в бассейне Селемджи, Керби — в бассейне Амгуни. С. П. Крашенинников упоминает еще три речки с аналогичными названиями: Горбей — протока в устье Тауя, Гербу — речка в 15 верстах к северу от устья Кухтуя и Горбукан — в 4 днях пути к югу от устья Ульи, а также речку Горбея в бассейне Юдомы [Крашенинников, 1994. Т. 1. С. 87, 89, 94; С. П. Крашенинников в Сибири, 1966. С. 214].

Эти названия очень сходны с широко распространенным чукотским гидронимом И'рэвээм (см.: Гиравеем, Ирэвээм, Ичевеем, Эрвеем, Эрвээм, а также название реки Яровая в бассейне Большого Анюя). Видимо, сюда же относятся камчатские топонимы Эссо и Эссоеем — только в этом случае будет приемлемым известный перевод названия Эссо как 'Быстрый' [Топонимический словарь... 1989. С. 437]. Рассмотренные названия имеют два объяснения: от чукот. *и'рэ-к* 'быстро

бежать' и от чукот. *и'ры-к* 'переходить, переезжать через реку', коряк. *г'ийы-к* 'переходить реку вброд', чукот. *э'рьян, э'рын* 'место переправы, брод', коряк. *г'эйгыи'ын* 'брод', *г'эйыны* 'место переправы через реку'. Напрашивается не только отождествление всех рассмотренных названий с широко распространенным чукотско-корякским названием реки, но и объяснение былой распространенности данного названия: так могли называться реки, на которых находились места переправ оленьих стад — места традиционной охоты. Иное допущение не укладывается в связь с устойчивостью названия в качестве гидронима, распространенного в таежной зоне, где не было дефицита в материале для опорных конструкций жилища кочевников. Если это предположение верно, то чукотско-корякский субстрат в топонимике явственно прослеживается далеко к юго-западу от территории современного расселения чукчей и коряков. То, что в окончании *-ба* подобных названий опознается чукотско-корякское слово *в'эем* 'река' [Белов, 1955. С. 54], весьма перспективно. Название эвенского рода Гэрбэнкэн дано по местности, очевидно — по какой-то реке с подобным названием, как и большинство других родовых названий эвенов.

Для истории сибирской топонимики любопытным фактом является то, что об одной из рек с таким названием Г. А. Сарычев писал, будто бы река, имя которой записано им в виде Горбова, названа «по имени человека, шедшего некогда с тягостями на лодках и за мелководием в ней зимовавшего» [Сарычев, 1952. С. 98]. Это одна из очень ранних топонимических легенд чисто русского происхождения на северо-востоке Азии.

Детрин — речка, впадающая в Колыму и поселок в Тенькинском районе. Истолкование названия из эвенского языка [Топонимический словарь... 1989. С. 131] основано на случайном подборе языкового материала. Скорее всего, это название происходит от корякского слова *ечг'ын* 'ложбина, долина', которое в диалектах коряков Охотского побережья могло произноситься как *дечг'ын*.

Каленчуга — река, впадающая в Охотское море к северу от полуострова Кони. В «Топонимическом словаре» этого названия нет. Видимо, оно происходит от корякского слова *к'алн'ы(нто)гыйн'ын* 'промежность', 'раздвоение древесного ствола', 'приток реки', ср. корякское *к'алн'ыгыйн'ын* и чукотское *калентогыргын* с теми же значениями.

Кони — полуостров. В. В. Леонтьев правильно предположил корякское происхождение названия [Топонимический словарь... 1989. С. 200—201]. Полагаем, что оно гомогенно с названием урочища Аккани на Чукотке — Ы'ккэни, от чукотского слова *ык'ык* 'стужа' [Топонимический словарь... 1989. С. 59].

Ланковая — левые притоки рек Ола и Яна, **Ланкучан** — левый приток реки Танон. Предположение о связи названий с русским названием рыбы *ленок* [Топонимический словарь... 1989. С. 229; Справочник по истории... 1985. С. 246] маловероятно. Более вероятно, что данные названия соотносятся с корякскими словами *лын'кын* 'сугроб', *лын'кычкын* 'нанос снега', 'свешивающийся над скалой'. Тогда *Лын'кывеем* — это 'река со снежными сугробами по берегам', видимо, на берегах рек с этими названиями долго не тает снег. Название Лын'кывээм в русской адаптации приобрело вид Ланковая и стало ассоциироваться с названием рыбы.

Матуга — река, впадающая в Гижигинскую губу, один из группы островов к востоку от Эвенска, **Матыкиль** — остров в заливе Шелихова напротив полуострова Пьягина, **Мотыклей** — река, впадающая в Мотыклейский залив, поселок. Мотыклейское зимовье, располагавшееся в этих местах, было основано в 1648 г. [Сафронов, 1986. С. 51], и, как отмечается, основатели этого зимовья, среди которых был и Алексей Филиппов, жили в нем три года [Магидович И. П., Магидович В. И., 1983. Т. II. С. 288]. Все версии об эвенском происхождении этих названий [Топонимический словарь... 1989. С. 251, 259] недоказуемы, эвенское слово звучит как *мә:нтэ:лсэ* 'ранняя осень'. В «Справочнике по истории географических названий на побережье СССР» происхождение названия Мотыклей считается невыясненным [Справочник по истории... 1985. С. 219].

Название местности Мотыклей, скорее всего, связано с каким-то островом в Мотыклейском заливе: окончание *-лей* в последнем названии явно отождествляется с корякским словом *илий* 'остров' (чукот. *илир*). Название Мотыклей, скорее всего, расшифровывается из корякского языка как *Ыматы-кэ-элей* — 'Остров, не заливаемый приливом', ср. чукот. *ыматык* 'затопить (о воде), вздуться (о реке)', коряк. *ыматык* и *имлэтык* 'подъем воды во время паводка', *ымытгыйн'ын*, *эмлатгыйн'ын* 'разлив, половодье, прилив'. Подтверждением данного объяснения служит то, что у С. П. Крашенинникова это название записано в двух вариантах — «Амтиклей» или «Матиклей» [Крашенинников, 1994. Т. 1. С. 88], при этом первый из приведенных здесь вариантов не вписывается ни в какое иное этимологическое решение, кроме предлагаемого нами (кстати, на него почему-то никто не обращал внимания). Значение названия — «Остров, не заливаемый приливом» — весьма важное понятие для морских охотников и рыбаков Охотского побережья, где высота приливов очень велика.

Наяхан — река, впадающая в Гижигинскую губу; поселок, в 30-е гг. XX в. бывший административным центром Северо-Эвенского района. У С. П. Крашенинникова это название записано в виде Наеху или Наяхала [Крашенинников, 1949. С. 152, примеч. 2]. Объяснение

этого названия из эвенского языка [Топонимический словарь... 1989. С. 270]¹³ очень маловероятно.

Возможно и весьма правдоподобно связывать название Наяхан с корякским словом *йын'йыльк'ын* (мн. ч. *йын'йыльк'у*), 'склон, косогор, яр'. Вариант *Наяхала*, возможно, соотносится с формой единичности *йын'йылькылг'ын*. В самом деле, заметным издали ориентиром в этом месте побережья Охотского моря служит высокий берег.

Также возможно, хотя и менее вероятно, что данное название происходит от корякского *ны-йн'а-к'ин* 'туманный', *йын'айын* 'туман'. Нельзя исключать и того, что оно могло образоваться от корякского *аноялгытын* 'место весенней кочевки', коряк. *аног'ан* 'весна' + *ялгытык* 'кочевать', чукот. *ялгытыргын* 'кочевка' (в корякском языке соответствующее производное словарями не дано).

Нелькоба, Нилькоба — река, правый приток реки Тенке. Высказана версия о якутском происхождении этого названия, но его значение не установлено [Топонимический словарь... 1989. С. 273, 276]. Весьма вероятно, что сходство этого и некоторых других названий Приколымья с якутскими топонимами объясняется тем, что они действительно были записаны от живших в этой местности якутов — проводников геологических партий.

Можно думать, что это название связано с названием реки в Ягоднинском районе, впадающей в Таскан (приток Колымы), — Мылга (в «Топонимическом словаре» это название пропущено). Возможно, в основе этих названий лежит чукот. *мылгы-мыл* 'дерн', Мылгывеем 'Дерновая', в корякском языке это слово не сохранилось, корякское слово *нутэтг'ул* 'дерн', букв.: 'кусочек земли' — новообразование. Менее вероятна связь названия Нилькоба с корякским словом *н'ыльн'ыл* 'дым' — эту связь трудно обосновать.

Нявленга — название реки в верховьях реки Тахтоямы. Объяснения название не имеет. Можно думать, что это название имеет общее происхождение с корякским названием реки Ивылынылхываям (коряк. *ив'ылынылк'ыв'аям*) 'Длинная рыбная река' [Там же. С. 146].

Ойра — бывший поселок на берегу Амахтонского залива. В объяснениях говорится, что название Ойра по-эвенски означает 'Скалистый берег над морем', 'река с высоким скалистым берегом' [Там же. С. 286]. В словарях такого слова нет, а эвены-информаторы вполне могли дать внешнее описание местности с данным названием вместо значения самого названия. Мы предполагаем, что в основе этого названия лежит эвенское слово *хуйэ:ри*, которое значит 'ответвление, рукав реки', для языка арманских эвенов ожидалась бы форма *уйэри*.

¹³ Современная эвенская форма названия Наяхана — Наякари — не поддается объяснению (оно похоже на русское «на якоре»).

Вполне возможно, что это слово послужило также основой для названия Ейриной залива (в «Топонимическом словаре» это название отсутствует), хотя формант *н'эй-* явственно корякский, правда, в чукотском и корякском языках с его помощью образуются названия гор.

Ола — река, впадающая в Тауйскую губу, поселок, центр Ольского района, одно из старых поселений на севере Охотского побережья. В начале XX в. на Оле было 25 дворов и там жили 220 коряков и камчадалов, 64 якута и 16 русских [Сафронов, 1986. С. 139]. В. В. Леонтьев склонялся в пользу чукотско-корякского происхождения названия Ола [Топонимический словарь... 1989. С. 288], тем более что оно известно из очень ранних документов, хотя есть два объяснения его из эвенского языка — от слова *кола* 'ковш' и от слова *олра* 'рыба' [Резиновский, 1984. С. 4].

Обе версии происхождения названия Ола весьма популярны, особенно среди местных эвенов, но до крайности сомнительны. Слово *кола* 'ковш', известное только восточным эвенским говорам, похоже на заимствование чукотского глагола *к'йилгэ* 'пей'; по-эвенски слово «рыба» звучит как *олра*, на языке арманских эвенов — как *олти*, произношение этого слова как *олла* характерно для верхнеколымских эвенов в окрестностях пос. Зырянка и для части охотских эвенов из пос. Арка. Мы думаем, что это название происходит от чукотского слова *улэвэ* 'привал, остановка, отдых', *улэвык* 'остановиться', *олвытвальын* 'неподвижный, оседлый', по-корякски *улвавык* 'устраиваться' (корякское *аялгытколг'ын* 'оседлый' букв.: 'не кочующий' — явный неологизм). От однокоренной чукотской формы *олвытвальыт* 'оседлые', вероятно, происходит название коряков-алюторцев.

Пенжина — река, впадающая в Охотское море к востоку от полуострова Тайгонос. Версия «Топонимического словаря» о происхождении этого названия от чукотско-корякской основы крайне неудачна [Топонимический словарь... 1989. С. 304]¹⁴. Связь этого гидронима с юкагирским словом *пиэ* 'камень' хотя и соблазнительна в плане связи гидронима с апеллятивом, но, скорее всего, иллюзорна. Есть возможность вывести это название из юкагирского слова *пиэд'э* 'лось' [Крейнович, 1958. С. 283]; тогда *пиэд'э-н-онун* — 'лосиная река'. Такого же происхождения, очевидно, загадочное название реки Пеженка в Билибинском районе — левого притока реки Большой Анной, языковая принадлежность которого считалась не установленной [Топонимический словарь... 1989. С. 303]. Другая возможность для этимологиза-

¹⁴ В других трудах по топонимике название Пенжина не объясняется и считается искаженным местным названием ([Справочник по истории... 1985. С. 261], со ссылкой на В. П. Кускова). Мнение словаря В. В. Леонтьева и К. А. Новиковой повторено А. В. Мельниковым [Мельников, 2009].

ции этих названий — сравнение их с юкагирским словом *пиэдийэ* ‘пожар’ [Николаева, Шалугин, 2002. С. 60]. Б. П. Полевой, ссылаясь на Б. О. Долгих, полагает, что это название происходит от личного имени проводника-вожа [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 83]. Это похоже на народную легенду, кроме того, мы не имеем уверенности, что это именно личное имя, а не юкагирский микроэтноним *пиэ-нди* ‘каменный житель’ (см.: 1.3).

Сиглан — река, впадающая в залив Одян, бухта, ныне не существующий поселок в Ольском районе. Очень важно, что источники XVIII в. приводят два названия этих мест — эвенское и корякское. У Крашенинникова говорится: «Асиглан, а по коряцки Уегина-ваем» [Топонимический словарь... 1989. С. 337; Крашенинников, 1994. Т. 1. С. 86], у Линденау — «Уягина-Войем, по-русски — Асиглан» [Линденау, 1983. С. 170]. К. А. Новикова в одном из записанных ею текстов исторического предания эвенов Охотского побережья приводит эвенскую форму Асаннган [Новикова, 1980. С. 133, 142, 143], но известно, что в 1930-е гг. название поселка Сиглан приводилось в эвенской речи без искажений. В. В. Леонтьев в своем «Топонимическом словаре» эвенское название Сиглан не рассматривает вовсе, обсуждая лишь корякские формы. Между тем современное название Сиглан происходит от эвенского слова *хигла:н* ‘прорубь, лунка во льду’; в арманском диалекте это слово не зафиксировано, но там оно должно было иметь вид *сигла:н* [Сравнительный словарь... Т. II. С. 78]¹⁵. Эвенское название местности Сиглан является, по сути, переводом (калькой) старого корякского названия.

Корякское название этой реки Уегина-Воем происходит от корякских слов *аёлгын* ‘польнья’, *ыёгыйн’ын* ‘прорубь’, ср. также чукотское *ыёгыргын* ‘польнья’. Форма Асиглан — вероятно, результат заимствования эвенского названия коряками или русскими, тогда форма Асаннган — это обратное заимствование эвенами от коряков их же собственного эвенского названия.

Сугой — река, правый приток Колымы. Эвенское название реки Буксунда ‘Ледяная’, название Сугой по внешнему сходству с топонимами Якутии считается якутским [Топонимический словарь... 1989. С. 346]. Однако возможно, что название этой реки происходит от корякского Чыгэйв’эем ‘Песчаная’, ‘Галечная’, где *чыгэй* ‘дресва, песок’. Появление якутских географических названий на столь большом удалении к востоку от мест расселения якутов, по сути, невозможно.

Таватум — река, впадающая в Гижигинскую губу, поселок, ныне не существующий; бывшие его обитатели живут в пос. Меренга. В

¹⁵ Правильное объяснение этого названия без ссылок на источники приведено в кн.: [Справочник по истории... 1985. С. 314].

«Топонимическом словаре» В. В. Леонтьева отмечено «Этимология не установлена» [Топонимический словарь... 1989. С. 349].

Старая форма названия Таватум, приведенная у Стадухина, — Таванка: «А с той реки в сю сторону (от Гижиги на запад, от Охотска на северо-восток. — А. Б.) есть Таванка река, а на той реке живут корятские люди, а другая река Емова, а на той реке живут такие же люди» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 121].

Б. П. Полевой писал: ««Во время плавания вдоль полуострова Тайганос (sic! — А. Б.) стадухинцы видели в устье реки Таватама значительное селение коряков...» [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 84]. Здесь какая-то ошибка: Таватум находится западнее Вархаламского мыса и западнее реки Няяхан, а не то что Тайгоноса.

О значении названия Таватум можно лишь строить предположения, опираясь на факты корякского языка — *т-авт-ын'-ын* 'место, куда ходят за скребками-авыт', или *тэ-в'ытэ-н'-в'аям* 'река, где охотятся на тарбаганов', или *тг'ы-выен'тон* 'выход источников' — ср. коряк. *выен'ток* 'выдыхать, дышать'.

Тауй — река, впадающая в Амахтонский залив; это же название имеет один из притоков реки Ульбея в Охотском районе. По названию реки Тауй получили название Тауйский острог и поселок Тауйск, ныне в 20 км от устья р. Тауй.

Б. П. Полевой обратил внимание, что название реки Тауй стало известно казакам отряда И. Москвитина еще до выхода на Тихоокеанское побережье, во время движения вверх по реке Мае [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 85—86].

В старых документах XVII в. встречаются написания Товуй, Тоуй, Тавуй, Тогуй, Тугуй. Объяснения название не имеет [Топонимический словарь... 1989. С. 356]. Основан Тауйск не позже 1731 г. [Сафронов, 1986. С. 51, 137], хотя Тауйское или Мотыхлейское зимовье было поставлено еще в 1648 г., а Стадухин со своим отрядом поселился на Тауе еще в 1652 г.

Трудно не заметить, что название Тауй может иметь общее происхождение с чукотским названием Тавайваам [Топонимический словарь... 1989. С. 348—349]. Чукотское слово *тагыргын* означает 'проход, проезд'.

Другое название реки Тауй, зафиксированное документами XVII в., это Дирыга, Дирымда, Дирыдна — «как мы пришли на Дирыдну реку, с сю сторону называют Тавуем, а на ту реку пришли 161 году сентября в 10 день, а на той реке острожек поставлен» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 121; Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 157—158; Русские мореходы... 1952. С. 263], и даже Дирылна [Степанов Н. Н., 1959. С. 220]. В таком виде название реки Тауй может соответствовать корякскому слову *йылагыйн'ын* с тем же значением

‘проход, проезд’, ср. корякское *йылэк* ‘вести’, *йылэйвык* ‘везти, возить’. Северо-западные диалекты корякского языка часто заменяют начальный согласный *й-* на согласный *дь, дж, дз*.

С. П. Крашенинников заметил, что река Тауй «по-ламутски Кутана амар называется» [Топонимический словарь... 1989. С. 356]. У Я. И. Линденау написано то же самое — «Кутана амар, по-русски р. Тауй» [Линденау, 1983. С. 168]. Слово *амар*, встречающееся только в арманском диалекте эвенского языка, имеет значение ‘река’. Название Кутана связывается с названием эвенского рода, о котором упоминает Я. И. Линденау [Там же. С. 168, 169]. Однако, во-первых, внешний вид этого названия не похож на родовые названия эвенов, во-вторых, такое название имели несколько поселков в Хабаровском крае, на востоке Якутии и даже в среднем течении Лены. Скорее всего, название Кутана восходит к чукотскому слову *к’ытан* ‘место, где собирается рыба’, ‘незамерзающий ручей’ — от слов со сходным значением происходят названия Сиглан и Уега, относящиеся к объектам этого же региона. Любопытно, что на пути от Юдомы до старого Охотского острога в 25 верстах от последнего С. П. Крашенинников упоминает речку Джюлокон [С. П. Крашенинников в Сибири, 1966. С. 201], что также вполне может читаться как *йылагыйн’ын* — если это не эвенкийское слово *дэлокон* ‘камешек’. Мнение о том, что название Тауй может быть связано с эвенским словом ‘кривой, кривая’ [Справочник по истории... 1985. С. 341], лишено каких-либо оснований и источник его неизвестен.

Интересно, что верховья реки Тауй имеют название Кава. Сравнение этого названия с эвенским словом *кэвэ* ‘челюсть’ [Топонимический словарь... 1989. С. 165] основано, скорее всего, на случайном сходстве. Данное название можно сравнить с эскимосским сиреникским *к’ави* ‘песок’, чаплинским *кавьак* ‘галька’ [Меновщиков, 1964. С. 212]¹⁶, название располагающейся по соседству реки Иня выводится из эвенского слова *инга* ‘галька, песок’, то есть имеет то же самое значение.

Уптар — река и поселок на 46-м километре Колымской трассы, также приток ручья Мальдяк в Сусуманском районе. Существующие предположения [Топонимический словарь... 1989. С. 385] основываются на неточных данных. Возможно, название связано с корякским глаголом *упты-к* ‘рубить дрова’.

Чайбуха — река, впадающая в Гижигинскую губу к западу от полуострова Тайгонос, Большая и Малая Чайбуха — названия поселков в

---

¹⁶ Сходство эскимосских слов с редким эвенкийским словом *кави* ‘галька, песок’ [Сравнительный словарь... Т. I. С. 357—358] может объясняться тем, что само эвенкийское слово, очевидно, имеет субстратное происхождение.

устье и в 7 км от устья данной реки. Связь данного названия с эвенским названием коряков-оленьеводов *чагчибал* [Топонимический словарь... 1989. С. 405—406; Справочник по истории... 1985. С. 43, 378] практически невероятна. Эвенское слово *чалбукаг* ‘березняк’ сходно с этим названием лишь внешне. Возможно, что эта местность получила наименование по характеру использования, и тогда есть основания связывать ее название с корякским *чайвыгыин’ын*, *тайлыгыин’ын* ‘движение’ (см.: Тауй). Среди коряков, живущих в одноименном поселке, бытует представление, что название Чайбуха означает ‘долина ветров’¹⁷. В корякском языке есть глагол *чык’гэйвыгэт-ык* ‘дуть холодному ветру’, тогда слово *чык’гайвыгатгыин’ын* может иметь значение ‘место, где дует холодный ветер’. Не исключено, что именно это слово и превратилось в конечном счете в современное название Чайбуха.

Яма — река, впадающая в залив Переволочный, Ямская губа. Удвоение корякского *в’эем* ‘река’, что предлагал В. В. Леонтьев [Топонимический словарь... 1989. С. 445], едва ли возможно, так как по законам гармонии гласных ожидалось бы *в’эйэм-в’эйэм* без перегласовки слова по второму, «сильному» ряду. Старые формы названия Яма имеют вид Яма-воем [Линденау, 1983. С. 173] и Емова [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 121]. Скорее всего, название реки Яма связано с корякским *енвын*, *ян’вын* ‘бухта’. Эвенское название этой реки Майманджа — либо заимствованное коряк. *в’эем* ‘река’ с эвенским увеличительным суффиксом, либо же оно соотносится с чукотским *ваамварэн* ‘протока’ (корякское слово *в’аямъян’йыг’атгыин’ын* ‘протока’ имеет несколько иную морфологическую структуру). Возможна связь эвенского названия этой реки и с имеющимся в чукотском языке словом *мынмын* ‘широкая речная заводь’. Слово-название устья реки часто впоследствии становилось названием реки (см.: названия Гижига, Яна). Нельзя исключать связь этого названия и с чукотским *рымавыт*, *чымавыт* ‘съедобные листья’, ‘конский щавель’. Поселок Ямск в устье реки Ямы основан в 1739 г. [Сафронов, 1986. С. 138].

Яна — река, впадающая в Амахтонский залив, Тауйская губа. У С. П. Крашенинникова приводятся два названия этой реки — Ена и Задавлена [Топонимический словарь... 1989. С. 445]. Другое раннее написание данного названия — Янга. Это название иногда объясняется так же, как пытаются истолковывать название одноименной реки, впадающей в Северный Ледовитый океан к востоку от устья Лены, то есть сравнивать его с тунгусским словом *йангдра* ‘большая река’ [Справочник по истории... 1985. С. 405]¹⁸, но в эвенском языке такого слова нет, как в нем вообще нет слов с начальным согласным й-.

¹⁷ Полевые материалы автора, 1987—1988 гг.

¹⁸ Статья о названии реки Яна, находящейся в Якутии, в данном справочнике отсутствует.

Корякское происхождение этого названия несомненно, По-корякски *вангыйн'ын* 'устье реки', еще ближе к этому названию корякское слово *енвын, ян'вын* 'бухта', но обратим внимание, что форма, соответствующая чукотскому *э'р'ьян* 'место переправы', в корякском языке должна была бы иметь вид *г'эййян* и могла иметь значение 'речное устье'. Приведенная С. П. Крашенинниковым форма Задавлена может читаться как корякское *яяельян'вын*, 'бухта со множеством жилищ' в диалектной форме *джаджаельян'вын*, от корякского *яян'а* 'жилище, яранга' (на диалекте тайгоносских коряков *дядян'а, джаджан'а*). Джеканье, характерное для северо-западных диалектов корякского языка, прослеживается в топонимике этого ареала неоднократно.

Судя по всему, с корякским словом *г'эййян* связаны другие слова, имеющие отношение к топонимике Охотского побережья и прилегающих районов. Название поселка Аян в Хабаровском крае связывается с эвенкийским словом *айан* 'старое русло реки', 'протока', 'залив' и якутским *айа:н* 'старое русло реки' ([Багдарыын Сютбэ, 1985. С. 104—105]; см. также: [Никонов, 1984. С. 64]), но эти слова сами могли быть заимствованы из корякского языка. К корякскому диалекту, имеющему согласный *дж* на месте согласного *й* — типа современного диалекта тайгоносских коряков и коряков Пенжинского района Камчатской области, восходит эвенское слово *одян* 'залив', не имеющее параллелей в родственных языках, и, очевидно, название тунгусского рода Эдян (у эвенков и некоторых других народов Приамурья), которое объясняется как 'живущие в низовьях', 'устье реки'. Не исключено, что название населенного пункта Жиганск на Лене, которое не без оснований сравнивают с тем же эвенкийским этнонимом в другом написании — Эдигээн 'житель низовьев реки' [Багдарыын Сютбэ, 1985. С. 61], связано с языком местного доэвенкийского населения — если оно восходит к древнему названию места, а не происходит от названия рода эвенков, пришедших на Лену с Охотского побережья.

7.4. Топонимика западного побережья Охотского моря от Тауйска до Охотска и от Охотска к югу

Географические названия в ареале к востоку от реки Алдан и на Охотском побережье в ближних и дальних окрестностях современного поселка Охотск представляют особый интерес для историков — с этим районом связаны маршруты первых походов землепроходцев «на Ламу» — на Тихий океан, а также походы вдоль побережья в северном и южном направлениях. Исследование местности в направлении от Охотска до Тауйска приходится на 40-е гг. XVII в. и большей частью связано с плаваниями и походами из Охотска к северу, в ходе которых

их участники едва ли достигали Тауйской губы. Этим маршрутом — от Тауйска до Охотска — завершил свой многолетний поход по Северному Приохотью Михаил Стадухин.

Исследование южных окрестностей Охотска в основном связано с заключительными этапами походов, начинавшихся с плаваний вниз по течению Амура. Рассмотрим самые ранние документы, в которых упоминаются знакомые нам названия географических объектов Охотского побережья. Эти документы сообщают нам и довольно точные даты походов, и даты открытия тех или иных объектов.

В приговоре Якутской ясачной избы о выдаче жалованья, датированном 3 августа 7149 (1641) г., говорится: «...в прошлом в 145 (7145 = 1637) году посылал его Ивашка (служивого человека Ивана Онисимова) с Алдану из Бутальского атаман Дмитрий Копылов на государеву службу с Ывашком Москвитиным на Ламу для прииску новых земель... и на Ламе они были без государева хлебного жалованья...» [Открытие русских землепроходцев... 1951. С. 119].

Интересен вопрос о дате, указанной в этом документе. 7145 г. от сотворения мира — это 1637 г., а не 1639 г., который считается годом основания первого ясачного зимовья на Охотском побережье. Вместе с тем цитируемый документ составлен в 1641 г. — и едва ли тут могла быть допущена путаница в датах: москвитинцы должны были хорошо помнить, сколько времени они провели «на Ламе» и за сколько лет им причитается жалованье. К сожалению, комментарии к этому документу отсутствуют, и создается впечатление, что указанная в нем дата так и не привлекла внимания историков. По мнению Н. Н. Степанова, 1639 г. — это дата основания Бутальского зимовья [Степанов Н. Н., 1959. С. 186], а дата 1637 г. — несомненная ошибка. Б. П. Полевой, рассмотрев и изучив некоторые новые материалы, указывает, что казаки отряда Ивана Москвитина вышли на побережье Охотского моря в августе-сентябре 1639 г. [Полевой, 1979а. С. 93—96].

Вот как описывает походы первооткрывателей Тихоокеанского побережья один из участников похода Ивана Москвитина, Нехорошко Иванов Колобов: «В прошлом де во 147 (7147=1638—1639 г.) с Алдана реки из Бутальского острожку посылал на государеву службу томской атаман Дмитрий Копылов томских служилых людей Ивашка Юрьева сына Москвитина да их, казаков, с ним 30 человек, на Большое море Океян, по тунгускому языку — на Ламу. А шли они Алданом до Майи реки вниз восмеры сутки. А Маею рекою шли вверх до волоку 7 недель, а из Майи реки малою речкою до прямого волоку в стружках шли 7 ден. А волоком шли день ходу и вышли на реку на Улью, на вершину. Да тою Ульем рекою шли вниз стругом, плыли восмеры сутки. И на той же Улье реки, зделав лодью, плыли до моря до устья той Ульи реки, где она пала в море, пятеры сутки... Да они ж

де ис того острожку ходили морем на Охоту реку трои сутки, а от Охоты до Ураку одне сутки...» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 68—69].

Территория, лежащая к северу от рек Ульи, Охоты и Кухтуя, осваивалась постепенно в течение довольно продолжительного времени — в конце 40—начале 50-х гг. XVII в. Андрей Булыгин в 1655 г. показывал: «В прошлом во 161 (7161=1653 г.) по государеву указу и по вашей наказной памяти послан я, Ондрюшка, з государевыми служилыми людьми на государеву дальнюю службу на Ламу на большое море-акиян, на Улью, и на Охоту, и на Нию, и на Мотыклей реки... Да в нынешнем же, во 163 году (1655) генваря в 10 день по государеву указу с Охоты реки из ясачного острожку ходил я, Ондрюшка, на государеву службу с служилыми людьми зимним путем на нартах на новые сторонние реки на неясачных людей на Улбей и на Нию... Да в нынешнем же, во 163 году на государеве службе вверх по Охоте, и на Ураке, и на Ульбе, и на Ине реках вновь аманатов изымал...» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 80—82]. Данный документ, наиболее поздний из тех, которые рассказывают об открытиях на побережье к северу от устья Охоты, позволяет нам понять, каковы были представления землепроходцев о прибрежной территории к Северу от Охотска до завершения похода Стадухина. Однако объем сведений о реках Охотского побережья, собранных служилыми людьми, был значительно большим. В частности, уже казаки из отряда Ивана Москвитина смогли составить очень содержательный документ — «Роспись рекам и имяна людем, на которой реке которые люди живут, тунгуские роды...». Эта роспись имеет точную дату — она составлена 20 ноября 1639 г. Приведем ее наиболее важные фрагменты:

«Река Мая, а в нее реки пали сторонные, а по тем рекам живут тунгусы, река Чабча пала в Маю, река Юнома (Юдома) пала в Маю с левую руку, через ее кочуют оленные люди тунгусы, ламские мужики озьянканы; река Аим пала в Маю с правую сторону, а по ней кочуют оленные люди тунгусы, долганы и лалкагиры; река Маймакан пала в Маю с правую сторону, а по ней живут оленные люди тунгусы и кочуют с Ламы маймаканцы, река Уй пала в Маю с правую сторону, а на ней живут тунгусы многие, оленные люди, макачирцы и долгирцы, и гулюгирцы, и чолкогирцы, и кутугирцы; да в тое ж реку пала речка с левую сторону Кутога, а по ней живут оленные люди лалкачиры (лалкагиры. — А. Б.) и озьяны, мужики ламские; река подволошная Нюдма пала в Маю с правую сторону, ходу по ней 6 дней, и с тое реки переходят на ламские воды, на речки, на вершины; река за волоком Улья, пала устьем в Ламу, на вершине тое реки живут оленные люди тунгусы, озьяны, а на усть тое реки сидячие люди озьянканы, а ездят оне на собаках, и по тое реке выплыв на Ламу.

И по Ламе из под северной страны пали реки в Ламу: река Урака пала устьем в Ламу, а по ней живут оленные люди, те ж тунгусы, род Бояшинской; река Охота пала в Ламу, а по ней живут тунгусы многие, на усть тое реки орда сидячая, шолганы, а вверх по той реке Охоте живут люди оленные, род Киланской, род Горбиканской, род Шолюн-ской, род Унгатагирской, род Тумучерской, и иные приходят на ту реку для корма рыбново, что та река рыбою рыбна, и в тех родах и в их улусах человек по 100 и по 150 и на той реке люди воисты, боем своим жестоки; река Кукты пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, озяны и готнинканы, и в тех родах и в улусах человек по 100 и 200; река Улкондон устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, улбиданцы; река Инга устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, инганцы, Река Тоуй устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, товуданы, и уяганы, и выяканы, и огочолы.

В полуденную сторону которые реки в Ламу устьем пали: река Тюкчи устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, чавъуралы, а против тое реки устья стоит на море в голомени остров каменной... Река Аллыма устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, чюлюгилцы; река Уда пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные люди бирарытегова роду, сказывают до 300, и те люди торгуют с сидячими людьми...» [Степанов Н. Н., 1959. С. 189—190]¹⁹.

Мы располагаем и другими документами, содержащими довольно большое количество географических названий, частично не отраженных в современных источниках. Такова, например, «Роспись рекам...» Алексея Филиппова [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 324—325], составленная лишь немногим позже москвитинской росписи, но имеющая для нас более частный интерес. Много географических названий Охотского побережья и этнонимов из этого региона приведено в трудах С. П. Крашенинникова, материалах Я. И. Линденау. Однако этот интереснейший материал вводится в научный оборот с большим трудом, так как названия, приведенные в источниках XVII—XVIII вв., почти невозможно локализовать на местности и соотнести с современной картой. Поэтому здесь мы остановимся подробно лишь на хорошо известных названиях географических объектов, причем ограничимся теми из них, происхождение которых либо не имеет объяснения, либо данные в литературе объяснения по тем или иным причинам не вполне удовлетворительны.

Требует некоторых пояснений этнонимическая часть москвитинской «Росписи...», которая была процитирована выше.

---

¹⁹ В сборнике «Колумбы земли русской» [С. 92—93] этот документ напечатан по неисправной публикации 1943 г., содержащей множество опечаток и искажений (см. об этом: [Степанов Н. Н., 1959. С. 249, примеч. 49]).

Все названия родов тунгусов с конечным элементом *-gir* — бесспорно, эвенкийские. Тумучеры — эвенкийский род, позднее известный как Тунгусир. «Род Киланской» — род Килэ встречается и у эвенков, и у эвенов, род Эдян — «озяны» ныне известен только у эвенков. Но в вариантах «озяны» и «озянканы», вероятно, различимы эвенки «озяны» и пешие эвены «озянканы», поскольку именно для эвенского языка характерны родовые названия с конечным элементом *-нкан/ -нкэн*.

Названия «род Горбиканской» и «готнинканы» принадлежат эвенкам и соответствуют современным названиям эвенских родов Гэрбэнкэн и Готнинкан, представители которых живут на той же самой территории и в наши дни. Уяганы — это эвены рода Уяганкан, ныне широко расселившиеся по всему северо-востоку Азии вплоть до Чукотки и Камчатки [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 80—82].

Почему-то минимум два названия, а возможно, и три подряд — *улбиданцы, инганцы, и товуданы* — жители Ульбеи, Ини и Тауя даны в «Росписи...» в такой форме, которая могла бы быть услышана от юкагиров. Здесь явно присутствует юкагирский этнонимический формант *-н-ди*, которому предшествует в двух примерах морфема *-д-*, оформляющая основу знаменательного слова в юкагирских этнонимах и топонимах. Юкагирская форма имеется и у названия реки Ульбея — в документе это название имеет вид Улкондон: более ни в одном из документов в таком виде название реки Ульбея не встречается.

Этнические названия *выяканы, огочолы* и *чавъуралы* Н. Н. Степанов не мог интерпретировать и, вероятно, поэтому отметил, что позднее они совершенно исчезают из документов [Степанов Н. Н., 1959. С. 196]. Определенно можно сказать, что *выяканы* — это фонетический вариант названия Уяганы, эвены рода Уяганкан (Уяганского). Огочолы — это самая ранняя фиксация самоназвания эвенов-оленоводо Северного Приохотья *орачил* 'оленные' — так до сих пор называют себя жители прибрежных районов Магаданской области. Г. М. Василевич и В. А. Туголуков верно определили значение этого названия [Василевич, 1969. С. 11; Туголуков, 1970. С. 212], но не обратили внимания на два важных обстоятельства — во-первых, на то, что в этом документе отмечается первая запись этого этнонима, во-вторых, на то, что эта форма не связана напрямую с этнонимом *орочен* как названием эвенков-жителей Среднего Амура. Чавъуралы — это, видимо, искаженное или неверно прочитанное название оленных коряков, бытующее у эвенов: *чагчибал, чайчибал*. Выражение «тунгусы оленные люди бирарытегова роду» должно читаться как *бирар тэгэ*, что по-эвенкийски и по-эвенски означает 'род Бирар', то есть название одной из территориальных групп эвенков.

Переходим к рассмотрению географических названий.

Иня — название реки на севере современного Хабаровского края вблизи границы с Магаданской областью. Это название известно уже в 50-е гг. XVII в. — Андрей Булыгин был послан и ходил «на Улью, и на Охоту, и на Нию, и на Мотыклей реки... на новые сторонние реки на неясчных людей на Улбей и на Нию... вверх по Охоте, и на Ураке, и на Ульбе, и на Ине реках вновь аманатов изымал...» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 80—82].

Совершенно очевидно, что название происходит от эвенского слова *инга* ‘галька, песок’, что как нельзя лучше соответствует характеру местности в устье этой реки, которое изобилует мелкой галькой. Крашенинников приводит это название в форме Инга-амар [Крашенинников, 1994. Т. 1. С. 89], где компонент *амар* — это слово ‘река’ из языка арманских эвенов. Таким образом, перед нами надежное свидетельство того, что на этой реке жили оседлые, «пешие» эвены. Мнение Н. В. Слюнина о том, что это название происходит от «тунгусского» слова *иня* ‘да’ (должно быть *ингэ*. — А. Б.), повторенное авторитетным справочником по морской топонимике [Справочник по истории... 1985. С. 126], — не что иное как недоразумение.

Кухтуй — название реки, впадающей в Охотское море, на ее левом берегу ныне стоит Охотск. Словарь В. В. Леонтьева названия с этой территории не включает. Возможно, в основе этого названия лежит чукотско-корякское слово *кувэт*, *куэт* ‘бухта’, ‘заливчик’, часто встречающееся в топонимике [Топонимический словарь... 1989. С. 208—216], причем в такой форме, которая близка по звучанию к чукотскому слову *куэтк’эй* ‘бухточка’. Примечательно, что ни в чукотских, ни в корякских словарях слово *кувэт*, *куэт* не зафиксировано (оно есть только в объяснительных разделах словаря В. В. Леонтьева при истолковании происходящих от этого слова названий), но в языке арманских эвенов было слово *хойэт* ‘губа морская’ [Сравнительный словарь... Т. II. С. 335б] — явное заимствование из корякского языка. Есть и другие возможности для объяснения этого названия: оно может быть связано с корякским словом *икыт*, *г’икыт* ‘лед’ или корякским диалектным *какков’ыт*, аллюторским *к’акукот(у)* ‘ирис’ [Жукова А. Н., 1980. С. 231]. Можно также обратить внимание на чукотское название растения *к’укъут* — однозначное решение найти очень трудно, и неслучайно происхождение этого названия и других названий рек в окрестностях Охотска в литературе до сих пор не обсуждалось.

Охота — река, впадающая в Охотское море, которое по данной реке и получило свое наименование. То, что это название связано с эвенским словом *ока:т* ‘река’ и происходит непосредственно от него [Топонимический словарь... 1989. С. 296—297], никаких сомнений не вызывает. Довольно серьезная проблема при обсуждении вопросов, связанных с указанными названиями, состоит в том, что слово *ока:т*

‘река’ встречается только в эвенском языке, причем его не было даже в языке «пеших» эвенов, которые называли реку *амар*. В родственных эвенскому тунгусо-маньчжурских языках это слово отсутствует [Сравнительный словарь... Т. II. С. 96]. Указание на то, что название реки Охота якобы происходит от эвенского слова А’хоть ‘большая’ ([Справочник по истории... 1985. С. 254], со ссылкой на мнение А. И. Алексеева)²⁰, не имеет под собой оснований: в эвенском языке такого слова вообще нет и такое написание невозможно.

Уега — река в бассейне реки Охоты. От названия этой реки (или других рек с похожими названиями) происходит название эвенского рода Уяганкан — и производных от этого родового названия эвенских фамилий Уяган и Уяганский.

В журнале И. Биллингса говорится: «Река Уега впадает в Охоту. Приехали к тунгусскому селению, юрт в оном 10, тунгусских князцов два, тунгусов 30 человек, крещенные яшашные, которые имеют небольшое число оленей, питаются от промысла зверей и рыбы...» [Этнографические материалы... 1978. С. 174]. Какие-либо соображения о происхождении данного названия в литературе не встречаются.

Скорее всего, это название восходит к чукотскому слову *ыёгыргын* ‘полынья’, ‘прорубь’, корякскому *аёлгын* ‘полынья’, *ыёгыйн’ын* ‘прорубь’. По своему значению данное название — полная аналогия с названиями Сиглан и Кутана, а также с названиями Сеймчан [Топонимический словарь... 1989. С. 335] и Оймякон.

Ульбея — река, впадающая в Охотское море к северу от реки Кухтуй. В самом старом из известных нам документов, где упоминается эта река, она названа необычно — Улкондон, но это название Н. Н. Степанов абсолютно верно отождествляет с рекой Ульбеей [Степанов Н. Н., 1959. С. 190]. Форма Улкондон, если судить по ее морфологическому оформлению юкагирским топонимическим формантом *-д-он* — похоже, корякско-юкагирский гибрид. Обратим внимание, что в том же документе и жители долины этой реки названы «улбиданцы» [Там же] — так, как их могли назвать только юкагиры, хотя речь идет, скорее всего, о пеших эвенах. Название «улбиданцы», производное от названия местности (реки), явственно указывает на знакомую нам форму названия реки Ульбея. Современные эвены-жители поселка Иня Охотского района Хабаровского края иногда называют себя по-эвенски *ульбеянкар* ‘ульбейские, ульбейцы’. Дальнейшие упоминания названия реки

---

²⁰ Отметим, что и в других трудах с объяснением этого названия допускаются небрежности. В весьма авторитетном издании говорится: «так русские переняли эвенское (sic!) слово *акат*» [Магидович И. П., Магидович В. И., 1983. Т. II. С. 285]. Впрочем, на этой же странице в цитате из хорошо известного документа вместо «гиляки сидячие» читается «гуляки сидячие».

Ульбея, уже в более близком к современному звучанию облике, встречаются в цитированных документах Андрея Булыгина, где упоминается и река Иня.

Как и в случаях с другими гидронимами Охотского побережья, корякское происхождение названия наиболее вероятно. Скорее всего, название Ульбея соотносится с чукотским гидронимом Вулвэвээм 'Поперечная река' (ср. чукот. *волвакы, голвакы* 'поперек', *вулвэтык, гулвэтык* 'становиться поперек, преграждать путь', коряк. *в'улвэтык* 'пересекать') и имеет значение 'поперечная река, река, лежащая поперек пути'.

Любопытно, что Крашенинников, описывая свой путь, дважды отмечает «Поперешная речка» [С. П. Крашенинников в Сибири, 1966. С. 201]. Весьма вероятно, что эти заметки — близкий эквивалент или даже перевод каких-то названий с аналогичным значением.

Улья — впадающая в Охотское море река, на которой в 1639 г. было основано Ульяновское зимовье — первое русское поселение на берегах Тихого океана [Сафронов, 1986. С. 18]. Происхождение названия реки оставалось без объяснений.

Исходная форма этого названия, как ни странно она выглядит для нас и для тех, кто занимается историей русских географических открытий, — это форма не Улья, а Улей. Напомним, что Нехорошко Колотов рассказывал: «Да тою Ульем рекою шли вниз стругом...»

Напрашивается предположение, что данное название соответствует широко распространенному чукотско-корякскому гидрониму Вылгилвээм — от чукотского *вылгил*, корякского *в'ылгил* 'береза' [Топонимический словарь... 1989. С. 104, 111]. Как калька с чукотского и корякского языков, столь же широко распространены названия Березовка, Березовая, встречающиеся по обоим берегам Колымы и на Чукотке в лесной зоне (в «Топонимическом словаре...» В. В. Леонтьева такие названия были сняты при подготовке рукописи Словаря к изданию), сюда же, вероятно, относятся такие названия, как Олой (приток Омолона) и Олгуя в бассейне Колымы, Улгандона (видимо, то же, что Олюгандона) — один из притоков Колымы (возможно Большой Анюй, который так и называется по-чукотски Вылгилвеем 'Березовая река'), Уляган — приток Омолона (последнее, правда, похоже на юкагирское слово *ульгэн* 'трава').

Название Оля, встречающееся в одном из документов начала 40-х гг. XVII в. рядом с названием Яны, впадающей в Ледовитый океан [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 100; Русские мореходы... 1952. С. 37], не имеет к реке Улье никакого отношения — это случайное совпадение названий, основанное на высокой частотности и повторяемости чукотско-корякского топонима. Однако похоже, что именно такие совпадения (ср.: Яна на Охотском и Арктическом побе-

режьях) привели к формированию географических представлений, согласно которым территория к востоку от устья Лены и Охотское побережье представлялись как лежащие близко друг от друга — на карте 1667 г. не показаны ни Чукотка, ни Камчатка. Правда, в первой публикации вместо «по Олье» читается «по Онге» [Дополнения к актам... 1846. Т. II. С. 241], и неясно, какое из чтений более правильно.

Урак — река, впадающая в Охотское море в 12 км к югу от устья реки Охоты, в устье реки расположен поселок Вострецово.

Правда, не совсем ясно, какая именно река под таким названием упоминается в одном из вышеприведенных документов — современный Урак или какая-то другая река, расположенная на удалении от него, причем лежащая к северу от кухтуйского лимана: река Урак, ныне носящая это название, располагается южнее устья Охоты (в ее устье стоит поселок Вострецово), в 12 километрах от устья Урака, на расстоянии прямой видимости, находится Охотск. В то же время Нехорошко Колобов говорил: «Да они ж де ис того острожку ходили морем на Охоту реку трой сутки, а от Охоты до Ураку одне сутки...» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 68—69].

Название, несомненно, тунгусское: эвенк. *ура-* ‘покрыть корой’, *урадан* ‘чум, крытый корой’ + суффикс *-к* — ср. эвенк. *элбэ-* ‘покрывать покрывкой’ — *элбэк* ‘полог’, *элбэм* ‘покрывка’.

Материалы XVIII в. отмечают, что название Урак носила еще одна река, впадающая в реку Охоту [Этнографические материалы... 1978. С. 173]. Один из источников отмечает, что в 1745 г. на реке Урак уже жили якуты [Крылов, 1909: а) История камчатских церквей протоиерея Громова. С. 6], что является одним из самых ранних свидетельств переселения якутов на Охотское побережье. Есть возможность сравнивать название Урак с якутским словом *үрэх* ‘река’, однако маловероятно, чтобы якутское слово могло проникнуть на Охотское побережье раньше, чем там появились казаки из отряда И. Москвитина. Правда, это становится реальным, если признать, что речь идет о разных реках с похожими названиями разного происхождения.

Возможно, сходную историю «жилище» > название географического объекта с дальнейшим переносом названия на населенный пункт имеет топоним Магадан [Топонимический словарь... 1989. С. 239; Мурзаев, 1995. С. 150—151].

Большинство трудных для объяснения топонимов северного и западного Охотоморья являются по происхождению коряжскими и представляют диалект коряков-чавчувенов или близкие к ним диалекты тайгоносских коряков и коряков севера Камчатки. Сделанные наблюдения позволяют сдвинуть границы ареала распространения чукотско-коряжских топонимов в юго-западном направлении, что вполне соответствует представлениям об этнокультурных связях коряков с други-

ми народами Охотоморского бассейна. В связи со сказанным привлекают внимание некоторые географические названия, в частности, названия рек в континентальных районах, отделенных от Охотского побережья горными хребтами, в том числе гидронимы бассейна Лены и Индигирки, левого берега Амура и отдельные названия в низовьях Амура и на прилегающих территориях. В прошлом эти места были населены лесными охотниками, и вполне вероятно, что дотунгусское население этих территорий составляли народы, принадлежащие к чукотско-корякской этнической группе.

7.5. Об источниках нескольких загадочных топонимов из района к северу от Амурского лимана в книге С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»

Вот как выглядит описание побережья Охотского моря от района севернее реки Тугур до Амурского лимана, представленное в книге С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»:

«От речки Ою следуя по морскому берегу к реке Амуру первая пала в море Манмачин речка, до которой от Ою два дни ходу почитается; от Манмачина в половине дня Аймакан, а от туду в двух днях знатная река Тугур или Тухуру-бира, которая находится в Китайском владении: ибо устье ее на Китайских ландкартах полагается в 54° и 25' ширины, а Российское владение до 55° простирается. Она пала в немалую губу, которая далеко вдастся в землю. Против устья ее недалеко от берегу есть каменной островок Кебут-хада или Каменная гора называемой²¹. От Тугура до Амура подле моря живут гиляки подданные Китайского хана.

В ту же губу пала речка Уле-бира, до которой от Тугура верст около 18 разстояния, а за нею в самый култук губы течет речка Гуеле-бира, которой устье на Китайских картах в 53° и 51' положено. От устья сей речки начинается Чейнеканской нос, который верст на 60 и более вытянулся в море, а ширина его от устья Гуеле-биры до устья Амура реки к SZW почти на целой градус: в прочем помянутой нос почти везде равную ширину имеет, не выключая и самой изголови, кроме носов, которые от него уже выдались в море.

Изголовь его от одного конца до другаго лежит с севера к югу. Северному ее краю на Китайском языке названия не показано, а южной,

---

²¹ Напрашивается предположение, что топоним Кебут-хада с его переводом 'каменная гора' происходит от чукотского Выквыт 'камни', корякского *Выввыт* 'два камня' и маньчжурского *хада* 'скала'.

которой состоит из двух мысов, имеет два имя: крайней называется Лангада-офоро, а следующей Мянгада-офоро.

Верстах в 13 от сего мыса есть на море остров, которой в длину верст на 40 простирается, а ширина его на середине верст на 12. Сей остров фигуру имеет полумесяца, которого полая середина, против самой середины помянутого мыса, так что сомневаться не можно о бывшем некогда между ними соединении. Недалеко от южного конца объявленного острова есть небольшой отрядыш или каменной островок Гуядзи-хида называемой.

От южного краю Чейнеканского мыса то есть от Ландага-офоро берег его до самага Амурского устья лежит в юго-западную сторону, на котором следующие знатныя урочища.

Нингай-бира речка от Ландаги-офоро верстах в 40, течет из хребта называемого Цихик-алан, которой по середине Чейнеканского мыса к морю простирается. За устьем ея вытянулся в море немалой мыс Дулай-гада-офоро именуемой, а от него близ изголови выдался в море мыс Тяхун-офоро.

Верстах в 50 от речки Нингай-бира течет речка Кандаган-бира, которая вершинами сошлась с вершинами вышеписанной речки Гуеле-бира, а устьем пала между двумя мысами, из которых северо-западный называется Тянга, а юго-восточный Фитуга.

Амур река, или по тамошнему Сахалин-ула, от Нингай-биры верстах в 15, пала по Китайским картам в 52° и $50'$ северной ширины в култук великаго морскаго залива, которой между Ландага-офоро и Ричига-офоро находится, а Ричига-офоро полагается в тех картах в 52° и $10'$ ширины.

С Ричига-офоро самой ближайшей переезд на великой и жилой остров, которой с северо-восточной в юго-западную сторону около 4° простирается. Верхняя его изголовь в одной ширине с рекою Уле-бира, а нижняя в $49^{\circ} 50'$ на помянутых Китайских картах объявлена, а ширина пролива между Ричига-офоро и великим оным островом не больше 30 верст показана.

Что касается до положения берега от Уди реки до Амура, то выключая мысы и носы, которые вытянулись в море, лежит оной почти от севера к югу» [Крашенинников, 1994. Т. 1. С. 101—103].

Мы пока не ставим себе целью идентификацию всех топонимов, приведенных Крашенинниковым, — для нас важнее другое: каким образом маньчжурские топонимы попали в русскоязычный источник и, соответственно, какова реальность того, что данные топонимы, содержащие типично маньчжурские топонимические форманты *офоро* ‘мыс’ и *бира* ‘небольшая река, речка’, находились в употреблении в применении к данной территории. Отмечаем, что слово *офоро* из тунгусо-маньчжурских языков существует только в маньчжурском языке,

а слово *бира* хотя и существует в большинстве тунгусо-маньчжурских языков и даже выступает в качестве единственного термина для реки в эвенкийском языке (а именно эвенки являются жителями территории от устья Амура до устья Тугура), но система эвенкийской, как и вообще тунгусской топонимики не предусматривает использования географических апеллятивов в функции топонимических формантов.

Тайна появления маньчжурских по форме топонимов в регионе севернее амурского лимана разгадывается весьма просто — ведь в тексте книги Крашенинникова упоминаются «китайские ландкарты». По крайней мере одна из таких карт использовалась при подготовке Второй Камчатской экспедиции, три ее экземпляра из семи сохранившихся находятся в фондах Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге [Пан, 2001. Карта под № С68 mss, С69 mss, С70 mss. С. 234 (илл.); 2003. С. 232—242; 2005. С. 28—35; 2006. С. 137—142].

Если бы данный картографический источник не был обнаружен, нам пришлось бы предполагать или допускать присутствие маньчжурского адстратного или интерстратного населения на этой территории по крайней мере в конце XVII—начале XVIII в. Для периода середины XVII в., времени плавания Е. Хабарова и В. Пояркова по Амуру и по южной части Охотского моря, у нас есть надежные свидетельства того, что маньчжуры в этом районе отсутствовали — они среди описаний местных жителей не встречаются.

7.6. Амур и Амгунь

Относительно точной даты, когда именно русские землепроходцы узнали об одной из самых больших рек Восточной Азии, до сих пор у специалистов нет единства. Проблема заключается в том, какое из таинственных географических названий, появляющихся в документах конца 1630—начала 1640-х гг., принимать за название реки Амур.

Б. П. Полевой считал, что первыми об Амуре узнали казаки из отряда Ивана Москвитина, двигавшиеся вверх по реке Мае по своему историческому маршруту, который завершился сплавом по реке Улье и выходом на побережье Тихого океана в устье этой реки. По его мнению, среди «вожей» у казаков были две женщины-тунгуски, «которые уже бывали в Приамурье. Они-то первыми и сообщили москвитинцам, что нижнюю часть реки Чиркол называют еще и „Омуром“ или „Амуром“» ([Полевой, 1997а. С. 17] и указанные там более ранние работы того же автора)²². Это утверждение будет непонятно читателю без по-

²² Эту же версию — с упоминанием двух тунгусок, рассказавших о «Мамуре», излагал в конце XIX в. А. Кириллов [Кириллов, 1894. С. 48—49], отме-

яснения того, что река Чиркол, по мнению Б. П. Полевого, есть не что иное, как река Шилка, и, соответственно, то, что ниже ее устья, и есть река Амур. Однако все же трудно поверить, чтобы жительницы бассейна Алдана знали о верховьях Амура, тем более что они имели понятие об именовании казаками среднего или даже нижнего течения Амура Шилкой²³.

Нечто похожее говорил еще Г. Миллер: «Первое известие о сей реке получено чрез томских казаков, кои посланы были в 1636 году из Томска на Алдан реку для приведения в ясашной платеж тамошних народов. Несколько из них отправясь в 1636 г. на реку Улью, впадающую в Охотское море, построили при устье оной первое ясашное зимовье. Увидев там Тунгусов с реки Уди, услышали от них, что они с некоторым народом, живущим на неперемных местах и в земледельстве упражняющемся, торгуют при реках Чуе и Силкаре, променивая у них на хлеб свои соболи. О реке Чуе, именуемой нами Зеею, или Зиєю, а по Тунгусски Джи, объявили они так, что она впадала в Силкар, Силкар в Амур, а Амур в Большое море. Они также сказывали о реке Омуте (может быть Амгуне), что при ней живут Тунгусы, кои с обитающим в нижних местах реки Амура народом, называемым Натканы, и собственный свой язык имеющим, торги отправляют» [Миллер, 2006. С. 329]. Как и в других случаях, не очень ясно, пользовался ли Г. Миллер только теми источниками, какие ныне знакомы нам (документы В. Пояркова, Е. Хабарова и И. Москвитина) или имел в своем распоряжении еще какие-то документы, неизвестные нам.

Первое объяснение названия Амур предложил еще В. Н. Татищев, у которого в «Лексиконе» мы читаем: «Амур, река великая в Северо-Восточной Азии. Ея начало из дву рек, Аргуни и Шилги... Имя сие мунгальское, значит здравие или покой. Течение ея от объявленного места до Восточного, или Японского, моря числяют на 1200 верст» [Татищев, 1793. Т. 1]. Об этой гипотезе вполне серьезно писал позднее Н. Я. Бичурин, хотя, конечно, она в гораздо большей мере интересна тем, что отражает знание лексики монгольских языков автором «Лексикона».

Две версии о происхождении гидронима Амур представлены в авторитетном словаре П. П. Семенова-Тян-Шанского [Семенов-Тян-Шанский, 1863. Т. 1. С. 87—88], одна из которых, связанная с гидронимом Эмури и принадлежащая Н. Я. Бичурину, оказалась основательно забытой, очевидно, ввиду отсутствия ссылок на источник, а вторая, увязывающая название Амур с его ульчско-нанайским названием, дожила

тив при этом возможность выведения названия Амур из названия реки Эмури и сравнив его со словом Амур 'добрый мир'.

²³ Анализ документов В. Пояркова см.: [Соколов, 1999. С. 9—10].

до настоящего времени, хотя ее авторский приоритет теряется во времени.

В «Сибирской советской энциклопедии» мы читаем: «Амур — крупнейшая р. бассейна Охотского м. Название свое А. получил за темный цвет воды. Слово А., по мнению Л. С. Берга, произошло от искаженного названия Маму, к-рым именуют ниж. часть А. ольчи, гольды и негидальцы. По мнению Ламанского, слово А. образовалось от искажения монгольского названия А. „Хара-мурэнь“ (‘черная вода’); китайское название А. „Хэйхэ“ (‘черная река’) или Хей Лун-цзян (‘р. Черного Дракона’). Маньчжуры называют А. „Сахалин-ула“; тунгусы — Шилкарь, Силькарь; гилияки — Ля, Ля-ерри» [Сибирская советская энциклопедия, 1929. Т. 1. С. 96]²⁴.

В современном географическом словаре Амурской области говорится, что у эвенов-мэнэ (небольшой группы арманских эвенов, живших в первой половине XX в. под Магаданом) Амур именуется Амар, хар моро [Географический словарь... 1978. С. 42]. У арманских эвенов было неясного происхождения слово *амар* — ‘река’, но об Амуре они не имели представления и уж точно не могли называть Амур по-монгольски *хар моро*.

В «Росписи рекам...», изданной Н. Н. Степановым, говорится: «Да те ж тунгусы сказывают про реку Омуть, и та де река великая, а по ней живут тунгусы, шамагири, оленные люди» [Степанов Н. Н., 1959. С. 190]. Комментируя известное мнение Г. Миллера и Л. Шренка, что под этим названием стала известна река Амгунь, Н. Н. Степанов отмечает: «Против же отождествления Амгуни с р. Омуть говорит прежде всего то, что обычно в документации XVII в. Амгунь фигурирует под названием Хамуна, Хамун²⁵, а также и то, что в некоторых документах XVII в. в одном контексте стоят и Хамуна и Омуть (Амуть) как две разные реки. Дадим примеры. „И тех же изменников на Хамуне реке и на речке Амуте небольших людей 15 человек сыскали, и пришли на Хамун, на речку Амут марта в 17 день...“. Судя по этим текстам, Омуть (Амуть) — небольшая речка, приток Хамуны (Амгуни)» [Степанов Н. Н., 1959. С. 195].

Попробуем разобраться. Река с названием Омуть стала известна с севера. Что же касается гидронима с названием Амут, то, во-первых, из приводимых Н. Н. Степановым цитат выясняется, что Омуть — не «река», а «речка», стало быть, путаницы с названием Амут и Омуть этому автору избежать не удалось, хотя это явно не одно и то же. Надо

²⁴ Этот же фрагмент статьи с заголовком «Амур» воспроизведен в кн.: [Мельников, 2009].

²⁵ Именно как Хамуна обозначается река Амгунь на чертежах С. У. Ремезова.

знать, что *а:мут* — по-эвенкийски ‘озеро’ [Сравнительный словарь... Т. I. С. 406], и это слово вполне могло быть принято за географическое название. По этнографическим материалам и указаниям на эвенков-самагиров, Омуть здесь — скорее всего Амгунь, если, конечно, это не какое-то безвестное озеро на севере Хабаровского края.

Если говорить о составе «Росписи...», то в ней явно выделяются три или четыре источника. Два из них касаются северной части Охотского побережья, другие два — южной части. Из известий о Северной части Охотского побережья выделяются сведения о самых дальних реках — Ульбее под названием Улкондон [Степанов Н. Н., 1959. С. 193], Ине и Тауе. Во-первых, население этих рек характеризуется не по родовой принадлежности, а собирательно, например, жители Ини «инганцы». Во-вторых, обращает на себя внимание необычное морфологическое оформление названий жителей Ульбеи и Тауя — улбиданцы и товуданы. Складывается впечатление, что и название Ульбеи в виде Улкондон, и два этих этнонима записаны не от тунгусов-эвенков, а от юкагиров. Что касается известий о бассейне Амура, отраженных в «Росписи», то один из источников называет эту реку Амур, а второй — Мамур.

Относительно происхождения названия реки Амур имеется несколько гипотез.

Л. Д. Ришес высказала мнение о связи названия Амур со словом *амар* ‘река’, имевшимся в солонском языке и в языке арманских эвенов [Ришес, 1951. С. 200—203]²⁶, в наши дни это мнение часто излагается и имеет ряд сторонников (см.: [Багдарыын Сюлбэ, 2004. С. 23]). Эту же точку зрения отстаивает и Э. М. Мурзаев в специальной статье о названии Амур, хотя там же он приводит и мнение о связи его с нанайским *мангму* ‘сильная вода’ [Мурзаев, 1998. С. 96—98], а также Г. Левкин [Левкин, 2000]. Справедливости ради стоит отметить, что еще И. Э. Фишер говорил: «Амур тунгусами при Охоцком море и гилляками именуется Амар, а сие значит реку» [Фишер, 1774. С. 308, примеч. 6]²⁷.

В. А. Никонов в своем словаре писал: «Амур. Название от общей для тунгусо-маньчжурских языков основы *амар* (нивхск. Дамур ‘большая река’, солон. *амар* ‘устье реки’). В XVII в. русские узнали

²⁶ В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» [1975. Т. 1. С. 406] как параллель к этому слову добавлено только солонское *амур* ‘река’, что может быть и именем собственным.

²⁷ Правда, в другом месте в качестве источника гидронима Амур Фишер называет реку Емур [Там же. С. 586, примеч. 36]. И. Э. Фишеру были известны все названия Амура, какие мы знаем из разных языков [Там же. С. 26], в том числе и форма Мамур [Там же. С. 380—381].

нижнее течение Амура и основали первое поселение (г. Албазин) у впадения в Амур р. Эмери, это название могли перенести и на него» ([Никонов, 2009. С. 24] (со ссылкой на указанную работу Л. Д. Ришес, с. 203)). Эти две фразы требуют комментариев большего объема, чем то место, которое занимают они сами. Во-первых, в нивхском языке нет и не может быть слова Дамур 'Большая река', во-вторых, соответственно, эта форма не имеет никакой связи с солонским словом *амар* 'река' (неясно, откуда это слово получило значение «устье реки», и лингвисты на этот вопрос ответа не дадут), в-третьих, слово *амар* не является общим для тунгусо-маньчжурских языков, так как оно отмечено только в солонском языке и в языке арманских эвенов. В-четвертых, мнение о связи гидронима Эмери с названием Амур высказывал не кто иной, как Н. Я. Бичурин.

Е. М. Поспелов в своем словаре приводит точку зрения Л. Д. Ришес, и это вполне оправданно — в таком случае изложение по крайней мере не содержит ошибок и несообразностей [Поспелов, 2008. С. 77—78].

Как уже отмечалось выше, по мнению Б. П. Полевого ([Полевой, 1984. С. 357—362]; см. также: [Полевой, 1971. С. 178—192]), отраженному в авторитетном справочнике, название реки Амур происходит от нанайского слова *мангму* 'сильная вода', 'большая река', которое было заимствовано эвенками, а от эвенков перенято русскими [Справочник по истории... 1985. С. 14]. Но дело в том, что нанайцы называют Амур не Мангму, а Мангбо или Даи Мангбо (Большая река Мангбо), улчи — Мангбу, форма *мангму* могла бы принадлежать удэгейцам, но в удэгейском языке вообще нет слова *му* 'вода', характерного для всех остальных тунгусо-маньчжурских языков — по-удэгейски вода называется *ули*, а в других языках это слово имеет значение 'река' — это значит, что по крайней мере толкование данного названия оказывается заведомо неверным. Несмотря на то что в тунгусо-маньчжурских языках имеются корни *манг* 'твердый, крепкий, сильный' и *му* 'вода' [Сравнительный словарь... Т. I. С. 529а—530а, 548а—549а], интерпретация этого южнотунгусского топонима, предлагаемая Б. П. Полевым, не является приемлемой. Н. Н. Степанов отмечал, что «ни Миддендорф ни Маак не раскрыли этимологии этих слов», и был по-своему прав в этом [Степанов Н. Н., 1959. С. 195].

В. К. Арсеньев писал: «О происхождении названия Амура существуют различные показания. Его производят от слова „Амор“, что по-тунгусски означает 'Добрый мир'²⁸, от маленькой речки „Емур“, впадающей с правой стороны около Албазина, и от гилияцкого слова „Гамур“, „Ямур“, что значит 'Большая вода'... Маньчжуры называли

---

²⁸ На самом деле речь идет не о тунгусском, а о монгольском слове (см. далее).

Амур „Сахалин ула“ (река черной воды), а китайцы — „Хуньтун-цзын“²⁹, после соединения с рекой Сунгари — также „Гелонг-кианг“ (река черного дракона) и Хей-шуй, что значит ‘Черная вода’, а якутски „Кара туган“ (Черная река). Современное туземное население называет его Дай Мангу, а ольчей — мангунами» [Арсеньев В. К., 1955]. Немаловажно, что все приведенные здесь названия — маньчжурское и китайское в двух разных чтениях иероглифов — давались в отечественных географических словарях XVIII—XIX вв.³⁰ Эти замечания, верные в основной части — в том, что касается маньчжурского и китайского названий Амура, приведенных ученым и путешественником в иной транскрипции иероглифов, нежели принятая ныне — Хэйлунцзян, содержат довольно много интересного — в частности, указания на речку Емур, сходство названия которой с наименованием Амура отмечал еще Н. Я. Бичурин (см. далее), оказались основательно забытыми, слово «Амор» имеет скорее монгольское происхождение (ср. монг. *амрах* ‘отдыхать, передохнуть’, *амраг* ‘любовь; любимый’)³¹, приводимые же им «гиляцкие» слова не удается идентифицировать: в нивхском языке ничего похожего нет.

О том, что название Амур якобы происходит от нивхского слова *Дамур* ‘Большая река’, писал и М. Н. Мельхеев: «Амур, р., образуется в пределах Читинской области слиянием р. Шилка и Аргунь — река известна у маньчжуров под именем Сахалин-Ула — ‘черная вода’, у монголов Хара-Мурэн — ‘черная река’, у китайцев Хэй-Шуй — ‘черная река’, или Хэйлунцзян — ‘река черного дракона’, у эвенков (ламутов) — Тамур или у нивхов Дамур — ‘большая река’. Более вероятно, что название Амур произошло от нивхского Дамур (усвоенного эвенками как Тамур, а русскими как Амур). Известно, что нивхи (гиляки) являются прямыми потомками древнейшего населения бассейна Амура, и название этой реки, безусловно, появилось на их языке. Русские же казаки, первыми доставившие известия о р. Амуре, слышали это название от племен на Охотском побережье, скорее всего от удских эвенков, которые усвоили это слово от аборигенов Приамурья»

²⁹ Последнее название содержит неточность: русская транскрипция его — Хэйлунцзян.

³⁰ [Полунин, 1773. С. 9] (с указанием на тунгусское Силкар как название Амура); [Максимович, 1788. Т. 1. С. 29]. На этом фоне странным выглядит сообщение словаря С. П. Гагарина «Амур или Сегалинь» [Гагарин, 1843. Т. 1. С. 71]. Позже незаурядная эрудиция отечественных географов, проявленная в отношении маньчжурского названия Амура, была вполне обоснованно перемещена в обсуждение происхождения названия острова Сахалин.

³¹ Г. И. Спасский писал, что название Амур «заимствовано, вероятно, из языка монгольского, на котором *амур* или *амыр* значит ‘тихий’, а *Амыр-муран* — ‘тихая река’ [Спасский, 1849. С. 20].

[Мельхеев, 1969. С. 78]. Река по-нивхски называется *и* или *эри*, слов с начальным *д*- в нивхском языке не может быть вообще, у эвенков нет названия реки Амур в форме, начинающейся с *т*-, — остается загадкой, откуда М. Н. Мельхеев мог взять подобное утверждение. Все приведенные выше соображения вместе с языковыми неточностями приведены и в соответствующей статье словаря А. В. Мельникова [Мельников, 2009б].

Г. Миллер еще в 1769 г., отметив, что по-китайски Амур называется Гелонг-Киан или Хэлун Дзян (разные чтения иероглифов) утверждал: «Но от чего произошло имя Амур, которое ныне неправильно пишут Ямур, того заподлинно объяснить не можно» [Миллер, 2006. С. 329]. Здесь мы видим источник одной из искаженных форм названия Амура, остальные нам пока неизвестны.

Говоря о происхождении названия реки Амур, в частности в связи с тем, что говорил о возможных этимологиях этого гидронима В. К. Арсеньев, надо вспомнить то, что писал об этом Н. Я. Бичурин (Иакинф) в своей публикации «Замечания на статью под заглавием „Шесть сцен Онокского пастуха“». Там мы читаем: «Пастух Даурец, сочинитель шести сцен Онокского пастуха, помещенных в Москвитянине, просит читателей прояснить ему, почему Шилька, по соединению с Агунью, получила название Амура? По получении удовлетворительного прояснения он обещается окончить свое заключение к шести сценам Онокского пастуха.

Этот порчею собственных имен историографы XVII и XVIII столетий наиболее запутали и потемнили историю древних и новейших азиатских народов». Далее Н. Я. Бичурин продолжает: «На с. 37 „Амур буряты зовут Хара мурун, то есть черное море“. Хора Мурэнь, как выше уже было сказано, значит: черная река, а не черное море. Это есть монгольское название реки, которую русские называют Амуром; но почему назвали ее Амуром, именем неопределенным, это за давностию времени и по недостатку исторических свидетельств невозможно решить. Амур, правильное Амор, есть монгольское слово; зн<ачит> спокойный. Если б название Амур дано было монголами, они говорили б Амур Мурун, что зн. спокойная река, что отчасти и правдоподобно было бы; ибо Амур на всем его протяжении от стрелки до устья имеет ровное течение. Во 137 верстах от стрелки вниз впадает в Амур с правой стороны речка Эмор, иначе Эмори-бира; против устья сей речки на левом берегу Амура лежат развалины Албазина, известного укрепления, в котором русские долго силились удержать господство над соболитою Дауриєю. Не переведено ли каким-нибудь образом название речки в название Амура? а это близко к правдоподобию. У Фишера в Сибирской истории есть суждение о происхождении русского названия Амуру, но оставленное без разрешения сомнительных

мнений по сему предмету. <...> Умный путешественник, при незнании языка обозреваемой страны, внимательно вслушивается как в произношение, так и в значение неизвестных слов, с определительностью излагает положение страны, с разборчивостью заимствует сведения о сей стране у других писателей; но ученые Западной Европы редко следуют сим правилам, а ныне и у нас начинают решительно писать о том, чего не знают, и таким образом пускать читателям пыль в глаза» [Бичурин, 1991].

Итак, мнение о том, что название Амур было перенесено на великую реку ниже слияния Шилки и Аргуни с названия другой реки, находящейся ниже стрелки по течению, принадлежит Н. Я. Бичурину. В другом своем сочинении «Кто такие были монголы» он писал: «В шестом столетии из семи угиских айманей усилился Черноречный аймань, Хэй-шуй-бу (Амур издавна известен Китаю под кит. названием Хэй-шуй; и переводе: ‘черная река’. Ныне он по-маньчж. называется Сохалян ула, ‘черная река’; на кит. Хэй-лун-сян, ‘река черного дракона’)» [Бичурин, 1991a].

Интересные и очень важные данные, проливающие свет на происхождение названия Амур, содержатся в описании путешествия Н. Спафария³². Он пишет: «Декабря в 30-й день от Аргунского острова ехали через реку Аргуню по льду и потом переехали хребет степной (От Нерчинского острогу первых кочевных людей видели) и выехали на реку небольшую *Хабур*. . . Река Аргуня (Аргуня впадает в Шилку, и от того места пременяют имя свое и называют великою рекою Амуром), имя ей иноземское, как и иных рек в Сибири. . . А река Аргуня большая и глубока, и в ширину и в длину велика, и суды какия ни будь великия мочно по ней ходити от устья и до вершины ея; а рыбы сказывают в ней много, как и в иных реках, которыя текут из больших озер. . . Декабря в 31-й день оставили реку *Габуря*, и ехали версты с три до другой реки Тербула степью; а лесу по той речке много. . .» [Путешествие чрез Сибирь. . . 1882. С. 144—145]. Таким образом, уже во времена Спафария исток Амура определялся как место слияния Шилки и Аргуни.

Гидроним *Хабур*, *Габур*, встретившийся в описании путешествия Спафария, как нам кажется, проливает свет на происхождение названия Амур. Форма *Хабур* заставляет соотнести указанное Спафарием название реки с письменно-монгольским словом *qabur*, монг. *хамар* ‘нос’; ‘перегородка’, ‘что-л. смежное’; ‘холм’, ‘возвышение’, ‘мыс, выдающийся вперед’, ‘горный отрог’, ‘выступ горы между ущельями’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2002. Т. IV.

³² Путешествие чрез Сибирь. . . 1882; Статейный список. . . 1906; Описание первой части вселенной. . . 1910.

С. 33]. Это название, очевидно, переносимое на реки по смежности, позволяет нам определить источник изолированно стоящего в тунгусо-маньчжурских языках солонского слова *амар* 'река' — вероятнее всего, это слово является старым монгольским заимствованием в тунгусо-маньчжурских языках или позднейшим заимствованием в севернотунгусских языках, проникшим в них из таких монгольских языков, в которых наблюдалась утрата начального согласного *х-* (так ведут себя некоторые монгольские заимствования в якутском языке).

Исходя из сказанного, становится понятным, что название Амур действительно восходит к языку солонов и отунгусившихся дагуров и не имеет отношения к ульчско-нанайскому названию Амура *Мангбу*, *Мангбо*. Как известно, Амур был открыт в направлении от верхнего течения к низовьям, и казаки до какого-то времени вообще не называли среднее течение этой реки ее нынешним наименованием. Они полагали, что плавают вниз по Шилке — левому истоку Амура. Название Амур, как мы можем догадываться, перенесено по смежности с одного из правых притоков Амура или из бассейна Аргуни.

Название Амура, бытующее у южнотунгусских народов, — Мангму, Мангбу, Мангбо не имеет этимологии в тунгусских языках. Очевидно, оно само является субстратным по происхождению. Мы знаем, что в Приамурье имеются проявления чукотско-корякского субстрата. Имеется возможность рассматривать приведенные выше южнотунгусские формы как заимствования чукотского названия Мэйн'ывээм 'Большая река' — но уже без тех смысловых и фонетических аппроксимаций, которые предполагал Б. П. Полевой.

Что касается нивхского названия реки Амур — *Ла* (названия *Дамур*, как мы говорили, у нивхов не существует), то оно, как предположил еще Е. А. Крейнович, соответствует маньчжурскому слову *ула* 'река' [Крейнович, 1955. С. 160] с характерным для нивхского языка отпадением начальных гласных, примеры чего в наши дни на материале нивхско-тунгусо-маньчжурских и нивхско-айнских параллелей исчисляются десятками.

Река Амур на маньчжурской карте первой четверти XVIII в. названа *Сахарин анианхада* 'течение Черной реки'³³ Однако это название представляет интерес в связи не столько с наименованием Амура, сколько с названием острова Сахалин.

Относительно названия реки Амгунь мы можем сказать, что, на наш взгляд, оно восходит также к апеллятивной лексике чукотско-

---

³³ [Справочник по истории... 1985. С. 303], статья «Сахалин», точнее — «Скала в устье Черной реки». Это название вместе с его значением «Захалин анга-гата, то есть остров устья Черной реки» было знакомо еще И. Э. Фишеру [Фишер, 1774. С. 577, примеч. 31].

камчатских языков и соответствует чукотскому слову *эмнун* 'тундра', 'приречная тундра', откуда происходит, видимо, и эвенкийское слово *амнунна* 'наледь', 'выносы камней в устье горной реки', эвенскому *анманра* 'наледь', 'родник', 'долина реки', 'болото около реки' [Сравнительный словарь... Т. I. С. 38а]. Показательно, что данные слова есть только в северных тунгусо-маньчжурских языках, где заимствований из чукотско-камчатских языков больше, чем в тунгусо-маньчжурских языках Приамурья. Предложенная Е. М. Поспеловым [Поспелов, 2008. С. 77] этимология этого гидронима, согласно которой название Амгунь происходит от эвенк. *амнга* 'устье реки' (первое значение этого слова 'рот'), не слишком убедительна, прямые доказательства того, что Амгунь была открыта в своем устье, отсутствуют. Кроме того, в ранних документах название Амгунь — если речь действительно идет о ней — фиксируется как Хамуна.

Очевидно, отождествление названия Хамуна с Амгунью является верным. Г. Миллер писал: «В сем указе (воеводы Воейкова 1681 г. — А. Б.) упоминается о впадающей в Амур реке Хамуне, которая недавно пред тем обьискана. Кажется, что сия то река Амгун, которая на китайских ландкартах именуется Генкон» [Миллер, 2006. С. 354]. Далее Г. Миллер констатирует, что после открытия Амгуни названия Хамуна и Быстрая исчезают из документов [Миллер, 2006. С. 355], следовательно, можно согласиться с выводом ученого, что впоследствии в документах стала отражаться более точная запись названия той же самой реки или та запись, которая стала более привычной русским.

7.7. Сахалин

Считается, что Сахалин был открыт в результате походов землепроходцев Василия Пояркова и Ерофея Хабарова, которые спустились на своих судах-стругах по Амуру до его устья и вышли в море — в тот самый Татарский пролив, который отделяет остров Сахалин от материка. Гористые берега острова должны были быть видны мореходам, плывшим по неширокому проливу. Таким образом, северная часть острова Сахалин стала известна русским землепроходцам уже к середине XVII в. (см.: [Полевой, 1959]).

Как указывает «Справочник по истории географических названий на побережье СССР», изданный в 1985 г., название острова, которое он носит и поныне, — Сахалин впервые появилось в Европе в 30-е гг. XVIII в. на картах французского географа д'Анвиля, в составлении их могли быть использованы карты Восточной Азии, изготовленные жившими в Китае французскими или итальянскими миссионерами для

китайского императорского двора. Эти карты были хорошо известны и в России — три экземпляра одной из таких карт хранятся в фондах Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, о чем было сказано выше (см.: 7.5). На картах д'Анвиля Сахалин называется *Saghalien-anga-hata*, что, очевидно, воспроизводит маньчжурское написание реки Амур, на китайской карте названной по-маньчжурски Сахарин-анийан хада, и это означает 'течение Черной реки' [Справочник по истории... 1985. С. 303]³⁴. Известно и другое маньчжурское название реки Амур — *Сахалян-ула* 'Черная река'. Причиной переноса наименования реки Амур на остров, лежащий вблизи ее устья, явилась, как можно полагать, очень сложная конфигурация береговой линии в районе устья Амура, северной части Татарского пролива и северной части самого острова Сахалин, а также составной характер официального маньчжуроязычного наименования реки Амур, отраженного на картах.

Как происхождение названия острова Сахалин, так и история появления этого названия были хорошо известны А. П. Чехову, который написал книгу «Остров Сахалин». В частности, упоминая карту д'Анвиля, он пишет: «Эта карта послужила поводом к небольшому недоразумению, которому Сахалин обязан своим названием. У западного берега Сахалина, как раз напротив устья Амура, на карте есть надпись, сделанная миссионерами, *saghalien-anga-hata*, что по-монгольски значит 'Скалы черной реки'. Это название относилось, вероятно, к какому-либо утесу или мысу у устья Амура, во Франции же его поняли иначе и отнесли к самому острову, отсюда и название Сахалин, удержанное Крузенштерном и для русских карт» [Чехов, 1978. С. 49].

Эта цитата примечательна не только тем, что служит свидетельством прекрасного знания А. П. Чеховым истории открытия острова Сахалин и появления на картах его наименования. Она дает более точный перевод слов, из которых была составлена надпись на карте, принятая за название острова. Слово *hata* — это, конечно, маньчжурское слово *хада* или монгольское *хад(ан)* 'скала', которое, как полагают, могло быть заимствовано в маньчжурский язык. Слово *anga* — скорее всего, маньчжурское слово со значением 'устье реки'. Таким образом, если попытаться наиболее точно перевести надпись на карте д'Анвиля, мы прочитаем ее как «Скала в устье Черной реки». Черная река, или, по-маньчжурски, Сахалян-ула, как принято писать русскими буквами, — это река Амур.

Книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» представляет собой интересный предмет для литературного краеведения (см.: [Якименко, 2001.

---

³⁴ Точный перевод надписи — «Скала устья Черной реки».

С. 101—102]). Очень важно отметить, что содержательная сторона книги А. П. Чехова о Сахалине базируется на прочнейшем фундаменте таких исторических и географических источников, научные достоинства которых становятся понятными только в наши дни, на нашем уровне географических, этнографических и лингвистических знаний о крае и его коренных жителях.

С. Л. Луцкий в 1940-е гг. писал: «Не менее случайно название самого острова. Река Амур по-монгольски называлась „Сахалиян-улла“. На одной из карт „Татарии“, изданной в Западной Европе³⁵ и изображавшей Сахалин полуостровом, на месте устья Амура была сделана надпись: „Sachalien anga-hata“, что по-монгольски означает ‘скалы черной реки’. После того как капитан Невельский установил, что Сахалин является островом, эту надпись составители карт отнесли к новому острову, который и стал с тех пор называться Сахалином. Японцы называют Сахалин Карафуто или Кабафуто, что означает ‘Березовый остров’» [Луцкий, 1946]. Представляют несомненный интерес источники различий в переводах маньчжурской надписи на карте Д'Анвила, но пока для их установления не собраны все воспроизведения этой надписи.

У острова Сахалин есть и другие наименования, которые дали ему местные жители. Считается, что нивхи — коренные жители низовьев Амура, часть которых лет 600—700 назад переселились на остров, называли остров Сахалин Тро-миф. Это название пока не получает объяснения.

Амурские нивхи называют остров Сахалин, о существовании которого они хорошо знают, по-разному — Лырмиф, или Лэр; первое название объясняется самими нивхами как ‘плавающая земля’, второе — как ‘играющая земля’ [Никонов, 1984. С. 53]. Нетрудно заметить, что эти названия внешне сходны между собой по форме, и в таком случае логичным будет предположение, что нивхи пытаются осмыслить сквозь призму словарного состава своего языка какое-то более древнее и, очевидно, заимствованное или субстратное наименование этого острова. Мы полагаем, что в этих наименованиях отражена очень древняя нивхская форма названия этого острова, которая могла быть заимствована нивхами от других древних обитателей побережья Охотского моря, говоривших на языке, близком к языку чукчей и коряков. В таком случае это название соответствует чукотскому слову *илир* ‘остров’ (корякское *илий* ‘остров’). Отпадения начальных гласных в нивхских словах встречаются достаточно часто. Как уже отмечалось выше, нивхское название реки Амур — Ла [Там же] происходит, очевидно, от маньчжурского слова *ула* ‘река’, которое было

³⁵ Речь идет о карте Д'Анвила.

заимствовано нивхами от тунгусо-маньчжурских народов или восходит к общему тунгусо-маньчжуро-нивхскому лексическому фонду³⁶.

Что касается названия Татарского пролива, то иногда исследователи считают появление этого топонима на картах и в описаниях недоразумением. С. Л. Луцкий писал: «В XVIII веке на картах, изданных в Западной Европе, у берегов Тихого океана, севернее Китая, изображалась огромная страна Татария. В существовании этой таинственной Татарии был убежден и французский мореплаватель Лаперуз. Достигнув на своих кораблях пролива, отделяющего Сахалин от материка, Лаперуз, не раздумывая долго, назвал его Татарским. В результате этого недоразумения пролив по сей день носит случайное и ничем не обоснованное название. Татарским проливом называют все водное пространство, отделяющее остров от материка. Самая узкая часть пролива носит имя Невельского. Часть пролива, лежащая на севере, вплотную сливается с Амурским лиманом. Поэтому многие, говоря об Амурском лимане, подразумевают северную часть пролива» [Луцкий, 1946]. Однако коренных жителей Сахалина — нивхов еще в начале XIX в. называли татарами русские моряки, плававшие в тихоокеанских морях [Крузенштерн, 2008. С. 310, 313—314 и др].

7.8. Плавал ли Михаил Стадухин вокруг Камчатки?

То, что в 1649—1650 гг. после ухода в плавание кочей Семена Дежнева Михаил Стадухин с казаками отправился «сухим путем» на поиски реки Анадырь, имеет в качестве непосредственной причины как минимум два обстоятельства. Во-первых, об этой реке говорили все чаще и чаще, во-вторых, от отряда Дежнева не было никаких вестей. Весной 1650 г. отряд Стадухина вышел в верховья реки Анадырь, а 23 апреля 1650 г., спускаясь вниз по течению Анадыря, прибыл в основанное Дежневым и его спутниками Анадырское зимовье, миновать которое стадухинцы просто не могли.

Как известно, два отряда не смогли мирно ужиться на новоприисканной земле. Дежнев на правах хозяина проводил свою политику в отношении исследования окрестностей своего острога и контактов с «инородцами», не забывая при этом о сборе ясака и добывании «рыбьего зуба» — моржовых клыков. Стадухин же, главной целью которого была военная добыча, поставил себя и других в достаточно сложное положение: восстанавливать всех «немирных» соседей, имеющих неплохой опыт войн друг с другом, против немногочисленного анадыр-

---

³⁶ Из недавних исследований топонимии Сахалина см.: [Чикова, 1978. С. 77—82; 1979. С. 69—79].

ского гарнизона было делом небезопасным — в случае, если бы «немирные иноземцы» объединились и напали на острог, помощи ждать было неоткуда. Поэтому Стадухин со своим отрядом в феврале 1651 г. покинул Анадырский острог в поисках лучшей доли — большей добычи и новых, еще не освоенных удачливыми землепроходцами мест.

Маршрут его похода известен: с Анадыря отряд Стадухина перешел на реку Пенжину и начал свое плавание по Охотскому морю с Пенжинской губы — это в общем сомнений не вызывает. Но и в современной литературе, и в некоторых старых источниках имеются утверждения, что Стадухин со спутниками обошел вокруг полуострова Камчатка. А. И. Алексеев писал: «А. С. Сгибнев даже утверждал, что „Казак Михайло Стадухин... построил на устье реки Анадырь шитики, и в 1656 году отправился на них к югу, обогнул полуостров Камчатку и вошел в Охотское море, на берегу которого построил Тауйский острог“ [Сгибнев, 1869. № 4. С. 69]. Возражая Г. [Ф.] Миллеру и Ф. [П.] Врангелю, которые говорили, что Стадухин вышел на Пенжину сухим путем и с устья ее плавал по Ламскому морю, Сгибнев писал, что имел в руках документы о морском плавании Стадухина. Разыскать их пока не удалось» [Алексеев А. И., 1970. С. 28].

На самом деле у А. С. Сгибнева написано нечто иное, и пересказ А. И. Алексеева не может заменить точной цитаты. Комментируя рассказ о походе Стадухина и Семена Моторы на Анадырь, Сгибнев делает примечание: «В Сибирск.<ом> Вест.<нике> сказано *неправильно*, что Стадухин отправился на Анадырск (курсив наш. — А. Б.) морем. В наших руках были подлинные документы о его путешествии» [Сгибнев, 1869. № 4. С. 68, примеч. (*)]. Обращаем внимание на выделенную часть фразы: наметившиеся разногласия касаются путешествия Стадухина только до момента его встречи с дежневцами. Стало быть, речь здесь идет определенно о походе только до Анадырского острога.

Далее после вышеприведенной цитаты Сгибнев делает еще одно примечание, которое А. И. Алексеев пересказывает крайне неудачно: «Миллер и Врангель говорят, что Стадухин пошел на р. Пенжину и что о нем не получено никаких известий. Но мы имели в руках подлинные документы о его плавании» [Там же. С. 69, примеч. (***)].

Таким образом, многое становится понятным. В первом случае А. С. Сгибнев исправляет явную ошибку одной из старых публикаций по поводу того, каким путем Стадухин оказался на Анадыре. Во втором случае он только подчеркивает, что имеет в руках документы, рассказывающие о дальнейшей судьбе Стадухина после его ухода на Пенжину. Такими документами могли быть отписка Стадухина и его челобитная, которые нам известны и опубликованы, но в них рассказывается только о плавании по Охотскому морю. Ни о каком морском

плавании Стадухина с устья Анадыря вокруг Камчатки в этих документах не говорится.

Предположение или утверждение о морском плавании М. Стадухина вокруг Камчатки вызывало активное возмущение Б. П. Полевого, который отмечал его «несостоятельность» [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 6, 83, 142—143, примеч. 64].

Сам Стадухин писал в отписке 1 марта 1658 г. следующее: «И мне на той реке [на Анадыре] быть не у кого, а от их насилства пошел на иную реку на Аклей (возможно, современный Оклан в бассейне Пенжины, но эта река находится далеко от верховьев Пенжины и в стороне от бассейна Анадыря. — *А. Б.*) нартами с великою нужею и без хлеба и на том волоку едва не померли» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 120]³⁷. «А в роспросе сказали корятские люди про Изигу (Гижигу. — *А. Б.*) реку, а на той реке соболей много и людей много...» [Там же]. Далее Стадухин продолжает: «А с той реки в сю сторону (на запад. — *А. Б.*) есть Таванка река (очевидно, Таватум. — *А. Б.*), а на той реке живут корятские люди, а другая река Емова (Яма, покоряжски Яма-ваям. — *А. Б.*), а на той реке живут такие же люди. А с той реки Зиги (= Изиги, то есть Гижиги. — *А. Б.*) шли морем лето целое, а как мы пришли на Дирядну реку, с сю сторону называют Тавуем, а на ту реку пришли 161 году сентября в 10 день, а на той реке острожек поставлен» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 121]. Из цитат понятно, что основное направление плавания Стадухина — на запад от Пенжинской губы.

И вдруг далее мы читаем следующее: «А как мы пошли с *Андыря реки морем*, видели нужи и бедности от иноземского смертного убойства и ран много приняли, от моря потопу много же приняли, на здешнем море кости рыба зуба нету» [Там же]³⁸.

Этот отрывок отписки, напечатанный в IV томе «Дополнений к актам историческим», не вошел в сборники документов о русских географических открытиях, изданные в 1950-х гг. Именно поэтому версия о морском плавании Стадухина, державшаяся некоторое время после публикации четвертого тома «Дополнений...», ушла в тень после того, как в научном обороте появились сокращенные публикации документов Стадухина. Позднейшие исследователи совершенно справедливо

---

³⁷ Складывается впечатление, что перед уходом из Анадырского острога кто-то указал Стадухину и его спутникам заведомо неверную дорогу на Пенжину, и они с трудом вышли на эту реку по ее притокам.

³⁸ Б. П. Полевой воспроизводит эту цитату с некоторыми неточностями («с Анадыря морем», «иноземного», «потопу много приняли» [Полевой, 1997. Ч. 1. С. 83], ссылаясь на «Дополнения к актам историческим» [Там же. С. 142, примеч. 63]. Кажется, он не заметил двусмысленности этого пассажира.

стали обращать внимание на сообщаемые в документах подробности сухопутного похода — и одновременно недоумевали, откуда могли появиться сведения о плавании вокруг Камчатки. И хотя сам Стадухин говорит, что шел «нартами», по этому абзацу вполне могло сложиться впечатление, будто он мог утверждать и то, что дошел от реки Анадырь до Тауя «морем».

Любопытно, что нам не так просто определить место, откуда начал Стадухин свое плавание по Охотскому морю на запад. Сам он писал: «И с той реки (Пенжины. — *А. Б.*) перешел я, холоп твой, с товарищи своими на Изигу реку, а по Изиге реке живут многие коряцкие люди, а вверх Изиги ту ж реку зовут Чондоном, а живут ходынские мужики юкогири» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 157; Русские мореходы... 1952. С. 263]. «Перешел» — это значит, что мог идти и по суше. Только от Гижиги, как мы можем прочесть, он шел «морем». Уточняющее обстоятельство содержится в челобитной одного из спутников Стадухина, Архипа Максимова Аршина, где точно говорится: «на Пенжене реке делали суды» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 266], следовательно, отряд Стадухина не пересек полуостров Тайгонос по суше, а обогнул его в ходе плавания вдоль побережья.

Итак, мы видим, что исходя из документов самого Стадухина никоим образом нельзя сделать вывод, будто он и его спутники совершили плавание вокруг Камчатки. Единственная фраза «с Андыри реки морем» является наиболее обобщенной характеристикой всего маршрута похода после ухода отряда из Анадырского острога.

Как это ни странно, но представление о том, что Стадухин приплыл в Северо-Западное Приохотье, обогнув при этом Камчатский полуостров, по какой-то причине бытовало среди старожилов окрестностей Охотского острога еще почти столетие спустя после этого похода. Я. И. Линденау в 1742 г. писал: «86 лет назад местность вокруг р. Ямы была занята Стадухиным. Старые жители этой местности рассказывают, что Стадухин — родом с Колымы, прошел от Анадыря со своей дружиной по воде вдоль восточного и западного берегов Камчатки, но в каком году он пришел на Яму, им неизвестно. Прибыв туда, где стоит острог, Стадухин построил зимовье, которое стало называться Ямским зимовьем» [Линденау, 1983. С. 169]. В других рукописях Линденау называет первых казачьих атаманов — Федота [Там же. С. 103] наряду с именами Морозко, Стадухина и некоего Андрея Кутьина. Здесь — явный результат домыслов: в частности, Стадухин родом не с Колымы или же Камчатка в этом случае — не Камчатский полуостров, а какой-то мыс или полуостров Тайгонос.

Что касается упоминаемых Линденау имен, то Федот и Морозко, как сейчас считают, — это одни из первооткрывателей Камчатки Ле-

онтий Федотов сын и Лука Морозко. Что касается имени Андрея Кутьина, то, скорее всего, в виду имеется один из спутников Стадухина с похожим именем — Матвей Кальин.

Второе упоминание Линденау об атаманах Федоте и Морозко крайне любопытно. Оно встречается в описании обычаев коряков, в частности особой ревности мужчин и женщин. Линденау пишет: «Даже самый простой взгляд или приветливая речь может вызвать у них подозрение, и как раз по этой причине многие, которые позволяли себе некоторую вольность в обращении с ними, платились своей жизнью. Примером могут служить атаманы Федот и Морозко, которые первыми посетили Камчатку, и многие другие» [Там же. С. 106]. Детали биографии Луки Морозко и Леонтия Федотова нам не так хорошо известны, чтобы не обращать внимания на такое сообщение, — придется признать, что за этим сообщением Линденау стоит какая-то историческая реальность... Что касается Федота Алексеева, приходится верить «якутской бабе», которую «отгромил» Семен Дежнев у коряков, в том, что Федот Алексеев вместе с Герасимом Анкудиновым умерли от цинги, вероятно, зимой 1648—1649 гг.

Из сообщения Линденау, надо полагать, основанного если не на реальных фактах, то, очевидно, на аналогичных случаях, многое становится понятным. Среди немногих различий в культуре двух близких народов — чукчей и коряков есть то, что институт товарищества по жене существует у чукчей (причем отказ от предложения стать товарищем по жене считался обидой), но полностью отсутствует у коряков, для которых характерно как раз обратное — крайняя ревность, о чем и рассказывает Линденау. Казаки, хорошо знакомые с бытом чукчей, вполне могли распространить на коряков местные обычаи, усвоенные ими на Чукотке, за что, видимо, и могли поплатиться жизнью.

Таким образом, многое становится понятным. Казаки неплохо ориентировались в окружающем пространстве, даже при путешествии по незнакомым местам. Михаил Стадухин со своим отрядом, спустившись вниз по реке Пенжине, видимо, рассчитывал добраться морем до устья реки Анадырь и попасть на открытое Дежневым и его спутниками моржовое лежбище — «коргу»: он был уверен, что это возможно, и он был по-своему прав. Однако, убедившись в том, что ему не по силам обойти Камчатский полуостров, о существовании которого никто до этого и не подозревал, Стадухин был вынужден повернуть на запад, к Охотску, и опять же он был уверен в правильности выбора своего пути. Но то, какими словами был изложен маршрут стадухинского отряда в документах, и в особенности то, в каком виде данные документы были опубликованы, повлекло за собой целую цепь недопониманий и неверных истолкований.

В. М. Пасецкий в своей книге «Звездные мгновения Арктики» пишет о том, что, согласно новым историческим данным, Стадухин появился на Пенжине, предварительно побывав на реке Камчатке, куда пришел с Анадыря [Пасецкий, 1995. С. 33, 35]. Поскольку в названной книге отсутствуют какие бы то ни было ссылки на источники, остается непонятым, что послужило основанием для этих утверждений — старая публикация А. С. Сгибнева и невнятные ссылки на нее в последующей литературе или не так давно опубликованные материалы Я. И. Линденау. С. А. Ковалев в недавно вышедшей книге предполагает, что Стадухин отправился в свое путешествие из устья Анадыря по морю на юг, но не смог обойти Камчатский полуостров, перешел на Охотское побережье через Срединный хребет и продолжил плавание на новых судах по Охотскому морю [Ковалев С. А., 2011. С. 31], однако основания для такого построения в документах отсутствуют. Так или иначе, ни один из рассмотренных источников при ближайшем рассмотрении не дает оснований для подобных утверждений. Название Камчатка в документах стадухинцев отсутствует. Предположение о том, что именно Стадухин с товарищами, поднявшись на горы узкого перешейка, увидел «оба моря, Ленское и Амурское», вероятно, но оно обосновывается совершенно иначе — прежде всего путем отождествления восточного побережья Пенжинской губы с «Амурским», то есть Охотским морем — в этом можно видеть приоритет Стадухина как первооткрывателя северо-восточного побережья Охотского моря.

Можно также думать, что за названием Камчатка в рассказе, приведенном Линденау, скрывается не полуостров Камчатка, а какая-то другая местность в районе полуострова Тайгонос.

7.9. Плавание Михаила Стадухина вдоль побережья Охотского моря в 1651—1652 гг. и проблема даты основания Тауйского ясачного зимовья

Морское плавание Михаила Стадухина и его немногочисленного отряда вдоль северной и западной части побережья Охотского моря, начавшееся летом 1651 г. в устье реки Пенжины и завершившееся осенью 1656 г. в Охотске, бесспорно, представляет собой одно из выдающихся событий, связанных с русскими географическими открытиями на северо-востоке Азии. Представляется, что те открытия, которые мы можем отнести на счет Стадухина, еще не осмыслены до конца, и его походы и, самое главное, достижения в области исследования Арктического и Тихоокеанского побережий должны быть оценены наравне с походами и открытиями Семена Дежнева.

Список географических открытий Михаила Стадухина, сделанных им в северной части Охотского побережья в 1651—1652 гг., весьма значителен. Если основываться только на тех документах, которые были составлены самим Стадухиным и дошли до нас в подлинниках, это открытие устья Пенжины, открытие устья реки Гижиги («Изиги») и основание ясачного зимовья в устье Гижиги. Сам Стадухин писал в отписке 1658 г.: «И я, Михалко, с товарищи поделал кочи и пошел морем на Изигу реку, и тут меня уносило в море трои сутки, а другое судно розбило не дошед Изиги реки» [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 120]. Из того же документа известна дата основания стадухинцами острожка в устье реки Гижиги («Изиги») — «сентября в 20 день в десятом году», то есть 20 сентября 7160 (1651) г. [Там же], и именно от этой даты было бы справедливо вести отчет основания города Гижигинска и современного поселка Гижига. Далее Стадухин продолжает: «А с той реки в сю сторону (на запад. — *А. Б.*) есть Таванка река (очевидно Таватум. — *А. Б.*), а на той реке живут корятские люди, а другая река Емова (река Яма, по корякски Яма-ваям. — *А. Б.*), а на той реке живут такие же люди. А с той реки Зиги (= Изиги, то есть Гижиги. — *А. Б.*) шли морем лето целое, а как мы пришли на Дирядну реку, с сю сторону называют Тавуем, а на ту реку пришли 161 (7161 = 1652) году сентября в 10 день, а на той реке острожек поставлен» [Там же. С. 121].

В литературе, освещающей поход Стадухина вдоль побережья Охотского моря, имеется один фрагмент, на который обычно не обращают внимания. Ф. Г. Сафронов, говоря об истории поселений на Охотском побережье, пишет, что современный поселок Тауйск основан не позже 1731 г., хотя Тауйское или Мотыклейское ясачное зимовье было поставлено еще в 1648 г. [Сафронов, 1986. С. 51, 137; Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 122]³⁹. Однако в этом утверждении имеется неясность — непонятно, идет ли речь об одном и том же зимовье, которое называется Тауйским или Мотыклейским по рекам, соответственно, Тауй и Мотыклей, находящимся поблизости от него, или же о двух разных зимовьях, расположенных в разных местах. Вопрос этот оказывается остро принципиальным во многих отношениях: 1) Есть ли аргументы для датировки основания Тауйского зимовья концом 40-х гг. XVII в.? 2) Насколько правомерно считать основателем зимовья на Тауе Михаила Стадухина? 3) Было ли основано ясачное зимовье на Тауе отрядами, пришедшими с юга, из Охотска, или его все-таки построил Стадухин со своими спутниками? 4) Когда именно Стадухин определил, что он находится на берегу «Амурского»

³⁹ Основание Мотыклейского зимовья однозначно датируется в литературе 1648 г. [Магидович И. П., Магидович В. И., 1983. Т. II. С. 288].

моря, — непосредственно по прибытии в Охотск в 1656 г. или же знал об этом еще осенью 1652 г., по прибытии на Тауй?

Попробуем разобраться с упоминаниями реки Тауй в русских документах второй трети XVII в. Впервые название реки Тауй встречается еще в московитинской «Росписи рекам...», составленной 20 ноября 1639 г. В ней мы читаем: «Река Тоуй устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, товуданы, и уяганы, и выяканы, и огочолы» [Степанов Н. Н., 1959. С. 189—190]. В документе с названием «Роспись от Охоты реки подле морем итти подле землю до Ини и до Мотыхлея реки, и каковы где места, и сколко где ходу, и где каковы реки и ручьи пали в море, и где морской зверь морж ложится и на которых островах», составленном в 1651 г. Алексеем Филипповым (он же — Алексей Филиппов Глубокий), подробно описаны береговая линия, географические объекты-ориентиры на Охотском побережье и вблизи него, а также условия и время плавания от одного места до другого. Подробная характеристика мест оканчивается на реке Мотыклей и далее говорится: «...и от тех мест итти возле утес день своею ж силою день до речки *Ламарав*, и от той речки итти своею ж силою возле утес до *Мотыхлея* реки, и на той реке у служивых людей зимовье было поставлено, а оттуль неподалеку река Товуй и людей на Тоуе много, а живут они с мотыхлейскими мужиками заодно, переходя» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 324—325]. Хотя река Тауй и упомянута в этом авторитетном для историков и географов документе, все же ни о каком ясачном зимовье на Тауе не говорится — создается полное впечатление, что поселение на Тауе было основано стадухинцами в 1652 г., в то же время этот документ указывает на зимовье, построенное на Мотыклее. Один из спутников Стадухина Архип Максимов Аршин также отмечает, что стадухинцы «пришли на Тоуй реку» в 159 г. (сентябрь 7159 г. соответствует 1652 г.) [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 266]⁴⁰.

Однако есть некоторые, хотя и довольно поздние по времени появления, материалы, позволяющие усомниться в том, что именно Стадухин был основателем Тауйского ясачного зимовья, и высказать предположение, что это зимовье было основано ранее появления отряда Стадухина в устье реки Тауй. В 1908 г. в журнале «Православный благовестник», издаваемом Казанской Духовной академией, было опубликовано сочинение протоиерея Прокопия Громова «Материалы

---

⁴⁰ С. Б. Слободин в своей заметке на обсуждаемую тему отмечает, что датировка основания Тауйска 1653 г. по стадухинским документам является ошибочной и возникла вследствие неверного пересчета дат [Слободин (Б. г.)] и настаивает на дате 1652 г. Ниже мы покажем, что имеются основания для пересмотра этой даты по иным источникам.

для истории камчатских церквей», которое заняло свое место среди разнообразных сочинений и публикаций архивных материалов, освещающих работу православных миссионеров на дальних окраинах России [Материалы для истории... 1908. С. 208—232]⁴¹, почти одновременно с изданием «Путевых журналов» И. Е. Вениаминова (Иннокентия), относящихся ко времени его служения в азиатской части России, в Якутии и на Дальнем Востоке России. В следующем году (1909) собрание материалов по истории Русской Православной церкви на Дальнем Востоке было выпущено отдельным изданием [Крылов, 1909]⁴². В сочинении Пр. Громова, при написании которого он, очевидно, использовал источники XVIII—XIX вв., хранившиеся в его семейном архиве, отмечается, что датой основания Тауйска считается 1650 г. [Крылов, 1909. С. 25].

Если верить этому сообщению, то получается, что «острожек» на Тауе был основан не позднее 1650 г. — то есть по крайней мере за два года до прихода Стадухина в эти места, и тогда он должен был быть основан кем-то из служилых людей, пришедших из Охотска. Это предположение, как бы фантастически оно ни выглядело на первый взгляд, косвенно подтверждается и текстами отписки самого Стадухина: «А как мы пришли на Дирядну реку, с сую сторону называют Тавуем („с сую сторону“ — то есть со стороны Охотска, поскольку с востока к этой реке до Стадухина никто не подплывал, и так сказано минимум два раза. — А. Б.), а на ту реку пришли 161 (1652) году сентября в 10 день, а на той реке острожек поставлен» (выделено нами. — А. Б.) [Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 121]⁴³.

Изучение названий реки Тауй, встретившихся в документах, мало что дает для выяснения времени основания Тауйского ясачного зимовья. Ясно, что название Тауй появляется в документах, в которых говорится о походах из Охотского острога на север, а Стадухин, пришедший на эту реку с востока, называет ее Дирядна. По документам, составленным в Охотске, видно, что река Тауй в течение долгого времени была северной границей территории, известной обитателям Охотского острога и посещаемой ими. Что касается наименования Кутана-амар, зафиксированного у арманских эвенов, то оно появляется только в XVIII в. и, возможно, может служить основанием для датировки формирования арманских оседлых эвенов как этнической общности.

---

⁴¹ О нем см.: [Минченко, 2006. С. 15—18]. Издание одного из сочинений: [Громов П. В., 2000].

⁴² Публикация отдельного издания осуществлена «С дозволением ректора Академии еп. Алексия».

⁴³ В других изданиях документов название реки читается как Дирыга, Дирымда или Дирылна.

Вчитаемся еще раз в текст отписки Стадухина, в котором говорится о приходе на Тауй. Если Стадухин написал «а на той реке *острожек поставлен*», вместо того чтобы рассказать, как строили этот «острожек» служилые люди из его отряда, — значит, есть основания полагать, что он застал на Тауе этот самый «острожек» уже построенным, но покинутым его основателями, имена которых остаются нам неизвестны. Обратим внимание, что в рассказе о походе на Оймякон (см.: 3.2.5) Стадухин говорит о постройке там зимовья казаками его отряда.

Не говорит о постройке зимовья и один из спутников Стадухина Архип Максимов Аршин: «...во 159-м году (1651 г.) зимним путем с Анандыря реки перешли на Пенжень реку и на той, государь, Пенжене реке делали суды, и во 159-м ж году пошли водяным путем, и пришли на Тогуй реку. И на Тогую реке служили тебе, государю, и взяли 3-х аманатов... ясак збирали, и жили на той реке 5 лет до 165-го году, и, живучи на той реке на Тугуе, ходили в походы по всякой год. И со 165-го году с той с Тогую реки перешли водяным путем по морю на Охоту реку з государевою соболиною казною и с аманатами...» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 266]. Умолчание о строительстве зимовья или острожка на новооткрытом месте — факт, из ряда вон выходящий.

Следовательно, 1650 г. как дата основания Тауйского острога, зафиксированная церковными историками, вполне может соответствовать исторической реальности.

7.10. «Роспись от Охоты реки...» 1651 г. как топонимический, историко-географический и историко-этнографический источник

Документ с названием «Роспись от Охоты реки подле морем итти подле землю до Ини и до Мотыхлея реки, и каковы где места, и сколько где ходу, и где каковы реки и ручьи пали в море, и где морской зверь морж ложится и на которых островах», составленный Алексеем Филипповым, давно известен историкам географии. Примерная дата составления этой «Росписи» — 1651 г. Материалы Алексея Филиппова остаются одним из интереснейших документов, описывающих топографию Охотского побережья середины XVII в. «Роспись...» выгодно отличается от других документов того же периода прежде всего богатством географических названий объектов, лежащих к северу от устья реки Охоты, причем многие из этих названий не воспроизводятся позднейшими источниками. Наряду с широко известными топонимами от реки Охоты до реки Тауй в «Росписи...» содержится множество

названий, не поддающихся локализации и не имеющих аналогий на современных картах.

Приведем интересующий нас текст «Росписи...» Алексея Филиппова: «С *Охоты* реки что виден мыс и за тем мысом речка *Ульякан*, и до той речки с *Охоты* идти день своею силою... а от той речки идти два дня до *Улбуя* реки и у той реки два устья... А от той *Улбуя* реки идти день своею ж силою до *Ини* реки... А с *Ини* реки идти день парусом ровной понос до камня до речки до *Олока* до становья... Тут же речка *Елка* и от той речки идти возле утеса день своею силою, а камню тому имя *Евакин*, а конец того камня у губы, а в губу пала речка *Шилканта*, и от тое неподалеку другая речка имя *Машиа*, а от тое речки моржовый мыс видеть, и до того мыса идти день своею силою, имя тому мысу *Мотосу* и на том мысу моржи ложатца, а становье есть; прошед моржовый мыс губа не велика, а от той губы до речки до петушков половина дни, а имя той речки *Укал*... и от той речки до речки *Томлякис* день ходу парусом тихой понос, а от той речки идти день до речки *Шукилкан*... а от той речки идти день возле озера... а у того озера у служивых людей море суды розбило, а имя тому озеру *Кетля тонори*, а от того озера идти два дня возле утес до речки *Манинкан*, а от той речки идти своею ж силою до ручья *Умтrentул* а оттоль идти подле утес своею силою день до губы, губа велика, а в тое губу пали две речки, одной имя *Чаломлян*, а другой *Телтель*... а та губа парусом перебегать день, и тут другая такова ж, а в тое губу падает речка *Екатля*, а против того места острова и моржи ложатся, и от тех мест идти возле утес день своею ж силою день до речки *Ламарав*, и от той речки идти своею ж силою возле утес до *Матыхлея* реки, и на той реке у служивых людей зимовье было поставлено, а оттуль неподалеку река *Товуй* и людей на *Тоуе* много, а живут они с мотыхлейскими мужиками заодно, переходя» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 324—325].

Попытаемся разобраться с этнической принадлежностью топонимов, упомянутых в «Росписи...», и установить их значение.

Ульякан — название, определенно связанное с топонимом *Улья*, оформленное тунгусским уменьшительным суффиксом *-кан*. **Улбуй** — несомненно, река *Ульбея*, одна из наиболее крупных рек на Охотском побережье к северу от устья *Охоты* и *Кухтуя*. Мы полагаем, что это название объясняется из корякского *Вулвывеем* 'Поперечная река'. **Иня** — определенно река *Иня*, впадающая в Охотское море, в устье которой расположен ныне поселок с названием *Новая Иня*. Название реки восходит к эвенскому слову *инга* 'песок', 'галька': действительно, эта местность изобилует галькой, из которой сложены многочисленные косы на морском берегу. До **Олока** — из контекста неясно, какова именно исходная форма географического названия. Если считать его сходным с названием населенного пункта и реки *Ола* севернее

Магадана, тогда его придется сравнивать с корякским словом *улвав*’, ‘привал’, ‘становище’. Можно привлечь для объяснения этого названия и корякское прилагательное *алакин* ‘летний’ — возможно, там располагались чьи-то летние жилища. **Елка** — об этом названии трудно сказать что-либо определенное, неясна и его этническая принадлежность — ср. корякское *ялгыгыйн’ын* ‘кочевка, кочевание’ от глагола *ялгытык* ‘кочевать’, чукот. *ялгытгыргын* ‘кочевка’. **Евакин** — это название сравнимо с корякским словом *йыв’ив* ‘ива’, поскольку многие чукотско-корякские топонимы образуются от названий деревьев. Иная возможность его истолкования заключается в сравнении его с корякским словом *ыявак’эн* ‘дальний’. **Шилкапта** — с определенной долей вероятности можно считать, что это название тунгусского (эвенкийского или эвенского) происхождения, однако пока оно не имеет удовлетворительного объяснения. **Маша** — вероятно, название образовано от корякского слова *мычгомыч*, мн. ч. *мычгов*’ ‘морская капуста’. **Мотосу** — название этого мыса объясняется из корякского языка как *ам-отты-чг’ын* ‘только дерево’ или *ыматычг’ын* ‘место, заливаемое приливом’ (ср. этимологию топонима Мотыклей, образованного от корякского слова *ыматы-кэ-элей* ‘остров, не заливаемый приливом’). **Укал** — название не имеет явных признаков, по которым можно было бы определить его языковую принадлежность. Внешне оно сходно с корякским словом *ук’выл* ‘волчок, юла’ (возможно ‘водворот’?), однако такое истолкование не может быть принято без известных сомнений. **Томлякис** — это название может возводиться к эвенскому *тэмлэкич* ‘место, где можно делать плоты или баты (долбленные лодки)’. Альтернативой данному объяснению является сравнение рассматриваемого названия с корякским *чамгыйн’ын* ‘мелководье’, *чемьльк’ын* ‘отмель’. **Шукилкан** — из эвенского языка, несмотря на тунгусский суффикс *-кан*, название не этимологизируется. Возможно, оно соответствует корякскому *чг’ув-пилгын* ‘узкое устье’. **Кетля тонори** — по-эвенски слово *төнгэр* имеет значение ‘озеро’, однако основа названия из эвенского языка не объясняется. Возможно, это название истолковывается из корякского языка как *ик’тылг’ын* ‘ледяное’ и образовано оно от корякского слова *ик’ыт*, *г’ик’ыт* ‘лед’. **Манинкан** — возможно, название отражает корякское слово *ымгыйн’ын* ‘глубина’. В чукотско-корякской топонимике имеется название *Майнагытгынвеем* ‘река большого озера’ [Топонимический словарь... 1989. С. 241]. Наличие в этом названии элемента *-кан*, совпадающего с тунгусским уменьшительным суффиксом, часто встречающимся в топонимах, обманчиво: из эвенского языка название не объясняется и аналогий в эвенской топонимике не имеет. **Умтрентул** — название скорее всего корякского происхождения, хотя оно не находит убедительного объяснения. Возможно, это название имеет общий ко-

рень с чукотским топонимом Умакрынет — *Умкырынн'эт* 'кустарниковый распадок' [Там же. С. 383]. **Чаломлян** — судя по форманту *-млян* (арманский диалект эвенского языка) *-мнан* (язык ольских эвенов), название может быть эвенским. Однако основа этого названия сравнима с корякским корнем *чалюмкатык* 'лежать в груди'. **Телпель** — название сравнимо с чукотским словом *талтын* 'конец' (ср. корякское *талтылг'ын*), и, таким образом, есть все основания предполагать его корякское происхождение. Ср. чукотский топоним Тыльпэгыргын (чукот. *тыльпэгыргын* 'обрывающийся') [Там же. С. 371]. **Екатля** — возможно, это название связано с корякским словом *йыйка* 'морж'; *йыйка-тыла-н* 'место движения моржей'. Но возможно и иное объяснение — посредством сравнения названия с корякским прилагательным *ик'тылг'ын* 'ледяной'. **Ламарав** — это название сходно с корякским словом *лымгылым* 'дерн', *лымгыян* 'землянка'. Последние два названия — **Матыхлей** (Мотыклей) и **Товуй, Тоуй** (Тауй) сохраняются до наших дней.

Несмотря на ненадежность установления языковой принадлежности и гипотетичность объяснения топонимов, содержащихся в «Росписи...», мы можем извлечь из ее топонимического материала ценную информацию о распределении тунгусских и корякских топонимов в западной части Охотского побережья в середине XVII в. Определенно корякское происхождение, по нашему мнению, имеет известный гидроним Улья, что касается других названий мест к югу от устья Охоты до района Шантарских островов, то их языковая принадлежность до конца неясна. В то же время тунгусская топонимика доходила в этот период до района озера с названием *Кетля тонори*, при этом часть топонимов к северу от устья Охоты уже явно адаптированы тунгусскими языками, а топоним Иня имеет однозначно эвенскую этимологию. «Роспись...» Алексея Филиппова подкрепляет наше предположение относительно того, что в 50—60-е гг. XVII в. граница между тунгусами (эвенами и отдельными группами эвенков) и оседлыми коряками проходила где-то поблизости от реки Мотыклей, и служит важным дополнением к источникам, напрямую указывающим на этот факт.

В отношении предполагаемых значений рассматриваемых названий можно заметить, что часть из них характеризуют объекты по предметам, которые могут находиться непосредственно на берегу моря («галька», «морская капуста», «что-то лежащее в груди»), или называют отдельные места по характеристике водного пространства, прилегающего к берегу («место, заливаемое приливом», «узкое устье», «мелкое место, отмель», «глубина»). В «Росписи...» не приведено ни одного этнонима — в ней нет ни названий народов, ни родовых названий или наименований отдельных территориальных групп местных жителей. Напрашивается объяснение, что «Роспись...» была составле-

на не во время сухопутного похода, а во время морского плавания вдоль побережья от устья Охоты к северу до таинственной речки Ламарав, откуда было уже совсем близко до Мотыклейского залива. Возможно, в этом походе мореходов сопровождал кто-то из местных жителей — очевидно, оседлый коряк, и с его слов были записаны загадочные названия, которые в наше время представляют столь сложный предмет в топонимических разысканиях.

Из материалов «Росписи...» можно сделать два важных вывода — во-первых, не все то, что в источниках фиксируется их составителями и подается их издателями как топонимы, на самом деле является таковыми, и во-вторых, микротопонимика территории определенно не представляет собой устойчивого компонента топонимического ландшафта, поскольку она легко изменяется при смене населения или попросту забывается и тем самым безвозвратно утрачивается.

Примечательно, что ни данная «Роспись...», ни иные документальные источники не содержат упоминания о реке с названием Рогдойка, изображенной на двух картах С. У. Ремезова как река, впадающая в Охотское море между реками Иня и Тауй [Ремезов, 2011. Л. 152, 160]. На одной карте севернее Рогдойки показана река с названием Улбеть — возможно, Ульбея, реально находящаяся южнее Ини. Источник сведений об этой таинственной реке неизвестен, идентификация этого названия в настоящее время отсутствует.

7.11. Моржи в Северо-Западном Приохотье: данные комплексного анализа документальных источников

«Роспись...» составленная Алексеем Филипповым (в других документах он же фигурирует как Алексей Филиппов Глубокий) и датированная 1651 г., как уже сказано ранее (7.10), представляет собой ценный источник по истории формирования географических представлений о Северо-Западном Приохотье. В этом документе сохранились около двух десятков названий географических объектов побережья Охотского моря в промежутке от Охоты до Мотыклея, большая часть которых не засвидетельствованы более поздними источниками и отсутствуют на географических картах Охотского побережья. Приведем фрагмент «Росписи...», в котором сообщается о лежбищах моржей на Охотском побережье и указывается их локализация: «А с Ини реки итти день парусом ровной понос до камени до речки до Олока до становья... Туто ж речка Елка и от той речки итти возле утеса день своею силою, а камню тому имя Евакин, а конец того камени у губы, а в губу пала речка Шилкапта, и от тое неподалеку другая речка имя Маша, а

от тое речки моржовый мыс видеть, и до того мыса итти день своею силою, имя тому мысу Мотосу и на том мысу моржи ложатца (выделено мною. — А. Б.), а становье есть; прошед моржовый мыс губа не велика, а от той губы до речки до петушков половина дни, а имя той речки Укал... и от той речки до речки Томлякис день ходу парусом тихой понос, а от той речки итти день до речки Шукилкан... а от той речки итти день возле озера... а имя тому озеру Кетля тонори, а от того озера итти два дня возле утес до речки Манинкан, а от той речки итти своею ж силою до ручья Умтрентул а отголь итти подле утес своею силою день до губы, губа велика, а в тое губу пали две речки, одной имя Чаломлян, а другой Телпель... а та губа парусом перебегают день, и тут другая такова ж, а в тое губу падает речка Екатля, а *против того места острова и моржи ложатся* (выделено мною. — А. Б.), и от тех мест итти возле утес день своею ж силою день до речки Ламарав, и от той речки итти своею ж силою возле утес до Матыхлея реки...» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 324—325]. Из этого отрывка можно понять, что на участке побережья Охотского моря от Ини до Мотык-лея (географическая привязка других названий этого документа весьма затруднительна) в 40-е гг. XVII в. мореходы, плававшие на север от Охотского острова, видели минимум два моржовых лежбища. В нашем распоряжении имеется еще один любопытный документ — «Рас-спросные речи» Ивана Афанасьева и Алексея Филиппова, датирован-ный 1652 г. В нем говорится: «...как де они в прошлом во 156 (7156 = 1648 г.) с усть Охоты реки шли на новую на Мотыхлей реку и дошли де они до Каменново мыса (наименование мыса Мотосу из „Роспи-си...“ в этом документе отсутствует. — А. Б.), и на том де на каменном мысе лежит зверя моржа версты на две и больши, и до Бременого (= добре много. — А. Б.). А парусным де погодьем побегу с усть Охо-ты реки до того Каменново мысу одне судки. Да с усть де Мотыхлея реки в виду есть острова в море. а сказывали де им тунгусы, что на тех островах *лежит зверя моржа много ж* (выделено мною. — А. Б.)» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 298].

Сопоставление данных двух документов позволяет сделать неко-торые интересные наблюдения. Во-первых, Иван Афанасьев и Алек-сей Филиппов посещали «моржовый мыс» как минимум дважды. В «Росписи...» и в «Расспросных речах» расходятся указания времени пути и маршрута, позволяющего попасть к моржовым лежбищам, а это может служить указанием на то, что в этих источниках даны опи-сания двух разных походов. Во-вторых, очевидно, что на том мысу, о котором рассказывают Иван Афанасьев и Алексей Филиппов, служи-лые люди видели морского зверя самостоятельно, в отличие от остро-вов Мотыклейского залива, где о моржах на островах им рассказали тунгусы — очевидно, эвены или эвенки, на присутствие которых в

районе Амахтона и Мотыклея в XVII в. указывают явно эвенкийские родовые названия типа Омоктогир.

На основе этих документальных источников можно сделать два предположения. Первое предположение будет заключаться в том, что сведения о моржах в Охотском море являются ошибкой и за моржей были приняты какие-то другие морские животные — например сивучи. Такая вероятность есть: моржей достоверно могли узнать только те служилые люди, кто бывали на Арктическом побережье, а ошибочные сведения попали в источники из-за неопытности наблюдателей. Второе предположение сводится к тому, что в середине XVII в. и в более раннее время моржи в Охотском море действительно водились, но впоследствии исчезли уже на глазах первооткрывателей этих земель или были уничтожены. Уместно напомнить, что именно такая судьба постигла уникальное животное — морскую корову Стеллера, которая была открыта в 40-е гг. XVIII в. на Командорских островах и в последующие десятилетия была полностью истреблена промышленниками.

Предположение о том, что сведения о моржовых лежбищах в Северо-Западном Приохотье являются ошибкой наблюдателей, несмотря на свою простоту, почти недоказуемо. У нас нет прямых свидетельств того, что сообщения «Росписи...» Алексея Филиппова и «Распросных речей», составленных при его же участии, не подтверждаются или же прямо опровергаются другими документами. Второе предположение, заставляющее допустить, что популяция моржей в Охотском море исчезла относительно недавно, заслуживает всестороннего внимания. Надо признать, однако, что реально существуют аргументы как опровергающие или заставляющие взять под сомнение эти интересные сообщения, так и служащие их подтверждением. Прежде всего настораживает полное отсутствие свидетельств охоты на моржей и добычи «рыбьего зуба» — моржовой кости на Охотском побережье в документах середины и второй половины XVII в. Это может косвенно указывать на то, что свидетельства Алексея Филиппова о моржовых лежбищах к северу от устья Охоты могли быть ошибочными.

Однако в пользу того, что моржи могли жить в северо-западной части Охотского моря, свидетельствуют материалы фольклора эвенов. Эвены живут на Охотском побережье в течение достаточно продолжительного времени — не менее 500 лет, и они, таким образом, вполне могли застать моржей среди всех прочих морских млекопитающих, которые и ныне встречаются в северной части Охотского моря. В 1980 г. в поселке Гижига Северо-Эвенского района Магаданской области при собирании материалов по эвенскому фольклору автору настоящей работы довелось записать эвенскую сказку, в которой в роли волшебных помощников героев фигурировали различные морские млекопитающие. В этой сказке нам встретилось слово *хоргули*, кото-

рое является, по объяснениям информатора, названием какого-то морского животного («это морское животное, как оно по-русски называется, я не знаю, а показать его не могу, оно тут не водится»). Названия ластоногих и китообразных в языке эвенов Охотского побережья хорошо известны: *калим* ‘кит’, *малтар* ‘белуха’, *мэтэкэ* ‘сивуч’, *кума* ‘нерпа’, *нарга* ‘ларга’, *акиба* ‘нерпа-акиба’, *чомака* ‘косатка’. Все эти слова, за исключением слов *хоргули* и *чомака*, есть в подавляющем большинстве словарей эвенского языка. Исполнительница этой сказки — Васса Егоровна Кундырь (1918—2002), одна из лучших знатоков эвенского языка и фольклора, прекрасно знала все эти названия, а сивуч (по-эвенски *мэтэкэ*) прямо фигурировал в этом же тексте в противопоставление данному таинственному животному. Во время очередной экспедиции к эвенкам летом 1988 г., помня, что название *хоргули* осталось без объяснения, автор показал В. Е. Кундырь открытку с фотоснимком моржового лежбища и задал вопрос, не это ли животное называется по-эвенски *хоргули*. Ответ был положительным: «Да, да, это и есть *хоргули*» — русское слово *морж* нашему информанту не было известно.

Таким образом, мы имеем некоторые основания предполагать, что моржи в XVII в. могли водиться на Охотском побережье, но впоследствии вымерли или были выбиты в ходе хищнического промысла. Возможно, сведения о них сохранились в эвенском фольклоре. Кстати, сходная судьба постигла популяцию китов в Охотском море, которая была почти полностью выбита во второй половине XIX—начале XX в.: в более позднее время и в наши дни киты встречаются в Охотском море в единичных экземплярах. Та же В. Е. Кундырь рассказывала автору, что в 1942 г. на берег Охотского моря в районе Наяхана выбросило мертвого кита (именно кита — *калим*), мясо которого местные жители употребили в пищу.

Эвенское название для моржа или для неизвестного морского млекопитающего *хоргули* не имеет этимологии. В родственных эвенскому тунгусо-маньчжурских языках имеются сходно звучащие слова — это негидальское слово *уйгули*, нанайские слова *ургули*, *хуйгулуэ(н)* ‘медведь (очень большой)’ [Сравнительный словарь... Т. II. С. 251б], однако они не обозначают морских млекопитающих, хотя и могут возводиться к одной праформе с эвенским *хоргули*. Правда, различия в значениях слов не могут служить препятствием для сопоставлений: в каких-то языках значение слова могло измениться. Тем не менее у нас есть и иные лингвистические данные, позволяющие говорить о том, что древние обитатели Приохотья были знакомы именно с моржами.

Отдельное специальное название для моржа существует в тунгусских языках народов Приамурья. Это ороческое *чуихэ*, удэгейское *чуһиэ* ‘морж’, ульчское *чуйэхэ* ‘морж’, ‘клык моржа’, нанайское *чуйэхэ*

‘морж’ [Сравнительный словарь... Т. II. С. 410б]. Это слово сравнивается с нивхским словом *ч’уһных* ‘морж’ [Там же]. Закономерен вопрос: как и откуда могло в целой группе языков появиться название для весьма определенного морского млекопитающего, если бы само это млекопитающее в Охотском море никогда не обитало? Тот факт, что приведенное выше слово представлено в нивхском языке и в тех языках, которые контактируют или ранее контактировали с нивхским языком, до недавнего времени побуждал специалистов считать это слово заимствованием в тунгусские языки из нивхского языка. Однако более вероятно, что источником всех этих слов было название моржа в чукотском и корякском языках: ср. чукотское *рыркы* (женское произношение *цыццы*), корякское *йыйка*, алюторское *титкан* ‘морж’. Последняя форма стоит ближе всего к общечукотско-корякскому архетипу этого слова, который восстанавливается как *šəška (по О. А. Мудраку) или даже как *dədka (по И. А. Муравьевой) [Мудрак, 2000. С. 260]. Представленная в южнотунгусских языках форма *чухэ, чуйэхэ* по своему внешнему облику точно соответствует форме слова ‘морж’ в тех корякских диалектах, где согласный [й] изменяется в аффрикаты [дж], [дз]; ср. корякские слова (чавчувенский диалект) *яян’а* ‘яранга’, *яйол* ‘лиса’, *яйй* ‘шаманский бубен’, которые в языке коряков пос. Чайбуха Северо-Эвенского района, представляющем ныне самый западный диалект корякского языка, звучат как *дядян’а, дядел, дядяй*. Следы такого же диалекта корякского языка встречаются на территории юго-запада нынешней Магаданской области, где отмечены топонимы Детрин и Дирыга, Дирыдна — наиболее раннее из известных названий реки Тауй. Оба эти топонима, скорее всего, по происхождению являются корякскими и восходят к местным диалектам. О контактах коряков с нивхами, имевших место в далеком прошлом — до появления тунгусов на Охотском побережье, писал И. С. Вдовин [Вдовин, 1973. С. 235—240].

Таким образом, мы имеем все основания считать, что название моржа в приамурских языках заимствовано из языка предков коряков — наиболее древних обитателей Охотского побережья, причем из того самого западного диалекта, черты которого и ныне сохраняются в языке тайгоносских и каменских коряков. Корякская по происхождению топонимика достоверно прослеживается в Западном Приохотье примерно до района реки Ульи и, возможно, даже далее к югу, а корякский языковой субстрат отмечается во всех приамурских языках [Бурыкин, 1984. С. 20—23; 2000. С. 69—73] и в нивхском языке, чем и объясняется наличие нивхско-корякских параллелей в лексике [Крейнович, 1980. С. 180—202]. Нивхское слово *ч’уһных* ‘морж’, возможно, также является заимствованием из корякского языка с осмыслением его как ‘кlyкастый тюлень’ (ср. нивх. *ч’оһ* ‘клык’).

Фольклорные материалы и лингвистические данные независимо друг от друга так или иначе подтверждают известные нам исторические свидетельства о распространении моржей в Охотском море в недавнем прошлом. Едва ли может быть случайным и то, что название моржа в большинстве языков народов Западного Приохотья восходит к языку коряков, которые составляют автохтонное население как Охотского, так и Берингоморского побережий и которым, очевидно, принадлежат неолитические культуры на территории Охотского побережья к югу от Магадана.

Факты языка и фольклора, а также данные исторических документов, свидетельствующие, хотя бы и предположительно, о распространении моржа в Охотском море, ставят новые задачи перед археологами и палеозоологами, областью работы которых является охотоморский ареал. Костные останки морских животных, которые в большом количестве обнаруживаются в различных археологических культурах северной и западной части Охотского побережья, Сахалина и Курильских островов, требуют внимательного изучения на предмет выявления в них костей моржа. Интересно было бы также проследить возможность распространения предметов из моржового клыка в древности и особенно в средние века в Японии, Китае и Корее. Если какие-либо предметы из моржового клыка будут выявлены в музейных коллекциях по культуре этих стран и будут датироваться временем до XVII в. — до того времени, когда на Дальний Восток могли поступать моржовые клыки с крайнего северо-востока России, — это будет означать, что моржовый клык попадал в страны Дальнего Востока именно с Охотского побережья.

7.12. Острожек Кынговой на реке Хеверен, или рассказы о том, как Анадырский острог в описаниях эскимосов островов Диомиды превратился в неизвестное русское поселение на Аляске

В продолжение XVIII в. в документальных источниках, относящихся к Чукотке, Камчатке и островам Берингова пролива, неоднократно появлялись сведения о русских людях или людях, похожих на русских, которые якобы живут на американских берегах, причем указывалось даже место их проживания — острожек Кынговой на реке Хеверен, или Хеуверен. Эти сообщения породили массу гипотез, отраженных в исторической литературе. Мы не будем вдаваться в анализ этих гипотез: он беспредметен, потому что на Аляске в конце концов не был найден не только острожек, но и самая река Хеверен, которую

перестали изображать на картах с 1820-х гг. Наша цель, как и во многих других случаях, рассмотренных в этой книге, — попытаться выяснить, что могут означать слова-названия загадочных объектов и в каких историко-этнографических и географических условиях были получены данные сведения, и потом уже делать какие-либо выводы.

Одним из первых, кто сообщил о том, что на Аляске «якобы живет народ, совершенно тождественный с русскими», был Г. Стеллер, узнавший об этом поселении на рубеже 1730-х и 1740-х гг. Он писал: «Еще одно, притом более подробное, сообщение о материке Америки и о лежащих там в промежутке островах на одной широте с Чукотским носом и напротив него мне удалось получить от бежавшего из чукотского плена коряка. Этот человек сообщил мне, что из-за своего плохого поведения чукчи уже давно не осмеливаются появляться на Американском материке и что они торгуют на островах, вплоть до крайнего острова, который расположен между материком и Чукотскими островами. На том крайнем острове живет особый народ, играющий роль посредников между американцами и чукчами и называемый у русских зубатками из-за длинных костяных палочек, которые они в виде украшения втыкают в концы верхней губы. В битве чукчей с людьми майора Павлоцкого таких туземцев было убито двое. Среди американцев якобы живет народ, совершенно тождественный с русскими по фигуре, нравам и обычаям; анадырские казаки того мнения, что это потомки лиц, в кочах выехавших с Лены и пропавших затем без вести. Весьма правдоподобно, что их плохие суда были выброшены штормом на сушу, и местное население принудило их здесь остаться. То американское блюдо, которое я купил для Кунсткамеры, является изделием этих людей» [Историко-этнографическое описание... 1999. Гл. 23] (цит. по: [История русской Америки, 1997. С. 31—32]). Б. П. Полевой, обсуждая вопрос о раннем русском поселении на Аляске, со свойственной ему категоричностью утверждал: «...невозможно допустить, чтобы в середине XVII в. кто-либо из русских, ходивших на кочах только „подле земли“, мог бы пересечь 90 км Берингова пролива и попасть на Аляску» [История русской Америки, 1997. С. 37—38]. Это по меньшей мере странно — утверждать, что поморский коч имел меньшую мореходность, чем чукотско-эскимосские байдары, которые много лет плавали и, кажется, до сих пор иногда плавают через этот пролив, тем более что все плаванья реально осуществляются в виду земли — островов или берега материка. Другое дело, что этот пассаж, как мы покажем, не имеет прямого отношения к обсуждаемому вопросу вообще.

В 1763 или 1764 г. о «крепости» на реке «Хеуверин» слышал Николай Дауркин. А. И. Алексеев пишет: «В сказке Дауркина, с которой делалось приведенное сообщение о его походе, говорится следующее:

„...бывшей у чюкочь казак Николай Дауркин скаскою показал, что по бытности его у чюкочь слышал он в разговоре (выделено нами. — А. Б.), что де против чукоцкого носу имеется три острова имянуемые по их чукоцкому названию; первой Имяглин, второй Инялин, а третьей Акибянь стоит близ земли, называемой Кыгмын, на коей крепость подле реки Хеуверина: а на те острова ходят те чюкчи зимою пешком по лду...“ [Алексеев, 1966. С. 92].

Летом 1779 г. подробные сведения о «российских людях», которые якобы живут на Аляске, получил казачий сотник И. Кобелев, посланный «Из Гижигинской крепости в Чукоцкую сторону». В экстракте из его «журнала» мы читаем: «Июля 31 дня Кобелев переехал на второй остров, называемой Игеллин... На оном острове главный старшина именуемой Кайгуню Момахунина, объявил о себе, якобы он природою американец и родился в земле Американской, а со временем переселились на оной остров. Которой между разговорами объявил якобы на Американской земле по реке Хеврене, [в] острожке, именуемом Кынговей, жительство имеют российские люди, разговор имеют по российски ж, читают книги, пишут, поклоняются иконам ж и прочая, собою ж от американцев отмениты, ибо у американцев бороды редкие, да и те выщипывают, а у живущих там россиан бороды густые и большие» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 330]. Правда, далее можно прочесть, что на Аляске живут люди, имеющие по два лица [Там же. С. 331]. Такие же рассказы о русских Кобелев слышал и «в Кангунском Авунминском острожку от пешего чукчи Ехилка Опухина» [Там же. С. 331].

В 1789—1791 гг. сотник И. Кобелев вторично побывал на островах Диомида. На сей раз в его журнале записано: «...на том же острове (по наименованию Кобелева — остров Укапан, т. е. скала Фэруэй. — А. Б.) нашел самих американцев человек до десяти, которые жительство имеют по реке Хевереню, кои переехали еще прошедшим летом на трех байдарах для торгу» (примечание издателей: «Здесь речь идет об эскимосах с р. Хеверен») [Этнографические материалы... 1978. С. 164]. В этом сообщении уже нет указаний на русское поселение.

Насколько мы знаем, единственная попытка идентифицировать языковую принадлежность загадочных названий Кынговей и Хеверен/Хеуверен была сделана совсем недавно Л. М. Свердловым [Свердлов, 1992; 1995]. Правильно решив, что языком собирания сведений о таинственных местах, где могут жить русские люди, был чукотский, он же был языком общения чукчей с эскимосами и с русскими, Л. М. Свердлов сопоставил название Хеверен/Хеуверен с чукотским *кхевьяран* ‘холодное жилище (не углубленное в землю)’, а название острожка Кынговей — с чукотским Кымгытвээм ‘Извилистая река’ [Свердлов, 1992. С. 57]. Понятно, что локализовать объекты с такими

названиями на местности, тем более даже не на Чукотке, а на Аляске, невозможно.

Мы полагаем, что название реки Хеверен/Хеуверен соответствует чукотскому апеллятиву *кагыргын* 'отверстие, вход, устье' с примечанием «так называют иногда чукчи устье р. Анадырь» [Топонимический словарь... 1989. С. 166]. Но тогда название острожка Кынговой сравнивается с чукотским гидронимом Гуйгувээм 'река, на которой стоит крепость': Вуйвун/Гуйгун — чукотское название Анадырского острога и нынешнего поселка Марково, стоящего почти на его месте [Там же. С. 108]. Коряки называли реку Гижигу Вуйвовеем 'Крепость-река' по наличию на ней русского поселения [Там же. С. 120], так же могла называться в среде чукчей и река Анадырь после основания Анадырского острога.

Из сказанного следует, что жители островов Диомида и другие информаторы рассказывали путешественникам не о таинственном русском поселении на Аляске, а об Анадырском остроге. Может ли такое быть? Постараемся привести доказательства, причем такие, которые не оставляют рассматриваемой истории иного объяснения.

Даже если считать название эскимосским Кынговой и прочитать его как эскимосское *к'уйн'их'к'уаг'вик* 'оленье пастбище', мы так или иначе сталкиваемся с объектом, характерным не для Аляски, а для Чукотки, однако мы останемся при мнении, что названия Хеверен и Кынговой в рассказе частично поменяли обладателей: название реки — Гуйгувеем превратилось в название поселения — Кынговой, так как наименование устья реки — *Кагыргын* стало в рассказах именем самой реки — *Хеверен, Хеуверен*. В дополнение к этому у нас есть бесспорные, хотя и косвенные, доказательства того, что подобные рассказы могли быть записаны только на островах Диомида и только при участии чукчей или чукотского языка. С островов Диомида, напомним, происходят три известия о загадочном поселении на таинственной реке из четырех — за исключением рассказа Н. Дауркина. Кстати, Дауркин, природный чукча, понял, что в услышанных им рассказах речь идет о крепости (*гуйгун* по-чукотски), и не стал воспроизводить в своем рассказе название этого объекта.

Мы знаем имя эскимосского старшины, от которого слышали повествование об острожке Кынговой, — его звали Кайгун Момахунин. Форма Кайгуню — русифицированная в тексте форма чукотского эргативного падежа (ожидалось бы Кайгуна). Имя Кайгун в таком виде — имя азиатских эскимосов, оно означает «бурый медведь», но соответствующее слово в языке азиатских эскимосов заимствовано из чукотского языка, ср. чукот. *кэйнгын* 'бурый медведь'. Вторая часть имени старшины для нас не менее интересна, по-эскимосски *мумих-*

так'а — ‘переводит на другой язык’, что могло быть как профессией, так и именем: у эскимосов Чукотки распространена фамилия Мумихтыкак, восходящая к личному имени.

О себе старшина острова Диомида рассказал, что он «природою американец и родился в земле Американской», там же, где «на Американской земле по реке Хеврене» живут «российские люди». Таково содержание документа И. Кобелева, которому почти 240 лет верили на слово: раз записано «земля Американская» — значит, речь идет об Аляске. Однако, во-первых, маловероятно, чтобы старшина с именем чукотского происхождения родился на Американском континенте, логичнее предполагать, что родился он на Чукотке. Во-вторых, языком общения жителей острова Диомида с И. Кобелевым был чукотский язык — иначе быть не могло, в-третьих, рассказ о реке и острожке был услышан на острове, а не на побережье. В чукотском языке слово *рочгын* имеет значение ‘противоположный берег’, а также ‘обитаемый берег, удаленный от говорящего вдоль побережья в ту или иную сторону’, *рочгыльын* — ‘человек, живущий за рекой, за морем’, *рочгэн, рочгынкэн* — ‘заречный, заморский’ [Молл, Инэнликэй, 1957. С. 110], *рочгыча* — ‘далее по берегу’. Компонент *рочгын* встречается в личных именах чукчей, ср. фамилию Тымнэрочгинаут (Тымн’эрочгын’авыт ‘Просто женщина с того берега’) или чукотско-эскимосское имя Росхи ‘Житель другого берега’. Рассказы, интересующие нас, записаны не на материке, а на островах — в одном случае на острове Диомида, в двух (рассказ информанта Г. Стеллера и второй рассказ И. Кобелева) — на острове с названием, записанным как Укапан (скала Фэруэй, чукотское название в более современной форме неизвестно). Если смотреть с острова, будь то остров Диомида, скала Фэруэй или что-то еще, то *рочгын* — это любой материковый берег или берег ближайшего острова. Для И. Кобелева, мыслящего себя на Чукотке, противоположным берегом была Аляска, для старшины острова им были и Аляска, и Чукотка. Из всех приведенных рассказов название Аляски — Кыгмин присутствует только в рассказе Н. Дауркина, который, как можно думать, не понял названия Хеврен, хотя правильно определил слово «крепость», однако рассказ Дауркина на деле — пересказ каких-то слухов, дошедших, возможно, с островов Берингова пролива.

Таким образом, у нас уже даже не достаточно, у нас избыток фактов, свидетельствующих о том, что в рассказах жителей островов Диомида, слышанных во второй трети и второй половине XVIII в., речь шла не о неизвестном русском поселении на Аляске, а об Анадырском остроге — единственном в ту пору постоянном русском поселении на Чукотке. Объясняется и то, почему река Хеврен исчезает

из документов и с карт после 1820-х гг. Поиски неизвестных русских людей на Аляске успеха не имели [Болгурцев, Корякин, 2002. С. 92]. Когда русские моряки стали приходить непосредственно на Алеутские острова или на Аляску, минуя двуязычные и почти полиэтнические острова Берингова пролива, река с чукотским названием, конечно же, не была и не могла быть ими найдена на Аляске — ведь она находилась пусть не очень далеко, но все же на другом материке.

Глава 8

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ЭТНОНИМОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

8.1. Эвены и эвенки

В литературе давно укоренилось мнение, что названия народов «эвены» и «эвенки» известны уже почти полторы тысячи лет. В. А. Туголуков пишет: «В хронике, относящейся к VII в. н. э., встречается этноним *увань*, прилагавшийся к народу, жившему в нескольких стах километров к северо-востоку от озера Байкал. Дело не ограничивается простым созвучием этих двух слов. Важный смысл совпадения заключается в том, что этноним *увань* прилагается к народу, занимавшемуся оленеводством. „Оленей кормили мхом и впрягали в телеги“, — говорится в хронике» [Бичурин, 1950. С. 350]» (см.: [Туголуков 1970. С. 207]). Как отмечает Г. М. Василевич, ранее такого же мнения о тождестве названий народов «увань» и «эвенки» придерживались А. Н. Бернштам и А. П. Окладников ([Василевич, 1969. С. 11]. См.: [Залкинд, 1937. С. 68—79]).

Впрочем, высказано и мнение, что название «эвенки» соответствует китайскому этнониму *сяньби*, который, как полагают, сохранился в кетском языке в виде *хевенба*, а название «эвены» соответствует китайскому *увань*, которое произносилось даже ближе к знакомой нам форме — *овэн* или *эвэн* [Шавкунов, 1968. С. 25].

Надо предупредить читателей, что сравнениям, подобным приведенным выше, можно верить, а можно и не верить — нет никакой возможности доказать или опровергнуть их правильность. И китайский язык, и тунгусо-маньчжурские языки за полторы тысячи лет изменились, а ученые в таких случаях сравнивают приблизительно восстановленное звучание китайского слова с современным самоназванием народов.

По поводу происхождения названия «эвены» есть два известных мнения. В. И. Цинциус считала, что название «эвены» происходит от эвенского глагола *эвдэй* ‘спуститься с гор’ [Цинциус, 1947. С. 6, примеч. 3]. Начала этих слов действительно похожи, но в этом случае название народа скорее выглядело бы как *эвчэ*, а слово *эвен* означало бы ‘спуск с гор’.

К. А. Новикова полагала, что название и самоназвание эвенов *эвен* означает ‘здешний, местный’ [Новикова, 1960. С. 11]. Здесь надо сразу же признать, что именно данное объяснение происхождения названия «эвены» выглядит наиболее верным.

В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» названия «эвены» и «эвенки» выделены в отдельную статью *эвенки* ‘эвенк’ [Сравнительный словарь... Т. II. С. 436б] и отделены от других форм, с которыми кто-либо когда-либо пытался сравнивать данные названия, но это сделано либо ввиду несогласия составителей с этой этимологией, либо для удобства чтения самого словаря (в самом деле, кому бы пришлось в голову искать название народа «эвенки» в словарной статье под словом *эвунки* ‘поперек’!).

Из материалов, приведенных в статьях «Сравнительного словаря...», напрашивается вывод, что у названий «эвены» и «эвенки» много общего — даже больше, чем можно было бы предположить. Имена прилагательные, образованные от этих названий, выглядят одинаково — *эвэды* ‘эвенский’, ‘эвенкийский’, в ряде диалектов эвенкийского языка среди особых форм для названия женщин наряду с формой *эвенкимни* ‘женщина-эвенкийка’ приведена и форма *эвэмни*, не содержащая элемента *-ки*, различающего эти этнонимы. Эвенское название женщин-представительниц эвенского народа словарями не отмечено, но должно выглядеть почти так же — *эвэмнэ*.

Среди эвенкийских и эвенских слов с местоименным корнем *э-* ‘этот, ближайший’ довольно много производных с явно самостоятельным морфологическим элементом *-в-*: эвенк. и эвен. *эвгидэ* ‘эта сторона’, эвенк. *эвгиски*, эвен. *эвэски* ‘сюда’, эвенк. *эвгу* ‘этот, ближний’, эвен. *эвгилэ* ‘здесь, сюда’, *эвуг* — *эвув*, *эвэг* ‘этот, близкий, ближний’ [Там же. С. 460а—462а]. Есть такие же производные и у слов с местоименным корнем *та-* ‘тот, более удаленный’: эвенк. *тавала* ‘там рядом, туда’, эвен. *тавгида* ‘та (обратная) сторона’, *тавур* ‘вон тот, вот тот’ [Там же. С. 164б—167б]. Правда, слово *эвен* в значении ‘здешний, местный’ не зафиксировано существующими словарями: даже словарь-гlossарий К. А. Новиковой дает только слово *эвен* ‘эвен’ как название народа, самое близкое по звучанию прилагательное выглядит как *эвув*, *эвуг* — *эвэг* [Новикова, 1980. С. 237]. Придется признать, что данное обстоятельство оказывается слабым местом в объяснении происхождения этнонима *эвены*, однако же не дает особых оснований для

сомнений. Элемент *-н-* присутствует в словах с пространственным значением — даже в упоминавшемся наречии *эвунки* ‘поперек’ и других образованиях того же типа.

Есть еще два убедительных аргумента в пользу того, что названия «эвены» и «эвенки» имеют исходное значение именно ‘здесьние, местные’.

Эвены низовьев реки Анадырь на Чукотке, чтобы отличить местных жителей от приезжих, называют себя вместе с другими коренными обитателями этих мест — чукчами и чуванцами словом *эрэмнгэл* ‘здесьние жители’, которое происходит от того же корня *эр-*, *эр-* ‘этот, ближайший’¹.

Юкагирское название эвенов *эрэйэ* не имеет объяснений из юкагирского языка. Вместе с тем с точки зрения словарного состава тунгусо-маньчжурских языков оно выглядит довольно прозрачным и состоит из двух компонентов: *эр* ‘этот’ и *бэйэ* ‘человек’. Появление такого названия может быть обусловлено тем, что ранее слово или словосочетание *эр-бэйэ* было самоназванием какой-то из территориальных групп эвенов, с которыми контактировали юкагиры. Нетрудно заметить, что это слово входит в тот же ряд слов с корнем *эр-*, *эр-* ‘этот, ближайший, здесьний’, что и слова, рассмотренные выше. Несколько менее вероятно то, что юкагирское название эвенов *эрэйэ* происходит от вышеприведенного эвенского слова *эрэмнгэ* ‘здесьний житель’.

Как-то даже странно, что и в специальной работе В. А. Туголукова об этнонимах эвенков и эвенов, и в последней по времени работе того же автора, посвященной этнической истории эвенов [Туголуков, 1970. С. 204—217; История и культура эвенов, 1997], ссылок на труды В. И. Цинциус и К. А. Новиковой нет вовсе — там есть свидетельства старых источников, мнения информаторов автора — эвенков о своем самоназвании и названиях, но нет мнений ученых-лингвистов или же они приведены без упоминания имен авторов и точных ссылок на известные труды. Сам В. А. Туголуков принимает высказанное Я. И. Линденау более 250 лет назад предположение о том, что слово «эвенки» означает ‘поперечные’ [История и культура эвенов, 1997. С. 14; Туголуков, 1970. С. 209—210; Линденау, 1983. С. 79]².

Я. И. Линденау действительно сравнивал этноним *эвенки* с эвенкийским словом *эвэнки* ‘поперек’. У него написано: «Тунгусы в Удском остроге называют себя *Owunski*, или „поперешные“» [Линденау, 1983. С. 79]. Да, в современном эвенкийском и эвенском языках име-

¹ Полевые материалы автора, г. Анадырь, 1993 г.

² Эта интерпретация этнонима *эвенки* вынесена В. А. Туголуковым в название одной из его книг [Туголуков, 1980].

ется наречие *эвунки, эвэнки* ‘поперек’ [Сравнительный словарь... Т. II. С. 435б—436а], но это не более чем случайное совпадение слов.

Более внимательное чтение текста Линденау позволило бы современным исследователям ближе подойти к мотивировке названия «эвенки» и найти по крайней мере еще одну возможность для его истолкования. Линденау, у которого рядом с вышеприведенным объяснением этнонима *эвенки* приведено еще четыре подобных истолкования этнонимов (из них верно лишь одно, касающееся негидальцев; столь же произвольны у Линденау толкования этнонимов в описании коряков), далее пишет: «Гиляков верхние тунгусы называют *Owuncki Langtar...*» [Линденау, 1983. С. 79]. Здесь, правда, непонятно, кого именно Линденау имеет в виду под гиляками — собственно нивхов или каких-то тунгусоязычных жителей Нижнего Амура, среди которых вполне могли быть и эвенки. Но это написание из двух слов может быть понято как «житель низовьев», во-первых, из-за очевидного сходства со словом *эйэ:ки* ‘вниз по течению реки’, во-вторых — из контекста, в котором оно встретилось: в нем упоминаются «верхние тунгусы».

О названии «эвенки» Г. М. Василевич писала: «Самоназвание „эвен“ было записано и в XIX в. от енисейских тунгусов, а в 1930 г. сымские тунгусы — потомки ангаро-енисейских — еще помнили, что прежде и они назывались так же. ...Сохранение этого самоназвания у енисейских, у потомков ангарских и у забайкальских эвенков, а также на крайнем северо-востоке, ряд общностей между данными группами как в этнографическом, так и в лингвистическом отношении являются свидетельством родства предков современных эвенков и эвенов и распространения названия „эвен“ на северо-восток из Приангарья-Прибайкалья задолго до прихода русских. Свидетельствует оно и о том, что суффикс *-ки* добавился уже после расселения эвенов по северу, а может быть, и после того, как северо-восточные эвены начали формироваться в отличную (по языку и элементам культуры) от материнской группу. Распространенность названия „эвенки“ по всей территории Сибири, у солонов и онгкоров, а также у тунгусов (манегров, бираров) на правых средних притоках Амура говорит о глубокой древности его появления. Переводить его из современных языков нельзя, хотя сами эвенки и пытаются его этимологизировать» [Василевич, 1969. С. 10—11].

Трудно понять, какую же позицию занимала Г. М. Василевич в вопросе о происхождении названия «эвенки» — с одной стороны, название «эвенки» у собственно эвенков явно, по ее мнению, накладывается на более раннее наименование «эвены», которое в этом случае, видимо, должно быть общим для предков эвенков и эвенов, с другой стороны, этноним *эвенки*, по ее словам, — тоже древний, но употребляв-

шийся по отношению к тунгусским народам (собственно эвенкам и солонкам), жившим рядом с монголоязычными народами.

Ко всему сказанному можно добавить, что И. Г. Георги писал: «Тунгусы называются сами Евоенами, потому что праотца их звали Евоеном» [Георги, 1777. Ч. III. С. 34]. Главное для нас здесь то, что наименование «эвены» было приложимо к тунгусам-эвенкам даже не в XIX, а еще в XVIII в. То же отмечал и И. Э. Фишер: «собственное имя тунгусов есть Опен», «истинное их имя есть эпен» [Фишер, 1774. С. 70, 382, примеч. 50]. Судя по форме, это название тунгусов могло быть услышано от якутов.

Если этноним *эвенки* является достаточно старым и распространен он в той области, где тунгусские народы давно и интенсивно контактируют с монголоязычными и тюркоязычными народами, то не так уж невероятно предположение, что элемент *-ки* в этом названии соотносится с тюркомонгольским суффиксом прилагательных с пространственным значением, который в тюркских языках выглядит как *-кы/-ки*, в монгольских как *-хи*.

Значение ‘здешний, местный’ остается у этнонима тем же самым, лишь усиливается его пространственная ориентированность. Таким образом, если подчеркнуть контраст в значениях названий *эвен* и *эвенки*, то форма *эвенки* могла бы быть объяснена как ‘здесь находящийся’, ‘здешний’.

Впрочем, можно предполагать и несколько иную историю появления названия «эвенки». Среди возможных предков тунгусоязычных народов китайские исторические хроники называют народ *си* или *хи*. Эти названия иногда не вполне удачно передаются по-русски как ‘сисцы’ или ‘хисцы’. Исходя из последней формы, можно думать, что этноним *эвенки* восходит к сочетанию *эвен хи* ‘здешний *хи*’, вероятно, тот *хи*, который живет близко от говорящего, по эту сторону горного хребта и т. п.

О названии арманских или пеших (оседлых) эвенов *мэнэ* следует заметить, что совершенно права была К. А. Новикова, когда говорила, что это фонетический вариант самоназвания арманских эвенов *эвнэ*, заимствованный эвенами-оленеводами — теми, которые называли себя *орач* ‘оленный’ [Новикова, 1960. С. 10—11]. Эдесь все закономерно: форма *эвен* — самоназвание эвенов — должна была измениться в языке арманских эвенов в *эвнэ* и могла превратиться в *мэнэ* при заимствовании ее эвенами-оленеводами. Иные мнения, согласно которым название *мэнэ* — это что-то особое [Попова У. Г., 1981. С. 6; История и культура эвенов, 1997. С. 14], ошибочны.

Рассмотрим другие названия эвенов и эвенков.

Самоназвание эвенов северной части Охотского побережья *орач*, изредка встречающееся в источниках как название местного населе-

ния, означает ‘оленный’ (несколько десятков эвенов числятся в официальных документах именно под этим названием). Это старое эвенское прилагательное с редким суффиксом *-ч* необычно выглядит в современном языке, поэтому многие эвены считают, что их самоназвание *орачил* происходит от слова *оранчи* ‘богатый оленями’. Можно думать, что это название возникло по аналогии с названием эвенов, бытующим и по сей день у чукчей и коряков, чукчи называют эвенов *к’орарамкыт*, коряки — *к’ояямо* ‘оленный народ’. Отметим, что самоназвание *орачил* бытует только у тех эвенов, которые живут в соседстве с коряками и расселились по территории их нынешнего местообитания лет 300—350 назад.

Название *илкан бэй* — название и самоназвание некоторых групп эвенов, живущих вблизи Арктического побережья между Яной и Колымой, имеет значение ‘настоящий человек’, оно хорошо понятно всем современным эвенкам [Новикова, 1960. С. 10]. В. А. Никонов, утверждая, что название *илконбеи* означает ‘здешний житель’ [Никонов, 1984. С. 49], ошибается. Оно также не имеет никакого отношения к слову *илкэн* ‘метка на ушах оленя’, как думают некоторые из авторов [История и культура эвенов, 1997. С. 15]. Стоит обратить внимание, что чукчи, живущие или жившие по соседству с этими группами эвенов, в качестве общего самоназвания используют слово *лыгьоравэт-льан*, также означающее ‘настоящий человек’. Сходство значений самоназваний и названий, представленных у соседей, — результат этнокультурного взаимодействия в пределах отдельных территориальных групп эвенов.

Само слово *илкан* для тунгусо-маньчжурских языков редкое — оно встретилось только у эвенов и негидальцев [Сравнительный словарь... Т. II. С. 3086]. Редкие тунгусо-маньчжурские слова, встречающиеся в одном или нескольких языках или диалектах, в большинстве случаев — старые заимствования из соседних языков или языков дотунгусского населения. Весьма похоже, что слово *илкан* соответствует чукотскому причастию *нъэлыльын* ‘ставший, сделавшийся’.

Этноним *орочены*, характерный для некоторых групп эвенков Приамурья, имеет два истолкования. В. А. Туголуков считает, что он связан с эвенкийским словом *орон*, эвенским *оран* ‘олень’ и означает ‘оленные’ [Туголуков, 1970. С. 211—213]. Г. М. Василевич писала о том, что это название происходит от местности Оро, находящейся в отрогах Яблонового и Станового хребтов [Василевич, 1969. С. 11—12]. Очень важно, что орочоны-жители Среднего Амура не имели оленей [Там же. С. 11]. Видимо, в отношении этнонима *орочон* следует признать правоту Г. М. Василевич. Скорее всего, название *орочоны* распространилось в разных направлениях из района Среднего Амура и

в ряде мест оказалось переосмысленным по сходству со словом *орон* ‘олень’.

Этот этноним встречается и у Я. И. Линденау, но исследователи ранее там его не замечали: «...оленных тунгусов, или *ороченов* (курсив наш. — А. Б.), коряки называют *Којајамте* (к’ояямко. — А. Б.), то есть оленьи люди» [Линденау, 1983. С. 103]. Интересно, что нынешние эвены-орочи — жители Магаданской области, говоря по-русски, называют себя именно «орочоны», а не «орочи».

8.2. Тунгусы

Первые свидетельства бытования этнонима *тунгусы*, ставшего на многие годы общим наименованием двух этносов — эвенков и эвенов, приходится на последнюю четверть XVI в. Территория с названием Тунгосия упоминается в записках Генриха Штадена 1577 г.; один из притоков Енисея носит название Тунгуска по крайней мере с 1611 г. [Золотарев, 1938. С. 64—65].

Хотя этноним *тунгусы* не является самоназванием ни у эвенков, ни у эвенов, он представляет несомненный и весьма значительный интерес для изучения этнонимии народов северо-востока Азии. История изучения его происхождения уходит своими корнями в XVIII в. Это название сравнивали по созвучию с тюркским словом *тонгус* ‘свинья’, причем с разной мотивировкой — начиная с того, что тунгусы якобы едят свиней, до характеристики народа по образу жизни, непривычному для оседлого тюркоязычного и русского населения, содержащей в таком названии определенную этическую оценку. Уже давно этноним *тунгусы* сравнивается с древним этнонимом *дунху* (Ю. Клапрот, С. М. Широкогоров). Высказывались мнения, что название «тунгус» происходит от татарского (тюркского) слова *тенгис* ‘море’, основа этого слова сравнивалась с тюркским корнем *тонг-* ‘мерзлый’. Достаточно полный обзор этих мнений с разной оценкой каждого из них был дан В. А. Туголуковым в специальной работе, в которой автор, в частности, пишет, что поскольку русские шли в восточном направлении, то логичнее всего предполагать, что о тунгусах они услышали не от якутов, а от народов, живущих на Енисее, и добавляет: «...вопрос о происхождении термина тунгус не может считаться решенным, пока не будет выяснено, каким путем термин *тунгу* попал к самодийскому населению низовьев Енисея и какова этимология этого термина» [Туголуков, 1970. С. 208]. В. А. Никонов в своей обзорной работе по этнонимам Дальнего Востока к сказанному ничего не добавляет [Никонов, 1984. С. 60—61].

Г. М. Василевич полагала, что «этноним *тун...* из современных языков переводиться не может. Возможно, первоначально он обозна-

чал ‘человек, люди’» [Василевич, 1969. С. 10], и приводила для сравнения чукотское слово *танн’ыт* ‘враги’ и этноним *тангут* — название народа, жившего в Тибете [Василевич, 1969. С. 10, примеч. 4]. Это мнение имеет интерес только как образец весьма свободного обращения с языковым материалом в работах ученых 1940—1950-х гг., находившихся под влиянием «нового учения о языке» Н. Я. Марра, но, к несчастью, подобные обобщения и сравнения слов встречаются у некоторых авторов и в наши дни.

Есть ряд направлений поиска объяснения этнонима *тунгусы*.

Прежде всего надо заметить, что В. А. Туголуков поступает не вполне обоснованно, отклоняя приводившееся еще И. Э. Фишером сообщение Ф. И. Страленберга о том, что арины (родственники современных кетов) называли тунгусов *тонге-кзе* ‘люди троякого рода’ ([Туголуков, 1970. С. 205]. См.: [Фишер, 1774. С. 69]). Сама по себе расшифровка аринского слова *тонге-кзе* у Страленберга может быть и фантастической, но факт его существования под сомнение брать нельзя, тем более что арины исчезли как этнос еще в XVIII в. и любой факт их языка для нас — подлинная драгоценность. В дополнение к этому надо иметь в виду, что сводка материала по названиям эвенков у народов Западной Сибири, приведенная в указанных работах В. А. Туголукова и Г. М. Василевич, явно неполна (и главное, самые авторитетные мнения специалистов, приводимые в виде устных сообщений, не могут исчерпать наличествующего лексического материала, который может привлекаться для сравнения с этим этнонимом). Современные тазовские селькупы называют эвенков словом *помпанг* [Ириков, 1988. С. 57], в то время как сходное название эвенков *фунгбау* и *феамбе* считается принадлежащим имбатским кетам, а происходит оно от названия еще одного исчезнувшего кетоязычного народа — пумпокольцев. В заключение укажем, что кетское слово *денг* со значением ‘люди’, кажется, осталось вне поля зрения всех названных исследователей. Г. М. Василевич приводит среди названий эвенков у народов Западной Сибири селькупскую (нарымскую) форму *джумал куп* [Василевич, 1969. С. 9]. Эта форма очень сходна с названиями территориальных групп селькупов типа *чумыль-куп*, образуемыми от названий мест, чаще всего рек, и этнонимом *селькуп*. Таким образом, если вторая часть этнонима *тунгус* соответствует селькупскому корню *к’уп*, *к’ум* с каким-то морфологическим осложнением (например показателем множественности), корень слова *тунгус* можно искать в топонимике, даже точнее — в гидронимике междуречья Оби и Енисея. Известный финский исследователь языков народов Сибири Юха Янхунен отмечает, что в пользу самодийского происхождения этнонима *тунгусы* свидетельствует его широкое употребление в ненецком фольклоре, а также то, что впервые русские могли встретиться с эвен-

ками в районе Мангазеи, вероятнее всего, узнав о существовании этого этноса от ненцев [Janhunen Juha, 1985. P. 74—75]³.

Е. А. Хелимский и Юха Янхунен предложили новую этимологию этнонима *тунгусы*. Обратив внимание на бытующую у лесных ненцев форму названия эвенков тингку:с [Helimski, Janhunen, 1990. P. 67; Хелимский, 2000. С. 351—352]⁴, авторы полагают, что это название восходит к архетипу *тингкос, который заимствован из селькупского языка в виде *тын'коп = тын'кум, тын'куп и восходит к кетскому *de¹-deng²* 'люди' [Helimski, Janhunen, 1990. P. 71]. Е. А. Хелимский и Ю. Янхунен заключают свою статью словами: «Могло ли быть так, что ненцы впервые узнали об эвенках через посредство селькупов? Значит ли это, что эвенки только недавно распространились по северной части Западной Сибири, во всяком случае позднее ненцев? Или современные эвенки составляют только лишь последнюю волну из нескольких волн тунгусского населения, которое постепенно проникало на запад? Требуется значительно больший объем работы с этнонимами и топонимами, как и с другими аспектами этнической и языковой истории, прежде чем может быть достигнуто итоговое понимание ситуации в целом» [Helimski, Janhunen, 1990. P. 71].

Интересные материалы, проливающие свет на этноним *тунгусы*, имеются в «Истории Российской» В. Н. Татищева. У него читаем: «Глава двадцать вторая. За реку Енисей к востоко-северу по рекам Средней и Нижней Тунгуске и до верховий Лены, а от реки Ангары на север едва не до моря тунгусы оленье, сами зовутся тинги и сутингис⁵. Страленберг их с прочими тунгусами причисляет к мунгалам, но неправильно, и в табели Полиглота их язык, явно другого народа взяв, положил. Сии хотя с остяками в языке много разнятся, однако ж более за сарматов, нежели татар, счесть можно. В оной области главный град Енисейск, Турухань, Красноярск, Илимский и Верхолениск.

Сии были главнейшие в сей стране сарматские народы. Прочие малые и так языками с татарским и мунгальским смешанные, что неизвестно, какого рода их полагать, а некоторые особого рода и ни к которым из сих не принадлежат...

³ Г. Миллер писал: «Скорее всего, это название возникло у живущих на реке Кети пумпокольских остяков, которые являлись ближайшими соседями тунгусов; именно они так называют их на своем языке» [Миллер, 1937. Т. 2. С. 39].

⁴ Эту точку зрения разделяет А. Е. Аникин [Аникин, 2000. С. 74—77]. Любопытно, что формы *тингус*, *тынгус*, встречающиеся в некоторых документах, как будто бы старше ставших привычными форм *тунгус*, которые, определенно, появились под влиянием языков с лабиальным сингармонизмом, возможно, под влиянием якутского языка.

⁵ В печатном тексте [Татищев, 1769. С. 316] — сами зовутся Исуткигис.

Абии и абинчи при реке Томе в Красноярском уезде.

Алюторы в пределе Камчатки. Страленберг причисляет их к тунгусам собачьим, но в языке весьма разнятся с другими тамошними.

Аринчи, народ малый в Сибири Красноярского уезда, которые от сказываемой ими басни, якобы змиями от древних жилищ изгнаны, как Страленберг, с. 86, неправильно о них, приняв их за неуров, у Геродота описанных, сказал, о которых в Истории сибирской правильнее показано, и я в гл. 12, н. 28, показал, почему они все же памяти достойны. Геродот о неурах два странные обстоятельства сказал, а именно: 1) утеснение народа от змей, 2) о превращении в волков, гл. 12, н. 49, которые я несколько там кратко изъяснил.

...Ачинцы при реке Чулиме.

Бараба есть волость Тарского и Томского ведомства, сами зовутся барама, язык имеют сарматский, смешанный с татарским; были идолопоклонники.

Браигатколы есть часть собачьих тунгусов при заливе Пеншинском, но сии странного языка. Бугаги то же.

Калтаки, величайший народ собачьих тунгусов.

Камачи в Красноярском уезде по реке Мань.

Карсики (каряки. — А. Б.) при северном берегу залива Пеншинского, почитаются за единое с собачьими тунгусами, однако ж в языке весьма различаются.

Келтяки, род собачьих тунгусов.

Котовцы и хотовцы. Красноярского и Томского ведомства по реке Кань, сарматы, язык смешанный с татарским.

Лакигиры, собачьих тунгусов.

Ламутки, собачьи тунгусы.

Ниненгаты, род собачьих тунгусов.

Юкагиры по реке Ковиме к Северному морю, из собачьих тунгусов.

Собачьи тунгусы, народ великий в Нерчинском и Якутском ведомствах, сами зовутся тингасы. Их обитание от реки Амура до Северного моря, возле моря Восточного и Пеншинского залива, но на многие названия разделяются, из них же несколько знатнейших выше указано. Язык у них свой собственный, как с татарским, так и с сарматским несходный, однако ж издавна от мунгал многое приняли» [Татищев, 1769. С. 315—316, 319—321].

Наконец, есть еще одна возможность пролить свет на происхождение этнонима *тунгусы*. Можно допустить, что он восходит к одному из родовых названий эвенков и эвенов, которое получило широкую распространенность при расселении эвенков на их нынешней территории. На реке Охоте в XVII в. жил Тунгучерский (или Тункучерский, Тумучерский, Томучерский) род пеших тунгусов [Степанов Н. Н., 1959.

С. 242]. Я. И. Линденау записал название этого рода как *Tungusir* [Линденау, 1983. С. 53]. Окончание *-sir*, встречающееся в других родовых названиях, например в названии эвенского рода Буяксир, очевидно, восходит к известному суффиксу родовых названий *-gir*, который изменяется в зависимости от предшествующего согласного. Видимо, до наших дней это название сохранилось в именовании эвенского рода Тюгесир, причем некоторые тюгесирсы называют себя *тюгес* или *тюгех* [История и культура эвенов, 1997. С. 31, 39—40].

Мы знаем, что родовые названия эвенов чаще всего восходят к названиям территориальных групп, производным, в свою очередь, от названия местностей. Напрашивается сравнение названий «Тунгучерский род», *Tungusir* с названиями по крайней мере двух рек — реки Тугур, впадающей в Охотское море в районе Шантарских островов, и реки Тунгир — правого притока Олекмы в бассейне Лены. Значение и происхождение обоих гидронимов, общность которых, кажется, сомнений не вызывает, не установлены, но в таких случаях это не играет особой роли. Можно высказать предположение, что одной из исходных форм данного этнонима была форма Тунгурчен или Тунгирчен «житель реки Тугур, реки Тунгир», поскольку этнонимический суффикс *-чен* распространен именно в Приамурье. В преданиях эвенков Нижней Лены рассказывается о том, что «Тюгесирсы шли сюда с Бодайбо или даже с самого Амура» [История и культура эвенов, 1997. С. 40; Окладников, 1949. С. 107]. Если, конечно, эвенки не рассказали собирателю именно то, что собиратель желал от них услышать с целью обоснования какой-нибудь своей теории (а такого исключать нельзя, поскольку собирателем в этом случае был сам А. П. Окладников), то в таком случае вопрос о происхождении названия «тунгусы» можно считать решенным. Впрочем, едва ли этот рассказ был вызван расспросами исследователя — в этом случае сам собиратель явно не избежал бы соблазна вывести этноним *тунгусы* или *тюгесирсы* из названия реки Тунгир. Впрочем, мы в наших построениях не слишком оригинальны — Г. М. Василевич совершенно правильно отметила, что название рода эвенков Тугучер означает именно «житель Тугура» [Василевич, 1969. С. 280].

В источниках XVIII в., в особенности тех, где даются опыты систематизации названий народов Сибири, этноним *тунгусы* иногда смешивается с этнонимом *тангуты*. Так, в печатном тексте «Описания народов Российской империи» имеются статистические данные о населении Якутской провинции: «А по справкѣ в Якутской Воеводской Канцеляріи по нынѣшней переписи во всем Якутском вѣдомствѣ разных народов состоят: Якутов 34 132, Тангутов 2714, Ламуток 386, Юкагирей 581, Итого 37 813 человѣк» [Российский Магазин, 1793. С. 376]. Эти же данные в иной форме, которая более исправно переда-

ет этнонимы, приведены в другом источнике, также изданном в свое время А. П. Окладниковым, — небольшой статистической справке, сохранившейся в копии среди публикуемых им документов. Эта «справка» помещена А. П. Окладниковым сразу после документа с заголовком «Описание обитающих в якутской области якутах о начале их происхождения и о достопамятностях, происшествии, равномерно вере, законе их обрядах и о прочем», составленного коллежским асессором Осипом Матушевским «15 числа 1785 года» (очевидно, 15 января. — *А. Б.*); «По справке в ясажном повывье по нынешней вновь переписи (*sic!* — *А. Б.*) ясажных разных народов состоит, а именно — якутов 347 132, тонгусов 2714, ламуток 386, юкагиров 581, иного 37 813 человек» [Окладников, 1948. С. 46].

Кажется, последний сюрприз в рассмотрении этнонима *тунгусы* преподносят документы XVII в. В 1647 г. Василий Поярков докладывал: «И приходили к нему летом на той Тугире [Тунгире] реке неясачные тунгусы...» [Русская Тихоокеанская эпопея, 1979. С. 91]. В этом документе, написанном 350 лет назад, название двух народов, общая численность которых превышает численность всех других народов Сибири, вместе взятых, стоит рядом с названием той самой реки, от которой, вероятнее всего, оно и происходит. Однако труднее всего оказалось обосновать возможность связи названия народа «тунгусы» и топонимов Тугур и Тунгир.

8.3.1. Названия эвенских и эвенкийских родов

У эвенов и эвенков, кроме самоназвания этноса в целом и названий отдельных территориальных групп, существуют самоназвания и названия отдельных более мелких подразделений — родов. Названиям эвенских родов посвящена обширная литература, эти вопросы затрагиваются и в этнографических исследованиях, и при изучении исторических источников. Названия тунгусских — эвенкийских и эвенских родов в изобилии представлены в тех же документах, которые содержат и топонимы северо-востока Азии, вследствие чего эти источники имеют большую ценность при изучении этнической истории региона.

Многочисленные и разнообразные родовые названия эвенков, проживающих на огромной территории, были предметом изучения Г. М. Василевич [Василевич, 1969. С. 262—287]. Объединение вариантов написания и произношения одного и того же названия и объяснение происхождения этих названий в ее книге в достаточной мере достоверны и сегодня.

Очень много внимания истолкованию значения эвенкийских родов, патронимий (в настоящее время — фамилий), личных имен эвен-

ков уделено в появившейся много позже книге В. А. Туголукова [Туголуков, 1985], посвященной этнической истории эвенков и эвенов. К сожалению, надо признать, что в этой монографии произвольные сопоставления слов по созвучию, разного рода лингвистические ошибки, натяжки, искажения эвенкийских слов при их записи в устной речи составляют едва ли не более 90 процентов всех примеров даваемых автором объяснений.

Для нашей темы представляется необходимым и возможным рассмотреть материал по родовым названиям эвенов и эвенков в одном ограниченном ареале — на Охотском побережье. Во-первых, этнонимический материал именно этого региона важен для нас тем, что здесь этнонимы часто связаны с топонимами, отмечаемыми в данной же местности. Во-вторых, родовые названия эвенов и эвенков Охотского побережья собраны и изучены с точки зрения их истории в обстоятельной работе Н. Н. Степанова [Степанов Н. Н., 1959]. И. С. Гурвич писал: «Имеющиеся материалы о значительной концентрации тунгусов в бассейнах Ульи, Охоты, Ини и Тауя дают возможность полагать, что именно этот район был главным центром, из которого волны восточных тунгусов — эвенов устремлялись на запад» [Гурвич, 1966. С. 33].

Ниже приводится опубликованный Н. Н. Степановым перечень этнонимов Охотского побережья с необходимыми комментариями по поводу происхождения и этнической принадлежности каждого конкретного родового названия.

В заголовок вынесена форма, взятая за исходную публикатором и наиболее известная по исследованиям. Та форма, которая представляется нам более близкой, специально оговаривается. Слово «род» используется исключительно в целях придания этнонимам большей удобочитаемости: статус каждой этнической группы оговаривается отдельно.

Абдарский род (XVII—XVIII вв., Тауй, Ола). По форме название скорее эвенское, чем эвенкийское, — оно не имеет суффикса *-гир*.

Адатыгирский род (XVII в., Тугур). Название какой-то эвенкийской территориальной группы, возможно, то же самое, что Агинкагирский род. Не исключено, что загадочные анатараки, или Онатырки, — это данная группа эвенков.

Ажганский род (XVII—XIX вв., от Тауя до Уды). Название эвенкийского рода Эдян, часть которого, возможно, вошла в состав ульинских эвенов. Этноним Озянканы, несомненно, принадлежал эвенам, поскольку суффикс *-нкан*, присоединившийся к данному названию, характерен только для эвенских родовых названий и названий территориальных групп. Название Эдян, как представляется, происходит от

заимствованного корякского слова *г'эййян*, диалектное *г'эддян* (ср. чукотское *э'рьян*) 'устье реки' (см. название Яна).

Агинкагирский род (XVII—XIX вв., Тугур, Уда). Вероятнее всего, исходная форма этого эвенкийского названия рода или территориальной группы выглядела как Он'инкагир, а само название имело значение 'речные, приречные', оно образовано от слова *они* 'река'. Род Онинка известен у нанайцев.

Г. М. Василевич считает исходной для этого родового названия форму Хэгингкэгир — Энингкэгир [Василевич, 1969. С. 283]. Если это название имело начальный согласный *х-*, то сравнивать его не с чем. Приведенное ею название негидальского рода Хиинкэгил может быть связано с каким-то названием реки Амгуни.

Бирарский род (XVII в., Уда, Тугур). Судя по всему, название одной из территориальных групп эвенков. Словосочетание «Биларытьегов род», отмеченное в одном из цитированных выше документов, читается как «Бирар тэгэ», что по-эвенкийски означает 'род Бирар'.

Бояшинский род (XVII в., Охота, Урак). Название с очень неясной историей. В принципе его основа сопоставима с корякским словом *ваят* 'народ'. Возможно, это название связано с современным названием эвенского рода Буяксир, если его выводить из корякского слова *ваят* 'народ' + суффикс эвенкийских родовых названий *-гир*. Однако это всего лишь более или менее вероятное предположение.

Булдюкагирский род (XVII—XVIII вв., Охота). Название эвенкийской территориальной группы. Возможно, в этом названии сохраняется какая-то более старая форма гидронима Ульбея, нежели та, которая знакома нам по документам как название реки. Территория расселения этого рода данной версии не противоречит: реки Охота и Ульбея расположены недалеко друг от друга, но на Ульбее не было постоянных русских поселений. Менее вероятно возводить это родовое название к эвенскому слову *булдир* 'океан', хотя представители этого рода относились к «пешим». На правом берегу Кухтуйского лимана сохранился до наших дней топоним Булгино — это название поселка, расположенного напротив нынешнего Охотска.

Галушинский род (XVII в., Уля). Вероятно, название гомогенно с названием Гулюгир: о возможных вариантах Бояшинский род и Буяксир см. выше.

Годниканский род (XVII—XIX вв., Охота, Кухтуй). Название эвенского рода Готнинкан, проживающего в настоящее время в поселках Охотского района Хабаровского края. Возможно, название рода происходит от исчезнувшего тунгусского слова *готни 'море', сохранившегося в нивхском языке в виде слова *керик* 'море'.

Горбиканский род (XVII—XIX вв., Охота). Название эвенского рода Гэрбэнкэн, самоназвания эвенков по местности Гэрбэ. Ввиду чрез-

вычайной распространенности топонима (гидронима) Гэрбэ занимаемая данной группой территория не поддается точной локализации.

Горгорский род (XVII в., Тауй). Вероятнее всего, название патриимии оседлых коряков. Этноним очень сходен с распространенным чукотским личным именем Гырголь. Учитывая крайнюю малочисленность представителей этого рода, в нем можно видеть семью, причем не обязательно тунгусскую: все имеющиеся сопоставления этого названия с другими этнонимами [История и культура эвенов, 1997. С. 43] до крайности сомнительны.

Гулюгирский род (XVII в., Улья, Охота). Название одной из территориальных групп эвенков.

Вероятнее всего, в этом названии отразилась более архаическая форма названия реки Ульи, нежели та, которая знакома нам по документам XVII в. Выше мы говорили, что название реки Улья расшифровывается как Вылгилвеем 'Березовая река'. Поскольку эвенки обосновались на этой реке много раньше, чем русские услышали ее название, то понятно, что в родовом названии отражен более старый и более близкий к этимологически исходной форме вид гидронима. Показательно, что территория расселения данного рода точно соответствует тому географическому объекту, с названием которого сопоставляется этот этноним.

Долганский род (XVII—XIX вв., от Охоты до Тауя). В данном варианте название хорошо известного эвенского рода Долган, представители которого проживают ныне на Охотском побережье от Олы до Камчатки. Возможно, название рода происходит от неизвестного ныне тунгусского слова, родственного монгольскому *dalai* 'море' или нивхскому *тол* 'вода', 'водное пространство', 'море'.

Нет никаких оснований трактовать название Долган как «средние», то есть жители среднего течения реки (в противоположность жителям верховий и низовий), как это до сих пор делается иногда [История и культура эвенов, 1997. С. 21]. Г. М. Василевич указала на то, что подобное явление в тунгусской этнонимике не имеет места [Василевич, 1969. С. 267—268, примеч. 4].

Долгирский род: «Долгирцы». Эвенкийский род, имеющий название, образованное от той же самой основы, что и название рода Долган.

Зеведарский род (XVII в., Охота). Неясно. Для того чтобы предполагать связь этого названия с зафиксированным названием жителей Тауя «товуданы», нет никаких данных. Сравнивать название с юкагирским *чавул* 'море' *чаву-д-ан* 'морской' в тунгусской форме множественного числа на *-р* слишком ненадежно. Сопоставление этого названия с монгольским словом *зэвэ* 'стрела' [История и культура эвенов, 1997. С. 45] — чистая фантазия.

Зельянский род (XVII—XIX вв., Охота). Название не имеет объяснения, однако его можно выводить из корякского топонима Дялляндян (так называется на диалекте тайгоносских коряков река Парень) ⁶. Название входит в ряд оттопонимических названий территориальных групп, хотя исходное географическое название и не поддается локализации: его совпадение с названием Парени случайно. Название совпадает с названием современного эвенского рода Дяллянкан, проживающего в Магаданской области, на Чукотке и на Камчатке.

Можно думать, что происхождение названия связано с корякским словом *илгыльк'ын* 'луг', 'поляна', 'равнина' в его диалектных вариантах или с географическими названиями, содержащими корякскую основу *ив'ыл-* 'длинный', в изобилии представленными в чукотско-корякской топонимике [Топонимический словарь... 1989. С. 146]. Видимо, от этого слова происходит название реки Делькю в верховьях реки Охоты, и название эвенского рода соотносится с гидронимом. Нельзя также исключить связь этого этнонима с известным по документам Стадухина названием реки Тауй в виде Дирядна.

К эвенскому слову *дёл* 'камень', как это предложено недавно [История и культура эвенов, 1997. С. 35], это название отношения не имеет, а название «каменный род» может быть результатом ложной аналогии.

Зелинкагирский род (XVII—XIX вв., Охота). Эвенки, связанные родственными отношениями с эвенами рода Дяллянкан (см. выше).

Ивьанский род (XVII—XVIII вв., Охота, Тауй, Ола). Можно высказать предположение, что название связано с каким-то дотунгусским топонимом с корякской основой *ив'ыл-* 'длинный'. Вероятно, такое объяснение имеет название реки Нявленга (от слияния ее с рекой Арбутла образуется река Тахтояма), сравнимое с корякским названием Ивылынылхываям (коряк. *ив'ылынылк'ыв'аям* 'длинная рыбная река') [Топонимический словарь... 1989. С. 146].

Данное название представляет собой название эвенского рода или патронимии: у приморских эвенов Магаданской области сохранилась фамилия Нивани.

Инганский род (XVII—XVIII вв., Иня, Мотыклей, Тауй, Ола). Название образовано от эвенского топонима Иня — *инга* 'галька, песок', оно исключительно точно соответствует характеру грунта в данной местности. Распространение этого этнонима свидетельствует о постепенной миграции данной территориальной группы эвенов к северу.

Капчигирский род (XVII в., Охота). Название, видимо, тождественно названию эвенского рода Камчагир. Если последнее выво-

---

⁶ Полевые материалы автора, Северо-Эвенский район Магаданской области. 1988 г.

димо из чукотско-корякского *к'онча*- 'одна кочевка, один переход' + эвенкийский суффикс *-гир*, то перед нами свидетельство того, что в состав тунгусов постепенно входили отдельные группы чукчей и коряков.

Катагирский род (XVII—XVIII вв., Уда, Улья, Охота). Нет уверенности, что в сводке Н. Н. Степанова, материал которой мы анализируем, не смешаны названия разных родов. Часть форм, похоже, соотносится с этнонимом Кукугир, который может быть связан с названием реки Кухтуй, другая часть — со старым тунгусским этнонимом Хатагин.

Киларский род (XVII—XIX вв., от Тугура до Охоты). Название эвенкийского и эвенского родов Килэ, очевидно, представляющее собой один из древнейших тунгусских этнонимов. Значение его неизвестно. Нивхи словом *кил*, *килнг* называют «тунгусов» (не очень ясно, называют ли так всех тунгусо-маньчжуров или собственно эвенков).

Кокогирский род (XVII в., Уда). Видимо, искаженное название эвенкийского рода Кукугир (см. ниже).

Кондакагирский род (XVII в., Охота). Название рода или территориальной группы эвенков.

Кукугирский, Кугтугирский, Куркугирский род (XVII—XIX вв., Улья, Охота, Иня). Эвенкийский род, чье название связано с названием реки Кухтуй (современное эвенское Кукти с неясной этимологией). Отметим, что река Кухтуй располагается как раз по центру территории, на которой фиксируется данное название. Эвенки рода Куркогир позднее перекочевали далеко к западу от данной местности; вероятно, основа названия сохранилась также в названии эвенского рода Кукуюн из бассейна Индигирки. Эвенское слово *кукэки* 'сойка', вопреки высказанному мнению [История и культура эвенов, 1997. С. 38], не имеет к этому названию никакого отношения.

Кулигорский род (XVII в., Охота). Видимо, искаженное название эвенкийского рода Гулюгир (см. выше).

Купский род (XVII—XIX вв., Тауй). Какая-то патронимия с неизвестной этнической принадлежностью.

Кутинский род (XVII—XVIII вв., Тауй). Название территориальной группы эвенов по местности Кутана — так, по Линденау, называлась река Тауй. По имеющимся данным, этот род был весьма немногочисленным [Гурвич, 1966. С. 78], следовательно, размеры этой территориальной группы были небольшими. О происхождении названия реки Кутана мы уже говорили (см.: 7.3). Маловероятно сравнение названия реки Кутана с эвенкийским словом *кута* 'болото, трясина', это слово не имеет производных с суффиксом *-на*.

Лалыгирский род (XVII—XIX вв., Учур, Уда). Название эвенкийского рода Лалигир.

Название этого рода может соотноситься с каким-то названием реки вроде чукотского гидронима Лелювеем или корякского Люлюваям ‘усатая река’ — то есть река со множеством притоков [Топонимический словарь... 1989. С. 232, 238].

Лелтягирский род (XVII в., Охота). Название эвенкийского рода или группы, возможно, связанное с предыдущим.

Люлюгирский род (XVII в., Улья). Вероятно, то же, что и Лалигир (см. выше).

Мемельский род (XVII—XIX вв., Охота). Вероятно, то же, что современный эвенский род Мямя в бассейне Индигирки. Название, очевидно, тождественно названию эвенкийского рода Момо, упоминаемого в фольклоре, хотя с этим не согласна Г. М. Василевич [Василевич, 1969. С. 274—275]. Связывать это название с топонимами Мама на Индигирке или Мама на Витиме [История и культура эвенов, 1997. С. 39] немислимо. Реконструкция древнего облика этого названия придает ему возможный вид *маймай или, с учетом специфического перехода *в>м* в эвенском языке, вид *вайвай, этот корень знаком нам по корякскому слову *ваят* ‘народ’ (в чукотском языке *варат*).

Мокогирский род (XVII—XIX вв., Тугур, Уда). Эвенки.

Г. М. Василевич считает название Макагир — Мэкэгир монгольским [Василевич, 1969. С. 275], что само по себе приемлемо, но ее аргументация, основанная на сравнениях топонимов, ошибочна: монгольские элементы в топонимике Приохотья отсутствуют, а названия имеют иное истолкование. Отношение названия к форме *макачирыцы*, известной по документам XVII в., неясно, последняя форма у Г. М. Василевич не упоминается.

Муйтукарский, Омуттукагирский, Умухтукакагирский род (XVII—XVIII вв., Тауй, Ола). Название, оформленное суффиксом *-гир* — эвенкийское, судя по всему, образованное от названия местности Амахтон. По-видимому, перед нами свидетельство самого дальнего проникновения эвенков (тунгусов) на северо-восток по Охотскому побережью. Название «Омыттыкарской род», наряду с «Омыттыкагирской», зафиксированное Крашенинниковым, может указывать на то, что от топонима Амахтон образовалось также название территориальной группы эвенов. Абсолютно неприемлемо и никоим образом недоказуемо сравнение одного из вариантов написания этого названия (Нахтагирский род) со словом *нэктэ* ‘кабан’ [История и культура эвенов, 1997. С. 51].

Муктыгирский род (XVII—XIX вв., Уда). Эвенки. Название группы территориально удалено от рассмотренного выше, происхождение не установлено. Видимо, вариант названия, приведенного в предыдущем абзаце.

Муеллагирский род (XVII в., Уда, Уля, Охота). Эвенки. Связь названия с эвенкийским словом *муеллэ* ‘подшейный волос’ возможна только в том случае, если мы имеем дело с патронимией. Можно было бы сравнивать это родовое название с топонимом Муя, если бы такие топонимы имелись на территории, занимаемой данным родом или близкой к ней, но пока они здесь не обнаружены.

Нашикагирский род (XVII—XIX вв., Уда, Амгунь, Тором). Эвенки. Название территориальной группы, восходящее, скорее всего, к названию местности Нексикан на морском побережье северо-восточнее Аяна.

Невянский род (XVII в., Охота, Иня). Очевидно, то же, что и Ивянский род (см. выше).

Неганский род (XVII—XVIII вв., Охота, Кухтуй, Иня). Возможно, искажение названия «Инянский род»: территория расселения не противоречит такому предположению. Безусловно, эвены.

Негярский, Неглярровский род (XVII в., Иня). Вероятно, то же, что Инганский и Неганский роды (см. выше).

Немлярский, немнягирский род (XVII в., Кухтуй, Иня). Соответственно, названия территориальных групп эвенов и эвенков, связанные с топонимом Иня, как и целый ряд рассмотренных выше названий.

Ненякагирский род (XVII—XIX вв., Охота). Возможно, название территориальной группы инских эвенов Инганкан, осложненное эвенкийским суффиксом *-гир*. Г. М. Василевич считает, что это искажение названия Няхикагир [Василевич, 1969. С. 277]. Если это так, то последнее название может быть связано с названием местности и острова Нексикан на Охотском море. Возможно также, что это название как-то связано с гидронимом Омня — названием правого притока Аима в бассейне Маи или гидронимом Нонна в верховьях реки Иня.

Нюнчинский род (XVII—XVIII вв., Кухтуй, Тауй, Ола.). У эвенов Северо-Эвенского района сохранилась патронимия Нючи. Необычный облик этнонима и его созвучие с эвенским названием русских — *нючи* наводит на мысль, что данная патронимия могла иметь русского предка.

Нюнюгирский род (XVII в., Уля, Охота, Иня). Эвенки, вероятно, название территориальной группы. Не исключена связь с названием реки Иня, близ которой отмечаются почти все созвучные этнонимы.

Облярской род (XVII в., Тауй). Невозможно сказать что-либо определенное. Можно, но крайне рискованно предполагать, что это название связано с эвенкийским родовым названием Улэгир — Увлэт, соотносящимся с одной из ветвей монголов-ойратов — *олот* [Там же. С. 281].

Оволнагирский род (XVII в., Уда). Эвенки. Сходство с предыдущим названием лишь предположительное. Г. М. Василевич считает,

что это неправильно записанное название рода Хэгинкэгир — Энинкэгир [Там же. С. 277].

Оетицкий род (XVII в., Кухтуй). Наименование, образованное от эвенского названия оседлых коряков *хэйэк*, мн. ч. *хэйэкэл*, происходящего, в свою очередь, от корякского слова *ак'оякылг'о* 'безоленные'. Так эвены называли оседлых коряков, к тунгусской этнонимике данное наименование не имеет отношения. Любопытно, что данный пример — одна из самых старых записей этнонима *хэйэкэл*. Это те самые «оеки», название которых издатели указателя к «Дополнениям к актам историческим» приняли за топоним (см.: 8.8).

Предположение Г. М. Василевич о связи этого названия с эвенкийским родовым названием Ойогир [Василевич, 1969. С. 277] почти невероятно ввиду удаленности западных эвенков от Охотского побережья.

Омутцкий род (XVII в., Тауй). Неясно. Возможно, отражение названия Омоктогир (см. выше). Другие предположения могут связывать это название с названием Омуть, которое иногда считается названием реки Амгунь, с эвенкийским словом *амут* 'озеро' или со словом *омук*, бытовавшим у якутов как название юкагиров и других неякутов.

Сугоседский род (XVII в., Охота). За отсутствием других данных напрашивается сравнение названия с корякским словом *чавчыв*, мн. ч. *авчыво*, дв. ч. *чавчыват* 'коряки-оленеводы'.

Толбанский род (XVII в., Охота, Кухтуй, Тауй). Неясно. Похоже на искажение названия Долганский.

Тоуйский род, товуданы, Тоулканы, Тоунскарский род. (XVII в., Иня, Тауй). Название территориальной группы тауйских эвенов с вероятной исходной формой Товункан. Форма товуданы, возможно, записана от юкагиров, так как образована по юкагирскому образцу.

Тунгучерский, Тумучерский род (XVII—XVIII вв., Охота). Скорее всего, название эвенкийского рода, восходящего к названию территориальной группы по местности и являющегося производным от какого-то гидронима вроде Тугур (название реки, впадающей в Охотское море) или Тунгир (один из притоков Амура в верхнем течении).

Убзирский род (XVII в., Мотыклей). Вероятно, то же, что название Угчюрский род (см. ниже). Трудно, но возможно доказать, что в основе этого названия, представленного в ряде вариантов, лежит корякское слово *опыткын* 'конец, край'. По материалам «Топонимического словаря» возможно и сравнение этого названия с какими-то топонимами, содержащими корякский корень *уйи-/ойэ* со значением 'березовый кустарник', 'береста' [Топонимический словарь... 1989. С. 285], ср. коряк. *уйилг'ын* 'береста'. Не исключена связь этого названия с гидронимом Омня — названием правого притока реки Аим, но это предположение повлечет за собой перегруппировку известных вариантов родовых названий.

Угдерский род (XVII в., Тауй). То же, что и предыдущее название: данные группы занимают соседние территории.

Угчюрский род (XVII—XVIII вв., Тауй, Ола). Трудно сказать что-либо определенное. Сходство с предыдущим названием несомненно, тождество названий вероятно. В эвенской этнонимике похожие формы неизвестны.

Ударский, Удагирский род (XVII—XIX вв., Тугур, Уда, Амгунь, Нимелен). Судя по всему, эвенки, название территориальной группы может восходить к названию реки Уда или озера Удыль на левом берегу Амура в нижнем течении.

Улбиданский род (XVII в., Охота, Кухтуй, Ульбея). Судя по форме, название записано от юкагиров, об этнической принадлежности в этом случае судить трудно. Бесспорно, что название образовано от топонима Ульбея, корякского по происхождению. Так могли называть и оседлых коряков.

Унахтагирский род (XVII в., Урак, Охота). Эвенки, возможно, то же, что Муйтукарский род (см. выше). В принципе возможно, что родовое название образовано от тунгусского (в данном случае — эвенкийского) слова *онгокто* ‘нос’, в переносном значении ‘мыс’. У Линденау по-эвенски нос *ongat*, по-эвенкийски *onokto* (так же как и в современных языках); значение «мыс» представлено ныне только в эвенском языке, но не в эвенкийском [Сравнительный словарь... Т. II. С. 22а; Линденау, 1983. С. 75, 99].

Уяганский род (XVII—XIX вв., Урак, Охота, Кухтуй, Ульбея, Иня, Мотыклей, Тауй). Эвенский род, самоназвание территориальной группы по названию реки Уега. Гидроним Уега имеет чукотско-корякскую основу. Современный эвенский род Уяганкан распространен по всей территории расселения восточных эвенов от Якутии до Камчатки. Это название никак не может сопоставляться с эвенским глаголом *уй-* ‘вернуться’ [История и культура эвенов, 1997. С. 41]: родовых названий с подобной мотивировкой у эвенов нет.

Уягирский род (XVII в., Охота, Иня, Тауй). Эвенки, очевидно, тесно связанные с эвенским родом Уяганкан (см. выше) и проживающие с ним на одной территории.

Уялгирский род (XVII в., Уда). Возможно, название, связанное с названием Уягирского рода эвенков, либо искажение этого названия.

Чягчагирский род (XVII в., Улья). Эвенки. Название рода, вероятнее всего, происходит от самоназвания оленных коряков *чавчыв*. Сходную историю имеют отдельные семьи эвенов Охотского побережья, имеющие по мужской линии предков-коряков: в четвертом-пятом поколениях они называют себя *чайчиба* ‘коряк’. Вероятнее всего, именно такие группы эвенков привнесли в эвенкийский язык некоторое количество чукотско-корякских слов и именно они назвали своих

врагов *чанн'ит* (ср. чукот. *танн'ит*), хотя Г. М. Василевич считает название *чан* каким-то древним этнонимом — названием соседей эвенков, живущих от западной границы расселения эвенков на восток до рубежа Алдан—Зея (см.: [Василевич, 1960. С. 366]).

Чапчагирский род (XVII в., Охота). То же самое, что и чагчагирский род (см. выше).

Шанагирский род (XVII в., Охота). Эвенки. У Линденау упоминается Щинягирской род, или *Tschaniagir* [Линденау, 1983. С. 159, 169]. Это, скорее всего, то же самое название.

Напрашивается сравнение этого этнонима с гидронимом Чьян — названием левого притока реки Аим. В Олекминском улусе Якутии есть поселок с названием Тяня. Довольно существенно, что название Чолкогирского рода, жившего на реке Уй в XVII в. [История и культура эвенков, 1997. С. 46], соотносится с названием реки Чалака, впадающей в Аим недалеко от того места, где Аим впадает в Маю.

Шанаулский род (XVII в., Тайи). Основа названия та же, что и у предыдущего. Этническая принадлежность остается неопределенной. Формант *-ул/-вул*, который выглядит загадочным, созвучен с монгольским словом *agul* 'поселение' (в тунгусо-маньчжурских языках этого корня нет). Этот же формант встречается в ряде эвенских патронимий — Гераул, Чераул, а также в ряде эвенкийских этнонимов — Алчакул, Босакогил, Гаиул, Инкагул, Кучал (Кучаил), Малакул, Очеул, Ятэил, Чемдал (Чендадыл) и т. д. [Василевич, 1969. С. 262, 264, 266, 269, 272, 273, 278, 284, 287].

Шмагирский род (XVII в., Тайи). Несомненно, эвенки рода Самагир, переселившиеся далеко от мест исконного проживания.

Шолганский род (XVII—XVIII вв., Охота, Иня). Судя по всему, название территориальной группы эвенков, говорящих на арманском диалекте, сохраняющем начальный звук *с-/ш-*. Название происходит от тунгусского *солоки* 'вверх по реке' и имеет значение 'жители верховьев реки'. В первом издании москвитинской «Росписи...», вышедшем в свет в 1943 г. и перепечатанном в 1989 г., вместо *шолганы* читается *толиганы*, но это опечатка, которая была исправлена Н. Н. Степановым в публикации 1959 г. (см.: [Степанов Н. Н., 1943. С. 45—48]). Очень показательна, что это родовое название, как и его вариант «Шолонский род», представлено и среди оленных, и среди «пеших» обитателей Охотского побережья [Степанов Н. Н., 1959. С. 243—244], и это отчасти указывает на то, что «пешие» тунгусы ведут свое происхождение от оленных. Название территориальной группы с такой мотивировкой — «жители речных верховьев», не могло появиться у оседлых жителей побережья.

Шолонский род (XVII—XVIII вв., Охота, Кухтуй, Иня). Название имеет ту же основу, что и предыдущее. Судя по отсутствию преиму-

ственно эвенского этнонимического элемента *-ган*, это название относится к эвенкам.

Юкагирский род (XVII в., Охота). Это либо название юкагиров, живших на Оймяконе в истоках Индигирки, либо название, появившееся на Индигирке и Колыме независимо от этнонима *юкагиры* в результате адаптации чукотско-корякского *ьяакэт* 'дальние' к эвенкийскому языку, — слово с суффиксом *-гир*.

Кроме родовых названий эвенов и эвенков, известных нам к настоящему времени, в источниках XVII в. изредка встречаются также такие названия, которые в дальнейшем не повторяются, и вопрос о том, к кому они относились, долгое время не находит своего решения. Б. О. Долгих приводит, в частности, еще три названия территориальных групп обитателей Охотского побережья и прилегающей к нему территории — *биячи*, *кондызи* и *жлады* [Долгих, 1960. С. 534]. Эти слова даже внешне не напоминают знакомых нам эвенкийских и эвенских родовых названий, однако мы попытаемся разобраться, что же они собой представляют. Слово *биячи* похоже на эвенское слово *бэйд* 'сам'; видимо, оно попало в перечень названий родов или отдельных групп людей случайно, и к кому оно относится, как его понимать — «мы сами» или «они сами» (в первом случае речь будет идти о тунгусоязычной этнической группе, во втором это не обязательно так). Название *Кондызи* — видимо, искаженная форма названия юкагиров рода Когимэ, Кониинзи. Что касается написания *жлады*, то мы склонны рассматривать его как корякско-юкагирское образование (юкагирский этноним, образованный от корякского топонима) *дила-(н)ди* 'житель долины реки Тауй' (она же Диряга и т. п.). Интерпретация этих названий, предложенная недавно [История и культура эвенов, 1997. С. 42], не противоречит высказываемому мнению.

Из всего сказанного выше становится понятным, что среди родовых названий Охотского побережья названия родов эвенов (ламутов) и эвенков (тунгусов) достаточно надежно отделяются друг от друга: в рассмотренном нами материале практически нет сомнительных или спорных случаев. Названия, традиционно рассматриваемые в исторических и этнографических работах как названия родов эвенов и эвенков, неоднородны. Среди них присутствуют и собственно родовые названия, и названия патронимий (которые получают свое название по имени их глав), и иноэтнические названия — названия народов, соседствующих с эвенами и эвенками на севере Охотского побережья. Основная часть родовых названий происходит от названий местностей. Сами же топонимы Охотского побережья и прилегающих к нему районов, и это становится совершенно очевидным, принадлежат языку дотунгусского населения этой территории. Из источников известно, что это население составляли оседлые и оленные коряки.

8.4. Заметки об этнониме *чжурчжэни* и наименовании «чжурчжэньский язык»

Название народа *чжурчжэни* представляет собой один из важнейших этнонимов в средневековой истории Дальнего Востока. Значение данного этнонима отнюдь не исчерпывается наименованием одного из этносов Китая, который с 1636 г. в соответствии с указом императора Хунтайцзи стал именоваться маньчжурами [Пан, 2000. С. 263; Воробьев, 1983. С. 271—272]. Наименование *чжурчжэни* в отечественной историко-географической, археологической и этнографической литературе уже в течение нескольких десятилетий употребляется также применительно по крайней мере к двум этносам или этническим группам, жившим несколько веков назад по берегам Амура.

Таким образом, в этнониме *чжурчжэни* заключена важная проблема этнической истории Дальнего Востока: требуется найти ответ на вопрос: «чжурчжэни» Приамурья — это предки маньчжур или какой-то другой этнос, по какому-либо странному стечению обстоятельств получивший то же самое наименование? Не меньше проблем для лингвистов представляет наименование «чжурчжэньский язык». С тех пор как в конце XIX в. В. Грубе дешифровал малое чжурчжэньское письмо и установил, что за ним скрывается язык, очень близкий маньчжурскому, долгое время язык текстов и словарных материалов, записанных этим письмом, рассматривался лингвистами как отдельный язык — впрочем, иногда отмечалось, что «чжурчжэньский язык» представляет собой диалект маньчжурского языка или его архаическую формацию. Но на этом проблемы, связанные с этнонимом *чжурчжэни* и наименованием «чжурчжэньский язык» не исчерпываются, поскольку этногенез и ранняя этническая история современных народов Приамурья не имеет однозначного объяснения. До сих пор в историко-этнографических трудах нередко повторяется утверждение, что языки народов Приамурья представляют собой результат смешения собственно тунгусского (эвенкийского) языка и языка чжурчжэньско-маньчжурской ветви — соответственно, чжурчжэньского или маньчжурского.

Подобные представления, вызванные к жизни этнолингвистическими теориями конца 40—начала 50-х гг. XX в., совершенно не соответствуют реальности. В языках тунгусских народов Приамурья и Сахалина — нанайском, ульском (сохранившем большее число архаических черт, нежели нанайский) и орокском, представляющем собой результат дальнейшей эволюции ульчского, прослеживается большое число таких признаков, которые были утрачены маньчжурским языком или никогда не были ему свойственны. Последнее легко доказывается среди прочего тем, что мы можем довольно легко выявить сле-

ды маньчжурского влияния на языки Приамурья (см.: [Хасанова, 1999. С. 222—231] и одновременно проследить, каким образом реально происходило смешение севернотунгусского и южнотунгусского языковых компонентов в кур-урмийском диалекте нанайского языка и отчасти в языке горинских нанай-самагиров. Фонетические и лексические явления этих диалектов кардинально отличаются от того, что мы наблюдаем в названных выше языках Приамурья, составляющих отдельную, особую ветвь тунгусских языков, — в них реально можно отличить друг от друга исконные южнотунгусские, даже собственно нанайские, и привнесенные эвенкийские языковые элементы.

Уже отмечалось, что наименование *дючеры* русских документов XVII в. не имеет однозначного истолкования (см.: [Болотин, 2001. С. 168] и указанную там литературу). Д. П. Болотин указывает минимум на два понимания того, кто мог так именоваться: предки маньчжур (что соответствует реально этнической истории маньчжур, сменивших самоназвание по императорскому указу) или предки нанайцев (на чем настаивает Б. П. Полевой, однако более никем данная точка зрения не поддерживается) [Болотин, 2001. С. 154; Полевой, 1974. С. 91—93; 1979. С. 47—59]⁷.

Под наименованием *дючеры* могут подразумеваться с равной степенью вероятности три разных этноса или этнические группы: 1) собственно чжурчжэни, именовавшиеся по-маньчжурски *зурчэн* (это и было их самоназвание, поскольку смена наименования не означала смены языка) [Сравнительный словарь... Т. I. С. 278б]; 2) эвенки-жители бассейна реки Зеи (эвенк. *деючен*, множественное число *деючер*); 3) некая этническая группа, которая предположительно могла войти в состав нанайцев.

От внимания исследователей ускользнуло то, что в маньчжурском языке наряду с этнонимом *зурчэн* (из которого по причине присутствия согласного *-р* в середине слова форма *дючеры*, встречающаяся в русскоязычных источниках, невыводима) имеется слово *зучэ*, *зучэн* со значениями 'яр'; 'пучина', 'глубь', 'караул', 'пикет (на яру и по берегам реки)' [Там же. С. 279а]. Форма *дючеры* однозначно не могла попасть в русские источники из нанайского языка, поскольку она содержит показатель множественного числа *-р*, свойственный только эвенкийскому языку и другим севернотунгусским языкам. Следовательно (и в этом нет ничего невероятного), русские землепроходцы, выйдя на Амур, слышали о том, что ниже по реке живут *дючеры*, от эвенков, которые часто служили для казаков проводниками. Но это означает,

---

⁷ Источником подобных взглядов мог стать словарь А. Кириллова, где сказано, что дючеры жили по берегам Амура от устья Сунгари до устья Дондона — соответственно, Анюя [Кириллов, 1894. С. 148].

что наименование *дючеры* вообще не является этнонимом-названием этнической группы, а относится к соционимам. Те *дючеры*, о которых эвенки рассказывали казакам, представляли собой не какой-то отдельный этнос, а маньчжурские караулы, располагавшиеся на высоких берегах Амура, и данное наименование ровным счетом ничего не говорит об этнической принадлежности тех, кто служил в маньчжурских войсках на этой территории. Наиболее вероятно, что это все-таки были маньчжуры. Считается, что амурские дючеры говорили на маньчжурском языке [Народы Сибири, 1956. С. 785]. Однако, отметим еще раз, языковое влияние маньчжур на языки Приамурья можно оценить как довольно незначительное, хотя несомненно, что культурное влияние маньчжур на народы Приамурья ни в коей мере нельзя сбрасывать со счетов при характеристике этнокультурной истории данного региона (см.: [Хасанова, 2001. С. 280—325]).

Ряд источников подтверждают высказываемое нами мнение. Согласно И. Г. Георги, «дучерское колено» располагалось в самых истоках Амура, между Шилкой и Аргунью [Георги, 1777. Ч. III. С. 30]. Понятно, что никаких нанайцев в этих местах никогда не было, в то время как маньчжурские караулы там могли присутствовать. «Чертеж всея Сибири» 1675 г. прямо показывает: «на усть Шингалу (Сунгары. — А. Б.) яр, и на том яру караул китайских людей» [Титов, 1890. С. 33], никакие *дючеры* в этом источнике не упоминаются, потому что данная информация получена из иных источников. «Описание Сибирския земли» 1686 г. свидетельствует: «И по тем местом, по урочищам, по рекам (имеется в виду весь бассейн Амура. — А. Б.) живут подданные ясачные люди китайского царя Дючерцы, Богдойцы, девять язык с товарищи розных» [Там же. С. 85]⁸. Богдойцами в документах 1640—1660-х гг. называли противников казаков, служивших в маньчжурском войске, наименование «дючерцы», как можно видеть, дано им же по местам расположения, наконец, характеристика «девять язык... розных» лучше всего свидетельствует о том, что речь идет не об этносе, а о многонациональном войске. В грамоте, полученной от «богдойского царя» около 1670 г., русский перевод которой изучался Г. Миллером, из названий этнических групп Приамурья представлены только «дауры» и «чючары» [Дополнения к актам... 1857. Т. VI. С. 44—45].

К сожалению, единственный факт, который нам известен из того, что могло бы документировать языки этнотерриториальных групп

---

⁸ В другом месте у И. Э. Фишера о «дучерах» говорится: «сей народ от устья Сеи вниз реки Амура живет в юртах. Сказывают, что они говорят собственным своим языком, коего дауры не понимают» [Фишер, 1774. С. 573, примеч. 27]. Для нас это замечание не слишком информативно: здесь неясно, кто такие дауры — дагуры, говорящие на монгольском языке, или какая-то тунгусоязычная группа.

Среднего Амура, не может иметь однозначной интерпретации. Фишер отметил: «Манжуры то место, где прежде сего стоял Албазин, называют Якса, что на их языке обвалившийся значит берег» [Фишер, 1774. С. 586, примеч. 36]. В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» отмечено для маньчжурского языка слово *йакса* 'яр', 'извилистый берег', *йакса хотон* 'название Албазина' [Сравнительный словарь... Т. I. С. 289б], но это слово, бесспорно, заимствовано из эвенкийского языка: ср. эвенк. *е:кса* 'скала', 'осыпь (каменистая у подножия скалы)'. Если бы это слово было исконно маньчжурским, оно должно было бы выглядеть примерно как ***йаха*, но не совпадать с эвенкийским.

Что касается соотношения «чжурчжэньского языка», документированного образцами малого чжурчжэньского письма, и маньчжурского языка, то анализ морфологических элементов в сочетании с данными анализа лексики однозначно свидетельствует о том, что «чжурчжэньский язык» и маньчжурский язык — это одна и та же языковая формация, для которой в разные исторические периоды использовались разные виды письма. Малое чжурчжэньское письмо, смешанное словесно-морфемно-слоговое по своему характеру, было изобретено в первой половине XII в., однако не выдержало конкуренции с китайским и монгольским письмом и в начале XIII в. было выведено из употребления. Маньчжурское алфавитное письмо было создано в конце XVI в. по образцу монгольского письма. В данном случае итоги лингвистического анализа хотя и расходятся с традиционными представлениями лингвистов, но однозначно согласуются с фактами истории: замена наименования «чжурчжэни» на наименование «маньчжуры» не влекла за собой ни смены этноса, ни смены языка, ни изменений в языке под воздействием межэтнических контактов. В свое время М. В. Воробьев, отметив значительное число сходных элементов в «чжурчжэньском» и маньчжурском языках (в том числе сходства таких грамматических показателей, которые определяют специфику маньчжурской ветви тунгусо-маньчжурских языков по отношению к тунгусским языкам), оставил решение вопроса о реальном соотношении «чжурчжэньского» и маньчжурского языков лингвистам [Воробьев, 1983. С. 150]. В настоящее время можно говорить о том, что «чжурчжэньский» и маньчжурский — это один и тот же язык [Burykin, 1999. P. 29—39]: основные различия между материалами, документирующими эти языковые формации, сводятся к особенностям графики и степени передачи звукового состава слов, а также к объему и качеству словарной документации лексического материала.

Если попытаться проанализировать названия этнических групп, приведенные И. Э. Фишером в его «Сибирской истории», то можно выявить немало интересных подробностей и частных.

Так, Фишер отмечает, что «дучеры» живут ниже устья Узури (Усури), а ниже их по течению Амура живут Натки и Гиляки [Фишер, 1774. С. 577]⁹. Первое название в литературе обычно связывается с ульчами или нанайцами, второе закрепилось за нивхами, однако по своему значению два последних наименования могут относиться к любым обитателям низовьев Амура и низовьев любой реки вообще.

Выше них между Зеей и Шингалом (Сунгари) живут гогули, места, где живут дучеры, начинаются ниже Сунгари. Ачанцы, по Фишеру, — то же, что и натки, а по некоторым источникам, которыми он пользовался, натки и гиляки составляют один народ [Фишер, 1774. С. 593].

Согласно документам Е. П. Хабарова¹⁰, «гогулы» жили в тех местах, откуда плавание вниз по Амуру до устья Шингала (Сунгари) занимало 2—4 дня [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 364]. Название это в документальных источниках более не воспроизводилось и этнонимом оно не является. Вероятнее всего, так на монгольском языке был назван какой-либо изгиб берега Амура или Зеи, ср. монг. *гагуйх* 'выгибаться, выдаваться вперед, изгибаться, торчать', монг. *гахууль* 'крючок (рыболовный)', калм. *хахуль* 'удочка' — в последних двух примерах явно поздние переносные значения, показывающие живой процесс развития¹¹. Маловероятно, чтобы в эти документы попали названия нег., ороц., уд., ульч., нан. *гаоли* 'кореец', монг. *гаули* 'кореец' [Сравнительный словарь... Т. I. С. 1406], как можно полагать, связанные с названием государства Корё и не имеющие географических мотивировок¹². Есть и более точное указание: «от Селимбы речки плыть до речки до Гогоулкургу трои сутки, а та речка пала в Зию на низ плувучи в левую сторону, а на усть той речки на Зие волость Гогоули, а в той волости даурской острожек» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 54]. Эта же цитата показывает, что *гогули*, скорее всего, — непонятый топоним или апеллятив, потому что «волость» точно не может быть названа именем народа или клана, если это имя не носит сам острожек.

В. Поярков в 1646 г. докладывал: «от Шилки (тут указание на место впадения Сунгари в Амур. — А. Б.) реки плыть до Амура шестеры

⁹ В другом месте у него же сказано: «сей народ от устья Сеи вниз реки Амура живет в юртах» [Там же. С. 573, примеч. 27].

¹⁰ Из новой литературы о нем см.: [Красноштанов, 2008].

¹¹ Аналогичное название на нанайском и ульчском языках — Бури 'лук', 'изгиб' имеет то место, где Амур поворачивает с востока на север и где расположен г. Хабаровск, это имя в названных языках стало и названием города.

¹² О. В. Дьякова, ссылаясь на мнение Б. И. Панкратова, отмечает, что за названием *гогули* может стоять название даурского клана Гоболь [Дьякова О. В. (Б. г.), примеч. 4]. Она же видит в дучерах чжурчжэней [Там же, примеч. 5].

сутки, а все и до Амура живут, по обе стороны, Дючеры многие сидячие люди; а Амур пала в Шунгал (так описывается слияние Амура и Уссури. — *А. Б.*) на низ идучи с правую сторону... А по Амуру до Натков плыл до князца Чекуная четверы сутки дючерами ж пашенными, а Натками плыл до гиляков две недели, а Натки живут по Амуру по обе стороны улусами... а Гиляками плыл и до моря две недели же, а Гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 55]¹³. Это изложение довольно хорошо соотносится с современной картой расселения народов Амура вниз по течению: нанайцы — ульчи — нивхи. Видимо, это пространственное совпадение и играет роль в идентификации названий народов из источников XVII—XVIII вв. с современными этносами. Отметим, что в документах Е. П. Хабарова, составленных в 1652 г., натки в тех же местах не упоминаются, а их место занимают ачаны [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 364]. О том, что ачаны живут по течению Амура ниже, чем «дучеры», писал и Г. Миллер [Миллер, 2006. С. 337]. Этот факт — определенное свидетельство того, что названия *натки*, *ачаны* и другие наименования территориальных групп на Амуре не являются ни самоназваниями, ни названиями этносов — в противном случае они были бы более устойчивыми.

И. Э. Фишер писал: «...Натки и Гиляки один токмо народ составляют; ежели сие правда, то дучеры и гиляки между собою смежны» [Фишер, 1774. С. 623, примеч. 59]. Мы видим, что у нас есть основания считать натков и ачанов за одну и ту же группу, поскольку эти названия нигде не противопоставляются друг другу и встречаются в разных документах. Что же касается какой-либо связи между наименованиями *натки* и *гиляки*, то мы обратимся к этому, рассмотрев возможные производящие основы этих названий. Е. П. Хабаров докладывал, что дючеры и ачаны собрали «войско человек в тысячу» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 364]: ополчение такой численности не могло быть моноэтничным, оно явно превышает то, что могли выставить какие-либо группы нанайцев, если исходить из наших знаний о численности данного этноса.

В тунгусо-маньчжурских языках для названия *гиляки* присутствуют следующие документирующие лексемы: эвен. *гилэкэ*, нег. *гилаха*, ороч., уд., ульч., нан. *гилэми*, нан. *гилэми наини* ‘гиляк’, ‘нивх’, орок *гилэ*, *гилэгэ* ‘нивх’ [Сравнительный словарь... Т. I. С. 152а]. Из данных примеров еще никак не следует, что название «гиляки» относится к

¹³ Имена «гиляцких» аманатов, которых поймал Поярков в 1656 г., более похожи на тунгусские, чем на нивхские, что представлено в изложении самого В. Пояркова, но в документах казаков из его отряда тот же перечень этнонимов привязывается к Зее, а не к Амуру [Там же. С. 57].

жителям низовьев реки, но становится понятным, что, вероятнее всего, данное название было заимствовано тунгусоязычными народами Приамурья из языка, близкого к нивхскому, ср. нивх. *хеми* ‘верховья реки’, *ями* ‘низовья реки’ с тем же самым суффиксом, не характерным для тунгусо-маньчжурских языков. Оттопонимический характер формы *гилэми* подчеркивается приведенным выше нанайским *гилэми наини*, собственно ‘человек местности *гилэми*’. Текст Тырской стелы сообщает: «Что касается страны Нуэргань, на северо-востоке, то [она] расположена за пределами [местности] Саньи. Её население составляют цзилеми, а также живущие разбросанно другие племена» [Мелихов, 1970. С. 251—274]. Этот этноним известен по китайским источникам со второй половины XIII в. (см.: [Дедахин, 2000. С. 13—23; 2001. С. 70—77; 2003. С. 65—77]).

Наименование *натки*, как и современный этноним *негидальцы*, не являющийся самоназванием данного этноса (их самоназвание *илкан бэйэ* ‘настоящий человек’), соотносится со следующим гнездом слов:

Эвенк. *нге:гида* ‘нижняя часть склона у берега’, *нге:н* ‘нижняя часть склона у берега’, *нге:ски* ‘вниз по склону, к берегу, к воде, к морю’, эвен. *нга:ски* ‘вниз по склону, к берегу, к воде’, нег. *не:ски*, *нге:ски* ‘вниз по склону, к берегу, к воде’, ороч. *нгеа* ‘берег’, уд. *нгеаг* ‘орочи’, *нгеае* ‘пространство между берегом и какими-то объектом на берегу’, орок. *нгои* ‘прибрежная часть суши, берег’, ульч. *вайи* ‘нижняя прибрежная часть селения’, нан. *ваи*, *вайи* ‘прибрежное пространство’, *ваиски*, *ваиси* ‘к берегу, к воде’, ма. *вала* ‘низ’, нивх. *вэй*, востсах. *вай* ‘низ, подножие’ [Сравнительный словарь... Т. I. С. 658б—660а].

Из приведенного материала понятно, что наименование *натки* (иногда приводится в форме *натканы*) мотивировано как ‘прибрежные, береговые’ с возможностью толкования как ‘живущие в низовьях реки’, судя по функционированию этого корня в орочском и удэгейском языках, оно могло быть и этнонимом, но скорее обозначало ‘вниз, вниз по склону, вниз по реке’. Внешний вид этого корня в ульчском, нанайском и маньчжурском языках, где мы видим *в-* в начале слова, несколько странен, однако на месте севернотунгусского начального *нг-* ожидалось бы не *в-*, а *г-*, что мы как раз видим в форме *гилэми*. Ожидаемым рефлексом для этого тунгусо-маньчжурского корня в нивхском языке было бы как раз **ги-* поскольку дифтонгоидный гласный эвенкийского и других тунгусо-маньчжурских языков как раз соответствует нивхскому *и*, а общенивхское *и как раз соответствует амурскому *ы* и восточносахалинскому *а*, что мы видим в апеллятиве *вэй/вай* ‘низ’ [Бурькин, 1987а. С. 46—54; 1989. С. 45—49].

Название *ачаны*, которое современные этнографы вместе с именем *натки* склонны относить к наименованиям групп нанайцев [История и

культура нанайцев, 2003. С. 4], видимо, представляет собой преобразованную за счет заимствований форму, соответствующую эвенкийскому *эзиг* ‘низовской’, нан. *хэзиэни* ‘нанаец’ [Сравнительный словарь... Т. II. С. 440б—442а]: данный корень есть во всех тунгусо-маньчжурских языках, но не везде зафиксированы наименования территориальных групп, образованные от него (см. также: [Дьякова О. В. (Б. г.)])¹⁴.

Таким образом, тунгусо-маньчжурское название нивхов *гилэми* действительно имеет значение ‘береговые, прибрежные’ или ‘низовские’, но восходит не к южнотунгусским языкам, а к языку, близкому к древней архаической форме нивхского языка или его неизвестному ныне диалекту. Название *натки* либо является пространственным указанием «вниз», либо соотносится с названием орочей или удэгейцев, то же относится и к наименованию *ачаны*.

Наименование *гольды*, до начала XX в. употреблявшееся как название нанайцев, не встречается в источниках XVII в. и появляется в литературе только во второй половине XIX в. В тунгусо-маньчжурских языках оно не имеет объемной документации, ср. нег. *голдих*, ороч. *гогди* ‘гольд’, ‘нанаец’ [Сравнительный словарь... Т. I. С. 158б]. Похоже, что у этого этнонима не обнаруживается другой этимологии, согласуемой с его значением — ‘живущие выше по течению, верховские’ и противопоставляемой этнонимам *хэчжэ* или *ходзенам* ‘живущие ниже по течению, низовские’, ставшим официальным наименованием нанайцев КНР, — пожалуй, его можно выводить только из монгольского *голын эх өөд* ‘вверх по течению’.

Названия отдельных групп жителей бассейна Амура, зафиксированные в источниках середины XVII в., представляют собой не названия народов и не их самоназвания, а соционимы (дючеры) и наименования каких-то этнотерриториальных групп по месту их проживания, в основном с учетом ориентирования их расположения по течению Амура или какой-либо другой реки (гогули, натки, ачаны, гиляки). Некоторые из этих наименований этимологизируются только с учетом монгольских языков или языков аборигенного населения Амура, имеющих чрезвычайно архаичную форму, которая не документирована современным состоянием этих языков или материалами XVII—XIX вв.

8.5. Юкагиры и якуты

Как и целый ряд других этнонимов, этноним *юкагиры* не является самоназванием юкагиров: верхнеколымские лесные юкагиры называ-

¹⁴ В этой статье наименование ачаны сравнивается с именем местности Удзял. В свою очередь, это название сходно с нанайской патронимией Уза.

ют себя *одул*, нижеколымские тундренные — *вадул*. И. Биллингс, отметивший: «Сей народ называет себя *Andondomni* и не знает, кто ему дал название юкагиров» [Этнографические материалы... 1978. С. 23], привел самоназвание анюйских юкагиров по месту их обитания.

В исследованиях по этнографии юкагиров происхождение названия *юкагиры* обсуждалось редко, так как, скорее всего, его источник лежит за пределами юкагирского языка. В. А. Никонов писал: «Этноним юкагиры могли дать эвенки, судя по форманту *-гир*, господствующему в эвенкийских родоплеменных названиях. Однако основа неясна: истолковывают „лед“ в значении ‘мерзлые’, то есть ‘говорящие невнятно’, то есть на незнакомом языке, но в тунгусских языках „лед“ не *юка*, а *дюкэ*... [Сравнительный словарь... Т. I. С. 271б—272а]. Не выяснена возможность привлечь эвенкийское диалектное *йоко* ‘якут’» [Никонов, 1984. С. 65]. Двумя названными версиями исчерпываются все гипотезы о возникновении данного этнонима.

Высказывались предположения, что название *юкагиры* связано с эвенским словом *йуке* ‘холодный’ или *йоке* ‘далекий’, то есть ‘далекое племя или народ холодной страны’ [Юкагиры, 1975. С. 5; Линденау, 1983. С. 156; Фольклор юкагиров... 1989. С. 3]. Как явствует из сказанного ниже, последняя догадка совсем недалека от истины.

Однако здесь одна неясность наталкивается на другую: связь самоназвания якутов *саха* и тюркского слова *јақа* ‘край, окраина’ берется под сомнение [Сидоров Е. И., 1984. С. 39], однако же при этом отмечается, что происхождение этнонима *якуты* от эвенкийского *йоко* ‘иноземец’ не доказано [Никонов, 1984. С. 65]. К слову, в эвенкийском языке и других тунгусо-маньчжурских языках слово *йа:ко:/йо:ко:* означает не ‘иноземец’, а только ‘якут’ [Сравнительный словарь... Т. I. С. 338б—339а]. В эвенском же языке слов с начальным согласным *й-* не может быть вообще.

А. И. Гоголев производит самоназвание якутов *саха* от древнеиранского слова *сака* ‘олень’, которое, по его мнению, было тотемным самоназванием ираноязычных племен [Гоголев, 1993. С. 121, 123].

Обратим внимание, что в ряде документов, характеризующих население низовьев Лены и побережья, лежащего к востоку от Лены — дельты Яны, Индигирки и так далее, говорится о том, что там живут «якутские люди» [Гурвич, 1966], стало быть, местное население стало называть якутов-саха не по их самоназванию, а по названию какого-то иного этноса либо этот этноним не относился к якутам-саха. Это значит, что этноним *йоко* существовал в арктических районах Якутии достаточно давно и употреблялся по отношению к различным этническим группам. Но каким именно?

В юкагирском языке слово *йокэ* имеет значение ‘далеко, вдали’, и странно, что чукотское слово *ыаа* также означает ‘далеко, вдали’, *ыя-*

акэн ‘далекий, дальний’, множественное число — *ыяакэт*. Вероятнее всего, эти слова и лежат в основе этнонима *якутцкие люди, якуты*, а в эвенкийской адаптации с суффиксом родовых названий — в основе этнонима *юкагиры*. В принципе сходство этих слов с этнонимом *йоко* отметил еще Я. И. Линденау, указавший, что коряки «якутов... называют *Jokalan*, то есть далекие люди» [Линденау, 1983. С. 103].

Есть, однако, возможность рассмотреть и другие варианты — во всяком случае, чтобы изучить перспективы для иных объяснений происхождения этнонима *юкагиры*.

Нам приходилось говорить о том, что группы оленеводов и морских охотников, говоривших на языках чукотско-корякской группы, проникали далеко на запад — до района полуострова Таймыр. Чукотское слово *рыркы* ‘морж’, в корякском языке звучит как *йыйка*, по-корякски *йыйк-о-лг’о* ‘те, кто занимается охотой на моржа’, ‘те, кто ест моржей’. Судя по некоторым данным, западные диалекты чукотского языка обнаруживали близость к диалектам коряков-чавчуменов. Не столь уж невероятно будет предположить, что так называли каких-то древних обитателей морского побережья, а впоследствии это название, сохранившееся в тунгусской среде, было перенесено на юкагиров и якутов.

Странным и необъяснимым остается то обстоятельство, что название для юкагиров отсутствует у эвенков, длительное время соседствовавших с юкагирами в бассейнах Лены и Яны. У эвенков для наименования юкагиров используется слово *булэр*, объясняемое как ‘враги’, хотя, скорее всего, слово *булэр* не является исконно эвенским и происходит от юкагирского *нульэй* ‘зять’. У юкагиров существовал матрилокальный брак, и тунгус-эвенк или эвен, женившийся на юкагирке, обязательно приобрел бы данное обозначение исходя только лишь из юкагирской терминологии родства.

В нерешенной проблеме происхождения этнонима *юкагиры*, думается, нельзя сбрасывать со счетов и чукотскую форму *йыкыргавыльыт* ‘дыряворотые’ — так чукчи называли эскимосов островов Берингова пролива и Аляски за их обычай носить лабретки [Леонтьев, 1982. С. 152]. При перезаимствовании такого названия или при его заимствовании непосредственно от чукчей в условиях неясности того, кого именно так называли, это название вполне могло закрепиться за юкагирами. Похоже, это чукотское название эскимосов часто принимается на название юкагиров, данное им современными исследователями (см.: 8.9).

Я. И. Линденау отметил: «Якуты называют юкагиров Чукап [Tchukan]» [Линденау, 1983. С. 154]. Но скорее всего, это чукотское прилагательное *чаакэн* ‘чаунский’, то есть слово, являющееся общим назва-

нием жителей бассейна реки Чаун и Чаунской губы. По другим источникам это название неизвестно.

Что касается самоназвания лесных юкагиров *одул*, тундренных — *вадул*, то о нем трудно сказать что-то определенное. Лесные (верхне-колымские) юкагиры считают, что их самоназвание *одул* означает ‘сильный’ [Жукова Л. Н., 1996. С. 3, примеч.], но это, определенно, народная этимология, даже не подтверждаемая фактами юкагирской лексики.

Весьма возможно, что если самоназвание *эвен* означает ‘здешний, местный’, то и самоназвание *вадул*, *одул* означает ‘здешний, свой’, ср. юкагирские слова *ваай* ‘опять, тоже’, *ваганэ*, *вагинэ* ‘собственный’, ‘родной’, *вагаришл* ‘исконные, коренные (также название племени тундренных юкагиров)’, *вагаришль* ‘предок, родоначальник’, *вагирэл* ‘название рода тундренных юкагиров’, *валь* ‘возле’ [Курилов Г. Н., 1990. С. 36—38, 41]. Во всяком случае, здесь намечается какой-то выход из тупика, в котором оказывается решение вопроса о происхождении самоназвания юкагиров.

Более того, в связи с «хвостом» из юкагирских топонимов, обнаруженным в верховьях и по левобережью Лены, напрашивается сравнение самоназвания юкагиров и вышеприведенного названия юкагирского рода Вагариил, Вагирэл с эвенкийским родовым названием Вакувагир — представители этого рода жили на реке Непе, в прошлом, по их рассказам, они жили около Байкала и Ангары. Две реки — приток реки Киренги и приток Чоны и Таймуры — носят название Вакунайка [Василевич, 1969. С. 265]. С этим же этнонимом связан, видимо, и гидроним Менкере — название правого притока Лены ниже Жиганска. Еще более любопытно то, что в разных местах бассейна Лены от верховьев до Вилюя жили эвенки с родовым названием Вокрай, Вакуррай, а группа с названием Вакагил вошла в состав негидальцев [Там же. С. 265—266]. Среди вилюйских якутов в XVII в. встречались родовые названия «онтулы», «олесы» [Долгих, 1960. С. 468], — напомним, что по правому берегу Лены и в бассейне Вилюя также прослеживаются юкагирские по происхождению топонимы.

Чукотское название юкагиров *этэлыт* ‘юкагиры’ производно от самоназвания юкагиров. Я. И. Линденау, правда, пишет, что «коряки юкагиров называют Aetoel — пегая орда, потому что они имеют пятнистых оленей и одежды шьют из шкур этих оленей», но в другом месте он пишет, что «коряки называют юкагиров Edel (Etel), потому что последние всегда кочуют и живут охотой» [Линденау, 1983. С. 103, 129, 154]. Судя по всему, ни то ни другое объяснение не является даже правдоподобным. Приводимое в комментариях к книге Линденау написание корякского названия юкагиров *этэлыл Гаин* точ-

но соответствует корякскому слову в форме единственного числа *этэ-лылг'ын* 'юкагир'.

С. П. Крашенинников писал: «Одно неизвестно происхождение имени юкагир, с которым народом оленные коряки пограничны на севере. Коряцкое имя Едель, то есть волк, которым они называют юкагирей по причине пропитания их звериной ловлею, которую уподобляют волчьему хищению, за начало юкагирского наименования почтень сумнительно, хотя между обоими именами и есть некоторое сходство; особенно же что не знаем мы, как юкагиры сами себя называют, и как соседи их, что живут к Якуцку ближе» [Крашенинников, 1994. Т. 2. С. 6]¹⁵. За время, прошедшее с момента выхода в свет книги С. П. Крашенинникова, стали известны и самоназвание юкагиров, и некоторые названия юкагиров, известные у других народов, однако многое из необходимого для рассмотрения этого этнонима остается неясным.

Отдельные территориальные подразделения юкагиров чаще всего именовались по месту их жительства, например, яндинцы — Янские юкагиры. Любопытно, что в документах XVII в. встречается написание «вяггинские» [Долгих, 1960. С. 404] — обратим внимание, что и в названии реки Яна иногда появлялся начальный согласный *в-* (см.: 3.2.4): такое совпадение не может быть случайным, и название этой группы юкагиров, несомненно, связано с названием реки Яны. Известный вариант этого названия — *яндагиры* получил осложнение за счет эвенкийского суффикса родовых названий *-гир*. В названиях Шоромбойский или Хоромойский род, как называли юкагиров, живших в низовьях Индигирки, угадывается юкагирское слово *шоромо* 'человек' [Никонов, 1984. С. 63]. Название «олюбенцы» соотносится с каким-то неюкагирским по происхождению географическим названием наподобие Вульвывеем 'Поперечная река' или Вылгилвеем 'Березовая река'. Название какой-то небольшой группы юкагиров *ононги* совершенно справедливо сравнивается с юкагирским словом *эну(нг)* 'река' [Долгих, 1960. С. 405]. Название алазейских юкагиров «алаи», «аланди» связывается с названием реки Алазеи [Там же. С. 422—423], а название юкагирского рода Когимэ (в других вариантах — Конииндзи, кэлгиэнзи) — с названием реки Колымы [Там же. С. 423], хотя в последнем случае остаются неясными некоторые детали, связанные с вариантами этого названия.

Среди колымских юкагиров, кочевавших по междуречью Колымы и Анадыря в верховьях реки Олой — притока Омолона, была еще одна

---

¹⁵ Как мы уже выяснили, это название юкагиров ученые связывали со словом, которое в чукотском и корякском языках обозначает лису, а не волка (см.: 6.2).

территориальная группа с названием «лавренцы» [Там же. С. 410, 548]. Видимо, название этой давно исчезнувшей группы юкагиров, занимавшей промежуточное положение между лесными юкагирами Колымы и восточными (анадырскими) юкагирами, происходит от топонима Лабуген ‘куропаточья река’ — так называется один из притоков Малого Анюя, это название происходит из юкагирского языка [Топонимический словарь... 1989. С. 227—228]. Учитывая значение названия, нельзя исключать того, что название территориальной группы может восходить к аналогичному по смыслу названию любого другого географического объекта.

Остается разобраться с тем вопросом, каким образом названия, восходящие к чукотскому *ыяакэт* ‘дальние’ или юкагирскому *йокаэ* ‘далеко, вдали’, получили столь широкое распространение.

Во-первых, обитатели Охотского побережья — эвены и эвенки до прихода русских землепроходцев не имели прямых контактов с юкагирами — от территории расселения юкагиров их отделяли владения оленеводов-чукчей и коряков. Следовательно, для жителей Приохотья обитатели среднего течения Колымы могли быть называемы по-чукотски *ыяакэт* или по-корякски *ыявако* — ‘дальние’, и для обозначения юкагиров они не восприняли даже самоназвания юкагиров, как это сделали, в отличие от тунгусоязычных народов и якутов, чукчи и коряки — непосредственные соседи юкагиров. Позднее к этому названию мог присоединиться эвенкийский этнонимический суффикс *-гир*, однако это случилось не позднее, чем на территории низовьев Лены и бассейна Яны эвенки пришли в соприкосновение с юкагирами.

Название якутов-саха у эвенков *йоко*, *йа:ко*: могло также появиться не при непосредственном контакте с якутами где-то в верховьях Лены, а через посредство тех же юкагиров — в особенности если последние заселяли когда-то районы Юго-Западной Якутии, где сохранилась юкагирская топонимика.

Знакомство русских землепроходцев с народами средней части Сибири происходило в обратном порядке [Janhunen Juha, 1985. P. 75]. Вероятно, от эвенков Енисея русские слышали о том, что в бассейне Лены живут *йа:ко*: — якуты-саха, и уже затем узнали о том, что где-то к северу и северо-востоку от Якутского острога живут люди, называемые также *йа:ко*: или *йукэгир*.

Что касается происхождения самоназвания якутов *саха*, то этой проблеме посвящена объемная литература, обсуждающая две гипотезы — соответствует ли якутская форма *саха* общетюркскому слову *јақа* ‘край, воротник’, что обсуждал еще В. Серошевский в своем труде [Серошевский, 1993. С. 196], или же не соответствует (см., в частности: [Дугаров, 2000. С. 99—102 и указанную там литературу]). Первая гипотеза позволяет не только семантизировать этноним *саха*, свя-

зав его с местом, занимаемым якутским этносом в тюркском мире, но также выводить и русский этноним *якут*, и эвенкийское название якутов *яка*, *ёко* из тюркского же языкового материала. Но сам В. Серошевский писал: «В слове *сах* у якутов начальное *с*- прочное, а не беглое» [Серошевский, 1993. С. 196], иными словами, оно, по мысли автора, хорошо знавшего якутский язык и современную ему литературу по тюркским языкам, не должно соответствовать общетюркскому *-*j* (мы ориентируемся на реконструкцию Б. А. Серебренникова) [Серебренников, Гаджиева, 1979; 1986]. Мы полагаем, что самоназвание якутов *сах* является монгольским по происхождению и представляет собой закономерное преобразование известного монгольского этнонима *чахар* в тюркоязычной среде, в частности в якутском языке (ср. монг. *хад(ан)* ‘скала’ и якут. *хайа*)¹⁶. Замечания В. Серошевского относительно того, что название «чахары» в якутском языке существует независимо от самоназвания якутов и относится к сфере социальной терминологии: «Чахарами зовут в Китае пастухов богдыханских стад... Г. Н. Потанин считает их за отдельное племя... Название происходит от слова „граница“... Возможно, что якутское *чахар* и монгольское *чахар* просто случайное созвучие» [Серошевский, 1993. С. 493], относятся не к этнониму, а к монгольскому по происхождению социальному термину, который был заимствован в якутский язык относительно поздно. Этот социальный термин хорошо представлен в калмыцком эпосе «Джангар», где слово *цахар* имеет значения ‘поселение челяди, обслуживающее хурул или ставку хана’, ‘кибитки бедняков вокруг ханских дворцов’ [Джангар, 1988. С. 159; 1990. С. 462]. Получается, что В. Серошевский был по-своему прав, говоря о том, что монгольский этноним *чахар* и якутский социальный термин *чахар*, заимствованный из монгольских языков, лишь случайно созвучны друг с другом, хотя и сам смешивал эти слова. Таким образом, проблема происхождения этнонима *сах* может найти свое решение в материале монгольских этнонимов, но не совсем там, где ее искали, — не в бурятских, а в собственно монгольских родоплеменных названиях.

8.6. Анаулы, чуванцы, ходынцы. Данные этнонимии к этнической истории восточных юкагиров

Выше было обращено внимание на то обстоятельство, что в целом ряде документов личные имена людей, которые по другим указаниям — по этническому определению из документов или другим сооб-

---

¹⁶ Впервые эта этимология представлена в работе: [Бурькин, Решетов, 2002. С. 170—172].

ражениям — принимались за юкагирские, оказывались чукотскими словами — именами либо этнонимами, как варианты слова *чавчыв* — самоназвания оленных чукчей. И. С. Вдовин обратил внимание, что многие имена юкагиров-анаулов выглядят как чукотско-корякские, и сделал на этом основании вывод о том, что анаулы на момент соприкосновения с землепроходцами были смешаны с коряками [Вдовин, 1965. С. 62]. Вследствие этого предлагавшееся объяснение названия «анаулы» из юкагирского *онун-одул* ‘речные юкагиры’ [Долгих, 1960. С. 429], как уже признавалось, не выглядит правдоподобным, так как построено на цепочке недоказанных изменений [Никонов, 1984. С. 47].

Этноним *анаулы* можно связывать с названием одного из истоков реки Белой — реки Энмываам: *энмы-льыт*, *энмы-тва-льыт*, *энмываам-ыльыт* ‘живущие на реке Энмываам’. Форма эргативного падежа от этого названия будет иметь вид *энмыльа*. По-корякски название жителей долины реки Энмываам выглядело бы как *энмылг’о*. Сказанное в общем хорошо согласуется с тем, что мы знаем о местожительстве анаулов — в других местах это название вообще не фиксируется. Но опять-таки этноним *анаулы* расшифровывается из чукотского языка, но никак не объясняется из юкагирского, где попытки объяснить его оказываются тщетными. Не случайно еще в 20-е гг. XX в. В. И. Огородников считал, что *анаулы* — это какая-то особая этническая группа или же коряки [Сергеев, 1948а. С. 416—417].

В отношении происхождения этнонима *чуванцы* и этнической принадлежности его носителей наблюдается полная неясность, и выясненные в ходе исследования детали еще более осложнили наблюдаемую картину. Основа этнонима *чаальыт* ‘чаунцы, жители окрестностей Чаунской губы’ — собственно чукотская. По данным источников, чуванцы были известны юкагирам под названием «шолилау» [Долгих, 1960. С. 433], однако, как уже говорилось, это название опять же соотносится с названием *чульылг’ыт*, *чульыльэ* — обозначением чаунских чукчей.

Материал по личным именам чуванцев, который мог бы прояснить этническую картину, немногочислен и, главное, очень ненадежен.

Этноним *ходынцы* не имеет надежной юкагирской этимологии, хотя компонент *-нцы* вроде бы сходен с юкагирским этнонимическим суффиксом *-н-ди* (как объяснялся из юкагирского языка этноним *чуванцы*). По-юкагирски *көдэ* ‘мужчина’, возможны другие объяснения, но вот на что надо обратить внимание: В. Г. Богораз считал ходынский род чуванским по происхождению [Богораз, 1934. С. 7], не вдаваясь в детали о происхождении чуванцев, М. А. Сергеев писал: «Некоторые исследователи считали их, аналогично чуванцам, особым племенем, другие — частью юкагиров, третьи отождествляли их с чуванцами» [Сергеев, 1948а. С. 415].

Название «ходынцы» применительно к некоему этносу, жившему между Колымой и Анадырем, оказалось более устойчивым, нежели два других, — напомним, что название «чуванцы» как бы восстановлено сравнительно недавно и закреплено за иной этнической группой. Территория, заселенная в прошлом юкагирами-ходынцами, совпадает с чукотско-корякской контактной зоной и с западной частью области, заселенной коряками-оленеводами. По-корякски олень — *к'оян'а* или, на диалекте тайгоносских, пареньских, пенжинских коряков, — *к'одян'а*. Использование оленей у восточных юкагиров более сходно с чукотско-корякским, нежели с эвенско-юкагирским типом ведения хозяйства. Напрашивается предположение, что восточные юкагиры во всех трех территориальных группах были в значительной мере смешаны с чукчами или коряками.

Одна эвенская патронимия, в наши дни — семья знатных оленеводов, представители которой живут в пос. Омолон Билибинского района Чукотского автономного округа, носит фамилию Ходьяло. Известно, что эта патронимия (семья) имеет юкагирские корни, хотя из юкагирского языка ее название не объясняется. Зато на диалекте коряков-чавчуменов, распространенном по западной границе их расселения (нынешние Северо-Эвенский район Магаданской области и Пенжинский район Камчатской области), они называются *к'одя-лг'о*, что означает 'оленные', 'оленеводы'. Комментарии, полагаем, излишни: такие совпадения случайными не бывают.

В источниках XVII в. упоминается Хатылинско-чуванский род, кочевавший по Малому Анюю [Гурвич, 1966. С. 140]. Похоже, что это название соотносится с чукотским *К'онтыляльыт* 'чья-то ближайšie соседи', 'те, кто живет на расстоянии одной кочевки'. Поправка И. С. Гурвича «Ходынско-чуванский род» является излишней, так как текст источника понятен.

Таким образом, получается, что все три известных этнонима, которые традиционно рассматриваются как названия или даже самоназвания территориальных групп восточных юкагиров, по большей части не имеют объяснения из юкагирского языка (за исключением того, что говорилось о названии «чуванцы»), но находят объяснение из чукотского языка. Это дает основания полагать, что все восточные территориальные группы юкагиров уже на момент соприкосновения с русскими землепроходцами были в значительной мере смешаны с коренным населением Заколымья и Прианадырья — чукчами и, возможно, коряками. Ареал юкагирской топонимики, к которому бесспорно принадлежат названия Яблон и Еропол и в который входит название Пенжина, как уже отмечалось, в Прианадырье невелик и время его образования не вполне определено. Вероятно, предпосылки к полной ассимиляции этих территориальных групп юкагиров среди местного насе-

ления — чукчей и коряков — были заложены в более раннее время — еще до появления русских к востоку от Колымы.

8.7. Чукчи

Первые упоминания этнонима *чукчи* в русских документах относятся к середине 40-х гг. XVII в. Одно из самых ранних употреблений названия «чукчи» содержится в расспросных речах Федора Чюкичева 1646 г., который показывал: «Да к ним же, к служилым, к зимовью приезжали на оленях чюхчие оленей продавать, а им де, служивым, поймать их было за безлюдством не в мочь, а живут де те чюхчие промеж Алазейкою и Ковымою реками на тундре, сказывают, их человек с 400 и больше» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 143]. Здесь присутствует интересная этнографическая деталь: именно 400, или «20 двадцаток», — это своего рода предел чукотского счета, следовательно, так могли рассказывать о себе именно чукчи. И даже ныне среди сибирских народов счет двадцатками характерен только для чукчей.

Еще одно упоминание о чукчах встречается в «Расспросных речах» Михаила Стадухина 1647 г., которые нам придется процитировать еще раз: «На той же де реке Колыме в сторонней реке прозвищем на Чюхче, а пала де та река в море своим устьем... на сей стороне Колымы реки, а по той де реке Чюхче живут иноземцы свой же род словут чухчи, та же что и самоедь, оленные, сидячие ж... А у тех де чюхчи соболя нет, потому что живут на тундре у моря» [Открытия русских землепроходцев... С. 221—222; Русские мореходы... 1952. С. 59—60]. Здесь очень важно, что и оленные чукчи, и те жители побережья Чаунской губы, которые живут относительно оседло и охотятся на моржей, названы одинаково — и те и другие именуются чукчами.

С чукчами же встретились в 1646 г. на берегу Чаунской губы Исай Игнатьев и Семен Алексеев Пустозерц: «в роспросе сказали, бежали де они по большому морю, по зальду, подле Камень двое сутки парусом и доходили до губы, а в губе нашли людей, а называются чюхчами, а с ними торговали небольшое место потому что толмача у них не было...» [Русские мореходы... 1952. С. 110].

В. Г. Богораз писал: «В первой половине XVII столетия на большой тундре к западу от Колымы жили какие-то оленные племена, которым казаки дали название „чукчи“ и с которыми они постоянно вели мелкие войны. Обе реки западной тундры были названы по ним Большая и Малая Чукочьи... В настоящее время ближайшие селения приморских чукоч находят за 500 км к востоку от указанных мест» [Бо-

гораз, 1934. С. 6]. Он же отмечал, что чукотское слово *чавчыв* (в его записи *савсу*) означает ‘богатый оленями’ [Там же. С. 3].

Чаунские чукчи — жители современного города Певека и поселка Айон, который расположен на одноименном острове, то есть прямые потомки обитателей этих мест, с которыми встретились первые землепроходцы, — по нашим наблюдениям, называют себя *чувчыв*, а не *чавчыв*. Старая форма этого этнонима — *чюхчи*, *чухчи* стоит как бы на одинаковом расстоянии и от юкагирского наименования чукчей *чэкчэ*, и от чаунско-чукотского *чувчыв*. Таким образом, предполагавшееся ранее юкагирское посредство при заимствовании этнонима *чукчи* русскими явно избыточно, хотя и не исключено полностью.

Очевидно, вследствие различий в самоназваниях отдельных групп чукчей, тундренные юкагиры — обитатели низовьев Колымы — называют эти отдельные группы чукчей по-разному. В языке тундренных юкагиров в качестве названия для чукчей имеется слово *чупчэ* [Курилов Г. Н., 1990. С. 334], но помимо этого еще какая-то территориальная группа чукчей именуется на языке этих юкагиров словом *чаача* [Там же. С. 311] либо этими словами именуются, соответственно, чаунские чукчи и другие оленные чукчи либо чукчи и оленные коряки — неясно, кто именно.

В отношении этимологии названия «чукчи», точнее, чукотско-корякского слова *чавчыв*, возможно, правы С. Н. Стебницкий и разделяющий его точку зрения В. В. Леонтьев, утверждающие, что в этом этнониме представлена модификация глагольного корня *чейв-ык* ‘ходить, передвигаться’, *чайвы-гыргын* ‘хождение’ с утратой согласного *-й-* при удвоении корня [Леонтьев, 1982. С. 153]. Лучшего объяснения для данного самоназвания чукчей и коряков-оленьеводов на сегодня не имеется. Старое забытое предположение Л. Радлова о том, что это название оленных чукчей и коряков означает ‘маленькие люди’ [Radloff, 1861. S. 3], ничем не обосновывается. Источником его является книга Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки» [Историко-этнографическое описание... 1999. С. 16], однако оно не имеет оснований.

От этнонима *чукчи* — *чавчыв*, на наш взгляд, неотъемлемы те формы, которые часто встречаются в документах XVII в. и считаются личными именами, причем именами людей-аманатов, этническая принадлежность которых неизвестна или спорна. Иван Ерастов писал в челобитной 1646/47 г. о том, что взяли «олюбенского аманата Бурулгина сына Чепчюгу с собою в вож» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 134, 136], и еще раз упомянут Чипчюга, сын Бурулги (уж не того ли самого, которого чаще именовали как Пороча?) [Там же. С. 399]. Форма этнонима *олюбенцы* — форма юкагирская, но не факт, что они были юкагирами, — основа данного названия территориальной группы сходна с чукотскими топонимами, а материал по ан-

тропонимике олюбенцев недостаточен, и можно сказать, что он отнюдь не свидетельствует однозначно в пользу безоговорочного признания олюбенцев юкагирами.

Семен Дежнев на Анадыре поймал в аманаты «Ходынсково роду Чекчоя» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 359, 362, 278; Русские мореходы... 1952. С. 124, 127; Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 12], стало быть, сходным образом какие-то наименования записывались как личные имена людей и у ходынцев. Впоследствии этот Чекчой стал одним из организаторов доставки ясака и моржовой кости из Анадырского острога в Нижнеколымск. Известна, но не издана челобитная этого Чекчоя с жалобой о том, что на него нападают коряки [Русские мореходы... 1952. С. 125, примеч. 2]. Позже этот «ходынец» Чекчой погиб на море вместе с Павлом Кокоулиным, коч которого примерно в 1655 г. «занесло» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 368]. Один из родственников Чекчоя носил имя Тилмо [Там же. С. 369—370], это имя явно чукотское — *тилмытил* в переводе с чукотского ‘коршун’; в личных именах чукчей удвоение корней пропадает.

В 1661 г. Второй Катаев принял от Ивана Ерастова аманатов, среди которых в Верхнеколымском остроге числились Чюгичей Криворотов и Шалага Рыбник (сын того самого Порочи, который рассказывал о реке Нелоге, и, очевидно, «шеллаг», то есть чаунский чукча), в Нижнеколымском — «чюхочей аманат Чочюга Митов» [Там же. С. 326] — в последнем случае, кажется, контекст говорит сам за себя; вместо личного имени аманата определенно записано его этническое самоназвание. Еще один аманат, территориальная принадлежность которого не указана, носил имя Чикича [Русские мореходы... 1952. С. 183]. В одном из неизданных документов упоминается «колымский юкагирский князец Чопчоки» [Там же. С. 40]; как и в случае с «колымским» информатором о Нелоге это был, несомненно, чукча. Известно также, что и в списке аманатов, которых принимал Фома Кондратьев в 1650 г., был «Олюбенского князца Чюренги сын Чюпчюка» [Там же. С. 198]. В указатели к сборникам цитируемых документов включены не все имена — и в дальнейшем, видимо, ряд подобных ошибок, когда в качестве личного имени человека в документе фиксировалась его этническая принадлежность, может быть увеличен. В ряде позднейших документов можно встретить такие наименования: «Чюхоча да он же Серго, тиитс'а (чукча. — А. Б.) да он же Могол» [Полевой, 1976. С. 221]¹⁷. Здесь, хотя в обоих случаях наименования приняты за личные имена, первое — определенно этноним. Тем не менее такие доку-

¹⁷ М о г о л — вероятно, чукотское личное имя Мумкыл, что означает ‘пуговица’, ‘застежка’.

менты имеют для нас и для будущего поколения исследователей большую ценность. В документах XVII—XVIII вв. этнонимы, в особенности сохранившиеся до наших дней, не обязательно обозначали представителей тех народов, в отношении которых они употребляются сейчас. Что же касается личных имен, то они хотя и доходят до нас в сильно искаженном виде, при этом все же не утрачивают своей языковой принадлежности и при достаточном количестве документального материала могут говорить об этнической принадлежности или этническом составе той или иной территориальной группы с большей достоверностью, нежели ее название.

8.8. Коряки

Этноним *коряки* в виде «люди коряцкие», как мы помним, впервые упоминается в одном из документов, связанных с поисками реки Погычи (см.: 4.3). Считалось, и совершенно справедливо, что речь в этом сообщении шла не о собственно коряках, а о чукчах [Долгих, 1960. С. 550], с чем, однако, в свое время не согласился И. С. Гурвич [Гурвич, 1966. С. 52—53].

Второй раз «коряцкие люди» появляются в документах тогда, когда рассказывают Михаилу Стадухину про реку Гижигу — «Изигу»: «А Пенжина... река безлесная, а людей по ней живет много, род словут коряки. И с той реки перешел я холоп твой, с товарищи своими на Изигу реку, а по Изиге реке живут многие коряцкие люди, а вверх Изиги ту ж реку зовут Чондоном, а живут ходынские мужики юкогири» [Открытия русских землепроходцев... 1951. С. 157; Русские мореходы... 1952. С. 263; Дополнения к актам... 1851. Т. IV. С. 121]. При чем впоследствии в течение довольно длительного времени в Приохотье, как раз в районе расселения коряков, этноним *коряки* не встречается. Во всяком случае, название «коряки» ни разу не отмечается в документах, относящихся к Охотскому побережью и составленных ранее прихода Стадухина и его отряда в Охотск.

Получается, что название аборигенного населения Северного Приохотья «коряки» как раз и было привезено Стадухиным и его отрядом с Чукотки, поскольку форма этого названия с согласным *-р-* не могла быть заимствована непосредственно из языка охотских коряков. Если это этническое название ввел в обиход не сам Михаил Стадухин, то это определенно должен был сделать кто-то из служивших ранее на Колыме.

В 1659 г. Иван Ерастов писал воеводе Михаилу Лодыженскому из Нижнеколымска: «...а прилегли многие немирные землицы и неясачные иноземцы, чюхчи, и коряки, и ходынцы и оберечиса от них не-

чем» [Колониальная политика Московского государства... 1936. С. 65]. Упоминание коряков в окрестностях Нижнеколымска, так же как и обнаружение «небольших людей коряцких» в районе Чаунской губы, не может не насторожить и требует объяснения. Может быть, тут отражаются события, не касающиеся непосредственно Нижнеколымска и его гарнизона — настоящие коряки живут слишком далеко от низовьев Колымы. Логичнее предполагать, что название относится к какому-то другому этносу.

Говоря о названии кереков, В. Г. Богораз писал: «едва ли оно имеет что-л. общее со словом *коряк*, созданным казаками из слова *qога-кь*, которое на юго-восточном коряцком наречии означает 'состоящий при оленях'». Это же мнение В. Г. Богораза повторяется в других трудах [Богораз, 1934. С. 8; Никонов, 1984. С. 52; История и культура коряков, 1993. С. 17].

Традиционно этноним *коряки* связывается с чукотским словом *к'оран'ы*, корякским *к'оян'а* 'домашний олень', и всех исследователей несколько смущало наличие в этом слове звука *p*, который в собственно коряцких диалектах не встречается. Паланский диалект коряцкого языка занимает особое положение среди всех прочих диалектов, а алюторский диалект коряцкого языка иногда считается отдельным языком. Но совершенно очевидно, что название «коряки» не восходит к названным диалектам коряцкого языка, так как фиксируется документами на совершенно других территориях.

С. П. Крашенинников отмечал: «О происхождении коряцкого имени хотя неизвестно заподлинно, однако Стеллерово о том примечание, что слово *Коряка* происходит от *хора*, оленя, весьма вероятно, ибо казаки по приходе к сему народу, может быть, часто слыша слово *хора*, или видя, что благополучие помянутых инородцев состоит в оленных табунах, прозвали их коряками, то есть оленным народом» [Крашенинников, 1994. Т. 2. С. 5]. И. Г. Георги писал: «Коряки называются и сами сим именем. Таковое их название происходит конечно от слова *кора*, которое на их языке значит оленя» [Георги, 1777. Ч. III. С. 75]. Судя по написанию чукотского слова, источником этих сведений для него не была книга С. П. Крашенинникова.

Когда русские пришли в соприкосновение непосредственно с коряками, точнее, с теми, кого мы сейчас так называем, — не вполне ясно. Определенно известно лишь одно — это произошло позднее, можно сказать, даже значительно позднее первых контактов с чукчами. Первая достоверная встреча с коряками пришлась на поход отряда Михаила Стадухина с Анадыря в направлении Охотска. Можно определенно утверждать, что контакты русских с коряками установились после основания Анадырского зимовья и острога. Это обстоятельство чрезвычайно важно в связи с тем, что этноним *коряки*, не являющийся

самоназванием корякского этноса, должен объясняться не из собственно корякского, а из чукотского языка, где слово «домашний олень» как раз имеет вид *к'оран'ы* (иногда встречается и форма *к'ора-к'ор*).

Если впервые «небольшие люди коряцкие» были обнаружены Стадухиным на берегу Чаунской губы, а во второй раз люди, которые «род словут коряки», живут по берегам Пенжины и Гижиги, то можно заметить, что название «коряки» употребляется по отношению к оседлому населению этих мест, а не к оленеводам. Те, кто приводят название «коряки» в документах, были хорошо знакомы с оленными чукчами, контакты с которыми установились еще в начале и середине 40-х гг. XVII в. Из этого вполне логично вытекает, что название «коряки» и в самом деле связано с чукотским названием оленя *к'оран'ы*, но обозначает не оленеводов, а оседлых жителей — морских охотников или рыбаков. По этой причине более чем вероятно, что этноним *коряки* происходит от чукотской формы *ак'оракы* 'не имеющий оленей', *ак'оракыльыт* 'безоленные'. И хозяйственная характеристика тех, кого впервые называли «коряки», и тот контекст, в котором это название встречается в наиболее ранних документах, кажется, оставляют данную возможность в качестве единственной. Обратим внимание, что словосочетание «оленные коряки» на Арктическом побережье не фиксируется вовсе, а в Приохотье появляется значительно позднее, нежели сам по себе этноним *коряки*. Вместе с тем, как известно, оленные коряки имеют одно самоназвание с оленными чукчами — *чав'чыв'*, а это название, похоже, представлено уже в москвитинской «Росписи...» в виде *чав'уралы* (видимо, с учетом начертаний некоторых букв в скорописи XVII в. следует читать *чавчубалы*).

Еще один аргумент в пользу выведения этнонима *коряки* именно из отрицательной формы, образованной от чукотского слова *к'оран'ы* 'олень', — то, что исходная форма этнонима встречается в виде «коряка» и в документах начала XVIII в., и у Крашенинникова, и в источниках конца XIX в., в частности в автобиографии чуванца А. Е. Дьячкова, имевшего коряков среди предков; сам себя А. Е. Дьячков характеризовал так: «По званию чуванец, а по происхождению коряка» [Стариков, 1961. С. 99—100].

С. П. Крашенинников отметил: «Оленные коряки сами себя называют тумугуту, камчадалов хончала... Сидячие себя называют чаучу... камчадалов нымылга...» [Крашенинников, 1994. Т. 2. С. 5]. Приведенное здесь самоназвание оленных коряков мнимое — это корякское слово *тумгытум* 'товарищ, друг'. Нымылг'у — это название оседлых коряков и ительменов-камчадалов. То, что оседлые коряки продолжали называть себя как оленные — *чавчыв* или *чаучу*, даже после того как изменили образ жизни, весьма примечательно как факт истории данного этнонима среди отдельных групп коряков.

Высказанная нами версия о том, что «коряки» ранних документов, относящихся к Западной Чукотке, — это на самом деле приморские чукчи или любая другая этническая группа, занимавшаяся морским промыслом или сухопутной охотой (но не оленеводством), позволяет рассмотреть вопрос о таинственных людях *хроха* или *храха*, известных по материалам конца XVIII—XIX в. [Туголуков, 1986. С. 97]. Если наше объяснение этнонима *коряки* верно, а форма *хроха*, *храха*, *хряха* — это все то же чукотское *ак'орака* — 'не имеющий оленей', тогда все сообщения о людях, покинувших Арктическое побережье и переселившихся на неизвестные земли к северу и востоку от районов Мыса Шелагского до Мыса Якан, связываются либо с приморскими чукчами, либо с мигрирующими вдоль морского побережья группами эскимосов.

В современном чукотском языке, по нашим материалам, имеется наименование для коряков, звучащее как *кэрэкэльт*. Этимологии это слово не имеет, по источникам XVIII—XIX вв. оно неизвестно. Тут возможны два мнения — это название для коряков было либо заимствовано чукчами у юкагиров, либо перенесено на коряков-чавчувенов с другого, более знакомого чукчам этноса — *керек*ов, живущих на Берингоморском побережье на территории нынешнего Беринговского района Чукотки.

Первое упоминание оседлых коряков под тем названием, которое они имеют у эвенов, — *хэйэк*, мн. ч. *хэйэкэл* — зафиксировано в документах достаточно рано, однако документ, содержащий данный этноним, сначала был неверно истолкован, а впоследствии при повторной публикации искажен. В «Отписке якутского воеводы Ивана Акинфова о тунгусах, живущих близ Охоты реки и моржовом промысле по островам и заливам Охотского моря» (июнь 1651 г.) сообщается: «Неясашные же, государь, оленные тунгусы многие люди, а живут за Оеками блиско той же Мотыхлея реки» [Дополнения к актам... 1848. Т. III. С. 348]. Издатели «Дополнений к актам историческим» приняли сочетание «за оеками» за название местности и включили ее в топонимический, а не в этнический указатель [Дополнения к актам... 1872. Т. XII. С. 231в., указатель к первым десяти томам]. Составители сборника 1951 г. прочитали тот же текст как *за реками* [Открытие русских землепроходцев... 1951. С. 300] и тем самым убрали из документа информацию чрезвычайной важности. Если принять за точку отсчета Охотск, то фраза «за оеками блиско той же Мотыхлея реки», означает, что какие-то оседлые коряки — «Оеки» жили южнее реки Мотыклей. Таким образом, по уточненным данным, в середине XVII в. граница между эвенами и коряками проходила к югу от Мотыхлея, а отнюдь не севернее реки Ола в нескольких днях пути от нее, как полагали ранее [Степанов Н. Н., 1959. С. 220, 232—233; 1965. С. 134, 173].

Я. И. Линденау переводил название *хэйэкэл* то как ‘лысье’, то как ‘быстрые’ (источником последнего перевода, видимо, является чукотское *йык’ыльын* ‘быстрый’) [Линденау, 1983. С. 79, 102]. В одном из случаев в латинографическом написании этого слова допущена опечатка: вместо читаемого в тексте *оqасkel* [Там же. С. 79] должно быть *оjасkel* (знак *q* в транскрипции Линденау вообще не используется). Оба толкования этого названия не являются обоснованными. Первое объяснение, связывающее слово *хэйэкэл* с эвенским словом *хэйэ* ‘макушка’, встречается в эвенском фольклоре [Новикова, 1980. С. 132, 142], но его нельзя принимать всерьез. Второе объяснение — видимо, подбор сходно звучащего корякского слова, хотя сами себя оседлые коряки *хэйэки* не называют. Скорее, это попытка объяснить название с помощью эвенского или корякского языков. К керекам этот этноним не относится, вопреки имеющимся в литературе мнениям.

Наше предположение о чукотском происхождении этнонима *коряки*, как это ни парадоксально выглядит, позволяет свести слова *коряки* и *хэйэки* к одной и той же форме с одним и тем же значением. Эвенское слово *хэйэкэл* можно рассматривать как заимствование из чавчувенского диалекта корякского языка *а-к’оя-кы-лг’о* ‘безоленные, не имеющие оленей’ с отпадением начального *а-* и отражением увулярного *к’-* в виде *х-* (что мы и видим в загадочной на первый взгляд форме *хончало*: это корякское слово *к’ончалг’о* ‘живущие на расстоянии одного перехода’). В результате мнение о гомогенности форм *коряки* и *хэйэки*, высказывавшееся в ряде работ [Вдовин, 1973. С. 9; Линденау, 1983. С. 128 (комментарии)], самым неожиданным образом нашло почти бесспорное подтверждение, хотя сами формы *коряки* и *хэйэки* не выводимы одна из другой непосредственно.

В актах о якутских служилых людях 1675—1676 гг. название «коряки» употреблено по отношению к коренным жителям мест, находящихся на большом удалении от территории расселения коряков, — к обитателям бассейна реки Тугур: «...по Тугуру и по сторонним рекам, которые прилегли к той же Уде реке коряки живут и иные же многих родов неясачные тунгусы, и те тунгусы и коряки торгуют с даурскими людьми и с гиляками» [Дополнения к актам... 1857. Т. VI. С. 403]. А. М. Золотарев увидел здесь ошибку в документе и прокомментировал эту цитату следующим образом: «*Коряки*, конечно описка, должно быть *гиляки*» [Золотарев, 1938. С. 85—86, примеч. 3]¹⁸. Но если принять данную поправку, противоречия не устраняются: получается, что гиляки торгуют сами с собой — названия «коряки» и «гиляки» в этом документе стоят рядом друг с другом.

¹⁸ С этим мнением не согласен И. С. Вдовин [Вдовин, 1973. С. 235].

Кажется, имеется возможность объяснить, почему эти два этнонима — *коряки* и *гиляки* — могли употребляться один вместо другого. Мы говорили о том, что у реки Тауй, по сообщениям Михаила Стадухина, было еще одно название — Дирыга (в других изданиях Дирыдна, Дирылна), и там же предположили, что данное название реки Тауй происходит от корякского слова *йылагыйн'ын* 'проход', 'проезд' в диалектной форме с начальным *д* или *дж/дз*. Наименование жителей местности с подобным названием должно было выглядеть как *дилагыйн'ылг* или даже *дилэлг'у*, *дилалг'о*. Это название сходно по звучанию с названием жителей низовьев Амура «гиляки» что, видимо, и послужило основанием для смешения двух названий.

Кажется, еще в конце XVII в. название «коряки» в ряде случаев употреблялось именно по отношению к оседлым корякам. Так, Атласов говорил: «И шли де они из Анадырского... и наехали подле моря к губе Пенжине реке в Акланском, и в Каменном, и в Усть-Пенжинском острожках неясчных сидячих пеших коряк человек ста с три и больше...» [Колумбы земли русской, 1989. С. 70].

Из числа наименований территориальных подразделений коряков, которые обычно производятся от названий местностей, привлекает к себе внимание и нуждается в объяснении лишь одно — наименование коряков-алюторцев.

Первые упоминания об алюторцах мы встречаем довольно поздно — в знаменитых «Скасках» Владимира Атласова (о нем см.: [Камчатский Ермак, 2011]). «И от тех же острогов (с устья Пенжины. — А. Б.) поехал он Володимер с служилыми людьми в Камчатской нос, и ехал на оленях подле моря 2 недели, и от того Камчатцкого носа, по сказкам иноземцев-вожей, пошли они через высокую гору и пришел к Люторским острогам, к иноземцам к люторам, и по наказной памяти под царскую высокую руку призывал ласкою и приветом... И русские люди у них преж его Володимерова приезду никто не бывали...» [Там же. С. 70, 71]. Во второй «скаске», содержащей интересные этнографические описания народов Северной Камчатки, говорится: «А за теми коряками (живущими на Пенжине. — А. Б.) живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам» [Там же. С. 79].

В «Топонимическом словаре», в статьях, посвященных названиям, связанным с этнонимом *алюторцы*, — название села Олюторка, Олюторский мыс и полуостров, Олютовая — река, впадающая в залив Корфа [Топонимический словарь... 1989. С. 290], приводятся те названия коряков-алюторцев, которые даны им соседями: коряки-чавчуваны называют алюторцев *алуталг'о*, чукчи — *эютэльыт*.

Важная деталь, отличающая алюторцев от соседей, — это «юрты земляные». Чукотское слово *олвэты* означает 'неподвижно', 'оседло',

олвэтвадьын — ‘неподвижный’, ‘оседлый’. Конечное *-р* может восходить к чукотско-корякскому компоненту *-ра-н* ‘жилище’ или передавать согласный *-л-*, фиксация которого в записях чукотских и корякских топонимов XVII—XVIII вв. не была устойчивой. Что касается названий коряков-алюторцев, бытующих у чукчей и коряков-чавчуменов в наши дни, то они могут быть результатом междиалектных перезаимствований или даже заимствований из русского языка — нельзя исключать и эту возможность. Такие примеры имеются в топонимике Чукотки: поселок Энурмино на Чукотке по-чукотски называется И'н-нурмын [Топонимический словарь... 1989. С. 434], его жители должны бы называться *и'ннурмыльыт*, но В. В. Леонтьев приводит форму названия энурминцев *энурмилыт*, где основа названия выглядит заимствованной из русского языка [Леонтьев, 1982. С. 151]. Тогда вполне возможно, что и название алюторцев при заимствовании из одного близкородственного языка или диалекта в другой превратилось из прозрачного и понятного *олвэтвадьыт/олвэтвадг'о* ‘оседлые’ в необъяснимое *элютэдьыт* или *эльтэдьыт*.

К сожалению, в литературе до сих пор отсутствует систематическое описание лексики коряков-алюторцев, из которого можно было бы извлечь материал, способный пролить свет на это название.

Об этнониме *керекки* — названии одного из самых малочисленных народов, входящего в чукотско-корякскую группу, нельзя сказать почти ничего определенного. Как пишет В. В. Леонтьев, много занимавшийся этнографией керекков: «Происхождение термина *кэрэкиит* и его значение пока трудно объяснить», высказывая при этом обоснованные сомнения в том, что название *керекит* имеет что-либо общее с этнонимом *коряки* [Леонтьев, 1983. С. 7]. Сами себя керекки называют *ан'к'алакку* ‘приморские’ или *каракыкку*, что происходит от названия, данного кереккам чукчами [Там же. С. 8].

8.9. Земля Китиген и ее обитатели.

Чукотско-эскимосские этнические контакты и ранняя история острова Врангеля

Список названий народов северо-востока Азии и более мелких подразделений этих народов — отдельных родов и территориальных групп не исчерпывается теми названиями, которые были рассмотрены выше. В многочисленных опубликованных и неопубликованных источниках XVII—XIX вв. встречаются и другие этнонимы, часть из которых при ближайшем рассмотрении оказывается вариантами известных нам наименований народов и отдельных территориальных групп или родовых подразделений, другая часть не может не привлечь к себе внимания и требует дополнительных исследований.

На так называемой «Карте мест, от Енисея до Камчатки лежащих», составленной Ф. Бейтоном в 1710—1711 гг., к северу от Арктического побережья показаны два острова: один — к востоку от Мыса Шелагского, второй — к северу от Колючинской губы. На так называемой «Карте якутского дворянина Ивана Львова» к северо-востоку от мыса Шелагского имеется «остров, на котором живут чукчи» [Пасецкий, 1976. С. 24]. Последнее указание в свете проведенных разысканий может быть одним из первых свидетельств того, что остров Врангеля был в это время обитаем чукчами, а изображение этого острова может быть одним из первых изображений острова Врангеля на картах.

В 1763 г. сержант Степан Андреев, руководивший посланной из Анадырского острога экспедицией для сбора сведений о «Большой Северной земле», с острова Четырехстолбового (остров из группы Медвежьих островов к северу от устья Колымы) на северо-востоке «с трудностию» увидел, что там «синь синееет или чернь чернеет», но не мог определенно сказать, «земля ли это или полое место» [Пасецкий, 1976. С. 24]. Полулегендарная земля Андреева признается островом Врангеля весьма авторитетными учеными-географами [Старокадомский, 1953. С. 76—77; Алексеев Д. А., Новокшенов, 1988. С. 16—18], и эта точка зрения вызывает сочувствие даже в наши дни. Альтернативное мнение, высказанное в 1950-е гг. К. С. Бадигиным и Н. Н. Зубовым, согласно которому земля Андреева — это остров Новая Сибирь из архипелага Новосибирских островов, крайне сомнительно, кроме того, в его изложении допущена неточность: от Медвежьих островов до острова Новая Сибирь не 90, а 900 верст — ровно в 10 раз больше [Бадигин, Зубов, 1953; Алексеев Д. А., Новокшенов, 1988. С. 15].

На карте 1765 г., составленной Н. Дауркиным, к северу от Чаунской губы помечена «земля Тикиген», на которой «живут люди... оленные, а их чукчи называют хрхаи и у них разговор как у чукоц, а у оных меди красной довольно, копья и ножи, котлы медные». Однако на его же карте 1774 г. отсутствуют и «земля Тикиген», и «остров Ным-Ным» [Пасецкий, 1976. С. 29—30; Алексеев А. И., 1987. С. 100]. Если земля Тикиген пока остается загадочной (мы обратимся к ней в дальнейшем), то название таинственного острова нам понятно, хотя и не лишено интриги: в чукотском языке слово *нымным* обозначает 'поселок, селение'. Какое селение мог иметь в виду сам Дауркин или его информаторы среди арктических льдов — сказать трудно, однако, вероятно, для такого названия имелись причины.

На карте 1765 или 1766 гг., составленной командиром Анадырской крепости Ф. Х. Плениснером, к северу от Шелагского мыса изображена земля, помеченная надписями: «Земля Китиген, живут люди», «Живут люди хрхаи», однако непонятно, идет ли речь о двух разных

картах или же о карте Н. Дауркина, приписанной другому составителю. Много лет спустя священник А. Аргентов, с именем которого связана миссионерская деятельность среди нижнеколымских чукчей и которому принадлежит несколько научных работ о Чукотке и чукчах, отмечал, что в 1841 г. в Иркутске он видел карту, где была показана «Земля, обитаемая хряхами». К сожалению, мы не знаем, какую именно карту мог видеть Аргентов. По мнению В. А. Туголукова, изучавшего эти сведения при сборе материалов о походах жителей Арктического побережья на близлежащие острова, речь в этом случае шла об Аляске [Туголуков, 1986. С. 97].

Летом 1787 г. во время экспедиции на судах «Паллас» и «Ясашна» капитан Тимофей Шмалев, прекрасно знавший северо-восток России, рассказал Г. Сарычеву, что слышал во время встреч с чукчами о «матерой земле», расположенной где-то к северу от Шелагского мыса. Как уже говорилось и отмечалось в литературе, Николай Дауркин также знал об этой земле и изобразил ее на нескольких своих картах [Пасецкий, 1976. С. 29—30].

Несколько позднее сам Г. А. Сарычев писал: «Мнение о существовании матерой земли на севере подтверждает бывший 22 июня юго-западный ветер который дул с жестокостью двою суток. Силою его, конечно бы, должно унести лед далеко к северу, если б что тому не препятствовало. Вместо того на другой же день увидели мы все море, покрытое льдом. Капитан Шмалев сказывал мне, что он слышал от чукоч о матерой земле, лежащей к северу, не в дальнем расстоянии от Шелагского Носа, что она обитаема и что шелагские чукчи зимнею порою в одни сутки переезжают туда по льду на оленях» [Сарычев, 1952. С. 84]¹⁹. Ему же принадлежит исключительно ценное замечание, позволяющее оценить расстояние до предполагаемой земли: «В летние большие дни можно на оленях без клади проехать до 150 верст» [Сарычев, 1952. С. 266]²⁰.

В 1819 г. на поиски этой земли была организована специальная экспедиция, которая ничего не смогла найти, однако же рассказы об этой земле занимали виднейших географов и мореплавателей того времени, изучавших акваторию Ледовитого океана и его побережье.

Наиболее интересные сведения о «матерой земле», лежащей к северо-востоку от мыса Шелагского, были получены Ф. П. Врангелем и его спутниками. Один из участников этой экспедиции, Ф. Ф. Матюш-

---

¹⁹ Это на самом деле точнейшее указание на остров, ныне носящий имя Врангеля, не было понято моряками, принимавшими «Шелагский мыс» в этих сообщениях за мыс Эрри (см.: 8.10), тогда как речь в них шла о мысе Якан.

²⁰ И. Г. Георги также указывал, что на оленях можно проехать «в день верст по полтора ста» [Георги, 1777. Ч. III. С. 77].

кин, в селе Островное встретился с чукотскими старейшинами, однако на его расспросы они не отвечали. Лишь чукча по имени Валетка нарисовал к северо-востоку от мыса Шелагского остров и рассказал, что остров «горист, обитаем и должен быть весьма велик, и куда ежегодно они отправляются на кожаных байдарках для торгу». Матюшкин тогда подумал, что Валетка рассказывает ему об Аляске, и только потом выяснилось, что в рассказе Валетки речь шла о земле, которую можно было видеть к северу от мыса Якан [Пасецкий, 1976. С. 123—124].

В марте 1823 г. Ф. П. Врангель возле мыса Шелагского встретился с чукотским старшиной, и тот рассказал Врангелю об окрестных землях то, что сам знал. Вот как описывает эту встречу сам Ф. П. Врангель в письме к Ф. П. Литке: «Поэтому ты можешь себе представить мое удивление и радость, когда чукотский старшина-камакай стал утверждать, что недалеко от их земли на Севере есть гористая земля, и что он сам летом видел горы в море, по мнению его, не в весьма дальнем расстоянии. Он описал нам то место, откуда горы видны, присовокупив, что правее или левее земля „X“ удаляется от чукотского берега, к которому подходит острым мысом у описываемого им места» ([Пасецкий, 1976. С. 139—140]; см. также: [Пасецкий, 1974. С. 88—89]).

Это описание уже много лет — со времени первого издания книги Ф. П. Врангеля — служит источником путаницы личных имен и социальной номенклатуры. Уже давно форма «Камакай» считается синонимом слова «старшина» — то ли сам Ф. П. Врангель допустил ошибку, то ли это сделал кто-то из интерпретаторов его текста, но далее в пересказе содержания рассказа, записанного Ф. П. Врангелем, практически у всех авторов слово «Камакай» несколько раз употребляется в значении лица, облеченного у чукчей какой-то властью²¹.

Это явное недоразумение. Во-первых, известно, что чукчи называли своих старейшин словом *эрым*, *эрмэчъын*, иногда *авынральын*. Во-вторых, слово Камакай является личным именем этого чукотского старшины, но никак не названием его должности или социального статуса. В. Г. Богораз в конце прошлого века встречался с потомками этого чукотского старшины и видел у них принадлежавшие ему документы. Богораз отметил, что имя этого старшины — К'ымгык'ай означает 'червячок' [Богораз, 1934. С. 22, 54—55]. Однако эта поправка, сделанная В. Г. Богоразом, так и не нашла отражения ни в историко-географической, ни в этнографической литературе.

Другое недоразумение, связанное также с описанием путешествия Ф. П. Врангеля, касается «старейшины Еррима», упоминаемого в его книге. Здесь, наоборот, Еррим — это, конечно, не личное имя, а социальный статус человека — старейшина, по-чукотски *эрым* 'предводи-

²¹ См. повторение той же ошибки: [Ушаков, 1982. С. 5—6].

тель, начальник, глава'. В современном чукотском языке слово *эрым* означает 'глава администрации округа, района или села'.

Несколько иначе, с иными именами героев, эта история выглядит в рассказе, который воспроизводит в одной из своих книг ученый-филолог и известный популяризатор науки А. М. Кондратов: «Прежде чукчи и онкилоны жили мирно. Но между вождем онкилонов Крехаем и главой чукчей Ерримом началась вражда, перешедшая в войну племен. Крехай был побежден и скрывался в скалах. Затем он ночью добрался до лодки и, чтобы обмануть преследователей, сначала поплыл на восток, потом повернул на запад и пристал у Шалаурова острова. На этом острове он жил в землянке (ее развалины были показаны Врангелю), поджидая родичей. Когда все они собрались, онкилоны отплыли на пятнадцати больших байдарках к земле, которую можно видеть в ясный день с мыса Якан» [Кондратов, 1983. С. 155]. Это сообщение для нас исключительно важно, так как оно указывает нам этническую принадлежность переселенцев на неведомую землю, хотя и с помощью экзотического этнонима — *онкилоны*.

В 1828 г. Г. А. Сарычев, будучи уже в чине вице-адмирала, предлагает снарядить еще одну экспедицию для поисков земли, видимой к северу от мыса Якан. Во время зимней ярмарки 1828/1829 гг. в Островном колымский окружной исправник Тарабукин и священник Нижнеколымской миссии Трифонов независимо друг от друга собирали сведения о земле, лежащей к северу от Арктического побережья, от чукчей, приехавших на ярмарку. Все семеро опрошенных чукчей говорили, что им известно о земле к северу от мыса Якан [Пасецкий, 1976. С. 154].

Чаунский «тойон» богатый чукча Николай Ятыргин рассказывал, что «землю, лежащую на немалое пространство к северу на Ледовитом море, представляющую с несколькими падыми горы, весной и летом в тихий ясный день с мыса Якана совершенно они видают, но по ненадобности и неудобству пути никакого сообщения с ней не имеют». Он же сказал, что со стороны этой земли в январе и феврале приходят стада оленей. Чукча по имени Инокхей, житель острова Айон, сообщил, что ранее он долгое время жил вместе с отцом вблизи мыса Якан и сам неоднократно видел эту землю [Там же. С. 155].

Чукча Нухай, родственник тойона Ятыргина, описал подробности посещения их юрты неизвестными людьми, *якобы* (курсив наш. — А. Б.) жителями земли, лежащей к северу от мыса Якан. По мнению комментаторов этого рассказа, указание на употребление незнакомцами «кирагульского» языка и описание их одежды говорят о том, что речь в рассказе Нухая может идти об эскимосах Аляски. Михайло Третьяков, он же Вевтугитьке, отметил, что жители неведомой земли разговаривают между собой на таком наречии, которое видевшиеся с

ними чукчи несколько не понимали [Пасецкий, 1976. С. 156]. Опережая дальнейшее изложение, нам придется оговорить, что во всем корпусе сообщений о земле к северу от мыса Якан эта информация к объекту нашего внимания не относится, поскольку в нем носители «кирагульского языка» отождествляются с обитателями неведомой земли лишь предположительно, а из дальнейшего будет явствовать, что это предположение не может соответствовать действительности. Во-первых, здесь указание на «кирагульский язык» однозначно определяет, что речь может идти только об эскимосах, во-вторых, у нас нет никаких свидетельств того, что чукотские диалекты могли различаться до взаимонепонимания, — напротив, в чукотском языке нет ни одного диалекта, который был бы сколько-нибудь обособлен от других.

Приведенные рассказы чукчей не были даже сколько-нибудь серьезно проанализированы. В 1832 г. дело о посылке экспедиции для поисков земли к северу от мыса Якан было закрыто.

Далее события развивались так. В 1849 г. в море к северу от Берингова пролива появились два английских корабля — «Геральд» под командованием капитана Келлета и «Пlover» под командованием капитана Мура, ведущие поиски пропавшей экспедиции Джона Франклина. 17 августа 1849 г. моряки «Геральда» увидели землю. Разделившись, корабли вели поиски самостоятельно, и капитан Келлет приказал держать курс на остров, помеченный на русских картах к северу от мыса Якан. Результатом решения капитана, поверившего русским морским картам, было открытие острова Геральд. Игра случая — маленький остров Геральд, названный так в честь корабля капитана Келлета, оказался открытым почти на двадцать лет раньше, чем лежащий ближе к материка и гораздо больший по размерам остров Врангеля.

И только летом 1867 г. американский китобой Томас Лонг на барке «Нил», несколько не мечтая об открытии какой-либо земли, увидел тот остров, к которому так стремился Ф. П. Врангель. Именно по предложению Лонга название «остров Врангеля» вошло в обиход и закрепилось на географических картах. Имя самого Лонга носит теперь пролив, отделяющий остров Врангеля от материка²².

Любопытно, что о «земле Тикиген» упоминает и Ф. П. Врангель в письме к Ф. П. Литке от 11 июня 1822 г.: «... В Колымске меня ничего не утешает и не занимает, исключая моего поручения, оно так меня связало, что не желал бы переменить нарту на корабль и тундряные берега Ледового моря на прекраснейший Перу, пока не очистится карта от земель Тикигена и пр., или покуда не означатся они резкими чертами вместо пунктирных» [Пасецкий, 1974. С. 138].

---

²² Из работ, имеющих историографическое значение для вопроса открытия острова Врангеля, см.: [Гельмерсон, 1876. С. 455—487].

Итак, загадка земли Китиген или Тикиген содержит в себе сразу две загадки, топонимическую и этнографическую. Попробуем с ними разобраться.

По В. Г. Богоразу, чукчи называли Аляску *Кымын*, а жителей Аляски — *кымыльыт*, что соответствует названию эскимосского поселения на мысе Принца Уэльского *Киги*, жители этого поселка по-эскимосски называются *кихмит* или *кинугмиут* [Богораз, 1934. С. 9]. В. В. Леонтьев приводит те же самые названия в более точной записи: по его изложению, чукчи именуют Аляску словом *Кыгмин*, а аляскинских эскимосов — словом *кыгмилыт* [Леонтьев, 1982. С. 152]. Что касается этнонима *кыкыкме*, приведенного в той же статье В. А. Туголукова [Туголуков, 1986. С. 97], это, несомненно, эскимосы — жители Аляски. Форма этнонима *кыкыкме* могла быть заимствована непосредственно из эскимосского языка, и юкагиры здесь оказываются совершенно ни при чем²³. Надежным языковым идентификатором сравниваемых этнонимов является собственно эскимосский суффикс названий жителей какой-либо местности *-мит*. Справедливости ради заметим, что название *кыкыкме* может показаться похожим и на искаженное самоназвание науканских эскимосов *Нувукагмит*.

Заслуживает внимания содержащаяся в статье В. А. Туголукова и восходящая к источникам XVIII в. ремарка, что народ *кыкыкме* «похож на юкагиров». Если принять во внимание, что современный этноним *юкагиры* имеет странное сходство с чукотским словом *йыкыргавыльыт* ‘дыряворотые’, которое служит названием тех же эскимосов, то получается, что мы в данном контексте опять имеем два стоящих рядом названия, относящихся к одному и тому же этносу, как и в случае с чукотским старшиной, потомком «шелагов или чаванов», о котором шла речь ранее. В данном случае сходство чукотского слова *йыкыргавыльыт*, не менявшего своего значения, с этнонимом *юкагиры*, относительно значения которого в ранних текстах можно лишь догадываться, легко может ввести в заблуждение.

Однако же название загадочной земли Китиген/Тикиген не слишком уж похоже на чукотское название Аляски Кыгмин. Зато оно обладает видимым сходством со словом *к'ытрын* ‘галечная сухая коса’

²³ Данное сообщение о народе *кыкыкме*, похожем на юкагиров, связывается с якутской картой 1710—1711 гг. [Ефимов, 1949. С. 776]. А. В. Ефимов приводит и другие формы, обозначающие аляскинских эскимосов в источниках первой половины XVII в. и зафиксированные от чукчей, — *кынынцы*, *кыхмыльцы*, *кыкыкмеи* [Там же. С. 773] и *кигин элят* [Там же. С. 780], последнее название, как и *кыхмыльцы*, точно соответствует чукотскому *кыгмилыт* (эргативный падеж *кыгмилэ*) ‘жители местности Кыгмин’, то есть Аляски. О народе *кыкыкме*, живущем против «Шелацкого носа» и похожем на юкагиров, писал Г. Ф. Миллер [Миллер, 1996. С. 38].

[Топонимический словарь... 1989. С. 184], ‘мыс’, ‘коса’. Обратим внимание также на то, что мыс у восточного входа в Чаунскую губу по-чукотски называется К’атэк’энмээм ‘Чаячъя скала’ — в современной записи Катекенмеэм [Там же]. Сходство данного названия с названием Китиген при предположительной близости географических объектов выглядит более чем интригующим. Из-за изрезанности восточного берега Чаунской губы данная местность по описаниям чукчей либо могла быть принята за остров, либо это название было перенесено на какой-то другой объект при расспросах или записи — хотя название с таким значением, как «Чаячъя скала», по идее, просто не поддается локализации на местности.

Если в рассмотренных рассказах чукчей речь идет о какой-то части Арктического побережья, тогда все приведенные выше рассказы похожи на недоразумение. Однако похоже, что никакого недоразумения тут нет — вероятнее всего, чукчи рассказывали о мысе Блоссом, юго-западной оконечности острова Врангеля, той самой точке острова, которая будет ближайшей к земле чаунских чукчей. Впрочем, наиболее логичным выглядит предположение, что именно так — К’ытрын — чукчи могли называть этот мыс. Само по себе чукотское название острова Врангеля — Умкилир, что значит ‘Остров белых медведей’, могло появиться и войти в обиход среди говорящих на чукотском языке сравнительно недавно, оно понятно для знающих чукотский язык и не требует никаких объяснений.

Название народа *храхаи*, *хряхи*, упоминаемого рассмотренными выше источниками второй половины XVIII—первой половины XIX в., ныне может быть объяснено без того, чтобы предполагать возможность таинственного исчезновения какого-то народа или чьей-то территориальной группы. Это название почти без сомнений объясняется из чукотского языка как *ак’оракыльыт* ‘не имеющие оленей, безоленные’ и может, таким образом, относиться к кому угодно: к приморским чукчам, к эскимосам, к юагирам. Здесь уже ясно только одно — это не те коряки, которые живут на севере Камчатки. Данная форма — практически случайно — является еще одним ключом к пониманию происхождения современного этнонима *коряки*: так чукчи-оленьеводы называли приморских охотников — береговых жителей, и если на Арктическом побережье это название могло относиться к кому угодно — все сообщения о «коряках» и «коряцких людях» выглядели странными, то на Тихоокеанском побережье оно оказалось однозначно связанным с обозначением сначала оседлых коряков, а затем и коряков-чавчувенов — оленных коряков. Правда, «кирагульский» язык, если бы это был язык приморских чукчей, по идее, должен был быть понятен тем чукчам, которые жили в районе Чаунской губы, но если считать непонятность языка серьезным доводом, свидетельствующим

о том, что говорящие на этом языке — не чукчи, следовало бы считать этих людей обитателями морского побережья — эскимосами, а не тундровыми жителями — юкагирами.

О таинственных носителях «кирагульского» языка — *кергаулах* или *икергаулах* слышал в конце 60-х гг. XIX в. Г. Майдель, посетивший в это время Чукотку. Его рассказ заслуживает того, чтобы привести его целиком: «Сами чукчи рассказывают, что они получают меха от кергаулов или икергаулов... но что последние добывают пушнину тоже не сами, а привозят ее издалека; чукчи однако тоже торгуют не непосредственно с кергаулами, но между ними существуют посредники. По уверению моего друга Пангао, чукчи едут в своих кожаных лодках около дня Петра и Павла на остров Илир, на котором живет народ, носящий название иммалинов, говорящий совершенно особым языком, непохожим ни на язык кергаулов, ни на язык айгванов, обитающих среди чукчей между устьем Анадыра и мысом Пээк. Иммалины одеваются в платья из птичьих шкур. На острове торговля ведется с иммалинами, которые таким образом являются простыми посредниками, но изредка случается торговать тут и с самими кергаулами. Пангао утверждал, что однажды он решился даже посетить кергаулов и предпринял поездку в места их жительства, но что такое путешествие не совсем безопасно, потому что это дикое, разбойничье племя. Они жили в бревенчатых (вероятно, все-таки из плавника! — А. Б.) домах и ездили на собаках, оленей у них было очень мало и то только те, которых они выменивали у чукчей. Предметами торговли, на которые было больше всего спроса, являлись всегда олени шкуры, безусловно необходимые этому народу для одежды» [Майдель, 1894. С. 215—216]. Итак, из этого рассказа явствует, что кергаулы, говорящие на особом языке, живут по соседству с чукчами; на острове Илир, который посещают кергаулы, живут не менее экзотические жители — иммалины, язык которых непохож ни на чукотский, ни на «кергаульский» или «кирагульский».

Начать стоит, пожалуй, с таинственного острова Илир, название которого в переводе с чукотского означает просто 'остров', и с этнонима *айгваны*: *айванальыт* — так чукчи и поныне называют эскимосов. Но значит ли это, что *кергаулы* и *иммалины* — два загадочно исчезнувших народа? Дело в том, что *иммалины* из приведенного рассказа — это на самом деле, без сомнения, те эскимосы, которые жили на островах Диомида (эскимосское название острова Ратманова — Имаклик) и говорили на особом диалекте эскимосского языка: этот диалект принадлежит к той же группе, что и диалекты эскимосов северной части Аляски, Канады и Гренландии (диалект из группы инупик) (см.: [Меновщиков, 1980]). Судя по указанию Майделя, этноним *айваны* или *айгваны* у чукчей в то время употреблялся по отношению

к чаплинским эскимосам, жителям северо-западного побережья Берингова моря. Напрашивается практически безальтернативное утверждение, что загадочные кергаулы — это не кто иные, как науканские эскимосы, жившие до 1957 г. на азиатском берегу в самой узкой части Берингова пролива (позднее они были расселены по разным поселкам Чукотского района Чукотского автономного округа). Язык науканских эскимосов не похож ни на язык чаплинских эскимосов-айванов, ни на язык эскимосов островов Диомида — имакликцев (см.: [Меновщиков, 1975]). Само же по себе название «кергаулы» или «икергаулы» (исключительно важно учитывать варианты экзотических названий, если таковые имеются!) является не чем иным, как чукотским словом *йыкыргавылыт* ‘дыриворотые’ — так чукчи называли эскимосов за несвойственный чукчам обычай носить лабретки [Леонтьев, 1982. С. 152].

По сообщению А. Аргентова, тех людей, которые покинули окрестности Чаунской губы и уплыли на неведомую землю, называли *кавра-ремжит*. Это бесспорно чукотское наименование дало В. А. Туголукову повод увидеть здесь записанное лично им в ходе этнографических экспедиций (а вообще-то, к слову, хорошо известное) чукотское название эвенов *к'аарамкыт* ‘оленные люди’ [Туголуков, 1986. С. 96]. Здесь, к большому сожалению, была допущена тройная ошибка. Во-первых, совершенно очевидно, что описываемый народ *кавра-ремжит* не имел ничего общего с эвенами, которых к тому же в этих местах еще просто не могло быть, как их не было и нет до сих пор в районе Чаунской губы. Во-вторых, название какой-то этнической группы, которая вела подвижный образ жизни, — *каврарамкыт* ‘возвращающийся народ’ по-чукотски понятно почти без исправлений и вполне осмысленно. В-третьих, это название соотносится с чукотским же названием кочевых торговцев, едущих к оленеводам Западной Чукотки со своими товарами, — *кавральыт*. *Кавральыт* ‘взад и вперед ходящие’ [Богораз, 1934. С. 4] — так называли торговцев, кочующих вдоль побережья с востока на запад и обратно. Так же ранее чукчи могли называть и какие-то группы морских охотников, время от времени появлявшихся в западной части Арктического побережья Чукотки. В. В. Леонтьев говорит о том, что «Чаунские чукчи называли восточных чукчей словом *кавральыт*... за то, что те совершали длительные торговые поездки, объезжая весь Чукотский полуостров» [Леонтьев, 1982. С. 151]. Были ли это чукчи или эскимосы — установить практически невозможно (правда, исходя из исторических источников, можно сделать вывод, что эскимосы такой торговлей, кажется, не занимались), во всяком случае, можно быть уверенным в том, что к эвенам эти люди не имели никакого отношения.

Таким образом, в имеющейся литературе до сих пор строятся гадательные предположения, какой именно народ мог плавать или уходить

куда-то в направлении на северо-восток от Чаунской губы или на север от мыса Якан. В то же время в таких этнографических источниках, как записки путешественников и воспоминания людей, бывавших на острове Врангеля, имеются прямые свидетельства того, что на острове имелись следы поселений приморских чукчей, причем, насколько можно судить, эти поселения относились как раз к интересующему нас времени, а именно к XVIII—XIX вв.

Из источников нам становятся известны и некоторые особенности техники мореплавания, позволявшей чукчам-морским охотникам преодолевать значительные расстояния в условиях меняющейся ледовой обстановки. Очевидно, морские путешествия на дальние расстояния совершались значительными группами морских охотников на нескольких байдарках, при этом в условиях непогоды или тяжелых льдов чукчи вытаскивали байдары на ледяное поле и разбивали на нем лагерь. Л. М. Старокадомский, участник плаваний на ледоколах «Вайгач» и «Таймыр» в Северном Ледовитом океане в 1910—1915 гг., описал одну из встреч с чукчами-морскими охотниками в районе острова Врангеля: «Суда продвигались в мраке среди разбитого льда. Около полуночи с „Таймыра“ заметили нечто совершенно необычайное — яркий огонь в море среди льдин. Подойдя ближе, мы разглядели на огромной льдине около трех десятков чукчей. Они вытащили на лед три кожаные байдары и развели большой костер из плавника. Этот табор среди льдов в Ледовитом океане представлял ночью поистине феерическое зрелище. При виде большого судна чукчи засуетились: одни спускали на воду байдары, другие проворно сбрасывали в них пожитки и охотничью добычу, третьи растаскивали в разные стороны горящие бревна и тушили их.

Спустя несколько минут вся группа дружно гребла к „Таймыру“. Мы застопорили машину и дали шторм-трап. Несколько чукчей быстро взобралось на палубу. Среди чукчей, обычно низкорослых и плотных, резко выделялся державшийся главарем очень высокий старик, с необычными европейского типа чертами лица.

Насколько удалось понять, чукчи во время охоты сильно удалились от берега и теперь не решались плыть между сталкивающимися на волнении льдинами, которые легко могли погубить их утлые байдары.

Мы снабдили чукчей кое-какими припасами из судовых запасов. Вскоре их байдары запрыгали по волнам, направляясь к громадной льдине, на которой отважные зверобои, видимо, хотели выждать наступление более тихой погоды» [Старокадомский, 1953. С. 232—233].

Из сказанного явствует, что чукчи-морские охотники обладали такими навыками плавания в покрытых льдами морях, которые вполне позволяли им перемещаться на большие расстояния, используя как

собственные плавсредства — байдары, так и дрейфующие ледяные поля. Как кажется, этот примечательный факт отражен в одном-единственном, причем довольно позднем источнике.

8.10. Этноархеология острова Врангеля: вопросы историографии

Как было отмечено выше, в литературе считается, что более или менее достоверные сведения о суше, которая видна в ясные дни к северу от мыса Якан, были получены Ф. П. Врангелем и его спутниками в 1820-х гг., поскольку локализация этой суши совпала с истинным местоположением острова Врангеля. Казалось бы, здесь ничто не подлежит пересмотру. Между тем у нас нет оснований не доверять более ранним источникам, говорящим о наличии земли к северу от побережья Чукотки. К. Мерк, участник экспедиции Биллингса—Сарычева, писал: «Стойбища оседлых <чукчей> простираются от мыса Сердце-Камень почти до Шелагского мыса», однако указал, что к западу от Колючинской губы имеются только два стойбища — одно в устье реки Эквиатап, другое в районе Рыркайпия. Далее К. Мерк продолжает: «У чукчей имеется предание о том, что в старину, когда они были гораздо многочисленнее и вели междоусобные войны, одна небольшая группа состоящих в родстве чукчей бежала от Шелагского мыса через лед со своей поклажей и оленями на север, к материку, и провела только одну ночь на льду; пролив в том месте был настолько узкий, что с Шелагского мыса можно было видеть материк. Также чукчи утверждают, что весной оттуда переплывают олени и даже мыши. Попутно чукчи рассказывают, что некоторые из их собратьев переехали зимой на сушу в один день, там они нашли людей, говоривших на их языке и владевших оленями, но так как последние не внушили им доверия, они не остались у них ночевать и тайно вернулись назад» [Этнографические материалы... 1978. С. 99].

В этом сообщении скрыта одна неочевидная деталь: за названием Шелагский мыс скрывается мыс Якан. Причины такого понимания текста К. Мерка: во-первых, эта информация получена на Восточной Чукотке и из нее явствует, что места между Рыркайпием и Шелагским мысом были почти необитаемы; во-вторых, само название Шелагский мыс связано с самоназванием чаунских чукчей *чулььльыт*, а таким образом восточные чукчи могли именовать любой мыс к западу от Рыркайпия. Чукотское название современного Шелагского мыса, к северу от которого никакой земли нет, — Эрри (от чукот. *ытрьэн, ытрьэттэгын* 'конец, окончание') в интересующих нас источниках не фигурирует.

Таким образом, информация о «материке» против одного из мысов Западной Чукотки, полученная Г. А. Сарычевым и К. Мерком, при обоснованном отказе от привязки ее к Шелагскому мысу (т. е. к мысу Эрри) в общем соответствует реальности, а сообщение К. Мерка о том, что обитатели этого «материка» говорили на чукотском языке и имели оленей, обладает уникальной этнографической ценностью, так как является единственным свидетельством о пребывании чукчей-оленьеводов в XVIII в. на острове Врангеля.

Нам известно из ряда источников, что в 30-х гг. XX в. на западном побережье острова Врангеля были обнаружены остатки жилища или нескольких жилищ, сходных с жилищами оседлых чукчей, и некоторые предметы из дерева и кости. История обнаружения этих материальных свидетельств пребывания коренных жителей Чукотки на острове Врангеля в ее изложении в литературе весьма запутанна. Л. М. Старокадомский, участник арктических плаваний 1910—1915 гг., пишет в своих мемуарах: «Любопытно отметить, что много позднее (в 1937 г.) на о. Врангеля были найдены остатки древнего жилища, подобного тем, какие русские застали на Чукотке в XVIII в. Таким образом, бесспорно установлено, что на о. Врангеля обитали люди. Кто были эти люди — остается неясным. Возможно, что некоторые основания имеет бытовавшее среди чукчей предание о переселении на остров в давние времена какой-то чукотской семьи. После ухода или смерти этих первых поселенцев остров затем надолго остался необитаемым» [Старокадомский, 1953. С. 82, примеч.].

М. А. Сергеев в комментариях к книге Ф. П. Врангеля приписывает свидетельство о находке этого жилища [А. И.] Минееву (второму начальнику острова Врангеля, сменившему на этом посту Г. А. Ушакова), не давая точных ссылок [Врангель, 1948. С. 416]. Реально же история находок древних следов пребывания коренных жителей Чукотки на острове Врангеля выглядит следующим образом.

В 1937 г. эскимос-охотник Айнафак нашел в районе мыса Фомы на западном побережье острова Врангеля остатки землянки и некоторые предметы, изготовленные человеком. Тогда же с находками ознакомились начальник фактории эскимос Таян и геолог Л. В. Громов. Именно Л. В. Громов впервые опубликовал сообщение о находках, перечень найденных предметов и их изображения [Громов Л. В., 1941. С. 75—77]. Им были найдены древко копья, древко гарпуна, лопата, весло, два предмета неизвестного назначения (позже они стали считаться остатками нарты, хотя этого сразу же не признали чукчи и эскимосы, жившие в это время на острове), грубо обработанный моржовый клык, нерпичья косточка, очевидно, служившая детской игрушкой, и голубая бусина. В этой статье Л. В. Громов пишет, что найденные предме-

ты переданы на полярную станцию острова. Дальнейшая судьба их в других публикациях не отражена.

В дальнейшем Л. В. Громов возвращался к названным находкам на острове еще как минимум трижды. Им была опубликована еще одна статья с сообщением о находках на острове, в которой нет рисунков вещей, но имеется карта с указанием точного места находок [Громов Л. В., 1957. С. 155—156]. По найденной голубой бусине, свидетельствующей о контактах аборигенов с русскими, Л. В. Громов в этой работе датирует жилище и найденные предметы XVII или XVIII вв. Та же дата — XVII—XVIII вв. — повторена при описании интересующих нас находок в книге Л. В. Громова «Осколок древней Берингии» [1960. С. 38—39]. В то же время в другой книге Л. В. Громова, почти повторяющей названную [Громов Л. В., 1961. С. 17—18], те же самые находки датируются уже XVI—XVII вв., и причины изменения датировки на столетие остаются без объяснения. Существенно, что только последняя книга из четырех публикаций Л. В. Громова на рассматриваемый сюжет оказалась в поле зрения магаданских археологов, проводивших раскопки и разведку на острове Врангеля в 1980-е гг. [Теин, 1983. С. 22], и, насколько нам известно, исследование этого объекта осталось лишь заявленным намерением [Там же. С. 93].

Обращение к книгам А. И. Минеева, с именем которого М. А. Сергеев связывал открытие древнего жилища на острове Врангеля, показывает, что А. И. Минеев, который был начальником этого острова в 1929—1934 гг., в двух ранних описаниях своего пребывания на острове [Минеев, 1934; 1936] не упоминает о нем. Сообщение об этой находке, сделанной Айнафаком и Л. В. Громовым в 1937 г., появляется только в книге А. И. Минеева «Остров Врангеля» [Минеев, 1946. С. 19, примеч. 2], и далее, в части книги, уже не относящейся к пребыванию самого А. И. Минеева на острове, прямо говорится, что остатки жилища и предметы были описаны Л. В. Громовым [Там же. С. 226]. Очевидно, именно третье, дополненное издание книги А. И. Минеева стало источником той информации об интересных находках, которая была приведена в комментариях ко второму изданию книги Ф. П. Врангеля (1948), а также и к книге Л. М. Старокадомского, вышедшей впервые в 1946 г.

Кроме названных публикаций, сведения об одном или нескольких жилищах и предметах быта и вооружения чукчей, находимых на острове Врангеля, содержатся в воспоминаниях штурмана полярной авиации В. И. Аккуратова (1909—1993), бывавшего на острове в 1930—1940-е гг.

В его книге мы читаем: «Я вспомнил, как два года назад на мысе Блоссом видел руины каких-то странных построек, врытых в землю. Похожие на землянки, изнутри они были выложены плавником. В ку-

че обгоревших костей моржа и медведя были обнаружены зубчатый костяной наконечник копья и тяжелая боевая палица из члена моржа. Значит, уже давно остров был обитаем. Потом что-то случилось: население вымерло или по каким-то причинам покинуло остров» [Аккуратов, 1984. С. 97]. Человек по имени Анакуль, рассказывавший штурману Аккуратову о столкновениях *чукчей с онкилонами*, — это, вероятно, Аналько, которого называет в числе новых первопоселенцев острова Врангеля Г. А. Ушаков в своей книге «Остров метелей». Аналько, как и другие первопоселенцы 20-х гг. XX в., осваивавшие остров Врангеля, — эскимос, родом он из бухты Провидения. И для эскимосов вполне естественно полагать, что *чукчи* — оленные чукчи с самоназванием *чавчыват* и *онкилоны* — береговые жители-морские охотники, чукчи, называвшие себя *ан'к'альыт*, — это два разных народа. Остается загадкой, как об этих событиях из истории Арктического побережья Чукотки могли знать эскимосы-жители Бухты Провидения, но это уже другая история.

Наконец, одно из самых поздних сообщений о старых поселениях на восточном берегу острова Врангеля — это дневники геолога по профессии известного писателя О. М. Куваева (1934—1975), работавшего на острове в начале 1960-х гг. в составе геофизической партии: «На острове Врангеля у мыса Фомы обнаружены остатки древнего жилища и предметы домашнего обихода охотника. По словам живущих на Врангеле эскимосов, это жилье очень похоже на распространенный тип онкилонских землянок. Кто знает, какие еще этнографические загадки таит в себе чукотская тундра...» [Куваев, 1988а. С. 239]. Возможно, эти сообщения относятся к каким-то иным, еще не известным нам объектам, которые ждут своих исследователей²⁴. Были и сообщения о новых находках, сделанных в 1970-е гг. в этом же районе острова Врангеля [Шенталинский, 1978. С. 46; 1988. С. 40].

Как бы в подтверждение слов О. М. Куваева, в недавно изданном словаре старожильческих говоров Якутии встретилось загадочное слово *агараны*, оставшееся без определения и зафиксированное в следующем контексте: «А дамно здесь на Кулуме-то, всякы агараны зыли, наши и чужие, агараны каки-то говорят» [Дружинина, 1997. С. 14]. Здесь форма *агараны* — не новый загадочный этноним, как можно было бы подумать (мало того что *зыли*, т. е. «жили», да еще и *наши и чужие!*). Это, конечно, чукотское слово *лыгэран* ‘яранга, жилище чукчей-оленеводов’, ‘землянка-жилище оседлых чукчей’ (букв.: ‘настоя-

---

²⁴ Нельзя исключать и того, что оба цитируемых автора могли быть знакомы с публикациями Л. В. Громова, а О. М. Куваев обязан был быть знаком не только с книгами Л. В. Громова об острове Врангеля, но и с его геологическими отчетами.

щее жилище'), в отличие от слова *яран'ы*, обозначающего не только ярангу, но и полуземлянку, и современный дом. Начальное *л* в чукотском слове, как и вообще согласный *л* в чукотском языке — глухое, и нет ничего удивительного в том, что оно не воспроизводится при заимствовании слова в русский язык.

Интерпретация этнонимов Арктического побережья Чукотки, употребившихся в документах XVII—начала XIX в., позволяет сделать вывод, весьма значимый для характеристики этнической истории Западной Чукотки и крайнего северо-востока Азии в целом — этнический состав населения Западной Чукотки на протяжении последних четырех столетий был достаточно однородным, и вся прилегающая к морскому побережью территория была заселена различными группами оленных и оседлых приморских чукчей. Отдельные группы приморских чукчей поддерживали контакты с эскимосами северо-восточной части Чукотского полуострова, островов Берингова пролива и Аляски. Вероятно, периодически какие-то группы приморских чукчей проживали на западном побережье острова Врангеля. Топонимический ландшафт Западной Чукотки оказывается достаточно однородным, он соотносится с чукотским языком и не обнаруживает иноязычных вкраплений, которые могли бы считаться признаками языка-субстрата. Юкагиры на Чаун-Чукотке оказываются довольно поздними пришельцами, их присутствие почти не оставляет следов в топонимике, хотя в целом этническая история заколымских юкагиров, к которым традиционно относят ходынцев, чуванцев и анаулов, требует дальнейших исследований.

Рассматривать древних обитателей Арктического побережья Чукотки к западу и к востоку от мыса Якан как представителей каких-либо других этнических групп — эскимосов или юкагиров, на наш взгляд, более не имеет оснований. Во всяком случае, вопреки А. М. Кондратову [Кондратов, 1983. С. 157], нет никаких доказательств того, что в русских документах XVII или XVIII вв. онкилонами назывались какие-либо группы эскимосов, и слово «онкилоны» (восходящее к чукотскому *ан'к'альыт* 'приморские жители') не могло употребляться по отношению к юкагирам. В рассматривавшихся выше гипотезах о миграции юкагироязычных племен ясность могла бы быть внесена гораздо раньше, если бы был принят во внимание хозяйственно-культурный тип юкагиров. Юкагиры — это таежные охотники на крупных копытных животных, соответственно, их невозможно представить себе плавающими по морю в больших байдарках. Если даже тундра Арктического побережья малоприспособлена для жизни юкагиров, то что говорить об островах Ледовитого океана, которые должны были быть не только малодоступны для юкагиров, но и лишены для них какой бы то ни было привлекательности.

Земля с названием Китиген или Тикиген, исчезнувший народ, от которого осталось только непонятное наименование и несколько исторических рассказов, бытовавших у приморских чукчей, — вот тот исходный материал, который составлял нерешенную проблему в географии, истории и этнографии северо-востока Азии. Однако эти названия смогли о многом рассказать и ответить на интересовавшие нас вопросы настолько подробно, что, кажется, ни название земли, ни названия народов, обитавших на Арктическом побережье Чукотки, путешествовавших по морю вдоль побережья и переселявшихся на прилегающие к нему острова, более не являются тайной. Заодно представилась возможность восстановить справедливость и отличить друг от друга по крайней мере одно личное имя человека — К'ымыкай и его социальный статус среди его народа — эрым. И еще — очень важно еще раз обратить внимание, что далеко не все, что встречается в старых записях, документах и на картах, требует исправления при объяснении. Иногда более старые записи имен мест оказываются даже более точными, нежели современное звучание некоторых названий.

8.11. Бородатые люди и лесистые острова в Восточной Арктике, или сюжет для обсуждения того, как на основе языковых фактов, косвенно отраженных в источниках, рождаются исторические легенды

Нам уже приходилось отмечать, что при интерпретации исторических источников, особенно тех, которые представляют собой изложение кем-либо записанных устных рассказов, необходимо учитывать переводной характер этих текстов и, соответственно, особенности передачи содержания рассказа или ограниченный характер его понимания. Так обстоит дело с серебром на реке Нелоге (4.2.1; 4.2.2). Данная тема получает продолжение на том же самом материале, который привлекал наше внимание, а именно на материале по истории географических открытий на северо-востоке Азии в XVII—XIX вв.

Среди сообщений о неведомых землях, которые будто бы видели путешественники XVIII в. в Северном Ледовитом океане, встречаются указания на то, что на этих островах имеется лес или даже «стоячий лес» [Кондратов, 1983. С. 131—153]. В рассказах о таинственных народах, записанных путешественниками в конце XVIII—второй половине XIX в., встречаются упоминания о бородатых людях. Последний сюжет даже стал предметом специальной историко-этнографической статьи [Окладников, 1958. С. 513—524].

Разыскания в области этнонимии Арктического побережья Чукотки, проведенные автором, показали, что попытки отыскать неизвестные этносы в этом регионе превращаются в погоню за призраками и основываются на непонимании или неадекватной интерпретации этнонимов. В частности, при ближайшем рассмотрении загадочное племя *кергаулов* или *икергаулов*, живущее в бревенчатых домах (о чем вполне серьезно писал в 1860-х гг. Г. Майдель, однако эта шокирующая информация оставалась без комментариев более 100 лет), превратилось в одну из групп эскимосов, именуемых по-чукотски *йыкырга-выльыт* ‘дыряворотые’ за обычай носить лабретки, а бревенчатые дома — в землянки, построенные из плавника, то есть дерева, выбрасываемого морем. Смысловая ошибка рассказа явно проистекает из многозначности чукотского слова *уттуут* — ‘дерево, бревно, наносные дрова, дрова для печи’ [Инэнликэй, 1987. С. 118]; интерпретатор-переводчик Г. Майделя подставил в изложение содержания на русском языке значение ‘бревно’ вместо «наносные дрова», то есть «плавник». То же самое будет справедливым относительно всех сообщений об островах, покрытых «лесом». Большая часть таких рассказов явно записывались от чукчей или передавались с их слов. Чукотское слово *умкуум* ‘лес’ буквально означает «множество деревьев», соответственно, ‘множество плавника, множество дров’ и т. д.

Как кажется, рассказы о бородатых людях, обитающих где-то на островах Ледовитого океана, тоже имеют не реальную, а лингвистическую основу. В ряде языков народов Арктического побережья и прилегающих регионов понятия «борода» и «усы» обозначаются одним словом, ср. юкагир. *анган пугэлбиэ* ‘усы’, ‘борода’ (букв.: ‘шерсть рта’) [Николаева, Шалугин, 2001. С. 15, 101, 183], эвенск. *гургат* ‘борода’, ‘усы’. В чукотском языке «усы» — *лелют*, а «борода» — *валк’ылыргын*, однако последнее слово похоже на относительно позднюю инновацию, поскольку оно явно соотносится со словом *вэлк’ыл* ‘нижняя челюсть’ [Инэнликэй, 1987. С. 19, 27, 63; Молл, Инэнликэй, 1957. С. 19, 27].

При этом надо иметь в виду, что у юкагиров и эвенов — центральноазиатских монголоидов — усы и борода, по сути, не растут, в то время как усы и даже борода являются характерным антропологическим признаком арктических монголоидов, а именно чукчей. Следовательно, рассказы о «бородатых людях», если они записываются со слов юкагиров или эвенов, относятся не к неведомым русским или какому-то загадочному народу, а к чукчам, которые имеют то, чего нет у рассказывающих, — усы и бороды. Неслучайно А. П. Окладников отметил, что в рассказах о бородатых людях в Арктике явный вымысел переплетается с довольно точным описанием жилищ и быта примор-

ских охотников [Окладников, 1958. С. 520], кем и являются приморские чукчи и эскимосы.

То, что в вариантах таких рассказов бородатые люди превращаются в людей или существ, которые сплошь покрыты шерстью, находит довольно простое лингвистическое объяснение: в эвенском языке в качестве узуального синонима к прилагательному *гургули* 'бородатый' нередко выступает слово *нэбули* 'мохнатый'. Оказиональная замена одного слова на другое внутри одного и того же рассказа кардинально меняет содержание рассказа и превращает близких соседей — приморских чукчей в таинственных звероподобных существ, а для русскоязычного исследователя-историка переводит вполне правдивый рассказ в разряд фантастических историй. Однако, если принимать во внимание заведомо переводной характер рассказов о лесистых островах, бревенчатых домах и бородатых людях, а также учитывать языковую эквивалентность в выражении весьма конкретных понятий, о которых идет речь в рассказах, и ориентироваться на антропологические и этнографические реалии, то получается, что сообщения историко-этнографических источников не содержат ни вымысла, ни преувеличения и весьма правдиво описывают острова Ледовитого океана и тех людей-приморских охотников, которые посещали эти острова или жили на них какое-то время.

8.12. Из истории этнонима *эскимосы*

Изучение документов по истории открытия северо-востока Азии показывает, что почти все современные названия народов Восточной Сибири вошли в русский язык уже в начале или середине XVII в. С конца первой четверти XVII в. в документах говорится о «якутцких людях», или якутах. В самом конце 30-х гг. XVII в. в «отписках» и «расспросных речах» появляется народ с именем «чюхчи»; без сомнения, в этих документах речь идет о настоящих чукчах, хотя В. Г. Тан-Богораз в свое время сомневался, могли ли чукчи три века назад жить далеко к западу от своей нынешней территории (см.: [Бурькин, 1993: С.4—6]). Ныне эти сомнения рассеялись: во-первых, установлено, что чукотская топонимика простирается по территории Якутии даже к западу от Индигирки, а во-вторых, обитатели междуречья Индигирки и Колымы в XVII в. вели счет двадцатками и определяли свою численность как «человек с 400 и больше» — так могли считать только чукчи (подробнее см.: [Бурькин, 2006]). В начале 40-х гг. XVII в. в документах казаков встречается народ «юкагирцы» — современные юкагиры, а слова «юкагирская земля» употреблялись даже ранее этой даты. В документах середины 1640-х гг., рассказывающих о походах к востоку

от Колымы, называются «люди коряцкие» — очень долгое время это считали первым известием о коряках, однако в наши дни стало понятно, что речь там шла о приморских чукчах — *ан'к'альыт* (точнее *ак'оракыльыт* 'не имеющие оленей'), а с настоящими коряками, и опять же сначала с «безоленными» оседлыми встретился только Михаил Стадухин в начале 50-х гг. XVII в. Среди тех коренных обитателей северо-востока Азии, кто жили в окрестностях Анадырского острога в 1650-е гг., называются «чуванзеи», то есть говорившие по-юкагирски и по-чукотски предки нынешних чуванцев. Самоназвание эвенов нынешней Магаданской области *орочолы*, или *орачил*, — 'оленные' встретилось уже в 40-е гг. XVII в., а позже, в XVIII в., было записано самоназвание другого из этих народов — эвенки²⁵.

Если сравнить имена народов, названные выше, с современными названиями народов Чукотки, то окажется, что один из народов, представители которого живут на Чукотке, в документах XVII в. и даже в источниках XVIII в. не упоминается ни разу. Этот народ — эскимосы.

Дело в том, что небольшие эскимосские поселки, разбросанные по побережью Чукотского полуострова, долгое время не замечались и не посещались арктическими мореходами, а со стороны суши Восточная Чукотка в XVII в. также не обследовалась. В некоторых источниках отмечается, что на побережье Чукотки живут «зубатые чукчи»: так первые русские называли эскимосов за обычай носить лабретки — особые украшения, носимые в прорезях губ. Что же касается самого слова «эскимосы», то оно пришло в русский язык не с востока, где живет этот народ, а с запада, из Европы.

Впервые это слово встречается в переведенном с французского языка «Лексиконе о коммерции» Савари, изданном в 1747 г.: «Моржовья и других морских звѣрей недѣланья кожи, посылают Квебекские Французы на мѣну к живущим по ту сторону рѣки Сенлорана в Великой Лабрадорской землѣ, весьма диким и суровым народом имянуемым Эскимонцы» (Савари. Лекс. о коммерц. 535. КС-XVIII)²⁶.

Еще примеры: «Натуралист Фрите в своей работе „О пользе и вреде болот“, напечатанной в 1795 году, писал: „Еще никакія орды

²⁵ В научно-популярной литературе встречается версия, согласно которой этноним *эвенки* восходит к «старому» эвенкийскому слову *аоньки* 'люди'. Слово *аоньки*, взятое, очевидно, из какого-то источника по эвенкийскому языку, составленного в XVIII в., возможно словаря П. С. Палласа, является неточной записью все того же этнонима *эвенки* и значения «человек, люди» не имеет.

²⁶ Примеры, помеченные указанием КС-XVIII, взяты из Картотеки Словаря русского языка XVIII в., находящейся в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.

Самоѣдов, Чукчей, Гренландцов и Ескимов не обмѣняли своего для нас суровым кажушагося климата на счастливѣйшую страну“» (ТВЭО, 50, 1795, 250—251. Фрите, о пользе и вреде болот. КС-ХVIII).

«В 1798 году „Санкт-Петербургский журнал“ сообщал своим читателям: „Эскимокская земля, часть Лабрадора, полуденный Гудзонской Залив, находятся на той же широтѣ, как и Великобританія“» (СПб., журн., 1798, ч. 1, с. 101. КС-ХVIII).

Название народа «эскимосы» встречается также и в трудах А. Н. Радищева. В своем сочинении «О человеке» он писал: «Что могут лучи солнечные или их отсутствіе, тому доказательством служат негры и Ескимы» (Радищ. О человеке. СС, ч. II. 1809, с. 83. КС-ХVIII). В другом месте он пишет: «Сколь нѣкоторые роды людей, напримѣр, Эскимы и другіе, внѣшностію ни уродливы, (если можно разнообразіе природы почесть уродством), но члены их соразмѣрнее обезьяны» (Радищев. О человеке. СС, ч. II. 1809, с. 39. КС-ХVIII).

Об эскимосах Аляски русские путешественники узнали в конце 20—начале 30-х гг. XVIII в. Однако вместо общего этнического названия в русских источниках того времени использовались различные наименования территориальных групп аляскинских эскимосов, так что каждая из таких групп считалась особым народом.

Само слово «эскимосы» происходит из языка североамериканских индейцев-атапасков, которые называли своих соседей на своем языке *эскимантсик* ‘те, кто ест сырое мясо’ [Агеева, 2000. С. 406—407]. От индейцев-атапасков в XVIII в. это слово было перенято французами и вошло во французский язык в виде «Eskimos», откуда происходит старинное русское «Ескимы» и привычное нам слово *эскимо* как название мороженого. Очевидно, от этих же индейцев-атапасков это слово в то же самое время попало в английский язык в виде Eskimo, во множественном числе — Eskimos. Форма множественного числа Eskimos и вошла в русский язык в знакомом нам виде «эскимосы». От данной формы была образована форма множественного числа *эскимос*, а также другие производные — *эскимоска*, *эскимосский*, *по-эскимосски*. Таким образом, слово *эскимосы* исторически открывает ряд слов, содержащих в своей структуре английский суффикс множественного числа *-s*, многие из которых являются названиями парных предметов и употребляются преимущественно в формах множественного числа, и этот ряд активно пополняется в XX в. — в него входят слова *бифштексы*, *кексы*, *бутсы*, *джинсы*, *слаксы*, *леггинсы*, *чипсы*, *типсы*, *нагетсы*, *поллетсы* и т. д.

Получается, что впервые русские услышали имя «эскимосы» в связи не с эскимосами России, а с аборигенами гораздо более далекой Канады. Это произошло в первой половине XVIII в. Название народа «эскимосы» пришло в русский язык не с востока, не из Сибири, а с за-

пада — с американского континента через ученые труды путешественников из стран Европы. Позже оно распространилось и на коренных жителей Аляски и Чукотки и, как и в других европейских языках, стало единым названием арктического народа, живущего в четырех государствах — России, США, Канаде и Гренландии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О характере исторической информации, сообщаемой ономастикой документальных источников

Анализ ономастического материала, представленного в письменных источниках по истории открытия и исследования Сибири и Дальнего Востока, показывает, что имена собственные играют весьма важную роль в формировании исторических, географических и этнографических знаний об изучаемой территории. Свойством быть источником информации, средством хранения и перманентного аккумулирования информации обладают не только имена, восходящие к языкам аборигенного населения, языкам-посредникам или языковому интерстрату — языку неустойчивых сообществ, но и имена собственные, источником которых является лексический фонд русского языка и русский ономастикон, тем более что иногда даже языковая основа имен собственных не определяется сразу и в науке существуют споры, является ли данное название аборигенным или русским по происхождению (что мы видели, например, с названием Камчатка, см.: 6.1).

Историческая, а равно этнографическая или географическая информация, заключаемая в именах собственных, разумеется, не является событийной. Выражаясь метафорически, она является атомарной или квантовой, по природе она эмблематична в плане этнической идентификации имени собственного и лишь отчасти несет информацию о самом объекте, обозначаемом тем или иным названием. Только объединение каких-либо знаний, извлекаемых из всего массива имен собственных изучаемого источника или группы источников, и только в сочетании с использованием событийной и фактологической информации, то есть данных истории, этнографии, археологии, исторической этнографии ономастический материал может выступать как средство получения новой информации или средство верификации каких-либо теорий или гипотез.

Наиболее значительный компонент знаний, извлекаемый из имен собственных, — это **их языковая основа**, почти всегда однозначно определяющая этническую принадлежность населения территории, от которого мог быть зафиксирован данный антропоним или топоним. В

таких случаях — а их подавляющее большинство — имена собственные, особенно топонимы и антропонимы, имеющие одинаковую языковую принадлежность, становятся надежным средством этнической идентификации населения территории и в определенной мере позволяют делать выводы о характере этнических контактов с коренным населением Сибири и Дальнего Востока и судить о приращении географического кругозора у первооткрывателей и исследователей.

Соотносительность языковой основы топонимов и антропонимов с территорией, на которой и ныне живут представители этноса, говорящего на данном языке, свидетельствует о гомогенности и относительной статичности этнических процессов на данной территории (так обстоит дело с якутскими топонимами в Якутии, хантыйскими, мансийскими, татарскими в Западной Сибири, эвенкийскими и бурятскими в Прибайкалье и Забайкалье, юкагирскими на Нижней Колыме, чукотскими — на Чукотке, корякскими — на Охотском побережье и Камчатке. Несоотносительность языковой основы топонимов с языком современного или близкого к современному населения территории указывает на субстратное (или адстратное) происхождение топонимии, побуждает искать языковую основу субстратной топонимии в рамках исторически меняющихся границ расселения этносов, связанных так или иначе с данной территорией, в идентификации археологических культур, прежде всего неолитических и энеолитических культур, а также культур эпохи металла. Как мы полагаем, так обстоит дело с проявлениями юкагирской топонимии в Циркумбайкальском регионе и южной части Якутии, с чукотско-корякским субстратом в Приамурье, енисейским субстратом в Западной Сибири.

Следующий по значимости компонент информации, получаемой посредством имен собственных, прежде всего топонимов, — это **внутренняя форма, значение топонимов**, выступающее как **свидетельство конкретного знания** носителей языка о называемом объекте. Даже соотносительность топонимов и географических апеллятивов языков автохтонного населения территории укладывается в сказанное, ибо в этом случае имя собственное является указанием на локализацию именуемого объекта. Здесь яркие примеры дают образцы номинаций на слабозаселенных территориях или тех территориях, для которых характерен языковой контраст или этническая неоднородность, это, например, непонятные географические названия на Сахалине у нивхов или номинации малоизвестных объектов на побережье Чукотского моря, локализация которых оказалась крайне затруднительной даже в наши дни, а в XIX в. и самое их существование вызывало недоверие у путешественников и моряков.

Еще один компонент знаний, извлекаемых из имен собственных, — это **локализация географических объектов**, лежащих на

границах исследуемого пространства, и **идентификация наблюдаемых географических объектов** с известными единицами топонимикона. Что касается локализации объектов, указываемых в письменных источниках, то они, если их имена восходят к языкам коренных жителей, являются свидетельством географического кругозора аборигенного населения, если же такие имена собственные восходят к языкам первооткрывателей и исследователей — они характеризуют объем приобретенных географических знаний. Указания на «Море Ленское» в пространстве нынешнего Тихого океана к востоку от Камчатки — свидетельство того, что Берингов пролив не был открыт мореходами XVII в., указание на «Море Амурское» к западу от Камчатки указывает на то, что побережье Охотского моря было обследовано теми же мореходами, имевшими опыт плавания в Арктике, на огромном протяжении от Пенжинской губы и северо-западного побережья Камчатского полуострова до устья Амура.

Средством верификации надежности локализации географических объектов, упоминаемых в источниках, и объектов, имеющих сходные названия в наши дни, является системный характер проявления топонимов-ориентиров на изучаемой территории. Гипотеза о тождестве Погычи и Пахачи оказалась изначально уязвимой в силу того, что требовала объяснения причин единичности камчатского гидронима в колымских документах. Вместе с тем однородность топонимов побережья Чукотского моря, соответствующих чукотскому языку и топонимикону, даже при их немногочисленности позволяет не только определить этническую принадлежность местных жителей, но и обрисовать маршрут плавания Михаила Стадухина летом и ранней осенью 1649 г., о котором сохранилось очень немного сведений в документах самого Стадухина и его спутников.

Еще одна группа квантов информации, извлекаемой из имен собственных, относится уже не столько к исторической, географической и этнографической реальности, сколько к методам исторического исследования. Специалист, анализирующий топонимику, имеет в своем распоряжении отнюдь не произвольный выбор языковых единиц, с которыми он может сравнивать и отождествлять географические имена. И языковая основа топонимии, если только она не определяется как неизвестная, и ассортимент лексических единиц, к которым обычно восходит аборигенная топонимика, фиксируемая в результате этноязыкового контакта и кодифицируемая в процессе освоения территории и включения ее в пределы государства, как это было с территорией Сибири и Дальнего Востока в XVI—XVII вв., задаются в виде определенных групп, и результат исследования топонимов тем более надежен, чем больше степень его прогнозируемости и ожидаемости в свете данных смежных наук. Сказанное относится и к выбору языковой ос-

новы имен собственных, и к определению их значения, то есть этимологии в приложении к их статусу ономастических единиц языка-реципиента, в нашем случае — русского языка.

Даже собственно лингвистическое или географическое исследование топонимии в плане ее содержания, прежде всего этимологический анализ, невозможно без источниковедческого анализа форм топонимов и верификации тождества обозначаемого ими объекта. Данное условие либо не соблюдается, либо соблюдается лишь в виде модели, некоего подобия такого анализа. Так, считалось — и это мнение поддерживал Б. П. Полевой, — что название Камчатка устойчиво имело данную форму и «не искажалось», за единичными исключениями (гипотеза об оканье Ивана Рубца, писавшего «Комчатка»). Подобные исключения оказываются не единичными (Я. Линденау, О. Коцебу со ссылкой на неучтенные источники) и именно они лучше сохраняют форму этимона. Формы гидронимов Енисея (Енисей), Ковым (Колыма), Оной (Аньюй) также ближе к архетипу языка-источника, нежели современные формы.

Анализ источников для характеристики топонима в ономастике или для оценки содержательной стороны информации в документе или группе документов должен основываться на полноте текста — цитатное использование письменных материалов не может застраховать от неполноты полученных сведений или неверной интерпретации. Примерами таких ситуаций стали отнесенность названия Ангара к современной Ангаре или непонятные на первый взгляд дискуссии о морском походе М. Стадухина морем от Анадыря до Охотска.

Наряду с собственно этнонимами в разных типах источников, хрониках, рассказах о путешествиях, документах об открытии новых территорий, отмечаются не только этнонимы в различии автоэтнонимов и аллоэтнонимов, но и разнообразные социоэтнонимы, наименования, характеризующие отдельные группы жителей с самых разных сторон — по месту жительства, занятиям, имущественному положению, и такие именованья приходится отграничивать от собственно этнонимов. Именно этот материал и становится объектом источниковедческого анализа. Еще одна задача — отграничение соционимов от этнонимов, что мы видим на примере именованья Дючеры.

В истории собственно этнонимов пока еще не выработано каких-то универсальных моделей их образования ни в целом для каких-либо классов имен собственных, ни для какой-то определенной этнической традиции. Более того, **для каждого этноса характерно множество моделей именованья ближних и дальних соседей. Микроэтнонимия на территории Средней и Восточной Сибири обычно связана с топонимией и производна от нее, как бы далеко ни отстояли друг от друга мотивирующий топоним и группы носителей микроэтно-**

нима. Укажем для примера на топоним Уега и этноним Уяган — Уяганкан у эвенов. Микроэтнонимия обычно формируется после оформления этноса в пределах занимаемой им территории, но это не является правилом: микроэтноним Килэ рассредоточен по разным тунгусоязычным этносам Приамурья, самоназвания оленных чукчей и оленных коряков гомогенны.

Отграничение автоэтнонимов и аллоэтнонимов в документах обычно может быть определено по контексту источника, однако в качестве автоэтнонимов могут фиксироваться и этнические именованья (макроэтнонимы), и этнотопографические именованья (микроэтнонимы или топографические этноименованья).

В принципе история этнонима не всегда напрямую связана с чтением и пониманием документа.

История этнонимов обычно отделена даже от первых документов разнообразными событиями территориальной и социальной реинтеграции этноса и, по сути, никак не связана с анализом источников в плане их интерпретации. Общая этнонимическая картина в комплексе источников или одном объемном источнике обычно оказывается мозаичной, включает автоэтнонимы и аллоэтнонимы с далеко не одинаковой историей, и как раз презумпция этой неодинаковости становится одним из вспомогательных приемов поиска направлений исследований и оценки результатов объяснения этнонимов.

Антропонимы, засвидетельствованные историческими документами, говорят об этнической или этноконфессиональной идентификации их носителей, которая определяется по языковой отнесенности антропонимикона (чукотские, эвенкийские имена) или его конфессиональной принадлежности (татарские, калмыцкие, бурятские имена). Несовпадение языковой принадлежности имени и этнической принадлежности его носителя чаще всего выступает как свидетельство интенсивных этнических контактов или представляет специфику антропонимикона, в отдельных традициях активно поглощающего заимствованные антропонимы или те лексические единицы, которые ложатся в основу антропонимов.

Этнографические факторы формирования географических представлений о северо-востоке Азии в середине и второй половине XVII в.

Середина и вторая половина XVII в. — это время выдающихся географических открытий русских землепроходцев, охватившее огромную территорию северо-востока Азии от устья Амура на юго-западе до устья Анабары и Оленека на северо-западе. Под понятие

«открытие» при этом подпадают не только первые посещения данной территории отрядами казаков и промышленных людей, но и определенная фиксация представлений о внешнем облике местности. Новые земли получали отображение в виде карты-«чертежа» или в виде какой-либо системы ориентиров на местности в словесных описаниях — «расспросных речах», «отписках», «скасах», наказных памятях, ясачных книгах и т. п. В качестве системы устойчивых ориентиров, формирующих представления о том или ином участке суши или морского побережья, фигурируют собственные имена — топонимы (чаще всего гидронимы) и этнонимы — названия народов и отдельных территориальных групп. Направление и продолжительность пути до тех или иных мест находят отражение в письменных документах несколько реже, чем записанные географические названия и этнические наименования. Таким образом, при формировании географических представлений — как глобальных представлений о северо-восточной оконечности Азии и отдельных территориях, фиксировавшихся на «чертежах» Сибири, так и региональных представлений, которыми руководствовались якутские воеводы при принятии решений оперативного характера, важную роль играл не столько профиль «береговой черты», которая в интересующий нас период времени в полном виде не была известна, сколько отдельные ориентиры-топонимы и этнонимы, соотносительные с народом, населяющим ту или иную местность.

Эта система пространственных ориентиров — топонимы и этнонимы — требует обстоятельного филологического изучения. Географические названия, зафиксированные источниками XVII в., как в нашем исследовании, так и в дальнейшей перспективе интерпретации имен собственных, встречающихся в документах и на картах, требуют определения языковой принадлежности, восстановления исходной формы и локализации на местности. Эти задачи оказываются весьма непростыми, особенно когда объектом исследования оказываются малоизвестные микротопонимы или названия, представляющие массовый топонимический материал, коррелирующий с апеллятивной лексикой, — слова «река», «гора», «залив», «озеро» и т. д. Этнонимы нуждаются в идентификации — требуется выяснить, кто, когда и кого мог называть тем или иным именем, особенно если это имя совпадает с названием какого-либо этноса, известного под таким наименованием в наши дни.

Если взять за исходную точку отсчета конец 30-х гг. XVII в., то получается довольно интересная картина. Уже исходя из наименования тех рек, которые стали известны землепроходцам от эвенков-обитателей тайги и лесотундры Средней Сибири и которые текут в сторону Северного Ледовитого океана, можно было предположить, что устье Лены и Охотское побережье омываются водами одного

океана, называемого Ламу. Слово это, как известно, соотносится с эвенкийским словом *ламу* ‘море’; еще одним объектом, имевшим то же наименование, является Байкал, однако его отличие от открытого океана осознавалось, кажется, всегда. В 40-е гг. XVII в. название Ламу, Лама связывается с восточным направлением и приобретает все большую степень конкретности, постепенно закрепившись за рекой Охотой. В качестве наименования Северного Ледовитого океана и рек на Арктическом побережье слово Ламу выходит из употребления.

Непосредственной причиной этого является то, что эвенки жили на довольно значительном удалении от морского побережья. Землепроходцы, двигаясь вниз по Лене и далее на восток, постепенно ушли с территории, заселенной эвенками, и вторглись в пределы расселения другого этноса — юкагиров. Именно тогда и именно при этих обстоятельствах название Ламу, Лама, исходя из значения похожего слова *лаамэ* в юкагирском языке, было переосмыслено. В результате река Индигирка, ранее, как и другие реки, именовавшаяся со слов эвенков Ламу, стала в продолжение нескольких десятилетий называться Собачьей (ср. юкагирское *лаамэ* ‘собака’ и эвенкийское *ламу* ‘море’).

Второе обстоятельство, которое стало известным примерно в то же время и создавало впечатление единства береговой линии Арктического и Тихоокеанского побережий, — это встречающиеся в совершенно разных участках местности одинаковые топонимы или географические апеллятивы, не являющиеся собственно топонимами. Документы фиксируют употребление названия Улья на Арктическом и Охотском побережьях (в одном случае прочтение «по Олье» может быть не вполне достоверным, но название Яна повторяется таким же образом). Повторение топонимов — следствие сходного языкового субстрата на территориях, осваивавшихся и исследовавшихся в одно и то же время: на Арктическом побережье субстратная доякутская, дотунгусская и доюкагирская топонимика принадлежит предкам чукчей, топонимика Охотского побережья — предкам коряков: Улья — Вылгилвеем ‘Березовая река’, Ульбея — Вульвывеем ‘Поперечная’, Индигирка ‘Утес’ (чукот. *Йынрыйыр*), Колыма — чукот. *Куйвивеем* ‘Наледная’, Анадырь — чукот. *Энмаатгыр* ‘Скалистый ручей’ (соседняя река до сих пор называется Энмываам ‘Скалистая’), Анюй — чукот. *Йынройын* ‘место слияния двух рек’. Загадочное повторение названия Анюй в бассейне Амура может объясняться скорее одинаковым чукотско-корякским субстратом, нежели миграциями юкагиров, хотя последнее нельзя полностью исключать. Чукотскими по происхождению оказываются и названия рек Западной Чукотки, считавшихся легендарными, — Нелога, Погыча и Ковыча, соответственно, Наглейнынваам (верховья реки Раучуа), Пучевеем и Кувет (нынешнее устье Пегтымея).

Повторяющиеся топонимы и географические апеллитивы на Арктическом и Тихоокеанском побережьях составляют серьезную проблему для географов и историков географии. Однолинейная трактовка некоторых названий стала предметом многих неточностей в идентификации объектов, упоминаемых в документах и отыскиваемых на старых и современных картах. Юкагирское слово *чандэ* ‘верховья реки’ было воспринято как название одной конкретной реки, вследствие чего оно часто связывалось с рекой Гижигой — даже тогда, когда речь явно шла о Малом Анюе, реке Чондон недалеко от устья Яны или какой-то неизвестной реке. Название реки Пеженка (приток Большого Анюя), имеющее общую мотивировку и языковую основу с названием реки Пенжина, впадающей в Охотское море (юкагирское *пид’э-н-эун* ‘лосиная река’), стало рассматриваться как упоминание последней, из чего был сделан вывод, что камчатская река Пенжина будто бы была известна анюйским юкагирам. Последнее название, которое можно идентифицировать как географический апеллитив, — это название Камчатка (чукот. *к’онтылян* ‘одна кочевка’; *к’ончагты* ‘на одну кочевку’), однозначно ассоциируемое с названием полуострова Камчатка, хотя название К’ончавеем в разных вариантах встречается в районе полуострова Тайгонос не менее пяти раз. Название речки Энмаатгыр на Арктическом побережье Чукотки, имеющее то же происхождение и то же самое значение, что и название реки Анадырь — самой крупной из рек Чукотки, стало препятствием на пути локализации целого ряда объектов.

Топонимические ареалы с однородной языковой средой позволяют проследить историческую перспективу этнической карты северо-востока Азии в более отдаленное время, нежели документы землепроходцев. При этом получаемая картина не требует кардинального пересмотра этнической истории или направления миграций известных народов, она нуждается лишь в небольших уточнениях. По рассмотренным документам западная граница расселения чукчей сместилась к востоку на 500 км от нынешней, но топонимический материал двигает ее еще западнее в сторону Индигирки. Отпадает необходимость отождествлять «чукчей» из документов 40-х гг. XVII в. с юкагирами-чуванцами. Наоборот, юкагиры-олюбенцы, жившие в низовьях Индигирки, могут отождествляться с чукчами, хотя этот вопрос нуждается в дополнительном подтверждении. Возможно, в свете сказанного численность юкагиров, определенная для XVII в., нуждается в пересчете с учетом более надежной идентификации этнической принадлежности отдельных групп. Восточные юкагиры — *ходынцы, чуванцы и анаулы*, вероятно, имели в своем составе значительный чукотско-корякский компонент: все этнонимы могут истолковываться из чукотского языка с большей легкостью, но не имеют юкагирских этимологий. Этноним

шелаги объясняется из самоназвания собственно чаунских чукчей *чульыльыт*, и в вопросе о каком-либо ином этническом компоненте на Западной Чукотке можно ставить точку. Этноним *йоко*, применяемый по отношению к жителям низовий Яны, Индигирки и других рек Арктического побережья, одинаково расшифровывается из юкагирского и чукотского языков как *ыякэн*, мн. ч. *ыякэт* ‘дальние’ (эргативный падеж *ыякэтэ*), но история его распространения нуждается в некоторых уточнениях. Упоминания о *коряках* на Арктическом побережье в 40-х и конце 50-х гг. XVII в. основаны на недоразумении вследствие неясности значения этнонима. Данный этноним в чукотской форме, будучи заимствован от чукчей, закрепился за собственно коряками, тем более за оленными коряками, очень поздно — в начале XVIII в. Чукотское слово *ак’оракы* означает ‘не имеющий оленей’, *ак’оракыльыт* ‘безоленные’ — такое название могло относиться и к приморским чукчам, в том числе к тем, кто посещал остров Врангеля, и к эскимосам — жителям крайнего северо-востока, островов Берингова пролива или Аляски. То же относится и к названию *хряхи, хреха, хрехайи*, эти народы, по источникам XIX в., якобы жили на неизвестной земле к северо-востоку от Западной Чукотки. Загадочный этноним *хэйэки*, зафиксированный на Охотском побережье в середине XVII в. (‘за оеками’) и сохранившийся в фольклоре эвенов до настоящего времени, имеет то же самое значение и ту же языковую основу, что и этноним *коряки*: он восходит к корякскому слову *ак’оякылг’о* ‘безоленные’.

Некоторые источники XVIII в. («Описание иркутского наместничества» [1988. С. 155] и отдельные рукописные источники, обработанные З. Д. Титовой) приписывают «корякам» юкагирский обычай хранить в качестве амулетов части тела умерших шаманов [Титова, 1972. С. 82—83]. Вероятно, в документах этноним *коряки* указан ошибочно, возможно со слов чукчей.

Интересно, что за эскимосами закрепилось название «зубатые чукчи», возможно, неразличение эскимосов и чукчей — следствие спорадичности контактов русских с эскимосами, но возможно также, что языком межэтнического общения в этом случае, как это принято у эскимосов, был чукотский язык, и последнее обстоятельство не позволило распознать в эскимосах отдельный этнос.

Ареал расселения юкагириров прослеживается не слишком четко, и едва ли он мог сыграть какую-то роль в системе этнических ориентиров. Большинство топонимов Приколымья и Западной Чукотки, признававшихся юкагирскими, восходят к чукотскому языку. Часть топонимов, находящихся на границе юкагирского этнического пространства с востока, таких как бухта Этэлкуйым в Заливе Креста, река Аталваям на северо-востоке Камчатки, не восходят к юкагирскому

языку, хотя и могут иметь в основе самоназвание юкагиров, заимствованное чукчами. Предполагается, что наличие таких названий говорит о присутствии юкагиров или посещении этих мест юкагирами, но нельзя исключить наличие слова Этэл 'юкагир' в составе чукотских личных имен и происхождение этих названий от личных имен чукчей, обитавших в этих местах. Обнаружение ряда юкагироязычных топонимов на западной периферии территории возможного расселения юкагиров в верховьях Лены — названия Марха, Пеледуй — и истолкование названия Лена из юкагирского языка может пролить свет на раннюю этническую историю юкагиров.

В формировании представлений о северо-восточной оконечности Азии первостепенную роль играла та последовательность, с которой землепроходцы знакомились с культурой и языком местного населения, двигаясь на север и восток по тем путям, какие представлялись им наиболее благоприятными. Во многом эти представления оказались зависимы от ареала расселения эвенков к северу и востоку от Средней Лены, близости эвенкийского и эвенского (ламутского) языков, а также от ареала расселения двух близкородственных и говорящих на близких языках народов — чукчей и коряков на Арктическом и Охотском побережьях, соответственно. Своеобразие этнической карты, выразившееся в том, что и крайний северо-восток Азии, и прилегающие к нему районы — междуречье Лены и Индигирки на севере и Приохотье на юге — оказались заселены близкими по культуре и языкам народами, в конечном счете и определило представление о том, что земли к востоку от реки Анадырь — это и есть, как выразился в одном из рассказов магаданский писатель А. Мифтахутдинов, «конец географии». Второстепенными факторами в этом процессе явились значительная повторяемость микропонимики, приоритетность микропонимики в «расспросных речах» представителей коренного населения перед названиями крупных объектов, а также неразличение собственно топонимов и географических апеллятивов.

Для переосмысления этого, для дальнейших исследований, которые привели к описанию Камчатки, открытию островов Тихого океана и северо-западной части Американского континента, потребовался иной уровень знаний, а он был достигнут только в первой трети XVIII в. Однако и XVIII в. — век русских открытий в Северной Америке, и XIX в. — век первых русских кругосветных плаваний, и даже XX в. — век плаваний по Северному морскому пути, гидрографических описаний, геологических исследований оставили нам множество исторических, географических и этнографических загадок, которые находят свое решение только в наши дни и которые не оставят равнодушными ученых последующих поколений.

Роль данных топонимики и этнонимики Восточной Сибири в историко-этнографических исследованиях

Языковой материал, представленный географическими названиями и этнонимами — названиями народов и отдельных территориальных групп, при его рассмотрении в плане установления языковой принадлежности имен собственных, локализации и установления значения топонимов, определения языковой основы и установления значения этнонимов позволяет соотнести полученные результаты с известными историко-этнографическими построениями и представить основу для новых гипотез и теорий в области этногенеза и этнической истории отдельных народов и их территориальных групп. Основные положения этнической истории народов Восточной Сибири и крайнего северо-востока Азии, сформулированные и выверенные по лингвистическим данным, могут быть изложены в следующем виде:

1. В пространстве от Прибайкалья до Нижней Лены, включающем бассейн Лены в ее верхнем течении и бассейн Вилюя, выявляется очаг юкагириязычных топонимов и этнонимов, которые объясняются из юкагирского языкового материала. Эти факты указывают на присутствие юкагиров на указанной территории и делают реальной связь древнеюкагирского этноса с археологическими культурами Прибайкалья и бассейна Вилюя.

2. По всей территории Якутии в ее северной части от устья Алдана и Вилюя до Арктического побережья прослеживается субстратная топонимика, находящая объяснение в чукотском и корякском языках. Из чукотского и корякского языков объясняются также некоторые этнонимы, зафиксированные на этой территории в XVII в. Сделанные наблюдения находят подтверждение в элементах чукотско-корякского субстрата, обнаруживаемых в якутском языке и языках малочисленных народов Якутии. Некоторые археологические находки на Нижней Колыме и по крайней мере часть ареала ымыяхтахской археологической культуры связываются с предками или родственниками современных чукчей и коряков.

3. Топонимика бассейна Колымы вскрывает ареальные связи юкагирского языка и чукотско-камчатских языков более наглядно, нежели анализ лексического материала по словарям юкагирского языка, и является выразительным свидетельством архаических юкагирско-чукотских этнокультурных и языковых контактов, которые имели место на этой территории до прихода туда русских землепроходцев.

4. Топонимика Западной Чукотки по языковой принадлежности оказывается принадлежащей чукотскому языку, а не юкагирскому. Наблюдения в этой области подтверждают предположение, что юкагиры на Западной Чукотке являются относительно поздними при-

шельцами из района бассейна Колымы и обитают там на протяжении всего лишь несколько столетий. Загадочные этнонимы Западной Чукотки — шелаги и чуванцы — не только объясняются из чукотского языка, но и связываются с названиями отдельных территориальных групп чукчей, сохраняющихся до настоящего времени.

5. Топонимика Чукотки, относящаяся к ареалу восточнее Чаунской губы, стала известна русским землепроходцам уже в середине XVII в., однако источники, содержащие эти сведения, не вызывали доверия до настоящего времени. Контакты землепроходцев с местным населением этого региона установились значительно позднее.

6. Географические названия западного побережья Охотского моря имеют преимущественно корякское происхождение, что подтверждает связь древних археологических культур Приохотья с предками коряков. Тунгусские, конкретно — эвенские географические названия на Охотском побережье в XVII в. еще имеют относительно ограниченное распространение. По историческим документам 40—60-х гг. XVII в. наглядно прослеживается смещение границы между оседлыми коряками и проникающими на Охотское побережье эвенками к северу и северо-востоку. В настоящее время ареальные связи эвенов Охотского побережья и коряков прослеживаются в духовной культуре, фольклоре, шаманстве и декоративно-прикладном искусстве, а также в социальной организации территориальных групп эвенов и в некоторых областях материальной культуры.

7. Топонимика чукотско-корякского происхождения в охотоморском ареале уходит далеко на юг и охватывает бассейн Амура: здесь же фиксируются единичные юкагироязычные топонимы. Наблюдения в этой области подтверждают гипотезу академика А. П. Окладникова об ассимиляции тунгусо-маньчжурскими народами местного «палеоазиатского» населения, которое, по новым данным, идентифицируется с народами, близкими чукчам и особенно оседлым корякам, и этот процесс был связан с этногенезом тунгусо-маньчжурских народов бассейна Амура и глоттогенезом тунгусских языков этого региона — ороцкого, удэгейского, ульчского, орокского и нанайского, унаследовавших множество архаических черт общетунгусо-маньчжурского праязыка в фонетике и морфологии, утраченных эвенкийским и эвенским языками или подвергшихся в них модификации. Эти предположения подтверждаются связями населения данного региона с народами крайнего северо-востока в области фольклора и духовной культуры, а также в области морского зверобойного промысла и рыболовства.

8. Этнонимы тунгусо-маньчжурских народов северной группы, в частности родовые названия эвенов и эвенков, связаны с топонимикой Западного Приохотья и происходят от топонимов, представленных в этом регионе. Распространение соответствующих родовых названий

эвенков и эвенов к западу, северо-западу и северо-востоку от района Охотского побережья, от Тугура до Охоты, указывает на позднейшие миграции древних обитателей Западного Приохотья. При этом сами топонимы, от которых образуются наименования эвенкийских и эвенских родов, восходят к корякскому языку и принадлежат дотунгусскому населению.

9. Этнонимы *якуты* и *юкагиры* связаны с присутствием на территории расселения современного якутского и юкагирского этносов чукотско-корякского этнического субстрата, к языку которого восходят названные этнические наименования: этноним *юкагиры* был позднее адаптирован эвенкийским языком. Их распространение по Восточной и Средней Сибири связано с встречными миграциями: расселением эвенков по междуречью Лены и Енисея и движением русских землепроходцев с запада на восток. Значение соответствующих этнонимов в середине XVII в. может не совпадать с современным значением этих этнонимов.

10. Этноним *коряки* происходит из чукотского языка и первоначально применялся к оседлым приморским чукчам и оседлым корякам. Его распространение на оседлых морских охотников — жителей побережья Охотского моря и оленеводов — жителей прилегающей к побережью лесотундры и тундры связано с переходами отрядов русских землепроходцев с Арктического побережья через долину Анадыря в район Охотского побережья, конкретно распространение этнонима *коряки* на Охотском побережье связывается с маршрутами походов Михаила Стадухина в 1651—1659 гг.

11. Данные топонимики и этнонимики указывают на следы присутствия какой-то территориальной группы юкагиров в XVII в. в верховьях Индигирки и бассейне Оймякона. Ряд топонимов и этнонимов, зафиксированных в районе Охотского побережья, сочетают в себе признаки корякского и юкагирского языков, вместе с тем эти наименования имеют единичную встречаемость и очевидно, что они не были устойчивыми и оказались зафиксированы случайно. Тем не менее данные факты указывают на наличие в этом регионе какой-то группы носителей юкагирского языка.

12. Анализ этнонимов-названий некоторых территориальных групп юкагиров указывает на их смешанное юкагирско-чукотское происхождение. Складывается впечатление, что такие названия, как олюбенцы, были услышаны от юкагиров и, возможно, использовались юкагирами, но относились не к юкагирам, а к чукчам. Данное обстоятельство заставляет подвергнуть пересмотру расчеты численности юкагиров на XVII—первую половину XVIII в., в результате чего общая численность данного этноса уменьшится, а сокращение ее будет иметь не-

сколькo меньше масштабы, нежели предполагалось ранее, при завышении численности юкагиров в период первых контактов с русскими.

13. На Западной Чукотке отсутствует какой-либо дочукотский этнический субстрат. Названия *шелаги* и *чуванцы* принадлежат территориальным группам чукчей, обитавших в бассейне реки Чауна. Судя по этнографическим материалам, оседлые морские зверобой-чукчи, проживающие на побережье Восточно-Сибирского моря, не являются мигрантами с Восточной Чукотки, а представляют собой потомков оленных чукчей, изменивших образ жизни в связи со сменой традиционных занятий.

14. История этнических групп, рассматриваемых как группы восточных юкагиров — ходынцев, чуванцев и анаулов, прослеживаемая по материалам топонимики, этнонимики и антропонимики, указывает на то, что данные группы юкагиров были смешаны с чукчами или коряками уже на момент прихода землепроходцев в бассейн реки Анадырь.

15. Отдельные небольшие по численности группы чукчей в период, предшествующий контактам с русскими в XV—XVI вв. и в XVIII в., а возможно, и в более позднее время мигрировали с Арктического побережья на прилегающие острова, в частности на Медвежий остров к северу от дельты Колымы и на остров Врангеля. Собственные имена и названия отдельных групп людей, живших, по преданиям, на какой-то земле в Северном Ледовитом океане, к северу от материка, принадлежат чукотскому языку. Возможность таких миграций подтверждается историко-этнографическими источниками и случайными находками жилищ и предметов, характерных для культуры приморских чукчей, на западном побережье острова Врангеля. Загадочное сооружение на одном из Медвежьих островов, названное геодезистами XVIII в. «крепостцой» и исчезнувшее в начале XIX в., как можно судить по аналогиям, представляло собой один из типов культовых сооружений — жертвенных мест приморских чукчей [Бурькин, 2011. С. 78—81].

16. В период XVIII—XIX вв. чукчи, живущие в разных районах Арктического побережья, поддерживали торговые связи с эскимосами крайнего северо-востока Азии — очевидно, науканскими эскимосами, эскимосами островов Берингова пролива и Аляски. Рассказы о контактах чукчей с неизвестным населением этого региона, зафиксированные в XIX в., содержат названия эскимосов и их отдельных территориальных групп, бытующие у чукчей почти до настоящего времени, и адаптированные чукотским языком известные эскимосские топонимы — названия островов Берингова пролива и местностей на побережье Аляски.

17. Гипотеза о наличии эскимосской топонимики в охотоморском ареале, сформулированная И. С. Вдовиным, не находит подтверждения на приведенном им топонимическом материале, языковая принадлежность и значение которого может иметь иную интерпретацию. Однако из эскимосского языка объясняется по крайней мере один из топонимов Охотского побережья — гидроним Кава (название верхнего течения реки Тауй), а само присутствие эскимосов в Северо-Западном и Северном Приохотье подтверждается некоторыми археологическими, историко-этнографическими и лингвистическими данными, а также фольклорными материалами.

18. Документы середины и второй половины XVII в., описывающие морские плавания и походы русских землепроходцев вдоль Арктического побережья, плавания вдоль побережья Охотского моря и походы в прилегающие к побережью области, содержат некоторые сведения, относящиеся к неизвестным ранее подробностям таких походов, и, очевидно, они содержат также информацию об отдельных экспедициях, которая ныне неизвестна по другим источникам. Часть сведений из исторических документов, не дошедших до нас в подлинниках, становится известной нам при анализе других источников и извлекается из них при филологическом анализе документов. Это касается похода Михаила Стадухина летом 1649 г., когда его отряд достиг района Колючинской губы и едва не вошел в Берингов пролив, и подробностей плавания Стадухина вдоль побережья Охотского моря на восток от Пенжинской губы и плавания на запад, завершившегося приходом в Охотск в 1656 г. Оба похода Михаила Стадухина, сведения о которых выявляются в описаниях 1670—1680-х гг., представляют собой исключительные события в открытии и изучении Восточной Сибири, Арктического и Тихоокеанского побережий.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

- Абакан 136, примеч. 21
Авекова 332
Агуния 360, см.: Аргунь
Азия (Зея) 19
Аим 345, 408, 409, 411
Аймакан 352
Айока Пелинткир 298
Айон 38, 91, 239, 242, 243, 246—248, 298, 306, 430, 442
Акиан 207, 210, 214, см.: Аниан
Акибянь, Укапан (Скала Фэруэй) 386
Алазбинское зимовье (Алазейское) 192
Алазея 94, 190, 190 примеч. 22, 191, 192, 192 примеч. 23, 193, 199, 201, 205, 318, 319, 424, Алазей 190, 191, 195, Алазейка 94, 190, 191, 429, Алахей 192, Алазейская 190, 191, Албазня 192, Олозейка 191
Албазня 192, см.: Алазея
Алдан 120, 179—180, 189, 196, 197, 199, 200, 204, 206, 33 примеч. 12, 34, 343, 344, 355, 411, 470
Алдома, Аллыма 346
Аллыма 346, см.: Алдома
Алмана 333, см.: Армань
Аль-Еся 192
Амахтон 221, 332, 381, 407
Амга 196—197,
Амгунь 196, 334, 354, 355, 356, 356 примеч. 25, 357, 362—363, 403, 408—410, Амгун 363, Амуг 356, Амуть 356, Хамун 356, Хамуна 356, 356 примеч. 25, 363, Генкон 363, Омугь 356, 357, 409
Амгуэма 49, 252, 307
Амтиклей 336, см.: Мотыклей
Аму 209, Анин 209, Аниу 209
Амур 14, 19, 21, 22, 22 примеч. 3, 40, 46, 52, 54, 73—75, 78, 78 примеч. 36, примеч. 37, 83, 139, 167, 188 примеч. 19, 196, 198, 216—217, 217 примеч. 10, 219, 222, 231, 278, 307, 320—325, 327—330, 344, 347, 352—365, 393, 395, 399—400, 409—410, 413—418, 420, 437, 462, 464, 466, 471, Гамур 358, Дамур 357—359, Мамур 354 примеч. 22, 357, 357 примеч. 27, Омур 354, Сахалин-ула 353, 356, 359, Тамур 359, Ямур 358, 360
Амурское море 45, 307, 316—318, 318 примеч. 4, 320—323, 371, 462
Амут 356, Амуть 356, см.: Амгунь
Анабар, Анабара 318, 319 (Энмаатгыр) 313 примеч. 3
Анабора (Энмаатгыр) 308, 311, Нанабора (Энмаатгыр) 251, 307, 308—311, 314
Анадьрь 19, 22, 43, 46, 49, 90, 178, 189, 195, примеч. 27, 199, 203, 205, 222, 229—230, 236, 237 примеч. 34, 239—240, 242—243, 245, 249—252, 254—258, 260, 261 примеч. 8, 262—263, 265—267, 277, 297, 299, 301, 307—315, 317, 319—321, 323—324, 326—327, 366, 367—371, 387, 392, 424, 428, 431, 433, 463, 466—467, 469, Анандыра 261, Анандырь 239, 249—250, 254—255, 261, 375, Андырь 189, 195, Анадьрь 307, 309—314, 316—317, 446, Онандырь 49, 94, Онундара 256 примеч. 4, На-

¹ В Указатель включены только названия, относящиеся к территории Сибири и районам, прилегающим к ней с юга.

- адым 257, 308, Адым 257, 308,
 Анадир 261, Anadim 308, Anadwar
 308, Anadira 308, Andira 327
 Анадырск 257, 367
 Анадыркууль 256
 Анатыркууль 256
 Анаян 211
 Анга 141, 143
 Ангара 138, 140—141, 141 при-
 меч. 26, 143, 145, 147—149, 151,
 154, 463, Анкара-мурэн 132, 141,
 141 примеч. 26, 142, 144—145, 147,
 149, Нижняя Ангара 147, Онгара
 146
 Ангара Верхняя 142, 147, 147 при-
 меч. 35, 148 примеч. 37, Ангара Ма-
 лая 147
 Ангараба 142
 Анкара-мурэн 132, 141, 141 при-
 меч. 26, 142, 144—145, 147, 149,
 см.: Ангара
 Андреева земля 45, 439,
 Аней 229, см.: Аной
 Аниан, Акиан 207, 210, 214, Arian,
 см.: Акиан
 Анива 209
 Анин 209, см.: Аму
 Аниу 209, см.: Аму
 Аноя 229, см.: Аной
 Аной 37, 52, 197, 197 примеч. 29,
 198, 229—230, 232, 267, 315 при-
 меч. 4, 463, 466, Аноя 229, Оноя
 197
 Аной Большой 197, 244, 338, 350
 Аной Малый 197, 219, 228, 266,
 Аргунь 322, 359, 415, Аргуя 149,
 322, 361
 Армань 333—334, Алмана 333
 Асиглан 339, см.: Сиглан
 Атарган 333
 Ажк 105
 Аян 267, 343, 408
 Байкал 5, 83, 140—141, 145—154,
 173, 178, 187, 188 примеч. 19, 206,
 324 примеч. 8, 390, 423, 466, Бай-
 гал 150, 152, Бэй Хай 150, 153, Да-
 лай 149, Тэнгис 153, Тэнгис-Далай
 153
 Бараниха Большая 228—229, см.:
 Раучуа
 Бегичев Большой 103
 Белая 49, 252, 317,
 Березва 159
 Березов 99—100, 137,
 Биармия 84
 Биллингса, мыс 315
 Блоссом, мыс 445, 451
 Блудная 202, 307, 318—319, 324, см.:
 Омолон
 Богнал (Коту, Нижняя Тунгуска) 143
 Болванский Нос 47
 Большая Осиновая 252
 Бременное (до Бременного = добре мно-
 го) 380
 Булун 71
 Буотама 198
 Буря 19, 323, Быстрая 19, 323
 Вархалам 33
 Вархаламский мыс 321, 340
 Великая (река) 263,
 Веркон 251, Веркова 251, Верконь
 251
 Вилига 50, 181, 334
 Вылгилвээм
 Виллой 43, 81—82, 120, 166, 167 при-
 меч. 1, 173, 177—182, 196, 198,
 204, 206, 423, 470
 Витим 407
 Волок 318
 Волоковая 318
 Вострецово 351
 Врангеля остров 30, 41 примеч. 13,
 45, 211, 264, 304, 438—439, 440 при-
 меч. 19, 443, 445, 448—453, 468,
 473
 Вульвывээм 251—252, 310
 Вылгилвээм 182, 197, 251, 310, 313
 примеч. 3
 Габура 361, Хабур 361
 Гамаш 143, см.: Иртыш
 Гамур 358, см.: Амур
 Гарманда 221, 231, 334
 Генкон 363, см.: Амгунь
 Геральд 443
 Герба 334
 Гербикан 334

- Гербу 334
 Гербы 334
 Гижига 202, 218, 221—222, 229 примеч. 25, 231, 244, 265—268, 273, 278, 280, 313, 317, 320—321, 326—329, 340, 342, 368—369, 372, 381, 387, 432, 434, 467, Ижига 265, 267, Ижигина 265 примеч. 9, Изига 50, 229, 265, 326, 368—369, 372, 432, Зига 265, 368, 372
 Гижигинск 265, 372
 Гиллой 182
 Гиркувеем 217
 Гирявеем 334
 Гогули 417
 Гогулкургу 417
 Горбей 334
 Горбея 334
 Горби 334
 Горбукан 334
 Горбылаах 334
 Горбова 335
 Гуеле-бира 352—353
 Гуядзи-хида 353
 Гырбы 334
 Даи Мангбо (Амур) 139, 323, 358
 Дамур 357—359, см.: Амур
 Данадим 159
 Данра 311, 313
 Даура 318
 Двина (Северная Двина) 122—123, 259
 Дендымесхен 311
 Деп 105
 Детрин 335
 Дженретлен 187, 251, 310, 316
 Джи (Зея) 355, см.: Зея
 Джюлокон 341
 Дильэвеем 311
 Динретко 311
 Диомида, острова 211, 384, 386—388
 Диргувеем 311, Ергывээм 311
 Дирыга 340, 374 примеч. 43, 383, 412, 437, см.: Тауй
 Дирыдна 326, 340, 374, 383, 405, 437, см.: Тауй
 Дирымда 340
 Дирылна 340, 374 примеч. 43, 437
 Дондон 198
 Дубчес 136 примеч. 21
 Дуи 311, 313 примеч. 3
 Дуй 311, 313 примеч. 3
 Дулаи-гада-офоро 353
 Дунбэй 167
 Дури 311
 Дырын 311
 Дьакуускай, Дьокуускай (Якутск) 173
 Евакин 376—377, 379
 Екатель 376, 378, 380
 Елистратова, полуостров 327
 Елка 376, 377, 379
 Еловка 270—271, 275, 279
 Емова 50, 340, 342, 368, 372, см.: Яма
 Ена 342, см.: Яна (Охотское побережье)
 Енесей 151, Енесея 131 примеч. 10, 463
 Енисей 5, 54, 83, 86, 101—103, 112, 116, 129—143, 145—146, 148—149, 151, 173, 175—176, 273, 302—303, 324 примеч. 8, 396—398, 425, 439, 463, 472, Енисея 131, Иенисей 140, Иондесси 130, Иондеси 175 примеч. 6, Ионеси 175 примеч. 6, Иоандези 143, Иоанеси 134, 139, Ислендь 135, Ендези 131—132, Гиллиси 132, Гиллиси 136, Енасе 130, 134, 143, Едосе 134, Генесея 131, 135 примеч. 10, Елисей 136, Улуг-Хем 130, 132, 135 примеч. 18, 138, Ени-ас 126, 130 примеч. 9, 175 примеч. 6, Яныг-Ас 126, 130 примеч. 9, 175 примеч. 6, Хем-Суг 132, Кем 132, 138, Кемь 135, Большая Кемь 138, Великая Кемь 138, Гук 140, Гус 138, 140, Хезес 138—140, Губ 140, Хизес 139—140, Дадья-Нор 139, Шишкит 139, Хуа-кем 139, Бей-хем 139, Да-кем 139, Иках Мауран 140
 Енисейск 116 примеч. 48, 143, 398
 Ергывээм 311, см.: Диргувеем
 Жиганск 71—72, 182, 185, 267, 343, 423

- Задавлена (Яна, Охотское побережье) 342—343
 Заседей (Айон) 298, Сабадей 297, 298, см.: Айон
 Зея 19, 105, 411, Азия 19, Джи 355
 Зига 265, 368, 372, см.: Гижига
 Ивашкино озеро (Эльгыгытгын) 19, 257—258
 Ивашко, озеро (Эльгыгытгын) 258
 Игеллин 386
 Идиль 143
 Илгывээм 251, 310
 Ижига 265, 267, см.: Гижига
 Ижигина 265 примеч. 9, см.: Гижига.
 Изига 50, 229, 265, 326, 368—369, 372, 432, см.: Гижига
 Илир 446,
 Илирвеем 251, 310,
 Илиргытгын 201
 Илирней 232, 252, Илырней 232
 Ильи 250, 307—308, 310, 319
 Имаклик (Ратманова) 446
 Имяглин 386, см.: Имаклик
 Инга 346, см.: Иня
 Ингода 155 примеч. 40, 322
 Индигирка 120, 185—187, 189, 196, 236, 245, 259 примеч. 6, 319, 466,
 Индигерь 185, 188, Ындигирская река 90, Индигерка 259, Индигир 185, Индигирь 185, 195, Индигерская река 186, 188, 216, Собачья 185—189, 191, 200, 236
 Индилин 187, 310
 Инкигур 310
 Инмакыр (Энмаатгыр?) 310
 Иня 350, 376, 378—379, 405—406, 408—411, 441, Инга 346, Ния 345, 348
 Инялин 386, а третей Игеллин
 Ирбит 126,
 Иргенский острог 322
 Иргиз 126
 Иркут 126
 Иртыш 123—124, 126—129, 130 примеч. 9, 143, 145, 158, 175 примеч. 6, Ирдыш 124—125, 129, 145, Эрдыш 129, Эрцес 126, 129, Эрцис 128, Пугуджэнь 143, Гамаш 143
 Ирэвээм 334
 Ичевеем 334
 Ка-хем 139 примеч. 24
 Кавача 244, 249, 250, «Ковача» 244, 250
 Кагыргын 387
 Калгын 199
 Каленмываам 217, 252, Каленмыт 217
 Каленчуга 335
 Каленьба 252, Каленьва, Кооленьваам
 Камчатка 14—15, 19, 30, 35—36, 44, 46, 60, 87, 166, 182, 184, 199, 202, 205, 210, 216, 221, 226, 235, 244—246, 249—250, 259—260, 262, 264, 269—292, 274 примеч. 4, 294, 307—309, 313, 316—318, 320—323, 325, 327—329, 347, 351—352, 366—371, 384, 399, 404—405, 410, 430, 437, 439, 445, 460, 462—463, 467—469, Кончануг 276
 Камчатка, река, Уйкуал 270, 275, Damaste revier 274, Kartzanki sive Kamtschetna revier 274 примеч. 3
 Камчатой нос 278
 Камчатское озеро 274
 Кандаган-бира 353
 Кансал 280
 Канчалан 277, 284
 Канчеваям 280
 Кара-Кум 36
 Катан-ас (Иртыш) 143
 Катанга 128, 133, 143,
 Кача 136 примеч. 21
 Кебуг-хада 352
 Кемчик 139
 Керби 334
 Кетля тонори 376—378, 380
 Кеть 138
 Китепвеем 228
 Китеп-Гуйтеньрывеем 228
 Китиген 30, 438—439, 444—445, 454, Тикиген 444, 454
 Ключевская сопка 221
 Коборой 220
 Ковым 19, 45, 49, 195, 259, 463, Колыма
 Ковыма 18 примеч. 1, 19, 45, 49, 186, 190—192, 195, 196 примеч. 28, 197,

- 215, 236—238, 266, 312, 429, Ковымя 259, Колыма
- Ковымь 189, 195, 260, 266, см.: Колыма
- Ковыча (Кувет, устье Пегтымеля) 197, 222, 236, 244, 249—252, 306—310, 313—315, 318—319, 466, см.: Кувет, Хуата
- Когустах 3
- Колым 195, см.: Колыма
- Колыма 19, 45, 49, 71, 120, 187 примеч. 18, 189, 193—196, 245, 259, 307, 318—319, 466, см.: Ковым, ковыма, Ковымь, Колым
- Колючин 211
- Комсомольск-на-Амуре 227, 231
- Конда 159
- Кончан 277
- Кони 335
- Концавеем 280
- Кончаваам 280
- Кончанут (Камчатка) 276 см.: Камчатка
- Коншатка 270, 275, см.: Камчатка
- Коочь 271, 275
- Корфа, залив 437
- Косогор (озеро) 22, см.: Хубсугул
- Косогорский остров 21—22
- Котельный, остров 23, 44, 114—117
- Коту (Богнал, Нижняя Тунгуска) 143
- Котуй 199
- Крестовский, остров 247—248
- Кубуй 199
- Кувет 227, 234, 250—251, 309—310, 314—316, 466, Хуата 251
- Кувлючывээм 252, см.: Белая
- Кувлючытынуп 252
- Кувым 49, см.: Колыма
- Кукты 346, см.: Кухтуй
- Култук 145—148
- Кулу 193—195
- Кулума 452, см.: Колыма
- Курейка 143
- Курильские острова
- Кутана 199, 349, 406,
- Кутана амар 199, 341, см.: Тауй
- Кугога 345
- Кутук 136 примеч. 21
- Кухтуй 334, 345, 348, 376, 403, 406, 408—411, см.: Кукты
- Кыгмин (Аляска) 388, 444, Кыгмын 386
- Кызыл 36
- Кызыл-Кум 36
- Кынговой 284, 386—387
- Кырма 21
- Лабынкыр 199
- Лама 150, 151, 187, 307, 320, 323, 466, Рама 320
- Ламарав 373, 376, 378, 380
- Лангада-офоро 353
- Ланковая 336
- Ланкучан 336
- Лелювеем 407
- Лена 46, 54, 86, 89, 101—102, 104, 116, 120, 140—141, 143, 150—151, 154, 167—169, 172—178, 181, 183—184, 197—188, 190—191, 196, 201, 205—206, 223, 241, 247, 259, 263—264, 268, 270, 278, 300, 318, 341—342, 351—352, 398, 400, 421, 423, 425, 465, 469—470, 472, Лин 173
- Ленское море 307, 316, 371, 462
- Лобуя 200
- Лонга пролив 443
- Лырмиф 365, см.: Сахалин
- Лэр 365, см.: Сахалдин
- Любань 56
- Любытино 56
- Любятово 56
- Люлюваям 407
- Магадан 43, 50, 87, 183, 351, 356, 377, 384
- Маймакан 345,
- Майн'ай 226
- Майна 226,
- Майнн'ыпонн'ылвэгыргын 226
- Майнатгыр 226
- Малый Чаунский пролив 226, 243, 248
- Мама 407
- Мамур 354 примеч. 22, 357, 357 примеч. 27, Амур
- Мангазея 99—100, 102, 131, 134, 137, 173, 179, 181, 398, Мунгазея 131

Манинкан 376—377, 380
 Манмачин 352
 Мариинский пост 257, см.: Анадырь
 Марково 44, 258, 296, 299, 387
 Маркоинг 253, 297
 Марре-Сале 41 примеч. 13
 Марха 177—178
 Мархара 177
 Мархая 177
 Матуга 336
 Матыкиль 336
 Матиклей 376, см.: Мотыхлей
 Матыхлей 378, см.: Мотыхлей
 Маша 376—377, 379
 Мая 72, 200, 344—345, 408
 Медвежьи острова 247—248, 264, 439, 473
 Михалкино 44
 Млельвеем 226
 Млелповеем, Млельвеем 226
 Мома 71—72, 407
 Мотосу 376—377, 380
 Мотыклей 88, 221, 336, 345, 348, 372—373, 377—380, 381, 405, 409, 410, 435, Мотыхлей 328, 373, 375, 380, 435, см.: Амтиклей 336, см.: Матиклей 336
 Мунгазея 131, см.: Мангазея
 Мянгада-офора 353
 Наварин, мыс 313
 Наглейнын 217
 Наглейнынваам 90, 217, 226, 464
 Наканда 312, 314
 Нанабора (Энмаатгыр) 251, 307, 308—311, 314
 Нанандара 239, 256, 266, 312
 Наун 323
 Наякари 337 примеч. 13, см.: Наяхан
 Наяхан 221, 231, 336—337, 340, 382
 Нелога (Наглэйнынваам, верховья р. Раучуа) 69, 89—90, 215—222, 225—226, 228—230, 232, 234, 236, 247, 249, 251—252, 254, 266, 306, 431, 454, 466, см.: Нерога
 Нерога (Наглэйнынваам, верховья р. Раучуа) 90, 215—218, 220, 232, см.: Нелога
 Нерега 219
 Нелькоба 337, Нилькоба 337
 Нешкан 56
 Нимелен 410
 Нингай-бира 353
 Ния 345, 348, см.: Иня
 Новая Сибирь, остров 439
 Ново-Мариинск 257, см.: Анадырь
 Новосибирские острова 23, 114, 116, 264, 439
 Нума (Курейка) 143
 Нургань 217, см.: Нуэргань
 Нуэргань 419, см.: Нургань
 Ныда 137
 Ным-ным, остров 30, 439,
 Нюдма 345,
 Нюрба 71
 Нявленга 337, 405
 Нянгылбыя 200
 Обва 121
 Обдор 123, Обдора 123, 160,
 Обдория 160
 Обь 112, 117, 121—123, 129, 131—132, 137, 140, 143, 157—160, 162—163, 397
 Оймякон, Омокон 37, 188—189, 200—201, 349, 375, 412, 472
 Ойра 337
 Ола 336, 338, 376, 435
 Олгуя 350
 Олёмма 201
 Оленёк 71—72, 186—187, 318—319, 464
 Олер 201
 Олозейка 191, 192, см.: Алазея
 Олой 350, 424
 Олокия 376, 379
 Ольхон, Олхон 146
 Оля (Арктическое побережье) 183, 351, 466; (Охотское побережье) 350, см.: Уля
 Олюгандона 350, Улгандона, см.: Анной
 Олютоваям 437
 Олюторка 260—262, 292, 437, Олютора 262, 289
 Олюторский мыс и полуостров 262, 292, 313, 437
 Омня 408—409
 Омокон, Оймякон 189, 200

Омолой 22, 202, 319
 Омолон 22, 46, 202—203, 222, 227, 257, 267, 273, 319, 324, 350, 424, 428
 Омур 354, см.: Амур
 Онга 183
 Ангара 146, см.: Ангара
 Онон 125, 154, 322
 Онотора 333
 Оной 197, 463, см.: Анюй
 Ордос 167
 Орегон 208, см.: Аниан
 Оркон (Орхон) 20
 Орхон, см.: Оркон
 Островное 441—442
 Охота, река 187—189, 200, 320, 323, 325—326, 334, 345—346, 348—349, 351, 373, 375—376, 378—381, 399, 402—412, 435, 466, 472
 Охотск 320, 329—330, 340—341, 343—345, 348, 351, 370, 372—374, 380, 403, 432—433, 435, 463, 474
 Ою 352, см.: Уй
 Павылон 203
 Паляваам 178, 217, 252, 306
 Паратунка 35
 Парень 221, 231, 405
 Пахача 60, 235, 244—245, 249—250, 462
 Певек 304, 430
 Пегтымель 234, 245, 250—251, 310, 315, 466, Пейтумлен 251
 Пейтумлен 251, см.: Пегтымель
 Пеженка 52, 244, 338, 467
 Пеледон 178
 Пеледуй 178, 469
 Пенжена 369, см.: Пенжина
 Пенжень 375, см.: Пенжина
 Пенжин 323, см.: Пенжина
 Пенжина 31, 50, 52, 199, 228, 244, 257, 265—266, 273, 280, 316, 320—321, 323, 326—327, 329, 338, 367—368, 370—371, 428, 432, 434, 437, 467, см.: Пенжена, Пенжень, Пенжин, Пенжон
 Пенжон 320, см.: Пенжина
 Пилахуэрти-Нейка 226—227, 234,
 Пильгурти-Кувейти-Нейка 227,
 Пильхуэрти Нейка 230—231
 Погынден 235, 244
 Погыча (Пучевеем) 91—92, 186, 191, 216, 235—247, 249—252, 254, 266, 301, 306, 312, 432, 462, 466
 Попигаи 204
 Поярко 303, см.: Шелагский мыс
 Пугуджэнь 143, Иргыш
 Пур 131—132
 Пучевеем 91, 242—244, 466, см.: Погыча
 Пыльвынтыкуйвын 232
 Пыльвынты-Нейка 232
 Пьяная 318—319
 Рама 320, см.: Лама
 Рауча 90, 217, 219, 228, 229, 231, 232, 466
 Ратманова остров 446
 Рогдойка 379
 Рыркайпий 449
 Сабадей (Айон) 297, 298, Заседей 298, Айон
 Самар (Самарово) 158
 Санникова земля 45
 Сахалин 353, 356, 359, 362—366, 492, 513, Тро-миф 365, Лырмиф 365, Лэр 365
 Сахалин-ула 353, 356, 359, см.: Амур
 Святой нос 241, 247, 263, 320, 325, 327—328
 Селенга 20, 322
 Селимба 417
 Сердце-камень, мыс 239, 314, 449
 Сивирью 187, 266
 Сиглан 339, 341, 349, Асиглан 339, Уегина-ваем 339
 Силкар (Шилка) 355, 359
 Симса залив 23, 101—108, 111—113, 115, 116
 Собачья 185—189, 191, 200, 236
 Сосьва, Сосва 159
 Срединный хребет 371
 Сугой 339
 Сунгари 217, 323, 359, 414, 417
 Сунтар 71, 72
 Сухой Анюй 197

Сым 129, 163
Сынья 163
Таванка (Таватум?) 340, 368, 372
Таватама 340, см.: Таватум
Таватум 320, 339, 340, 368, 372, Таватама 340
Тавуй 323, 340, см.: Тауй
Тадуй 320
Таз 131, 132
Таин камень 328
Тайгонос 268, 321, 325, 327—329, 331, 338, 341, 369, 371, 467, Тайгонос 340, Тайгучин 328
Тамур 359, см.: Амур
Тастах 19, 188, Толстак 19, 283
Татарский пролив, 274, 309, 364, 366
Тауй 199, 320, 326, 332, 340, 341, 342, 372—375, 378, 379, 383, 402, 404—412, 437, 474, Тавуй 323, 340, см.: Товой 320, Товуй 340, 373, 376, 378, Тоуй, Тавуй, Тогуй 340, 373, 375, Тугуй 375; Дирыга, Дирымда, Дирыдна, Кутана-амар, Кава
Тауйск 340, 373
Тача 318, 319
Телпель 376, 380
Тесь 128
Тигиль 262, 288—290
Тикиген 439, 443, 444, 454
Тикон 146
Титем 173
Тобол 139
Тобольск 160, 179, 181, 318
Товой 320, см.: Тауй
Товуй 340, 373, 376, 378, см.: Тауй
Тогуй 340, 373, 375, см.: Тауй
Тодуй 323
Толстак 19, 283, Тастах
Тома 399
Томлякис 377, 380
Томпо 71, 204
Тоуй 340, 346, 373, 378
Тро-миф 365, см.: Сахалин
Туба 143
Тугуй 375, см.: Тауй
Тугур 352, 400—403, 407, 409, 410, 436
Туобуя 205
Турухан 131—132
Туруханск 100, 132
Турухань 398
Тылгыны 205
Тым 129, 163
Тын 163
Тытыль 257
Тюкчи 346
Тюмень 479, 488, 491
Тюнг 205
Тянга 353
Тяня 411
Тяхун-офоро 353
Уда 346, 403, 406—408, 410
Уега 341, 349, 410, 464
Уегина-ваем 339, см.: Сиглан
Узури 417, Уссури 323, 418
Уй 345, 411, по Ою 252
Ука, Ока 145
Укапан (скала Фэрүэй) 386, 388, см.: Акибьян
Укал 376, 377, 380
Уксичан 36
Улахан Буотобуя 198
Улбетъ 379
Улбуй 376
Улгандона 350
Уле-бира 352, 353
Улей (Улья) 350, см.: Улья
Улкондон 346, 347, 349, 357
Ульба (Ульбея) 345, 348, см.: Ульбея
Ульбея 49, 50, 340, 347, 349, 350, 376, 379, 403, 410, 466, Ульба 345, 348
Улья 49, 313, 318, 345, 350, 376, 378, 403, 404, 406—408, 410, 466, Улей 350
Ульякан 376
Улювээм 251, 310
Умкилир 445
Умтрентул 376, 377, 380
Унда 154
Уптар 341
Урак 351, 403, 410, Урака 346, 351
Урака 346, 351, см.: Урак
Усть-Белая 228
Утаень 320, 325—327, 329, см.: Тайгонос
Учур 406

- Уэле 205
Уэлен 315
Фаддея Остров 23, 101—107, 112—117
Федотовщина 44
Фитуга 353
Фомы мыс 450, 452
Хабур, 361, см.: Габур
Хатырка 313
Хачимчер 205
Хеверен 384, 386—388, Хеуверен 384, 386, 387, Хеврен 386, 388
Хета 128
Хеуверен 384, 386, 387, Хеуверин 385, Хеверень 386
Хилок 322
Хрома 319
Хромая 318, см.: Хрома
Хуата 251, см.: Ковыча, Кувет
Хувсугул, Хубсугул 20—22, Косогор 20, 22
Хэсаля, мыс 41
Цихик-алан 353
Чаан 295, 296
Чаан'ай 295
Чабча 345
Чававаам 295, 296
Чайбуха 341, 342, 383
Чаломлян 376, 378, 380
Чандон 239, 266, 312, 313, см.: Чендон, Чондон
Чаун 63, 92, 216, 225, 226, 228, 230, 236, 242, 243, 247, 249, 295, 296—298, 301—304, 423, 439, 445, 453
Чаунская губа 295
Чейнеканской нос 352
Чендон 20, 29, 218, 222, 229, 244, 265—268, 274, 312—314, 320, 321, Чандон 239, 266, 312, 313, Чондон 20, 29, 201, 218, 229, 265—268, 467, Чудон 320
Tsdona ofte Damaste revier 274, см.: Чендон
Четырехстолбовой 247—248, 439
Чикой 322
Чиркол (Шилка?) 354, 355
Чона 173
Чондон 20, 29, 201, 218, 229, 265—268, 467, см.: Чендон, Чандон, Чюндона
Чонкуя 203, 205
Чудон 320, Чендон 20, 29, 218, 222, 229, 244, 265—268, 274, 312—314, 320, 321, Чулдань 323, Чюндон 229
Чукча, река 44, 205, 281
Чукочьа 204
Чулук 301, 302
Чулым 143
Чуя (Зея?) 355, Зея 411, Джи 355
Чюндона, река 18, 215, 218, 219, 266, 325
Шалаурова остров 442,
Шангар (Сунгари) 323, Шонгия 323
Шелагский мыс 299, 301, 303, 304, 309, 314, 315, 440, 449, Поярко 303
Шилка 355, 359, Шилга, Шилька 360, Силкар 355, 359
Шилкапта 377, 379
Шилька (Шилка) 360, см.: Шилка
Шингал (Сунгари) 323, см.: Шангар, Шингал, Шонгия, Шунгал
Шингал 323, Сунгари 217, 323, 359, 414, 417
Шиш 128
Шонгия (Сунгари) 323, см.: Сунгари, Шангар, Шингал, Шунгал
Шукилкан 376, 377, 380
Шунгал (Сунгари) 418, см.: Сунгари, Шангар, Шингал
Ытык-Кюэль 36
Эйик 36
Эквиатап 449
Энматгыр 310
Элергытгын 201
Эльгыгытгын 30, 252, 258
Эмери 358, Эмори 360, Эмури 355, Емур 357—358, Эмур
Энмаатгыр 30, 238, 251, 252, 258, 312, 314—315, 333 примеч. 12
Энмываам 49, 255, 256, 427, 466
Энурмино 438
Эрвеем 334, Эрвзем 34
Эрдыш 124, 129, см.: Иртыш
Эрцис 128, см.: Иртыш
Эрвзем 334

Эрри 264, 299, 301, 315, 440, 449, 450
 Эссо 334
 Эссовеем 334
 Этыргэн 333
 Юанко, озеро (Эльгыгытгын) 258
 Югра Закаменная 122
 Югра Подкаменная 122
 Юдома 345
 Юнома 345, см.: Юдома
 Яблени-даба (Яблоновый хребет) 155
 Яблон, Яблонная река 19, 155, 283
 Яблоновый хребет 19, 155, Яблени-
 Дабa 155
 Якан, мыс 264, 435, 441—442, 448—
 449, 453
 Яма 50, 267, 342, 368, 372, см.: Емова
 Ямур 358, 360, см.: Амур
 Яна 89, 120, 134, 176, 182—184, 186,
 220, 259, 263—264, 267, 318—319,
 336, 342, 350, 403, 421—422, 424,
 428, 466—468, Янга, Яня 259, Вян-
 ское устье (устье Яны) 183
 Янга (Яна, Арктическое побережье)
 183, 185
 Янранай 220
 Яровая 334

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ НАРОДОВ И НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

- айваны, айгваны (чаплинские эскимосы) 446,
айны, айнский язык 35, 84, 279, 288, 290
айванальыт (чаплинские эскимосы) 446
акнемила (приморские чукчи-ангкальыт) 215, 218,
аллоторцы, аллоторский язык 262, 292, 293, 338, 348, 383, 399, 433, 437, 438
анаулы (группа юкагиров) 317, 426, 427, 453, 467, 473
ан'к'альыт (приморские чукчи) 91—92, 217, 223, 247, 303, 452, 453, 457
ачаны 417, ачанцы 417
биячи 412
бирарытегов род, (Бирар тэгэ — эвенкийский род Бирар) 347, 403
буряты, бурятский язык 64, 66, 74, 140, 141, 148, 150, 153, 155
вадул (тундренные юкагиры) 421, 423
вогуличи см.: манси 99
выяканы 346, 347, 373
гиляки 65, 323, 326, 349, 352, 356, 359, 417, 418, 420, 436, 437
гогули 417, 420
гольды 420
дагуры, дагурский язык, дауры 362, 415
дючеры 21, 22, 30, 414, 415, 418, 420
дючеры, дучеры, дучерское колено, дючерцы 415, 417, 418
евоены 394
эскимы (эскимосы) 458
жлады 412
икергаулы (йыкыргавылыт — эскимосы) 447
илконбеи (самоназвание негидальцев и части западных эвенов), илкан бэйэ, 385, 419,
иммалины (эскимосы островов Берингова пролива) 446
ительмены, ительменский язык 7, 8, 59, 65, 270—272, 274—278, 284, 285, 288, 289, 290, 291, 294, 295, 434
к'аарамкыт (эвены) 447
кавральыт, каврарамкыт, кавра-ремкит (кочующие чукчи-торговцы Восточной Чукотки) 447
калмыки, калмыцкий язык 21, 66, 67, 98—100, 126, 128, 426
камасинцы, калмажи, кангмажи, нгамэндри 76 примеч. 34
камчадалы, ханчал, хончало 30, 59, 260, 269—273, 275—279, 280, 282, 284—286, 288, 290, 294, 302, 434, 436
камчальыт, камчалг'о 272
кергаулы, икергаулы (йыкыргавылыт — эскимосы) 446, 447, 455
кереки, керекский язык 237, 292, 313, 433, 435, 438
кеты, кетский язык 126, 128, 130, 131, 136, 139, 140, 142, 390, 397
кирагульский язык (эскимосский) 443, 446, 447
китайцы, китайский язык 139, 359, 364, 390, 415, 416, 419
когимэ (группа юкагиров), 412, см.: кондызи, конииндзи
кондызи (группа юкагиров), 412, см.: когимэ 412, конииндзи 412
конииндзи (группа юкагиров) 412

- к'ончалг'о (ительмены) 277, 436
 к'ончалыт (канчаланские чукчи) 277
 коряки, корякский язык 7, 8, 23, 30, 33, 36—38, 48—50, 59, 60, 68, 74, 88, 92, 156, 170, 180—184, 194, 195, 198, 199, 205, 206, 218, 237, 238, 241, 242, 244, 245, 257, 262, 265—268, 270—273, 275—278, 280, 283—286, 288—296, 302, 319, 325—328, 331—343, 348—350, 352, 362, 376, 377—379, 383, 395, 396, 403, 405—407, 409, 410, 412, 422—425, 427, 428, 430—438, 445, 461, 466—468, 470—472
 кыкыкме, кыкыкмеи, кигин элят (кыгмилэ — эскимосы Аляски) 444
 манси, мансийский язык 98, 99, 100, 121, 128, 134, 136, 158, 162, 163, 175
 маньчжуры, маньчжурский язык 354, 359, 413—416
 монголы, монгольский язык 21, 43, 65—67, 74, 80, 86, 87, 99, 128, 129, 140, 142—144, 150—153, 181, 221, 355, 358—362, 394, 404, 415, 416, 426
 нанайцы, нанайский язык 7, 21, 40, 75, 216, 358, 382, 413, 414, 417—420, 471
 натки, нанки 60, 217, 218, 247, 417—420
 нганасаны, нганасанский язык 134, 142
 наттыла (ан'к'альа, оседлые приморские чукчи) 218
 негидальцы, негидальский язык 132, 196, 356, 382, 393, 395, 419, 423
 ненцы, ненецкий язык 8, 47, 74, 100, 102, 106, 113, 130, 132—137, 142, 143, 163, 175, 183, 383, 397, 398
 немила (оседлые чукчи, оседлые коряки), см.: акнемила 218, 223
 нивхи, нивхский язык 7, 40, 48, 65—67, 84, 359, 362, 365, 366, 383, 393, 404, 418—420, 461
 нымыльыт, нымыльа, нымылга (оседлые коряки, оседлые чукчи?) 63, 218, 435, namollo 218, 302
 опен (легендарный прародитель тунгусов, по имени которого назван этнос) 394
 огочолы 346, 347, 373
 орачил (эвены), орочолы 347, 395, 457
 одул (лесные, или колымские, юкагиры) 293, 421, 423, 427
 оеки (ак'оякылг'о — оседлые коряки Западного Приохотья) 30, 409, 468
 олвытвальыт (коряки-алюторцы) 338, 438
 Опен (легендарный прародитель эвенов) 394
 ороки, орокский язык 413, 471
 орочены 347, 395, 396
 орочи, орочский язык 51, 382, 396, 419, 471
 остяки, остяцкий язык, см.: ханты 98—100, 137, 140, 158—160, 398, саха 59, 71, 72, 89, 182, 304, 421, 425, 426
 си 394
 сяньби 390
 татары, татарский язык 57, 97—100, 128, 133, 140, 143, 144, 156, 159, 163, 281, 366, 398, 399
 товуданы (группа юкагиров?) 346, 347, 357, 373, 404, 409
 тунгусы 65, 72, 75, 76, 80—83, 85—87, 103, 133, 135, 137, 140, 142, 146, 150, 151, 166—168, 187, 189, 221, 289, 304, 333, 343, 345—347, 349, 356, 357, 373, 378, 380, 382, 393, 394, 396—402, 406, 407, 411, 412, 422, 435, 436
 увани (эвены?) 390
 Удэгейцы, удэгейский язык 33, 40, 54, 174, 176, 358, 382, 420, 471
 ульчи, ульчский язык 7, 21, 51, 358, 382, 417—419
 хакасы 65, 132
 ханты, хантыйский язык 99, 100, 108, 121, 128, 129, 135, 136, 140, 158, 159, 162, 163, 272
 Ханчалан (эвенская патронимия корякского происхождения) 278

- хевенба 390
 хи 394
 ходынцы (группа юкагиров) 266, 426—428, 431, 432, 453, 467, 473
 Ходьяло (эвенская патронимия (юкагиро-чукотского происхождения?) 428
 храхаи, хряхи, хроха (акоракылыгыт, безоленные — приморские чукчи или эскимосы) 435, 439, 440 445, 468
 хэжэ (нанайцы) 420
 чаалыгыт (чаунские чукчи) 298, 299, 303, 427
 чаача (оленные чукчи) 430
 чавчыв (оленные чукчи) 92, 242, 247, 292, 298, 303, 409, 410, 427, 430, 434, 452
 чагчибал, чайчибал (оленные коряки) 342, 347
 чувчыв (оленные чукчи острова Айон и Западной Чукотки) 430
 чулчэ (оленные чукчи Западной Чукотки) 430
 чахары (подразделение монголов) 426
 чандадул 411, чемдал 411 (территориальные группы эвенков)
 чжурчжэни, чжурчжэньский язык 413, 414, 416
 чуванцы (группа юкагиров), «чауаджан или чавача» 304, чаваны 203, 295—300, 302, 304, 426—428, 434, 453, 457, 467, 471, 473
 чукчи, чухчи, чоухчи, чукчи, чукотский язык 7, 8, 30, 31, 33, 36, 37, 43, 48, 49, 56, 59, 60, 67, 68, 82, 91, 92, 95, 108, 166, 169—171, 180—182, 184, 186, 187, 189—191, 193, 194, 196—201, 204—206, 211, 217, 218, 220, 222—225, 230, 234, 237, 241—244, 246, 247—249, 251, 252, 255, 257, 262, 264, 266, 267, 271, 272, 277, 279, 281, 282, 285, 288, 289—305, 311, 313, 315, 327, 331—333, 335, 339, 340, 342, 348, 350, 357—360, 370, 378, 383, 385—389, 392—404, 406—412, 414, 422, 424, 425, 427—457, 464, 465—473
 шелаги (западная группа чукчей) 30, 225, 299—305, 315, 444, 468, 471, 473
 шолилау (чульылэ, чаунские чукчи — название чуванцев у юкагиров) 63, 302
 быакэт («дальние») 96, 412, 422, 425, 468
 эвенки, эвенкийский язык 7, 30, 33, 51, 59, 61, 64—66, 68, 73—76, 80—83, 90, 93, 94, 100, 103, 104, 128, 130—137, 141, 142, 148, 149, 151, 152, 154, 156, 166, 167, 170, 171, 174—180, 182, 184, 185, 187, 188, 196—201, 204, 220, 267, 268, 303, 331—333, 341, 343, 347, 354, 357—360, 363, 377, 378, 380, 390—416, 419, 421—426, 457, 465, 466, 469, 471, 472
 эвены, эвенский язык 7, 8, 33, 36, 40, 50, 55, 61, 62, 64, 68, 71, 72, 74, 81, 82, 87, 88, 103, 120, 121, 132, 148, 166, 170, 171, 174, 176, 178, 180, 183, 185, 192—194, 196, 199—201, 204, 219—221, 225, 226, 230, 267, 276, 278, 288, 293, 294, 326, 331—339, 341—343, 347—382, 390—396, 399—412, 421, 422, 425, 435, 436, 447, 455, 456, 464, 468, 469, 471, 472
 энцы, энецкий язык 74, 142, 186
 эскимосы науканские, эскимосский язык 444, 447
 эскимосы, эскимонцы 458, эскимы 458, эскимосский язык 7, 33, 40, 56, 68, 88, 134, 166, 242, 292, 315, 332, 339, 341, 347, 349, 384, 386—388, 422, 435, 444—447, 450, 452, 453, 455—458, 468, 473, 474,
 юкагиры, юкагирский язык 7, 8, 37, 50, 59, 68, 81, 89—94, 96, 168, 170, 174, 177, 178, 181, 182, 188, 190—193, 197, 198, 203, 206, 219, 220,

223—225, 229, 230, 235, 238, 241,
244, 245, 247, 252, 255, 256, 266,
272, 288, 289, 293, 296—300, 302,
304, 312, 339, 347, 349, 392, 404,
412, 420—425, 427, 428, 430, 431,
444—446, 453, 455, 456, 467, 469,
472

якуты, якутский язык 7, 33, 37, 40,
55, 59, 68, 72, 73, 85—87, 89, 96,
103, 120, 133, 140, 152, 156, 171,
173, 174, 177—180, 182, 184—186,
192, 194, 196, 201, 203, 206, 216,
244, 262, 264, 272, 304, 312, 314,
337, 339, 351, 362, 394, 396, 398,
401, 409, 420—423, 425, 426, 435,
436, 439, 470, 472

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамова, Круглова, 2008: *Абрамова Н. Г., Круглова Т. А.* Вспомогательные исторические дисциплины. М., 2008.
- Аветисов, 2003: *Аветисов Г. П.* Имена на карте Российской Арктики. СПб., 2003.
- Агеева, 1985: *Агеева Р. А.* Происхождение имен рек и озер. М., 1985.
- Агеева, 1989: *Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
- Агеева, 1990: *Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
- Агеева, 2000: *Агеева Р. А.* Какого мы роду-племени? Этнолингвистический словарь-справочник. М., 2000.
- Аккуратов, 1984: *Аккуратов В. И.* Лед и пепел. М., 1984.
- Акты исторические... 1841—1842: Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. I—V. СПб., 1841—1842.
- Алексеев А. И., 1966: *Алексеев А. И.* Колумбы росские. Магадан, 1966.
- Алексеев А. И., 1970: *Алексеев А. И.* Сыны отважные России. Магадан, 1970.
- Алексеев А. И., 1987: *Алексеев А. И.* Береговая черта. Магадан, 1987.
- Алексеев А. И., 2003: *Алексеев А. И.* Любовь. Амур. Счастье. Петропавловск-Камчатский: Камчатское отделение Рус. геогр. о-ва, 2003.
- Алексеев А. Н., 1996: *Алексеев А. Н.* Древняя Якутия. Железный век и эпоха Средневековья. Новосибирск, 1996.
- Алексеев В. П., 1986: *Алексеев В. П.* Об историческом взаимодействии дальневосточных и восточноазиатских монголоидов // Вестник РАН. 1986. № 6. С. 83—91.
- Алексеев В. П., Гохман, 1984: *Алексеев В. П., Гохман И. И.* Антропология Азиатской части СССР. М., 1984.
- Алексеев Д. А., Новокшионов, 1988: *Алексеев Д. А., Новокшионов П. А.* По следам «тайнственных путешествий». М., 1988.
- Алексеев М. П., 1932: *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т. I. Иркутск: Крайгиз, 1932.
- Алексеев М. П., 1941: *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. 2-е изд. Иркутск, 1941.
- Алишина, Рахимбаев, 2010: *Алишина Х. Ч., Рахимбаев С. З.* «История Сибири» Г. Ф. Миллера как источник изучения ономастики // Вестник Тюменского ун-та. 2010. № 1. С. 250—254.
- Алкин, 2011: *Алкин С. В.* Проблема раннего появления тунгусо-маньчжур на территории Восточного Забайкалья // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 3—4.
- Ангархаев, 2002: *Ангархаев А. Л.* Этимологическое исследование древнемонгольских онимов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2002.

Ангархаев, 2003: *Ангархаев А. Л.* Этимологическое исследование древне-монгольских онимов. Новосибирск, 2003.

Ангархаев, 2005: *Ангархаев А. Л.* Происхождение монгольских народов в свете мифопоэтических традиций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2005.

Ангархаев, 2006: *Ангархаев А. Л.* Историко-культурные связи монгольских народов в языковых и мифопоэтических традициях Центральной Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2006.

Андреев, 1960: Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. 2-е изд. Л., 1960.

Андреев, 1965: *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965.

Андреевич, 1887: *Андреевич В. К.* Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года. СПб., 1887.

Андриенко, 2002: *Андриенко Л. С.* Особенности комплектования этнографической коллекции в отдаленных северных регионах // Этногр. единство и специфика культур. Материалы Первых Санкт-Петербургских этногр. чтений. СПб., 2002. С. 137—138.

Аникин, 2000: *Аникин А. Е.* Из лексического комментария к русской колонизации Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2000. № 4. С. 74—76.

Антропонимика, 1970: Антропонимика. М., 1970.

Арсеньев В. К., 1955: *Арсеньев В. К.* В горах Сихотэ-Алиня. М., 1955. Электронное издание.

Арсеньев Ю. В., 1882: *Арсеньев Ю. В.* Комментарии к кн.: Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этногр. Т. X, вып. 1. СПб., 1882.

Арсеньев Ю. В., 1882а: *Арсеньев Ю. В.* О происхождении «Сказания о великой реке Амуре» // Изв. Рус. геогр. о-ва. 1882. Вып. 4. С. 245—254.

Арутюнов, 1983: *Арутюнов С. А.* [Рецензия] // Советская археология. 1983. № 4. С. 257—258. Рец. на кн.: С. А. Федосеева. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980.

Арутюнов, Крупник, Членов, 1982: *Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.* «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.

Асмолов (Б. г.): *Асмолов К.* «Антиревизионизм» — Логические ошибки / ошибки в доказательном аппарате: [Электронный ресурс]. URL: <http://actual-history.ru/polemics-antirevizionizm-12>

Багдарыин Сюлбэ, 1985: *Багдарыин Сюлбэ* (Иванов М. С.). Топонимика Якутии. Якутск, 1985.

Багдарыин Сюлбэ, 2004: *Багдарыин Сюлбэ* (Иванов М. С.). Топонимика Якутии. 2-е изд. Якутск, 2004.

Багров, 1917: *Багров Л.* История географической карты. СПб., 1917.

Багров, 2004: *Багров Л.* История картографии. М., 2004.

Багров, 2005: *Багров Л.* История русской картографии. М., 2005.

Бадигин, Зубов, 1953: *Бадигин К. С., Зубов Н. Н.* Разгадка тайны земли Андреева. М., 1953.

Балабанов, 1977: *Балабанов В. Ф.* В дебрях названий. Географические названия Забайкалья. Иркутск, 1977.

- Барандеев, 2010: *Барандеев А. В.* История географических названий. Русская топонимия в терминах. М., 2010.
- Барболина, 2006: *Барболина А. А.* Топонимика Таймыра. Красноярск, 2006.
- Барболина, 2009: *Барболина А.* Таймырская топонимика. Реки и озера // Факел Таймыра. 2006. № 5—6. www.nogilskgazprom.ru, 8 мая 2009 г.
- Баскаков, 1980: *Баскаков Н. А.* Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. М., 1980. С. 199—207.
- Баскин, 1949: *Баскин С. И.* Большой чертеж «Камчадальской земли» // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва, 1949. № 2. С. 226—230.
- Бауэрман: *Бауэрман К. И.* К вопросу об азиатском происхождении коряков // Северная Азия. 1928. Кн. 5—6. С. 117—124.
- Бахрушин, 1953: *Бахрушин С. В.* Якутия в XVII в. М., 1953.
- Белов, 1948: *Белов М. И.* Семен Дежнев. М., 1948.
- Белов, 1955: *Белов М. И.* Семен Дежнев. 2-е изд. М., 1955.
- Белов, 1973: *Белов М. И.* Подвиг Семена Дежнева. 3-е изд. М., 1973.
- Белов, 1975: *Белов М. И.* Роль Петра I в распространении географических знаний в России // Вопросы географии петровского времени. Л., 1975. С. 4—23.
- Белов, 1977: *Белов М. И.* По следам полярных экспедиций. Л., 1977.
- Белов, 1979: *Белов М. И.* Подвиг Семена Дежнева. М., 1979.
- Берг, 1946: *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М., 1946.
- Берг, 1962: *Берг Л. С.* История русских географических открытий. М., 1962.
- Бичурин, 1950: *Бичурин (Иакинф) Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950.
- Бичурин, 1991: *Бичурин (Иакинф) Н. Я.* Замечания на статью под заглавием «Шесть сцен Онокского пастуха» // Бичурин (Иакинф) Н. Я. Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма. Чебоксары, 1991. (Напечатано в «Москвитянине»). 1844. № 4. С. 330—337).
- Бичурин, 1991а: *Бичурин (Иакинф) Н. Я.* Кто таковы были монголы // Бичурин (Иакинф) Н. Я. Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991.
- Бичурин, 1991б: *Бичурин (Иакинф) Н. Я.* Отрывки из путешествия по Сибири // Бичурин (Иакинф) Н. Я. Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма. Чебоксары, 1991. (Впервые по частям напечатаны в альманахе «Северные цветы» (1832. С. 66—85) и журнале «Телескоп» (1833. Ч. 13. С. 559—571) под названиями «Байкал» (письмо к О. М. Сомову) и «Прогулка за Байкал». Второй раз напечатаны в «Русском вестнике» (1841. Т. 4. С. 74—94)).
- Богораз, 1934: *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 1. М.; Л., 1934.
- Богораз, 1991: *Богораз В. Г.* Восемь племен. Хабаровск, 1991.
- Болгурцев, Корякин, 2002: *Болгурцев Б. Н., Корякин В. И.* Русская Америка. Гидрографические исследования. СПб., 2002.
- Болдырев, 1986: *Болдырев Б. В.* Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках. Новосибирск, 1986.
- Болотин, 2001: *Болотин Д. П.* Происхождение дочерей // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 3. Благовещенск, 2001. С. 154—172.

Большой академический монгольско-русский словарь, 2002: Большой академический монгольско-русский словарь. Т. I—IV. М., 2002.

Бондарук, 1970: *Бондарук Г. П.* История формантного метода в топонимике // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970. С. 19—24.

Борисенков, Пасецкий, 1988: *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

Бородовский, 1904: *Бородовский Л.* Карта Дальнего Востока. Алфавитный указатель географических названий, помещенных на карте 1904 г. СПб., 1904.

Борщевский, 1985: *Борщевский В. Я.* Источниковедение истории СССР: Учебное пособие. Киев, 1985.

Боякова, 2001: *Боякова С. И.* Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии. Новосибирск, 2001.

Бродников, 2004: *Бродников А. А.* Вспомогательные исторические дисциплины: Программа лекционного курса. Новосибирск, 2004.

Булыгин, 1983: *Булыгин И. А.* Предмет и задачи источниковедения: Текст лекций. М., 1983.

Бурыкин, 1984: *Бурыкин А. А.* Древнейшие субстратные и адстратные компоненты в лексике тунгусо-маньчжурских языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Вып. 1: Тез. и докл. конф. М.: ИВ АН СССР, 1984, С. 20—23.

Бурыкин, 1987: *Бурыкин А. А.* Происхождение чередований начальных согласных в нивхском языке // Языки Сибири и Монголии. Новосибирск, 1987. С. 185—190.

Бурыкин, 1987а: *Бурыкин А. А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма // Лингвистические исследования 1987. Общие и специальные вопросы языковой типологии. М., 1987. С. 46—54.

Бурыкин, 1988: *Бурыкин А. А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера: Межвузовский сб. науч. трудов. Л., 1988. С. 136—150.

Бурыкин, 1989: *Бурыкин А. А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма. II // Лингвистические исследования 1989. Структура языка и его эволюция. М., 1989. С. 45—49.

Бурыкин, 1993: *Бурыкин А. А.* Чуванцы. Анадырь, 1993.

Бурыкин, 1996: *Бурыкин А. А.* Следы культуры эскимосов на Охотском побережье // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Вып. 4. СПб., 1996. С. 48—59.

Бурыкин, 1998: *Бурыкин А. А.* Нелога, Погыча, Ковыча — легендарные реки русских документов середины XVII века и современная карта Чукотки // Этногр. обозр. 1998. № 6. С. 79—88.

Бурыкин, 2000: *Бурыкин А. А.* [Рецензия] // Изв. РАН. Серия «Лит. и яз.». 2000. № 2. С. 69—73. Рец. на кн.: Кормушин И. В. Удыхейский (удэгейский) язык. М., 1998.

Бурыкин, 2000а: *Бурыкин А. А.* Эвенкийский географический термин ЛАМУ «море» в русских сибирских документах середины XVII века // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 2. Красноярск, 2000. С. 89—96.

Бурыкин, 2001: *Бурыкин А. А.* Великие реки Сибири (Лена, Индигирка, Колыма, Анадырь) // Русский язык в школе. 2001. № 4. С. 87—92.

Бурыкин, 2002: Бурыкин А. А. Миграции с востока на запад и проблемы этнокультурной истории народов побережья Северного Ледовитого океана // Северный археологический конгресс. Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 11—13.

Бурыкин, 2004: Бурыкин А. А. По тропам времен — без компаса и карты? // ЯЛИК. Языки. Литература. История. Культура. СПб.: СПбГУ, 2004. № 58. С. 10—11.

Бурыкин, 2004а: Бурыкин А. А. Федор Петрович Литке — исследователь этнографии ненцев // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Вып. 17. Тюмень, 2004. С. 210—218.

Бурыкин, 2004б: Бурыкин А. А. Этноархеология острова Врангеля (вопросы историографии) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. трудов. Алматы; Омск, 2004.

Бурыкин, 2005: Бурыкин А. А. Названия металлов в нивхском языке // Кюнеровские чтения (2001—2004): Краткое содержание докладов. СПб.: Кунсткамера, 2005. С. 177—185.

Бурыкин, 2005а: Бурыкин А. А. Проблемы этнографического изучения и задачи археологических исследований следов пребывания коренных жителей побережья Северного Ледовитого океана на Медвежьих островах // Интеграция археол. и этногр. исслед.: Сб. науч. трудов. Омск, 2005. С. 124—127.

Бурыкин, 2006: Бурыкин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона: Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири. СПб., 2006.

Бурыкин, 2008: Бурыкин А. А. Ричард Хаклюйт (1552—1616) и его издания как историко-этнографический источник // Кюнеровский сб.: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исслед.. Вып. 5: Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005—2006. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 37—43.

Бурыкин, 2011: Бурыкин А. А. Ритуал поклонения головам добытых животных и «праздник голов» у чукчей (опыт анализа разнохарактерных источников) // Праздники и обряды как феномен этнической культуры: Материалы Десятых Санкт-Петербургских этногр. чтений. СПб., 2011. С. 78—81.

Бурыкин, Решетов, 2002: Бурыкин А. А., Решетов А. М. [Рецензия] // Этнографическое обозрение, 2002. № 1. С. 168—172. Рец. на кн.: Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Этнолингвистический словарь-справочник. М., 2000.

Бутанаев, 1992: Бутанаев В. Я. Вопрос о самоназвании хакасов // Этногр. обозр. 1992. № 2. С. 63—69.

Бутанаев, 1992а: Бутанаев В. Я. Родится ли в споре истина? // Этногр. обозр. 1992. № 2. С. 52—76.

Бутанаев, 1995: Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакаско-Минусинского края. Абакан, 1995.

Буянтуев, 1951: Буянтуев Б. Р. К вопросу о происхождении названия «Байкал» // Изв. АН СССР. Серия «Геогр.». 1951. № 5. С. 51—52.

Важенин, 2002: Важенин Б. П. Новая гипотеза происхождения названия г. Магадан // П Диковские чтения. Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан, 2002. С. 294—295.

Важенин, 2003: *Важенин Б. П.* Магадан: к историческим истокам названия. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003.

Вануйто, 2003: *Вануйто Г. И.* Ненецкая антропонимия и топонимия Гыданского полуострова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

Вануйто, 2006: *Вануйто Г. И.* Топонимия Гыданского полуострова (на материале исследований ненецких топонимов): Научно-методическое пособие. СПб, 2006.

Василевич, 1946: *Василевич Г. М.* Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // Советская этнография. 1946. № 4. С. 34—49.

Василевич, 1949: *Василевич Г. М.* К вопросу о киданях и тунгусах // Советская этнография. 1949. № 1. С. 155—160.

Василевич, 1958: *Василевич Г. М.* Топонимика Восточной Сибири // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1958. Т. 90, вып. 5. С. 324—335.

Василевич, 1960: *Василевич Г. М.* Исторический фольклор эвенков. М.; Л., 1960.

Василевич, 1965: *Василевич Г. М.* Этноним саман-самай у народов Сибири // Советская этнография. 1965. № 3. С. 139—144.

Василевич, 1969: *Василевич Г. М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.). Л., 1969.

Василевич, 1970: *Василевич Г. М.* Этнонимы в фольклоре // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 25—35.

Василевич, 1974: *Василевич Г. М.* Антропонимы и этнонимы у народов уральской и алтайской семей, расселенных в Сибири (опыт картографирования) // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 296—302.

Васильев, 2001: *Васильев В. Л.* Новгородская географическая терминология. Ареально-семасиологические очерки. Великий Новгород, 2001.

Васильев, 2005: *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли. Великий Новгород, 2005.

Васильев, 2012: *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.

Васильева, 2003: *Васильева С. П.* Топонимическая картина мира Приенисейского Севера // Материалы XXXII Междунар. филол. конф. 11—14 марта 2003 г., Санкт-Петербург. Язык и ментальность. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 13—19.

Васильева, 2005: *Васильева С. П.* Русская топонимия Приенисейской Сибири: Картина мира. Красноярск, 2005.

Вахтин, Головкин, Швайтцер, 2003: *Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайтцер П.* Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое изд-во, 2003.

Вдовин, 1965: *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965.

Вдовин, 1972: *Вдовин И. С.* Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей // Этнич. ист. народов Азии. М., 1972. С. 99—113.

Вдовин, 1973: *Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.

Вернер, 2002: *Вернер Г. К.* Словарь кетско-русский и русско-кетский. 2-е изд., СПб., 2002.

- Веселовский, 1945: *Веселовский С. Б.* Топонимика на службе у истории // Ист. зап. Вып. 17. М., 1945. С. 23—53.
- Вестник Русского Географического Общества, 1853: Вестник Русского Географического Общества. 1853. Кн. VII, отд. 2. С. 17—21.
- Визе, 1948: *Визе В. Ю.* Русские полярные мореходы XVII—XIX веков. М.; Л., 1948.
- Викторова, 1980: *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980.
- Витсен, 1996: *Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664—1665. СПб., 1996.
- Витсен, 2009: *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария [CD-ROM] / Научный руководитель проекта Н. П. Копанева. Ханты-Мансийск; СПб., 2009.
- Витсен, 2010: *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / Пер. с голланд. В. Г. Трисман. Амстердам, Pegasus, 2010. Т. 1—3.
- Владимиров, 1938: *Владимиров Е. К.* К вопросу о происхождении названия реки Енисей // Изв. ВГО. 1938. № 2. С. 292—293.
- Володин, 1976: *Володин А. П.* Ительменский язык. Л., 1976.
- Володин, Халоймова, 1988: *Володин А. П., Халоймова К. И.* Словарь ительменско-русский и русско-ительменский. Л., 1988.
- Воробьев, 1983: *Воробьев М. В.* Культура чжурчженей и государства Цзинь. М., 1983.
- Воробьева, 1973: *Воробьева И. А.* Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973
- Воробьева, 1973а: *Воробьева И. А.* Язык Земли. О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск, 1973.
- Воробьева, 1977: *Воробьева И. А.* Топонимика Западной Сибири. Тюмень, 1977.
- Врангель, 1841: *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедицией, состоящей под начальством флота лейтенанта фон Врангеля. Ч. 1. СПб., 1841.
- Врангель, 1948: *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедицией, состоящей под начальством флота лейтенанта фон Врангеля. 2-е изд. М., 1948.
- Вспомогательные исторические дисциплины, 1988: Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория. Киев., 1988.
- Габышева, 1996: *Габышева Л. Л.* Функции иноязычных слов в фольклорных текстах // Язык—миф—культура народов Сибири. Вып. IV. Якутск, 1996. С. 3—9.
- Гагарин, 1843: *Гагарин С. П.* Всеобщий географический и статистический словарь. М., 1843. Т. 1—3.
- Галазий, 1987: *Галазий Г. И.* Байкал в вопросах и ответах. Иркутск, 1987.
- Галкина, 1969: *Галкина В. И.* Объяснения некоторых географических названий на Байкале // Атлас Байкала. Иркутск; М., 1969.
- Геденштром, 1830: *Геденштром М. М.* Отрывки о Сибири. СПб., 1830.
- Гельмерсон, 1876: *Гельмерсон Л.* К вопросу об открытии Врангелевой земли // Геогр. изв. 1876. Т. XII, вып. 6. С. 455—487.

Географические названия... 2006: Географические названия Республики Бурятия / Сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. Улан-Удэ, 2006.

Географический словарь... 1978: Географический словарь Амурской области. 2-е изд. Хабаровск, 1978.

Георги, 1775—1779: *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве проживающих народов, также их житейских обрядов, веры, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч. I—III. СПб., 1775—1779.

Герберштейн, 1988: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.

Гирфанова, 2001: *Гирфанова А. Х.* Словарь удэгейского языка. СПб., 2001.

Гоголев, 1993: *Гоголев А. И.* Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993.

Гоголев, 1997: *Гоголев А. И.* Река Лена в традиционной культуре якутов // Природа и цивилизация. Реки и культуры. СПб., 1997. С. 111—113.

Головачев, 2012: *Головачев В. Ц.* «Страна Нургань» и внешняя политика династии Мин в XIV—XV вв. // Общество и государство в Китае. Т. XLII, ч. 3 (Учен. зап. ИВ РАН. Отд. Китая. Вып. 7). М., 2012. С. 129—152.

Горбаневский, 1989: *Горбаневский М. В.* Из опыта культурно-исторического анализа топонимии: русские топонимы и православие // Топонимия и общество. М., 1989.

Григорян, 1975: *Григорян Э. А.* Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975.

Гриценко, 1968: *Гриценко К. Ф.* Названия рек и озер Якутии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1968.

Громов Л. В., 1941: *Громов Л. В.* Остатки древнего жилища на острове Врангеля // Проблемы Арктики. 1941. № 3. С. 75—77.

Громов Л. В., 1957: *Громов Л. В.* Следы старинного заселения на острове Врангеля // Летопись Севера. Т. II. М., 1957. С. 155—157.

Громов Л. В., 1960: *Громов Л. В.* Осколок древней Берингии. М., 1960.

Громов Л. В., 1961: *Громов Л. В.* Остров Врангеля. Магадан, 1961.

Громов П. В., 1908: *Громов П. В.* Материалы для истории Камчатских церквей // Православный благовестник. 1908, июль-август (выпуски не имеют помесечной нумерации). С. 208—232. Имеются отд. оттиски.

Громов П. В., 2000: *Громов П. В.* Историко-статистическое описание камчатских церквей. Слова и речи. Петропавловск-Камчатский, 2000.

Гурвич, 1966: *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966.

Гурулев, 1982: *Гурулев С. А.* Что в имени твоём, Байкал? Новосибирск, 1982.

Гурулев, 1989: *Гурулев С. А.* Реки Байкала: происхождение названий. Иркутск, 1989.

Гурулев, 2006: *Гурулев С. А.* Географические воззрения русских XVII века и их отражение в современной топонимике // Тальцы [Журнал]. 2006. № 2 (29). (www.pribaikal.ru)

Гурулев (Б. г.): *Гурулев С. А.* Топонимические параллели Сибири и Северной Америки (www.gurulev.ru).

Давыдова, 2003: *Давыдова Т. В.* Топонимика северных народов Сибири и Дальнего Востока России: Историографический аспект: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петропавловск-Камчатский, 2003.

Данзан, 1973: *Данзан Л.* Алтан Тобчи / Пер. и коммент. Н. П. Шастиной. М., 1973.

Дашибалов, 1995: *Дашибалов Б. Б.* Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1995.

Дегтярев, Дегтярева, Слепцов, 2005: *Дегтярев А. М., Дегтярева Р. Г., Слепцов Ю. А.* По родным местам (топонимы Момского улуса). Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005.

Дедахин, 2000: *Дедахин О. Ю.* Внешние связи народов Сахалина в VII—XIV вв. (обзор археологических и летописных материалов) // Учен. зап. Сахалинского гос. ун-та. 2000. Вып. 1. С. 13—23.

Дедахин, 2001: *Дедахин О. Ю.* Внешние связи народов Сахалина в VII—XIV вв. // Учен. зап. Сахалинского гос. ун-та. 2001. Вып. 2. С. 70—77.

Дедахин, 2003: *Дедахин О. Ю.* Известия о народах Амура и Сахалина в исторических документах XIII—XIV вв. // Учен. зап. Сахалинского гос. ун-та. 2003. № 3. С. 65—77. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIV/1360—1380/Yuan_si/text1.htm

Демин, 1996: *Демин М. А.* Использование метода устного опроса в ходе русской колонизации Северной Азии // Историческое краеведение: теория и практика. Материалы рос. науч.-практич. конф. Барнаул, 1996. С. 44—46. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ialtai.ru/ustnaya-istoriya-v-nauchnoj-i-uchebnoj-rabote/ispolzovanie-metoda-ustnogo-oprosa-v-hode-russkoj-kolonizacii-severnoj-azii-ma-demin/>.

Деопик, Членов, 1970: *Деопик Д. В., Членов М. А.* Топонимия и язык (к проблеме выделения субстратных топонимических ареалов) // Советская этнография. 1970. № 3. С. 62—73.

Деренко, Малярчук, 2010: *Деренко М. В., Малярчук Б. А.* Молекулярная филогеография населения Северной Евразии по данным об изменчивости митохондриальной ДНК. Магадан, 2010.

Джаксон, Молчанов, 1990: *Джаксон Т. Н., Молчанов А. А.* Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 21. М., 1990. С. 226—238.

Джангар, 1988: Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. Элиста, 1988.

Джангар, 1990: Джангар. Калмыцкий народный героический эпос. М., 1990.

Деревянко А. П., 1976: *Деревянко А. П.* Приамурье в древности (до начала нашей эры). Новосибирск, 1976.

Деревянко Е. И., 1981: *Деревянко Е. И.* Племена Приамурья. I тыс. н. э. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск, 1981.

Деревянко Е. И., 1990: *Деревянко Е. И.* Племена Приамурья в I тыс. н. э. Новосибирск, 1990.

Диков, 1969: *Диков Н. Н.* Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969.

Диков, 1979: *Диков Н. Н.* Древние культуры Чукотки и Камчатки. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979.

Дикова, 1983: *Дикова Т. М.* Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983.

Дмитриева, 2005: *Дмитриева Т. Н.* Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург, 2005.

Дмитриева, 2006: *Дмитриева Т. Н.* Топонимия бассейна реки Казым: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2006.

Долгих, 1960: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.

Долгих, 1961: *Долгих Б. О.* Мифологические рассказы и исторические предания энцев. М., 1961.

Дополнения к актам... 1846—1872: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1—12. СПб., 1846—1872.

Досмотр Ново-Селенгинского острога... 1882: Досмотр Ново-Селенгинского острога и его окрестностей, произведенный в 1673 г. тобольским сыном боярским Степаном Поляковым // Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этногр. Т. X, вып. 1. СПб., 1882. С. 162—163.

Древнетюркский словарь, 1969: Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дружинина, 1997: *Дружинина М. Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: Учебное пособие по русской диалектологии. А—В. Якутск, 1997.

Дугаров, 2000: *Дугаров Р. Н.* Саха (якутские) и хори (бурятские) этнопонимические параллели // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Четвертых Сибирских чтений. СПб., 2000. С. 99—102.

Дуткин, 1995: *Дуткин Х. И.* Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб., 1995.

Дыбо, Норманская (Б. г.): *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* К древнейшим самодийско-тунгусским лексическим связям (на материале слов, описывающих фауну) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iling-ran.ru/Normanskaya/potmanskaya/07.pdf>

Дьякова В. И., 1973: *Дьякова В. И.* Географическая терминология Воронежской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1973.

Дьякова О. В., 1996: *Дьякова О. В.* О времени и территории формирования тунгусо-маньчжурской общности (по данным археологии) // Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. «Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему». Владивосток, 1996.

Дьякова О. В., 2008: *Дьякова О. В.* Тунгусо-маньчжуры: этническая история и этногенез в археологических и этнографических ретроспекциях // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения. Владивосток, 2008. С. 61—70.

Дьякова О. В. (Б. г.): *Дьякова О. В.* К вопросу о характере укреплений поселков приамурских племен середины XVII века и значении нанайского термина гасян. [Электронный ресурс]. URL: <http://altaica.nm.ru/amur/gasyan.dhtml>.

Дьяконов, 1968: *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

Евстигнеев, 1994: *Евстигнеев Ю. А.* Исчезнувшие этносы (Этноисторический справочник). СПб., 1994.

Евстигнеев, 2005: *Евстигнеев Ю. А.* Исчезнувшие этносы (краткий этноисторический справочник). СПб, 2005.

Евсюкова (Б. г.): *Евсюкова О. Н.* К вопросу о происхождении топонима Магадан. [Электронный ресурс]. URL: <http://evcppk.ru/files/pdf/111.pdf>

Енисей и его притоки: Енисей и его притоки. Топонимический справочник. У таёжного костра. [Электронный ресурс]. URL: <http://taiga.nago.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=31>

Ермолова, 1996: *Ермолова Н. В.* Возвращаясь к тунгусской проблеме: поиск этнических истоков эвенков и новые предположения // Сибирь. Древние этносы и их культуры. СПб., 1996. С. 117—145.

Ефимов, 1948: *Ефимов А. В.* Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.

Ефимов, 1949: *Ефимов А. В.* О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII в. // Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 771—797.

Ефимов, 1971: *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.

Жамсаранова, 2001: *Жамсаранова Р. Г.* Топонимы этнического происхождения Восточного Забайкалья // Вначале было слово / Отв. ред. Л. М. Любимова. Чита, 2001. С. 20—23.

Жамсаранова, 2002: *Жамсаранова Р. Г.* Топонимия Восточного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2002.

Жамсаранова, 2004: *Жамсаранова Р. Г.* Этнокультурологический аспект в тунгусо-маньчжурских названиях с «рыбной» семантикой в топонимии Восточного Забайкалья // Тальцы. 2004. № 20. С. 15—19.

Жамсаранова, 2004а: *Жамсаранова Р. Г.* Топоним — языковой артефакт истории народа // Время в социальном, культурном и языковом измерении: Тез. докл. науч. конф. к 85-летию ИГУ. Иркутск, 2004.

Жамсаранова, 2005: *Жамсаранова Р. Г.* Географические имена собственные Восточного Забайкалья. Чита, 2005.

Жамсаранова, 2005а: *Жамсаранова Р. Г.* Материалы к региональному топонимическому словарю. Вып. 1. Чита, 2005.

Жамсаранова, 2006: *Жамсаранова Р. Г.* Микротопонимия селькупского происхождения в топонимии Восточного Забайкалья // Ономастическое пространство и национальная культура: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (14—16 сентября 2006 г.) / Отв. ред. Л. В. Шулунова. Улан-Удэ, 2006. С. 134—138.

Жамсаранова, 2007: *Жамсаранова Р. Г.* Примеры семантического переосмысления топонимов в топонимии Восточного Забайкалья // Язык, литература и культура в региональном пространстве: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. И. А. Воробьевой. Барнаул, 3—7 октября 2007 г. Барнаул, 2007. С. 30—37.

Жамсаранова, 2007а: *Жамсаранова Р. Г.* Региональный этноидеографический словарь топонимов: универсалии, принципы, особенности // «Мир русского слова и русское слово мира»: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Т. 2: Русская фразеология: тенденции развития. Варна, 2007. С. 414—421.

Жамсаранова, 2008: *Жамсаранова Р. Г.* Этнотопонимия самодийского происхождения в системе географических названий Восточного Забайкалья // Вестник Читинского гос. ун-та. 2008. № 6 (51). С. 83—89.

Жамсаранова, 2009: *Жамсаранова Р. Г.* Типологический анализ бурятско-селькупской терминологии родства // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 324 (июль). С. 22—25.

Жамсаранова, 2009а: *Жамсаранова Р. Г.* Этнонимы и генонимы хори-бурят. Лингво-ист. исслед. Чита, 2009.

Жамсаранова, 2010: *Жамсаранова Р. Г.* Диахронный аспект этнонимии Даурии // Урал—Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всерос. науч. конф., посвященной III Всемирному курултайу башкир. Уфа, 2010. С. 106—107.

Жамсаранова, 2010а: *Жамсаранова Р. Г.* Концепт «волк» этнонимии Даурии / Р. Г. Жамсаранова // Восточные языки и культуры: Материалы III Междунар. науч. конф. (25—26 нояб. 2010 г.). М., 2010. С. 64—67.

Жамсаранова, 2010б: *Жамсаранова Р. Г.* Концептосфера монгольской этнонимии в этнолингвистическом аспекте // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 7. С. 122—128.

Жамсаранова, 2010в: *Жамсаранова Р. Г.* Этнонимия Даурии в аспекте диахронного контактирования этносов // Вестник Читинского гос. ун-та. 2010. Вып. 10. С. 29—34.

Жамсаранова, 2010г: *Жамсаранова Р. Г.* Языковые корреляции в региональной субстратной топонимии как факт диахронного межъязыкового взаимодействия... // Гуманитарный вектор. Чита: ЗабГПУ им. Чернышевского, 2010. № 2 (22). С. 207—212.

Жамсаранова, 2011: *Жамсаранова Р. Г.* Генонимы тунгусов и инородцев-бурят Нерчинского уезда тюркского языкового происхождения (на материале ревизских описей XVIII—XIX вв.) // Сибирский филол. журнал. 2011. № 1. С. 142—150.

Жамсаранова, 2011а: *Жамсаранова Р. Г.* Концепт «лес/лесной» в этнонимии исторической Даурии // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. (№ 348). С. 19—23.

Жамсаранова, 2011б: *Жамсаранова Р. Г.* Концептосфера средневековой монгольской этнонимии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2011.

Жамсаранова, 2011в: *Жамсаранова Р. Г.* Явления конвергенции и трансференции в лексике бурятского и селькупского языков // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 3. С. 140—147.

Жамсаранова, Шулунова, 2003: *Жамсаранова Р. Г., Шулунова Л. В.* Топонимия Восточного Забайкалья. Чита, 2003.

Жевлов, 1984: *Жевлов М. А.* Топонимия Хакасско-Минусинской котловины (лингвистический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1984.

Жилин, 2008: *Жилин М. Я.* Новое о происхождении названия «Камчатка» // Камчатка: события, люди. Материалы XXV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2008. С. 93—95.

Жихарев, 1992: *Жихарев Н. А.* Повесть об Афанасии Дьячкове. Дьячков А. Е. Анадырский Край. Магадан, 1992.

Жукова А. Н., 1980: *Жукова А. Н.* Язык паланских коряков. Л., 1980.

Жукова Л. Н., 1996: *Жукова Л. Н.* Одежда юкагиров. Якутск, 1996 .

Жучкевич, 1976: *Жучкевич В. А.* Принципы использования топонимики при историко-географических разысканиях // Питання сучасної ономастики. Київ, 1976. С. 59—63.

Жучкевич, 1986: *Жучкевич В. А.* Общая топонимика. Минск, 1986.

Забелин, 1966: *Забелин И.* Встречи, которых не было. М., 1966.

Зализняк, 2009: *Зализняк А. А.* О профессиональной и любительской лингвистике // Наука и жизнь. 2009. № 1. С. 16—24; № 2. С. 54—62.

Зализняк, 2010: *Зализняк А. А.* О профессиональной и любительской лингвистике (происхождение слов и фантазии об истории) // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Седьмой межвузовский семинар по лингвострановедению. Языки в аспекте лингвострановедения: Сб. науч. ст.: В 2 ч. Ч. 1: Языки в аспекте лингвострановедения. М., 2010. С. 9—25.

Зализняк (Б. г.): *Зализняк А. А.* Об исторической лингвистике. [Электронный ресурс]. URL: <http://elementy.ru/lib/430714>, <http://elementy.ru/lib/430984>

Залкинд, 1937: *Залкинд Е. М.* Древние народы китайских хроник и эвенки: Хун-ну, Дун-ху, Сянь-би, Ши-вэй (обзор теорий) // Советская этнография. 1937. № 1. С. 68—79.

Записки русских путешественников... 1988: Записки русских путешественников XVI—XVII веков. М., 1988.

Захаренко, 2009: *Захаренко И. А.* История географического изучения и картографирования Дальневосточного пограничного пространства России и Китая: середина XVII—начало XX в.: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2009.

Захаров, 1875: *Захаров И. И.* Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.

Звездова, 2004: *Звездова Г. В.* Диалектический аспект изучения гидронимии как источник языковой, исторической, географической характеристики территории (на материале гидронимов Липецкой области) // Черноземье в лингвокультурном пространстве России (межрегион. сб. ст. по краеведению). Липецк, 2004. С. 20—26.

Звонков, 1996: *Звонков С.* Топонимика Иркутской области. Иркутск, 1996.

Золотарев, 1938: *Золотарев А. М.* Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века // Историк-марксист. 1938. № 2. С. 63—88.

Зориктуев, 1996: *Зориктуев Б. Р.* Прибайкалье в середине VI—XIII в. Улан-Удэ, 1996.

Зуев, 2002: *Зуев А. С.* Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия «Ист., филол.». Т. 1, вып. 3: История. Новосибирск, 2002. С. 14—24.

Зуев, 2002а: *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII—первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002.

Зуев, 2007: *Зуев А. С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007.

Иванов В. Л., 1979: *Иванов В. Л.* Архипелаг двух морей. М., 1979.

Иванов Вяч. Вс., 1982: *Иванов Вяч. Вс.* Кетско-американские связи в области мифологии // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982. С. 132—144.

Иванов Г. М., 1983: *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание. Томск, 1983.

Иванов Н. М., 2001: *Иванов Н. М.* Монголизмы в топонимии Якутии. Якутск, 2001.

Иллич-Свитыч, 1962: *Иллич-Свитыч В. М.* О принципах этимологического исследования топонимики // Питання топоніміки та ономастики. Київ, 1962. С. 216—218.

Имя и этнос, 1996: Имя и этнос. М., 1996.

Инэнликэй, 1987: *Инэнликэй П. И.* Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. Л., 1987.

Ионина, 2005: *Ионина Н. А.* Странствия Золотой Бабы // Сто великих сокровищ (Серия «100 великих»). М., 2005. С. 273—275.

Ириков, 1988: *Ириков С. И.* Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Л., 1988.

Исламова, 2009: *Исламова Ю. В.* Субстратная топонимия Нижне-Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009.

Историко-этнографическое описание... 1999: Историко-этнографическое описание народов Камчатки в трудах Г. В. Стеллера. // Краеведческие записки. Вып. 11 (Спец. вып.) / Подгот. текста, пер. ст. и примеч. З. Д. Титовой. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999.

Историческая ономастика, 1977: Историческая ономастика. М., 1977.

История Дальнего Востока, 1989; 1991: История Дальнего Востока. Т. 1. М., 1989; Т. 2. М., 1991.

История и культура коряков, 1993: История и культура коряков. СПб., 1993.

История и культура нанайцев, 2003: История и культура нанайцев. СПб., 2003.

История и культура эвенов, 1997: История и культура эвенов. СПб., 1997.

История открытия и освоения... 1956: История открытия и освоения Северного Морского пути. Т. 1. М.; Л., 1956.

История русской Америки, 1997: История русской Америки. Т. 1. М., 1997.

История Чукотки, 1989: История Чукотки. М., 1989.

Источниковедение истории СССР... 1973: Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1973.

Источниковедение истории СССР, 1981: Источниковедение истории СССР: Учебник. 2-е изд. М., 1981.

Источниковедение, 1969: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

Источниковедение, 1998: Источниковедение. Теория. История. Метод. М., 1998.

Казак тілінг түсіндірме создiгі, 1980: Казак тілінг түсіндірме создiгі. Толковый словарь казахского языка. Т. 5. Алма-Ата, 1980.

Казарян, 2002: *Казарян П. Л.* Присоединение бассейнов рек Яны и Индигирки к Русскому государству // Сибирская заимка. 2002. № 4. /www.zaimka.ru / Освоение Сибири /

Калинин, Фролов, 2000: *Калинин В. М., Фролов Н. К.* Обь // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. 2000. Т. 1. С. 290—291.

Калинин, Фролов, 2000а: *Калинин В. М., Фролов Н. К.* Иртыш // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. С. 381—382.

Калинина, 2008: *Калинина Е. Л.* Проблема концептуального содержания субстратных географических имен // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Филология. Журналистика». 2008. № 1. С. 58—60.

Калинина, 2009: *Калинина Е. Л.* Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника (на материале ойконимов Амурской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009.

Каменцева, 1979: *Каменцева Е. И.* История вспомогательных исторических дисциплин. М.: Моск. археол. ин-т, 1979.

Камчатский Ермак, 2011: Камчатский Ермак / Авт.-сост. и ред. М. Я. Жилин. Петропавловск-Камчатский, 2011.

Катионов, 1998: *Катионов О. Н.* История научно-картографического изучения Сибири и Дальнего Востока. XVII—начало XX в. Библиографический указатель литературы. Вторая половина XVII в.—1995 г. Новосибирск, 1998.

Кейметинов, 1994: *Кейметинов В. А.* Эвенские топонимы Якутии // Языки, культура и будущее народов Арктики. Якутск, 1994. С. 56—62.

Кейметинов, 1996: *Кейметинов В. А.* Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии. Якутск, 1996.

Кейметинов, 2000: *Кейметинов В. А.* По тропам тысячелетий (географическая лексика эвенского языка и топонимика как свидетельство специфической духовности предков современных эвенов). Якутск, 2000.

Кириллов, 1894: *Кириллов А.* Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск, 1894.

Кистенев, 1980: *Кистенев С. П.* Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 74—87.

Кистенев, 1992: *Кистенев С. П.* Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археол. исслед. в Якутии. Новосибирск, 1992. С. 68—83.

Клепикова, 1970: *Клепикова Г. П.* Из карпатоукраинской терминологии горного ландшафта // Местные геогр. термины. М., 1970. С. 60—69.

Ключевский, 1989: *Ключевский В. О.* Источниковедение: Источники русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 5—83.

Кляшторный, 1992: *Кляшторный С. Г.* О статье И. Л. Кызласова «О самоназвании хакасов» // Этногр. обозр. 1992. № 2. С. 59—61.

Книга Марко Поло, 1990: Книга Марко Поло. Алма-Ата, 1990.

Кобрин, Леонтьева, Шорин, 1984: *Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А.* Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984.

Кобрин, Леонтьева, Шорин, 1994: *Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А.* Ключи к тайнам Клии. М., 1994.

Ковалев Г. Ф., 1982: *Ковалев Г. Ф.* История русских этнических названий. Воронеж, 1982.

Ковалев Г. Ф., 1991: *Ковалев Г. Ф.* Этнонимия славянских языков: Номинация и словообразование. Воронеж, 1991.

- Ковалев Г. Ф., 2003: *Ковалев Г. Ф.* Этнос и имя. Воронеж, 2003.
- Ковалев С. А., 2011: *Ковалев С. А.* Тайны пропавших экспедиций. М., 2011.
- Ковальский, 1978—1979: *Ковальский Н. П.* Источниковедение истории Украины XVI—XVII вв. Ч. 1—4. Днепропетровск, 1978—1979.
- Колониальная политика Московского государства... 1936: Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII веке. Л., 1936.
- Колониальная политика царизма... 1936: Колониальная политика царизма на Чукотке и Камчатке в XVIII веке. Л., 1936.
- Колумбы земли Русской, 1989: Колумбы земли Русской. Хабаровск, 1989.
- Коми энциклопедия, 2006: Коми энциклопедия. 2006. Электронное издание.
- Конаков, 1999: *Конаков Н. Д.* Зарни-ань // Мифология коми. М., 1999. С. 159.
- Кондратов, 1983: *Кондратов А. М.* Была земля Арктида. Магадан, 1983.
- Косвен, 1962: *Косвен М. О.* Из истории этнографии коряков в XVIII веке // Труды ин-та этногр. АН СССР. Новая серия. Т. 78: Сибирский этногр. сб. Вып. 4. М., 1962. С. 276—291.
- Коцебу, 1981: *Коцебу О. Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1981.
- Красноштанов, 2008: *Красноштанов Г. Б.* Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 2008.
- Краткий обзор основных результатов... 1998: Краткий обзор основных результатов научных изысканий Бориса Петровича Полевого, лауреата премии С. И. Дежнева 1992 г. и С. П. Крашенинникова 1997 г. К 80-летию со дня рождения (23 мая 1998 г.). СПб., 1998.
- Крашенинников, 1949: *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.
- Крашенинников, 1994: *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Т. 1—2. СПб., 1994 (репринтное издание 1755 г.).
- Крейнович, 1955: *Крейнович Е. А.* Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели // Докл. и сообщ. Института языкознания АН СССР. 1955. № 8. С. 135—167.
- Крейнович, 1958: *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.; Л., 1958.
- Крейнович, 1980: *Крейнович Е. А.* Из истории заселения Охотского побережья // Страны и народы Востока. Вып. XX. М., 1980. С. 180—202.
- Кривошапкин, 1997: *Кривошапкин А. В.* Эвены. СПб., 1997.
- Криштофович, 1930: *Криштофович А. А.* Туземные географические имена на западном берегу острова Сахалина // Изв. Рус. геогр. о-ва. Т. LXII, вып. 3. 1930. С. 287—291.
- Крузенштерн, 2008: *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». СПб.: Ленинградское изд-во, 2008.
- Кручинина, 2004: *Кручинина А. В.* Семантическое пространство обско-угорской и самодийской этнонимии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004.
- Крыласова, 2008: *Крыласова Н. Б.* Учебно-методический комплекс по дисциплине «Вспомогательные исторические дисциплины». Пермь, 2008.

Крылов, 1909: *Крылов В.* Материалы для истории камчатских церквей. Казань, 1909. Состав издания: а) История камчатских церквей протоиерея Громова; б) Путевые журналы высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского за 1850—51, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1867 годы.

Куваев, 1962: *Куваев О. М.* Не споткнись о Полярный круг // Вокруг света. 1962. № 5. Электронная версия с документами в приложении / URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269082324

Куваев, 1975: *Куваев О. М.* Гора из чистого серебра // Ветер странствий. 1975. № 10. С. 63—67.

Куваев, 1988: *Куваев О. М.* Два цвета земли между двух океанов // Куваев О. М. Дневник прибрежного плавания. М., 1988.

Куваев, 1988а: *Куваев О. М.* Дневник прибрежного плавания. М., 1988.

Кулемзин, 2000: *Кулемзин В. М.* Золотая баба // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. С. 352.

Купер, 1970: *Купер П. Ф.* Остров затерянных. М., 1970.

Курилов Г. Н., 1968: *Курилов Г. Н.* О некоторых юкагирских топонимах // Советское финно-угроведение. 1968. № 1. С. 68—71.

Курилов Г. Н., 1990: *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Якутск, 1990.

Курилов Г. Н., 2001: *Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 2001.

Курилов Н. Н., 1999: *Курилов Н. Н.* Юкагирская топонимика Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Якутск, 1999.

Кусков, 1966: *Кусков В. П.* Был ли Федот Попов на Камчатке? // Вопросы географии Камчатки. 1966. Вып. 4. С. 94—100.

Кусов, 1989: *Кусов В. С.* Картографическое искусство Русского государства. М., 1989.

Кусов, 1993: *Кусов В. С.* Чертежи земли русской XVI—XVII вв.: Каталог-справочник. М., 1993.

Кусов, 2003: *Кусов В. С.* Памятники отечественной картографии. М., 2003.

Кусов, 2007: *Кусов В. С.* Московское государство XVI—начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007.

Кызласов, 1992: *Кызласов И. Л.* О самоназвании хакасов // Этногр. обозр. 1992. № 2. С. 52—59.

Кызласов, 1992а: *Кызласов И. Л.* Об этнонимах хакас и татар и слове хорай (ответ оппонентам) // Этногр. обозр. 1992. № 2. С. 69—76.

Кычанов, 1963: *Кычанов Е. И.* Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке // Изв. АН Кирг. ССР. Серия «Обществ. науки». Т. 5, вып. I. Фрунзе, 1963. С. 59—65.

Кычанов, 1980: *Кычанов Е. И.* Монголы в VI—первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 136—148.

Кычанов, 1993: *Кычанов Е. И.* Образ Китая в России XVII в. // Вестник Восточного ин-та. Т. 3, № 2 (6). СПб., 1993. С. 70—79.

Лабунец, 2007: *Лабунец Н. В.* Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта. Тюмень, 2007.

Левашов, 2000: *Левашов Е. А.* Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей. СПб., 2000.

Левашов, 2003: *Левашов Е. А.* Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий. СПб., 2003.

Левин, 1958: *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

Левин, 1961: *Левин М. Г.* Этнографические и антропологические материалы как исторический источник (К методологии изучения истории бесписьменных народов) // Советская этнография. 1961. № 1. С. 20—27.

Левкин, 2000: *Левкин Г.* Сколько имен у Амура? // Зап. Гродековского музея. Вып. 1: Археол. и этнол. исслед. российского Дальнего Востока. Хабаровск, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levking.ru/amurs.htm>

Леонтьев, 1982: *Леонтьев В. В.* Происхождение этнонима «чукчи» и слова «чаучу» // Краеведческие зап. Вып. XII. Магадан, 1982. С. 148—153.

Леонтьев, 1983: *Леонтьев В. В.* Этнография и фольклор кереков. М., 1983.

Леонтьев, 1986: *Леонтьев В. В.* Из истории происхождения названия «Камчатка» // Краеведческие зап. Вып. XIV. Магадан, 1986. С. 180—200.

Леонтьев, Леонтьева, 2009: *Леонтьев А. И., Леонтьева М. В.* Неведомые земли и народы Севера. М., 2009.

Леонтьева, 1997: *Леонтьева Г. А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997.

Леонтьева, Шорин, Кобрин, 2000: *Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б.* Вспомогательные исторические дисциплины. М., 2000.

Линденау, 1983: *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983.

Литке, 1948: *Литке Ф. П.* Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821—1824 гг. 2-е изд. М., 1948.

Лиштованная, 2008: *Лиштованная Т. В.* Этнокультурная и этноязыковая характеристики гидронимов Байкала // Вестник Иркутского гос. лингвист. ун-та. 2008. № 1. С. 21—26.

Ловягин, 1917: *Ловягин А. М.* Старинные русские географические карты. Пг., 1917.

Ломоносов, 1952: *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765 гг. М.; Л., 1952.

Луцкий, 1946: *Луцкий С. Л.* Остров Сахалин. М.; Л., 1946. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilp-p.narod.ru/sakhalin/ostrov/ostrov1.htm>.

Лыткин, Гуляев, 1970: *Лыткин В. И., Гуляев В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Магидович, 1957: *Магидович И. П.* Очерки по истории географических открытий. М., 1957.

Магидович И. П., Магидович В. И., 1982—1986: *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. 3-е изд. Т. I. М., 1982; Т. II. М., 1983; Т. III. М., 1984; Т. IV. М., 1985; Т. V. М., 1986.

Майдель, 1894: *Майдель Г.* Путешествие по Крайнему Северо-Востоку Якутской области в 1868—1870 гг. // Зап. Имп. Академии наук. Т. 74. Прилож. Вып. 3. СПб., 1894.

Макаров, Баташев, 2013: *Макаров Н. П., Баташев М. С.* Теория и практика археолого-этнографических реконструкций процесса этногенеза коренных народов Красноярского Севера // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2013. № 3 (23). С. 190—193.

Максимович, 1788—1789: *Максимович Л. М.* Новый и полный географический словарь Российского государства, или лексикон. Т. 1—6. М., 1788—1789.

Малолетко, 1992: *Малолетко А. М.* Палеотопонимика. Томск, 1992.

Малолетко, 1995: *Малолетко А. М.* Введение в географическую ономастику. Томск, 1995.

Малолетко, 1999: *Малолетко А. М.* Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 1: Предыстория человека и языка. Уральцы. Томск, 1999.

Малолетко, 2000: *Малолетко А. М.* Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 2: Кеты. Томск, 2000.

Малолетко, 2002: *Малолетко А. М.* Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 2: Кеты. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 2002.

Малолетко, 2004: *Малолетко А. М.* Географическая ономастика. 3-е изд., испр. и доп. Томск, 2004.

Малолетко, 2004а: *Малолетко А. М.* Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 3: Докаганатские тюрки. Томск, 2004.

Малолетко, 2005: *Малолетко А. М.* Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 4: Арии. Томск, 2005.

Малолетко, 2006: *Малолетко А. М.* Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 5: Сихиртя. Томск, 2006.

Малолетко, 2008: *Малолетко А.* «Обь» — и «вода», и «душа», и «мать» // Аргументы и факты. № 5 (353). Томск, 2008. 30 января.

Манжуева, 2003: *Манжуева Ю. Ф.* Гидронимия Циркумбайкальского региона: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2003.

Марков, 1948: *Марков С. Н.* Подвиг Семена Дежнева. М., 1948.

Марков, 1973: *Марков С. Н.* Вечные следы. М., 1973.

Марр, 1926: *Марр Н. Я.* К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории // Изв. Академии наук. 1926. С. 349—354.

Масленников, 1986: *Масленников Б. Г.* Морская карта рассказывает. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986.

Масюк: *Масюк Е. А.* Элементы содержательной базы курса «Природа и экология Красноярского края» // www.festival.1september.ru.

Матвеев, 1969: *Матвеев А. К.* Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология, 1967. М., 1969. С. 192—200.

Матвеев, 1973: *Матвеев А. К.* Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // Этимология, 1971. М., 1973. С. 332—355.

Матвеев, 1984: *Матвеев А. К.* От Пай-Хоя до Мугоджар. Названия уральских хребтов и гор. Свердловск, 1984.

Матвеев, 1986: *Матвеев А. К.* Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.

Матвеев, 1987: *Матвеев А. К.* Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987.

Матвеев, 1997: *Матвеев А. К.* Географические названия Тюменского Севера: Краткий топонимический словарь. Екатеринбург, 1997.

Матвеев, 2001; 2004: *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001; Ч. 2. Екатеринбург, 2004.

Матвеев, 2006: *Матвеев А. К.* Ономатология. М., 2006.

Матвеев, 2007: *Матвеев А. К.* Географические названия Свердловской области: Топонимический словарь. Екатеринбург, 2007.

Материалы для истории... 1908: Материалы для истории Камчатских церквей // Православный благовестник, 1908, июль-август (выпуски не имеют помесечной нумерации). С. 208—232.

Медушевская, 1954: *Медушевская О. М.* Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-й половине XVIII века // Труды Московского гос. ист.-архивн. ин-та. Т. 7. М., 1954. С. 95—127.

Медушевская, 1957: *Медушевская О. М.* Картографические источники XVII—XVIII вв. М., 1957.

Медушевская, 1977: *Медушевская О. М.* Теоретические проблемы источниковедения. Учебное пособие. М., 1977.

Медушевская, 1983: *Медушевская О. М.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983.

Медушевская, 1988: *Медушевская О. М.* История источниковедения в XIX—XX вв.: Учебное пособие. М., 1988.

Мейе, 1952: *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1952.

Мелихов, 1970: *Мелихов Г. В.* Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402—1413 гг.) // Китай и соседи в древности и Средневековье. М., 1970. С. 251—274. (Перевод Тырской стелы: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XV/1400-1420/Stela1410/text.htm>)

Мельников, 2001: *Мельников А. В.* Словарь народных терминов Дальнего Востока. Благовещенск, 2001.

Мельников, 2009: *Мельников А. В.* Географические названия Дальнего Востока России: Топонимический словарь. Благовещенск, 2009.

Мельников, 2009а: *Мельников А. В.* Словарь народных терминов Дальнего Востока. Благовещенск: ИГиП ДВО РАН, 2009.

Мельников, 2009б: *Мельников А. В.* Топонимический словарь Амурской области. Благовещенск, 2009.

Мельников, 2009в: *Мельников А. В.* Географические названия Дальнего Востока. Благовещенск, 2009. Электронное издание.

Мельников, Афанасьев, Коробушкин, 2004: *Мельников А. В., Афанасьев П. Ю., Коробушкин Н. Г.* Топонимика географических названий Амурской области. Благовещенск: АмурКНИИ ДВО РАН, 2004.

Мельников, Подмарев, Коробушкин, 1998: *Мельников А. В., Подмарев Е. Ф., Коробушкин Н. Г.* Словарь топонимов Амурской области. Благовещенск: АмурКНИИ; ГПИ Амургеология, 1998.

Мельхеев, 1961: *Мельхеев М. Н.* Географические имена. Топонимический словарь. М., 1961.

Мельхеев, 1969: *Мельхеев М. Н.* Географические названия Восточной Сибири: Иркутская и Читинская области. Иркутск, 1969.

Мельхеев, 1969а: *Мельхеев М. Н.* Топонимика Бурятии: История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, 1969.

Мельхеев, 1986: *Мельхеев М. Н.* Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск, 1986.

Мельхеев, 1995: *Мельхеев М. Н.* Географические названия Восточной Сибири. 2-е изд. Иркутск, 1995. www.predistoria.org

Мельцин, 2006: *Мельцин М. О.* Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2006.

Меновщиков, 1964: *Меновщиков Г. А.* Язык сиренинских эскимосов. М.; Л., 1964.

Меновщиков, 1975: *Меновщиков Г. А.* Язык науканских эскимосов. Л., 1975.

Меновщиков, 1980: *Меновщиков Г. А.* Язык эскимосов Берингова пролива. Л., 1980.

Мерзон, 1958: *Мерзон А. Ц.* Основные задачи критики источников. М., 1958.

Меховский, 1936: *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. www.myslencedrevo.com.ua, www.drevlit.ru.

Миллер, 1937—1941: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1—2. М.; Л., 1937—1941.

Миллер, 1996: *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996.

Миллер, 2005: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. М., 2005.

Миллер, 2006: *Миллер Г. Ф.* Известие о странах при реке Амуре лежащих, когда оныя состояли под Российским владением // Миллер Г.Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 329—374.

Милонов, 1963: *Милонов Н. П.* Значение топонимики для изучения истории края // Питання топоніміки та ономастики. Київ, 1963. С. 142—148.

Минеев, 1934: *Минеев А. И.* Пять лет на острове Врангеля. Хабаровск, 1934.

Минеев, 1936: *Минеев А. И.* Пять лет на острове Врангеля. Л., 1936.

Минеев, 1946: *Минеев А. И.* Остров Врангеля. М.; Л., 1946.

Миненко, 1981: *Миненко Н. А.* Очерки по источниковедению Сибири XVIII—первой половины XIX в. Новосибирск, 1981.

Минченко, 2006: *Минченко Т. П.* Проблемы истории православия на Камчатке // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 1 (52). Серия «Гуманитарные науки (история)». С. 15—18.

Митрошкина, 1980: *Митрошкина А. Г.* К этимологии гидронима Лена // Ономастика Востока. М., 1980. С. 130—131.

Мокерова, 2002: *Мокерова Е. Ю.* Клад 1614 г. из деревни Лобановка // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург, 26—29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 185—191.

Мокиенко, 1980: *Мокиенко В. М.* Местные географические термины и топонимия // *Slavia Orientalis*. 1980. Vol. 29, № 1/2. С. 189—193.

Молл П. Ю., 1935: *Молл П. Ю.* Чуванцы // Энциклопедический словарь русского географического Института Гранат. Т. 48: Четырехлетняя война 1914—1918 гг. (окончание). 7-е изд. М.: Русский библиогр. ин-т «Гранат»,

1935. С. 678—679. (Перепечатано в кн.: А. А. Бурькин. Чуванцы. Анадырь, 1993. С. 3—4.)

Молл Т. А., 1960: *Молл Т. А.* Корякско-русский словарь. Л., 1960.

Молл, Инэнликэй, 1957: *Молл Т. А., Инэнликэй П. И.* Чукотско-русский словарь. Л., 1957.

Молчанова, 1979: *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.

Молчановский, 1984: *Молчановский В. В.* Использование этимологического анализа в процессе лингво-страноведческой интерпретации топонимов // Проблемы исторической и диалектной лексикологии. Калинин, 1984. С. 46—56.

Момина, 1965: *Момина М. А.* Этнические термины и названия лиц и словословий в русском языке XVII века (на материале «Описания Китая» Н. Г. Спафария): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965.

Монастырев, 1993: *Монастырев В. Д.* Структура и семантика топонимов (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1993.

Монякин, 1961: *Монякин А. С.* Отчет о командировке в г. Магадан, пос. Анадырь и пос. Усть-Белую. Февраль—март 1961 г. Пос. Певек, 1961 г.: [Электронный ресурс]. URL: <http://tfi.chukotnet.ru/Public/agmount/manyakin.html>

Морозова, 1970: *Морозова М. Н.* Топонимы и нарицательные слова // Русская речь. 1970. № 1. С. 84—88.

Мостахов, 1966: *Мостахов С. Е.* Сподвижники путешественников и исследователей. Якутск, 1966.

Мостахов, 1982: *Мостахов С. Е.* Русские путешественники — исследователи Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск, 1982.

Мочанов, 1969: *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии и Аляски (к вопросу о первоначальных миграциях человека в Америку) // Советская этнография. 1969. № 1. С. 79—86.

Мочанов, 1969а: *Мочанов Ю. А.* Многослойная стоянка Белькачи 1 и периодизация каменного века Якутии. М., 1969.

Мочанов, 1970: *Мочанов Ю. А.* Археологическая разведка по реке Амгуни и Чукчагирскому озеру (к вопросу о юго-восточной границе ареала приленских культур) // По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970. С. 154—172.

Мочанов, 1977: *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск.: Наука. Сиб. отд-ние, 1977.

Мочанов, Федосеева, 1980: *Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.* Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии. Якутск, 1980. С. 11.

Мудрак, 2000: *Мудрак О. А.* Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М., 2000.

Мудрак, 2000а: *Мудрак О. А.* Юагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М., 2000. С. 133—148.

Мурзаев, 1969: *Мурзаев Э. М.* Географическая семантика некоторых тюркских топонимов // Ономастика Поволжья. [Вып. 1]. Ульяновск, 1969. С. 101—104.

- Мурзаев, 1984: *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Мурзаев, 1995: *Мурзаев Э. М.* Топонимика и география. М., 1995.
- Мурзаев, 1998: *Мурзаев Э. М.* Амур // Русская речь. 1998. № 3. С. 96—98.
- Мурзаев, 2001: *Мурзаев Э. М.* Слово на карте. Топонимика и картография. М., 2001.
- Мясников, 1987: *Мясников В. С.* Империя Цин и русское государство в XVII веке. 2-е изд. Хабаровск, 1987.
- Наделяев, 1986: *Наделяев В. М.* Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 3—4.
- Намзатов, 2003: *Намзатов Б. З.* К этногенезу бурят по материалам этнонимии // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Вып. 2. Иркутск, 2003. С. 87—97. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kyrgyz.ru/?page=230>, <http://mion.isu.ru/pub/turov/3.html>.
- Народы Сибири, 1956: Народы Сибири. М., 1956.
- Небольсин, 1849: *Небольсин П.* Покорение Сибири. СПб., 1849.
- Небольсин, 1850: *Небольсин П.* Краткие заметки о Байкале, Ангаре и Енисее // Отечественные записки. 1850. Т. LXVIII, февраль. Отд. VIII. С. 220—228.
- Незнанов (Б. г.): *Незнанов Н. Н.* Следы на снегу (геологические байки): [Электронный ресурс]. URL: <http://tfi.chukotnet.ru/Public/Neznan/sezam.htm>. Книга целиком: <http://zhele-nataliya.narod.ru/raskaz/neznanov/index.html>
- Ненянг, 1996: *Ненянг Л.* Наши имена. К вопросу об имяназвании и бытовании собственных имен у ненцев Таймыра: Антропонимический очерк. СПб., 1996.
- Нефедкин, 2003: *Нефедкин А.К.* Военное дело чукчей (середина XVII—начало XX в.). СПб., 2003
- Нехорошков, 2008: *Нехорошков Ю. Ф.* Легенды Колымского края. М., 2008.
- Никитин Н. И., 2001: *Никитин Н. И.* Семен Дежнев // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 135—144.
- Никитин Н. Н., 1990: *Никитин Н. Н.* Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990.
- Николае Милеску Спафарий... 1991: Николае Милеску Спафарий и проблемы культуры Молдовы. Кишинев, 1991.
- Н. Г. Милеску Спафарий... 1989: Н. Г. Милеску Спафарий — ученый, мыслитель, государственный деятель. Кишинев, 1989.
- Николаев, 1964: *Николаев С. И.* Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск, 1964.
- Николаева, 1988: *Николаева И. А.* Проблема урало-юкагирских генетических связей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
- Николаева, Шалугин, 2002: *Николаева И. А., Шалугин В. Г.* Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект): Пособие для учащихся начальной школы. СПб., 2002.
- Никонов, 1966: *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Никонов, 1984: *Никонов В. А.* Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984. С. 44—69.

Никонов, 2009: *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. 2-е изд. М., 2009.

Нимаев, 2003: *Нимаев Д. Д.* О происхождении названия оз. Байкал // Этнокультурное образование: Совершенствование подготовки специалистов в области традиционных культур: Материалы IV Междунар. науч. симпозиума 25—28 сент. 2003 г., г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2003. С. 127—128.

Новиков, 1773: *Новиков Н. И.* Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей и какие по ним города и урочища и на каком оныя разстоянии, изданная Николаем Новиковым. СПб., 1773.

Новикова, 1960: *Новикова К. А.* Очерки диалектов эвенского языка. Ч. 1. М.; Л., 1960.

Новикова, 1980: *Новикова К. А.* Очерки диалектов эвенского языка. Глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Л., 1980.

Оглоблин, 1891: *Оглоблин Н. Н.* Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки // Чтения в обществе истории и древностей Российских, 1891, кн. 3 (158). С. 1—18.

Оглоблин, 1891а: *Оглоблин Н. Н.* Смерть С. Дежнева в Москве, в 1673 году // Библиограф. 1891. № 3—4. С. 60—62.

Огородников, 1922: *Огородников В. И.* Из истории покорения Сибири. Покорение юкагирской земли. Чита, 1922.

Окладников, 1948: *Окладников А. П.* К истории этнографического изучения Якутии // Сб. материалов по этногр. якутов. Якутск, 1948. С. 17—48.

Окладников, 1948: *Окладников А. П.* Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л., 1948.

Окладников, 1949: *Окладников А. П.* Исторические рассказы и легенды Нижней Лены // Сб. МАЭ. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 60—115.

Окладников, 1951: *Окладников А. П.* Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.; Л., 1951.

Окладников, 1955: *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III: Глазковское время. М.; Л., 1955.

Окладников, 1958: *Окладников А. П.* «Земля бородатых» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XIV. М.; Л., 1958. С. 513—524.

Окладников, 1968: *Окладников А. П.* Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. 1968. № 6. С. 25—42.

Окладников, 1969: *Окладников А. П.* Тунгусо-маньчжурская проблема в свете новейших археологических исследований // Проблемы истории Дальнего Востока. Владивосток, 1969.

Окладников, 1970: *Окладников А. П.* Предисловие // По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970. С. 5—9.

Окладников, 1975: *Окладников А. П.* Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975.

Окладников, 1982: *Окладников А. П.* Открытие Сибири. 3-е изд. Новосибирск, 1982.

Окладникова, Бурыкин, 2000: *Окладникова Е. А., Бурыкин А. А.* Некоторые аргументы к установлению этнической принадлежности древнего населения Нижней Колымы (к вопросу об исторических границах Берингии) // Инте-

грация археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000. С. 107—108.

Окладникова, Бурыкин, 2002: *Окладникова Е. А., Бурыкин А. А.* Комплекс предметов и жилище русских полярных мореходов XVII в. на острове Фаддея и заливе Симса (новые перспективы интерпретации) // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 326—328.

Олсуфьев, 1893: *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи. СПб., 1893.

Олсуфьев, 1896: *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи. СПб., 1896.

Ондар, 1995: *Ондар Б. К.* Краткий словарь гидронимов Тувы. Кызыл, 1995.

Ондар, 2008: *Ондар Б. К.* Топонимический словарь Тувы. Кызыл, 2008.

Описание Иркутского наместничества, 1988: Описание Иркутского наместничества. Новосибирск, 1988.

Описание первой части вселенный... 1910: Описание первой части вселенный, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казань, 1910.

Описание старинных атласов... 1958: Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в архиве Центрального картографического производства ВМФ [ныне — в РГА ВМФ] / Сост. В. В. Колгушкин. Л.: Управление начальника Гидрографической службы военно-морского флота, 1958.

Описание Тобольского наместничества, 1982: Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.

Оронимика, 1969: Оронимика. М., 1969.

Осьминина, 1989: *Осьминина Р.* Кто открыл Камчатку? // Знание — сила. 1989. № 11. С. 57—63.

Открытия русских землепроходцев... 1951: Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии / Сост. Н. С. Орлова. М., 1951.

Паллас, 1787—1789: *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы. Т. I—II. СПб., 1787—1789.

Пан, 2000: *Пан Т. А.* Система терминов родства маньчжур // Алгебра родства. Вып. 5. СПб., 2000. С. 263—270.

Пан, 2001: *Пан Т. А.* Описание маньчжурских рукописей и ксилографов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук. Вып. 2. (Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Issue 2) (на англ. яз.) Wiesbaden; Harrassowitz, 2001 (series: Aetas Manjurica, 9).

Пан, 2003: *Пан Т. А.* Карта Китая 1719 г., составленная иезуитами в период Канси, из коллекции СПбФ ИВ РАН (памяти Б. П. Полевого) // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 4. Благовещенск: Изд-во АМГУ, 2003. С. 232—242.

Пан, 2005: *Пан Т. А.* Карта империи Цин, составленная иезуитами в 1719 г. // Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. СПб., 2005. С. 28—35.

Пан, 2006: *Пан Т. А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII—XVIII вв. СПб., 2006.

Пасецкий, 1974: *Пасецкий В. М.* Арктические путешествия россиян. М., 1974.

Пасецкий, 1976: *Пасецкий В. М.* Путешествия, которые не повторяются. М., 1976.

Пасецкий, 1995: *Пасецкий В. М.* Звездные мгновения Арктики. М., 1995.

Пасецкий, 2000: *Пасецкий В. М.* Русские открытия в Арктике. Т.1. СПб., 2000.

Певнов, 1984: *Певнов А. М.* Об отношении удэгейского к другим языкам // Арсеньевские чтения. Хабаровск, 1984. С. 7—8.

Перехвальская, 2006: *Перехвальская Е. В.* Русские пиджины: Учебное пособие. СПб., 2006.

Перехвальская, 2008: *Перехвальская Е. В.* Русские пиджины. СПб., 2008.

Песков, Жилин, 1994: *Песков В., Жилин М.* Русский след. М., 1994.

Петров, 2008: *Петров Н. Е.* Топонимия и вопрос об амуро-маньчжурских якутах средневековья // «Саха уран тыла: Кыраапыка, арпагыраапыйа, тиэрмин үүрэхэ, истилиистикэ уонна туттуу эйгэтэ» (Саха бастакы лиэкибиис учуонайа С. Ө. Ноһуруодап төрүүбүтэ 115 сылыгар аналлаах өрүспүүбүлүкэ-тээһи научнай-практической кэмпириэнсийэ матырыйааллара, 2007 с. кулун тутар 22 күнэ). Дьокуускай: СГУ, 2008. С. 15—23.

Петрушин, 2008: *Петрушин Ю. А.* Сибиревед В. И. Огородников // Четвертые Романовские чтения: Материалы науч. конф. Иркутск, 2008. С. 106—108.

Пичета, 1922: *Пичета В. И.* Введение в русскую историю: Источники и историография. М., 1922.

Плеханов, 1985: *Плеханов С.* Золотая Баба. М., 1985.

Подольская, 1964: *Подольская Н. В.* Какую информацию несет топоним? // Принципы топонимики. М., 1964. С. 87—99.

Подольская, 1988: *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд. М.: Наука, 1988.

Полевой, 1959: *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.

Полевой, 1964: *Полевой Б. П.* К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII веке // Сибирский геогр. сб. Вып. 3. М.; Л., 1964. С. 224—270.

Полевой, 1967: *Полевой Б. П.* О происхождении названия «Камчатка» // В. П. Кусков. Топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967. С. 96—112.

Полевой, 1971: *Полевой Б. П.* Амур — «слово московское» // Амур — река подвигов. 2-е изд. Хабаровск, 1971. С. 178—192.

Полевой, 1972: *Полевой Б. П.* Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре» // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 271—279.

Полевой, 1974: *Полевой Б. П.* Три значения этнонима Дючеры // Краткое сод. докл. годич. науч. сес. Ин-та этногр. АН СССР 1972—1973. Л., 1974. С. 91—93.

Полевой, 1976: *Полевой Б. П.* Вхождение в состав России части восточных чукчей в 1687—1688 гг. // История и культура народов Северо-Востока СССР. Владивосток, 1976. С. 219—223.

Полевой, 1977: *Полевой Б. П.* Значение этнографических исследований для уточнения истории русских открытий на Дальнем Востоке в середине XVII в. // Краткое сод. докл. годич. науч. сес. Ин-та этногр. АН СССР 1974—1976. Л., 1977. С. 91—93.

Полевой, 1979: *Полевой Б. П.* Дючерская проблема (по данным русских документов XVII в.) // Советская этнография. 1979. № 3. С. 47—59.

Полевой, 1979а: *Полевой Б. П.* Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан // Страны и народы Востока. Вып. XX. М., 1979. С. 93—96.

Полевой, 1983: *Полевой Б. П.* Загадка Федотовщины // Камчатка. Лит.-худ. сб. Петропавловск-Камчатский, 1983. С. 161—171.

Полевой, 1984: *Полевой Б. П.* О подлинном происхождении названий Амур и Байкал // Известия ВГО. 1984. Т. 116, вып. 4. С. 357—362.

Полевой, 1984а: *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Камчатки // Норд-Ост. Петропавловск-Камчатский, 1984. С. 6—8.

Полевой, 1985: *Полевой Б. П.* Значение этнографических данных для уточнения истории похода И. Ю. Москвитина — первой русской экспедиции на Тихий океан // Годич. науч. сес. Ин-та этногр. АН СССР. Краткое сод. докл. Л., 1985. С. 81—82.

Полевой, 1988: *Полевой Б. П.* В поисках истины // Камчатка. Петропавловск-Камчатский, 1988. С. 142—161.

Полевой, 1988а: *Полевой Б. П.* К истории первого выхода русских на Тихий океан (Новое о «Росписи рек» И. Ю. Москвитина) // Известия ВГО. 1988. № 3. С. 274—278.

Полевой, 1989: *Полевой Б. П.* Новое о Семене Дежневе // Дальний Восток. 1989. № 1. С. 132—139.

Полевой, 1990: *Полевой Б. П.* Плавание М. Г. де Фриса в северных водах Тихого океана (1643 г.) // Краеведческий бюллетень. 1990. № 3. С. 3—38.

Полевой, 1991: *Полевой Б. П.* Первый русский поход на Тихом океане в 1639—1641 г. в свете этнографических данных // Советская этнография. 1991. № 3. С. 56—69.

Полевой, 1994: *Полевой Б. П.* Человек необыкновенной судьбы (Тунгусский толмач Семен Петров Чистой в истории Дальнего Востока) // Съезд сведущих людей Дальнего Востока. Науч.-практ. ист.-краеведческ. конф., посвящ. 100-летию Хабаровского Краеведческого музея. 17—18 мая 1994 г. Т. 1. Хабаровск, 1994. С. 63—66.

Полевой, 1997: *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Ч. 1—2. Петропавловск-Камчатский, 1997.

Полевой, 1997а: *Полевой Б. П.* История русской Америки. Т. 1. М., 1997.

Полевой, 2003: *Полевой Б. П.* О подлинном местоположении Косогорского острога 50-х гг. XVII века // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв.: Ист.-археол. исслед. Т. 4. Владивосток, 2003. С. 32—36.

Полное собрание русских летописей, 1915: Полное собрание русских летописей. Т. 4, вып. 1: Новгородская Четвертая летопись. Пг., 1915.

Полунин, 1773: *Полунин Ф.* Географический лексикон Российского государства или Словарь. М., 1773.

Полякова, 1972: *Полякова Е. Н.* Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII в. Пермь, 1972.

Полякова, 1988: *Полякова Е. Н.* От «арайны» до «яра». Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988. 180 с.

Полякова, 2007: *Полякова Е. Н.* Словарь географических терминов русской речи Пермского края. Пермь, 2007.

Попов А. И., 1957: *Попов А. И.* Топонимика как историческая наука // Академія наук Української РСР. Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні. Мовознавство. Наукові записки. Т. XIV. Київ, 1957.

Попов А. И., 1965: *Попов А. И.* Географические названия. М.; Л., 1965.

Попов А. И., 1973: *Попов А. И.* Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. Л.: Наука, 1973.

Попов А. И., 1981: *Попов А. И.* Следы времен минувших. Л., 1981.

Попов Г. В., 1986: *Попов Г. В.* Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. (Сравнительное историческое исследование). Якутск, 1986.

Попов С. В., 1982: *Попов С. В.* Берега мужества. Красноярск, 1982.

Попов С. В., 1985: Попов С. В. Новые топонимы Советской Арктики // Летопись Севера. Т. XI. М., 1985. С. 229—235.

Попов С. В., 1987: *Попов С. В.* Морские имена Якутии. Якутск, 1987.

Попов С. В., 1990: *Попов С. В.* Автографы на картах. Архангельск, 1990.

Попов С. В., 1990а: *Попов С. В.* Названия студеных берегов. Мурманск, 1990.

Попова В. Н., 1970: *Попова В. Н.* К этимологии гидронима Иртыш // Языки и топонимия Сибири. Вып. III. Томск, 1970. С. 12—19.

Попова В. Н., 2000: *Попова В. Н.* Ареально-ретрогрессивный метод А. П. Дульзона в исследовании субстратной топонимии // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 50—54.

Попова У. Г., 1981: *Попова У. Г.* Эвены Магаданской области. М., 1981.

Поппе (Б. г.): *Поппе Н.* О собирании географических названий // Отд. отд. С. 285—287.

Поспелов, 1970: *Поспелов Е. М.* Относительная достоверность названий на старинных картах // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970. С. 91—99.

Поспелов, 1971: *Поспелов Е. М.* Топонимика и картография. М., 1971.

Поспелов, 1988: *Поспелов Е. М.* Туристу о географических названиях. М., 1988.

Поспелов, 1988а: *Поспелов Е. М.* Школьный топонимический словарь. М., 1988.

Поспелов, 1993: *Поспелов Е. М.* Имена городов: вчера и сегодня. М., 1993.

Поспелов, 2000: *Поспелов Е. М.* Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М., 2000.

Поспелов, 2000а: *Поспелов Е. М.* Школьный словарь географических названий. М., 2000.

- Поспелов, 2001: *Поспелов Е. М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 2001.
- Поспелов, 2003: *Поспелов Е. М.* Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий. СПб., 2003.
- Поспелов, 2008: *Поспелов Е. М.* Географические названия России. Топонимический словарь. М., 2008.
- Постников, 1985: *Постников А. В.* Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985.
- Пронштейн, 1972: *Пронштейн А. П.* Использование вспомогательных исторических дисциплин при работе над историческими источниками. Учебно-методическое пособие. М.: МГУ, 1972.
- Пронштейн, 1976: *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1976.
- Пронштейн, 1977: *Пронштейн А. П.* О предмете источниковедения как научной исторической дисциплины // История СССР. 1977. № 5. С. 161—173.
- Пронштейн, Данилевский, 1986: *Пронштейн А. П., Данилевский И. Н.* Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986.
- Пронштейн, Задера, 1977: *Пронштейн А. П., Задера А. Г.* Методика работы над историческими источниками. 3-е изд. М., 1977.
- Пронштейн, Кияшко, 1973: *Пронштейн А. П., Кияшко В. Я.* Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1973.
- Путешествие через Сибирь... 1882: Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этногр. Т. X, вып. 1. СПб., 1882.
- Пушкарева, 2007: *Пушкарева Е. Т.* Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ. Екатеринбург, 2007.
- Пчелов, 2008: *Пчелов Е. В.* Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном контексте // Вестник РГГУ. 2008. № 4. Серия «Ист. науки». С. 47—59.
- Радлов, 1899: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. СПб., 1899.
- Рамсей, 1977; 1982: *Рамсей Р.* Открытия, которых никогда не было: Пер. с англ. М., 1977; 2-е изд. М., 1982.
- Рассадин, 1980: *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980.
- Раушенбах, 1959: *Раушенбах В. М.* Новые находки на острове Четырехстолбовом. М., 1959.
- Рачков, Чуистова, 1982: *Рачков Л. И., Чуистова Л. И.* Вспомогательные исторические дисциплины: Учебно-методическое пособие. М., 1982.
- Рашид-ад-дин, 1952: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Кн. 1—2. М.; Л., 1952.
- Резиновский, 1984: *Резиновский В. А.* Ола. Магадан, 1984.
- Рейхберг, 1930: *Рейхберг Г. Е.* К истории ранних русско-японских отношений. Первый японец в России // Учен. зап. Ин-та этнических и национальных культур народов Востока. Т. 2. М., 1930.
- Реки и народы Сибири, 2007: Реки и народы Сибири. СПб., 2007.
- Ремезов, 1882; 2009: *Ремезов С. У.* Чертежная Книга Сибири. М., 1882; Факсимильное издание 1882 г. СПб.: Альфарет, 2009.

- Ремезов, 2011: *Ремезов С. У.* Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Тобольск, 2011.
- Рига, 1981: *Рига И. Г.* Анадырь. Магадан, 1981.
- Римский, 2006: *Римский С. В.* Вспомогательные исторические дисциплины: Учебное пособие для студентов исторических факультетов вузов. М., 2006.
- Ришес, 1951: *Ришес Л. Д.* О происхождении названия реки Амур // Известия ВГО. 1951. Т. 83, вып. 2. С. 200—203.
- Робоча програма... 2008: Робоча програма спецкурсу «Джерелознавство» для студентів історичного факультету спеціальності «архівознавство». Харків, 2008.
- Розен, Малолетко, 1986: *Розен М. Ф., Малолетко А. М.* Географические термины Западной Сибири. Томск, 1986.
- Розова, 1973: *Розова Л. И.* Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в мансийских, хантыйских и селькупских топонимах. М., 1973.
- Романова, 2005: *Романова О. С.* История картографирования Якутии (XVII—начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2005.
- Российская историческая картография... 1997: Российская историческая картография (XV—начало XX в.): Краткий словарь-справочник / Сост. В. И. Ерошкина, М. В. Решетников, Никулин. М.: ВНИИДАД, 1997. 206 с.
- Российский Магазин, 1793: Российский Магазин. Ч. I. СПб., 1793.
- Руденко, 2003: *Руденко Ю. Т.* Словарь географических названий Восточного Забайкалья. Чита, 2003.
- Русская историческая библиотека, 1875: Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875.
- Русская ономастика... 1994: Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.
- Русская Тихоокеанская эпопея, 1979: Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.
- Русские карты... 1991: Русские карты и атласы XVII—XIX вв. Каталог выставки к 57-й сессии ИФЛА. Москва, 18—24 августа 1991 г. Государственная библиотека им В. И. Ленина. Отдел картографических изданий / Сост. Н. Е. Котельникова, Л. А. Хоботова и др. М., 1991.
- Русские мореходы... 1952: Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах / Сост. М. И. Белов. М., 1952.
- Рут, 1983: *Рут М. Э.* Несколько замечаний о методике сбора и первичной обработки субстратной лексики и топонимии // Методы топонимических исследований: Сб. науч. трудов. Свердловск, 1983. С. 111—115.
- Рыбаков, 1974: *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV—начала XVI века. М., 1974.
- Рычков, 2004: *Рычков С. Ю.* Полиморфизм митохондриальной ДНК в населении Прибайкалья эпохи неолита: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2004.
- С кем поведешься...: С кем поведешься... [Электронный ресурс]. URL: <http://russkiyjazik.ru/index.php>
- С. П. Крашенинников в Сибири, 1966: С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966.

- Салищев, 1982: *Салищев К. А.* Картоведение. М., 1982.
- Самойлов, 1999: *Самойлов Н. А.* Образ Китая в России: историография вопроса и методология изучения [Сайт восточного факультета; Электронный ресурс]. URL: <http://orient.pu.ru/conferences/april1999/054.html>.
- Самойлов, 2002: *Самойлов Н. А.* Россия и Китай // История России. Россия и Восток. СПб., 2002. С. 502—574.
- Самсонов, 1989: *Самсонов Н. Г.* Наши имена. Якутск, 1989.
- Сапунов, 2001: *Сапунов Б. С.* Экспедиция 2000 г. в бассейн Зеи (записки археолога) // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 3. Благовещенск, 2001.
- Сарычев, 1952: *Сарычев Г. А.* Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. 2-е изд. М., 1952.
- Сафронов, 1985: *Сафронов Ф. Г.* Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири (Историко-этнографический обзор и именник). Якутск, 1985.
- Сафронов, 1986: *Сафронов Ф. Г.* Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1986.
- Сафронов, 1992: *Сафронов Ф. Г.* Древний и средневековый Северо-Восток Азии. Якутск, 1992.
- Свадеш, 1965: *Свадеш М.* Лингвистические связи Америки и Евразии // Этимология, 1964. М., 1965. С. 271—322.
- Свердлов Л. М., 2001: *Свердлов Л. М.* Таймырская загадка. М., 2001.
- Свердлов М. Б., 1982: *Свердлов М. Б.* К изучению древнерусских топонимов как исторического источника // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 13. М., 1982. С. 109—131.
- Сгибнев, 1869: *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сб. 1869. Т. 101. № 4. С. 65—142; № 5. С. 53—84; № 6. С. 37—69; № 7. С. 1—130; № 8. С. 33—110 2-й пагинации. Перепечатано в кн. 6: Вопросы истории Камчатки. Вып. 1—2. Петропавловск-Камчатский, 2005, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://npacific.kamchatka.ru/np/library/publikacii/historykam/istkam1-1.htm>; <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/historykam/istkam2-1.htm>
- Сгибнев, 1870: *Сгибнев А.* Байкал и его судоходство // Морской сб. 1870. Т. CVII, № 4. Отд. II. С. 1—21; Т. CVIII, № 5. С. 67—85; Т. CIX, № 7. С. 53—67; № 8. С. 27—49.
- Северная энциклопедия, 2004: Северная энциклопедия. М., 2004.
- Селезнев, Селезнева, 1996: *Селезнев Е. С., Селезнева Т. А.* Тайшет— город, рожденный Транссибом. Брошюра № 1: На земле древних кетов. Тайшет, 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taishet.ru/history/sel1.html>
- Семенов-Тянь-Шанский, 1863—1885: *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1—5. СПб., 1863—1885.
- Сергеев, 1948: *Сергеев М. А.* Экспедиция Ф. П. Врангеля и Ф. Ф. Матюшкина и изучение малых народов Крайнего Северо-Востока // Врангель Ф. П. Путешествие по Северо-Восточной части Сибири и Ледовитому морю. М., 1948. С. 414—416.
- Сергеев, 1948а: *Сергеев М. А.* Комментарии // Врангель Ф. П. Путешествие по Северной части Сибири и Ледовитому морю. М., 1948. С. 416—417.

Сергеев и др., 1998: *Сергеев О. И., Чернавская В. Н.* Казак М. В. Стадухин — исследователь Северо-Востока Азии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1998. Т. 3. С. 56—69.

Серебрянников, 1959: *Серебрянников Б. А.* О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкознания. 1959. № 6. С. 36—50.

Серебрянников, Гаджиева, 1979; 1986: *Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979. 2-е изд. М., 1986.

Сорошевский, 1993: *Сорошевский В.* Якуты. 2-е изд. М., 1993.

Сибирская советская энциклопедия, 1929—1932; 1992: Сибирская советская энциклопедия. Т. 1—3. Новосибирск, 1929—1932; Т. 4. New York, 1992.

Сибирь... 1996: Сибирь: древние этносы и их культуры. СПб.: МАЭ РАН, 1996.

Сидоров Е. И., 1984: *Сидоров Е. И.* Этноним Саха // Этническая ономастика. М., 1984. С. 39—43.

Сидоров А. А., 1998: *Сидоров А. А.* Легенды о Серебряной горе // Наука и жизнь. 1998. № 11.

Сироткина, 2004: *Сироткина Т. А.* О перспективах создания этнонимических словарей // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского ун-та (Казань, 4—6 октября 2004 г.): Труды и материалы / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. Казань, 2004. С. 297—299.

Сироткина, 2004а: *Сироткина Т. А.* Этнонимия Прикамья: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 2004.

Системы личных имен... 1987: Системы личных имен народов мира. М., 1987.

Слободин (Б. г.): *Слободин С. Б.* Так когда же Стадухин основал Тауйск? // Магадан. История города и региона Тауйск // Режим доступа: www.kolyma.ru.

Словарь книжников... 1993: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Ч. 2. СПб., 1993.

Соколов, 1999: *Соколов В. Н.* «Никанское царство»: образ неизвестной территории в истории России XVII—XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1999.

Соколов, 2000: *Соколов В. Н.* Образ «христианского царства» на крайнем Востоке в европейской картографии XIV—XVIII вв. // Христианство на Дальнем Востоке: Материалы Междунар. науч. конф. Ч. 1. Владивосток, 2000. С. 76—81.

Сокольников, 1995: *Сокольников В. М.* Тайны Иркутской области. Иркутск, 1995.

Сокровенное сказание, 1941: Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol-un Niγusa tobčiγan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М.; Л., 1941.

Соловьев, 1975: *Соловьев Ф. В.* Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1975.

Соммерфельт, 1965: *Соммерфельт А.* Французская лингвистическая школа // Новое в лингвистике. Вып. 4. М., 1965. С. 357—371.

Спасский, 1821: *Спасский Г. И.* История плаваний Россиян из рек сибирских в Ледовитое море // *Сибирский Вестник*, 1821, часть 15, с. 25/120 2-й пагинации (в номере ошибочно вместо 25/120 напечатано 25/102) —30/125 2-й пагинации.

Спасский, 1849: *Спасский Г. И.* Список с чертежа сибирской земли, заимствованный из рукописного сборника XVII века // *Временник Императорского общества истории и древностей Российских*. Кн. 3 (4). М., 1849.

Спафарий, 1853 (1989): *Спафарий Н.* Сказание о великой реке Амуре // *Вестник Рус. геогр. о-ва*. 1853. Кн. VII, отд. 2. С. 17—21. Перепечатано в кн.: *Колумбы земли русской*. Хабаровск, 1989.

Спафарий, 1882: *Спафарий Н. Г.* Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 году: Дорожный дневник Спафария / Введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева // *Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии*. Т. X, вып. 1. СПб., 1882.

Спафарий, 1960: *Спафарий Н. Г.* Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

Спафарий, 2010: *Спафарий Н. Г.* Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 году: Дорожный дневник Спафария / Введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. Репринтное издание 1882 г. СПб.: Альфа-рет, 2010.

Спеваковский, 1979: *Спеваковский А. Б.* К проблеме этногенеза и ранней этнической истории тунгусов Сибири // *Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах*. М., 1979.

Справочник по истории... 1985: *Справочник по истории географических названий на побережье СССР*. 2-е изд. М.: Главное управление навигации и картографии Министерства обороны СССР, 1985.

Сравнительный словарь: *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков*. Т. I. Л., 1975; Т. II. Л., 1977.

Стариков, 1961: *Стариков В. С.* К биографии Афанасия Ермиловича Дьячкова, первого марковского краеведа, самородка // *Зап. Чукотского краеведческого музея*. Вып. II. Магадан, 1961. С. 99—100.

Старокадомский, 1953: *Старокадомский Л. М.* Пять плаваний в Северном Ледовитом океане. М., 1953.

Старостин, 1991: *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.

Статейный список, 1906: *Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678)* // *Вестник археологии и истории*. Вып. 17. СПб., 1906 (отд. 2. С. 162—339).

Стеллер, 1995: *Стеллер Г.-В.* Дневник плавания с Берингом к берегам Америки. 1741—1742. М., 1995.

Стеллер, 2011: *Стеллер Г.-В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Холдинговая компания «Новая книга», 2011.

Степанов А. И., 1976: *Степанов А. И.* Русский берег (Морской топонимический справочник). Владивосток, 1976.

Степанов Н. Н., 1943: *Степанов Н. Н.* Первая экспедиция русских на Тихий океан // *Изв. Всесоюз. геогр. о-ва*. Т. 75, вып. 2. М.; Л., 1943. С. 45—48. По этому же изданию данный документ напечатан в кн.: *Колумбы земли Русской*. Хабаровск, 1989. С. 91—93.

Степанов Н. Н., 1950: *Степанов Н. Н.* Первые русские сведения об Амуре и гольдах // Советская этнография. 1950. № 1. С. 178—182.

Степанов Н. Н., 1959: *Степанов Н. Н.* Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах // Учен. зап. ЛПТИ им. А. И. Герцена. Т. 188: Ист. науки. Л., 1959. С. 179—254.

Степанов Н. Н., 1965: *Степанов Н. Н.* «Пешие тунгусы» Охотского побережья в XVII веке // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 134—173.

Стрельский, 1961: *Стрельский В. И.* Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961.

Стрельский, 1968: *Стрельский В. И.* Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968.

Суник, 1958: *Суник О. П.* Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958.

Суперанская, 2007: *Суперанская А. В.* Теория и методика ономастических исследований. М., 2007.

Суперанская, 2009: *Суперанская А. В.* Ономастика начала XXI века. М., 2009.

Суперанская, Лезина, 1994: *Суперанская А. В., Лезина И. Н.* Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий. М., 1994. Ч. 1—2.

Таксин, 1989: *Таксин В. А.* Реки Иркутской области. М., 1989.

Тарасов, 2009: *Тарасов О. Ю.* Топонимический аспект освоения Северо-Востока России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2009.

Тарская, Гоголев, Ельчинова и др., 2009: *Тарская Л. А., Гоголев А. И., Ельчинова Г. И., Егорова А. Г., Лимборская С. А.* Этническая геномика якутов (народа саха): генетические особенности и популяционная история. М., 2009.

Татищев, 1769: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1, ч. 2. М., 1769.

Татищев, 1793: *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Т. 1—3. СПб., 1793 (Электронное издание).

Татищев, 1962: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962.

Татищев, 1979: *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979.

Татищев, 2008: *Татищев В. Н.* Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский: В 3 ч. (Репринтное издание 1793 г.). СПб.: Альфарет, 2008.

Ташицкий, 1961: *Ташицкий В.* Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопросы языкознания. М., 1961. № 2. С. 3—11.

Теин, 1983: *Теин Т. С.* Тайна Чертова оврага. Магадан, 1983.

Темников, 1979: *Темников Д. М.* К вопросу о развитии некоторых древнейших образований в лексико-семантической системе брянских говоров (на материале слова баба) // Лингвист. исслед. 1979. Вопросы межуровневого анализа языков различных типов. Л., 1979. С. 230—235.

Теуш, 2001: *Теуш О. А.* Общий обзор географической терминологии в прибалтийско-финских, коми и русском языках // Изв. Уральского гос. ун-та. 2001. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. [Электронный ресурс]. URL:

[http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020\(01_04-2001\)&xsl=showArticle.xslt&id=a25&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020(01_04-2001)&xsl=showArticle.xslt&id=a25&doc=../content.jsp)

Теуш, 2002: *Теуш О. А.* Межъязыковое лексическое взаимодействие в сфере географической терминологии на Европейском Севере России // Известия Уральского гос. ун-та. 2002. № 24. Гуманитарные науки. Вып. 5. С. 189—206.

Теуш, 2003: *Теуш О. А.* Взаимодействие языков Европейского Севера России в сфере географической лексики // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV науч. конф. «Рябининские чтения-2003»): Сб. науч. докл. Петрозаводск, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/90.html>

Титов, 1890: *Титов А. А.* Сибирь в XVII веке. М., 1890.

Титова, 1972: *Титова З. Д.* Обзор этнографических материалов о народах Сибири отдела рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Советская этнография. 1972. № 2. С. 74—84.

Титова, 1999: *Титова З. Д.* Предисловие // Историко-этнографическое описание народов Камчатки в трудах Г. В. Стеллера. «Краеведческие записки». Вып. 11. Петропавловск-Камчатский, 1999.

Тихомиров, 1962: *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейшего времени до конца XVIII в. М., 1962.

Токарев, 1948: *Токарев С. А.* Несколько данных XVII века о якутах и их соседях // Сб. материалов по этногр. якутов. Якутск, 1948. С. 9—10.

Топонимический словарь... 1989: Топонимический словарь Северо-Востока СССР / Сост. В. В. Леонтьев, К. А. Новикова. Магадан, 1989.

Топонимический словарь этнической Бурятии, 2007: Топонимический словарь этнической Бурятии / Сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. Улан-Удэ, 2007.

Трешников, 1955: *Трешников А. Ф.* На Новосибирских островах. М., 1955.

Трофимов, 1999: *Трофимов Е.* Сказки золотого оленя. Хабаровск, 1999.

Трубе, Пономаренко, 1969: *Трубе Л. Л., Пономаренко М. М.* Народная этимология и фольклор в топонимии // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Уфа, 1969. С. 182—185.

Туголуков, 1969: *Туголуков В. А.* Следопыты верхом на оленях. М., 1969.

Туголуков, 1970: *Туголуков В. А.* Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенов и эвенков) // Этнонимы. М., 1970. С. 204—217.

Туголуков, 1979: *Туголуков В. А.* Кто вы, юкагиры? М., 1979.

Туголуков, 1980: *Туголуков В. А.* Идущие поперек хребтов. Красноярск, 1980.

Туголуков, 1980а: *Туголуков В. А.* Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 152—176.

Туголуков, 1985: *Туголуков В. А.* Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.

Туголуков, 1986: *Туголуков В. А.* Предания об уходе юкагиров на острова и «за море» // Советская этнография. 1986. № 6. С. 94—100.

Тураев, 1995: *Тураев В. А.* О характере купюр в публикациях русских землепроходцев XVII века // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1995.

Т. 2. С. 154—169. [Электронный ресурс]. URL: <http://zab.chita.ru/archiv.php?gurnal=12&article=252>

Туров, 1998: *Туров М. Г.* К проблеме этногенеза и этнической истории эвенков // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 3. С. 12—25.

Туров, 2003: *Туров М. Г.* Еще раз о исторической прародине и ранних этапах этногенеза тунгусов-эвенков // *Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации*. Иркутск, 2003. Вып. 2. С. 147—176.

Туров, 2008: *Туров М. Г.* Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск, 2008. 230 с.

Тюркская ономастика, 1984: *Тюркская ономастика*. Алма-Ата, 1984.

Урсул, 1985: *Урсул Д. Т.* Николай Милеску Спафарий. 2-е изд. Кишинев, 1985.

Ушаков, 1982: *Ушаков Г. А.* Остров метелей. Магадан, 1982.

Ушницкий (Б. г.): *Ушницкий В. В.* К проблеме происхождения народа саха: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kyrgyz.ru/?page=80>

Ушницкий, 2004: *Ушницкий В. В.* Происхождение народа саха. По материалам исторических преданий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2004.

Фарсобин, 1983: *Фарсобин В. В.* Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983.

Фасмер, 1964—1972: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1972.

Федорова, 2008: *Федорова С. А.* Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008.

Федорова, 2008а: *Федорова С. А.* Этногеномика коренных народов Республики Саха (Якутия): Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Якутск, 2008.

Федосеева, 1968: *Федосеева С. А.* Древние культуры Верхнего Вилюя. М., 1968. С. 165 и след.

Федосеева, 1980: *Федосеева С. А.* Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980.

Федосеева, 1982: *Федосеева С. А.* Ымыяхтахская культура на Чукотке // *Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к региональной конф.* Иркутск, 1982. С. 90—91.

Федотова, 1998: *Федотова Т. В.* Явление субстрата в топонимии Забайкалья // *Лингвистическое краеведение Забайкалья*. Чита, 1998. С. 32—33.

Федотова, 1999: *Федотова Т. В.* Топонимия Забайкалья как специфическая система онимов // *Лингвистический ежегодник Сибири*. 1999. № 1. С. 127—129.

Федотова, 2001: *Федотова Т. В.* Информационный потенциал топонимов (на материале изучения топонимии Забайкалья) // *Национальный язык: региональные аспекты*. Чита, 2001. С. 136—138.

Федотова, 2002: *Федотова Т. В.* К проблеме актуальности составления словаря топонимов Забайкалья // *И. И. Срезневский и современная славистика: наука и образование: Сб. науч. тр. (по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «Славянские языки, письменность и культура», 27—29 мая 2002 г.)*. Рязань, 2002. С. 172—173.

Федотова, 2003: *Федотова Т. В.* Словарь топонимов Забайкалья. Чита: Поиск, 2003.

Федотова, 2007: *Федотова Т. В.* Адаптация иноязычных топонимов русскими первопоселенцами в период освоения Восточного Забайкалья // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 6: Филология. С. 256—259.

Федотова, 2008: *Федотова Т. В.* Русская топонимия Восточного Забайкалья в XVII—XIX веках: общая характеристика и предпосылки формирования // Изв. Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. СПб., 2008. № 12 (84). С. 182—188.

Федотова, 2008а: *Федотова Т. В.* Специфика метафорических топонимов в аспекте восприятия мира человеком // Вестник Воронежского гос. ун-та. 2008. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». № 2. С. 48—51.

Федотова, 2008б: *Федотова Т. В.* Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 309, апрель. С. 18—23.

Федотова, 2009: *Федотова Т. В.* Влияние переселенческого движения на формирование русской топонимической системы Восточного Забайкалья // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Лингвистика. 2009. № 3. С. 84—93.

Федотова, 2009а: *Федотова Т. В.* Концептуальный мир топонимического пространства Забайкальского края. Чита, 2009.

Федотова, 2009б: *Федотова Т. В.* Репрезентация концептуальных категорий время и число в топонимическом пространстве Забайкальского региона // Учен. зап. Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. 2009. № 3 (26). С. 260—264.

Федотова, 2010: *Федотова Т. В.* Русская топонимия Забайкальского края. Новосибирск: Наука, 2010.

Федотова, 2012: *Федотова Т. В.* Русская топонимическая система Восточного Забайкалья: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2012.

Фетисова, 2006: *Фетисова Л. Е.* Дальневосточная тема в русской литературе XVII—XIX вв. // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 174—180.

Фишер, 1774: *Фишер И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

Фольклор юкагири... 1989: Фольклор юкагири Верхней Колымы. Ч. 1. Якутск, 1989.

Фролов, 1979: *Фролов Н. К.* О заселении Тюменского Зауралья по данным татарской топонимии // Информация и знак. Тюмень, 1979.

Фролов, 1984: *Фролов Н. К.* Структура топонимии Тюменского Зауралья. Тюмень, 1984.

Фролов, 1986: *Фролов Н. К.* Стратиграфия автохтонной топонимии Нижнего Пообья. Красноярск, 1986.

Фролов, 1991: *Фролов Н. К.* Русские топонимические заимствования из самодийско-угорских языков. Новосибирск, 1991.

Фролов, 1994: *Фролов Н. К.* Обь // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.

Фролов, 1994а: *Фролов Н. К.* Иртыш // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.

Фролов, 1994б: *Фролов Н. К.* Енисей // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.

Фролов, 1996: *Фролов Н. К.* Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. Тюмень, 1996.

Фролов, 2005: *Фролов Н. К.* Избранные работы по языкознанию. Т. 1—2. Тюмень, 2005.

Фролов, Алишина, 1989: *Фролов Н. К., Алишина Х. Ч.* Лексика тюркского этнонимического происхождения в русской топонимии иртышско-тобольского Междуречья // Лексика и деривация языковых единиц. Деп. в ИНИОН АН СССР. 10.07.1989. № 4878.

Халтуева, 2009: *Халтуева Г. О.* Топонимический лексикон «Сокровенного сказания монголов» и «Кодзики»: общее и частное: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009.

Ханке, 1984: *Ханке Х.* Люди, корабли, океаны. 6000 лет мореплавания. М., 1984.

Ханмагомедов, Гебекова А.Н., 2011: *Ханмагомедов Х. Л., Гебекова А. Н.* Учение о географических названиях (топонимика) и пути его развития // Вопросы современной науки и практики. Ун-т им. В. И. Вернадского. 2011. № 4 (35). С. 24—35.

Харт, 1956: *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1956.

Хасанова, 1999: *Хасанова М. М.* Проблема маньчжурского влияния на Нижнем Амуре // Этнос. Ландшафт. Культура: Материалы конф. СПб., 1999. С. 222—231.

Хасанова, 2001: *Хасанова М. М.* Проблема контактов населения Нижнего Амура и Северо-Восточного Китая // Евразия: Этнос—ландшафт—культура. СПб., 2001. С. 280—325.

Хвесько, 2006: *Хвесько Т. В.* Ономастикон как символ культурно-исторического наследия нации // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание. Ч. 2. Тюмень, 2006. С. 112—116.

Хелимский, 2000: *Хелимский Е. А.* Фактор Мангазейского морского хода в этнонимии и топонимии // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 351—352.

Хенгст, 2002: *Хенгст К.* Теоретические обобщения ономастических исследований в Центральной Европе: онимы как культурная память территории // Ономастика Поволжья. Вып. IX. Волгоград, 2002. С. 9—11.

Хертек, 2002: *Хертек Л. К.* Гидрографические апеллятивы ХЕМ/КЕМ, КАН и антропоморфная модель мира // Мир Центральной Азии. Т. IV, ч. I. Языки. Фольклор. Литература: Материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2002. С. 135—141.

Цвейг, 1980: *Цвейг С.* Подвиг Магеллана. М., 1980.

Цинциус, 1947: *Цинциус В. И.* Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947.

Цинциус, 1949: *Цинциус В. И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.

Ципоруха, 2004: *Ципоруха М.* Покорение Сибири. От Ермака до Беринга. М., 2004.

Цыдендамбаев, 1972: *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.

Чарпыков, 2002: *Чарпыков Б.* «Топонимика — язык земли»... О географических названиях Иркутской области // Илин. 2002. № 1. С. 12—21. [Электронный ресурс]. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2002-1o.htm>

Чернораева, 2000: *Чернораева Т. Н.* Когнитивный и психолингвистический аспекты изучения региональной топонимии (на материале топонимии Приамурья) // Проблемы славянской культуры и цивилизации. М., 2000. С. 206—209.

Чернораева, 2002: *Чернораева Т. Н.* Топонимия и географическая номенклатура Приамурья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2002.

Чеснов, 1997: *Чеснов Я. В.* Лекции по исторической этнологии. М., 1997. С. 105—110.

Чехов, 1978: *Чехов А. П.* Остров Сахалин // Чехов А. П. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 14—15. М., 1978.

Чикова, 1978: *Чикова Т. В.* О некоторых проблемах топонимии Сахалина и Курил // Вопросы исследования лексики и фразеологии сибирских говоров. Красноярск, 1978. С. 77—82.

Чикова, 1979: *Чикова Т. В.* К вопросу об изучении основ субстратной топонимии Сахалинской области // Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, 1979. С. 69—79.

Чимитдоржиева, 2003: *Чимитдоржиева Г. Н.* Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (На примере лексики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2003.

Шабалин, 1994: *Шабалин В. М.* Тайны имен земли Кузнецкой. Краткий топонимический словарь Кемеровской области. Кемерово, 1994.

Шавкунов, 1968: *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. М., 1968.

Шавкунов, 1990: *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчженей-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.

Шавкунов, 1992: *Шавкунов Э. В.* Бохайские топонимы и гидронимы Приморья и их идентификации с современными географическими названиями // Вторая Приморская краевая науч.-практич. конф. «Исторические названия — памятники культуры». 26—27 мая 1992 г. Владивосток, 1992. С. 74—77.

Шарина, Бурькин, 2001: *Шарина С. И., Бурькин А. А.* Фольклор и действительность сегодняшнего дня: традиционные мифологические рассказы народов Сибири и современная мифологема реликтового динозавра // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. К 90-летию со дня рождения проф. М. И. Шахновича. СПб., 2001. С. 122—125.

Шаскольский, 1968: *Шаскольский И. П.* Историческая география. Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 1. М., 1968. С. 95—118.

Шведов, Махинов, 2011: *Шведов В. Г., Махинов А. Н.* Российское землепроходческое движение в Приамурье (XVII век). Историко-географическая ретроспектива. М., 2011.

Шейкин, 2002: *Шейкин Ю. И.* История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М., 2002.

Шенталинский, 1978: *Шенталинский В.* Заповедная осень на Врангеле // Вокруг света. 1978. № 9. С. 42—50.

- Шенталинский, 1988: *Шенталинский В.* Берег неслучайных встреч // Во-круг света. 1988. № 9. С. 40—45.
- Шерман, 1959: *Шерман И. Л.* Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959.
- Шишонко, 1881: *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пермь, 1881.
- Шмакин, 1998: *Шмакин В. Б.* Историко-географические обстоятельства плавания Семена Дежнева // Устюжане в Сибири, на Дальнем Востоке и в Русской Америке. XVII—первая пол. XIX в. Великий Устюг, 1998.
- Шостакович, 1926: *Шостакович В. Б.* Историко-этнографическое значение названий рек Сибири // Известия ВСОРГО. 1926. Вып. 2: Очерки по земледелию и экономике Восточной Сибири. С. 115—130.
- Шулунова, 1995: *Шулунова Л. В.* Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ, 1995.
- Шулунова, 1995а: *Шулунова Л. В.* Бурятская ономастика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1995.
- Шулунова, 1999: *Шулунова Л. В.* Ономастика. Улан-Удэ, 1999.
- Элерт, 1990: *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.
- Энциклопедический словарь... 1968: Энциклопедический словарь географических терминов. М., 1968.
- Этнографические материалы... 1978: Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795. Магадан, 1978.
- Эрс, 1997: *Эрс Ж.* Марко Поло. Ростов, 1997.
- Этническая ономастика, 1984: Этническая ономастика. М., 1984.
- Этнонимы, 1970: Этнонимы. М., 1970.
- Юкагиры, 1975: Юкагиры. Новосибирск, 1975.
- Юнаковская, 2013: *Юнаковская А. А.* Ugristarum в Среднем Прииртыше // Вестник Удмуртского ун-та. 2013. Серия 5. «История и филология». Вып. 2. С. 23—30.
- Юргин, 1974: *Юргин К. И.* Эвенкийские гидронимы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1974.
- Юркенас, 1979: *Юркенас Ю. К.* Онимизация апеллятивов и развитие индоевропейских топонимических систем: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1979.
- Языки и письменность... 1934: Языки и письменность народов Севера. Вып. III. Л., 1934.
- Языки и письменность... 1937: Языки и письменность народов Севера. Вып. I. Л., 1937.
- Якименко, 2001: *Якименко Р. В.* Организация исследовательской деятельности одиннадцатиклассников при изучении книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» // Филологический журнал. Вып. X. Южно-Сахалинск, 2001. С. 93—102.
- Якутия... 2002: Якутия. Хроника. Факты. События. 1632—1917. Якутск, 2002.
- Ямал, 2004: Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 1—3. Салехард, Тюмень, 2004. (Имеется электронное издание)
- Янин, 1967: *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1967.

Яхонтов, 1992: *Яхонтов С. Е.* Слово *хакас* в исторической литературе // Этнографическое обозрение. 1992. № 2. С. 61—63.

Aus Sibirien, 2004: Aus Sibirien — 2004. Тюмень, 2004.

Burykin, 1999: *Burykin A.* Morphological Aspects of the language of the Jurchen Script // Writing in the Altaic World (Studia Orientalia, 87). Helsinki, 1999. P. 29—39.

Der Name in Sprache... 1973: Der Name in Sprache und Gesellschaft: Beiträge zur Theorie der Onomastik. Berlin, 1973.

Helimski, Janhunen, 1990: *Helimski E., Janhunen J.* Once more on the ethnonym «Tungus» // Specimina Sibirica III: Gedenkschrift für Irén N. Sebestyén. Pécs, 1990. P. 67—72.

Hoffmann Istvan, 1987: *Hoffmann Istvan.* The name as a historical source // Onomastica Uralica 7. 1987. P. 75—86.

Janhunen Juha, 1985: *Janhunen Juha.* The Tungus peoples and the conquest of Siberia // Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, Konferenser 12 (Altaistic studies. Papers presented at the 25th meeting of the Permanent International Altaistic Conference (Uppsala 1982). Stockholm, 1985. P. 73—77.

Janhunen Juha, 2012: *Janhunen Juha.* Etymological and Ethnohistorical aspects of *The Yenisei* // Studia Etymologica Cracoviensia. Vol. 17 2012. P. 67—87.

Jochelson, 1926: *Jochelson W.* The Yukagir. New York, 1926.

Krahe, 1949: *Krahe H.* Ortsnamen als Geschichtquelle. Heidelberg, 1949. 30 S.

Milewski, 1963: *Milewski T.* Imiona osobowe jako zwerciadlo kultury // Studia linguistica in honorem T. Lehr-Splawinski. Warszawa, 1963. S. 39—48.

Naumann, 1984: *Naumann H.* Sociolinguistische Probleme der Onomastik // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 37. 1984. N 1/2. S. 219—256.

Pokore Timoteus, 1974—1975: *Pokore Timoteus.* Etimologie slova Sibir s hľadiska orientalistiky // Sbornik praci Filosofickej fakulty Brnenske University. Roc. 23/24. Rada jazykovedna. 1974—1975. S. 243—249.

Radloff, 1861: *Radloff L.* Ueber die Sprache der Tchuktchen und ihr Verhaeltniss zum Korjakischen. SPb., 1861.

Salmon Lucy, 1926—1927: *Salmon Lucy M.* Place names and personal names as records of history // American Speech. 1926—1927. N 5. P. 228—232.

Shirokogoroff, 1944: *Shirokogoroff S. M.* A Tungus Dictionary. Tokyo, 1944.

Šmilauer, 1963: *Šmilauer W.* Uvod do toponomastiky. Praha, 1963.

Theorie der Onomastik, 1973: Theorie der Onomastik. Berlin, 1973.

Toma, 1982: *Toma B.* K metodologii toponomastiky // Studia Bohemica. Praha, 1982. T. 2. S. 131—137.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретические и методологические проблемы изучения имен собственных в исторических и этнографических исследованиях	17
1.1. Специфика письменных источников с иноязычным и многоязычным фоном	17
1.2. Историческая ономастика в контексте вспомогательных исторических дисциплин	25
1.3. Онимы и псевдоонимы или квазионимы в документальных исторических источниках: проблемы интерпретации ономастического материала в историко-этнографических исследованиях и основные причины и следствия неточностей в интерпретации имен собственных	29
1.4. Методы идентификации языка ономастического пространства и конкретизации языковой принадлежности имен собственных	33
1.5. Состав ономастикона: топонимы, этнонимы, антропонимы	38
1.5.1. Методы работы с ономастическим материалом: топонимы	38
1.5.1.1. Критерии достоверности этимологических объяснений топонимов и методы топонимических исследований	42
1.5.1.2. Применение формантного анализа в топонимии, его достоинства и недостатки	47
1.5.1.3. Топонимикон исторических источников и современная топонимика	51
1.5.2. Методы работы с ономастическим материалом: этнонимы	56
1.5.3. Методы работы с ономастическим материалом: антропонимы	66
1.6. Лингвистические составляющие в историко-этнографических исследованиях и проблема лингвистического сопровождения междисциплинарных исследований	69
1.7. Общие особенности конкуренции гипотез, теорий, концепций и точек зрения в интердисциплинарных исследованиях	79
1.8. О практике общения русских землепроходцев с коренным населением Восточной Сибири в середине и второй половине XVII в.	88
1.9. Языковая ситуация в Западной Сибири в XVI—XVII вв. и практика общения русских служилых людей с коренными жителями: этнические, социальные, гендерные аспекты культурных контактов и двуязычия в исторической динамике	96

1.10. К интерпретации находок из лагеря русских полярных мореходов XVII в. на Восточном Таймыре (проблемы состава поморских торгово-промышленных экспедиций в Арктике и предполагаемый статус толмачей из коренного населения в составе экспедиций)	101
Глава 2. Гидронимы Западной и Средней Сибири	118
2.1. Введение	118
2.2. Обь.	121
2.3. Иртыш.	123
2.4. Енисей.	129
2.5. Ангара.	140
2.6. Байкал.	149
2.7. Золотая баба — идол или топоним?	156
Глава 3. Названия рек Средней Сибири в контексте археологических и этнографических данных	165
3.1. Этнический состав древнейшего населения Якутии и смежных территорий по данным археологии и этнографии	165
3.2. Названия крупнейших рек Якутии.	172
3.2.1. Лена	172
3.2.2. Алдан	179
3.2.3. Вилной	180
3.2.4. Яна	182
3.2.5. Индигирка, она же Собачья	185
3.2.6. Алазея	190
3.2.7. Колыма	193
3.3. Топонимы палеоазиатского происхождения на территории Якутии	196
Глава 4. Географические легенды XVI—XVII вв. и современная карта северо-востока Азии	207
4.1. «Аниан» или «Акиан»?	207
К проблеме происхождения названия пролива между Азией и Америкой и его изображений на географических картах XVI—XVIII вв.	207
4.2. Легендарная река Нелога	215
4.2.1. Кем был колымский князец шаман Пороча и почему на Нелогe серебро «висит из яру»	222
4.2.2. Рассказы о Серебряной горе в контексте геологических исследований Западной Чукотки в XX в.	227
4.3. Таинственная река Погыча	235
4.3.1. Кто такая «колымская ясырка именем Калиба» и о чем она рассказывала Михаилу Стадухину (первое упоминание об острове Айон)	246
4.4. Загадочная река Ковыча	249

Глава 5. Гидронимы крайнего Северо-Востока Азии и проблемы исторической географии Восточной Сибири	254
5.1. Анадырь	254
5.1.1. М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер и полемика вокруг малоизвестных подробностей открытия реки Анадырь, северного побережья Камчатского полуострова и островов Северного Ледовитого океана	258
5.2. Чендон и Гижига	265
Глава 6. Этнонимы Северо-Востока Азии, соотносительные с топонимами: проблемы историко-лингвистического анализа этимологически связанных топонимов и этнонимов	269
6.1. Камчатка и камчадалы	269
6.1.1. Еще раз к вопросу о методах ономастических исследований и способах изложения результатов топонимических разысканий, или три «упрямых факта» в окружении вымыслов, домыслов и умыслов	283
6.2. Топонимия и этнонимия Камчатки и Чукотки в книге Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки»	2837
6.3. Чаун и чуванцы	295
6.4. Шелагский мыс и шелаги	299
Глава 7. Топонимика, документы и проблемы истории географических открытий в аспекте источниковедческой систематики топонимов	306
7.1. Топонимия «Списка с чертежа Сибирской земли». Предполагаемый маршрут похода Михаила Стадухина вдоль Арктического побережья летом 1649 г. и свидетельство возможного открытия Стадухиным Камчатского полуострова в 1651 г.	306
7.2. «Святой Нос» и «Утаень». Свидетельства арктических мореходов о Северном Приохотье в «Сказании о великой реке Амуре»	320
7.3. Идентификация топонимов северной части Охотского побережья по маршруту Михаила Стадухина от Тайгоноса до Тауйска и проблема установления языковой принадлежности дотунгусского населения Северного Приохотья	331
7.4. Топонимика западного побережья Охотского моря от Тауйска до Охотска и от Охотска к югу.	343
7.5. Об источниках нескольких загадочных топонимов из района к северу от Амурского лимана в книге С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»	352
7.6. Амур и Амгунь	354
7.7. Сахалин	363
7.8. Плавал ли Михаил Стадухин вокруг Камчатки?	366
7.9. Плавания Михаила Стадухина вдоль побережья Охотского моря в 1651—1652 гг. и проблема даты основания Тауйского ясачного зимовья	371
7.10. «Роспись от Охоты реки...» 1651 г. как топонимический, историко-географический и историко-этнографический источник.....	375
7.11. Моржи в Северо-Западном Приохотье: данные комплексного анализа документальных источников	379

7.12. Острожек Кынговой на реке Хеверен, или рассказы о том, как Анадырский острог в описаниях эскимосов островов Диомиды превратился в неизвестное русское поселение на Аляске. . . .	384
Глава 8. Происхождение и история этнонимов Восточной Сибири в свете исторических, этнографических и лингвистических данных . . .	390
8.1. Эвены и эвенки	390
8.2. Тунгусы	396
8.3.1. Названия эвенских и эвенкийских родов	401
8.4. Заметки об этнониме «чжурчжэни» и наименовании «чжурчжэньский язык»	413
8.5. Юкагиры и якуты	420
8.6. Анаулы, чуванцы, ходынцы. Данные этнонимии к этнической истории восточных юкагиров.	426
8.7. Чукчи	429
8.8. Коряки	432
8.9. Земля Китиген и ее обитатели. Чукотско-эскимосские этнические контакты и ранняя история острова Врангеля	438
8.10. Этноархеология острова Врангеля: вопросы историографии.....	449
8.11. Бородатые люди и лесистые острова в Восточной Арктике, или сюжет для обсуждения того, как на основе языковых фактов, косвенно отраженных в источниках, рождаются исторические легенды	454
8.12. Из истории этнонима <i>эскимосы</i>	456
Заключение	460
О характере исторической информации, сообщаемой ономастикой документальных источников.	460
Этнографические факторы формирования географических представлений о северо-востоке Азии в середине и второй половине XVII в.	464
Роль данных топонимики и этнонимии Восточной Сибири в историко-этнографических исследованиях	470
Указатель географических названий.	475
Указатель названий народов и названий языков	485
Библиография	489

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БУРЫКИН

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

По материалам русских документов об открытии и освоении
Сибири и Дальнего Востока России XVII—XIX вв.

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Литературный редактор — *Т. Г. Сеницкая*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Сеницкая*

Подписано в печать 05.11.2013. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 36 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3866

PRINTED IN RUSSIA

Первая академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers»

founded in 1992

in 2003 was included into

«The Golden Book of Saint-Petersburg Enterprises»

Address: POBox 111, St. Petersburg, Russia, 198152

E-mail: pvcentre@mail.ru

Web-site: www.pvost.org

The Publishing House specializes mainly on publications of the *scientific* and *popular science* literature on the Oriental studies (in close collaboration with the Institute of Oriental Manuscripts RAS, Oriental faculty of the St. Petersburg State University and Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS), as well as publications of St. Petersburg scholars-humanitarians in the field of the traditional culture and translations of important cultural monuments of the East.

Awards of the Publishing House: in 1996 it received a special diploma of the Saint-Petersburg Book Saloon for publication of the first Russian translation of the Quran (by General D. N. Boguslavsky).

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» was twice the UNESCO prize-winner for the best publication of the great value for the dialogue between cultures (in 2002 and 2004).

In 2002 the book by Ye. A. Rezvan «Quran and Its World» was announced the best book at the traditional competition of the National Association of book-publishers of Russia. Later the book was awarded the national prize of the Islamic Republic of Iran as «The Book of the Year in 2003».

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» is a prize-winner of «The Book of the Year – 2005» in the field of «Humanities» and the first laureate in the competition «Art of Book» organized by the Union of Independent States (for the book by Ye. A. Rezvan «Quran of ‘Uthman»).

The National Association of book-publishers regularly awards the Publishing House with the diplomas for original book projects at the annual competitions «The Best Book of the Year». The books of the Publishing House has been awarded several times with the diplomas of the St. Petersburg State University for the best University books of the year.

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Образовано в 1992 году
В 2003 году внесено
в «Золотую книгу предприятий Санкт-Петербурга»
Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111
E-mail: pvcentre@mail.ru
Web-site: <http://www.pvost.org>

Специализация издательства: прежде всего — *научная и научно-популярная литература по востоковедению* (в тесном сотрудничестве с Институтом восточных рукописей РАН, Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, а также Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН), затем — издание трудов петербургских ученых-гуманитариев, преимущественно *в области традиционной культуры*; издание *переводов* важнейших культурных памятников стран Востока.

Награды издательства: в 1996 году за издание первого русского перевода Корана (в переводе генерала Д. Н. Богуславского) «Петербургское Востоковедение» получило специальный диплом Петербургского книжного салона.

Издательство — дважды лауреат дипломов ЮНЕСКО за лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур (2002, 2004).

В 2002 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России была признана книга Е. А. Резвана «Коран и его мир», которая впоследствии стала лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за 2003 год.

Издательство — лауреат конкурса «Книга года-2005» в номинации «Humanitus», а также первый лауреат конкурса «Искусство книги», проводимого Содружеством независимых государств (дипломы за книгу Е. А. Резвана «Коран Усмана»).

По итогам конкурса «Книга года-2007» в номинации «Осенняя хризантема» в шорт-лист лучших изданий о Китае вошла книга «Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова».

В 2008 году издательство снова стало лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за издание первого дафтара поэмы «Маснави» великого персидского поэта Джалал ад-дина Руми.

Национальная Ассоциация книгоиздателей регулярно отмечает лауреатскими дипломами оригинальные книжные проекты издательства в ежегодном конкурсе «Лучшие книги года». Книги издательства неоднократно награждались дипломами Санкт-Петербургского государственного университета как лучшие университетские книги года.